

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени В. И. ВЕРНАДСКОГО»

На правах рукописи

ПАШКОВСКИЙ ПЁТР ИГОРЕВИЧ

**ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ДУМЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Специальность 5.5.4 – Международные отношения

Диссертация на соискание учёной степени
доктора политических наук

Научный консультант:
доктор политических наук, профессор
Юрченко Сергей Васильевич

Симферополь – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ	33
1.1. Внешнеполитический механизм: сущность, элементы, классификация.....	33
1.2. Инструменты и технологии внешнеполитической деятельности парламентских институтов государственной власти.....	44
1.3. Методологические основания и эмпирическая база изучения роли Государственной Думы в формировании и реализации внешней политики.....	59
ГЛАВА 2. ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ РОССИИ КАК ПОЛИТИКО-КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ	97
2.1. Особенности российской внешнеполитической традиции в современном политологическом дискурсе.....	97
2.2. Константы позиционирования России в международных отношениях и императивы внешнеполитической деятельности представительных институтов.....	110
2.3. Модели и механизмы участия отечественных представительных органов во внешней политике.....	124
ГЛАВА 3. РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ МЕХАНИЗМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	155
3.1. Трансформация роли представительных институтов в процессе эволюции внешнеполитического механизма России.....	155

3.2. Нормативно-правовые основы внешнеполитической деятельности Государственной Думы	180
3.3. Внешнеполитическое измерение динамики персонального состава Государственной Думы I–VII созывов: ресурсы и соотношение сил.....	193
ГЛАВА 4. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ I–VII СОЗЫВОВ.....	223
4.1. Международно-политическое измерение инициатив и решений Государственной Думы I–III созывов.....	223
4.2. Пересмотр внешнеполитических подходов России в деятельности Государственной Думы IV–VII созывов	253
4.3. Основные тенденции развития парламентской дипломатии как формы внешнеполитической деятельности Государственной Думы	291
ГЛАВА 5. ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ПОЛНОМОЧИЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ.....	310
5.1. Внешнеполитические аспекты позиционирования устойчивых парламентских групп в Государственной Думе I–III созывов.....	310
5.2. Внешнеполитическое измерение оформления устойчивых парламентских групп в Государственной Думе IV–VII созывов.....	326
5.3. Основные проблемы в реализации внешнеполитических полномочий Государственной Думы и возможности их решения.....	339
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	368
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	388
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	488
Приложение 1. Количество и тематика голосований в Государственной Думе I–VII созывов по вопросам внешней политики и международных отношений.....	488
Приложение 2. Результаты наиболее показательных голосований в Государственной Думе I–VII созывов по вопросам внешней политики и международных отношений.....	496

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Необходимость повышения эффективности внешней политики России в свете современных вызовов и угроз обуславливает значимость изучения внешнеполитической деятельности отечественных представительных институтов (в частности, Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации как нижней палаты парламента), позволяющего определить роль влиятельных, в том числе неформальных, социальных групп в процессе функционирования государственного внешнеполитического механизма, выделить и охарактеризовать внутренние факторы принятия и реализации внешнеполитических решений. При этом представительная сущность парламентских институтов в контексте внешнеполитического процесса обуславливается определёнными обстоятельствами. Так, являясь представительными и законодательными органами государственной власти, парламенты относятся к конституционным (государственным) элементам внешнеполитического механизма. Однако, в силу представительства в них интересов разных социальных групп, влияние парламентских институтов на внешнюю политику не ограничивается реализацией официальных полномочий, зачастую располагая латентными и неформальными возможностями, на практике являющимися не менее функциональными.

Внешнеполитическая деятельность высших представительных органов подвергается воздействию внутренних и внешних факторов: специфики системы международных отношений¹ и позиционирования государства в рамках современной мир-системы (капиталистической мир-экономики)². Особенности функционирования представительных институтов, как элементов системы

¹ В данном случае, следуя положениям парадигмы неореализма, понятия «система международных отношений» («международная система») и «мировой порядок» («миропорядок», «международный порядок») используются как синонимы, характеризующие сменяющие друг друга варианты (типы стабильности на основе базовых норм) устройства международных отношений [624, с. 78–79].

² Согласно мир-системной теории, современная мир-система (капиталистическая мир-экономика) зарождается на основе европейской мир-экономики в так называемом «долгом XVI в.», впоследствии распространяясь на весь мир, и состоит из ядра (центра), полупериферии и периферии [239; 240]. Подробнее данная проблема рассматривается в параграфе 1.3 диссертации.

государственного внешнеполитического механизма, связаны не только с политической культурой и традиционными («родовыми») чертами парламентаризма в конкретной стране, но и со спецификой социально-экономического уклада и международно-политического положения государства, которые обуславливаются его позиционированием в современной мир-системе.

Обозначенные факторы детерминируют социально-экономические характеристики государства, определяющие ряд особенностей внешнеполитического процесса, и выступают ограничителями государственной политики на уровне современной мир-системы вследствие того, что существующие в разные исторические периоды международные системы всегда находились в зависимости от капиталистической мир-экономики и были ограничены её закономерностями. В связи с этим представительные институты, функционируя под влиянием условий позиционирования государства в современной мир-системе, оказывают производное от этого воздействие на процесс формирования и реализации его внешней политики, исходя из имеющихся возможностей и ограничений.

Приведённые аргументы обосновывают необходимость исследования особенностей позиционирования России в системах международных отношений с позиций мир-системного анализа, что позволяет выявить константы, последовательно проявляющиеся в разные эпохи и являющиеся составляющими отечественной внешнеполитической традиции, которые обуславливали функционирование внешнеполитического механизма в конкретный период. В широком смысле, изучение исторических особенностей внешней политики государств позволяет вывести закономерности, периодически повторяющиеся и обуславливающие специфику международных отношений в определённых регионах. Это помогает с большей степенью объективности оценивать современное состояние международных процессов и прогнозировать их будущее развитие. Так, внешнеполитические устремления России всегда оказывали значительное влияние на политический процесс в рамках евразийского пространства, во многом определяя его конфигурацию и характер взаимодействия

социальных организаций, что актуализирует необходимость их комплексного изучения.

Проявления особенностей внешнеполитической традиции России и константы её позиционирования в системах международных отношений во многом обуславливали специфику функционирования государственного внешнеполитического механизма, элементами которого являлись представительные институты. Изучение эволюции моделей и механизмов их участия во внешней политике помогает выявить традиционные характеристики, которые, учитывая имевшиеся исключения, преимущественно в похожем виде или с аналогичными чертами периодически воспроизводились на более высоком уровне развития.

Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации характеризуется внешнеполитической деятельностью и определённым влиянием на внешнеполитический процесс, находясь в зависимости от специфики функционирования государственного внешнеполитического механизма, одним из элементов которого она является. В этом отношении актуализируется проблема выявления и сравнения форм и средств участия парламентских институтов во внешней политике, которые, обуславливаясь спецификой их представительной природы, могут иметь открытые и латентные проявления, оказывая большее или меньшее воздействие на внешнеполитический процесс.

Актуальность изучения роли представительных органов во внешней политике Российской Федерации увеличивается вследствие возникновения следующих вызовов и угроз национальной безопасности нашего государства: общая нестабильность в обстоятельствах продолжающейся трансформации международной системы; глобальный финансово-экономический кризис и его последствия; распространение международного терроризма; развитие средств глобального разрушения; обострение этнических конфликтов; противоречия в энергетической плоскости; возникновение киберугроз и новых вызовов информационной безопасности; последствия глобальных климатических изменений и т. д. К обозначенным позициям в последние годы прибавились

проблемы, обусловленные увеличением международной напряженности, обострением конфликта России с Западом, последствиями антироссийских технологий геополитического сдерживания, появлением очагов нестабильности в непосредственной близости от границ Российской Федерации. Это придаёт особое значение исследованиям, способствующим выявлению вариантов адекватных ответов на вызовы и угрозы национальной безопасности, а также возможностей развития нашего государства, которые во многом связаны с повышением функциональности и эффективности государственного внешнеполитического механизма, одним из элементов которого является Государственная Дума. Кроме того, учитывая отмеченную ситуацию относительно значимости изучения роли парламентских институтов, несомненную актуальность имеет обозначение проблем и противоречий в процессе осуществления их полномочий во внешнеполитической сфере, а также представление рекомендаций по устранению имеющихся недостатков.

Степень разработанности проблемы исследования. Изучение внешнеполитического измерения деятельности представительных органов на примере Государственной Думы обуславливает необходимость разделения имеющихся в этом отношении научных разработок на шесть взаимосвязанных направлений, внутри которых могут выделяться тематические группы. При этом работы отечественных и зарубежных авторов, рассмотренные в их рамках, не отличались единообразием в силу различий методологических подходов, степени ангажированности, профессиональных особенностей и исследовательских задач.

В рамках первого направления находятся исследования тенденций мирового развития, проблем международной безопасности, геополитической конкуренции в контексте интересов и позиций России. Разные аспекты указанного направления изучались такими отечественными авторами, как Т. А. Алексеева [179], А. Г. Арбатов [186], С. Н. Бабурин [190], А. В. Баранов [200], Н. А. Баранов [207; 208], В. Г. Барановский [209], А. Д. Богатуров [225], К. С. Гаджиев [270], М. Г. Делягин [295], Л. Г. Ивашов [327], М. В. Ильин [329], С. А. Караганов [354; 355], О. А. Колобов [382], В. Н. Коньшев [627], М. М. Лебедева [179; 428],

А. В. Лукин [440], А. В. Манойло [359; 471], А. С. Панарин [515], В. И. Пантин [517; 518], Е. М. Примаков [582; 583; 584], Н. А. Симония [615], А. В. Торкунов [657], А. И. Уткин [668–672], О. О. Хохлышева [382; 692], М. А. Хрусталёв [227; 694], П. А. Цыганков [696], М. А. Шепелев [642; 713; 714], С. В. Юрченко [739–742] и др. Среди зарубежных исследователей, рассматривавших особенности трансформации современной мир-системы, систем международных отношений и их влияние на внешнюю политику государств, стоит отметить работы Дж. Арриги [188], З. Бжезинского [221; 222], И. Валлерстайна [239; 240; 241; 905], П. Гордона [789], Т. Грэма [291; 790], Д. Дрезнера [298], Ф. Закарии [317], Дж. Икенбери [796], К. Кайзера [346], Р. Каплана [352; 799; 800], Ч. Капхена [352], Э. Качинса [812], П. Кеннеди [802], Р. Кеохейна [803], Г. Киссинджера [369; 370], С. Б. Коэна [771], У. Мида [468; 832], Дж. Миршаймера [833], Р. Мэнсбеха [826], Дж. Ная [803; 848; 849; 850], Дж. Розенау [870; 872], Г. Роуза [597], С. Тэлботта [898], Дж. Фридмана [680; 681], Т. Фридмана [682], Ф. Фукуямы [683], Р. Хааса [685; 792], С. Хантингтона [686; 794; 795], Э. Эшфорда [749] и др.

Ко второму направлению можно отнести труды, в которых изучались теоретико-методологические аспекты внешнеполитических процессов и особенности функционирования внешнеполитических механизмов государств. В этом отношении отмечаются исследования таких отечественных учёных: Т. А. Алексеева [178], А. В. Антонов [184], Э. Я. Баталов [211], А. Д. Богатуров [226; 227], В. Е. Болдырев [230], О. Н. Быков [237], В. И. Денисов [296], Е. В. Журбей [311; 312; 313], Л. А. Закирова [318], И. А. Истомина [335], А. А. Казанцев [178; 344], Е. В. Колдунова [637], А. И. Кондратов [385; 386], А. А. Косоруков [403], М. М. Лебедева [427], С. И. Лунев [442], В. И. Попов [579], Д. В. Стрельцов [636; 637], М. А. Хрусталев [694] и др. Зарубежные специалисты Г. Аллисон [747], П. Камат [829], Г. Киссинджер [371], К. Матур [829], Г. Моргентау [478; 839], Р. Патнэм [861], Ч. Раджа Мохан [862], Т. Риссе-Каппен [866], Дж. Розенау [871], Г. Роуз [869], А. Уолферс [913], У. Уолфорт [912], М. Херманн [793], Ч. Херманн [793], О. Холсти [688], Р. Швеллер [882] и др. в

своих работах затрагивают проблемы теории и методологии изучения внешнеполитического процесса и внешнеполитического механизма государств.

Вопросы, связанные с генезисом, сущностью, основными тенденциями, походами и проблемами внешней политики России, рассматриваются в рамках третьего направления. Истоки и современное состояние внешней политики России сквозь призму её социально-экономических, культурно-психологических и внутривнутриполитических характеристик, изучали такие отечественные авторы, как А. В. Баранов [197], О. А. Габриелян [267], К. С. Гаджиев [269], Е. Т. Гайдар [271], Е. А. Глущенко [284], А. Г. Дугин [301], Б. Ю. Кагарлицкий [342], И. И. Кальной [348], С. И. Каспэ [360], Н. В. Киселева [366], С. Н. Киселев [367], В. Ю. Крашенинникова [406], В. В. Лапкин [425], А. В. Мальгин [452], В. М. Межуев [466], В. А. Никонов [492], Э. А. Паин [511], В. И. Пантин [425; 517], А. П. Паршев [523], Ю. С. Пивоваров [566], Р. Г. Пихоя [568; 569], А. М. Салмин [602], Т. А. Сенюшкина [610], Е. В. Скребец [616; 617], Д. В. Тренин [659; 660], А. И. Уткин [668; 670; 672], А. С. Филатов [676], В. Л. Цымбурский [697; 698], И. Г. Яковенко [744] и др. Зарубежные исследователи Э. Бриггс [234], Ф. Бродель [235], И. Валлерстайн [241], Р. Гартхофф [785], Р. Дональдсон [777], Р. Каплан [352], П. Кеннеди [802], Г. Киссинджер [369; 370], П. Клэвин [234], С. Коткин [810; 811], А. Коэн [770], С. Ф. Коэн [404; 772], Р. Крэйг Нэйшн [773], А. Леклерк [429], Д. Ливен [433; 434], У. Мосс [843], Г. Мюнклер [486], Дж. Мэтлок [828], Р. Пайпс [512; 513], А. Празаускас [581], Х. Смит [885], Н. Соков [887], А. Тойнби [653], Д. Тризман [661], Р. Уорт [664], Дж. Хоскинг [690; 691], Н. Фергюсон [675], Дж. Фридман [680], С. Хантингтон [686], Д. Шляпентох [883] и др. рассматривали особенности российской внешнеполитической традиции.

Различные аспекты внешнеполитического процесса и внешнеполитического механизма России изучались отечественными учёными: В. В. Аверковым [174], Д. Г. Балуевым [195], А. В. Борковым [233], А. Т. Ковальчук [374], С. В. Картуновым [395; 397], К. И. Косачевым [398], Н. А. Косолаповым [401], С. А. Манько [456], О. В. Марусиной [459], М. А. Неймарком [490],

Е. Я. Павловым [506], Д. С. Покровским [573], А. М. Салминым [601; 602], А. А. Сергуниным [613], А. В. Торкуновым [657], Д. В. Трениным [660], Ю. Е. Федоровым [673] и др. Среди зарубежных авторов, исследовавших характеристики внешнеполитического процесса и внешнеполитического механизма России, стоит отметить С. Бланка [755; 756; 876], Р. Дональдсона [777], Р. Канета [798], А. Коэна [770], Р. Легволда [819; 820], Дж. Ноги [846], А. Осиповича [852], К. Робертса [867] и др.

Проблемы внешнеполитического курса России в контексте конкуренции глобальных и региональных акторов на постсоветском пространстве рассматривались в трудах российских исследователей: А. Г. Арбатова [186], С. Н. Бабурина [191], А. Б. Баранова [196; 198; 199], И. В. Бахлова [214; 215], О. В. Бахловой [216; 217], С. Ю. Глазьева [280; 281], Ю. Ф. Година [285], И. С. Иванова [325], А. А. Ирхина [330–333], А. В. Ишина [340; 341], М. А. Колерова [379], А. В. Картунова [809], П. В. Кузьмина [415], С. М. Маркедонова [457], Н. А. Нарочницкой [488], А. Р. Никифорова [491], В. А. Никонова [493], Е. И. Пивовара [565], А. И. Суздальцева [639; 640], А. В. Торкунова [657], Д. В. Тренина [659; 660; 903], С. А. Усова [666], Е. Д. Фурман [684], А. А. Чемшита [700; 701], Л. Ф. Шевцовой [710], Ю. В. Шишкова [724], А. Д. Шутова [731] и др. Отечественные авторы Н. А. Баранов [206; 207; 208], В. И. Батюк [213], Т. В. Бордачев [231], А. А. Вилков [251], В. А. Гуторов [293], А. С. Давыдов [294], М. Г. Делягин [295], И. Д. Звягельская [321], Л. Г. Ивашов [327], С. А. Караганов [354; 355], А. А. Кокошин [378], С. В. Картунов [396], В. Л. Ларин [426], С. Г. Лузянин [437], А. В. Лукин [439], С. С. Морозов [480], М. А. Неймарк [490], Е. М. Примаков [582; 583; 584], Э. Г. Соловьев [631], М. Л. Титаренко [650], Н. Ю. Ульченко [663], В. Л. Шейнис [712], А. А. Ширинянц [293], П. В. Шлыков [663], А. Ю. Шутов [293] и др. затрагивали вопросы национальных интересов и стратегических подходов России, а также их реализации на разных внешнеполитических направлениях.

Различные аспекты внешней политики Российской Федерации в ракурсе международной конкуренции изучались в работах ряда зарубежных экспертов: Р. Аллисона [747], Р. Асмуса [751; 752], Дж. Балта [762], С. Бланка [754; 755; 756], И. Бреммера [759], Я. Бугайски [761], Э. Бэйлис [759], Р. Вейца [907], Э. Вишник [911], М. Ф. Голдмана [787], Л. Ди Пуппо [776], Я. Домански [763], Р. Дональдсона [777], Ч. Кинга [805; 806], Э. Лукаса [438], Р. Лэгволда [819; 820], М. Макфола [286; 773; 830], Р. Менона [835], А. Молиса [837], Э. Морса [840], А. Мотыля [801], А. Мошеса [483; 841], У. Одома [851], В. Папавы [853], В. Посельски [860], А. Рара [591], П. Ричардсона [865], Д. Саймса [599; 884], Р. Саквы [600; 878], Д. Сандерс [879], К. Смита [886], Х. Смит [885], В. Сокура [888], Ф. Старра [889], Ф. Стивена Лэрреби [816; 817], Э. Сулейманова [895], Р. Сюни [896], А. Тадевосяна [897], Ф. Толипова [654], Д. Тризмана [661; 901; 902], Б. Цырди [699], Дж. Шерра [881], Ф. Шиммельфеннига [880], Р. Эбея [781], М. Эмерсона [783] и др.

Исследования особенностей формирования и функционирования политической системы государства и различных групп российского общества в контексте их влияния на отечественную внешнюю политику и участие в ней представительных органов относятся к четвёртому направлению. Так, отечественные авторы А. С. Автономов [175], И. В. Бахлов [214], О. В. Бахлова [215], А. Э. Бинецкий [223], О. В. Гаман-Голутвина [275–278], Л. Д. Гудков [292], Ю. И. Дроздов [299], П. А. Иванов [326], С. И. Илларионов [299], Ю. Г. Коргунюк [391], О. В. Крыштановская [414], А. П. Любимов [444], О. В. Малахова [448], Л. Е. Медведева [462], Р. А. Медведев [463], С. Д. Оболенцева [497], А. В. Павроз [508; 509; 510], А. С. Панарин [514], С. П. Перегудов [559; 560], Ю. С. Пивоваров [566], Р. Г. Пихоя [568; 569], Ю. А. Поляков [576], А. В. Понеделков [634], Е. С. Семенова [607], Э. Г. Соловьев [631], А. М. Старостин [634], С. С. Сулакшин [641], П. А. Толстых [655], Р. Ф. Туровский [904], Е. Б. Шестопал [626; 718], А. Ю. Шутов [733; 734] и др. рассматривали специфику состава, мировоззрения, мышления российских элит и позиции групп интересов, оказывавших прямое или косвенное воздействие на работу обеих палат парламента (в том числе решения,

связанные с международно-политической сферой). Внешнеполитические приоритеты разных социальных групп РФ, влиявших на избирательный процесс в государстве, формирование органов представительной и законодательной власти и международно-политические установки их состава, исследовались такими российскими специалистами, как А. В. Баранов [196], А. А. Вилков [253], А. А. Галкин [273], Е. Г. Городецкая [704], М. К. Горшков [287], С. П. Перегудов [561], В. В. Петухов [287], Т. А. Сеньюшкина [610], В. А. Тишков [652], Е. С. Филистович [677], Т. В. Хриенко [693], В. А. Чигрин [704], Е. Б. Шестопап [588; 719] и др. Зарубежные исследователи А. Аслунд [750], Н. Боллейер [757], Д. Бранкати [758], Г. Гилл [786], М. И. Голдман [788], Э. Джек [797], С. Ф. Коэн [772], А. Ливен [432], М. Липман [821], Дж. Ллойд [823], М. Маколи [831], Р. Д. Марквик [786], А. А. Мелешевич [834], Р. Менон [835], Э. Модсли [475], Р. Мозер [842], С. Нанн [847], Т. Николс [844], Р. Пайпс [512], Н. Петро [857], А. Рар [591], Дж. Рейтер [864], Т. Ремингтон [863; 864], К. Росс [873], Д. Саймс [599; 884], Р. Саква [600; 878], А. Серон [768], А. Сталберг [847], М. Тавиц [899], Д. Тризман [661; 901; 902], Д. Уайт [908], К. Уилсон [910], Э. Фридман [784], П. Чейсти [769], Н. Эберштадт [782] и др. изучали особенности политической системы и социально-экономического положения Российской Федерации, мировоззренческие установки её элит и других социальных групп.

В состав пятого направления были включены исследования вопросов генезиса и эволюции отечественного парламентаризма, в том числе становления и развития Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Указанные аспекты с разных стороны рассматриваются такими отечественными специалистами, как С. А. Авакьян [172], Ф. Т. Алескеров [180], И. И. Алипулатова [181], А. А. Амиантов [183], Е. А. Баранова [201; 202], А. М. Беляев [220], Н. Ю. Благовещенский [180], Е. Д. Богатырев [228], А. В. Бойко [229], А. В. Буянов [236], Е. А. Вандышева [242], Н. А. Васецкий [244], А. И. Вершинин [248], Р. М. Веснин [249], В. В. Викторов [250], А. А. Вилков [252; 253], Р. Р. Вильданов [254], И. В. Воробьев [264], У. Б. Гайсин [272], О. В. Гаман-Голутвина [274–278], С. Р. Гостева [289], И. В. Гранкин [290], В. И. Ерёменко

[306], Ш. В. Жамалдаев [308], В. Т. Завьялов [315], Г. В. Зибарев [322], З. М. Зотова [323], В. Б. Исаков [334], И. Р. Калимуллина [347], А. А. Керимов [363; 364], И. К. Кирьянов [365], В. Н. Колесников [380; 381], В. С. Комаровский [384], В. В. Крамской [405], В. В. Куликов [416], А. В. Кунов [417], В. Н. Курьянов [418], В. А. Кустов [419–422], А. В. Кынев [423], А. П. Любимов [445], Б. И. Макаренко [824], В. Д. Мазаев [446], О. Г. Малышева [450; 451], Р. Ф. Матвеев [460], Г. Н. Махачев [461], М. Ю. Мизулин [469], Т. Н. Митрохина [473], М. А. Мовсесян [474], И. В. Моисеенко [476], Ю. Н. Мостяев [481], С. П. Обухов [498; 499], Н. В. Онишко [502], К. М. Паронян [521], Л. С. Пастухова [524], Ю. С. Пивоваров [567], Я. А. Пляйс [572], А. В. Понеделков [577], А. Д. Попова [578], А. С. Репринцев [593], Р. М. Романов [594; 595], Г. А. Сатаров [180], Е. С. Семенова [607], Т. В. Семькина [609], Л. А. Сидоренко [614], В. С. Слобожникова [619], А. Ф. Смирнов [622], А. В. Соколова [180], Е. П. Соколова [628], А. И. Соловьев [629], А. М. Старостин [577], А. С. Стукальский [638], А. Ю. Сунгуров [242; 643], Н. А. Съедин [645], Д. Б. Тев [648; 649], Д. В. Тихомиров [651], И. С. Томилов [656], В. Е. Усанов [665], П. А. Федосов [674], С. С. Фоменко [679], О. В. Цветкова [695], А. Г. Чернышов [703], В. Б. Чурбанов [707], Н. И. Шестов [717], Е. Б. Шестопап [720], В. А. Шеховцов [721], А. Ю. Шутов [732; 733; 734], В. И. Якуба [180] и др. Зарубежные авторы Л. Белин [753], Дж. Глейзнер [283], М. Макфол [830], Л. Марч [827], Р. Мозер [842], Р. Орттунг [753], Т. Ремингтон [854; 863; 864], А. Таваходи [646], Д. Тризман [661; 901], С. Уайт [909], Дж. Хоскинг [690; 691], П. Чейсти [283] и др. внесли вклад в изучение истоков и особенностей становления российского парламентаризма.

Наименее исследованным является шестое направление, связанное с вопросами участия отечественных представительных и законодательных органов государственной власти во внешней политике. В этом отношении особенности парламентской дипломатии изучались российскими исследователями В. И. Балакиревой [191], М. В. Варлен [243], К. И. Косачевым [399], Ю. В. Косовым [402], В. Н. Лихачевым [435; 436], В. И. Поповым [579],

А. В. Торопыгиным [402] и др. Отечественные учёные А. В. Баев [192], В. С. Баев [193], И. В. Бахлов [215], О. В. Бахлова [215; 217], Р. М. Веснин [249], П. А. Иванов [326], Е. В. Кондрашова [388], В. А. Кустов [419–422], М. А. Лемуткина [430], А. И. Манжуков [455], В. И. Мельников [465], В. М. Мирошниченко [472], С. А. Моисеенко [477], Д. В. Новиков [494], С. Д. Оболенцева [497], А. Г. Овсепян [500], Е. Я. Павлов [506], Т. В. Перевезенцева [558], Д. С. Покровский [573], А. Ю. Сунгуров [242; 643] и др. рассматривали различные аспекты влияния российского парламента на функционирование государственного внешнеполитического механизма. Теоретическое измерение участия представительных органов во внешней политике изучалось такими зарубежными авторами, как Дж. Най [848; 849; 850], Д. Раск [874], С. Ставридис [890; 891], К. Томсон [900], П. Хаас [791] и др. В работах Дж. Глейзнера [283], Р. Пайпса [512; 513], Р. Саквы [600; 878], Д. Уайта [908], П. Чейсти [283; 769] и др. исследовались проблемы специфики влияния российских представительных и законодательных органов власти на государственную внешнюю политику.

Анализ научного дискурса показывает, что вопросы внешнеполитического процесса и внешнеполитического механизма России нуждаются в системных исследованиях. На фоне достаточно значительной изученности проявлений парламентской дипломатии малоисследованными остаются особенности различных аспектов влияния отечественных представительных органов на государственный внешнеполитический механизм и сущность внешнеполитического измерения парламентской деятельности в ретроспективе и на современном этапе.

Цель диссертационного исследования – определить роль и место Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в формировании и реализации внешней политики.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие **задачи**.

1. В рамках основных парадигм международно-политических исследований выявить проблемные теоретические аспекты внешнеполитического

измерения деятельности представительных органов и уточнить связанные с этим понятия.

2. Рассмотреть инструменты и технологии внешнеполитической деятельности парламентских институтов государственной власти.

3. Определить особенности российской внешнеполитической традиции в современном политологическом дискурсе.

4. Выделить константы позиционирования России в международных отношениях в ракурсе значения представительных институтов во внешней политике.

5. Изучить модели и механизмы участия отечественных представительных институтов во внешней политике в разные исторические периоды в контексте соотношения степени их воздействия на внешнеполитический процесс и позиционирования государства в рамках систем международных отношений и современной мир-системы.

6. Проанализировать особенности трансформации роли представительных институтов в процессе эволюции внешнеполитического механизма Российской Федерации.

7. Охарактеризовать внешнеполитическое измерение динамики персонального состава Государственной Думы I–VII созывов касательно имевшихся ресурсов и соотношения сил.

8. Рассмотреть особенности внешней политики России в ракурсе инициатив и решений Государственной Думы I–VII созывов.

9. Охарактеризовать результаты голосований в Государственной Думе I–VII созывов по международно-политической проблематике в плане оформления устойчивых групп.

10. Выделить основные проблемы в реализации внешнеполитических полномочий нижней палаты отечественного парламента, обосновав возможности их решения.

Объектом исследования является внешнеполитическая деятельность Федерального Собрания Российской Федерации.

Предметом исследования выступает деятельность Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по формированию и реализации внешней политики.

Хронологические рамки исследования связаны с политическими процессами 1994–2020 гг., где нижний хронологический рубеж обусловлен началом работы Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации I созыва, а верхний – современным периодом деятельности нижней палаты отечественного парламента. При этом в фундаментальной части исследования для характеристики исторических основ рассматриваемой проблемы в целях выявления особенностей участия во внешней политике ранних форм отечественных представительных органов государственной власти использовался ретроспективный анализ.

Основная научная гипотеза исследования. Между внешнеполитической деятельностью отечественных представительных органов власти и состоянием внутривполитической ситуации существует корреляция. При этом проявляется соотношение между степенью активности (субъектности) российских представительных институтов в их способности влиять на внешнюю политику, с одной стороны, и функциональностью действующей в конкретный период международной системы, а также особенностями позиционирования Российского государства в современной мир-системе – с другой. Специфика участия Государственной Думы во внешней политике Российской Федерации и её возможности оказывать воздействие на внешнеполитический процесс определяются сложившимися особенностями отечественного парламентаризма, внешнеполитической традиции, внешнеполитического механизма и влиянием импульсов, исходящих от макроэкономических и геополитических тенденций на уровне современной мир-системы и системы международных отношений в условиях их взаимовлияния и трансформаций. Являясь одним из элементов государственного внешнеполитического механизма, нижняя палата отечественного парламента располагает формальными и неформальными возможностями внешнеполитической деятельности. Наиболее действенными

способами влияния Государственной Думы на внешнюю политику представляются принятия решений посредством голосований депутатов по вопросам, относящимся к внешнеполитической сфере. В процессе внешнеполитической деятельности нижняя палата парламента сталкивается с проблемами, которые обусловлены как особенностями внешнеполитической традиции, внешнеполитического механизма и политической культуры России, так и современными внешне- и внутривполитическими факторами.

Теоретико-методологические основы исследования подразумевают ряд общенаучных и специальных подходов к решению сформулированной научной проблемы. Исследование роли Государственной Думы в формировании и реализации внешней политики осуществлялось на трёх уровнях: теоретико-концептуальном, официально-доктринальном и практико-политическом. Это помогло выявить соотношение концептуальных основ (внешнеполитических установок политических сил, представленных в нижней палате парламента), официальных документов (определяющих основные направления и подходы государственной внешней политики) и их реализации в форме голосований по внешнеполитическим вопросам и парламентской дипломатии, что позволяет определить долгосрочные тенденции внешнеполитического измерения парламентской деятельности и прогнозировать её эволюцию в будущем.

Междисциплинарный подход способствовал использованию знаний из других областей общественных наук, позволив расширить контекст и обоснованность выводов.

Применение мир-системного анализа (подхода) помогло определить положение России в рамках современной мир-системы в разные исторические периоды в контексте специфики её позиционирования в системах международных отношений, способствуя выявлению глобальных политико-экономических детерминант функционирования российского внешнеполитического механизма и внешнеполитической субъектности представительных институтов.

Основные положения парадигм классического политического реализма, неореализма и неоклассического реализма были использованы для исследования

особенностей участия Государственной Думы Российской Федерации во внешней политике.

Использование теоретико-методологических достижений парадигмы неореализма, подразумевающих обновление научной методологии, позволило рассмотреть международную политику как сложную систему.

Учитывая применение положений неореализма и неоклассического реализма, в исследовании были использованы системный и структурно-функциональный подходы.

При помощи системного подхода были раскрыты особенности позиционирования России в системе международных отношений, подсистемой которой выступает внешняя политика государства в целом и на отдельных направлениях. Кроме того, российский внешнеполитический механизм был рассмотрен в форме особой политической системы, состоящей из определённых элементов и связей между ними. Эти элементы не являются обособленными от других, а выступают частями целого, занимая конкретное положение, взаимодействуя между собой и формируя системные свойства. Одним из элементов внешнеполитического механизма является Государственная Дума как нижняя палата отечественного парламента.

Структурно-функциональный анализ (подход) способствовал дополнению системного подхода, выявив зависимости между разными сферами общественной жизни, государственными и негосударственными институтами в процессе формирования и реализации внешней политики.

В исследовании применялся геополитический подход, при помощи которого стало возможным изучение особенностей внешнеполитического курса России относительно пространственного взаимодействия социальных организмов.

Обозначенные теоретико-методологические положения и подходы обусловили применение следующих исследовательских методов.

Институциональный метод способствовал определению значения различных институтов – исполнительной власти, парламента, политических партий, общественных организаций и др. – в формировании и реализации

государственной внешней политики в контексте их взаимодействия и взаимовлияния. Применение исторического метода помогло: выявлению основных характеристик внешнеполитической традиции России и особенностей её позиционирования в международных системах, которые являлись императивами и детерминантами в процессе формирования и реализации российской внешней политики на разных этапах; определению особенностей и устойчивых характеристик отечественных представительных институтов и форм их участия во внешней политике, а также обозначению в этом отношении общих тенденций и выведению определённых закономерностей, характеризующихся периодическими проявлениями в практически неизменном или подобном виде. Использование деятельностного метода дало возможность определить общие и частные характеристики парламентариев в контексте их восприятия проблем внешней политики и международных отношений и влияния на процесс принятия решений, относящихся к этой сфере. Изучение данных социологических исследований способствовало выявлению особенностей персонального состава Государственной Думы, внешнеполитических предпочтений депутатов, а также восприятия парламентаризма в массовом сознании россиян. Специфика концептуальных основ и нормативно-доктринальной базы государственной внешней политики в процессе её эволюции и в соотношении с практическими шагами раскрыта посредством анализа документов. В целях выявления общего и особенного, повторений и изменений в формах, методах и средствах влияния представительных институтов на внешнюю политику был применён сравнительный метод. Определённые показатели, характеризующие практическое содержание и итоги влияния парламентариев на внешнеполитический процесс, были получены при помощи количественных методов. В этом отношении положения и выводы диссертанта базируются на обширной эмпирической базе, которая была самостоятельно проработана и представлена в приложениях к диссертационному исследованию. Общелогические методы – анализ, синтез, индукция, дедукция – способствовали логической последовательности проведения аналитической работы.

Эмпирическая база исследования. В соответствии с последовательностью решения задач, использованные источники подразделяются на следующие группы: документы, раскрывающие особенности генезиса и становления отечественного парламентаризма в контексте внешнеполитической деятельности России (своды основных законов (конституции), аналитические записки, доклады, манифесты, положения о выборах, указы и др.) [6; 71; 72; 75; 89; 90; 91; 100; 114; 115; 117; 135; 149; 150]; Конституция РФ [73; 74]; указы и распоряжения Президента РФ [124; 151–154]; основополагающие и доктринальные документы в области государственной внешней политики и национальной безопасности РФ [7; 8; 9; 45; 52; 53; 76–82; 96; 101; 102; 145–148]; законы, федеральные, федеральные конституционные законы и кодексы РФ [5; 55; 56; 155–166]; регламенты палат парламента РФ [126; 127]; материалы, размещённые в рамках «Системы анализа результатов голосований на заседаниях Государственной Думы» [141] и базы данных «Стенограммы заседаний Государственной Думы» [3]; документы, связанные с международно-политическим измерением парламентской деятельности [110; 134]; справочные и статистические материалы [1; 11; 14–19; 25–44; 58–65; 68; 69; 70; 83; 85; 92; 98; 99; 103–108; 116; 123; 125; 130; 136; 139; 167–171]; данные социологических исследований [128; 176; 220; 253; 279; 287; 498; 499; 578; 588; 648; 649; 693; 704; 716; 718; 719; 720]; материалы парламентских слушаний, круглых столов и форумов международно-политической направленности [2; 97; 109; 122; 129; 131]; заявления, выступления, дискуссии, интервью, мемуары и статьи общественных и политических деятелей [4; 10; 12; 13; 47; 48; 49; 51; 54; 57; 84; 86; 87; 88; 93; 94; 95; 118–121; 132; 133; 137; 138; 140; 144; 182; 297; 309; 324; 489; 702]; самостоятельные расчёты автора (см. Приложения); понятийно-терминологические издания [20–24; 46; 50; 111; 112; 113; 142; 143].

Научная новизна полученных результатов диссертационного исследования заключается в следующем:

1. Уточнена трактовка и содержание понятия «внешнеполитический механизм» (как системы, состоящей из конституционных и внеконституционных

элементов, которая обеспечивает формирование и реализацию внешней политики) в контексте международно-политического измерения деятельности представительных органов власти с учётом влияния внешней и внутренней среды.

2. Конкретизированы инструменты и технологии внешнеполитической деятельности парламентских институтов, что позволило выделить формальные и неформальные способы их участия во внешней политике, определив наиболее функциональные из них.

3. Выявлены особенности российской внешнеполитической традиции, что позволило определить постоянные международно-политические характеристики России и соотношение её внешних и внутренних политических циклов, а также основные внешние и внутренние факторы, обусловившие специфику функционирования государственного внешнеполитического механизма, одним из элементов которого выступали представительные органы власти.

4. Обозначены константы позиционирования России в международных отношениях и современной мир-системе в соотношении с циклами модернизации в ракурсе возможностей влияния отечественных представительных институтов на внешнюю политику, что способствовало выявлению соответствующих тенденций и их корреляции.

5. На основе ретроспективного анализа выделены и охарактеризованы модели участия отечественных представительных органов власти во внешней политике, а также особенности соотношения степени их воздействия на внешнеполитический процесс и позиционирования государства в международных отношениях и современной мир-системе.

6. Раскрыты особенности внешнеполитического механизма Российской Федерации – от проявления традиционных характеристик до специфики современного состояния – в контексте положения в нём Государственной Думы.

7. Охарактеризовано внешнеполитическое измерение динамики персонального состава и соотношения сил в рамках Государственной Думы разных созывов с обозначением особенностей, определяющих влияние

отмеченных аспектов на результаты голосований международно-политической направленности.

8. Выявлена специфика корреляции доктринальных основ и официальных внешнеполитических подходов России с внешнеполитическими инициативами и решениями Государственной Думы, что способствовало выработке периодизации внешнеполитических устремлений нижней палаты парламента.

9. Изучены результаты голосований внешнеполитической направленности в Государственной Думе разных созывов в контексте оформления устойчивых парламентских групп, что позволило соотнести позиции групп интересов и исполнительной власти в отношении их международно-политических устремлений и влияния на процесс принятия решений в нижней палате парламента.

10. Установлено, что основные проблемы и противоречия в реализации внешнеполитического функционала Государственной Думы являются следствием специфики внешне- и внутривнутриполитической традиции, действующего законодательства, внешнеполитического механизма и осуществления нижней палатой парламента внешнеполитических полномочий, а возможности устранения отмеченных недостатков связаны с повышением её субъектности в механизме формирования и реализации внешней политики.

Положения, выносимые на защиту

1. Внешнеполитическое измерение деятельности представительных органов следует рассматривать в контексте особенностей внешнеполитического механизма государств. Внешнеполитический механизм государства представляется политической системой, функционирование которой обеспечивает целеполагание, определение приоритетов и направлений внешней политики, а также ресурсы для её реализации. Эта система состоит из конституционных (государственных) и внеконституционных элементов, находясь под влиянием внутренних и внешних факторов.

2. Участие во внешней политике парламентских институтов характеризуется реализацией прямых (официальных) и косвенных (неформальных) способов. В силу нормативно закреплённого статуса представительных и законодательных органов государственной власти парламенты относятся к конституционным (государственным) элементам внешнеполитического механизма. Реализация их официальных полномочий во внешнеполитической плоскости может иметь латентное измерение, проявляющееся в деятельности групп интересов и, связанных с ними, групп давления. Особым механизмом участия представительных и законодательных органов во внешней политике представляется парламентская дипломатия, которой свойственна определенная амбивалентность. Наибольшее воздействие на внешнеполитический процесс парламент может оказывать принятием решений посредством голосований по вопросам, относящимся к внешнеполитической сфере.

3. Анализ внешнеполитической традиции показывает, что константами для России являются положение полупериферии в рамках западнцентричной мир-системы, характеристики сухопутной и трансконтинентальной державы, а также империи, которой свойственны интеграционные императивы, определяющие территориальное расширение с учётом чередования периодов интеграции и дезинтеграции, которые в различных соотношениях взаимодействуют с процессами модернизации. При этом к внешним факторам влияния на внешнюю политику государства – проявившимся в качестве констант – относятся позиционирование России в современной мир-системе, положение в системе международных отношений и степень внешнего давления, а к внутренним факторам – состояние внутривнутриполитической стабильности, силы (независимости) центральной (государственной) власти и наличие / отсутствие цикла модернизации.

4. Возможности влияния отечественных представительных органов на государственную внешнюю политику увеличивались в периоды, когда системы международных отношений в традиционном понимании ещё не сложились

(деятельность вече в X–XIV вв. и Боярской думы в XIV – начале XVII вв.) или переживали кризис (деятельность Государственной Думы в начале XX в., Верховного Совета на рубеже 1980-х–1990-х гг.) и уменьшались в периоды их относительно стабильного функционирования (деятельность отечественных представительных органов в XVIII, XIX и XX вв.). Повышение степени субъектности представительных институтов происходит в периоды, когда Россия либо ещё не входила в современную мир-систему (X–XVII вв.), либо занимала в ней положение полупериферии в условиях повышательных волн циклов Кондратьева (с середины 1890-х до 1914–1921 гг. и с начала 1980-х до начала 2000-х гг.), периодов внутреннего реформирования (с 1897 до 1910 г. и с 1985 до 2000 г.) и фаз технологической революции (1897–1921 гг. и 1981–2005 гг.) в рамках полных циклов эволюции мировой политической и экономической системы. Субъектность представительных органов понижается в периоды, когда занимающая положение полупериферии Россия ощущает влияние понижительных волн циклов Кондратьева (с 1914–1921 до середины 1940-х гг., с конца 1960-х – начала 1970-х до начала 1980-х гг., с начала 2000-х до конца 2010-х гг.), внутренних контрреформ (с 1917 до начала 1950-х гг., с 1968 до 1984 г., с 2000 г.) и фаз великих потрясений (1921–1945 гг., 2005–2017 гг.) мировой политической и экономической системы. Что касается соотношения с циклами модернизации, то увеличение возможностей влияния на внешнеполитический процесс отечественных представительных органов происходило в условиях либеральной модели модернизации, а уменьшение – в рамках консервативной модели.

5. Внешнеполитическое измерение деятельности отечественных представительных институтов в ретроспективе проявилось в семи моделях. 1) Внешнеполитическая деятельность вече в русских княжествах X–XIV вв. (высокая субъектность при активизации внешних угроз и внутривнутриполитической нестабильности). 2) Влияние на внешнюю политику Боярской думы и Земского собора в XIV–XVII вв. (высокая субъектность при усилении внешних угроз и внутренних кризисов). 3) Участие во внешней политике Сената, Уложенных комиссий, Государственного совета в 1711–1906 гг. (низкая субъектность при

постоянных внешних угрозах, стабилизации внутривластной ситуации и усилении центральной власти). 4) Внешнеполитические аспекты деятельности Государственной Думы в 1906–1917 гг. (увеличение субъектности в условиях кризиса международной системы и осложнения внутренней социально-экономической и политической ситуации). 5) Участие советских представительных органов во внешней политике (от ограниченной субъектности в условиях централизации власти, стабильности, автаркии и перманентной внешней угрозы до расширения возможностей влияния на внешнеполитический процесс на фоне уменьшения внешней угрозы, увеличения зависимости от современной мир-системы, внутреннего кризиса и дезинтеграции). 6) Внешнеполитическая деятельность «переходного парламента» 1991–1993 гг. (относительно высокая субъектность при отсутствии возможности её реализации в обстоятельствах конфликта с исполнительной властью, учитывая трансформацию международной системы и кардинальное ослабление международно-политических позиций государства). 7) Современная модель (ограниченные возможности влияния в условиях функционирования внешнеполитического механизма, где наибольшей субъектностью располагает Президент и структуры исполнительной власти на фоне нарастания международной напряжённости, внешних угроз и внутривластной централизации).

6. Функционирование российского внешнеполитического механизма традиционно характеризовалось перманентным доминированием верховного правителя в решении основных вопросов, а также значительным влиянием на этот процесс деятелей, входивших в его «ближний круг». В условиях усиления внешних угроз и внутренних проблем субъектность представительных органов во внешнеполитическом механизме увеличивалась, а в периоды стабилизации и централизации – уменьшалась. В эволюции внешнеполитического механизма Российской Федерации – в контексте позиционирования в нём представительных институтов – выделяется несколько этапов. 1) Достаточно высокая внешнеполитическая инициативность и субъектность представительных органов при доминировании Президента, исполнительной власти и групп интересов

(конец 1991– вторая половина 1993 гг.). 2) Внешнеполитическая инициативность и относительно высокая субъектность при доминировании Президента, президентских структур, МИД и значительном влиянии олигархов и групп интересов (конец 1993 – первая половина 2001 гг.). 3) Сохранение прежних полномочий при уменьшении субъектности в условиях увеличения роли Президента и президентских структур в формировании и реализации внешней политики (с середины 2001 г. по настоящее время).

7. Специфика принятия внешнеполитических решений обуславливалась особенностями эволюции персонального состава и соотношения сил в Государственной Думе разных созывов. В рамках первого периода – включающего деятельность нижней палаты I – начала III созывов – наблюдаются конкурентные отношения с исполнительной властью по внешнеполитическим вопросам в диапазоне: сотрудничество – конфронтация – конструктивное взаимодействие. При этом для Государственной Думы I созыва было характерно отсутствие жёсткой фракционной дисциплины и примерно равное соотношение сил, для Государственной Думы II созыва – преобладание левых, в легислатуру Государственной Думы III созыва происходит оформление коалиции центристских сил, обусловив поддержку внешнеполитических инициатив исполнительной власти. Эта тенденция усилилась в период деятельности Государственной Думы IV–VII созывов в условиях оформления системообразующей «партии власти», обладающей конституционным или простым большинством, что предопределило принятие важнейших внешнеполитических решений.

8. Примечательной особенностью – характерной, главным образом, для периода работы Государственной Думы I и II созывов – стало проявление в дискуссиях и решениях депутатов реалистических, национал-патриотических и антизападных установок в международно-политической сфере ранее, чем это происходило в доктринальных документах и позициях исполнительной власти, обусловив аналогичные изменения в стратегических подходах в области государственной внешней политики и национальной безопасности. С момента

формирования центристской коалиции в рамках нижней палаты III созыва и, особенно, в период деятельности IV–VII созывов, процесс принятия решений, связанных с внешней политикой и международными отношениями, характеризуется преимущественным консенсусом в плане соответствия с доктринальными основами и настроениями исполнительной власти.

9. Внешнеполитическое измерение деятельности Государственной Думы разных созывов обуславливалось позициями групп интересов (преимущественно, представлявших ВПК, ТЭК и АПК). Ориентировавшиеся на отмеченные группы интересов депутаты, учитывая направленность их голосований по международно-политическим проблемам, условно подразделялись – наиболее наглядно в рамках Государственных Дум I–III созывов – на левых, центристов, правых и национал-патриотов. Решения в плоскости данной проблематики содержали «общий блок» вопросов, которые были связаны, в первую очередь, с обеспечением национальной безопасности, взаимовыгодным сотрудничеством с различными зарубежными государствами и отчасти экономическим измерением интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Позиции по указанным аспектам у представителей групп интересов, как правило, совпадали или не вызывали острых противоречий. Голосования, в процессе которых принимались решения, относящиеся к внешней политике, начиная с периода работы Государственной Думы IV созыва, характеризовались тем, что большая часть депутатского состава – централизовано и зачастую (но не всегда) без разногласий – выражала позицию, совпадающую с официальным курсом и приоритетами исполнительной власти. Подобное было обусловлено как фактом конституционного или абсолютного большинства «партии власти», так и преимущественной лояльностью к её внешнеполитическим подходам со стороны других парламентских партий. Примечательно, что в случае возникновения в этом контексте каких-либо противоречий, проявлявшихся в форме игнорирования или протестных голосований одной или нескольких фракций, на конечный результат – в плане принятия или отклонения конкретного решения – это влияния не

оказывало в силу наличия в нижней палате парламента устойчивого и функционального пропрезидентского большинства.

10. Внешнеполитическая деятельность Государственной Думы характеризовалась проблемами и противоречиями, связанными с особенностями отечественной внешнеполитической традиции, действующего законодательства, внешнеполитического механизма и, собственно, реализацией внешнеполитических полномочий нижней палатой парламента. Рекомендации относительно повышения функциональности внешнеполитического измерения деятельности Государственной Думы могут находиться в плоскости увеличения её роли в формировании и реализации внешней политики (усовершенствование экспертной составляющей; повышение субъектности парламентских партий в контексте внешнеполитической деятельности; увеличение функциональности парламентской дипломатии и законотворческой деятельности, связанной с внешнеполитической сферой; повышение качества информационного сопровождения внешнеполитической деятельности Госдумы; увеличение значения региональных парламентав во внешнеполитическом процессе), а также в преобразовании системы внешнеполитического механизма (трансформация Совета Безопасности в центр планирования и стратегических оценок во внешней политике; формирование при Президенте специальной Коллегии по разработке внешнеполитической стратегии; увеличение роли парламента во взаимодействии экспертов и исполнительной власти; активизация механизмов межпарламентского сотрудничества или взаимодействия в смешанном формате).

Теоретическая значимость диссертационного исследования определяется тем, что его результаты позволяют внести вклад в науку о международных отношениях в плане системного изучения международно-политического измерения деятельности представительных и законодательных органов государственной власти. Положения и выводы исследования дают целостное научное представление об эволюции моделей и механизмов участия отечественных представительных институтов во внешней политике в контексте внешнеполитической традиции и позиционирования России в современной мир-

системе и международных системах. Методология, статистические данные и теоретические положения диссертационного исследования могут быть использованы для дальнейшего изучения роли отечественных представительных органов государственной власти и, в частности, Государственной Думы Российской Федерации, во внешнеполитическом процессе, генезиса и особенностей российской внешней политики в разные исторические периоды, а также прогнозирования вариантов развития исследуемых ситуаций.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его положений и выводов следующим образом: научными центрами и государственными ведомствами Российской Федерации в процессе формирования и реализации государственной внешней политики, а также в целях решения проблем в осуществлении внешнеполитических полномочий нижней палаты отечественного парламента; для написания аналитических и обобщающих трудов международно-политической направленности; для методического обеспечения учебного процесса в высших учебных заведениях при разработке и преподавании курсов по мировой политике, теории международных отношений и политологии.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Степень достоверности полученных результатов обеспечивается репрезентативной теоретической и эмпирической базой, корректностью применяемых методологических принципов и обширной апробацией материалов исследования.

Основные положения и выводы диссертационной работы были апробированы на 33 международных и всероссийских научных конференциях и семинарах, проходивших в Керчи, Краснодаре, Москве, Новороссийске, Рязани, Саратове, Севастополе, Симферополе, Туапсе и Ялте. По итогам некоторых из них издавались сборники материалов, в которых были опубликованы статьи и тезисы диссертанта, частично указанные в списке использованной литературы [525–557].

Результаты диссертационного исследования были отражены в 47 опубликованных работах (12 из них – в соавторстве), в том числе в 21 научной

статье в рецензируемых периодических изданиях, рекомендованных ВАК Российской Федерации, в 7 статьях в журналах, индексируемых в базах Scopus и Web of Science, в 1 индивидуальной и 5 коллективных монографиях, а также в 2 учебных пособиях.

Связь работы с научными программами, планами, темами. Диссертационное исследование выполнено в рамках научно-исследовательских тем кафедры политических наук и международных отношений философского факультета Таврической академии (СП) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»: «Роль и место Республики Крым и г. Севастополь в реализации стратегии развития Российской Федерации: политическое, этноконфессиональное и международное измерения» (2016–2020 гг.), номер государственной регистрации АААА-А16-116051910058-1; «Роль и место Крыма в развитии Российской Федерации в условиях формирования нового мирового порядка: политическое и международное измерения» (2021–2025 гг.), номер государственной регистрации АААА-А21-121011990134-4.

Соответствие темы и содержания диссертации паспорту научной специальности. Исследование соответствует пунктам паспорта специальности 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития:

- п. 1. «Международные отношения: сущность, история становления, основные сферы, динамика развития. Сущность и содержание внешнеполитической деятельности субъектов международных отношений. Внешнеполитические доктрины и внешнеполитическая стратегия субъектов международных отношений» (раскрывается в изучении особенностей внешнеполитической традиции и становления внешнеполитического механизма России, а также этапов эволюции внешнеполитической стратегии Российской Федерации в контексте деятельности Государственной Думы);

- п. 8. «Внешнеполитическая деятельность субъектов международных отношений в области национальной, региональной и глобальной безопасности. Субъекты международных отношений. Проблемы национальной безопасности в

международных отношениях. Системы региональной и глобальной безопасности» (находит своё отражение в исследовании внешнеполитической деятельности Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в контексте вопросов национальной, региональной и глобальной безопасности);

- п. 11. «Внешиполитическая деятельность государств, международных организаций, общественных и политических движений и других субъектов мировой политики» (раскрывается в рассмотрении основных направлений и подходов во внешней политике Российской Федерации в ракурсе инициатив Государственной Думы);

- п. 12. «Деятельность лидеров государств и правительств в сфере внешней политики, дипломатических и консульских служб государств. Институты внешнеполитической деятельности государства» (находит своё отражение в характеристике субъектности институтов в рамках внешнеполитического механизма Российской Федерации с акцентом на внешнеполитической деятельности Государственной Думы);

- п. 13. «Российская Федерация в системе международных отношений. Внешняя политика и дипломатия России. Россия и СНГ. Россия и США. Россия и Китай. Россия и Индия. Россия и «Большая Европа»: проблемы новых взаимоотношений. Центральная и Южная Азия во внешней политике России. Россия и АТР: содержание и перспективы сотрудничества. Россия и Япония. Россия и Ближний Восток. Латинская Америка, Африка и другие регионы мира во внешней политике России. Основные этапы становления российской дипломатии» (раскрывается в изучении особенностей внешней политики Российской Федерации в системе международных отношений на разных направлениях в контексте инициатив и решений Государственной Думы);

- п. 14. «Теоретическое обоснование роли и места Российской Федерации в системе международных отношений, ее внешнеполитических интересов, принципов и направлений внешнеполитической стратегии России» (находит своё отражение в обозначении констант позиционирования России в системах международных отношений и современной мир-системе в ракурсе

внешнеполитического измерения деятельности отечественных представительных институтов, а также в соотношении подходов внешнеполитической стратегии Российской Федерации с инициативами Государственной Думы во внешнеполитической сфере);

- п. 15. «Выработка форм и методов внешнеполитической деятельности Российской Федерации по реализации национально-государственных интересов» (раскрывается в характеристике особенностей функционирования механизма формирования и реализации внешней политики Российской Федерации и специфике участия в нём Государственной Думы).

- п. 16. «Обеспечение национальной и международной безопасности РФ, решение проблем ее социально-экономического и культурного развития с помощью средств внешней политики и дипломатии» (находит своё отражение в исследовании проявлений парламентской дипломатии, а также инициатив и решений нижней палаты отечественного парламента, связанных с вопросами социально-экономического и культурного развития России, обеспечения национальной и международной безопасности).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, включающих пятнадцать параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы, а также приложений. Общий объём работы составляет 555 страниц, из которых: 387 страниц – основной текст; на 100 страницах размещается список использованных источников и литературы, состоящий из 915 наименований; приложения в виде таблиц, занимающие 67 страниц.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

1.1. Внешнеполитический механизм: сущность, элементы, классификация

Исследование механизма формирования внешней политики государств связано с необходимостью осмысления правительственного и неправительственного измерений, учитывая влияние внутренних и внешних факторов. Подобное позволяет определить скрытые от непосвящённого наблюдателя детерминанты и императивы различных международных процессов, принципы функционирования государственно-политических систем и их институтов, давать оценки и прогнозы тенденций трансформации международной системы, будущего внешней политики государств и государственных объединений.

Сложности в этом отношении возникают в силу «размытости» находящегося в динамике и постоянно ускользающего из поля зрения предмета анализа. «Мало в какой области так, как в этой, – отмечал российский исследователь А. М. Салмин, – уместна аналогия с “чёрным ящиком”, на входе в который всё и вся, а на выходе – собственно внешнеполитические действия. Отчасти это связано с естественной закрытостью предмета от посторонних глаз. Она, впрочем, всегда условна, в некоторой степени даже чисто ритуальна, и является одним из условий внешнеполитической игры» [602, с. 102–103]. В связи с этим проблемными в международно-политических исследованиях остаются вопросы определения понятия «внешнеполитический механизм», его содержания, классификации, а также факторов принятия внешнеполитических решений.

В научном дискурсе встречается ряд во многом пересекающихся определений термина «внешняя политика». Зачастую исследователи акцентируют, что внешняя политика является совокупностью «целей и интересов, которые преследует и защищает данное государство в своих отношениях с

другими государствами, а также тех методов и средств, которые государство применяет для достижения этих целей и интересов. Это общий курс государства в международных делах» [261, с. 453].

Исходя из классического понимания под внешней политикой целей, приоритетов государств относительно внешнего мира и основных направлений деятельности по их реализации [427, с. 314], следует отметить, что тенденцией современности становится процесс усложнения и диверсификации её содержания [637, с. 146]. Внешняя политика может рассматриваться как внешнеполитический процесс, который представляется взаимодействием основных субъектов политики и государственных институтов по поводу принятия внешнеполитических решений, осуществляющимся в контексте международной ситуации [625, с. 391]. Также распространённым является определение внешнеполитического процесса как «процесса принятия внешнеполитических решений в условиях определенных ограничений, налагаемых внешней средой и так или иначе осознаваемых акторами, принимающими решения» [178, с. 4]. В этом отношении российский исследователь Н. А. Косолапов писал: «Внешнеполитический процесс современного государства состоит из внешнеполитического механизма (совокупность государственных органов и ведомств, разрабатывающих, принимающих и осуществляющих внешнюю политику в целом и в отдельных её аспектах), а также институтов и процедур, связывающих внешнеполитический механизм с обществом и транслирующих этому механизму и государству взгляды, интересы, приоритеты общества, различных социальных групп. Эта вторая часть внешнеполитического процесса призвана создавать предпосылки для соответствия внешней политики государства интересам различных социальных слоёв, групп и общества в целом, то есть формирует содержание проводимого курса и обеспечивает его поддержку внутри страны» [401, с. 13–14]. В обстоятельствах высокой подвижности и стремительной изменчивости международной системы в настоящее время государства сталкиваются с необходимостью быстро адаптироваться к новым требованиям, соизмеряя цели и имеющиеся ресурсы [395, с. 59].

Что касается определения понятия механизма формирования внешней политики (или внешнеполитического механизма, принимая во внимание их синонимичность) государства, то исследователи, как правило, в этом отношении подразумевают политическую систему, функционирование которой обеспечивает определение целей, задач, приоритетов и направлений внешней политики, а также выделение ресурсов для её осуществления. Данная система состоит из определённых элементов и, согласно классификации российского учёного А. В. Антонова, по типу целеустремлённости является открытой, по сложности структуры и поведения – очень сложной, по характеру поведения – игровой [184, с. 20–22].

Основные элементы внешнеполитического механизма выделяются на базе нескольких подходов. Первый из них утверждает в качестве ответственных за внешнюю политику только государственные органы. Второй подход подразумевает изучение всех политических, экономических, социальных и иных институтов, воздействующих на этот процесс. Так, белорусский специалист В. Г. Шадурский акцентирует на необходимости изучения во внешнеполитическом механизме роли «государственных органов, которые участвуют в планировании, подготовке, принятии и осуществлении политических решений, а также неправительственных структур, косвенно или непосредственно определяющих участие страны в международных отношениях» [709, с. 102]. Указанный подход характерен и для учёных, представляющих МГИМО, которые, помимо этого, относят к элементам внешнеполитического механизма «неправительственные организации, общественное мнение, академические круги и экспертное сообщество, средства массовой информации, регионы» и экономические лоббистские группы [637, с. 146, 148].

На современном этапе в обстоятельствах демократизации и доминирования частной собственности усиливается тенденция вовлеченности во внешнеполитический механизм негосударственных институтов и общественных групп [715, с. 104]. «К XX в. монополии профессионалов не осталось и в помине, - отмечает американский исследователь А. Шлезингер-младший. – Эра

правительства как единого целостного субъекта в международных делах, рационально подсчитывающего издержки и выгоды, пришла к концу (в той степени, в какой модель «рационально действующего лица» вообще когда-либо соответствовала реальности). Отныне в условиях демократии творцам политики пришлось считаться с бюрократами-соперниками в сферах исполнительной власти, со скептиками из числа законодателей, с группами давления - идеалистическими и коррумпированными, - с национальным и зарубежным общественным мнением. Усиление экономической взаимозависимости наций и распространение идеи об ответственности правительства за экономику умножили количество групп, претендующих на право определять национальный интерес во внешней политике» [725, с. 118].

Отсюда следует, что одна группа элементов исследуемой системы носит конституционный характер (законодательная, исполнительная и судебная ветви власти), поскольку их участие в формировании внешней политики закреплено на законодательном уровне. Другая же группа (политические партии, неправительственные организации, субъекты экономической деятельности, общество и др.) имеет внеконституционный характер, отличаясь латентным влиянием на внешнеполитический процесс.

В частности, британский учёный У. Уоллес отмечает, что общественное мнение, складывающееся внутри государства, играет не менее важную роль, чем международная среда, вынуждая правительство постоянно на него оглядываться, чтобы избежать усиления оппозиции и падения престижа власти [237, с. 46]. При этом роль общественного мнения представляется двоякой. Наряду с выражением позиции общества или его отдельных групп, оно выполняет и скрытую функцию социального контроля, способствуя интеграции и обеспечивая уровень консенсуса, необходимый для легитимации решений и действий властей [504, с. 338].

Очевидность неоднородности общественного мнения позволяет говорить о наличии в нём некоторого количества уровней. Немецкий эксперт Т. Риссе-Каппен выделяет таковых три: массовое мнение; мнение, интересующихся в

целом политикой; мнение, небезразличных к отдельным проблемным вопросам. Во всём своём многообразии общественное мнение воздействует на государственные институты разными способами: прямым влиянием на процесс принятия решений элитой; сужением спектра возможностей осуществить решение; усилением или ослаблением позиций отдельных политических лидеров или институтов; смещением идеологических позиций внутри политических партий и т. д. Степень влияния общественного мнения на внешнюю политику государств определяется двумя факторами: гомогенное общество оказывает большее воздействие на государство, чем гетерогенное, а сильный государственный аппарат в меньшей степени учитывает общественное мнение [866, р. 482–483].

В свою очередь, общественное мнение касательно международных вопросов формируется на основе внешнеполитического сознания, которое отечественный исследователь М. А. Шепелев определяет как «всю совокупность существующих в конкретный исторический момент представлений людей относительно международных отношений, внешней политики и мирового развития, взятую в единстве всех форм выражения этих представлений и в их исторической эволюции, в её взаимосвязи и взаимодействии с реальной общественной практикой и с другими компонентами политического сознания» [715, с. 340].

Важно отметить, что внешнеполитический механизм, являясь частью политической системы общества, имеет подсистемы внутри собственной системы. В исследованиях наиболее чётко обозначается подсистема, объединяющая элементы механизма, выступающие государственными институтами. Руководствуясь критерием структуры внешнеполитического механизма, наиболее функциональной представляется следующая классификация его вариантов: доминирующий лидер (окончательное решение принимается одним человеком); единая группа (коллективное принятие решений внутри одного института); несколько автономных акторов (решения принимаются в результате консенсуса между несколькими институтами). При этом отмечается, что в процессе принятия

внешнеполитических решений структура механизма может быть различной на разных уровнях [793, p. 363–364].

В этом контексте наибольшие противоречия вызывает вопрос о факторах принятия внешнеполитических решений [529; 533; 552; 557]. Так, американский специалист Р. Патнем считал, что в процессе принятия внешнеполитических решений лидеры должны руководствоваться логикой игры, протекающей на двух институциональных уровнях: внутриполитическом и международно-политическом. Характерно, что оптимальное решение в рамках одного уровня может оказаться неуместным для другого. Целесообразное с точки зрения внешнеполитических интересов государства решение может быть неприемлемым в контексте его внутренней политики и наоборот. Вместе с тем, наиболее оптимальное внешнеполитическое решение является таковым в силу того, что соответствует как интересам страны на международном уровне, так и, одновременно, удовлетворяет основные внутриполитические силы [861]. Следовательно, лидерам, принимающим внешнеполитические решения, необходимо учитывать два принципиально разных набора ограничений: внутриполитические и международно-политические [178, с. 5].

При этом исследователи отмечают наличие диалектической связи между внешними и внутренними факторами внешнеполитического процесса. В частности, внешнеполитические действия преимущественно отражают национальные интересы, являясь осмысленными политической элитой в плане внутренних потребностей. Будучи важнейшей компонентой международной политики, внутренние факторы иногда становятся более значимыми, чем внешние. Подобное проявляется в условиях поиска правительством решений внутренних проблем не в плоскости внутренней политики, а на субрегиональном или глобальном уровне. В этом отношении внутренние социально-экономические и политические трансформации могут формировать повестку дня государства в области внешней политики и безопасности. Кроме того, понятие национальных интересов формируется в контексте потребностей внутреннего развития, которые связаны в основном с необходимостью экономического роста и обеспечения

национальной безопасности. Также внутренними факторами определяется внешнеполитический ресурс и, как производные, альтернативы внешнеполитических решений и дипломатических стратегий, возможности проведения специфических (более динамичных и гибких) линий в международно-политической сфере [637, с. 146].

Одним из важнейших императивов процесса принятия внешнеполитических решений традиционно считаются национальные интересы. Они имеют три постоянных составляющих: интересы национальной безопасности (защита территории, населения и государственных институтов от внешних угроз); национальные экономические интересы (развитие торговли, рост инвестиций, защита частного капитала за рубежом); интересы поддержания мирового порядка (позиционирование на международной арене, взаимоотношения с союзниками, выбор внешнеполитического курса). Выделяются также преходящие или промежуточные интересы со следующей градацией по степени значимости: интересы выживания (угроза существованию государства); жизненные интересы (возможность нанесения серьёзного ущерба безопасности и благосостоянию нации); периферийные или мелкие интересы (проблемы локального характера) [564, с. 81]. Вместе с тем, конкретное содержание национальных интересов различается, определяясь спецификой государств, и эволюционирует с течением времени [237, с. 26].

Следует учитывать и то, что на практике национальные интересы нередко подменяются личными или корпоративными [237, с. 30]. Кроме того, по мнению американского учёного А. Уолферса, в этом отношении имеет место частое несоответствие между хладнокровным преследованием национального интереса и человеческими эмоциями и чувствами [913, р. 26].

Ведущим фактором и детерминантом принятия внешнеполитических решений является характер системы международных отношений, обуславливающий возможности внешнеполитического поведения государств [715, с. 138; 912, р. 306–307]. Исследователи акцентируют, что в рамках международного уровня реализуются значительные ограничения в отношении

принимаемых внешнеполитических решений, обусловленные положением государства в международной системе, определяющим его основные ценности, представления о мире и традиционные образцы внешнеполитического поведения, а также формулирование национальных интересов. В этом контексте принимающие внешнеполитические решения лидеры зачастую не игнорируют указанные детерминанты, поскольку таковые связаны с исторически сформированным набором оптимальных способов адаптации конкретного государства к международной среде. Если эти правила нарушаются, то принимающие внешнеполитические решения сталкиваются с угрозой обвинения в некомпетентности и нанесении ущерба национальным интересам, что может привести к делегитимизации их власти [178, с. 6–7]. «... Требования международной системы, - отмечал российский эксперт А. А. Косоруков, - влияют на государство. Эти требования встречают на своём пути различные переменные государственного (особенности бюрократии, полномочия исполнительной власти и др.) и внутригосударственного уровня (общественное мнение, поляризация общества и др.). После того, как переменные оказали своё влияние на требования международной среды, создали «помехи», государство выстраивает внешнеполитический курс, направленный на мобилизацию общественных ресурсов и на адаптацию или сопротивление международной среде» [403, с. 8].

С точки зрения представителей неоклассического реализма, взаимодействие переменных международного и внутреннего уровней в меняющихся условиях приводит к различным результатам. Американский аналитик Р. Швеллер писал, что сильные, сплочённые внутренние акторы могут сместить исполнительную власть, наложить вето на программные цели правительства, повлиять на определение национальных интересов, когда уровень внешних угроз низок, международная система находится в стабильном состоянии, государственная власть слаба, а силы безопасности в правительстве не имеют достаточной структурной автономии. Однако если международная система посылает государству значительные вызовы, то сильная исполнительная власть во внешней

политике может иметь собственный интерес, влияющий на принятие внешнеполитических решений [882].

Существенное влияние на внешнеполитические решения оказывает структура государственного внешнеполитического механизма. Согласно организационной концепции, как полагает американский исследователь Г. Аллисон, механизм формирования внешней политики не является монолитом, будучи высокодифференцированным [747, р. 690]. Американский специалист Д. Розенау акцентирует, что проблемы международной политики имеют комплексный характер, требуя их передачи в ведение отдельных организационных структур. Деятельность всех организаций в структуре государственного аппарата, как правило, строго формализована и запрограммирована, цели и средства их достижения определяются заранее и формулируются в строго очерченных рамках [470, с. 266–267].

С организационной концепцией сочетается бюрократическая, постулирующая, что крупные действия являются следствием бесчисленных, нередко конфликтующих, меньших действий, совершаемых личностями на разных уровнях бюрократических организаций. При этом роль лиц или институтов, формально принимающих решения, может быть невелика, поскольку коренные решения, ограничивающие их выбор, часто принимаются ранее [747, р. 690].

В рамках инструменталистского подхода, базирующегося на приоритете нормативно-правовых и функциональных начал, устанавливается роль и место отдельных элементов внешнеполитического механизма. Российские учёные Д. В. Стрельцов и Е. В. Колдунова отмечают, что данный подход позволяет исследовать внешнеполитический процесс через понимание правовых основ деятельности отдельных министерств и ведомств, а также организационных особенностей конкретных внешнеполитических ведомств и других институтов. Большое значение имеет и анализ концептуальных документов, определяющих внешнеполитические интересы, ставя конкретные цели перед какими-либо структурами государственной власти [637, с. 146].

Среди психологических факторов влияния на процесс принятия внешнеполитических решений выделяются: личные качества политических лидеров, стресс, нехватка времени, кризисная обстановка, ошибки восприятия, недостаток информации, особенности группового мышления [427, с. 315–318; 636]. В этой связи важной является мысль американского аналитика Г. Киссинджера, раскрывающая клубок противоречий, связанных с функционированием внешнеполитического механизма любого государства. «Учёные-исследователи, - размышлял он, - анализируют функционирование международных систем; государственные деятели их создают. И существует огромная разница между видением аналитика и государственного деятеля. Аналитик в силах выбирать, какую именно проблему он желает исследовать, в то время как на государственного деятеля проблемы сваливаются сами собой...» [369, с. 19]. Уточняя данное утверждение, российский исследователь А. А. Кокошин отмечал, что в этом смысле государственному деятелю противопоставляется только определённый тип учёного, который работает в академических условиях, сравнительно независимо от государственных органов. В свою очередь, имеется значительное число исследователей, работающих в различных научных центрах, тесно связанных с государственными органами власти. Таковые «отнюдь не свободны в выборе проблем исследований, они также ограничены во времени, которое им отпущено на исследование и анализ» [377, с. 68–69].

Продолжая характеристику психологических факторов, американские учёные А. Джордж и О. Холсти вводят понятие «операционального кода» как системы основных принципов, которыми руководствуются политические лидеры при определении внешнеполитической стратегии. В его состав входят: правила, позволяющие лидерам преодолевать ограничения при принятии внешнеполитических решений (неполная или недостаточная информация и т. д.); понимание определения политики и её целей, закономерностей развития международно-политических процессов; умение вырабатывать политическую стратегию и тактику; личностные качества и т. п. [470, с. 270]. Например, по

мнению американского эксперта Г. Роуза, руководители государств часто неправильно истолковывают как распределение возможностей, так и эффективность наступательных и оборонительных военных стратегий вопреки системной теории. Однако подобные действия вероятны лишь в кратко- и среднесрочной перспективе. Затем системные факторы берут верх [869, р. 160–161].

Проведённое исследование показывает, что внешнеполитический механизм является политической системой, функционирование которой обеспечивает определение целей, задач, приоритетов и направлений внешней политики, и выделение ресурсов для её осуществления. В данном случае применяется расширенный вариант понимания, когда элементы внешнеполитического механизма разделены на конституционные (государственные органы) и внеконституционные (политические партии, НПО, экономические структуры, общественное мнение). Проблема движущих сил или «рычагов» влияния на процесс принятия внешнеполитических решений носит комплексный характер, обуславливаясь взаимодействием внешних и внутренних факторов, среди которых преимущественно выделяются национальные интересы, особенности системы международных отношений, внешнеполитическая традиция, структура внешнеполитического механизма, политическая культура и психологические детерминанты. В то же время, представляется, что данная исследовательская проблема является дискуссионной, имеющей различную интерпретацию в зависимости от методологических подходов специалистов, актуализируя необходимость её более глубокого изучения.

Внешнеполитический процесс – как процесс принятия внешнеполитических решений в условиях ограничений, налагаемых внешней средой, которые осознаются участвующими в нём акторами – определённого государства специфически соотносится с его внешнеполитическим механизмом. С одной стороны, внешнеполитический процесс государства является производной функционирования его внешнеполитического механизма. При этом он выходит за рамки государственного внешнеполитического механизма, поскольку включает,

оказывающие воздействие на течение и результат этого процесса, внешние факторы, учитывая влияние в целом международной ситуации. Представляется, что внешнеполитический процесс зарождается вне внешнеполитического механизма, являясь следствием императивов и детерминантов внешнеполитической традиции и политической культуры государства. Затем в форме их импульсов он входит в систему функционирующего в конкретный период внешнеполитического механизма, претерпевая изменения под влиянием его взаимодействующих элементов, и выходит в международно-политическое пространство в виде внешней политики во всех её проявлениях. Внешнеполитический процесс в широком смысле – как производная различных факторов, институтов и процедур на стыке государства и общества – питает и ограничивает внешнеполитический механизм и само государство.

1.2. Инструменты и технологии внешнеполитической деятельности парламентских институтов государственной власти

Термин «высшие представительные (законодательные) институты / органы» государственной власти подразумевает национальные парламенты [142, с. 360]. При этом в специализированных понятийно-терминологических изданиях под термином «парламент» (от нем. *parlament*, англ. *parliament*, фр. *parlement*, фр. *parler* – говорить) зачастую понимается «родовое название высшего представительного и законодательного органа в демократических государствах». Отмечается, что органы, состоящие из представителей различных сословий (которые играли схожую с позднее возникшими парламентами роль), возникают в Испании (Кортесы) и Франции (Генеральные штаты) в XII–XIV вв. Принято считать, что прообраз современного парламента был созван в Англии в 1265 г. как орган сословного представительства, а реальное значение приобрёл после буржуазных революций XVII–XVIII вв. К основным функциям парламента как политического института относятся: «представительство интересов различных социальных слоёв; выбор и определение альтернатив общественного развития;

разработка и принятие законов; политический контроль за деятельностью исполнительной власти (правительства); обеспечение легитимности принимаемым решениям». Парламенты различаются по структуре и объёму компетенций. В частности, по структуре они подразделяются на однопалатные и двухпалатные [111, с. 173; 86].

Теоретико-методологические аспекты изучения внешнеполитической деятельности парламентов обуславливаются их представительной сущностью, определяющей особенности участия в государственных внешнеполитических механизмах. Так, с одной стороны, парламенты относятся к конституционным (государственным) элементам внешнеполитического механизма, являясь представительными и законодательными органами государственной власти. С другой стороны, представительство в их рамках интересов разных социальных слоёв и групп (политических партий и движений, экономических структур, ВПК, НПО, СМИ, ФПГ, общественности и т. д.) приводит к тому, что воздействие парламента на внешнеполитический процесс и участие в нём не ограничиваются только реализацией законодательно закреплённых полномочий и функций, подразумевая наличие латентных и неформальных методов и средств, которые часто оказываются более эффективными.

Что касается особенностей влияния парламента как внутригосударственного института на внешнюю политику, то в этом отношении справедливым представляется мнение отечественного исследователя А. А. Косорукова, отмечавшего: «Внутригосударственные институты влияют на выработку внешней политики. Во-первых, степень их влияния зависит от степени их сплочённости, скоординированности совместных действий, во-вторых, степень их влияния зависит от уровня их участия в выработке внешнеполитических решений. Хотя демократические и недемократические страны отличаются по тому, как их правительства относятся к внутренним акторам, даже самые недемократические государства вынуждены прислушиваться к влиятельным политическим акторам: военным и экономическим элитам, общественному

мнению. Относительная государственная автономия значит гораздо больше, чем тип режима» [403, с. 19].

В этом контексте американский учёный П. Хаас акцентировал, что различные государственные структуры, которые могут быть непосредственно по своим функциям не связаны с внешней политикой, в частности, члены парламента, могут пробовать влиять на принятие решений исполнительной власти в области внешней политики. Кроме того, внутренние факторы могут оказывать воздействие не своими ресурсами, а посредством формирования интерпретации внешнего окружения, выступая в качестве экспертных и оценивающих сообществ [791].

Являясь конституционными (государственными) элементами внешнеполитических механизмов, парламенты наделены закреплённым законодательством перечнем полномочий во внешнеполитической сфере. Учитывая имеющиеся различия в каждой конкретной стране, к наиболее типичным функциям парламентов, определяющим степень и возможности их участия во внешней политике, как правило, относятся: законодательное обеспечение внешнеполитического процесса; ратификации и денонсации международных договоров как правовой базы для взаимодействия с зарубежными государствами; принятие обращений и заявлений по важнейшим вопросам международной политики; различные формы взаимодействия с парламентами зарубежных стран и международными парламентскими организациями и т. д. [494; 573].

Значимым полномочием парламентов является утверждение бюджетов государств, в том числе расходов на министерство иностранных дел. Парламентарии ряда стран (например, Великобритании) имеют право задавать вопросы, касающиеся внешнеполитических проблем, премьер-министру и министру иностранных дел, создавать комитеты по внешней политике, на заседания которых могут приглашаться члены правительства, в частности, внешнеполитического ведомства. Конгресс США принимает законы, бюджет и одобряет количество выделяемых Госдепартаменту средств, а также формирует

комитеты по разным вопросам, которые могут требовать предоставления правительственных отчётов и документов. По совету и с согласия Сената США заключаются международные договоры и назначаются послы. Депутаты Национального собрания Франции, кроме традиционных для парламентариев полномочий, имеют право обращаться с устными и письменными запросами к премьер-министру и министру иностранных дел, право законодательной инициативы и участия в деятельности постоянных комиссий. Парламенты некоторых государств имеют возможности контроля над внешней политикой посредством вопросов и прений [579, с. 177–178]. В отдельных случаях определённое влияние на внешнеполитический процесс государства могут оказывать парламентские слушания, парламентский запрос, депутатский запрос, парламентское расследование, постановка вопроса о доверии и т. д. [242; 388; 643].

В то же время следует учитывать, что действия парламентских групп (комитетов и комиссий), занимающихся двусторонними отношениями, могут приводить не только к их развитию, но и стать тормозом такового. Вмешательство парламентских структур в решение ряда проблем может быть существенным. Имеет значение и то, что некоторые парламентарии в прошлом занимали высокие государственные посты, сохранив авторитет и возможности влияния на принятие тех или иных решений. В парламентах зачастую широко представлены руководители политических партий, деловые круги, связанные с банковской сферой и крупным бизнесом, а также представители СМИ. Как правило, члены парламентов – очень информированные люди. В ряде государств они имеют право через комитеты востребовать корреспонденцию, документы, проводить расследование, а иногда и распространять среди депутатов документы как неофициально, так и в установленном регламентом палат порядке, что может оказать влияние на внешнюю политику и отношения с конкретными странами [579, с. 178–179].

Круг прямых, закреплённых на законодательном уровне, внешнеполитических функций парламентов может быть и более широким,

однако, политический опыт и научные исследования данной проблемы показывают, что зачастую наибольший эффект имеют латентные (скрытые) возможности влияния высших органов представительной власти на внешнюю политику [388; 544; 602].

Особенности реализации прямых и косвенных способов воздействия парламентов на внешнеполитический процесс связаны с их представительной функцией. «Функциональность парламента, - отмечала российская исследовательница Т. Н. Митрохина, - формируется консультативным, законотворческим, контролирующим, сдерживающим компонентами, зафиксированными конституционно. Однако каким бы ни было функциональное наполнение, в каждом конкретном случае довольно универсальной функцией парламента является представительная, поскольку по рождению этому политическому институту предписывалось быть органом власти, в рамках которого осуществляется выражение, согласование, защита интересов всех категорий граждан. На его заседаниях согласовываются или, по крайней мере, должны согласовываться различные позиции и специфические интересы, достигаются различные компромиссы» [473, с. 146].

Логика данных утверждений приводит к необходимости рассмотрения таких терминов, как «группа интересов», «группа давления» и «лоббизм», имеющих прямое отношение к внешнеполитическому измерению реализации парламентами представительной функции в её формальном и неформальном проявлениях.

Традиционными для политологического дискурса представляются две трактовки содержания термина «группа интересов». Первая исходит из организационного подхода, рассматривая группы интересов как исключительно организованные группы и союзы, формально организованные ассоциации, стремящиеся влиять на решения правительства. Следуя второй трактовке, разделяемой сторонниками функционалистского подхода, группой интересов считается любая социальная группа, стремящаяся оказать влияние на принятие политических решений. В этом смысле в число групп интересов входят

корпорации, церкви, региональные элиты, неправительственные и некоммерческие организации и т. д. [508, с. 12–13]. Руководствуясь второй, более широкой трактовкой, группу интересов можно рассматривать в качестве социальной группы, «между членами которой существуют устойчивые связи, идентичность, общность осознанных потребностей и целей, для реализации которых они стремятся оказывать влияние на процессы выработки и реализации государственной политики без непосредственного осуществления власти» [625, с. 177].

В составе групп интересов выделяются группы давления. Российский исследователь Ю. Е. Федоров определяет группы давления как некий «верхушечный слой», сопряжённый с соответствующей группой интересов, который непосредственно выражает конкретные, присущие этой группе интересы, и отстаивает их в институтах власти [673]. Группы давления представляют собой политически активную и организованную часть групп интересов, оказывающую воздействие на объекты давления – органы власти и другие группы для принятия или блокирования определённых государственных решений [625, с. 177].

С указанными терминами связаны термины «лобби» и «лоббизм». Термин «лобби» и / или «лоббисты» (от англ lobby – кулуары, крытые галереи) в одном из словарей определяется как «оплачиваемые или определённым образом зависимые закулисные воротилы, оказывающие разного рода давление (моральное и материальное) в кулуарах парламента на его членов и направляющие их действия по указанию своих хозяев при проведении своих законов, размещении правительственных заказов, назначении нужных людей на выгодные посты» [142, с. 273]. Развёрнутое определение термина «лоббизм» даётся в политологическом словаре-справочнике под редакцией М. А. Василика и М. С. Вершинина как «... целенаправленные воздействия групп интересов на органы власти с целью реализации своих специфических интересов». В данном издании отмечается, что «существование лоббизма обусловлено функциональным представительством интересов. Методами лоббистской деятельности являются: работа по подготовке законопроектов в комитетах и комиссиях парламента; парламентские слушания и

дебаты; личные встречи, контакты и переговоры; использование средств массовой информации для формирования общественного мнения; организация кампаний «давления с мест»; подготовка и распространение результатов научных (прежде всего социологических) исследований; организация деятельности «своих» людей внутри органов власти; финансирование избирательных кампаний». При этом «лоббизм подразделяется на легальный и нелегальный. Под последним понимается прямой подкуп должностных лиц. Кроме того, по целям, которые преследуются группами интересов, лоббизм подразделяется на экономический, социальный и социокультурный. По критерию зависимости от объектов лоббирования выделяются президентский, парламентский и правительственный лоббизм. Исходя из отношения к политическим институтам, лоббизм делится на «внешний (давление на органы власти со стороны) и внутренний (когда лоббистами выступают депутаты, члены правительства, президент)» [112].

В зависимости от характера методов лоббистской деятельности специалисты выделяют цивилизованный (использование законных методов) и теневой (продвижение интересов посредством околзаконных или незаконных методов) лоббизм. Примечательным в этом контексте выглядит вывод о том, что «в России цивилизованный лоббизм малоэффективен, поэтому группы интересов отдают предпочтение теневым методам» [462, с. 15].

По мнению исследователей, в обыденном сознании термин «лоббизм» имеет положительную и отрицательную коннотацию [175; 223; 509; 510]. В первом случае речь идёт о явлении, свойственном демократическому процессу, которое представляется определённой борьбой в рамках закона, имеющей целью убедить власти в необходимости удовлетворения интересов различных групп. Отрицательное восприятие лоббизма связано с близостью этого явления к таким феноменам, как коррупция, подкуп, взяточничество, nepotизм, протекционизм, нецелевое расходование государственных средств и общественных ресурсов, покупка голосов и решений органов власти в чьих-либо корыстных или узкогрупповых интересах [730, с. 23].

В целом, можно согласиться с тем, что «лоббизм представляет собой форму давления, процесс оказания влияния на органы государственной власти в интересах отдельных лиц или групп с целью принятия либо отклонения тех или иных решений» [625, с. 185]. Как отмечают отечественные эксперты, в России объектами лоббизма стали: Администрация Президента, обе палаты Федерального Собрания и их депутаты, правительство, федеральные органы исполнительной власти, законодательные (представительные) органы и администрации субъектов Российской Федерации и др. [195; 444; 509; 560; 655]. Показательно, что наиболее значимым объектом лоббистской деятельности признаётся Государственная Дума [326; 625]. Одним из примеров этого могут служить проявления нефтяного лоббизма в нижней палате отечественного парламента. «Нефтяной лоббизм в Государственной Думе, - акцентирует российская исследовательница С. Д. Оболенцева, - является одним из инструментов отстаивания интересов нефтяных корпораций. В этом плане данная группа действует как типичная группа интересов или группа давления» [497, с. 26].

В контексте внешнеполитической деятельности представительных органов значимым представляется явление парламентской дипломатии, в котором переплетаются формальные и неформальные способы воздействия парламентов на внешнюю политику государств.

В международно-политических исследованиях термин «дипломатия» применяется для обозначения различных явлений и процессов, что осложняет изучение его сущности и проявлений. Российский исследователь В. И. Попов в книге «Современная дипломатия: теория и практика. Дипломатия – наука и искусство» представил ёмкое и многостороннее определение этого термина. «Дипломатия, - акцентировал он, - это наука международных отношений и искусство ведения переговоров руководителями государств и правительств и специальными органами внешних сношений: министерствами иностранных дел, дипломатическими представительствами, участие дипломатов в определении курса внешней политики страны и её проведение в жизнь мирными средствами.

Главная её цель и задача – защита интересов государства и граждан» [579, с. 15–16].

Дипломатия как деятельность имеет парламентское измерение. Принято считать, что термин «парламентская дипломатия» был введён в научный оборот в 1955 г. американским государственным деятелем Д. Раском, видевшим её главной задачей улучшение взаимопонимания между государствами, усиление контроля над правительством, усовершенствование представительства своего народа и повышение демократической легитимности межправительственных институтов [874].

В научно-категориальный аппарат термин «парламентская дипломатия» был включен в 1956 г. благодаря американскому учёному и юристу Ф. Джессалу, который выделил следующие черты данного явления: создание постоянно действующего органа или организации, в чью компетенцию входит широкий круг вопросов; публичный характер встреч и сессий, проводимых такими органами, учитывая привлечение СМИ, представляющих интересы общественности; такой орган должен иметь фиксированный регламент работы и порядка проведения сессий, который необходимо соблюдать всем его членам; по итогам сессии подобного органа путём голосования всех его участников принимается совместный документ (резолюция) [243, с. 56].

Что касается методов и средств данной деятельности, то в этом отношении имеется ряд дискуссионных вопросов. По мнению российской исследовательницы М. В. Варлен, «в своем первоначальном виде парламентская дипломатия создавалась как инструмент классической дипломатии, форма парламентского участия в межправительственных отношениях» [243, с. 56]. При этом отечественные специалисты указывают на проявления амбивалентности парламентской дипломатии. С одной стороны, очевидно, что парламент практически во всех странах отстранён от принятия внешнеполитических решений и воздействует на внешнеполитический процесс косвенными методами. Учитывая отсутствие жёстких обязательств высказываться исключительно в русле официальной позиции, парламентарии преимущественно (или

относительно) свободны в выражении собственного мнения [388, с. 19]. «... Парламентская дипломатия, - значится в одном из исследований, - обладает более высоким уровнем транспарентности, носит гораздо более гибкий, оперативный характер, нежели дипломатические инструменты исполнительной власти. Независимость законодательной власти, её плюрализм, невключенность депутатов в жесткую систему исполнительной власти с её формализованной иерархичностью и подчиненностью дают возможность быть гораздо более откровенными и открытыми в международном общении. Парламент преимущественно не ограничен официальными рамками дипломатического протокола, что позволяет активно использовать механизм компромиссов, дискуссий и договорённостей» [243, с. 59]. С другой стороны, парламентарии являются законными представителями народа (или его части), тесно взаимодействуя с правительственными каналами, что подразумевает определённые ограничения и обязательства [388, с. 26].

В контексте дискуссии о том, что парламентские каналы могут выступать альтернативной официальной во внешнеполитическом процессе, возникают обсуждения роли «дипломатии конференций». Так, ещё в 1965 г. американский специалист К. Томсон писал, что парламентская дипломатия вышла за рамки «дипломатии конференций» [900]. В дальнейшем наблюдается расширение сферы действия парламентской дипломатии и обозначение её специализированных направлений. В этом отношении греческий учёный С. Ставридис отмечал, что парламентскую дипломатию следует отличать от традиционных форм межпарламентских контактов, поскольку она использует новые методы и, поэтому, должна развиваться и рассматриваться с помощью новых подходов [858; 890; 891]. Следуя данной точке зрения, парламентская дипломатия понимается как новая ступень взаимодействия между парламентами или парламентариями. Российская исследовательница Е. В. Кондрашова считает основным признаком, отличающим парламентскую дипломатию от других форм взаимодействия парламента с иностранными и международными акторами, наличие активных действий, «проявляемых парламентариями с целью урегулирования

существующих конфликтов или достижения новых уровней контактов» [388, с. 23].

Наличие многочисленных дискуссионных вопросов относительно роли и механизмов парламентской дипломатии обусловило отсутствие общепринятого определения данного термина. Так, российский государственный деятель и учёный К. И. Косачев указывал: «Под парламентской дипломатией можно понимать совокупность международных действий парламента, групп в его составе и отдельных парламентариев в целях выполнения своих конституционных полномочий по законодательному обеспечению внешнеполитического курса страны и выполнения её международных обязательств» [399, с. 26]. Эта деятельность, «осуществляемая выборными представителями народа, является важным ресурсом всей внешнеполитической работы, в особенности в сфере публичной дипломатии» [399, с. 27]. Несколько отличающуюся от приведённой дефиницию этого термина предлагает Е. В. Кондрашова: «... парламентская дипломатия – это совокупность активных действий парламента, групп в его составе или отдельных парламентариев для достижения целей внешней политики и реализации гуманитарных установок» [388, с. 24]. Данное определение представляется более функциональным в плане характеристики этого явления.

С учётом наличия спорных вопросов относительно определения парламентской дипломатии, единство исследователей проявляется в констатации того, что в современных условиях, как в конкретных государствах, так и на площадках международных форматов, существенно изменяется понимание её сущности и роли. В контексте расширения интеграционных практик на первый план межпарламентского сотрудничества выходит идея народного представительства и представительская функция парламента. Поэтому парламентская дипломатия всё чаще рассматривается как направление внешней политики, которое формируется на пересечении народной и профессиональной дипломатии [402, с. 203].

В настоящее время в международных отношениях увеличивается значение «мягкой силы», что определённым образом связано с механизмами

парламентской дипломатии [848; 849; 850]. В этом контексте к инструментам «мягкой силы» высших представительных и законодательных органов в международных отношениях исследователи относят проведение межпарламентских конференций, системы парламентского мониторинга и «парламентских глаз» в составе официальных делегаций [388, с. 3].

Тенденция увеличения значимости «мягкой силы» обосновывается в действующей Концепции внешней политики Российской Федерации (2016 г.): «Неотъемлемой составляющей современной международной политики становится использование для решения внешнеполитических задач инструментов «мягкой силы», прежде всего возможностей гражданского общества, информационно-коммуникационных, гуманитарных и других методов и технологий, в дополнение к традиционным дипломатическим методам» [80]. В этом отношении отечественные исследователи акцентируют, что «повышается и роль парламентской дипломатии, что мы сегодня видим в наших повседневных реалиях, когда нередко именно парламентские каналы оказываются ключевыми для диалога с рядом государств, принципиально свернувших отношения с Россией на других треках» [399, с. 27].

Российский опыт применения инструментов «мягкой силы» парламентом проявляется в налаживании и поддержании связей по линии сотрудничества с парламентами иностранных государств и на международных парламентских площадках, а также в расширении гуманитарного присутствия в других странах и привлечении к сотрудничеству организаций соотечественников за рубежом. Кроме того, специалисты подчёркивают, что благодаря «высокому уровню неформального взаимодействия, потенциал «мягкой силы» используется парламентариями также в аспекте «привлекательности», создания положительного имиджа страны» [243, с. 59].

Ещё одной стороной парламентской дипломатии является взаимодействие отдельных парламентариев и / или их групп с представителями посольств иностранных государств. Так, новоназначенный посол может наносить визиты вежливости спикерам обеих палат парламента и руководителям комитетам по

иностранным делам. Эти визиты могут иметь не только протокольный характер, подразумевая постановку рабочих вопросов межпарламентских отношений. Дипломаты более низкого звена могут наносить визиты тем парламентариям, с которыми у их предшественников складывались положительные, систематические контакты. Спикеры палат могут знакомить послов с другими членами парламента, с руководителями внешнеполитических комитетов, давая советы относительно организации ознакомления членов парламента с материалами посольства. Руководители внешнеполитических комитетов парламента могут приглашаться послом для участия в какой-либо дискуссии, организуемой в посольстве и, наоборот, послы, по приглашению руководителей таких комитетов, могут выступить и ответить на вопросы по ранее согласованной теме. Контакты с парламентариями, беседы и переговоры могут способствовать разрешению трудных вопросов. При этом следует учитывать, что в отдельных случаях парламента и / или конкретные парламентарии, уделяя внимание тем или иным внешнеполитическим вопросам, могут отстаивать точку зрения, противоположную позиции исполнительной власти. Дипломаты могут посещать заседания парламента и общаться в кулуарах с его членами. Значение для взаимодействия государств на международной арене может иметь посещение послом парламентских сессий, когда обсуждаются вопросы экономики, внешних связей, выступают премьер-министр, министр иностранных дел или министр экономики [579, с. 179–181].

Таким образом, высшие представительные и законодательные органы – парламента государств – зачастую имеют прямые (официальные / формальные) и косвенные (латентные / неформальные) способы влияния на внешнюю политику. Они обусловлены представительной природой парламента как органа, в рамках которого представлены интересы различных социальных групп (политических партий и движений, экономических структур, банковской сферы, ВПК, НПО, СМИ, крупного бизнеса, ФПГ, общественности и т. д.). При этом парламента преимущественно отстранены от возможностей прямого воздействия на процесс

принятия внешнеполитических решений, используя для этого косвенные методы, иногда являющиеся более эффективными, нежели официальные.

Официальные способы внешнеполитической деятельности парламентских институтов определяются их законодательно закреплённым статусом высших представительных и законодательных органов государственной власти. В связи с этим они причисляются к конституционным (государственным) элементам внешнеполитического механизма. С учётом различий, зависящих от особенностей законодательства и политических традиций конкретной страны, к наиболее распространённым официальным полномочиям парламента во внешнеполитической сфере можно отнести: законодательное обеспечение внешнеполитического курса государства; ратификация и денонсация международных договоров; постановления, обращения и заявления по важнейшим вопросам международной политики; утверждение государственных бюджетов (в том числе, расходов на министерство иностранных дел); утверждение назначений послов в зарубежные государства; формирование профильных комитетов по внешнеполитическим вопросам, имеющих право востребовать правительственные отчёты и документы; право обращаться с устными и письменными запросами к председателю правительства и министру иностранных дел; возможности контроля над внешней политикой посредством вопросов и прений, замечаний и рекомендаций в рамках парламентских слушаний; взаимодействие с парламентами зарубежных стран и международными парламентскими организациями и т. д.

Реализация официальных полномочий и прав парламентов во внешнеполитической плоскости может иметь латентное измерение. Подобное проявляется в деятельности групп интересов и, связанных с ними, групп давления, а также в производных от этого примерах лоббизма, имеющего различную природу, виды и направления специализации. Указанные обстоятельства могут стать решающими факторами влияния, в частности, на процесс и результат голосований в палатах парламента по вопросам, которые имеют прямое или косвенное отношение к внешней политике.

Особым механизмом участия высших представительных органов во внешней политике представляется парламентская дипломатия, которой свойственна определённая амбивалентность. Так, с одной стороны, парламентарии преимущественно или относительно свободны в выражении своего мнения. Они не включены в систему исполнительной власти с её формализованной иерархичностью, что способствует большей открытости в процессе международного общения. Отсутствие ограничений парламентов официальными рамками дипломатического протокола позволяет им активно использовать способы дискуссий, договорённостей и компромиссов. В то же время – и в этом проявляется другая сторона парламентской дипломатии – парламентарии являются членами органа законодательной и представительной власти конкретного государства, находясь в тесном взаимодействии с правительственными каналами, что, естественно, в большей или меньшей степени ограничивает свободу их действий.

В условиях увеличения роли инструментов «мягкой силы» в современной международной политике парламентская дипломатия обретает особое значение, открывая для умело использующего эти механизмы государства возможности расширения его гуманитарного присутствия в зарубежных странах и формирования позитивного имиджа на международной арене. Латентным проявлением парламентской дипломатии является взаимодействие парламентских институтов или отдельных парламентариев с дипломатами разного ранга и представителями иностранных посольств в виде формальных и неформальных контактов.

Учитывая значимость парламентской дипломатии, тем не менее, следует признать, что данное направление внешнеполитической активности может не отражать официальную линию государства и / или позиции групп интересов в палатах высшего органа представительной власти, являться личной или узкогрупповой инициативой, имея опосредованное отношение к функционированию государственного внешнеполитического механизма. При этом эффективность и итоги парламентской дипломатии – как специфической,

часто латентной, неформальной деятельности – проблематично измерить и научно обосновать в виду общей неопределённости предмета анализа. Представляется, что наибольшее воздействие на внешнеполитический процесс парламент может оказывать посредством голосований в палатах по вопросам, так или иначе относящимся к внешнеполитической сфере. Именно результаты голосований зачастую отражают позиции имеющихся в высшем представительном органе групп интересов и их влияние на внешнюю политику государства, то есть характеризуют роль и место парламента в системе государственного внешнеполитического механизма.

1.3. Методологические основания и эмпирическая база изучения роли Государственной Думы в формировании и реализации внешней политики

Специфика применяемой методологии обуславливает структуру, содержание, характер и результаты конкретного исследования. Отечественный учёный-международник М. А. Хрусталёв определял метод как «образ действий, который используется для получения необходимого результата» [694, с. 38]. Под методологией исследования традиционно понимаются «знания о логической организации изучения предмета исследования, выбор методов и соответствующих приёмов (способов или логических операций) для достижения поставленной цели» [261, с. 32], а также «совокупность наиболее общих, прежде всего мировоззренческих принципов в решении частных теоретических и практических задач» [142, с. 292].

В процессе изучения политических отношений исследователи придерживаются ряда общих правил: проведение анализа ситуаций и процессов; выведение аналитических заключений; пересмотр ранее сформулированных выводов. Соблюдение указанных правил открывает возможности для проверки результатов множества отдельных исследований, которые посвящены не только какой-либо одной проблеме, но и сопоставлению знаний в различных областях. «Их совокупность, - отмечает российская исследовательница К. П. Боришполец, -

составляет методическое обеспечение каждого фундаментального или прикладного проекта, в рамках которого различают несколько уровней: концептуально-теоретический, методологический и методический» [232, с. 14].

Для изучения мировой политики и международных отношений зачастую используют как общенаучные методы и методики, так и «особые, специальные методологические подходы, обусловленные тем, что мировые политические процессы обладают своей спецификой, отличаются от политических процессов, разворачивающихся в рамках отдельных государств» [189, с. 19]. Кроме того, по справедливому замечанию российского эксперта П. А. Цыганкова, «следует иметь в виду, что каждый исследователь (или исследовательский коллектив) обычно использует свой излюбленный метод (или их группу), корректируемый, дополняемый или обогащаемый им с учётом имеющихся условий и инструментария. Важно иметь в виду и то, что применение того или иного метода зависит от объекта и задач исследования ...» [696, с. 46].

Учитывая сказанное, в основе методологии исследования роли и места нижней палаты отечественного парламента в формировании и реализации внешней политики находится междисциплинарный подход, который способствовал использованию знаний из других отраслей общественных наук, что позволило расширить контекст и обоснованность выводов. В этом отношении можно согласиться с мнением о том, что «... добавочные знания политолога <...> помогают ему исследовать ситуацию во всех её нюансах и деталях. Но всё это из сферы вспомогательных способов и методов проведения политологических исследований. Для политолога важно уважать и использовать вклад представителей других отраслей общественности ...» [349, с. 120–121].

Наряду с междисциплинарным подходом в основу методологии данного исследования легли мир-системный анализ (подход), а также парадигма политического реализма и более поздние его варианты в форме парадигм неореализма и неоклассического реализма.

В целях понимания специфики применения мир-системного анализа в данном исследовании необходимо кратко охарактеризовать основные положения этого методологического направления.

Согласно данной теории, современная мир-система (капиталистическая мир-экономика) зародилась в «долгом XVI в.», постепенно распространившись в мировом масштабе [188; 235]. До этого одновременно сосуществовало множество мировых систем, которые подразделялись на три типа: мини-системы, мировые экономики и мировые империи [239]. Мини-системы были характерны для первобытных обществ и основаны на отношениях взаимобмена. Аграрным обществам были присущи системы мировой экономики и мировой империи. Экономика представляли собой системы обществ, объединенных тесными экономическими связями, выступающие в качестве определенных эволюционирующих единиц, но не являющиеся единым политическим образованием. Империи характеризовались относительно высоким политическим единством экономики (в рамках имперской или феодальной формы), взиманием налогов (дани) с провинций либо захваченных колоний (даннический или редиистрибутивно-даннический способ производства). При этом все докапиталистические экономики рано или поздно превращались в империи через их политическое объединение под властью одного государства. Единственным исключением стала средневековая европейская экономика, которая эволюционировала в современную капиталистическую систему (мир-систему), состоящую из ядра (центра), полупериферии и периферии [314].

Под ядром (центром) мировой системы понимаются страны с наиболее высокой производительностью труда и доходом на душу населения. Здесь находится непосредственный центр накопления капитала, где концентрируется основная геоэкономическая мощь [678]. Центр капиталистической экономики представляется организованным и равновесным хозяйственным организмом, обладающим передовыми технологиями, инфраструктурой, транспортными средствами, коммерческой культурой, социальным и политическим динамизмом, занимает прочные позиции на мировом рынке [239; 314]. «Свойственные ядру

процессы, - объясняет американский исследователь И. Валлерстайн, - группируются в нескольких государствах, и на них приходится основной объём всех производственных процессов ...» [240, с. 94].

Положение государств периферии («третий мир») характеризуется расстыковкой различных хозяйственных секторов (главным образом, аграрного и индустриального), узостью внутреннего рынка, выпуском продукции с низкой добавленной стоимостью, социальными контрастами и прочими дисбалансами, сосуществованием современных структур с архаическими. Как правило, периферия выступает сырьевым придатком ядра, местом «выкачивания» капиталов и постоянного потока прибавочной стоимости от местных производителей к производителям ядра, получившего название неравного обмена [240, с. 93–94].

Промежуточным звеном между центром и периферией являются государства полупериферии, в которых процессы, характерные ядру, сочетаются с процессами периферии. Государства полупериферии зачастую продают товары ядра в страны периферии, а товары периферии – в страны ядра. Такие государства активно и публично проводят протекционистскую политику, стремясь защитить своё производство от конкуренции более сильных фирм извне и увеличить эффективность работы местных производителей [314]. Они способны защищать свой рынок от центра и вторгаться на рынки менее развитых стран [689]. Главная задача полупериферии – не скатиться на периферию а, по возможности, и приблизиться к ядру. В некоторых случаях страны полупериферии могут становиться центром (ядром) по отношению к периферии [608].

Характеризуя сущность этого подхода, И. Валлерстайн отмечал: «...Социальная действительность <...> не ограничена многочисленными национальными государствами, но представляет собой нечто большее – то, что мы называем миросистемой. <...> У миросистемы множество институтов – государства и межгосударственные структуры, производственные фирмы, домохозяйства, классы, всевозможные группы и объединения – и именно эти институты формируют основу, которая позволяет системе функционировать, но в

то же время питает пронизывающие её конфликты и противоречия» [240, с. 44, 45].

В методологическом плане использование мир-системного анализа позволяет исследовать внешнюю политику и международные отношения с точки зрения объективного наличия исторически обусловленного, наиболее масштабного по объёму и продолжительного во времени глобально-политического и / или макроэкономического уровня реальности, который во многом предопределяет течение различных процессов и взаимодействий на других уровнях, являясь их детерминантом, общим фоном и базисом. Применение мир-системного подхода в данном исследовании позволило определить положение России в рамках современной мир-системы (капиталистической мир-экономики) в разные исторические периоды и специфику её позиционирования в системах международных отношений, что помогло выявить глобальные политико-экономические детерминанты функционирования российского внешнеполитического механизма.

Для исследования особенностей участия Государственной Думы во внешней политике были полезны основные положения парадигм классического политического реализма, неореализма и неоклассического реализма.

В частности, следует отметить тезис классического политического реализма о том, что международные отношения являются результатом анархического взаимодействия между государствами, в основе которого находится распределение силы [504, с. 147; 767]. Американский исследователь Г. Моргентау в этом отношении акцентировал, что международная политика, как и любая политика, является борьбой за власть [839]. По мнению представителей классического политического реализма, в основе государственной внешней политики лежат национальные интересы, содержание которых, однако, не остаётся неизменным и «зависит от накопленного политического и культурного опыта, а также от изменившихся обстоятельств» [627, с. 20–21]. В свою очередь, действия государств на международной арене зачастую рациональны [478].

В рамках парадигмы неореализма стало возможным значительное обновление научной методологии, которая была направлена на построение общей теории международной политики, понимаемой как сложная система. Один из основных представителей неореализма американский исследователь К. Уолтц вводит понятие многоуровневого анализа политики. Каждый из уровней имеет свой механизм причинности, но уровни связаны между собой в иерархию. Под воздействием особенностей международной системы происходят определённые политические процессы на уровне государств и личностей, которые принимают решения [906].

Позже представителями неоклассического реализма выдвигается комплексная модель влияния факторов трёх уровней на силу государства: системного (действующих систем международных отношений), государственного и внутригосударственного [403, с. 8]. В итоге неоклассический реализм выводит три уровня анализа: независимая переменная (внешняя среда, структура системы); корректирующая переменная (институты, взаимоотношения власти и общества, влияние идеологий); зависимая переменная (политика, которая зависит от первых двух групп факторов) [624, с. 81; 869]. «Такой подход, - акцентируют отечественные исследователи, - позволяет находить общие, системные причины, которые определяют более частные причины политических процессов» [627, с. 35].

С учётом указанных положений неореализма и неоклассического реализма в исследовании были использованы системный подход и структурно-функциональный анализ.

Системный подход, в понимании американского политолога Д. Истона, способствует исследованию политических процессов в качестве непрерывных потоков поведения, предоставляющих возможность аналитической реконструкции политических явлений. В этом контексте политическая система определяется как одна из подсистем общества, основной функцией которой является целеполагание. Структура политической системы, как и любой другой, определяется выбором системного качества. Д. Истон предложил такую модель

политической системы, которая представляется условным «чёрным ящиком», внутри которого имеются три компонента, участвующие в формировании системного качества: механизм восприятия входящего сигнала, механизм воздействия на среду и механизм конвертации, преобразующий сигналы «входа» в сигналы «выхода» [779; 780].

В случае данного исследования применение системного подхода было связано с определением места России в системе международных отношений, подсистемой которой выступает внешняя политика государства в целом и на отдельных направлениях. При этом внешнеполитический механизм России был рассмотрен в форме политической системы, состоящей из определённых элементов и связей между ними. Эти элементы не являются обособленными от других, а выступают частями целого, занимая в нём конкретное положение, взаимодействуя между собой и формируя системные свойства. Одним из элементов внешнеполитического механизма является Государственная Дума как нижняя палата отечественного парламента.

Структурно-функциональный анализ (подход), согласно американскому исследователю Т. Парсонсу, позволяет рассмотреть политическую систему как одну из четырёх подсистем социальной системы, которая, в свою очередь, рассматривается как одна из четырёх подсистем системы социального действия. Системным качеством каждой из систем (подсистем) служит её основная функция (роль), которой соответствует структура системы (совокупность взаимосвязанных компонентов или подсистем). При этом функция политической системы – целедостижение [522; 855].

Такая методология способствует изучению политики как системы, обладающей сложной структурой, каждый элемент которой имеет определённое назначение и выполняет специфические функции, направленные на удовлетворение потребностей системы. Учитывая это, открываются возможности для исследования процесса обмена между имеющимися системами. В отношении данной работы инструментарий структурно-функционального анализа позволил дополнить системный подход, определив зависимости между разными сферами

общественной жизни, государственными и негосударственными институтами в процессе формирования и реализации внешней политики.

Особенности применение системного подхода и структурно-функционального анализа в изучении российского внешнеполитического механизма, который (в силу недоступности стороннему наблюдателю ряда его внутренних взаимодействий и процедур функционирования) метафорически именуется «чёрным ящиком», наглядно характеризует А. М. Салмин: «... не обязательно исходить из презумпции того, что «чёрный ящик» – один на всех, как братская могила: таких «ящиков» уже в момент постановки задачи может быть и некоторое очевидное множество. Предполагается при этом – и это принципиально важно – что в пределах различных подсистем одни и те же акторы (государственные институты, ведомства, общественные организации и др.) могут вести себя различным образом в соответствии с различными логиками, поскольку эти акторы, сохраняющиеся как институты, возникшие в иных парадигмах и действующие сравнительно инерционно, по тем или иным причинам не стали обладателями «эксклюзивных прав» на эти логики. Логики же могут вступать друг с другом в более или менее выраженные конфликты, проявляющиеся в очевидной и временами даже характерно-скандальной непоследовательности в действиях акторов. В том-то и дело, что этим последним приходится не только конкурировать и разумно договариваться с другими акторами, но и решать – причём одновременно с этим – в некотором роде «шизофренические» задачи совмещения изначально гетерогенных логик в собственном поведении. При этом острота именно таких конфликтов не только может, но и должна хотя бы внешне смягчаться высокой внутриведомственной фрагментацией, постоянным реформированием ведомственной структуры, «чехардой» персональных назначений или всем этим вместе взятым в тех или иных сочетаниях и последовательности» [602, с. 104]. Исследование указанных проблем подразумевает наличие такой методологии, которая «требует учёта ряда специфических особенностей не только механизма формирования внешней политики, но и политической системы в целом» [602, с. 104–105].

Учитывая специфику изучения роли Государственной Думы – как парламентского института – во внешней политике, в данном исследовании был использован институциональный метод в его поздней интерпретации [892]. Так, представителей неоинституционализма «интересуют все государственные и социальные институты, которые формируют способы выражения политическими акторами своих интересов и структурирования их отношений по поводу власти с другими группами: правила избирательной борьбы, структура партийных систем, отношения между различными органами государства и организация экономических акторов в виде предпринимательских объединений и профсоюзов» [624, с. 115]. Применение институционального метода даёт возможность определить значения различных институтов – исполнительной власти, парламента, политических партий, общественных организаций и др. – в формировании и реализации государственной внешней политики в контексте их взаимодействия и взаимовлияния.

Важным с точки зрения предметного поля настоящего исследования является использование исторического метода (или ретроспективного анализа), который активно применяется представителями классического политического реализма и неореализма в процессе изучения мировой политики и международных отношений с целью выявления сложившихся тенденций и закономерностей [627, с. 73–75]. В частности, значимым для данной работы стала, появившаяся в рамках неореализма, теория международного порядка (миропорядка³) как сменяющих друг друга вариантов устройства системы международных отношений. Эта теория в общих чертах была сформулирована Г. Киссинджером, понимавшим под миропорядком определённые типы стабильности, существовавшие в международных отношениях на основе разных базовых норм [624, с. 79]. В качестве таких миропорядков (международных порядков, систем международных отношений) выделялись:

³ Следует отметить, что в рамках «английской школы международных отношений» существует положение, в соответствии с которым понятие «мировой порядок» не может быть применимо к любым состояниям международных отношений до появления в XX в. наднациональных политических и правовых институтов. В этом контексте рекомендуется использовать понятие «международный порядок» [696, с. 470–479].

- Вестфальский мировой рядок (от окончания Тридцатилетней войны в 1648 г. до конца Наполеоновских войн в 1815 г.);

- Венский мировой порядок (от Венского конгресса в 1815 г. до конца Первой мировой войны в 1918 г.);

- Версальско-Вашингтонский мировой порядок (период между завершением Первой мировой войны и началом Второй мировой войны);

- Ялтинско-Потсдамский мировой порядок (сложившийся по результатам Второй мировой войны) [369; 370].

Разъясняя необходимость и специфику применения ретроспективного анализа в теории и практике международных отношений, Г. Киссинджер писал: «И всё же возвышение и крушение прежних мировых порядков – от Вестфальского мира до наших дней – есть единственный источник опыта, на который можно опереться, пытаясь понять, какого рода вызов может быть брошен в лицо современным государственным деятелям. Уроки истории не являются автоматическим применимым руководством к действию; история учит по аналогии, проливая свет на сходные последствия сопоставимых ситуаций. Однако каждое поколение должно определить для себя, какие обстоятельства на самом деле являются сопоставимыми» [369, с. 19].

В случае предлагаемой работы исторический метод способствовал выявлению основных характеристик внешнеполитической традиции России и особенностей её позиционирования в международных системах, которые являлись императивами и детерминантами в процессе формирования и реализации российской внешней политики на разных этапах. Подобное, по утверждению экспертов, необходимо учитывать в международно-политических исследованиях: «... в современном внешнеполитическом процессе и международной жизни именно трудноисследуемые культурно-цивилизационные характеристики выдвинулись на первый план. Это делает их анализ чрезвычайно практически важным» [178, с. 12]. Речь идёт о том, что «формальные и неформальные институты тесно взаимодействуют между собой. Люди в своем поведении интерпретируют формальные системы ограничений в соответствии с

неформальными правилами. Например, законы понимаются в соответствии со сложившейся неформальной традицией их толкования и применения. Поэтому можно утверждать, что системно-режимные и культурно-цивилизационные характеристики разных государств, т. е. их формальные и неформальные институты, на самом деле тесно между собой переплетены и непрерывно взаимодействуют» [178, с. 12].

Ещё одним значимым методологическим аспектом данного исследования является ретроспективный анализ трансформации моделей и механизмов участия отечественных представительных институтов во внешней политике, что обусловлено отмеченной специалистами спецификой российской традиции представительной власти. Подтверждая важность данного методологического приёма, российский учёный В. И. Ерёмченко отмечал: «Реконструкция исторических традиций парламентаризма <...> позволяет восстановить традицию, историческую память политических институтов, значимую для их нормального функционирования в современном обществе, а также выявить границы проявления суверенной власти народа, проблемы низкого уровня доверия российского общества к политическим партиям, формирующим режим парламентаризма, проблему неполной адекватности российской избирательной системы существующей политической культуре страны, процедурные проблемы формирования российского парламента и его деятельности» [306, с. 153]. Комплекс указанных проблем оказывает существенное воздействие на функционирование внешнеполитического механизма государства и особенности участия в нём представительных институтов.

В этом отношении отечественный исследователь Я. А. Пляйс акцентировал, что «объективные условия существования наших народов наложили неизгладимый отпечаток, как на общественную, так и на государственную жизнь России, включая порядок организации и функционирования власти, в том числе её представительной ветви» [572, с. 40]. «Российской модели парламентаризма, - указывала О. В. Гаман-Голутвина, - присущ ряд черт, которые с трудом вписываются в общеевропейскую традицию. Речь идёт, прежде всего, о

доминирующей роли главы государства, конфронтационном стиле взаимодействия в треугольнике парламент – глава государства – исполнительная власть и нестабильности избирательного законодательства» [277, с. 66]. Размышляя в этом ключе, отечественный специалист Н. И. Шестов делает интересный вывод: «Своеобразие исторического пути российской «культуры совета» заключалось, таким образом, в том, что только с советского времени она стала обретать некоторую автономию и специфику её публично-политического уровня от уровня частно-общинных практик. В 90-е годы было популярно говорить о «драме российского парламентаризма». Этим понятием довольно часто в науке и публицистике обозначали отсутствие в России исторической преемственности форм и принципов парламентаризма, аналогичной европейской. Вероятно, эта «драма» современного российского парламентаризма, помимо прочих причин, состоит в том, что на одном политическом пространстве сегодня сошлись и взаимодействуют как элементы политического процесса две достаточно различные по историческому генезису и сущности «культуры совета» – европейская и отечественная. Это рождает различные симбиотические образования в отечественной культуре парламентаризма» [717, с. 171].

В этом контексте применение исторического метода позволило, с одной стороны, определить особенности и отличительные черты (устойчивые характеристики) отечественных представительных институтов и форм их участия во внешней политике, с другой стороны, обозначить общие тенденции и вывести определённые закономерности, характеризующиеся периодическими проявлениями в практически неизменном или подобном виде.

Также в исследовании был использован геополитический подход, нацеленный на выявление общих геополитических закономерностей, избегая крайностей политического фундаментализма, географического и экономического детерминизма. Это соответствует методологическим установкам академической геополитики, которая «изучает мировые геополитические циклы, трансформацию мирового порядка (геополитической структуры мира), коды и векторы государств, причины взлётов и падений великих держав» [50, с. 101]. В случае данной работы

применение геополитического подхода помогло выявить особенности внешнеполитического курса России относительно пространственного взаимодействия социальных организмов.

При помощи деятельностного метода были определены общие и частные характеристики парламентариев в контексте их восприятия проблем внешней политики и международных отношений, а также влияния на процесс принятия решений в этой сфере.

Анализ документов позволил определить концептуальные основы нормативно-доктринальной базы государственной внешней политики в процессе её эволюции и в соотношении с практическими шагами.

Выявление общего и особенного, повторений и изменений в формах, методах и средствах влияния представительных институтов на внешнюю политику проводилось с помощью сравнительного метода.

Применение количественных методов позволило получить определённые показатели, которые характеризуют практическое содержание и итоги влияния парламентариев на внешнеполитический процесс. При этом необходимо учитывать особенности использования этой группы методов в указанном контексте. «Результаты политико-дипломатической деятельности парламента, - отмечает В. М. Варлен, - как правило, нельзя измерить в количественных и стоимостных параметрах. Критериями ее эффективности может служить такая степень обеспечения внешних приоритетов Российской Федерации, которая будет конвертироваться в создание благоприятных условий для внутреннего развития страны, качественную модернизацию и конкурентоспособность отечественной экономики, повышение уровня жизни населения, консолидацию общества, укрепление основ конституционного строя, правового государства и демократических институтов» [243, с. 62].

В настоящем исследовании при помощи количественных методов были определены числовые данные, характеризующие значение нижней палаты парламента в формировании и реализации внешней политики, сформировав эмпирическую базу (отражённую в приложениях) для соответствующих выводов.

Так, на основе анализа источников [1; 3; 11; 14–19; 25–44; 58–65; 68; 69; 70; 83; 85; 92; 98; 99; 103–108; 116; 123; 125; 130; 136; 139; 141; 167–171] автором были составлены таблицы, отражающие показатели количества и тематики конкретных групп голосований в Государственной Думе по вопросам внешней политики и международных отношений (см. приложение 1, таблицы 12–26). Руководствуясь стандартной классификацией [388; 492], голосования были разделены на следующие группы: заявления и обращения, непосредственно связанные с вопросами внешней политики и международных отношений; международные договоры; прочие (федеральные законы, имеющие отношение к вопросам внешней политики и международных отношений). Критерии отбора голосований в группу «прочие» были обусловлены рекомендациями исследователей относительно тематики федеральных законов, которые целесообразно связывать с международно-политической сферой [262; 272; 558].

В результате изучения автором материалов стенограмм и хроник заседаний, размещённых в рамках базы данных «Стенограммы заседаний Государственной Думы» [3] и «Системы анализа результатов голосований на заседаниях Государственной Думы» [141], были определены и систематизированы данные о результатах голосований в Государственной Думе по вопросам внешней политики и международных отношений в период 1994–2019 гг. Учитывая традиционно значительное количество всех групп голосований (свыше 400 в период работы каждого – исключая первый – созыва) данной направленности, в целях наглядности автором были выделены по 10 наиболее показательных из них, характеризующих особенности внешнеполитической деятельности нижней палаты парламента конкретного созыва (см. приложение 2, таблицы 27–33).

В процессе исследования также использовались общелогические методы: анализ и синтез, индукция и дедукция, которые способствовали логической последовательности проведения аналитической работы. На основе данной методологии, для систематизации направленности голосований и выявления устойчивых парламентских групп, следует ориентироваться на соответствующие параметры, раскрывающие особенности внешнеполитических ориентаций

депутатского состава в зависимости от характера принятых решений. Исходя из анализа количественных и качественных составляющих голосований, связанных с международно-политической сферой, в качестве параметров целесообразно представить такие смысловые блоки.

1. Голосования, в процессе которых принимались решения либеральной и евро-атлантической направленности (позитивная характеристика коллективного Запада, в частности США и евро-атлантических структур; стремление войти в роли действующего субъекта в мировую капиталистическую систему и т. п.).

2. Голосования, в процессе которых были приняты решения антизападной направленности (критика действий коллективного Запада, в частности США и евро-атлантических структур; выражение солидарности с государствами, декларирующими антизападные позиции).

3. Голосования, утвердившие решения реалистической и прагматической направленности (обеспечение национальной безопасности; защита национальных интересов; вопросы глобальной и региональной стратегической стабильности; интеграционные процессы на постсоветском пространстве).

4. Голосования, когда принимались решения национал-патриотической направленности (поддержка соотечественников и российских граждан, русского и русскоязычного населения, проживающего за рубежом).

5. Голосования, поддержавшие решения о взаимовыгодном сотрудничестве с различными государствами по широкому кругу вопросов.

Характеристика обозначенных параметров обусловила теоретические положения и выводы диссертационного исследования.

Таким образом, особенности охарактеризованной методологии были обусловлены необходимостью комплексного изучения роли нижней палаты отечественного парламента в процессе формирования и реализации внешней политики, способствуя последовательному решению исследовательских задач.

Внешнеполитическое измерение деятельности представительных институтов и конкретно Государственной Думы Федерального Собрания

Российской Федерации – с учётом влияния внешних и внутренних факторов – изучалось отечественными и зарубежными исследователями, работы которых различались в зависимости от целей, подходов, акцентов, направлений и глубины научного анализа. В этом отношении систематизация исследований данной проблемы характеризуется известными сложностями, связанными с выбором критериев, поскольку речь идёт об освещении влияния факторов внутренней и внешней среды на элементы внешнеполитического механизма государства в их эволюции и взаимообусловленности [388; 397; 398; 401; 403; 494; 602]. В связи с этим наиболее дискуссионные вопросы – теоретические аспекты механизма формирования и реализации внешней политики, инструменты и технологии внешнеполитической деятельности представительных институтов и особенности российской внешнеполитической традиции – были рассмотрены в специальных пунктах диссертации. Таким образом, исходя из цели и задач, специфики изучаемой темы и большого количества привлекаемых исследований, имеющиеся труды представляется целесообразным условно разделить на ряд направлений, каждое из которых соотносится с обозначенной проблемой, раскрывая значимые особенности вопросов диссертационного исследования.

Первое направление включает разработки в сфере глобальных тенденций эволюции на уровне современной мир-системы и международной системы, а также проблем международной безопасности, геополитической конкуренции и позиционирования в этом контексте России.

Среди отечественных авторов, с разных сторон исследовавших данную проблематику, стоит отметить работы В. А. Аваткова [173], Т. А. Алексеевой [179], С. Н. Бабурина [190], А. В. Баранова [200], Н. А. Баранова [207; 208], В. Г. Барановского [209], В. К. Белозёрова [219], А. Д. Богатурова [225], Т. В. Бордачева [231], А. А. Вилкова [251], К. С. Гаджиева [270], М. Г. Делягина [295], Д. Г. Евстафьева [303], Д. В. Ефременко [307], И. С. Иванова [325], Л. Г. Ивашова [327], М. В. Ильина [329], А. А. Ирхина [330; 331; 333], А. В. Ишина [340; 341], С. Г. Кара-Мурзы [356; 357], О. Г. Карповича [359; 471], Т. В. Кашириной [173], В. Г. Когута [376], О. А. Колобова [382], В. Н. Коньшева

[627], М. М. Лебедевой [179; 428], А. В. Лукина [440], Ф. А. Лукьянова [441], А. В. Манойло [359; 471], А. М. Миграняна [467], Ю. Н. Мостяева [482], В. В. Наумкина [487], С. М. Небренчина [190], Г. Н. Нурышева [376; 495], А. А. Сергунина [613; 627], Н. А. Симонию [615], Э. Г. Соловьёва [631; 632], О. В. Столетова [635], О. О. Хохлышевой [382; 692], М. А. Хрусталёва [227; 694], П. А. Цыганкова [696] и др. При этом в контексте проблематики исследования наибольшее значение имели труды С. А. Караганова [354; 355], А. С. Панарина [515], Е. М. Примакова [582; 583; 584], А. В. Торкунова [657], А. И. Уткина [668–672], М. А. Шепелева [642; 713; 714], С. В. Юрченко [739–742], в которых с позиций держаничества и неоевразийства анализируются: особенности эволюции международных систем и основные характеристики современной системы международных отношений; характер новых вызовов и угроз национальной безопасности России; перспективы развития Российской Федерации в условиях современных глобальных тенденций. Либеральный взгляд на указанные проблемы – полезный с точки зрения альтернативного видения ситуации – представляют исследования А. Г. Арбатова [186], Д. В. Тренина [659; 660], Л. Ф. Шевцовой [710]. Отдельно следует отметить монографию В. И. Пантина «Мировые циклы и перспективы России в первой половине XXI века: основные вызовы и возможные ответы» [517], в рамках которой комплексно изучается влияние циклов и волн мирового развития на эволюцию роли и места России в мире, обосновываются возможные варианты её будущего в условиях кризиса и изменения мирового порядка, даётся прогноз международного развития на базе исследования ритмов и циклов социально-политической динамики.

Что касается изучения вопросов в рамках указанного направления за рубежом, то в этом отношении также наблюдается неоднородность в оценках и выводах. Необходимо отметить вклад таких зарубежных исследователей, как З. Бжезинский [221; 222], Р. Блэквилл [224], С. Браун [760], П. Бьюкенен [238], П. Гордон [789], Т. Грэм [291; 790], Д. Дрезнер [298], Ф. Закария [317], Дж. Икенбери [796], К. Кайзер [346], П. Кеннеди [802], Р. Кеохейн [803], С. Б. Коэн [771], М. Кремона [774], У. Мид [468; 832], Дж. Миршаймер [833],

Р. Мэнсбех [826], Дж. Най [803; 848; 849; 850], Дж. Розенау [870; 872], Г. Роуз [597], Дж. Сорос [633], С. Тэлботт [898], Дж. Фридман [680; 681], Т. Фридман [682], Р. Хаас [685; 792], Дж. Харрис [224], Э. Эшфорд [749] и др. В этом отношении выделяются работы Дж. Арриги [188] и И. Валлерстайна [239; 240; 241; 905], в которых осуществляется фундаментальное исследование глобальных тенденций с позиций мир-системного подхода. Глубинный анализ эволюции мирового порядка в неореалистском духе был осуществлён Г. Киссинджером [369; 370]. Цивилизационное измерение мировой политики с прогнозированием трансформаций международной системы представлено в исследованиях С. Хантингтона [686; 794; 795]. Значимыми в плане акцентирования современных вызовов и угроз международной безопасности были труды К. Кайзера [346], Р. Каплана [352; 799; 800], Ч. Капхена [352], Ф. Фукуямы [683]. Интересным представляется вариант прогнозирования «альтернативного будущего России» в условиях текущих глобальных тенденций, предлагаемый Э. Качинсом [812]. При этом работы западных исследователей отличает акцентирование российских «слабых сторон» и «недостатков», которыми можно воспользоваться в обстоятельствах нарастания международной напряжённости.

В рамках второго направления рассматриваются исследования теоретико-методологических аспектов процесса формирования и реализации внешней политики государств, в том числе общие вопросы функционирования государственных внешнеполитических механизмов. К этому направлению относятся труды следующих отечественных специалистов: А. В. Антонов [184], Э. Я. Баталов [211], А. Д. Богатуров [226; 227], О. Н. Быков [237], В. И. Денисов [296], Е. В. Журбей [311; 312; 313], И. А. Истомин [335], А. А. Кокошин [377], Е. В. Колдунова [637], Д. А. Ланко [424], М. М. Лебедева [427], С. И. Лунев [442], В. И. Попов [579], Д. В. Стрельцов [636; 637], М. А. Хрусталева [694], П. А. Цыганков [696], С. В. Юрченко [737] и др. Комплексный анализ различных факторов, влияющих на принятие и реализацию внешнеполитических решений, с особым вниманием к социокультурным и историко-цивилизационным аспектам, содержится в учебном пособии Т. А. Алексеевой и А. А. Казанцева

«Внешнеполитический процесс. Сравнительный анализ» [178]. Общетеоретическим вопросам внешнеполитической деятельности государств посвящены работы В. Е. Болдырева [230], Л. А. Закировой [318], А. И. Кондратова [385; 386], А. А. Косорукова [403], подробно охарактеризовавших внутренние и внешние факторы принятия внешнеполитических решений. При этом вопросы, связанные с конкретизацией понятия «внешнеполитический механизм», его сущностью и соотношением с понятием «внешнеполитический процесс», не получили системного исследования.

Проблемы теории и методологии изучения внешнеполитического процесса и внешнеполитического механизма государств исследовались такими зарубежными экспертами, как Г. Аллисон [747], П. Камат [829], Г. Киссинджер [371], К. Матур [829], Э. Моравчик [838], Г. Моргентау [478; 839], Р. Патнэм [861], Ч. Раджа Мохан [862], Т. Риссе-Каппен [866], Дж. Розенау [871], Г. Роуз [869], А. Уолферс [913], У. Уолфорт [912], М. Херманн [793], Ч. Херманн [793], О. Холсти [688], Р. Швеллер [882], А. Шлезингер-младший [725] и др. Уделив должное внимание внутренним и внешним факторам принятия внешнеполитических решений, зарубежные исследователи зачастую упускают из виду глубинную сущность внешнеполитического механизма, характер взаимодействующих элементов его системы с учётом специфики внешнеполитической традиции и политической культуры государств, давая в целом обстоятельные, но излишне абстрактные определения и сентенции.

Третье направление характеризуется исследованиями генезиса, сущности, основных тенденций, подходов и проблем российской внешней политики и, учитывая многомерность и масштабы рассматриваемых вопросов, подразделяется на несколько групп.

Так, истоки и современное состояние внешней политики России сквозь призму её социально-экономических, культурно-психологических и внутривнутриполитических характеристик, применяя отличающиеся методологические подходы и акцентируя внимание на разных чертах и проявлениях, изучали такие

отечественные авторы, как А. Г. Арбатов [185], А. В. Баранов [197], В. Н. Виноградов [256], О. А. Габриелян [267], С. Н. Гавров [268], К. С. Гаджиев [269], Е. Т. Гайдар [271], Е. А. Глущенко [284], А. Г. Дугин [301], А. А. Ирхин [331], И. И. Кальной [348], С. И. Каспэ [360], Н. В. Киселева [366], С. Н. Киселев [367], В. Ю. Крашенинникова [406], А. В. Мальгин [452], В. М. Межуев [466], В. А. Никонов [492], Э. А. Паин [511], А. П. Паршев [523], Ю. С. Пивоваров [566], Р. Г. Пихоя [568; 569], А. М. Салмин [602], Т. А. Сеньюшкина [610], Е. В. Скребец [616; 617], Д. В. Тренин [659; 660], А. С. Филатов [676], В. Л. Цымбурский [697; 698], Е. А. Шляпникова [726], С. О. Шмидт [727], И. Г. Яковенко [744] и др. В этом плане стоит выделить монографию Б. Ю. Кагарлицкого «Периферийная империя: циклы русской истории» [342], в которой на основе анализа исторического опыта охарактеризованы особенности позиционирования России в современной мир-системе, учитывая влияние данного фактора на специфику внутренней и внешней политики в их соотношении. Обстоятельное исследование ритмов международного развития как фактора политической модернизации России на конкретных исторических примерах провели В. В. Лапкин [425] и В. И. Пантин [425; 517]. В работах А. И. Уткина [668; 670; 672], помимо аргументированного варианта периодов упадка и могущества российской государственности, содержится глубинный анализ истоков и эволюции отечественной внешней политики с акцентом на особенностях отношений России и Запада, а также трансформаций международного порядка.

Основные характеристики внешнеполитической традиции России, учитывая различия в контекстах и выводах, рассматривались в трудах следующих зарубежных исследователей: Э. Бриггс [234], Р. Гартхофф [785], Р. Дональдсон [777], Н. Дэвис [302], П. Клэвин [234], С. Коткин [810; 811], С. Ф. Коэн [404; 772], А. Леклерк [429], У. Мосс [843], Г. Мюнклер [486], Дж. Мэтлок [828], А. Празиускас [581], Х. Смит [885], Н. Соков [887], А. Тойнби [653], Д. Тризман [661], Р. Уорт [664], Н. Фергюсон [675], Дж. Фридман [680], С. Хантингтон [686], Д. Шляпентох [883] и др. Необходимо отметить работы авторов, обстоятельно изучивших такие аспекты: особенности позиционирования России в современной

мир-системе (Ф. Бродель [235], И. Валлерстайн [241], Д. Ливен [433; 434]); императивы и специфика российской интеграционной политики (Р. Каплан [313], П. Кеннеди [802], Г. Киссинджер [369; 370], Дж. Хоскинг [690; 691]); внутренние социально-психологические и идейно-политические противоречия относительно внешнеполитической ориентации России (А. Коэн [770], Р. Крэйг Нэйшн [773], Р. Пайпс [512; 513]).

В этом отношении попытки осмысления исторических основ и специфики российской внешней политики, предпринятые отечественными и зарубежными учёными, представляются в разной степени ценными. Исследователи из США и Великобритании, рассматривая генезис и особенности внешнеполитических подходов России с позиций национальных интересов своих государств, пытались, в первую очередь, определить и проанализировать традиционные характеристики, трактовавшиеся либо как «слабые места» геополитического конкурента, которые можно использовать против него, либо в контексте необходимости адекватного ответа на так называемую «российскую угрозу» Западу. В то же время, среди российских специалистов преобладали стремления исследовать исторический опыт внешней политики Отечества в целях выработки рекомендаций для усиления его международных позиций, что не всегда приводило к желаемому результату, учитывая множественность точек зрения, неоднородность выводов и прогнозов. При этом, как в отечественной, так и в зарубежной историографии изучение особенностей внешнеполитической традиции России, её императивов и детерминант, имело преимущественно ситуативный характер, кроме того, часто искажаясь в результате политико-идеологической ангажированности.

К следующей группе можно отнести различные аспекты внешнеполитического процесса и внешнеполитического механизма России, которые изучались отечественными учёными: Д. Г. Балухевым [195], А. В. Борковым [233], А. Т. Ковальчук [374], С. В. Картуновым [395; 397], К. И. Косачевым [398], С. А. Манько [456], О. В. Марусиной [459], М. А. Неймарком [490], Е. Я. Павловым [506], Д. С. Покровским [573], А. А. Сергуниным [613], А. В. Торкуновым [657], Ю. Е. Федоровым [673] и др.

Информативностью и глубиной отличается работа А. М. Салмина «Изнанка внешней политики» [602], ставшая, в сущности, первым обстоятельным исследованием российского внешнеполитического механизма, где – при наличии порой довольно жёстких формулировок и критических оценок – охарактеризованы его элементы и подсистемы, учитывая анализ внешних и внутренних факторов. В статье Н. А. Косолапова «Становление субъекта российской внешней политики» [401] предпринята попытка дать определение понятиям «внешнеполитический механизм» и «внешнеполитический процесс» в контексте их соотношения, а также показать эволюцию внешнеполитического процесса Российской Федерации, уделив особое внимание внутренним факторам (характеру элит, их взаимодействию с обществом, специфике принятия внешнеполитических решений). Особенности механизма принятия внешнеполитических решений рассматриваются Д. В. Трениным [660]. Структура и механизм процесса принятия внешнеполитических решений в России в свете административных перемещений в группе внешнеполитической элиты освещается в исследовании В. В. Аверкова [174]. Отмечая наличие ряда трудов, содержащих характеристику отдельных аспектов функционирования российского внешнеполитического механизма на разных этапах, следует констатировать отсутствие комплексного исследования данной проблемы, в котором бы анализировались вопросы генезиса, эволюции и современного состояния его системы.

Типичные характеристики внешнеполитического процесса России, а также механизма формирования и реализации её внешней политики рассматривались в работах таких зарубежных исследователей, как С. Бланк [755; 756; 876], Р. Дональдсон [777], Р. Легволд [819; 820], Дж. Ноги [846], А. Осипович [852], и др. Р. Канет [798], А. Коэн [770], К. Робертс [867] особое внимание уделяют анализу состояния и позиций российских элит в процессе формирования внешней политики. При этом зарубежные исследования данной проблематики носят ситуативный характер, зачастую не учитывая императивов конкретных решений,

связанных с особенностями российской внешнеполитической традиции и политической культуры.

Очередная группа содержит работы российских авторов, затрагивавших проблемы внешнеполитического курса России в контексте конкуренции глобальных и региональных акторов на постсоветском пространстве: А. Г. Арбатова [186], С. Н. Бабурина [191], И. В. Бахлова [214; 215], А. Д. Богатурова [225], С. Ю. Глазьева [280; 281], Ю. Ф. Година [285], А. Г. Дугина [300], А. А. Ирхина [330–333], А. В. Ишина [340; 341], А. А. Казанцева [344], М. А. Колерова [379], А. В. КОРТУНОВА [809], П. В. Кузьмина [415], А. М. Либмана [431], А. В. Мальгина [453], С. М. Маркедонова [457], В. Н. Меркушева [344], Н. А. Нарочницкой [488], А. Р. Никифорова [491], В. А. Никонова [493], Г. Н. Нурышева [495], Г. О. Павловского [507], Е. И. Пивовара [565], Ю. Н. Рахманинова [592], А. И. Суздальцева [639; 640], В. А. Тишкова [652], А. В. Торкунова [657], Д. В. Тренина [659; 660; 903], С. А. Усова [666], Е. Д. Фурмана [684], А. А. Чемшита [700; 701], Л. Ф. Шевцовой [710], Ю. В. Шишкова [724], А. Д. Шутова [731], П. Г. Щедровицкого [736], и др. В этом плане стоит отметить труды А. В. Баранова [196; 198; 199], касающиеся роли русских общественных объединений и проблемы Черноморского флота в ракурсе воссоединения Крыма с Россией, а также российско-белорусских отношений. Анализ особенностей интеграционной политики России в регионе СНГ представлен в исследовании О. В. Бахловой [216]. В сборнике статей И. С. Иванова «Украинский кризис через призму международных отношений» [325] предпринимается одна из первых попыток рассмотрения истоков данной ситуации в широком контексте международных отношений. Л. С. Косикова [400] характеризует проблемы и перспективы постсоветской интеграции с акцентом на экономическом измерении.

Особенности национальных интересов и стратегических подходов России, а также их реализации на разных внешнеполитических направлениях, учитывая различия в оценках и выводах, рассматривались в исследованиях следующих российских учёных: Н. А. Баранова [206; 207; 208], Т. В. Бордачева [231],

А. А. Вилкова [251], В. А. Гуторова [293], М. Г. Делягина [295], И. Д. Звягельской [321], Л. Г. Ивашова [327], Ю. И. Казанцева [345], С. А. Караганова [354; 355], А. А. Кокошина [337], А. А. Коновалова [808], Н. В. Коровицыной [393], С. В. Картунова [396], А. А. Крутских [408], В. Л. Ларина [426], С. Г. Лузянина [437], А. В. Лукина [439], А. В. Манойло [359; 471], С. С. Морозова [480], Е. М. Примакова [582; 583; 584], А. А. Сергунина [613], Э. Г. Соловьева [631], Н. Ю. Ульченко [663], А. И. Уткина [668; 672], И. А. Чихарева [705; 706], В. Л. Шейниса [712], А. А. Ширинянца [293], П. В. Шлыкова [663], А. Ю. Шутова [293] и др. Обстоятельный анализ специфики российско-американских отношений с проекцией на их современное состояние представлен в исследовании В. И. Батюка [213]. В монографии А. С. Давыдова «Пекин, Вашингтон, Москва: взаимоотношения в контексте трансформации глобальной архитектоники» [294] рассматривается эволюция взаимодействия России, США и Китая в XX – начале XXI вв. в ракурсе глобальных тенденций, а также характеризуется роль каждой из упомянутых стран отдельно и в совокупности в формировании модели будущего мироустройства. Различные аспекты российско-китайских отношений в контексте геостратегических вызовов современного мира – с учётом ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе и ряде международных организации и форматов (ЕврАзЭС, АТЭС, ШОС, РИК, БРИК/ БРИКС, G-20 и др.) – изучены в рамках книги М. Л. Титаренко «Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире. Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы» [650]. М. А. Неймарк в монографии «Эволюция внешнеполитической стратегии России» [490] осуществил сравнительный анализ изменений, которые претерпели концептуальные основы современной российской внешней политики, выявив эволюцию геополитического статуса Российской Федерации в сторону усиления её позиций и роли в мировой политике.

Различные аспекты внешней политики Российской Федерации – важные с точки зрения комплексного изучения её внешнеполитического механизма – в контексте международной конкуренции затрагивались в работах ряда зарубежных экспертов: Р. Аллисона [747], Р. Асмуса [751; 752], Дж. Балта [762],

З. Бжезинского [221], С. Бланка [754; 755; 756], И. Бреммера [759], Я. Бугайски [761], Э. Бэйлис [759], Р. Вейца [907], Дж. Голдгейера [286], М. Ф. Голдмана [787], В. Диас [775], Л. Ди Пуппо [776], Я. Домански [763], Р. Дональдсона [777], Ч. Зиглера [915], Ф. Ин [914], Ф. Камерона [763], Л. Карабешкина [358], А. Каратницкого [801], Ч. Карлсона [766], Р. Канета [798], Г. В. Касьянова [361], Л. Кеменя [362], Ч. Кинга [805; 806], Г. Киссинджера [372; 807], К. Коктыша [483], Р. Крэйга Нэйшна [773], Т. Кузьо [813; 814; 815], Л. Литры [822], Э. Лукаса [438], М. Макфола [286; 773; 830], Р. Менона [835], А. Молиса [837], Э. Морса [840], А. Мотыля [801], А. Мошеса [483; 841], К. Нитою [845], У. Одома [851], В. Папавы [853], В. Посельски [860], А. Рара [591], П. Ричардсона [865], Р. Саквы [600; 878], Д. Сандерс [879], К. Смита [886], Х. Смит [885], В. Сокора [888], Ф. Старра [889], А. Стент [893], Ф. Стивена Лэрреби [816; 817], Э. Сулейманова [895], Р. Сюни [896], А. Тадевосяна [897], Ф. Толипова [654], Б. Цырди [699], Дж. Шерра [881], Ф. Шиммельфеннига [880], Р. Эбеля [781], М. Эмерсона [783], Э. Эшфорд [749] и др. На фоне многочисленных исследований стоит выделить труды, полезные в плане анализа основных тенденции внешней политики России. Так, в монографии Э. Вишник «Россия, Китай и США в Центральной Азии: перспективы конкуренции и сотрудничества великих держав в тени грузинского кризиса» [911] рассматривается обозначенная ситуация в ракурсе интересов Соединённых Штатов. обстоятельный анализ императивов внешней политики России с характеристикой влияния внешних и внутренних факторов содержится в работах Р. Легволда [819; 820]. Специфика трансформации внешнеполитической стратегии России в контексте взаимодействия с США и европейскими государствами раскрывается в исследованиях Д. Саймса [599; 884]. Критическая оценка российской внешней политики с либеральных позиций прослеживается в трудах Д. Тризмана [661; 901; 902].

В рамках четвёртого направления находятся исследования особенностей формирования и функционирования политической системы государства и различных групп российского общества в контексте их влияния на отечественную внешнюю политику и участие в ней представительных органов.

В частности, специфика состава, мировоззрения и мышления российских элит и позиции групп интересов, оказывавших прямое или косвенное воздействие на работу обеих палат парламента (в том числе решения, связанные с международно-политической сферой) рассматривались в трудах следующих отечественных авторов: А. С. Автономова [175], И. В. Бахлова [214], О. В. Бахловой [215], А. Э. Бинецкого [223], Л. Д. Гудкова [292], Ю. И. Дроздова [299], П. А. Иванова [326], С. И. Илларионова [299], М. А. Казакова [343], П. С. Каневского [351], А. Л. Кобринского [373], Ю. Г. Коргунюка [391], А. П. Любимова [444], М. С. Лыцева [343], О. В. Малаховой [448], Л. Е. Медведевой [462], Р. А. Медведева [463], С. Д. Оболенцевой [497], А. В. Павроза [508; 509; 510], А. С. Панарина [514], С. П. Перегудова [559; 560], Ю. С. Пивоварова [566], Р. Г. Пихои [568; 569], Н. И. Платоновой [570; 571], Ю. А. Полякова [576], А. В. Понделкова [634], А. В. Селезневой [604], Е. С. Семеновой [607], Э. Г. Соловьева [631], А. М. Старостина [634], С. С. Сулакшина [641], П. А. Толстых [655], Р. Ф. Туровского [904], С. В. Устинкина [667], Д. В. Шикунова [722], И. Р. Шогенова [728], Л. Т. Шпигеля [730] и др. В этом контексте стоит отметить работы О. В. Гаман-Голутвиной [275–278], в которых раскрываются особенности персонального состава парламентского корпуса в их соотношении с элитами и группами интересов, рассматриваются политико-финансовые кланы как селекторат в процессах парламентского представительства современной России. Генезис, механизмы формирования состава и специфика психологии российской элиты характеризуются в монографии О. В. Крыштановской «Анатомия российской элиты» [414]. В исследованиях Е. Б. Шестопаля [626; 718] содержится политико-психологический анализ представителей отечественной политической элиты, в том числе депутатов Государственной Думы. А. Ю. Шутов [733; 734] охарактеризовал особенности отечественных политических партий в ракурсе трансформации правящих элит Российской Федерации.

Внешнеполитические приоритеты разных социальных групп РФ, влиявших на избирательный процесс в государстве, формирование органов

представительной и законодательной власти и международно-политические установки их состава, исследовались такими российскими специалистами, как А. В. Баранов [196], А. А. Галкин [273], Е. Г. Городецкая [704], С. П. Перегудов [561], Т. А. Сеньюшкина [610], В. А. Тишков [652], Т. В. Хриенко [693], В. А. Чигрин [704], Ф. Э. Шереги [716], Е. Б. Шестопал [588; 719] и др. Так, основательное исследование особенностей восприятия парламентаризма в массовом сознании (на примере российского крестьянства) осуществлено А. А. Вилковым [253]. Внешнеполитические ориентации россиян в контексте вызовов современной глобальной политики охарактеризованы М. К. Горшковым и В. В. Петуховым [287]. Личностные особенности депутатов партийных фракций Государственной Думы РФ V созыва рассмотрены Е. С. Филистович [677].

Среди зарубежных авторов, изучавших специфику политической системы и социально-экономического положения Российской Федерации, мировоззренческие установки её элит и других социальных групп, следует отметить работы А. Аслунда [750], Н. Боллейер [757], Д. Бранкати [758], Г. Гилла [786], Э. Джека [797], И. Ф. Кононова [389], С. Ф. Коэна [772], А. Ливена [432], М. Липман [821], Дж. Ллойда [823], М. Маколи [831], Р. Д. Марквика [786], А. А. Мелешевича [834], Р. Менона [835], Р. Мозера [842], У. Мосса [843], С. Нанна [847], Т. Николса [844], Р. Пайпса [512], Н. Петро [857], А. Рара [591], Дж. Рейтера [864], К. Росса [873], Д. Саймса [599; 884], А. Серона [768], А. Сталберга [847], М. Тавиц [899], Д. Тризмана [661; 901; 902], Д. Уайта [908], К. Уилсона [910], Э. Фридмана [784], П. Чейсти [769], Н. Эберштадта [782] и др. В этом плане заслуживает внимания фундаментальная монография Э. Модсли и С. Уайта «Советская элита от Ленина до Горбачева. Центральный Комитет и его члены, 1917–1991 гг.» [475], в которой осуществлён комплексный анализ генезиса и основных характеристик советской политической элиты. В работе М. И. Голдмана [788] предпринимается попытка охарактеризовать специфику взаимоотношений Президента Российской Федерации и олигархов в начале 2000-х гг. П. Дункан [778] рассмотрел примеры воздействия олигархов и представителей крупного бизнеса на внешнюю политику современной России.

Особенности политической системы России с акцентом на характеристике «партии власти» в либерально-демократическом ключе освещаются Т. Ремингтоном [863; 864] и Р. Саквой [600; 878], что в целом характерно для западных авторов.

К пятому направлению можно отнести исследования вопросов генезиса и эволюции отечественного парламентаризма, в том числе становления и развития Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.

Обозначенные аспекты с различных сторон рассматривались такими отечественными исследователями, как С. А. Авакьян [172], И. А. Азовкин [265], И. И. Алипулатова [181], А. А. Амиантов [183], Е. А. Баранова [201; 202], Н. П. Баранова [203], Н. Р. Баранова [204], А. М. Беляев [220], Е. Д. Богатырев [228], А. В. Бойко [229], А. В. Буянов [236], Е. А. Вандышева [242], Н. А. Васецкий [244], А. И. Вершинин [248], Р. М. Веснин [249], В. В. Викторов [250], А. А. Вилков [252; 253], Р. Р. Вильданов [254], И. В. Воробьев [264], У. Б. Гайсин [272], А. И. Горылев [288], С. Р. Гостинова [289], Д. А. Ежов [304], А. С. Елевич [305], Ш. В. Жамалдаев [308], В. Т. Завьялов [315], Г. В. Зибарев [322], З. М. Зотова [323], П. А. Иванов [326], В. Б. Исаков [334], И. Р. Калимуллина [347], А. А. Керимов [363; 364], И. К. Кирьянов [365], В. С. Комаровский [384], В. В. Крамской [405], Ю. К. Краснов [244], В. В. Куликов [416], А. В. Кунов [417], В. Н. Курьянов [418], В. А. Кустов [419–422], А. В. Кынев [423], М. Н. Лукьянов [365], И. Ф. Луппов [443], А. П. Любимов [445], Б. И. Макаренко [824], В. Д. Мазаев [446], О. Г. Малышева [450; 451], Р. Ф. Матвеев [460], Г. Н. Махачев [461], М. Ю. Мизулин [469], Т. Н. Митрохина [473], М. А. Мовсесян [474], И. В. Моисеенко [476], Ю. Н. Мостяев [481], И. В. Мушкаев [485], С. П. Обухов [498; 499], Н. В. Онишко [502], К. М. Паронян [521], Л. С. Пастухова [524], Ю. С. Пивоваров [567], Я. А. Пляйс [572], А. В. Понделков [577], А. Д. Попова [578], В. М. Попов [580], А. С. Репринцев [593], Р. М. Романов [594; 595], И. П. Рыбкин [598], В. В. Северинко [603], Г. Н. Селезнев [605], Е. С. Семенова [607], Т. В. Семькина [609], Л. А. Сидоренко [614], В. С. Слобожникова [619], А. Ф. Смирнов [622], Л. В. Сморгун [623],

А. В. Соколова [180], Е. П. Соколова [628], А. И. Соловьев [629], А. М. Старостин [577], А. С. Стукальский [638], А. Ю. Сунгуров [242; 643], Н. А. Съедин [645], М. С. Танцура [647], Д. Б. Тев [648; 649], Д. В. Тихомиров [651], И. С. Томилов [656], В. Е. Усанов [665], П. А. Федосов [674], Е. С. Филистович [677], С. С. Фоменко [679], О. В. Цветкова [695], А. Г. Чернышов [703], В. Б. Чурбанов [707], Н. И. Шестов [717], Е. Б. Шестопап [720], В. А. Шеховцов [721], Д. В. Шикунов [722], М. П. Широкова [723], А. Н. Шохин [729], А. Ю. Шутов [732; 733; 734], А. И. Янчуков [746] и др.

На этом фоне следует отметить монографию В. И. Ерёменко «Российский парламентаризм: политологические, правовые и социально-культурные аспекты» [306], в которой был проанализирован политико-правовой опыт становления и развития институтов народного представительства в России с периода средних веков до новейшего времени. В. Н. Колесников в рамках монографии «Народное представительство и парламентаризм в России: проблемы становления и развития» [380] провёл обстоятельное исследование социально-политической природы народного представительства, показав эволюцию института представительной власти в России в контексте взаимодействия двух основных источников парламентаризма: отечественной политической традиции и влияния мирового опыта демократического развития. Вопросы генезиса и эволюции российского парламентаризма, в том числе характера и изменений персонального состава Государственной Думы Российской Федерации, охарактеризованы в работах О. В. Гаман-Голутвиной [274–278]. В монографии И. В. Гранкина «Парламент России» [290] рассмотрены аспекты формирования отечественного парламента и его место в системе органов власти, в частности, особенности полномочий Государственной Думы. Авторами коллективной монографии «Влияние и структурная устойчивость в российском парламенте (1905–1917 и 1993–2005 гг.)» [180] Ф. Т. Алескеровым, Н. Ю. Благовещенским, Г. А. Сатаровым, А. В. Соколовой и В. И. Якубой разработана методология деятельности парламента, которая позволяет выявить влияние участников на его решения, оценив структурную устойчивость представительного института. В этом

отношении исследователи охарактеризовали состав и ключевые события деятельности Государственной Думы I–IV созывов, изучив распределение влияния групп и фракций.

Истоки и особенности становления российского парламентаризма, с учётом различия в подходах, исследовались зарубежными авторами: М. Макфолом [830], Р. Мозером [842], Т. Ремингтоном [854; 863; 864], А. Таваходи [646], Д. Тризмано [661; 901], С. Уайтом [909], Дж. Хоскингом [690; 691] и др. При этом следует выделить монографию Дж. Глейзнера и П. Чейсти «Российская Государственная Дума: структура, деятельность и эволюция в период 1993–1997 годов» [283], в которой рассматриваются вопросы становления и развития нижней палаты парламента, а также структурно-функциональные стороны её деятельности. Аспекты парламентской предвыборной кампании 1995 г. подробно исследованы Л. Белин и Р. Орттунгом [753]. Специфика деятельности оппозиции в Госдуме изучается Л. Марчем [827]. Однако в рамках западного научного дискурса – при наличии ряда трудов, посвящённых отдельным проблемам российского парламентаризма – отсутствуют комплексные исследования генезиса и эволюции нижней палаты отечественного парламента с учётом влияния политической традиции, внутреннего расклада сил и внешних факторов.

Труды, в которых исследовались вопросы, связанные с участием отечественных представительных и законодательных органов государственной власти во внешней политике, находятся в рамках шестого направления, которое представляется наименее разработанным в отечественных и зарубежных исследованиях.

Так, подходы и механизмы парламентской дипломатии изучались российскими экспертами: А. А. Виноградовой [255], Д. Ю. Жуком [310], А. А. Зайцевой [316], В. Э. Камучевой [350], А. Е. Коньковым [390], В. Ю. Песковым [563], В. И. Поповым [579] и др. Особенности современной парламентской дипломатии в свете глобальных тенденций – с примерами инициатив Федерального Собрания Российской Федерации – рассмотрены М. В. Варлен [243]. В работах К. И. Косачева [399] проанализированы основные

методы и направления отечественной парламентской дипломатии с акцентом на деятельности Совета Федерации и взаимодействии в рамках МПА СНГ. В. Н. Лихачев [435; 436] обозначил тенденции развития парламентской дипломатии России с указанием рекомендаций, направленных на её усовершенствование. Подробная характеристика парламентской дипломатии в контексте современных международных тенденций, вызовов и угроз представлена О. В. Морозовым [479]. Вместе с тем, рассматривая методы и перспективы этой формы деятельности, исследователи зачастую избегают критических суждений, упоминаний наличия имеющихся недостатков и их анализа.

МПА СНГ как инструмент консолидации межпарламентского сотрудничества в Содружестве изучался В. И. Балакиревой [191]. Специфика парламентской дипломатии в рамках СНГ исследовалась Ю. В. Косовым и А. В. Торопыгиным [402]. Обстоятельный анализ парламентского измерения евразийской интеграции – с учётом функциональных рекомендаций в целях повышения её эффективности – представлен в статье [489] С. Е. Нарышкина и Т. Я. Хабриевой.

Различные аспекты влияния российского парламента на функционирование государственного внешнеполитического механизма затрагиваются в работах отечественных исследователей: А. В. Баева [192], В. С. Баева [193], И. В. Бахлова [215], О. В. Бахловой [215; 217], Р. М. Веснина [249], П. А. Иванова [326], В. А. Кустова [419–422], М. А. Лемуткиной [430], А. И. Манжукова [455], В. И. Мельникова [465], В. М. Мирошниченко [472], С. А. Моисеенко [477], С. Д. Оболенцевой [497], А. Г. Овсепяна [500], Т. В. Перевезенцевой [558], А. Ю. Сунгурова [242; 643] и др. Основные характеристики конституционно-правового механизма осуществления внешней политики Российской Федерации были рассмотрены Е. Я. Павловым [506], который в юридическом ракурсе оценил полномочия Федерального Собрания в области внешней политики. Выявление специфики функций и роли Совета Федерации во внешнеполитическом процессе России – учитывая объективную критику имеющихся в этом отношении проблем и противоречий – осуществлено в исследовании Д. С. Покровского [573].

Д. В. Новиков [494] изучил особенности реализации Государственной Думой I–III созывов представительной функции во внешнеполитической сфере. Отмечая обстоятельность его работ, вместе с тем, представляется, что в них не уделено должного внимания характеристике недостатков данной области парламентской деятельности. Анализ международной активности нижней палаты отечественного парламента и выявление на этой основе путей повышения эффективности российской парламентской дипломатии представлены в труде Е. В. Кондрашовой [388], охарактеризовавшей её особенности и роль во внешней политике Российской Федерации, акцентируя внимание на международной деятельности Государственной Думы IV созыва. Помимо теоретического значения, к сильным сторонам данного исследования стоит отнести определение проблем внешнеполитической деятельности нижней палаты и аргументацию возможностей их решения. Что касается недостатков, то к таковым относится ситуативное освещение теоретических и исторических аспектов парламентской деятельности, а также ограниченность практической части изучением периода работы Госдумы IV созыва.

Теоретические аспекты участия представительных и законодательных органов государственной власти во внешнеполитическом процессе государств рассматривались такими зарубежными специалистами, как А. Д. Мурзакулова [484], Дж. Най [848; 849; 850], Д. Раск [874], С. Ставридис [890; 891], К. Томсон [900], П. Хаас [791] и др. Среди зарубежных исследователей, изучавших специфику влияния российских представительных и законодательных органов власти на государственную внешнюю политику, следует отметить труды Дж. Глейзнера [283], Р. Пайпса [512; 513], Р. Саквы [600; 878], Д. Уайта [908], П. Чейсти [283; 769] и др. Уделяя основное внимание теоретическим и практическим проблемам парламентской дипломатии, в зарубежном научном дискурсе отмечается отсутствие комплексных исследований внешнеполитической деятельности Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. В этом контексте авторы концентрируются преимущественно на обзоре основных проблем генезиса и становления российского парламентаризма,

а также традиционных характеристик отечественных представительных институтов в плане взаимодействия с исполнительной властью, влияния на общество и политический процесс.

Обзор исследовательской литературы позволяет выявить важные для настоящей работы обстоятельства.

Представляется, что подробно изучена проблематика основных тенденций мирового развития и вопросов международной безопасности в контексте их влияния на внешнюю политику России. Достаточно разработанным является направление общих теоретических и методологических аспектов исследования внешнеполитических процессов и внешнеполитических механизмов государств. Всесторонне исследованы проблемы внешнеполитического курса России в ракурсе конкуренции глобальных и региональных акторов на постсоветском пространстве, а также специфика российских национальных интересов, стратегических подходов и их реализации на разных внешнеполитических направлениях. Значительное развитие получило изучение вопросов генезиса и эволюции отечественного парламентаризма. Особенности состава, мировоззренческих установок и менталитета элит и групп интересов российского общества, их внешнеполитические приоритеты, оказывавшие влияние на избирательный процесс, формирование и функционирование палат парламента широко исследованы отечественными и зарубежными специалистами.

Изучение проблематики внешнеполитического процесса и внешнеполитического механизма России характеризовалось относительной разработанностью общетеоретических аспектов и отсутствием фундаментальных исследований на основе системного анализа, учитывающего влияние в этом контексте позиционирования в современной мир-системе и трансформации международной системы, а также значения прочих внешних и внутренних факторов. Направление, связанное с вопросами участия отечественных представительных и законодательных органов государственной власти во внешней политике, в том числе их влияние на внешнеполитический процесс, представляется наименее разработанным. В этом отношении внимание

отечественных исследователей зачастую было сосредоточено на подходах и механизмах парламентской дипломатии, а также на различных аспектах воздействия российского парламента на функционирование государственного внешнеполитического механизма. В работах зарубежных экспертов затрагивались, главным образом, теоретические аспекты участия представительных и законодательных органов власти разных государств в их внешнеполитических процессах. Вопросы, относящиеся к особенностям внешнеполитической деятельности российского парламента – в частности, роли его нижней палаты в формировании и реализации внешней политики – не находили комплексного изучения.

В связи с этим углубление и детализация исследований в обозначенных направлениях, в русле которых находится и данная диссертационная работа, представляют перспективную линию изучения внешней политики России, способствуя выявлению её императивов и детерминант, особенностей процесса формирования и реализации, учитывая влияние внутренних и внешних факторов.

Основные источники, использовавшиеся при написании работы, целесообразно классифицировать в зависимости от их происхождения и принадлежности к тем государственным и общественным структурам, которые имели отношение к внешнеполитическому измерению деятельности отечественных представительных органов и, в частности, Государственной Думы. В соответствии с этим принципом выделяются следующие группы источников: документы, раскрывающие особенности генезиса и становления отечественного парламентаризма в контексте внешнеполитической деятельности России (своды основных законов (конституции), аналитические записки, доклады, манифесты, положения о выборах, указы и др.); Конституция РФ; указы и распоряжения Президента РФ; основополагающие и доктринальные документы в области государственной внешней политики и национальной безопасности РФ; законы, федеральные, федеральные конституционные законы и кодексы РФ; регламенты палат парламента РФ; стенограммы и хроники заседаний Государственной Думы Федерального Собрания РФ; документы, связанные с международно-

политическим измерением парламентской деятельности; справочные и статистические материалы; данные социологических исследований; материалы парламентских слушаний, круглых столов и форумов международно-политической направленности; заявления, выступления, дискуссии, интервью, мемуары и статьи общественных и политических деятелей; самостоятельные расчёты автора; понятийно-терминологические издания. При этом многие источники были получены с помощью информационной системы «Интернет». Обозначенная схема была положена в основу обзора.

Полезными в процессе исследования стали документы дореволюционного и советского периода: Своды основных законов (конституции) Российской империи, Конституции СССР, аналитические записки, доклады, манифесты, положения о выборах, указы и др. [6; 71; 72; 75; 89; 90; 91; 100; 114; 115; 117; 135; 149; 150]. Указанные источники позволили выявить особенности происхождения, традиционных характеристик, а также эволюции нормативно-правового измерения моделей и механизмов участия представительных органов во внешней политике, являвшихся императивами и детерминантами внешнеполитического процесса.

Изучение положений действующей Конституции Российской Федерации [73; 74] способствовало установлению основных полномочий и функций Государственной Думы в сфере внешней политики, которые определяют круг прямых и латентных возможностей внешнеполитической деятельности представительных органов.

Содействие в уточнении нормативных аспектов функционирования государственного внешнеполитического механизма оказал анализ президентских указов и распоряжений [124; 151–154].

Отдельная группа источников представлена официальными документами, отражающими доктринальные основы, базовые принципы и направления в сфере внешней политики и национальной безопасности Российской Федерации в их эволюции с 1993 г. до настоящего времени [7; 8; 9; 45; 52; 53; 76–82; 96; 101; 102; 145–148].

Информация, связанная с уточнением процедурных аспектов и полномочий во взаимодействии элементов государственного внешнеполитического механизма, была получена посредством изучения законов, федеральных, федеральных конституционных законов и кодексов России [5; 55; 56; 155–166], касающихся рассматриваемых вопросов.

Исследование содержания положений Регламентов Государственной Думы [126] и Совета Федерации [127] Федерального Собрания Российской Федерации помогло конкретизировать нормативную базу внешнеполитического измерения деятельности палат парламента и специфику функционала их взаимодействия.

Материалы, размещённые в рамках базы данных «Стенограммы заседаний Государственной Думы» [3] и «Системы анализа результатов голосований на заседаниях Государственной Думы» [141], позволили ознакомиться с содержанием стенограмм и хроник заседаний нижней палаты парламента, а также со статистическими данными. Анализ обозначенной информации способствовал выявлению количественных и качественных параметров, отражающих характер парламентских прений, особенности голосований и формирование устойчивых групп касательно внешней политики и международных отношений.

Ценными в плане определения нормативных основ международно-политического измерения парламентской деятельности стали материалы соответствующих сборников документов [110; 134], опубликованных в рамках Аппарата Государственной Думы.

Выявлению особенностей состава депутатского корпуса нижней палаты разных созывов и статистических данных, в том числе отражающих внешнеполитическое измерение парламентской деятельности, способствовали памятные издания и справочные материалы, выходившие как на базе Государственной Думы, так и других издательств и информационных центров [1; 11; 14–19; 25–44; 58–65; 68; 69; 70; 83; 85; 92; 98; 99; 106; 107; 108; 116; 123; 125; 130; 136; 139; 167–171].

С эмпирической точки зрения важными стали результаты социологических исследований, в которых отражались общественные настроения относительно

внешнеполитических приоритетов и парламентской деятельности [128; 176; 220; 253; 279; 287; 498; 499; 578; 588; 648; 649; 693; 704; 716; 718; 719; 720].

Материалы парламентских слушаний, круглых столов и форумов международно-политической направленности помогли конкретизировать позиции парламентариев по соответствующим проблемам [2; 97; 109; 122; 129; 131].

Значительное содействие в исследовании – в контексте характеристики личностного измерения политической реальности и компетентных экспертных оценок – оказал анализ заявлений, выступлений, дискуссий, интервью, мемуаров и статей влиятельных государственных и политических деятелей, имевших прямое или косвенное отношение к внешнеполитическому процессу России и отечественному парламенту на разных этапах: А. Г. Арбатова [185; 186], Г. А. Арбатова [187], С. Н. Бабурина [190; 191], В. В. Володина [10; 12], Е. Т. Гайдара [271], С. Ю. Глазьева [280; 281; 282], М. С. Горбачева [13; 144], А. А. Громыко [47; 48], Б. В. Грызлова [4; 49], Б. Н. Ельцина [54], В. В. Жириновского [309], К. Ф. Затулина [320], Г. А. Зюганова [324], И. С. Иванова [325], А. А. Кокошина [377; 378], К. И. Косачева [398; 399], С. В. Лаврова [86], Н. В. Левичева [87], Е. К. Лигачева [88], В. П. Лукина [182], С. А. Маркова [458], Д. А. Медведева [93], С. М. Миронова [94], М. А. Митюкова [95], С. Е. Нарышкина [140; 489], В. А. Никонова [492; 493], Г. О. Павловского [297; 507], Э. А. Паина [511], Е. М. Примакова [118; 582; 583; 584], В. В. Путина [119; 120; 121], И. П. Рыбкина [132; 598], Н. И. Рыжкова [133], Г. Н. Селезнёва [137; 138; 605; 606], Л. Э. Слуцкого [620; 621], А. Н. Шохина [729] и др.

Эмпирические данные, полученные посредством самостоятельных расчётов автора на основе материалов стенограмм заседаний, справочных и статических изданий, позволили составить размещённые в приложениях таблицы (см. Приложения), в которых отражены количество и проблематика, а также результаты наиболее показательных голосований в Государственной Думе по вопросам, связанным с внешней политикой и международными отношениями.

Комплексную информацию о становлении и различных аспектах деятельности представительных органов, в том числе касательно внешней

политики, удалось получить, используя материалы официальных сайтов Государственной Думы [103], Комитета Государственной Думы по международным делам [104] и Комитета Государственной Думы по делам Содружества Независимых Государств, евразийской интеграции и связям с соотечественниками [105].

Содержание основных понятий и терминов, использовавшихся при написании диссертационного исследования, удалось рассмотреть и проанализировать при помощи значительного числа справочных и понятийно-терминологических изданий (словарей и энциклопедий) [20–24; 46; 50; 111; 112; 113; 142; 143].

Таким образом, представляется, что количество и качественное содержание источников, использованных в процессе данного исследования, позволяют с достаточной степенью объективности раскрыть особенности внешнеполитической деятельности Государственной Думы Российской Федерации.

ГЛАВА 2. ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ РОССИИ КАК ПОЛИТИКО-КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

2.1. Особенности российской внешнеполитической традиции в современном политологическом дискурсе

Выявление основных факторов влияния на внешнюю политику России обуславливает необходимость ретроспективного анализа, широко применяемого в рамках методологии классического политического реализма и неореализма [624, с. 38–81], способствуя определению устойчивых характеристик, а также сложившихся тенденций и закономерностей. «Внешняя политика любого государства, - акцентируют исследователи, - определяется не только и часто даже не столько его реакциями на постоянно изменяющиеся международные ситуации, сколько теми или иными константами, отражающими природу и политический режим данного государства <...>, исторически сложившиеся внешнеполитические и внешнеэкономические интересы страны, её преемственно развивающийся внешнеполитический курс» [261, с. 25–26].

В понятийно-терминологических изданиях наиболее распространённой и функциональной представляется дефиниция, в соответствии с которой под традицией понимаются «исторически сложившиеся элементы социального и культурного наследия, передаваемые из поколения в поколение (обычаи, нормы поведения, определённые общественные установления, идеи, взгляды, вкусы, обряды и т. п.)» [142, с. 523]. Политические традиции целесообразно характеризовать как «исторически сложившиеся и передаваемые из поколения в поколение обычаи, правила поведения в политической жизни», которые «являются одним из важнейших факторов формирования политической культуры общества». Они «существуют в форме обычаев, доминирующих норм и принципов поведения, обрядов и ритуалов», а «способы их передачи могут быть устными, письменными, зрительными и институциональными» [112]. В этом

контексте понятие «внешнеполитическая традиция» следует определять в качестве исторически сложившихся элементов (взглядов, идей, норм поведения, обычаев, установлений), которые передаются из поколения в поколение и выступают императивами и детерминантами внешней политики конкретного государства в определённый период времени.

Принято считать, что становление внешнеполитической традиции Российского государства начинается в период IX–XIII вв., приобретая в дальнейшем более чёткие очертания [235; 301] под воздействием ряда факторов: экстремальные климатические условия; огромная пространственная протяжённость при низком уровне развития коммуникаций; наличие высоко централизованной верховной власти; значительное влияние церкви на внутреннюю и внешнюю политику государства; негативные издержки бюрократической системы; институт крепостничества; силовая экспансия, сочетающаяся с недостатком отчётности во внутривнутриполитическом устройстве [770]. Как отмечают учёные, военная сила и автократическое правление во многом способствовали присоединению новых территорий и расширению государства [802, p. 15–16].

Императив территориального расширения был обусловлен географическим положением России, являющейся крупнейшей в мире сухопутной державой. В этом отношении один из основателей геополитики, американский военно-морской теоретик А. Мэхэн писал, что сухопутные державы (лишённые удобных выходов к морю) постоянно находятся под угрозой, вынуждающей расширять собственные границы во избежание нападения на их территорию. Подобное утверждение особенно справедливо относительно России, располагающей бескрайними степями и равнинами, которые не представляют естественных рубежей и не могут серьёзно защитить от вражеского вторжения. Так, английский геополитик Х. Маккиндер говорил о «страхе» России перед вторжением с суши, который, в частности, способствовал её продвижению в глубь Европы, чтобы противостоять Франции в XIX и Германии в XX в. Россия была заинтересована в Афганистане, чтобы остановить британцев в Индии и получить выход к тёплому Индийскому

океану. Покорение Дальнего Востока имело целью заблокировать продвижение Китая. В свою очередь, доминирование России на Кавказе было вызвано необходимостью защитить себя от политических и религиозных коллизий в регионе Большого Ближнего Востока [352, с. 176].

Развивая эти утверждения, американский аналитик Г. Киссинджер отмечал: «На протяжении всей своей истории Россия всегда стояла особняком. Она поздно вышла на сцену европейской политики – к тому времени Франция и Великобритания давно прошли этап консолидации... Находясь на стыке трёх различных культурных сфер – европейской, азиатской и мусульманской, – Россия вбирала в себя население, принадлежавшее к каждой из этих сфер, и поэтому никогда не являлась национальным государством в европейском смысле. Постоянно меняя очертания по мере присоединения её правителями определённых территорий, Россия была империей несравнимой по масштабам ни с одной из европейских стран. Более того, после каждого очередного завоевания менялся характер государства, ибо оно вбирало в себя совершенно новую, беспокойную нерусскую этническую группу» [369, с. 16].

Характерно, что в российском внешнеполитическом дискурсе последних трёх сотен лет наблюдалось противоборство «западников» с приверженцами консервативно-патриотической традиции. «Начиная с XVII столетия, - писали американские специалисты, - любые движения по открытию России Западу сопровождаются внутренней реакцией. <...> К XIX веку западникам, симпатизировавшим европейскому пути развития, противостояли славянофилы, которые осуждали зарубежных славян, апеллировали к наследию Русской Православной церкви, приветствовали политическую автаркию и воспринимали Запад как врага. Славянофильские принципы были упрощены и адаптированы русскими этническими националистами. Евразийцы призывали к созданию нового русского супер-этноса от Балтийского моря до Тихого океана, включая Центральную Азию, путём объединения славянских и тюркских народов. На протяжении 75 (так в тексте. – П. П.) лет советской власти эти идеологические разногласия между западниками, империалистами евразийцами и

этноцентристами, а также православными русофилами сохранялись во внешней политике России» [770].

Разрушение СССР и системная трансформация международных отношений в условиях краха биполярности предопределили содержание концептуальных основ внешней политики РФ. Вследствие изменения её геополитического статуса возникала проблема выработки новой идеологии, способствующей консолидации общества, которое в подобных условиях «естественным образом поляризуется (обычно на «консерваторов» и «новаторов», и представителей неопределённого... «третьего пути»)» [383, с. 11–12]. Как отмечают американские эксперты, в российском случае это проявилось в обострении «затяжных общественных дебатов» о «национальной самобытности внешней политики», а также в «классическом для интеллектуальной истории России» «странивании друг против друга «Евразийского» и «Западного» лагерей» [773, р. 11].

В тысячелетней истории «освоения» Россией евразийского пространства отслеживаются периоды интеграции (присоединения земель к имперскому центру) и дезинтеграции (потери ранее приобретённых земель) (см. таблицу 1). Предваряя характеристику данной проблемы, следует отметить, что интеграционные процессы наблюдались на протяжении всей истории международных отношений и могут рассматриваться в рамках двух уровней (измерений): глобально-исторического (широкого) и практического (узкого). Глобально-историческое понимание интеграции предполагает объединение (разными способами) социальных организмов (племён, наций, государств) при условии возникновения целостной структуры (союза, империи, организации) нового качества с определённым порядком устройства органов власти и взаимодействия составляющих элементов. В этом контексте экспансия как распространение влияния какого-либо социального организма на другие территории в целях их присоединения, а также в целом процессы территориального расширения (в том числе периоды упадка и могущества государственности) могут рассматриваться в рамках глобально-исторического понимания интеграции. Соответственно, в контексте узкого (зависящего от

области функционирования) измерения (уровня) под интеграцией понимается аналогичный процесс с наличием дифференциации по конкретным сферам взаимодействия: экономическое, военно-политическое, культурно-гуманитарное и т. п. объединение социальных организмов с условием возникновения целостной структуры нового качества [530: 546].

Наиболее комплексный и функциональный вариант хронологии периодов упадка и могущества российской государственности был представлен российским учёным А. И. Уткиным: «...Страна распадалась и исчезала в 1237, 1612, 1918 гг., она стояла на краю гибели в 1709, 1812, 1941 гг., но восставала в 1480, 1613, 1920, 1945 гг. И этот национальный код невозможно изменить, он не только живёт в массовом представлении, он составляет его сущность, являясь основой национальной психологической парадигмы» [670, с. 138–139]. Характеризуя указанную периодизацию, специалисты акцентируют, что «очевидна цикличность развития пространства, где периоды стабильного развития и экспансии составляют: 1480–1605, 1613–1812, 1815–1918, 1920–1941, 1945–1991 гг., а ослабления и фрагментации: 1237–1480, 1605–1613, 1812–1815, 1918–1920, 1941–1945, 1991–2011 гг.» [331, с. 23].

Таблица 1. Продолжительность периодов интеграционной активности России на евразийском пространстве⁴

Период	Продолжительность (в годах)
1237-1480 гг. – ослабление и дезинтеграция	243
1480-1605 гг. – усиление и интеграция	125
1605-1613 гг. – ослабление и дезинтеграция	8
1613-1812 гг. – усиление и интеграция	199
1812-1815 гг. – ослабление и дезинтеграция	3
1815-1918 гг. – усиление и интеграция	103
1918-1920 гг. – ослабление и дезинтеграция	2
1920-1941 гг. – усиление и интеграция	21
1941-1945 гг. – ослабление и дезинтеграция	4
1945-1991 гг. – усиление и интеграция	46
1991 г. - настоящее время – ослабление и дезинтеграция	Более 29

⁴ Составлено на основе исследований А. И. Уткина [670, с. 138–139]. При этом следует отметить дискуссионность некоторых положений данной периодизации. Так, период 1237-1480 гг. характеризуется, с одной стороны, установлением «татаро-монгольского ига» и сопутствующими «ослаблением и дезинтеграцией», с другой стороны, процессом «собираения русских земель». А период 1941-1945 гг. – с учётом проявлений «ослабления и дезинтеграции» в условиях Великой Отечественной войны – отмечался масштабной мобилизацией, модернизацией ВПК и национальным единением, что способствовало освобождению территорий, победе в войне и интенсивному развитию в послевоенные годы. Спорным выглядит и длительность крайнего периода «усиления и интеграции» (1945-1991 гг.), учитывая тенденции ослабления советской системы, проявившиеся ещё в 1970-е гг.

Отмеченная периодизация показывает, что циклы взлетов и падений российского имперского могущества не подчиняются хронологической ритмичности, имея различную протяженность во времени. Так, этапы усиления и интеграции продолжались: 125 лет (1480–1605 гг.); 199 лет (1613–1812 гг.); 103 года (1815–1918 гг.); 21 год (1920–1941 гг.); 46 лет (1945–1991 гг.). Длительность этапов ослабления, дезинтеграции и восстановления имперского пространства, исключая монгольский (1237–1480 гг.: 243 года) и постсоветский (с 1991 г. по настоящее время: более 29 лет) периоды, характеризовалась относительной скоротечностью: 8 лет (1605–1613 гг.); 3 года (1812–1815 гг.); 2 года (1918–1920 гг.); 4 года (1941–1945 гг.) [529, с. 151].

Руководствуясь качественными характеристиками (площадью присоединенных территорий и военной мощью империи), в интеграционной активности России на евразийском пространстве также можно выделить определенные периоды. В частности, насчитывается пять этапов усиления и интеграции, и шесть – ослабления и дезинтеграции. Наиболее значительными в плане территориального расширения были 1613–1812 и 1815–1918 гг. При этом большинство периодов ослабления и дезинтеграции (1237–1480, 1605–1613, 1918–1920, 1941–1945 гг.) в той или иной степени характеризовались внутренними вооруженными конфликтами, интервенцией и нестабильностью, неся угрозу прежней государственной целостности. С 1991 г. по настоящий момент продолжается период дезинтеграции, отличающийся меньшей, в сравнении с предыдущими, конфликтностью, но довольно существенной конкуренцией глобальных и региональных акторов в процессе реализации своих проектов на постсоветском пространстве с применением современных технологий [529, с. 151].

Этот период в сравнении с аналогичными этапами дезинтеграции имеет наибольшую продолжительность (уступая только монгольскому периоду), что актуализирует дискуссии относительно его последствий в контексте сценариев будущего России. Подробный анализ данной проблемы не входит в задачи

диссертационного исследования, однако в этом отношении важно обозначить следующие обстоятельства. Если считать воссоединение Крыма с Россией в 2014 г. началом очередного периода интеграции и усиления, то гипотетически можно ожидать аналогичных последствий. В противном случае, учитывая аналогии с монгольским периодом, возможно повторение длительной ситуации, связанной с дезинтеграцией и ослаблением государства, что допускает похожие последствия, в том числе для внешнеполитического измерения деятельности представительных органов. При этом возможен и третий вариант: в современных условиях информационной эры и нового технологического уклада существует вероятность «размывания» или значительной трансформации проявлений российской внешнеполитической традиции, нивелируя функциональность исторических аналогий и допуская окончание прежней цикличности или начало нового цикла, характеристики которого могут не совпадать с традиционными. Однако опыт международно-политического анализа показывает, что изменения в формах и механизмах взаимодействия государств, даже при существенной модернизации, всегда сохраняли некое пространство преемственности по отношению к ранним этапам, давая основания для экстраполяции их проявлений на современные примеры.

Кроме того, российской внешнеполитической традиции свойственны определённые интеграционные императивы, детерминирующие стремление к освоению окружающего (евразийского) пространства путём присоединения земель (зачастую методами культурного воздействия и ставки на местные элиты) и их последующего слияния (способами военно-политического, идеологического, демографического или социально-экономического воздействия) с имперским центром [530, с. 43]. Интеграция евразийского пространства под эгидой России осуществлялась как в условиях её полупериферийного положения в мировой капиталистической системе, так и в рамках автаркического союза. В первом случае сложности (вплоть до последующей дезинтеграции) возникали в связи с исключительно сырьевой специализацией, а, следовательно, зависимостью от потребителей и кризисом при падении цен на сырьё [552, с. 48]. Пример автаркии

проявлялся в жёстком контроле государства над интегрированным пространством, отсоединённым от центра финансово-экономической системы, и многостороннем его реформировании за счёт внутренних ресурсов, что позволяло ему выйти из полупериферийного положения, обеспечив экономическую и политическую независимость на период порядка 50 лет. После этого замкнутая система нуждалась в «открытии» для проведения масштабной модернизации. Примечательно, что в стадии дезинтеграции Россия находилась в положении полупериферии, а социальные организмы, образовавшиеся в результате распада империи, – периферии [530, с. 43].

Следующей важной особенностью представляется то, что периоды интеграции и дезинтеграции в различных соотношениях взаимодействовали с модернизацией государства и общества. Производной такого взаимодействия становилась корреляция интеграционных императивов внешней политики России, влиявших на международно-политические процессы внутри пространства, в границах которого осуществлялась экспансия [529]. Анализ российского опыта взаимодействия процессов интеграции и модернизации позволяет утверждать, что интеграция, как присоединение территорий к имперскому центру, практически всегда опережала модернизацию, зачастую становящаяся её следствием. Иногда эти процессы протекали одновременно. Реже модернизация предшествовала интеграции. Показательно, что для начала эффективной модернизации в виде многостороннего реформирования, как правило, требовалось состояние относительной стабильности имперского центра, достигнутое после социально-экономического и военно-политического сращивания с ним интегрированных земель. Модернизация в условиях нестабильности и дезинтеграции представлялась немислимой. Интеграция могла происходить даже в период социально-экономической слабости имперского центра, являясь предтечей дальнейшего реформирования или протекая параллельно с ним [530, с. 42].

Ещё одну черту российской внешнеполитической традиции, характеризующуюся периодическими повторениями, определяет американский исследователь Н. Соков: «Внешняя политика России стремится реагировать на

события, а не формировать их» [887, р. 20]. Эта тенденция исторически проявляется в несколько «запаздывающей», ситуативной реакции государства на возникающие внешние угрозы. В качестве новейшего примера проявления данной особенности приводится поздняя реакция РФ на решительные действия Латвии, Литвы и Эстонии по вступлению в НАТО.

Исторические реалии позволяют относить Россию к империям, как к государствам, которым соответствуют характеристики: наличие осознанной и отрефлектированной населением и элитами ассоциированности с одной из самостоятельных геополитических структур; существование одного или нескольких этносов, соотносящих себя с данным государством; хотя бы одним из этих этносов проявлена пассионарность в форме господствующей идеологии; такое государство занимает определённое место в мировой системе разделения труда; оно смогло сформировать собственную уникальную цивилизационную миссию, проявляющуюся в возможности охарактеризовать смысл своего существования [562, с. 31].

Особое значение в этом контексте приобретает понимание последствий распада империй. Показательным утверждением, отражающим ситуацию последствий дезинтеграции (как распада империй) в глобально-историческом измерении, представляется мысль крымского политолога С. В. Юрченко: «Распад империй порождает несколько видов напряжений для их наследников: первый из них связан с попытками сильных соседей присоединить осколки великой державы или установить над ними контроль; второй – с попытками бывшего имперского центра частично или полностью восстановить свои позиции; третий – с возможными противоречиями между вновь образовавшимися государствами» [740]. Каждое из обозначенных «напряжений» в той или иной степени проявлялось в ситуации конкуренции глобальных и региональных акторов и интеграционных процессах на постсоветском пространстве. Императивами российских внешнеполитических подходов в регионе во многом являлись указанные выше особенности.

Отдельно следует отметить, что Крымский полуостров, исторически являющийся в силу своего социокультурного и геостратегического значения важной составляющей российского имперского пространства, часто находился в центре процессов, определявших степень интеграционной активности и государственного могущества России. В этом отношении утверждением, претендующим в процессе обоснования называться тенденцией, является тезис о положительных для России последствиях вхождения в ее состав Крыма. В частности, крымские исследователи С. Н. Киселев и Н. В. Киселева еще в 1994 г. отмечали, что «возрожденной России для обеспечения своих интересов в Европе рано или поздно придется все же потребовать возвращения Крыма в ее состав», после чего «неминуемо восстановится ее сильная внешняя политика и начнется обратное движение от рубежей предательства к рубежам победы» [366, с. 33, 34]. В мае 2014 г., размышляя о причинах и последствиях «крымской весны», С. Н. Киселев писал: «Геополитический выигрыш России в результате возвращения Крымского полуострова более чем очевиден. Еще в XVIII веке была сформулирована такая максима – кто владеет Крымом, тот контролирует Черное море и Северное Причерноморье. В настоящее время этот регион – один из геостратегических и геоэкономических узлов на мировой политической карте». «Для России возвращение Крыма в ее состав, – акцентировал он, – есть первый шаг на пути восстановления ее миродержавного значения, возвращения статуса супердержавы» [368].

Обозначенные аргументы нуждаются в подтверждающих исторических фактах, системное рассмотрение которых возможно посредством ретроспективного анализа, в процессе которого представляется очевидным, что императив территориального расширения был обусловлен географическим положением России, являющейся крупнейшей в мире сухопутной державой. Так, Крым, Кубань и Таманский полуостров вошли в состав Российской империи в 1783 г. в период усиления ее интеграционной активности и государственного могущества. В том же году, согласно Георгиевскому трактату, обеспечивалось присутствие русских войск в Грузии и в дальнейшем ее присоединение к России.

К концу века укрепились российские позиции в Бессарабии и Закавказье. Далее империя была ослаблена Отечественной войной 1812 г., победа в которой и последующее присоединение польских земель (Царства Польского) открывает очередной период могущества, продолжавшийся более ста лет [339, с. 61]. Впоследствии Россия сумела присоединить обширный район Кавказа (от Черного до Каспийского моря), начав (пока средствами торговли и дипломатии) наступление на Центральную Азию [339, с. 112]. Во второй половине XIX в. произошло последнее крупное территориальное приобретение империи – завоевание Центральной Азии [284].

Стремление Российской империи присоединить Крымский полуостров в XVIII в. обуславливалось следующими обстоятельствами. Во-первых, увеличение ее международного влияния и военного могущества в результате побед в войнах с Османской империей активизировали российские попытки найти удобный выход к Черному морю. Овладение Крымом отодвигало русско-турецкую границу от побережья, существенно изменяя соотношение сил империй в плане создания более благоприятных условий для геополитического доминирования и торговли России в Черноморском регионе, а также освоения ею Северного Причерноморья [726, с. 43]. Это осознавали представители российской правящей элиты. В частности, губернатор Новороссии Г. А. Потемкин в 1782 г. в адресованной императрице Екатерине II записке отмечал стратегическое значение полуострова, отсутствие которого в составе империи «разрывает» ее границу, а присоединение – обеспечивает укрепление черноморских позиций: «Приобретение Крыма ни усилить, ни обогатить Вас не может, а только покой доставить... С Крымом достанете и господство в Черном море» [586].

Во-вторых, в связи с очевидным приближением конца войны за независимость США, в которой участвовали Англия и Франция, императрица России опасалась возможности активизации их восточноевропейской политики, что актуализировало вопрос о присоединении Крыма [452, с. 36]. В этот период внешнеполитические устремления Российской империи были связаны с реализацией так называемого «Греческого проекта», предполагавшего совместно

с Австрией разделить европейские владения Османской империи, подчеркивая стратегическую роль Крымского полуострова. Проект появился после заключения союза России и Австрии и способствовал достижению Екатериной II двух целей: ослабление позиции противников раздела Турции в Австрии и предотвращение возможного противодействия австрийского кайзера Иосифа II присоединению Крыма к Российской империи [256].

Кратковременный период потери Крыма был обусловлен событиями Первой мировой войны, революции и Гражданской войны, которые определили ослабление и дезинтеграцию империи в 1918–1920 гг. В ноябре 1920 г. Красная армия прорывает оборону белогвардейцев на Перекопе и захватывает Крымский полуостров. Относительная внутривосточная стабильность была достигнута после образования СССР в 1922 г. [345]. Выполняя условия секретного протокола к советско-германскому Договору о ненападении (от 23 августа 1939 г.), СССР занял ряд европейских территорий: земли Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабию и Северную Буковину; советские войска были введены в Латвию, Эстонию, а затем и Литву, которые в 1940 г. вошли в состав Союза. Следствием советско-финской войны явилось присоединение к СССР ряда финских владений [574].

Однако Великая Отечественная война внесла свои коррективы в этот процесс. Территориальная целостность государства была нарушена вторжением войск нацистской Германии. В период 1941–1944 гг. Крым находился в условиях немецкой оккупации. Весной 1944 г. полуостров был освобожден войсками Красной армии. Примечательно, что в августе 1944 г. в состав Советского Союза вошла Тува. А послевоенный передел мира позволил СССР к территории уже существующих пятнадцати республик присоединить Восточную Карелию (Печенга), часть Восточной Пруссии, Закарпатскую Украину, Курильские острова и Южный Сахалин [843].

Дезинтеграция Советского Союза в 1991 г. и образование пятнадцати новых независимых государств обозначили начало современного периода в развитии, как российской интеграционной политики, так и в целом евразийского

пространства [526; 529; 557]. Крымская автономия вплоть до марта 2014 г. находилась в составе Украины.

Ретроспективный анализ демонстрирует, что присоединение Крыма к Российской империи в конце XVIII в. осуществлялось в рамках периода усиления ее интеграционной активности и государственного могущества, в дальнейшем способствуя укреплению российских позиций в регионе Северного Причерноморья и в целом на Черном море. Подобное позитивно отражалось на интенсификации интеграционных устремлений России в европейском и азиатском направлениях, вследствие чего произошло значительное увеличение имперской территории. Показательно, что периоды, связанные с временной потерей Крыма (1918–1920, 1941–1944, 1991–2014 гг.), происходили на фоне общего ослабления и дезинтеграции Российского государства. При этом возвращение полуострова в его состав (1920–1941, 1944–1991 гг.) способствовало началу очередного этапа усиления интеграционной активности и государственного могущества России.

Представленный перечень характеристик российской внешнеполитической традиции является далеко не полным. Он требует расширения и комплексного исследования на основе глубинного анализа международно-политического опыта. В свою очередь, каждый из приведённых тезисов заслуживает отдельного изучения в целях доказательства частоты и специфики его проявления, а также соотношения с другими особенностями, учитывая влияние внутренних и внешних факторов, в частности циклов модернизации России в контексте специфики её позиционирования в системах международных отношений.

Вместе с тем, анализ отечественной внешнеполитической традиции позволяет выделить основные факторы влияния на внешнеполитический механизм России, элементом которого являются представительные органы.

Так, к внешним факторам, которые на протяжении столетий неизменно оказывали воздействие на состояние государства и его внешнюю политику следует отнести позиционирование России в современной мир-системе, положение в системе международных отношений и степень внешнего давления со стороны геополитических соперников.

Основными внутренними факторами являлись: степень внутриполитической стабильности, силы (независимости) центральной (государственной) власти, наличие / отсутствие цикла модернизации.

Обозначенные факторы определённым образом соотносились с периодами интеграционной активности и государственного могущества России, характеризующимися эффективной внешней политикой. В этом отношении внешнеполитическое измерение деятельности российских представительных институтов необходимо рассматривать сквозь призму указанных внешних и внутренних факторов и в соотношении с их результатом – состоянием интеграционной активности и государственного могущества.

2.2. Константы позиционирования России в международных отношениях и императивы внешнеполитической деятельности представительных институтов

Задолго до формирования современной мир-системы и оформления Вестфальской международной системы Древнерусское государство выходит на международную арену в качестве самостоятельной силы. Произошло это в начале 860-х гг. в результате заключения первого межгосударственного договора «мира и любви», означавшего официальное признание Руси Византией. В дальнейшем Киевская держава была вовлечена в международные отношения региона, охватывавшего Балканы и Восточную Европу на западе, Крым и Северное Причерноморье на юге, Поволжье на севере, Северный Кавказ и Закавказье на востоке. Период расцвета, единства и сильной великокняжеской власти в Древнерусском государстве заканчивается в начале 30-х гг. XII в., когда начинают проявляться длительные центробежные процессы. В 1132–1240 гг. в обстоятельствах ослабления великокняжеской власти и политической раздробленности Киевской Руси единая древнерусская внешняя политика расчленяется на отдельные составляющие, поэтому на первый план выходят отношения между князьями, возглавлявшими автономные территории бывшего

единого государства. С 1240 г. до конца XV в. русская государственность находится в условиях монголо-татарского ига. Внешняя политика русских княжеств в этот период преимущественно направлена на поддержание тесных связей с Золотой Ордой и регулирование межкняжеских отношений [336, с. 12–20]. Действовавшие в русских княжествах в X–XIV вв. веча располагали относительно функциональным – в сравнении с последующими примерами – набором возможностей оказывать влияние на государственную внешнюю политику, активизируясь в периоды внешнеполитических кризисов [212, с. 65].

Принято считать, что, освободившись от монголо-татарской зависимости, единое Московское государство вступает в договорные отношения с сопредельными странами с конца XV в. В этом плане система межгосударственных договоров, сформированная русской дипломатией в 1582–1583 гг., вплоть до начала XVII в. препятствовала созданию антирусской коалиции с участием основных геополитических противников России – Речи Посполитой и Швеции. Разрушение этой системы произошло во многом под воздействием внутривосточных факторов, приведших к Смутному времени [505, с. 13–68]. Вместе с тем, следует отметить, что Русское государство в указанный период ещё не являлось частью складывающейся современной мир-системы (капиталистической мир-экономики) в общепринятом понимании.

Хотя князь Московский значился в числе гарантов Вестфальского мира, Русскому государству потребовалось значительное время, чтобы стать полноправным членом созданной международной лиги [505, с. 71–112]. В этом отношении Российская империя вошла в современную мир-систему в XVIII в. (в период между правлениями Петра I и Екатерины II) в условиях Вестфальской международной системы и в статусе полупериферии [241, с. 38–39], имея характеристики империи, проводившей активную внешнюю политику [686, с. 213]. Впоследствии её стремления преодолеть периферийные процессы, приблизившись к ядру мир-системы, обусловили вторичный, «догоняющий» характер российской модернизации [530, с. 35]. Победа России в Отечественной

войне 1812 г. характеризует в целом позитивный для неё итог данного модернизационного цикла [434, с. 39–40].

При этом наибольшее влияние представительные органы (в форме Боярской думы) оказывали на внешнеполитический процесс в годы Смутного времени, когда государство, в условиях активизации внешней угрозы, переживало период ослабления и дезинтеграции. По мере усиления абсолютистских тенденций во второй половине XVII в. представительные институты теряют прежние возможности, в том числе относительно воздействия на внешнюю политику [547].

В годы действия Венской системы международных отношений Россия оставалась в положении полупериферии [532, с. 78]. К середине XIX в. под влиянием индустриальной революции в Европе происходит ухудшение условий обмена между Россией и центром капиталистической мир-экономики, усилившее процесс «сползания» на периферию страны, нуждавшейся в разностороннем реформировании [342, с. 314–329]. Это подтвердил негативный для Российской империи исход Крымской войны [691, с. 164], побудивший её элиту отменить крепостное право, взяв курс на масштабную модернизацию [434, с. 40].

Между тем, в последней трети XIX в. происходит так называемое «наложение» циклического сжатия капиталистической мир-экономики на внутренний российский социально-политический кризис, катализировавший периферийные процессы в империи [314]. В итоге недостаток экономических ресурсов, «националистический консерватизм» властей, «бюрократически направляемая индустриализация» и форсированная модернизация приводят к трагедии России в Первой мировой войне и революционным событиям 1917 г. [342; 434].

Примечательно, что в условиях кризиса международной системы, назревания Первой мировой войны, экономических и внутривнутриполитических потрясений происходит активизация отечественных представительных органов в форме двухпалатного парламента – Государственной Думы и Государственного Совета. В этот период – при сохранении прежней структуры

внешнеполитического механизма Российской империи – увеличивается влияние Государственной Думы на внешнеполитический процесс [545].

Проблема позиционирования СССР в рамках сначала Версальско-Вашингтонской, а затем Ялтинской систем международных отношений представляется дискуссионной [532]. Характерно, что И. Валлерстайн отводил Советскому Союзу место полупериферии и одновременно второй сверхдержавы, определяя холодную войну как «контролируемое соперничество-партнерство» [241, с. 40]. Существует и противоположная точка зрения. В частности, российский исследователь Г. А. Завалько отмечает, что Советский Союз не был полупериферией капиталистической мир-экономики и вообще не входил в неё, являясь центром другой мир-системы, в которой существовал «эксплуататорский», отличный от капиталистического, «индустриально-политарный» строй как «результат неудачного строительства социализма в отсталых странах». Когда «политарные» производственные отношения стали помехой на пути развития производительных сил, так называемый «индустрополитаризм» в СССР и Восточной Европе рухнул. Это произошло отчасти под воздействием его главного соперника – капиталистической мир-экономики. Показательно, что Советский Союз в последние годы своего существования постепенно втягивался в зависимость от западноцентричной мир-системы, а новые независимые государства, появившиеся на его руинах, изначально возникают как страны зависимого капитализма [314].

Обе интерпретации заявленной проблемы выглядят спорными. Убедительной представляется мысль о том, что существование советской системы являлось попыткой «противопоставить себя миросистеме, оторваться от неё, создать вокруг себя собственный международный порядок» [342, с. 571–572]. Символом выбора СССР в пользу противопоставления себя мировой капиталистической системе и курса на создание автаркического союза стала модернизация в форме индустриализации конца 1920-х – 1930-х гг., когда происходило постепенное свёртывание НЭПа, внедрение плановой экономки и переориентация на развитие тяжёлой промышленности [339, с. 551–564].

Ценой огромных усилий и жертв такая модернизация в Советском Союзе принесла свои плоды. Российский учёный А. И. Уткин акцентировал, что между 1921 и 1940 гг. доля городского населения СССР повысилась с 29 до 50%. Численность инженеров возросла с 47 тыс. в 1928 г. до 289 тыс. в 1941 г. За две пятилетки (1928–1937 гг.) валовой продукт вырос с 24,4 млн руб. до 96,3 млн руб. Выплавка стали увеличилась с 4 млн т до 17,7 млн т, добыча угля – с 35,4 млн т до 128 млн т. Советский Союз пятикратно увеличил производство самолетов, прочно заняв первое место в мире (10 тыс. самолетов в 1939 г.). Таким образом, «в течение одного десятилетия Российское государство сделало то, чего не смогло за предшествующие века: обошло Италию, Францию, Японию, Британию и Германию по основным экономическим показателям» [672, с. 147]. Однако, Вторая мировая война внесла свои коррективы в этот процесс: советская промышленность переходит на «военные рельсы» [574, с. 542–543].

На конференциях глав держав антигитлеровской коалиции в Тегеране (1943 г.), Ялте и Потсдаме (1945 г.) были заложены основы послевоенной системы международных отношений, характеризовавшейся биполярностью в виде глобальной конфронтации на чёткой идеологической основе двух блоков, возглавляемых США и СССР [743, с. 3]. Послевоенный четвёртый пятилетний план (1946–1950 гг.) предусматривал стремительный рост всех отраслей советской экономики. Хотя в полном объёме он выполнен не был, но промышленность и сельское хозяйство быстро достигли довоенного уровня, а к началу 1950-х гг. даже превысили его показатели [787, р. 16–17].

При этом уже на заре 1970-х гг. экономическая и общественно-политическая система Советского Союза опять нуждалась в значительном реформировании, соразмерном требованиям времени. Английский эксперт Д. Ливен подчёркивал, что глобальная капиталистическая экономика вновь обманула ожидания России, перейдя к 1970-м гг. в постиндустриальную эпоху, что грозило СССР «отсталостью, унижением и незащищённостью», если он не сумеет догнать Запад. В этом исследователь видит «самую элементарную причину перестройки» [434, с. 40].

Специфику внутренних проблем советской системы охарактеризовал российский политолог Б. Ю. Кагарлицкий, указав, что, по мере утрачивания революционного импульса, бюрократия, присвоившая себе плоды героических усилий народа, становилась всё более консервативной. Крушение этой системы было закономерно. Неизбежным оно стало после поворота её бюрократической элиты к мир-системе, что являлось защитной реакцией против «реформистской угрозы», вызревавшей внутри советского общества. Торговля сырьём в 1970-е гг. готовила политическую самоликвидацию «советской империи» в 1990-е гг. [342, с. 571–572]. В результате дезинтеграции Советского Союза и трансформации Ялтинской международной системы Российской Федерации достаётся положение полупериферии, а большинству постсоветских государств – периферии мировой капиталистической системы [389, с. 104].

В этих условиях наблюдается повышение активности советских представительных органов и их возможностей оказывать влияние на государственную внешнюю политику, что проявилось в деятельности Верховного Совета СССР в последние годы его существования, а также двухпалатного парламента постсоветской России в период до событий осени 1993 г. и принятия действующей Конституции [549].

Таким образом, ретроспективный анализ демонстрирует (см. таблицу 2), что наибольшей субъектности во внешнеполитическом процессе отечественные представительные институты достигали в периоды, когда системы международных отношений (международные порядки) или ещё не сформировались (деятельность вече в X–XIV вв., Боярской думы и Земских соборов в XIV – начале XVII вв.), или находились в кризисе (деятельность Государственной Думы в начале XX в. и Верховного Совета на рубеже 1980–1990-х гг.). Уменьшение возможностей представительных органов влиять на внешнюю политику государства в целом совпадало с периодами стабилизации международных систем (деятельность Сената, Уложенных комиссий, Государственного совета в XVIII–XIX вв. и советских представительных органов в XX в.).

Таблица 2. Соотношение степени субъектности отечественных представительных институтов во внешней политике и состояния системы международных отношений

Состояние степени внешнеполитической субъектности	Название и период деятельности представительного института	Состояние системы международных отношений
Увеличение	Вече X–XIV вв., Боярские думы и Земские соборы в XIV – начале XVII вв.	Система международных отношений (международный порядок) в традиционном понимании ещё не сформировалась.
Уменьшение	Сенат, Уложенные комиссии, Государственный совет в XVIII–XIX вв.	В большей или меньшей степени стабильное функционирование Вестфальской и Венской международных систем.
Увеличение	Государственная Дума Российской империи в начале XX в.	Кризис Венской системы международных отношений и Первая мировая война.
Уменьшение	Советские представительные органы государственной власти.	В большей или меньшей степени стабильное функционирование Версальско-Вашингтонской (с оговоркой относительно её кризиса и Второй мировой войны) и Ялтинско-Потсдамской международных систем.
Увеличение	Верховный Совет СССР и Верховный Совет Российской Федерации на рубеже 1980 – 1990-х гг.	Разрушение СССР и кризис Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений.
Уменьшение	Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации после 1993 г.	Относительная стабилизация находящейся в трансформации международной системы с тенденцией нарастания кризисных проявлений.

Соотношение состояния современной мир-системы и степени внешнеполитической субъектности отечественных представительных институтов можно представить, руководствуясь выделенными Н. Д. Кондратьевым циклами развития мировой рыночно-капиталистической системы [387], ставшими значимой составляющей мир-системного анализа [624, с. 559]. Для этого уместно обратиться к наработкам исследователей В. В. Лапкина и В. И. Пантина, выявивших корреляцию между волнами кондратьевских циклов и периодами реформ/контрреформ в России [425; 517, с. 130], что поможет раскрыть специфику позиционирования нашего государства в современной мир-системе в соотношении с внутренними факторами (циклами модернизации), оказывавшими влияние на степень внешнеполитической субъектности представительных институтов (см. таблицу 3).

Таблица 3. Соответствие между волнами циклов Кондратьева и реформами/контрреформами в России⁵

Цикл	Волны кондратьевских циклов	Реформы и контрреформы в России
I	Повышательная волна: с конца 1780-х гг. до 1810–1817 гг.	Реформы Александра I: реформы 1802–1803 гг., проекты реформ Сперанского 1809–1810 гг.
	Понижательная волна: с 1810–1817 гг. до конца 1840-х – начала 1850-х гг.	Контрреформы Николая I: с 1825 до 1856 г.
II	Повышательная волна: с конца 1840-х – начала 1850-х гг. до начала 1870-х гг.	Реформы Александра II: «Великие реформы» 1860-х – начала 1870-х гг.
	Понижательная волна: с начала 1870-х гг. до середины 1890-х гг.	Контрреформы Александра III: с 1881 до 1894 г.
III	Повышательная волна: с середины 1890-х гг. до 1914–1921 гг.	Реформы Витте – Столыпина: с 1897 до 1910 г.
	Понижательная волна: с 1914–1921 до середины 1940-х гг.	Утверждение тоталитаризма: с 1917 до начала 1950-х гг.
IV	Повышательная волна: с середины 1940-х гг. до конца 1960-х – начала 1970-х гг.	Реформы Хрущева – Косыгина: с 1956 до 1965 г.
	Понижательная волна: с конца 1960-х – начала 1970 гг. до начала 1980-х гг.	«Застой» Брежнева – Сулова: с 1968 до 1984 г.
V	Повышательная волна: с начала 1980-х гг. до начала 2000-х гг.	Реформы Горбачева – Ельцина: с 1985 до 2000 г.
	Понижательная волна: с начала 2000-х гг. до конца 2010 гг.	«Стабилизация» и «вертикаль власти»: с 2000 г.

Представленная таблица демонстрирует, что в последние двести лет российские либерально-рыночные реформы (в рамках которых происходило увеличение субъектности представительных институтов: Государственной Думы Российской империи, Верховного Совета СССР, Верховного Совета Российской Федерации) осуществлялись в периоды повышательных волн третьего и пятого циклов Кондратьева, то есть во время высокой конъюнктуры, когда страны Запада развивались особенно динамично, благодаря чему могли оказывать сильное давление на Россию (находящуюся в положении полупериферии в рамках современной мир-системы), заставляя её внедрять элементы западных институтов и ценностей. В свою очередь, российские контрреформы (когда наблюдается уменьшение субъектности представительных институтов: Сената, Государственного совета, советских представительных органов, Государственной

⁵ Составлено на основе источника [517 с. 130].

Думы Российской Федерации) приходится на периоды понижительных волн кондратьевских циклов, когда западные государства и весь мировой рынок испытывали серьёзные кризисы и потрясения, способствующие более критическому отношению российского общества и элит к либерализму и «саморегулирующемуся» рынку, что приводило к росту вмешательства государства в экономику и политику, а также к централизации власти [517, с. 129].

Вместе с тем, по мнению В. В. Лапкина и В. И. Пантина, каждый цикл Кондратьева представляет собой лишь половину полного цикла эволюции мировой системы, а сам полный эволюционный цикл состоит из двух следующих друг за другом кондратьевских циклов – цикла рубежа веков и цикла середины века [518]. Эти выводы позволили исследователям выделить полные циклы эволюции мировой политической и экономической системы (см. таблицу 4).

Таблица 4. Датировка фаз циклов эволюции мировой политической и экономической системы с середины XVIII в.⁶

Цикл	Фаза эволюционного цикла	Примерная датировка	Длительность
I	1. Структурный кризис. 2. Технологическая революция. 3. Великие потрясения. 4. Революция мирового рынка.	1753–1789 гг. 1789–1813 гг. 1813–1849 гг. 1849–1873 гг.	Около 36 лет. Около 24 лет. Около 36 лет. Около 24 лет.
II	1. Структурный кризис. 2. Технологическая революция. 3. Великие потрясения. 4. Революция мирового рынка.	1873–1897 гг. 1897–1921 гг. 1921–1945 гг. 1945–1969 гг.	Около 24 лет Около 24 лет. Около 24 лет. Около 24 лет.
III	1. Структурный кризис. 2. Технологическая революция. 3. Великие потрясения. 4. Революция мирового рынка.	1969–1981 гг. 1981–2005 гг. 2005–2017 гг. 2017–2041 гг.	Около 12 лет. Около 24 лет. Около 12 лет. Около 24 лет.
	Структурный кризис??? <i>Переход к виртуальному (в силу сингулярного «схлопывания» этого периода) структурному кризису, после которого ожидается изменение самой парадигмы мирового развития.</i>	2041–???	Сингулярность!

Даная таблица показывает, что периоды увеличения субъектности отечественных представительных институтов совпадают с фазами технологической революции в рамках второго и третьего полного цикла, что

⁶ Составлено на основе источника [516, с. 71-72].

актуализирует необходимость их соотношения с циклами модернизации России. В этом плане анализ исторического опыта с позиций мир-системного подхода свидетельствует, что «догоняющая» модернизация российского образца оборачивалась как положительными последствиями, так и социально-экономическим дисбалансом, и дезинтеграцией империи. Позитивными представляются результаты первого (1698–1811 гг.) и третьего (1929–1941 гг.) – с оговорками относительно репрессий тоталитарной системы – циклов модернизации, демонстрирующих её имперскую (консервативную) модель и характеризующихся социально-экономическим оживлением, общественно-политической централизацией и расширением территории государства. Условия, в которых протекали эти циклы, отличались позиционированием России в мир-системе, спецификой её социально-политического уклада, характером реформ и их временной протяжённостью. Если первый, наиболее длительный цикл модернизации как «вестернизации», проходил в рамках полупериферийного статуса Российской империи, включая три «волны» (1698–1725, 1741–1796, 1801–1811 гг.) с последующими «откатами» (1725–1741, 1796–1801, 1811–1859 гг.), то третий, значительно более короткий цикл, протекал в форме форсированной индустриализации в условиях автаркии советской системы [557], что проявлялось в жёстком государственном контроле над интегрированным и отсоединённым от капиталистической мир-экономики пространством, а также в комплексном его реформировании за счёт внутренних ресурсов. Это позволило нашей стране выйти из полупериферийного положения, почти на полстолетия обеспечив себе экономическую и политическую независимость, после чего, однако, данная замкнутая система требовала временного «открытия» для проведения модернизации.

Второй (1859–1911 гг.) и четвёртый (1985–1990-е гг.) циклы модернизации, относимые к либеральной модели и приведшие во многих сферах к отрицательным последствиям, которые обусловили дезинтеграцию государства, также отличались по ряду параметров. Более продолжительный второй цикл (включавший повышательные фазы в 1859–1873, 1905–1911 гг. и понижательные

– в 1873–1905, 1911–1920 гг.) осуществлялся в рамках полупериферийного статуса Российской империи [557, с. 18–19]. Помимо форсированной модернизации и «перегибов» местных властей, к негативным результатам привело наложение данного цикла на период «циклического сжатия» капиталистической мир-экономики вследствие зависимости от неё. В свою очередь, форсированное и во многом непоследовательное реформирование в рамках четвёртого цикла было осложнено внезапным и хаотичным открытием советской системы для современной мир-системы (капиталистической мир-экономики), что способствовало активизации периферийных процессов и последующей дезинтеграции СССР.

В контексте соотношения указанных циклов модернизации со степенью влияния представительных органов на внешнюю политику необходимо отметить следующее. Представляется, что в условиях циклов, демонстрирующих консервативную модель, возможности представительных институтов (Сенат, Уложенные комиссии, Государственный совет, советские представительные органы), в том числе касательно воздействия на внешнеполитический процесс, уменьшались. В обстоятельствах либеральной модели модернизации их (Государственная Дума в дореволюционный период, Верховный Совет СССР в период «перестройки», двухпалатный парламент России в 1991–1993 гг.) субъектность, как и возможность влиять на внешнюю политику государства, увеличивалась.

Исчезновение биполярного мира ознаменовало масштабную трансформацию Ялтинско-Потсдамской международной системы, породив бурные и продолжительные дискуссии относительно вопросов функционирования капиталистической мир-экономики, исследование которых связано с клубком противоречий, затрагивающих комплекс злободневных геополитических, социально-экономических и культурно-психологических проблем [331; 530; 672; 772; 787; 812; 820]. Происходящее в последние годы увеличение конфликтности во взаимоотношениях России и стран Запада, проводящих политику её изоляции и геополитического сдерживания, побуждает обратиться к историческому опыту

подобных ситуаций, показывающему целесообразность выбора нашим государством консервативной модели модернизации с целью построения автаркической системы, функциональный пример которой (с оговорками относительно известных «минусов») продемонстрировало существование Советского Союза в период до начала 1970-х гг. Это должно проявиться во внутренней мобилизации и многостороннем реформировании России в контексте курса на минимизацию её зависимости от находящейся в глубоком кризисе капиталистической мир-экономики, которая пытается решать проблемы своего ядра (центра) за счёт ресурсов полупериферии и периферии. В противном случае увеличивается вероятность того, что итогом глобальной геополитической конкуренции стран ядра мир-системы с нашим государством, занимающим в ней полупериферийное положение, станет поражение России.

Прогнозируемые экспертами изменения во внешнеполитических подходах США в сторону изоляционистских тенденций [270; 307], по-видимому, приведут Вашингтон не к абсолютному отказу от глобальных обязательств, но к частичной их передаче региональным союзникам, по крайней мере, на какой-то период. В этом отношении Соединённые Штаты, скорее всего, реализуя стратегию «удалённого сдерживания» путём задействования стран-партнёров, попытаются обострить их противоречия с нашим государством. Вместе с тем, в условиях грядущих десятилетий реалистичным представляется сценарий, когда несколько сильных держав будут формировать новый полицентричный мировой порядок. Поэтому лишь в случае обретения самодостаточности в результате проведения масштабной модернизации в рамках консервативной модели и последующего достижения независимости от западноцентричной мир-экономики, Россия сможет рассчитывать на достойное место в международной системе будущего. Указанные процессы, по аналогии с примерами прошлого, могут привести к усилению центральной власти, что неминуемо обернётся ослаблением субъектности представительных органов, в том числе относительно их возможностей воздействовать на государственную внешнюю политику.

Исходя из сказанного, можно выделить несколько сценариев развития ситуации, связанной со степенью субъектности Государственной Думы во внешней политике.

Первый сценарий обусловлен логикой соотношения циклов Кондратьева с периодами реформ/контрреформ в России (см. таблицу 3): с начала XX в. трижды (исключая время реформ Хрущёва–Косыгина, когда СССР демонстрировал автаркическую модель, не находясь в определяющей зависимости от мир-системы) активизации представительных институтов, в том числе относительно возможностей влияния на внешнеполитический процесс, происходила в условиях повышательных волн (пример Государственной Думы Российской империи, Верховного Совета СССР, Верховного Совета Российской Федерации) на фоне динамично развивающегося и оказывающего давление Запада. Следовательно, увеличение субъектности представительных органов может произойти в период новой повышательной волны, начало которой прогнозируется на первую половину 2020-х гг.

Второй сценарий руководствуется логикой полных циклов эволюции мировой политической и экономической системы (см. таблицу 4): активизация возможностей участия российских представительных институтов во внешней политике приходилась на фазы технологической революции, последняя из которых закончилась примерно в 2005 г. При этом фазы революции мирового рынка – хронологические рамки последней из них приходятся на 2017–2041 гг. – характеризовались умеренными реформами, освобождавшими часть общества от жёсткой власти государства («великие реформы» Александра II, «оттепель» и реформы Н. С. Хрущёва), свойственной для предшествующей фазы великих потрясений, при незначительной субъектности представительных органов. Традиционно для России фазы революции мирового рынка являются весьма сложными, поскольку в это время происходят радикальные повороты в международном политическом и экономическом развитии, к которым российские государство и элита нередко оказываются неготовыми. Так, в рамках этой фазы в 1849–1873 гг. после смерти Николая I развернулась ожесточённая борьба в верхах

относительно проведения реформ, а революционеры «открыли охоту» на Александра II. Фаза революции мирового рынка в 1945–1969 гг. характеризовалась борьбой за власть после смерти И. В. Сталина, победой Н. С. Хрущёва и его свержением в 1964 г. В международно-политическом контексте для фаз революции мирового рынка были характерны распад прежних и создание новых империй: в 1849–1873 гг. – распад Французской империи Наполеона III, кризис Австро-Венгерской империи и образование Германской империи при Бисмарке; в 1945–1969 гг. – крах «третьего рейха» в Германии и Японской империи, распад британской, французской, испанской, голландской, бельгийской колониальных империй, а также формирование американской глобальной империи (*Rex Americana*) и советской империи, включавшей множество сателлитов. Для аналогичной фазы 2017–2041 гг. исследователи прогнозируют новую геополитическую и геоэкономическую революцию, ослабление США, сдвиг центра мировой экономики с Запада на Восток, усиление стран Азии, возможное формирование неоимперских образований в Европе, Китае, Японии, Индии [517, с. 132–147]. В этом отношении продолжится формирование полицентричной модели мироустройства (США, ЕС, ЕАЭС, БРИКС, ШОС, G20 и др.), когда институты либеральной демократии во многих странах будут сочетаться с институтами «управляемой» демократии, элементами олигархии и авторитаризма [624, с. 562].

Таким образом, более обоснованной выглядит логика полных циклов эволюции мировой политической и экономической системы. В связи с этим возможен сценарий, когда в рамках текущей фазы революции мирового рынка (под влиянием указанных международно-политических и экономических сдвигов, внешних и внутренних вызовов и угроз) в России установится коллективное руководство с авторитарными элементами, которое будет заинтересовано в легитимации власти и формировании социальной базы для проведения своего курса, который, в силу кризиса либеральных ценностей, ослабления Запада и угрозы социальных потрясений, будет носить более социальный характер в контексте национальной мобилизации и стремлений к автаркии. Это неминуемо

поставит вопрос о необходимости заручиться поддержкой Государственной Думы как нижней палаты парламента, где представлены интересы всех слоёв общества, что, вероятно, приведёт к расширению её полномочий, в том числе во внешнеполитической сфере. Вместе с тем, не стоит исключать варианта развития событий, при котором Госдума, получив более широкие полномочия, будет в значительной степени контролироваться исполнительной властью, реализующей модель «управляемого парламента» при фактической «имитации сильной Думы». Однако такая ситуация, учитывая внешние и внутренние факторы, не может продолжаться долго, и чревата социальным взрывом.

2.3. Модели и механизмы участия отечественных представительных органов во внешней политике

Рассмотренные сквозь призму мир-системного анализа особенности позиционирования России в международных системах являлись детерминантами отечественного внешнеполитического механизма на разных этапах его трансформации. В этом контексте различные модели представительных институтов, как элементов механизма формирования и реализации внешней политики, подвергались влиянию условий положения государства в капиталистической мир-экономике и системах международных отношений, оказывая ответное воздействие на внешнеполитический процесс. Специфика влияния представительных институтов на государственную внешнюю политику не была идентичной на каждом конкретном этапе их трансформации, определяясь комплексом внутренних и внешних факторов.

Исследование различных аспектов функционирования российского парламентаризма располагает обширной отечественной и зарубежной историографией. Зачастую (с определёнными оговорками) выделяются следующие этапы его становления в России: исторические истоки и предпосылки парламентаризма (X–XIX вв.); первый парламентский опыт (1905–1917 гг.); советская представительная и законодательная система власти (1917–1991 гг.,

иногда хронология данного этапа продлевается до 1993 г. – принятия Конституции Российской Федерации); формирование и развитие современной парламентской системы (1991/1993 г. – настоящее время) [272; 306, с. 58–106]. Что касается упоминаемых оговорок, то существует мнение, что в качестве самостоятельного этапа можно выделить период с марта 1990 по декабрь 1993 г., когда была отменена 6-я статья Конституции СССР о главенствующей роли КПСС и введена многопартийность. По мнению исследователей, несмотря на то, что структура представительных органов власти при этом не изменилось, были изменены важные принципы их формирования, «что позволяет говорить о переходе на новый этап развития» [388, с. 58–59]. Отмечая высокий исследовательский интерес к указанной проблематике, вместе с тем, вопросы значения представительных институтов во внешнеполитическом механизме государства находили преимущественно ситуативное освещение [365; 433; 450; 492; 465; 513; 622; 691; 707; 770].

Выявление и характеристика эволюции моделей внешнеполитической деятельности отечественных представительных органов требуют применения ретроспективного анализа.

Традиционно первой формой проявления народовластия на Руси X–XIV вв. считается вече – своего рода народное собрание, в котором якобы участвовали все свободные жители. Их волеизъявление имело большое значение при формировании политики великого князя и его вассалов, стоящих во главе отдельных княжеств [338, с. 118]. Первое упоминание о вече встречается в Белгородских летописях, датируясь 997 г. [272, с. 53]. Дискуссионными остаются вопросы относительно социального состава и роли данных органов. Исследователи видят в вече и институт прямой демократии, и, одновременно, источник легитимности княжеской власти. Существует также мнение, что, несмотря на необходимость считаться с позицией веча, полномочия князя мало чем отличались от западноевропейских королей. Одни ученые считают вече народным собранием, другие – олигархическим. Неоспоримым представляется

лишь существование данного института и того факта, что он являлся ограничителем единоличной власти князя [492, с. 87].

Вечу принято приписывать обладание законодательной инициативой и полномочиями в решении вопросов внешней политики [306, с. 59–60], в частности правами заключать мирные договоры. Решения здесь принимались по принципу большинства голосов присутствующих [272, с. 53]. Поэтому можно согласиться с утверждением В. А. Никонова о том, что «в лице вече мы имеем дело с институтом представительства. Даже само происхождение этого понятия от слова “вещать” не отличает его от латинского “parlamentum”» [492, с. 87].

Вершиной вечевого строя на Руси считаются примеры Новгородской и Псковской республик. Высшим представительным органом здесь было собрание полноправных жителей мужского пола, а принцип волеизъявления стал основным в системе правления [707]. По происхождению вече в Пскове и Новгороде являлось городским собранием, похожим на существовавшие в других русских городах X–XII вв. Оно созывалось не периодически, а в случае необходимости. Чаще всего – во время войн, восстаний и призыва князей [306, с. 60–61].

На новгородском вече решались важнейшие вопросы политической жизни республики [574, с. 46–47]. Вече ведало и сферой внешней политики, принимая решения о сборе войска, постройке крепостей, объявляя войну и заключая мир, составляя и заключая торговые договора с иноземными государствами [590, с. 77].

Что касается Псковской республики, то здесь вече являлось верховным органом, решающим важнейшие дела государства, в том числе внешнеполитические: приглашало князей, объявляло войну, утверждало мирные договора, принимало и отправляло послов [589]. На вече могли приходиться все свободные взрослые мужчины, главы семей и владельцы дворов в Пскове, однако господствовали здесь, как и в новгородском случае, бояре [306, с. 64].

Таким образом, в качестве исторически первой модели видится пример участия во внешней политике веча – ранней формы народного представительства, существовавшей в русских княжества X–XIV вв. Являясь (вместе с князем и

дружиной) одним из субъектов принятия внешнеполитических решений, вече могли играть решающую роль во внешнеполитической жизни княжеств. Механизмами воздействия вечевых собраний (где традиционно наиболее влиятельными были бояре) выступали решения, принимаемые большинством голосов, что вынуждало князя и дружину подчиниться и следовать их реализации. В этот период русские княжества не входили в мир-систему и систему международных отношений, которые, в их привычном понимании, ещё не сложились. Внешние угрозы с восточного и западного направлений являлись перманентными. Сильная великокняжеская власть имела место вплоть до 30-х гг. XII в., после чего, в обстоятельствах центробежных тенденций и активизации внешней угрозы, влияние вече внутри отдельных княжеств временно возрастает.

К концу XIV в., в связи с установлением монгольского владычества и укреплением власти насаждаемых «сверху» князей, вече на Руси фактически исчезают [707]. Последние вечевые республики были ликвидированы сразу после присоединения к освобождавшемуся от монгольского ига Московскому государству: в 1478 г. – в Великом Новгороде и в 1510 г. – в Пскове. Но остатки вечевого строя выжили в западнорусских землях, входивших в Великое княжество Литовское, где трансформировались в институт сейма [492, с. 103]. На остальной же территории на смену вече приходят Боярские думы и Земские соборы. Статус Боярской думы – постоянного сословно-представительного органа аристократии при великом князе (с 1547 г. – при царе) – был оговорен в Судебниках 1497 и 1550 гг., а окончательно – в Соборном уложении 1649 г. [272, с. 53]. В XV в. понятие «боярин» превратилось в титул и думный чин, которыми великий князь наделял немногих избранных советников. С этого времени Боярская дума приобрела постоянный состав. «Верховная власть ограничена была, согласно традиции (обычаю), – отмечал отечественный учёный С. О. Шмидт, – в выборе постоянных высших советников и в какой-то мере разделялась (даже в годы безудержного самовластия Ивана Грозного) между монархом и наследственной аристократией, сословно-представительным органом которой была Боярская дума» [727, с. 94]. Право назначать «думных людей»

принадлежало исключительно государю, а законы издавались от его имени. Но осуществляла себя верховная власть именно через Боярскую думу и подчиненные ей центральные правительственные учреждения. Со временем рядом с боярами появились низшие думные чины – окольничие. Однако претендовать на боярство могли выходцы из княжеских фамилий, нетитулованная знать обычно начинала службу в чине окольничих [492, с. 97].

В XVI в. в состав Боярской думы входило около 30–40 человек, не только бояр, но и окольничих, думных дворян и дьяков. Обладала дума и управленческими функциями через систему временных боярских комиссий. Секретные дела решались Ближней думой, состоявшей, как правило, из четырех бояр [338, с. 469]. Боярская дума в этот период располагала многочисленными полномочиями, в числе которых были и вопросы внешней политики, «приговоры» относительно войны и мира [306, с. 65–66]. Исторические источники свидетельствуют, что с участием думы проходило обсуждение наиболее важных внешнеполитических вопросов. Для переговоров с прибывшими в страну дипломатами обязательно приглашались члены думы, от имени бояр и царя отправлялись грамоты польским панам. В частности, имеются подтверждения того, что Иван III (1462–1505 гг.) как-то отказался беседовать с послами один на один без бояр. Среди документов встречаются боярские приговоры об отправлении посольств к иноземным государям. Дума участвовала в обсуждении вопросов войны и мира с Польшей. Представляется, что прежде чем принять решение в сфере внешней политики, государь передавал рассмотрение этих дел боярам и «думным людям». Боярская дума составляла и отправляла дипломатические грамоты различным государствам, заслушивала посольские отписки, участвовала в слушании посольских дел. В этом, по мнению российской исследовательницы Т. В. Перевезенцевой, можно усмотреть «ростки участия представительного собрания во внешнеполитической жизни государства» [558, с. 66].

В Смутное время (1598–1613 гг.) Боярская дума играла ключевую роль во всех событиях государственного значения, обеспечивая необходимую видимость

легитимности власти. Известен случай, когда занявший московский трон Лжедмитрий I (1605–1606 гг.), пытаясь выполнить свои обещания польскому королю, приказал готовить войска для похода против шведов. Боярская дума, не желая допустить нарушения «вечного мира» со Швецией, решительно воспротивилась попыткам резко изменить внешнеполитическую ориентацию. Самозванец должен был подчиниться её воле, поскольку в это время Боярская дума прочно удерживала в своих руках бразды правления государством [618, с. 366–386].

Среди факторов, оказавших влияние на формирование особенностей отечественных представительных институтов на начальных этапах их становления, исследователи выделяют: «... трудные природные и климатические условия зоны рискованного земледелия; постоянно мигрирующее население; вековое соседство с кочевыми племенами и народами, строившими своё благополучие за счёт набегов и завоеваний». Указанные обстоятельства способствовали тому, что «господствующая роль в обществе перешла к единовластному правителю – великому князю, государю, царю, императору. Если же к перечисленным выше факторам прибавить наследие монголо-татарского ига, наложившееся на установившиеся после принятия православия византийские традиции власти, то станет ещё понятнее российская традиция доминирования исполнительной ветви власти по отношению к законодательной» [496, с. 9].

С ростом абсолютистских тенденций во второй половине XVII в. значение Боярской думы слабеет. В начале правления Петра I (1682–1725 гг.) число заседаний думы резко сокращается, постепенно уменьшается её количественный состав. Последнее упоминание о заседаниях Боярской думы датируется 1700 г. [272, с. 54].

Появление Земских соборов – высших сословно-представительных учреждений – относится к середине XVI в. [306, с. 67] и связано с завершением формирования Русского централизованного государства, ростом политического значения дворянства и отчасти верхов посада. В состав Земских соборов входили Боярские думы, члены Освященного собора (высшее духовенство во главе с

митрополитом, с 1589 г. – патриархом), представители сословных групп класса феодалов и торгово-промышленных верхов посадского населения. Земские соборы собирались по инициативе царя для решения общегосударственных («земских») проблем [272, с. 54], среди которых были и внешнеполитические. Так, в период правления Михаила Фёдоровича (1613–1645 гг.) на Земских соборах решались вопросы об отправке войск против И. Заруцкого, вольных казаков, поляков и шведов, условиях заключения мирных договоров с соседними державами [338, с. 468].

Полномочия, прерогативы Земских соборов и правила представительства на них никогда не были законодательно закреплены. Как уже отмечалось, они созывались царем (исключая период Смуты, когда это делал патриарх или Боярская дума) в определенном составе и для рассмотрения предложенных им вопросов. По мнению исследователей, соборы являлись органами как сословного, так и провинциального представительства. Роль Земского собора в российской политике была колоссальной. С учетом его мнения решались вопросы войны и мира, а также избрания царя [492, с. 108–109].

Отсюда следует, что второй моделью участия отечественных представительных органов во внешней политике можно считать пример деятельности Боярской думы и Земского собора в XIV–XVII вв. Боярская дума участвовала, вместе с государем, в обсуждении наиболее важных внешнеполитических вопросов. Её возможности в этой сфере увеличивались в периоды активизации внешних угроз и обострения внутренних кризисов. В это время Московское государство ещё не входило – в классическом понимании масштабов экономического взаимодействия – в мир-систему, но являлось субъектом в рамках формирующейся международной системы, демонстрируя характеристики сухопутной державы, проводящей активную интеграционную политику, способствующую увеличению государственной территории.

Во второй половине XVII в. значение Земских соборов начинает падать. В правление Алексея Михайловича (1645–1676 гг.) происходит постепенный переход от сословно-представительной монархии к абсолютной [306, с. 68].

Последний (в прежних условиях) Земский собор был созван в 1683–1684 гг. по поводу заключения «вечного мира» с Польшей. Однако поскольку русско-польские переговоры не увенчались успехом, собор был распущен, так и не приступив к работе [272, с. 54]. Исторически последний Земский собор состоялся в период Гражданской войны летом 1922 г. во Владивостоке, но, в силу понятных причин, практического значения он уже не имел [492, с. 109].

Результатами преобразований Петра I стали роспуск Боярской думы и создание Боярской комиссии, бывшей не более чем личной канцелярией царя. Затем в 1711 г. был образован Сенат, ставший законосовещательным органом и судебно-апелляционной инстанцией [66, с. 675]. Если членов думы назначали «по породе», то сенаторами становились по воле царя и служебным заслугам, то есть сенатор – это должность, которую можно было потерять, что многократно увеличивало их зависимость от монарха [306, с. 68].

Сенату не были определены постоянные права, а лишь временный круг поручений. Российский исследователь М. Ф. Владимирский-Буданов справедливо подчеркивал, что «ни в одном роде дел Сенат не мог проявить самостоятельности: существенной задачей его была администрация, но верховные господа – министры (управляющий войском, флотом и иностранными делами) – распоряжались сами, обращаясь в Сенат с «указами» именем царского величества... Во всяком случае Сенату принадлежала тогда вся исполнительная власть» [258, с. 255].

Вначале в Сенат входило 9 сенаторов и обер-секретарь. С 1722 г. этот институт приобрел права надзора за коллегиями и принятия законов в отсутствие царя, став высшим органом законодательства и управления. При этом он получил отдельный от коллегий состав, но «силовики» – президенты Военной, Адмиралтейской, Иностранных дел и Берг-коллегий – остались его членами, поэтому Сенат мог надзирать лишь за остальными и осуществлять функции финансового контроля. Но, как ни велика была компетенция Сената, он был органом, который исполнял волю и предназначения монарха. С учреждением Сената не было заполнено пространство, образовавшееся около русского государя

с исчезновением Боярской думы и так называемой Ближней думы, с которой царь советовался в особо важных случаях. Со временем, после создания министерств в 1802 г., Сенат превратился в орган суда и надзора [66, с. 675].

В XVIII в. для кодификации законов, вступивших в силу после Соборного уложения 1649 г., созывались временные коллегиальные органы – Уложенные комиссии [67, с. 430]. По инициативе Екатерины II (1762–1796 гг.) в 1767 г. была образована Комиссия по составлению нового уложения (Уложенная комиссия), которая рядом исследователей рассматривается в качестве прообраза российского парламента [306, с. 69]. В Уложенной комиссии работали 572 депутата, представляющие дворян, горожан, казачество, государственных крестьян. Также в её состав входило по одному депутату от Сената, Синода, от каждой коллегии. Крепостные и посессионные крестьяне в работе данного органа участия не принимали. Подготовительная работа была сосредоточена в частных комиссиях. Противоречия в деятельности комиссии и постановка острых вопросов вызвали недовольство императрицы. В январе 1769 г. общее собрание было распущено, но члены комиссии работали вплоть до 1773 г. [272, с. 56].

Хотя комиссия и прекратила свою деятельность под предлогом войны с Турцией – поскольку многие депутаты стояли на службе в армии, – истинную причину этого некоторые исследователи, в частности британский специалист Дж. Хоскинг, усматривают в разочаровании Екатерины II отсутствием понимания членами комиссии нужд общества, и их неготовностью наложить на себя какие-то ограничения ради общего блага [691, с. 114]. Специфика работы комиссии, по мнению американского учёного Р. Пайпса, свидетельствовала о том, что в этот период «ни одна из социальных групп в России не была заинтересована в либерализации: она означала бы утрату привилегий для элиты и разбила бы надежды крестьянской массы на всероссийский “черный передел”» [513, с. 327].

К концу XVIII в. в России сложилась система, при которой корпоративные институты и гражданские права местной аристократии выглядели слабее, чем в большинстве европейских государств. Царь, имея широкие полномочия, мог править в провинциях только при посредничестве класса помещиков, которых

Павел I (1796–1801 гг.) справедливо называл государственными сборщиками налогов и рекрутскими агентствами в деревне. Аристократические группировки при дворе боролись за власть и зависящие от неё материальные блага, создавая фракции и контролируя ключевые посты на государственной службе. Монарх, позволявший себе пренебрегать интересами и настроениями аристократии, мог, по мнению исследователей, поплатиться за это жизнью [433, с. 395]. Справедливость данного утверждения подтвердил итог царствования Павла I.

Правление Александра I (1801–1825 гг.) некоторые ученые характеризуют как период правительственного конституционализма. Подобное заключение имеет основания. В частности, по поручению императора, М. М. Сперанским и его соратниками был разработан проект, учитывающий концепцию деятельности наиболее развитых парламентов Европы. В этом проекте впервые появились названия «Государственная Дума» и «Государственный Совет» [306, с. 71]. Однако на практике царь ограничился созданием высшего законосовещательного органа – Государственного совета, учрежденного 1 января 1810 г., в число полномочий которого входило и рассмотрение вопросов внешней политики в чрезвычайных обстоятельствах. В 1810–1906 гг. Государственный совет состоял из лиц, назначаемых и увольняемых императором. Членом совета могло стать любое лицо без ограничения в возрасте, образовании, чине и сословии, но в реальности абсолютное большинство мест в нём занимали дворяне. По должности в его состав входили министры. Председатель и вице-председатель Госсовета ежегодно назначался императором. В 1812–1865 гг. председатель Государственного совета одновременно возглавлял Комитет министров. Первоначально насчитывалось 35 членов Госсовета, однако в начале XX в. их число достигло 90 [46, с. 278].

Что касается процедуры принятия решений Государственным советом, то исследователи акцентируют, что в период правления Александра I законопроекты вносились в него министрами по предварительному согласию императора. «По всем вопросам, – продолжает В. А. Никонов, – Совет выносил свое заключение как мнение большинства, к которому прикладывалось и мнение меньшинства. За

любим законопроектом стояла большая аппаратная – юридическая и аналитическая – работа. Обычно, но не всегда, глава государства, за которым оставалось последнее слово, соглашался с большинством» [492, с. 121].

Время правления Александра II (1855–1881 гг.) знаменуется «эпохой Великих реформ», среди которых особое значение в аспекте исследования предпосылок парламентских институтов имеют крестьянская (отмена крепостного права в 1861 г.) и земская (введение в 1864 г. нового института местного самоуправления – земств) реформы. Первая обусловила существенное расширение электорального корпуса, вторая – необходимость проведения выборов в земские учреждения [445, с. 32]. В 1870 г. формируются городские сословные представительные учреждения – органы городского самоуправления, которые, как и земства, обладали законосовещательным правом. Таким образом, как полагают исследователи, в этих выборных учреждениях стали зарождаться ростки парламентаризма [201]. Стоит также упомянуть, что в этот период появляются проекты реформирования Государственного совета, принадлежащие государственным деятелям П. А. Валуеву, М. Т. Лорис-Меликову и – в первый год правления Александра III – проект Н. П. Игнатьева о создании сословно-представительного органа наподобие Земского собора. Однако они остаются нереализованными [6; 89; 407].

Итак, третья модель внешнеполитического измерения деятельности отечественных представительных институтов может быть представлена примером законосовещательных органов, существовавших при монархе (царе, императоре) в 1711–1906 гг.: Сената, Уложенных комиссий, Государственного совета. Эта модель характеризуется усилением власти монарха, которому принадлежат основные полномочия в области внешней политики, и ослаблением возможностей представительных органов, выполняющих законосовещательные функции, влиять на внешнеполитический процесс. В этот период Российская империя входит в мир-систему как полупериферия в условиях двух повышательных (с конца 1780-х гг. до 1810–1817 гг., с конца 1840-х – начала 1850-х гг. до начала 1870-х гг.) и двух понижательных (с 1810–1817 гг. до конца 1840-х – начала 1850-х гг., с

начала 1870-х гг. до середины 1890-х гг.) волн циклов Кондратьева, двух периодов реформ (1802–1803 гг. и 1809–1810 гг., 1860-е – начало 1870-х гг.) и двух – контрреформ (с 1825 до 1856 г., с 1881 до 1894 г.), а также фаз структурного кризиса (1753–1789 гг.), технологической революции (1789–1813 гг.), великих потрясений (1813–1849 гг.), революции мирового рынка (1849–1873 гг.) и снова структурного кризиса (1873–1897 гг.) в рамках полных циклов эволюции мировой политической и экономической системы. При этом Россия является субъектом в рамках Вестфальской и Венской международных систем, сохраняет традиционные характеристики сухопутной державы, проводя активную интеграционную политику, что приводит к значительному расширению государственной территории. Фактор внешней угрозы является перманентным, периодически возрастая или уменьшаясь. Внутриполитическая ситуация характеризуется относительной – в сравнении с предыдущими периодами – стабильностью, вплоть до начала XX в.

Принято считать, что первый подлинный опыт российского парламентаризма в его классическом понимании связан с деятельностью I–IV-ой Государственных Дум в 1905–1917 гг. В отечественной конституционной политике этого периода выделялось три основные фазы. Вначале самодержавие стремилось сохранить существующую политическую систему, придав ей новое правовое оформление. Речь шла о дополнении самодержавия совещательными учреждениями представительного или квазипредставительного характера, что проявилось в принятии ряда законов [91; 114; 117]. В рамках второй фазы наблюдается высшее достижение в области конституционных ограничений царской власти, являясь во многом вынужденной мерой монархии в условиях подъема революционного движения: Манифест 17 октября 1905 г. и законодательные акты, изданные в его развитие в конце 1905 – начале 1906 г. [90; 149; 150]. Третья фаза конституционного законодательства должна была кодифицировать Свод основных государственных законов 1906 г. [135] новыми актами, изданными в предшествующий период. Инкорпорация же новых конституционных законов в традиционный кодекс самодержавного государства

выявляла их неразрешимые противоречия. В условиях контрреформ, наступивших после подавления революции, новые нормы о представительных учреждениях и их законодательных правах теряли свою силу, а многочисленные изъятия из них в форме особых законодательных норм характеризовали победу монархического начала. Так, существовавшие две палаты парламента – Государственная Дума и Государственный Совет – в это время наделялись равными правами в области законодательства. Теоретически, в случае достижения ими единства, они могли противостоять монарху в отношении контроля над бюджетом и введения новых законов. Однако права изменять основополагающие законы, руководить работой правительства и использовать армию были предоставлены исключительно императору [306, с. 79].

Реформированный Государственный Совет наделялся законодательными полномочиями, рассматривая проекты новых законов, предварительно одобренные Государственной Думой. С 1906 г. половина его состава назначалась императором, а другая половина избиралась на 9 лет в следующем соотношении: от дворянства – 18 человек, православного духовенства – 6, земств – по 1 человеку от каждого губернского собрания, от Академии наук и университетов – 6 человек, организаций торговли и промышленности – 12, сейма Финляндии – 2 человека. Каждые 3 года одна треть состава Государственного Совета по всем разрядам выбывала в очередном порядке. В своём новом качестве Совет должен был стать противовесом возможному либеральному курсу Государственной Думы [46, с. 278].

В свою очередь, социальный состав Государственной Думы был обусловлен спецификой действовавшей избирательной системы. «Права голоса, например, - отмечал Дж. Хоскинг, - не имели женщины, домашняя прислуга, сельскохозяйственные рабочие и рабочие небольших предприятий...» Эта система обеспечивала «преимущество крупным землевладельцам и городским собственникам над крестьянами и рабочими. И всё же фабричные рабочие и крестьяне-общинники были представлены...» [691, с. 441].

Опубликованный 3 июня 1907 г. новый избирательный закон [115] видоизменил пропорции представительства отдельных групп населения. Предпочтение отдавалось наиболее состоятельным и ответственным общественным элементам. Если по старому закону крестьяне выбирали 42% выборщиков, землевладельцы – 31%, горожане и рабочие – 27%, то теперь крестьяне получали 22,5%, землевладельцы – 50,5%, горожане и рабочие – 27%, но при этом горожане разделялись на две курии, голосовавшие отдельно [339, с. 391]. Голос 1 помещика был приравнен к голосам 7 горожан, 30 крестьянских избирателей и 60 рабочих. Представительство крестьян в Государственных Думах со временем планомерно уменьшалось: в I-ой Государственной Думе их было 47%, во II-ой – 45%, в III-й – 22%. Избирательных прав были фактически лишены жители окраин: Акмолинской, Семипалатинской, Тургайской, Уральской и Якутской областей. Ограничено было и представительство других национальных регионов: вся азиатская Россия могла теперь избирать лишь 15 депутатов; Кавказ вместо прежних 29 депутатов только 10; Царство Польское – 14 вместо 37, из которых 2 избирались в Варшаве, причём 1 – обязательно выборщиками от жителей русского происхождения. Данный порядок устанавливался в Виленской и Ковенской губерниях, где русское население отдельно от прочего избирало по 1 члену Думы. Также сокращалось представительство от городов. Право избирать членов Думы отдельно от населения своих губерний сохранили только Санкт-Петербург, Москва, Варшава, Лодзь, Киев, Рига и Одесса. Таким образом, теперь избирательным правом могло воспользоваться только 15% населения Российской империи [247, с. 22].

Данная мера полностью противоречила Основным законам, принятым в 1906 г. [135], согласно которым любые изменения требовали предварительного согласия двух палат: Государственной Думы и Государственного Совета. В частности, обе палаты парламента пользовались равными законодательными правами, имея возможность «возбуждать предположения» об отмене или изменении действующих и издании новых законов, исключая Основные государственные законы, полномочия пересмотра которых принадлежали

монарху. Что касается нового избирательного закона от 3 июня 1907 г., то он был разработан по инициативе Совета министров. В дальнейшем, по поручению председателя Совета министров П. А. Столыпина, новый избирательный закон был окончательно отредактирован С. Е. Крыжановским и, одновременно с роспуском II-ой Государственной Думы, утверждён императорским указом Сенату, без рассмотрения Государственным Советом и Государственной Думой, что, как отмечалось выше, являлось нарушением Основных законов Российской империи. Как известно, на основе этого избирательного закона были проведены выборы в III-ю и IV-ю Государственные Думы, состав которых был более консервативен с преобладанием партий, стоявших на пути сотрудничества с правительством [306, с. 85].

Что касается решения внешнеполитических вопросов, то, согласно действовавшему законодательству, военное, морское и министерство иностранных дел подчинялись лично монарху. Подобная система, при которой вопросы обороны, иностранных дел и обеспечения деятельности высших органов власти замыкаются на верховного руководителя, а не на формального главу исполнительной власти, как подчёркивают специалисты, сохранится и в советской России [492, с. 127]. В «думский период» высшая исполнительная власть осуществлялась царём и Советом министров [622, с. 153].

В то же время, обновление государственного устройства страны в годы Первой русской революции затронуло фундаментальные основы политической системы, приведя к изменениям во внешнеполитической сфере. Так, внешнеполитические полномочия императора, в сущности, полностью сохранялись и даже были расширены. Согласно Основным законам 1906 г. [135], глава государства по-прежнему руководил управлением международными отношениями (определял общий внешнеполитический курс государства, заключал международные соглашения, осуществлял текущий контроль над деятельностью министерства иностранных дел). Однако появление представительной власти, реформирование Совета министров, расширение гражданских и политических свобод существенно усложнили процесс

функционирования внешнеполитического механизма Российской империи, создав целый ряд косвенных инструментов давления на самодержавную международную политику. Переход к думской монархии стал ключевым фактором, определившим значительное увеличение интереса российского общества к вопросам внешней политики, заметное усиление влияния общественного мнения на процесс выработки и принятия основополагающих внешнеполитических решений [421, с. 38].

Несмотря на кратковременный период работы Государственной Думы I-го (апрель – июль 1906 г.) и II-го (февраль – июнь 1907 г.) созывов, тяжелейший внутренний кризис, депутатский корпус не оставил без внимания внешнюю политику Российской империи. С первых дней Госдума включилась в борьбу за право участия в международных делах. Парламентские фракции активно предпринимали шаги в плане развития сотрудничества с Межпарламентским союзом, контактов с европейскими политиками, налаживания конструктивных взаимоотношений с министерством иностранных дел при рассмотрении бюджета. Появление законодательного учреждения открывало новые возможности как для политических партий, стремившихся усилить свое влияние на внешнеполитический процесс, так и для самодержавия, все больше нуждавшегося в поддержке обществом проводимого международного курса. Учитывая это, в мае 1907 г. император разрешил министру иностранных дел выступать перед депутатами с разъяснениями вопросов внешней политики. Российский парламент фактически наделялся в этом отношении правом «совещательного голоса», имея возможность напрямую получать необходимую информацию и декларировать собственную позицию. Но, в отличие от I-й Государственной Думы, вопросы внешней политики на пленарных заседаниях Думы II-го созыва не поднимались, исключая обсуждение сметы МИД на текущий год [420, с. 169].

При этом Думы I-го и II-го созывов воздействовали на внешнеполитический процесс посредством реализации следующих механизмов. Законодательному собранию принадлежало право утверждать проект государственного бюджета, включая расходы МИД на содержание центрального аппарата, дипломатических и

консульских постов. Это заставляло руководителей внешнеполитического ведомства выстраивать диалог с представительной властью, учитывая её критику и пожелания относительно работы министерства. Кроме того, Государственная Дума могла осуществлять международную деятельность, сотрудничество с зарубежными парламентариями и межпарламентскими организациями. Также депутаты имели право предъявлять запросы к правительственной администрации по поводу незаконных действий, а, в случае необходимости, получали возможность задавать «вопросы» министрам, обращаясь в правительство за дополнительными разъяснениями. Указанные «вопросы» и запросы могли быть использованы Госдумой для привлечения внимания к внешнеполитическим проблемам и оказания давления на МИД [272; 365; 622].

Проработавшая полный срок III-я Государственная Дума (ноябрь 1907 – июнь 1912 г.) утвердила более 2 тыс. различных законопроектов, большая часть которых были в интересах дворянства и верхов буржуазии, временно упрочив позиции монархии. Показательно, что практически с самого начала данного периода конституционно-демократическая фракция (самая крупная из оппозиционных, насчитывавшая 54 депутата) оказалась вовлеченной в борьбу за влияние самодержавия на международную политику, предпринимая попытки усилить значение российского парламента во внешнеполитическом процессе [419, с. 84]. К механизмам воздействия законодательного собрания на государственную внешнюю политику следует отнести, ставшие традиционными, обсуждения на пленарных заседаниях (с участием министра иностранных дел) внешнеполитических вопросов, налаживание прямых контактов с зарубежными парламентариями (в частности, из Великобритании и Франции), развитие взаимодействия с Межпарламентским союзом. Так, депутаты (в том числе кадетской фракции) активно участвовали в работе думских комиссий, взаимодействующих с министерством иностранных дел: в Бюджетной комиссии и Комиссии по направлению законодательных предложений. Обсуждение финансовых параметров сметы МИД и законопроектов по изменению статуса и штатов зарубежных представительств (зачастую проходившее в присутствии

министра иностранных дел) позволяло поднимать вопросы, затрагивающие функционирование всего внешнеполитического механизма и международной политики государства. Под влиянием подобных обсуждений внешнеполитическое ведомство начинает перестраивать сеть российских дипломатических и консульских представительств в Европе, Среднем и Дальнем Востоке, Северной и Латинской Америке [272; 365].

IV-я Государственная Дума (ноябрь 1912 – октябрь 1917 г.) – последняя в истории дореволюционной России – по составу мало отличалась от предыдущей, до начала Первой мировой войны рассмотрев около 2 тыс. законопроектов. Вместе с тем, следует отметить, что наиболее важные законодательные акты правительство предпочитало проводить, минуя Думу. В свою очередь, с началом войны Дума вступила в острейший конфликт с верховной властью: в ней образуется Прогрессивный блок, в рамках которого летом 1915 г. объединились 236 депутатов [450, с. 19–22]. С появлением Прогрессивного блока противостояние либералов с самодержавием стало затрагивать не только военные и внутривнутриполитические проблемы, но и сферу международных отношений. Выступления парламентариев в Государственной Думе по наиболее актуальным вопросам внешней политики, обсуждение сметы министерства иностранных дел, расширение связей (при участии представителей Госсовета) с государственными и общественными деятелями стран Антанты (прежде всего Англии, Франции и Италии) являлись действенными механизмами, способствующими увеличению роли межпартийной коалиции и самого российского парламента в международных делах. Усиление кризисных проявлений в социально-экономической и политической сферах в конце 1916 – начале 1917 г. не позволяли отечественному парламенту вернуться к рассмотрению международных проблем. Однако вплоть до февральской революции внешнеполитическими приоритетами в деятельности думского большинства по-прежнему оставались вопросы обеспечения необходимых условий для продолжения войны и укрепление союза России со странами Антанты. Обращает на себя внимание и тот факт, что в самый разгар февральских событий, еще до образования новой власти, руководство

МИД спешит установить связь с думской оппозицией, а вся «дипломатическая переписка, пришедшая на Финский вокзал», доставляется кадету П. Н. Милюкову (специализирующемуся в Думе по внешнеполитическим вопросам, позже ставшему министром иностранных дел в первом составе Временного правительства). При этом активизация оппозиционной деятельности и борьба за влияние на внешнюю политику государства привели к тому, что к началу 1917 г. лидеры думских фракций стали одними из самых известных и популярных российских политиков. В дальнейшем усиление значения оппозиционных партий в Государственной Думе и российском обществе за несколько месяцев до начала революции позволило им в ходе февральских событий встать во главе многих революционных процессов, получить большинство мест во Временном правительстве первых составов и напрямую влиять на внутреннюю и внешнюю политику страны в марте – октябре 1917 г. [422, с. 90].

В контексте анализа влияния имперского парламента разных созывов на внешнюю политику возникает общая дискуссия относительно «запоздалого характера российского парламентаризма», якобы проявившегося в том, что первый в классическом понимании законодательный и представительный орган – Государственная Дума – был учреждён в России позже, чем в ряде европейских стран. Можно согласиться с мнением исследователей, что «истоки рассматриваемого положения вещей крылись в особенностях эволюции отечественной государственности, обусловивших формирование специфической российской модели развития». В качестве её системообразующей черты отмечается «необычайно высокая степень концентрации в едином центре реальных (экономических, властных) и символических (связанных с производством знания, информационных и идеологических) ресурсов при крайне низком уровне автономии институционализированных сфер социального взаимодействия (экономика, наука, образование и т. д.). Все ключевые социальные взаимодействия в российском обществе либо осуществлялись через центр, либо контролировались им» [277, с. 65].

В этом отношении четвёртой модельной участия отечественных представительных органов во внешней политике может служить пример двухпалатного парламента: Государственная Дума и Государственный Совет (1906–1917 гг.). На фоне сохранения основополагающих позиций императора в решении вопросов государственной внешней политики, однако, в этот период появляется реальная представительная власть в форме Государственной Думы, располагавшей возможностями влияния на внешнеполитический механизм империи, которых – при очевидной их ограниченности – не имели прежние представительные органы: осуществление международной деятельности посредством сотрудничества с международными парламентскими организациями и зарубежными парламентариями; предъявление запросов к правительственной администрации и задавания «вопросов» министрам для получения дополнительных разъяснений по определённым проблемам; участие депутатов в работе думских комиссий, связанных с МИД и т. д. Это происходит, когда Россия продолжает занимать положение полупериферии в мир-системе в условиях повышательной волны циклов Кондратьева (с середины 1890-х гг. до 1914–1921 гг.), периода внутренних реформ (с 1897 до 1910 г.) и фазы технологической революции (1897–1921 гг.) в рамках циклов эволюции мировой политической и экономической системы. В переживающей кризис международной системе позиции России ослабляются. Фактор внешней угрозы возрастает, усугубляясь событиями Первой мировой войны. Внутреннее положение характеризуется нарастающим экономическим и политическим кризисом, революционными событиями и последовавшим за этим распадом империи.

Опыт существования советской представительной и законодательной власти (1917–1991 гг.) рассматривается в качестве одного из этапов становления отечественного парламентаризма [272; 306]. В этом отношении начать следует с нормативно-законодательного измерения проблемы. Так, высшим органом власти в СССР, следуя Конституции 1924 г., являлся Съезд Советов, созываемый на один год. В период между съездами верховная власть принадлежала ЦИК СССР, который состоял из двух равноправных палат: Союзного Совета и Совета

Национальностей. Между сессиями ЦИК высшим законодательным и распорядительным органом считался Президиум ЦИК, избираемый на совместном заседании палат [100]. По Конституции 1936 г. высшим органом государственной власти выступал Верховный Совет СССР, осуществлявший законодательный и иные полномочия и состоявший из двух равноправных палат: Совета Союза и Совета Национальностей [71]. Эта система органов власти была сохранена в Конституции 1977 г., давшей новое название представительным органам – Советам народных депутатов [72].

Однако на практике система управления в СССР предполагала принципиальную неразделённость партийной и советской власти во всех её ипостасях. В целях реализации властных полномочий партии был необходим аппарат, составлявший советскую номенклатуру, которая, формируясь устойчиво и целенаправленно, осуществляла бы политическое руководство обществом. Высшая номенклатура выделяла из своей среды узкий круг лиц, которых можно именовать политической элитой, непосредственно участвовавшей в выработке, принятии и организации выполнения политических решений [306, с. 98].

Концепция представительного института, заложенная в советской модели, существенно отличалась от классических парламентских идей, которые предполагали борьбу интересов не только правящих, но и других сил, составляющих сущность данного общественного строя. По мнению экспертов, Верховный Совет СССР был своего рода «Верховным Собором», который хотя и являлся представительным органом народовластия, но его качественные характеристики были далеки от представительной природы, что обуславливало низкий уровень представительства [521, с. 91].

В советский период отечественный парламентаризм носил номинальный характер. Верховный Совет оформлял и легитимировал принятые партийно-государственным аппаратом решения. «И всё же, - отмечала российская исследовательница О. В. Гаман-Голутвина, - было бы неверным полагать, что в Советском Союзе развитие парламентаризма полностью сошло на нет. Утратив реальные полномочия в законодательной сфере, Верховный Совет СССР и

аналогичные структуры республиканского уровня продолжали выполнять представительные функции». Речь идёт о том, что после принятия Конституции 1936 г. – отменившей ранее введённые ограничения на пассивное и активное избирательное право для ряда социальных групп и провозгласившей переход к системе всеобщих, равных и прямых выборов – состав депутатского корпуса во многом стал воспроизводить возрастную, гендерную, социальную, национальную и отчасти профессиональную структуру советского общества. Но даже с учётом наличия номинальных полномочий Верховный Совет символизировал в глазах населения представительную власть [277, с. 60–61].

Вместе с тем необходимо отметить, что законопроекты разрабатывались в ЦК КПСС и официально вносились на рассмотрение сессии Верховного Совета через парламентскую структуру КПСС. Российский исследователь Р. Ф. Матвеев в этом отношении писал: «Понятно, что проект такого происхождения никогда не встречал никакого сопротивления. Хотя по Конституции 1936 г. и 1977 г. правительство утверждалось Верховным Советом, однако оно всегда состояло из членов Политбюро и из членов ЦК КПСС. Руководящими документами для советского парламента были постановления съездов партии и её Центрального комитета» [460, с. 328].

Указанные обстоятельства определили и особенности участия советских представительных институтов во внешней политике. «Внешнеполитические, как и все другие, функции парламента, - отмечает А. М. Салмин, - были в СССР фикцией, элементом ритуала государства-партии. Торжественные «ратификации» международных договоров должны были демонстрировать общественности зарубежных стран легитимность подписывающих их властей, признанных международным сообществом, «межпарламентские» контакты были частью агитпропа» [602, с. 155].

Трансформация элементов советского парламентаризма происходит в период «перестройки». На основе решений XXVII съезда КПСС и XIX Всесоюзной партийной конференции Верховный Совет СССР 1 декабря 1988 г. вносит ряд существенных изменений в Конституцию. Единую систему

представительных органов государственной власти стали составлять Съезд народных депутатов и Верховный Совет СССР [272, с. 69]. Высшим органом государственной власти назначался Съезд народных депутатов СССР, состоящий из 2250 депутатов: 750 избирались от территориальных округов с равной численностью избирателей, 750 – от национально-территориальных округов и другие 750 – от всесоюзных общественных организаций. К исключительным полномочиям Съезда среди прочих относилось и определение основных направлений внутренней и внешней политики [306, с. 102–103].

Верховный Совет СССР объявлялся постоянно действующим законодательным, распорядительным и контрольным (позднее – законодательным и контрольным) органом государственной власти. Он избирался тайным голосованием из числа народных депутатов СССР Съездом народных депутатов и был ему подотчётен. Как и ранее, Верховный Совет состоял из двух равноправных палат: Совета Союза и Совета Национальностей, равных по численному составу [83, с. 127]. В перечне его полномочий значились ратификация и денонсация международных договоров, а также – оказывающие воздействие и на внешнюю политику государства – назначение выборов народных депутатов, утверждение членов правительства, образование и упразднение министерств и других центральных органов, принятие законов и т. д. [306, с. 103].

Увеличение роли союзного парламента во внешней политике СССР происходит в 1989–1991 гг. В этот период Верховным Советом были осуществлены крупные международно-политические и дипломатические акции для исполнения курса, утверждённого первым Съездом народных депутатов: политическая и правовая оценка наиболее одиозных «белых пятен» в истории советской внешней политики; новые подходы к объединению Германии и «европейскому строительству»; обновлённые установки к урегулированию конфликта на Ближнем Востоке – в зоне Персидского залива; изменение подходов к проблемам на Дальнем Востоке, что привело к переменам в советско-южнокорейских и советско-японских отношениях; значительный вклад в

укрепление советско-американского взаимодействия по всем основополагающим вопросам международных отношений. Взаимодействие союзного парламента с дипломатической службой позволило нормализовать отношения между СССР и КНР, способствовало дальнейшему развитию дружественных отношений с Индией и странами тихоокеанского бассейна [477, с. 10–11].

Учитывая сказанное, пятой моделью можно считать пример внешнеполитического измерения деятельности советских представительных органов в период существования СССР. В этом плане возможности советского парламента воздействовать на внешнеполитический процесс были ограничены вплоть до конца 1980-х гг., когда Верховный Совет, полномочия которого расширились, реализует ряд внешнеполитических акций. При этом минимальные возможности представительных органов влиять на внешнюю политику государства совпали по времени с периодом усиления центральной власти в условиях автаркии советской системы и укрепления международных позиций СССР, проводящего активную и независимую внешнюю политику. Усиление роли парламента происходило в период нарастания кризиса советской системы, вхождения государства в западноцентричную мир-систему в качестве полупериферии, активизации внутренних центробежных процессов и разрушения Советского Союза.

В период с декабря 1991 по декабрь 1993 г. новые тенденции в развитии отечественного парламентаризма были связаны с дезинтеграцией СССР, производными внешними и внутренними процессами и образованием Российской Федерации в современных границах, а также с действовавшей Конституцией РСФСР 1978 г., в которую были внесены изменения: закреплено понятие разделения властей и изменена система распределения полномочий в связи с федеративным устройством государства [55]. С учётом этого, действовавшая до декабря 1993 г. Конституция характеризовалась довольно широкими полномочиями парламента: Съезд народных депутатов признавался высшим органом государственной власти, а Президент – «высшим должностным лицом Российской Федерации и главой исполнительной власти» [75].

Российский исследователь В. Д. Мазаев в этом отношении отмечал: «Верховный Совет РСФСР с момента принятия Декларации о государственном суверенитете РСФСР последовательно формировал и достраивал в недрах советской системы модель разделения властей и современный парламент. Согласно ст. 3 Конституции Российской Федерации – России 1978 г. (в редакции поправок 1992 г.) была создана система органов государственной власти на основе принципа разделения властей. Она была создана на уровне второго эшелона государственной власти. Съезд народных депутатов был высшим органом государственной власти, который был правомочен принять к своему рассмотрению и решить любой вопрос, отнесённый к ведению Российской Федерации. Он стоял выше конструкции разделения властей. Но на втором уровне эта модель была создана и начала действовать: Верховный Совет – постоянно действующий законодательный и контрольный орган; Президент РФ – высшее должностное лицо и глава исполнительной власти; Совет Министров – Правительство – орган исполнительной власти, подотчётный Съезду, Верховному Совету и Президенту РФ; Конституционный Суд РФ как орган конституционного контроля, Верховный Суд РФ, Высший Арбитражный Суд РФ» [446, с. 27].

По мнению специалистов, в этот период Президент практически не имел блокирующего влияния на законотворческий процесс, поскольку его отлагательное вето преодолевалось простым большинством каждой из палат Верховного Совета. В итоге Президент был обязан подписать закон в течение трёх дней. Право Президента издавать указы нивелировалось правом Съезда народных депутатов отменять эти указы. При этом к исключительному ведению парламента были отнесены такие государственные полномочия, как определение внутренней и внешней политики. Также конституционно была прописана двойная ответственность (подотчётность) правительства (Совета Министров) перед парламентом (Съездом народных депутатов и Верховным Советом) и Президентом [388, с. 60–61].

Изменения, внесённые в Конституцию РСФСР в декабре 1992 г., расширили полномочия представительных органов. В частности, Верховный Совет

Российской Федерации получил полномочия давать разрешение на назначение Председателя Совета Министров, министров, реорганизацию министерств, государственных комитетов и ведомств, а также на назначение Председателя Центрального Банка [56].

Что касается роли и места представительных институтов в государственном внешнеполитическом механизме, то в его структуре ключевым элементом являлся Президент, имевший особые полномочия по вопросам принятия внешнеполитических решений. Это было закреплено подписанным в феврале 1992 г. указом Президента, в котором значилось, что именно он направляет деятельность Министерства безопасности, Министерства внутренних дел, Министерства иностранных дел и Министерства юстиции. В практической плоскости подобное означало, что Министерство иностранных дел, как и ряд других ведомств, имевших отношение к внешней политике и вопросам внешней безопасности, «по всем аспектам своей деятельности подчиняются только Президенту» [673]. В условиях нарастающих противоречий между Президентом и парламентом к 1993 г. формируется новая структура отечественного внешнеполитического механизма, в рамках которой высшие органы представительной власти не могли в полной мере реализовать свои законодательно закреплённые полномочия во внешнеполитической сфере. Инициатива во влиянии на процессе принятия и реализации внешнеполитических решений всё более смещается в сторону Президента, Министерства иностранных дел и специальных ведомств, связанных с институтом президентства [306, с. 104].

Следовательно, шестой моделью целесообразно считать пример участия во внешней политике двухпалатного парламента Российской Федерации периода 1991–1993 гг., который на законодательном уровне получает ещё более широкие полномочия, в том числе и относительно возможностей влияния на внешнюю политику государства. Однако в условиях обострения отношений между высшими органами представительной власти и Президентом формируется такая структура государственного внешнеполитического механизма, в рамках которой парламент не мог в полной мере реализовать законодательно закреплённые

полномочия во внешнеполитической сфере. Данная модель проявилась в условиях, когда постсоветская Россия занимала полупериферийное положение в мир-системе, характеризуясь кардинальным ослаблением своих международно-политических позиций, а также внутренним социально-экономическим и политическим кризисом, что порождало угрозы продолжения дезинтеграционных процессов. Это совпало по времени с повышательной волной циклов Кондратьева (с начала 1980-х гг. до начала 2000-х гг.), периодом внутренних реформ (с 1985 до 2000 г.) и фазой технологической революции (1981–2005 гг.) в рамках циклов эволюции мировой политической и экономической системы.

Современная модель внешнеполитического измерения деятельности отечественных представительных органов начинает формироваться с момента принятия Конституции [73] в декабре 1993 г., проявившись в работе двухпалатного парламента. В общих чертах её можно охарактеризовать как участие представительных органов, реализующих имеющиеся ограниченные полномочия во внешнеполитическом процессе при доминирующей роли Президента и структур исполнительной власти. Характеризуя внешние факторы, следует отметить полупериферийное положение России в современной мир-системе в условиях окончания повышательной волны (с начала 1980-х гг. до начала 2000-х гг.) и всего периода понижательной волны (с начала 2000-х гг. до конца 2010 гг.) циклов Кондратьева, а также фазы великих потрясений (2005–2017 гг.) в рамках циклов эволюции мировой политической и экономической системы. При этом происходит постепенное укрепление международно-политических позиций и трансформация внешней политики в сторону прагматизма и защиты национальных интересов на фоне увеличения международной напряжённости и обострения геополитического соперничества с коллективным Западом. В числе внутренних факторов отмечается эволюция от состояния внутривнутриполитической нестабильности, социально-экономического кризиса и ослабления центральной власти к постепенной экономической стабилизации, централизации политической системы и укреплению позиций исполнительной власти.

Ретроспективный анализ моделей и механизмов участия отечественных представительных институтов во внешней политике был бы неполным без разъяснения одного дискуссионного тезиса. Речь идёт о споре по вопросу соотношения периодов усиления и ослабления представительной власти в контексте влияния на эффективность функционирования государственного аппарата, а, следовательно, и внешнеполитического механизма в российской истории. В этом отношении условно первая точка зрения была обоснована О. В. Гаман-Голутвиной: «... отнюдь не случайно, что активизация представительных институтов в России обычно приходилась на периоды кризиса государственности – именно укрепление представительных начал в управлении позволяло находить выход из кризисных ситуаций. Так было в период Смуты XVII в.; так было и на рубеже 1980-х–1990-х годов» [277, с. 66].

Другая точка зрения исходит из того, что усиление представительных институтов было следствием кризиса отечественной государственности, проявлениями которого являлись слабость центральной (верховой) власти, разного рода междоусобицы, интервенции, центробежные тенденции, экономическая разруха, а подчас и дезинтеграция империи. В свою очередь, это приводило к периоду неопределённости и последующей смене режима, что впоследствии оборачивалось восстановлением государственности, укреплением центральной власти, стабилизацией политической системы и экономического положения, сопровождаясь ослаблением роли представительных институтов.

Данной позиции в общих чертах придерживается Р. Р. Вильданов, отмечая наличие «инверсионного типа» развития отношений между верховной исполнительной властью и парламентскими органами. «Первая модель парламента, - акцентирует он, - которая характеризует его взаимоотношения с верховной исполнительной властью и в дореволюционный, и постсоветский периоды обозначена нами как модель «оппозиционного парламента». Затем в результате разворачивания инверсионного маятника происходит заметное усиление исполнительной власти и парламент в дореволюционной России демонстрирует переход к модели «лояльного парламента», а в постсоветской

России – к модели «управляемого парламента». При этом для дореволюционной истории парламента характерно ещё одно движение маятника – возврат к модели «оппозиционного парламента», что в конечном итоге приводит к смене режима ...» [254, с. 117]. Последняя точка зрения представляется более аргументированной.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, наиболее ранней моделью, характеризующейся высокой субъектностью, представляется опыт участия вече во внешнеполитической жизни княжеств X–XIV вв. Решения вече, принимаемые большинством голосов, ограничивали возможности князя и дружины влиять на внешнюю политику. Активизация роли вече во внешнеполитическом процессе происходит в периоды усиления внешних угроз и внутривполитической нестабильности.

В качестве второй модели – уровень субъектности которой может оцениваться как высокий – выступает внешнеполитическое измерение деятельности Боярской думы и Земского собора в XIV–XVII вв. Влияние Боярской думы на внешнюю политику государства увеличивалось в условиях обострения внешних угроз и внутренних кризисов.

Третьей моделью видится пример участия во внешней политике Сената, Уложенных комиссий, Государственного совета в 1711–1906 гг. Низкая субъектность представительных институтов – в том числе относительно возможностей влиять на внешнеполитический процесс – наблюдается в условиях усиления центральной (верховой) власти монарха. При этом внешние угрозы являются перманентными, а внутривполитическая ситуация, до начала XX в., характеризуется относительной стабильностью. Россия в этот период является полупериферией в рамках современной мир-системы в условиях двух повышательных и двух понижательных волн циклов Кондратьева и полного цикла эволюции мировой политической и экономической системы.

Модель внешнеполитического измерения деятельности двухпалатного парламента Российской империи (в составе Государственной Думы и Государственного Совета 1906–1917 гг.) рассматривается в качестве четвёртого

примера, который, в сравнении с предыдущим, характеризуется более высоким уровнем субъектности. При этом структура государственного механизма принятия внешнеполитических решений – в котором ключевое значение отводилось императору – существенно не изменилась. Активизация роли представительных институтов происходит в период кризиса международной системы, усиления внешних угроз, а также обострения внутреннего политического и экономического кризиса. В это время Россия является полупериферией мир-системы в условиях повышательной волны цикла Кондратьева и фазы технологической революции в рамках циклов эволюции мировой политической и экономической системы.

В-пятых, модель участия советских представительных институтов во внешнеполитическом процессе характеризуется сначала ограниченной субъектностью в период усиления центральной власти, стабильности и автаркии советской системы, а затем – увеличением влияния в условиях кризиса системы и вхождения государства в мир-систему в статусе полупериферии.

Шестая «переходная модель»: внешнеполитическое измерение деятельности двухпалатного парламента Российской Федерации 1991–1993 гг., располагающего в этом плане большими полномочиями, которые не были реализованы в условиях конфликта с Президентом на фоне политического и экономического кризиса, а также значительного ослабления международно-политических позиций государства. Это происходит, когда Россия продолжает занимать положение полупериферии в мир-системе в условиях повышательной волны циклов Кондратьева и фазы технологической революции в рамках циклов эволюции мировой политической и экономической системы.

Седьмая модель представлена примером участия во внешней политике Федерального Собрания Российской Федерации после принятия действующей Конституции. Она характеризуется реализацией представительными органами ограниченных возможностей влияния на внешнеполитический процесс, где ключевые позиции занимает Президент и структуры исполнительной власти. Данная модель функционирует в условиях полупериферийного положения России

в мир-системе на фоне понижательной волны циклов Кондратьева и фазы великих потрясений в рамках циклов эволюции мировой политической и экономической системы, нарастания международной напряжённости и внешнего давления по мере укрепления международно-политических позиций государства, централизации политической системы и стабилизации внутривнутриполитической ситуации.

ГЛАВА 3. РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ МЕХАНИЗМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

3.1. Трансформация роли представительных институтов в процессе эволюции внешнеполитического механизма России

Поскольку нижняя палата российского парламента является элементом системы государственного внешнеполитического механизма, следует рассмотреть специфику его функционирования в контексте участия представительных органов. Данная проблема на уровне описания полномочий элементов этой системы находила отражение в ряде отечественных и зарубежных исследований. Однако вопросы, связанные с выявлением основных характеристик внешнеполитического механизма, в том числе его традиционных черт и особенностей, зачастую имели ситуативное освещение. Между тем именно они, систематически проявляясь в разные исторические эпохи, становились императивами механизма формирования и реализации внешней политики России на современном этапе.

Как отмечают специалисты, вопросы внешней политики, военного дела и казны на русских землях традиционно являлись приоритетом государя. В период X–XIV вв. субъектами принятия внешнеполитических решений в Древнерусском государстве выступали князь (чьё мнение было зачастую решающим), дружина и вече [306; 448], влияние которого возрастало в периоды обострения внешних угроз и внутренних кризисов (см. рис. 1).

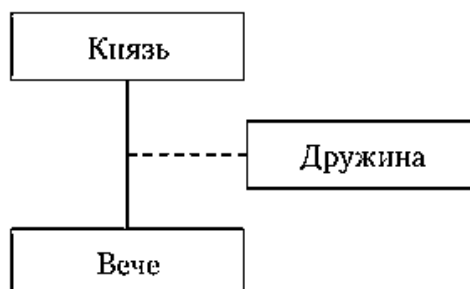

Рисунок 1. Механизм принятия внешнеполитических решений в Древнерусском государстве [212, с. 65].

На основе великокняжеской казны в Московском государстве формируется первоначальный аппарат государственного управления. К середине XV в. великие князья решают создать специальное должностное лицо, ведавшее делами государственной казны. Затем в Казённом приказе выделяется специальная должность для ведения внешнеполитических дел, а к середине XVI в. для этого создаётся Посольский приказ. Выделение внешнеполитической службы в особое занятие происходило параллельно – или с небольшим опозданием – формированию централизованного управления другими значимыми государственными делами [262, с. 10–11]. Помимо этого, в Московском государстве появляется военное ведомство, в составе которого находились Разрядный, Стрелецкий, Пушкарский и Иноземный приказы. В качестве надзорного органа выступал Приказ тайных дел (см. рис. 2) [212, с. 67]. Как отмечалось выше, возможности Боярской думы в XIV–XVII вв. оказывать влияние на внешнеполитический процесс увеличивались в периоды кризисов и внутривластной нестабильности и уменьшались в условиях укрепления центральной (верховой) власти [547].

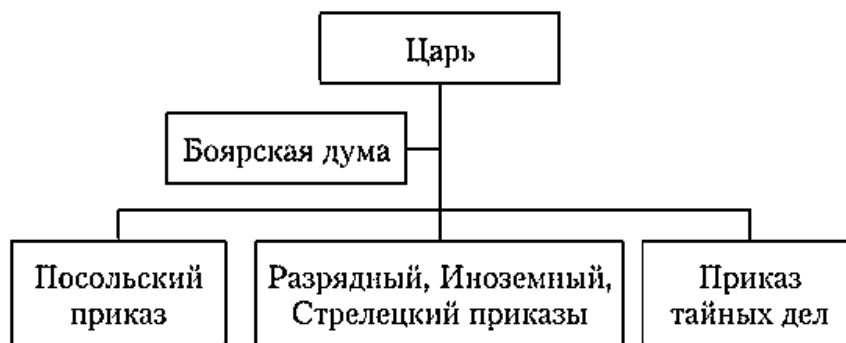

Рисунок 2. Механизм принятия внешнеполитических решений в Московском государстве при Алексее Михайловиче [212, с. 67].

Определённые изменения в российском механизме принятия внешнеполитических решений произошли в период правления Петра I, когда система приказов была заменена на систему коллегий, функционально напоминавших современные ведомства. В период правления Александра I были

учреждены профильные министерства во главе с министрами, которые несли ответственность перед императором, а коллегии стали совещательными органами при министре. В условиях абсолютной монархии в период XVIII–XIX вв. представительные институты не имели возможности оказывать существенного влияния на государственную внешнюю политику, верховное руководство которой оставалось прерогативой императора [547] (см. рис. 3).

Рисунок 3. Механизм принятия внешнеполитических решений в Российской империи при Александре I [212, с. 68].

В период деятельности двухпалатного парламента в 1906–1917 гг. механизм принятия внешнеполитических решений существенно не изменился. Однако субъектность представительных органов – преимущественно Государственной Думы – во внешнеполитическом процессе увеличилась [545], что было рассмотрено выше.

Характерно, что в этот период Россия позиционировалась как полупериферия в рамках современной мир-системы в условиях повышательной волны цикла Кондратьева (с середины 1890-х гг. до 1914–1921 гг.), этапа внутренних реформ (с 1897 до 1910 г.) и фазы технологической революции (1897–1921 гг.) циклов эволюции мировой политической и экономической системы.

После событий Февральской революции 1917 г. деятельности МИД ещё более ограничивается Петроградским Советом рабочих депутатов. Это было обусловлено расхождениями во взглядах Временного правительства и

Петроградского Совета относительно вопросов ведения войны, поддержания союзнических отношений и роли внешней политики в системе государственного управления [501, с. 51].

При этом общей для разных этапов эволюции отечественного внешнеполитического механизма была такая особенность, что внутри государственной бюрократии доминирующую роль играло «первое лицо» государства. Это зародилось во времена, когда верховный правитель являлся полководцем и сувереном, который своим решением начинал войны, посылал и принимал послов, заключал мир. В этом отношении военная функция могла делегироваться воеводам или маршалам, однако дипломатические прерогативы, как правило, сохранялись за верховным руководителем [262; 492; 528]. Следует отметить, что в российской истории были примеры относительно длительных периодов «коллективного руководства», когда формальный лидер был «первым среди равных», а решения принимались партийным органом – Политбюро или Президиумом ЦК КПСС. Вместе с тем, уже в поздний период правления М. С. Горбачева наметился крен в сторону усиления влияния Президента СССР, в том числе во внешнеполитической сфере [660].

Специфика современного российского механизма принятия внешнеполитических решений обусловлена тремя факторами: институциональным опытом СССР; уменьшением роли институтов и параллельным их замещением персональными сетями отношений; повышением значимости персональной роли государственного руководства в процессе принятия решений [174]. Учитывая, что внешнеполитический механизм Российской Федерации начал формироваться на основе действовавшего в советский период, во многом находясь под влиянием «пережитков» и инерции последнего, необходимо охарактеризовать особенности его функционирования в контексте степени субъектности представительных институтов.

На практике функционирующая система государственного управления внешней политикой в Советском Союзе существенно отличалась от установленной Конституцией [71; 72; 100]. В довоенный период

непосредственное руководство внешней политикой на практике осуществлялось высшей партийной инстанцией – Политбюро ЦК ВКП (б) и лично И. В. Сталиным, который до мая 1941 г. формально не занимал государственных постов. При необходимости решения этой инстанции принимали форму постановлений Верховного Совета СССР, указов его Президиума и постановлений СНК, осуществляясь аппаратом наркоматов иностранных дел и внешней торговли. Нарком иностранных дел в этот период являлся советником фактического главы государства по международным делам и руководителем исполнительного аппарата, однако решающей роли в области внешней политики он не играл [212; 397; 401; 501].

С середины 1950-х гг. механизм принятия внешнеполитических решений претерпевает изменения в сторону коллективного руководства. В 1960-е гг. вопросы обеспечения эффективности концептуального контроля, формирования и реализации – с учётом подходов разных государственных институтов – внешнеполитического курса, а также преодоления проявляющейся в этом контексте ведомственной ограниченности решались в аппарате ЦК КПСС, который обладал необходимыми полномочиями, информацией и экспертными ресурсами. Концептуальный контроль деятельности внешнеполитических ведомств и осуществление согласования их позиций реализовывались посредством действия межведомственных комиссий, предоставлявших Политбюро ЦК КПСС – высшей инстанции, принимавшей итоговые решения – актуальные предложения [673]. Исследователи отмечают, что в брежневский период процесс принятия внешнеполитических решений носил коллегиальный характер [174]. Межведомственная комиссия при ЦК КПСС (так называемая «пятёрка») выступала в качестве координационного механизма выработки политики государства в области национальной безопасности. Эта комиссия готовила решения, которые основывались на материалах Министерства иностранных дел, Министерства обороны, Комитета государственной безопасности, Комиссии Совета министров СССР по военно-промышленным вопросам и Оборонного отдела ЦК КПСС [397].

Внешняя политика союзных республик была прерогативой непосредственно Политбюро ЦК КПСС в его узком составе и прямом рабочем контакте с заведующими некоторыми отделами ЦК. Глава Министерства иностранных дел являлся членом Политбюро, а целостный контроль над внешней политикой Советского Союза находился в пределах круга членов Политбюро и секретарей ЦК. В сущности, внешнеполитический механизм СССР был целиком замкнут на ЦК КПСС [401, с. 14].

В период «перестройки» - даже после введения в 1990 г. поста Президента СССР, располагавшего широкими полномочиями в области внешней политики – стратегия и тактика поведения государства на международной арене по-прежнему вырабатывались в узком кругу уполномоченных лиц. Бывший свидетелем этого, переводчик М. С. Горбачёва и Э. А. Шеварднадзе, участвовавший в 1985–1991 гг. во всех советско-американских встречах на высшем уровне, П. Р. Палажченко вспоминал: «Она (внешнеполитическая позиция СССР. – П. П.) рождается в ходе трудных, порой затяжных согласований между ведомствами. Генри Киссинджер как-то даже сказал, что переговоры внутри администрации были для него труднее, чем с Брежневым и Громыко. И в нашей стране переговорная позиция вырабатывается таким же образом, то есть коллегиально. В горбачевские годы позиция по вопросам ограничения вооружений согласовывалась так называемой «пятеркой», в которую входили представители ЦК, Минобороны, МИД, КГБ и военно-промышленной комиссии Совмина. «Большая пятерка» - на уровне руководителей ведомств или их заместителей – формировала основу, а «малая» - на экспертном уровне – отработывала технические вопросы. В результате рождалось то, что называется «директивами» - это руководство к предстоящим переговорам» [702]. В общем, считают исследователи, «позднесоветская» система выработки, принятия и осуществления внешнеполитических решений представлялась следующей: «международный отдел ЦК КПСС – Политбюро ЦК КПСС (в котором согласовывались особые ведомственные и республиканские интересы) – МИД СССР во главе с министром – членом Политбюро» [602, с. 136]. Примечательно, что вплоть до второй половины 1980-х гг. Верховный Совет

СССР обладал низкой степенью субъектности во внешнеполитическом процессе, не имея возможностей реально воздействовать на принятие решений в данной сфере.

Увеличение возможностей влияния отечественных представительных институтов (Верховного Совета СССР и Верховного Совета Российской Федерации) на внешнюю политику происходит в условиях повышательных волн циклов Кондратьева (с начала 1980-х гг. до начала 2000-х гг.), периода внутренних реформ (с 1985 до 2000 г.) и фазы технологической революции в рамках полных циклов эволюции мировой политической и экономической системы (1981–2005 гг.).

Разрушение Советского Союза поставило Российскую Федерацию в двойственное положение относительно функционирования внешнеполитического механизма. С одной стороны, республика не была связана с внешнеполитическим механизмом СССР. Министерство иностранных дел РСФСР фактически являлось филиалом Протокольного отдела МИДа Советского Союза, занимаясь организацией поездок иностранных делегаций по республике. С другой стороны, Россия создавала собственный внешнеполитический механизм с учётом переходивших под её юрисдикцию союзных ведомств-исполнителей Министерства иностранных дел, внешней разведки, Министерства обороны и т. д., которые следовало объединить новыми линиями взаимодействия и межведомственной координации. Решению этой задачи способствовало то обстоятельство, что к указанному времени все внешнеполитические ведомства Российской Федерации были выведены непосредственно под Президента, давая возможность восстановить внешнеполитический механизм в аналогичном существовавшему ранее виде, заменив ЦК президентским аппаратом. Но справиться с этой задачей не позволили положение в самом аппарате, а также квалификация и методы работы первого Президента России. В свою очередь, работники внешнеполитических ведомств не стояли перед необходимостью делать выбор, переходя на службу новым государству и власти практически одновременно [401, с. 15].

Это происходило в условиях значительной автономии российской политической элиты. «Когда институциональная структура старого режима распалась, - отмечал отечественный эксперт Д. Г. Балугев, - политическая элита сосредоточила свои усилия на экономической реформе, которая вылилась в открытый грабеж, в то время как строительство государственных институтов во многих областях политики считалось второстепенным делом. Россия стала квазигосударством, формально обладающим государственностью, но не имеющим политической воли, институциональной способности и организованной власти для защиты гражданских прав и обеспечения благосостояния населения» [195, с. 352].

Указанные обстоятельства важны с учётом того, что при разрушении СССР союзные министерства в Москве, в том числе и МИД, оказывались под контролем новой власти, от которой зависело, как будет использован их потенциал. Функционирование внешнеполитического механизма Российской Федерации в начале 1990-х гг. характеризовалось хаотичностью в звене Министерство иностранных дел – Президент и в целом бессистемным взаимодействием явно избыточного числа акторов. В этом отношении – на фоне общей неопределённости и негативных тенденций – государством предпринимались попытки создать органы по выработке внешнеполитической стратегии и координации деятельности различных ведомств во внешнеполитической сфере. Так, в конце 1992 г. была образована межведомственная внешнеполитическая комиссия Совета Безопасности, которая периодически готовила доклады Президенту по отдельным вопросам. Вместе с тем, они имели форму общих пожеланий, не оказывая реального воздействия на внешнеполитический курс [602, с. 139–140].

Стремясь усилить своё влияние на государственный механизм формирования и реализации внешней политики, Б. Н. Ельцин в феврале 1992 г. подписывает указ, согласно которому Президент Российской Федерации получает права непосредственно направлять деятельность Министерства иностранных дел, Министерства безопасности, Министерства внутренних дел и Министерства

юстиции. Это означало, что глава государства располагает особыми полномочиями в области принятия внешнеполитических решений, осуществляя контроль над деятельностью профильных министерств [673].

В ноябре 1992 г. Президент подписал распоряжение «Об обеспечении единой внешнеполитической линии Российской Федерации в международных отношениях», в котором постановлялось следующее: «Возложить на МИД России функции координации и контроля за работой других министерств и ведомств России по обеспечению единой политической линии в отношениях с иностранными государствами, участия в международных организациях и форумах, включая в первую очередь международную деятельность Президента Российской Федерации... Обязательному согласованию с МИДом России подлежат проекты договоров и соглашений, заключаемых от имени Российской Федерации или её Правительства, а также межведомственные протоколы в случае, если они касаются внешнеполитических вопросов или принципиальных направлений межгосударственных отношений» [124].

В результате Министерство иностранных дел утверждалось в качестве аппарата, вырабатывающего предложения по важнейшим внешнеполитическим позициям, осуществляющего координацию внешней деятельности различных российских ведомств и обеспечивающего её соответствие с официально принятыми установками и указами Президента. Таким образом, к началу 1993 г. формируется такая структура внешнеполитического механизма России, в рамках которой усиливаются позиции Президента, связанных с ним ведомств и Министерства иностранных дел в отношении возможностей влияния на процесс принятия и реализации внешнеполитических решений [306, с. 104].

Предваряя характеристику сложившегося внешнеполитического механизма, следует отметить, что на протяжении 1990-х гг. под воздействием положений принятой в декабре 1993 г. Конституции [73] российская государственность обретает чёткую форму президентской республики. В этом отношении внешнеполитический процесс России в данный период отмечался высокой степенью размытости и неопределённости, полностью замыкаясь на Президента.

Подобное было обусловлено тем, что технология выработки и принятия внешнеполитических решений не была оформлена законодательно, а Министерство иностранных дел, являясь законным координатором внешнеполитической деятельности, было вынуждено неоднократно уточнять позицию после заявлений Президента или публично заявлять, что не имеет информации о подготовке важнейших внешнеполитических шагов [401, с. 17].

Примечательно, что роль МИД как координатора внешней политики Российской Федерации подтверждалась несколькими указами Президента. В частности, эта задача снова поручалась внешнеполитическому ведомству в марте 1996 г. [673]. В целом, в годы президентства Б. Н. Ельцина указы, утверждающие роль Министерства иностранных дел в качестве главного органа по координации внешней политики, подписывались им трижды: два раза при А. В. Козыреве и один раз при Е. М. Примакове в должности министров иностранных дел. Процесс принятия внешнеполитических решений в этот период отличался тремя особенностями: инкрементальным и инерционным характером в обычном режиме и импровизационным – в чрезвычайном; постоянными поисками «координирующего органа», что приводило к подтверждению в этом статусе Министерства иностранных дел; значительной зависимостью «стиля» внешней политики от личностных особенностей тех, кто занимал в это время ключевые в отношении внешнеполитического влияния государственные должности. «В эти годы, - отмечал А. М. Салмин, - таковыми были <...> в соответствии не с формальной «концепцией», а с реальным влиянием на стиль внешней политики – посты министра иностранных дел (три человека), премьер-министра (семь человек, но при этом пять с половиной лет из десяти главой правительства был один человек – В. Черномырдин) и, в меньшей степени, секретаря Совета безопасности (десять человек), а также – в несравненно меньшей степени – того в окружении Президента (независимо от названия должности), кому поручались обязанности его личного внешнеполитического помощника или / и главы соответствующего подразделения Администрации Президента. Каждый новый министр иностранных дел как бы получал (или подтверждал) своеобразный

«ярлык» на координирующую роль МИДа и, надо признать, что при явной предопределённости получения такого «ярлыка» на тех или иных условиях, прежде всего от личных качеств и распределения полномочий в тендеме «президент – министр иностранных дел» зависело, была эта координирующая роль в действительности конструктивной или деструктивной» [602, с. 142].

Важной особенностью российской действительности 1990-х гг., отражающейся на процессе принятия и реализации внешнеполитических решений, стало то, что государство порой выглядело совокупностью конкурирующих группировок, а вектор государственной политики, в том числе и внешней, во многом определялся существовавшими в конкретный момент отношениями между ними. В этом контексте исследователи акцентировали, с одной стороны, отсутствие единой государственной внешней политики, с другой стороны, наличие «политик» «Газпрома», «ЛУКОЙЛа», РАО ЕЭС, Министерства обороны и других структур. Высказывались мнения о том, что Россия в этот период имела «несколько внешних политик»: Министерства иностранных дел, Министерства обороны, Минатома и т. д. В условиях политической и экономической анархии на первый план в выработке внешней политики выходят крупнейшие российские корпорации, среди которых были «Газпром», «ЛУКОЙЛ» и финансово-промышленные группы [602, с. 143].

В этом отношении значительное воздействие на внешнюю политику России в 1990-е гг. оказывали группы интересов, каждая из которых отстаивала определённую, наиболее приемлемую для себя внешнеполитическую линию. Так, к первой группе интересов исследователи относят армию, военно-промышленный комплекс (ВПК) и сопряжённые с ними бюрократические структуры, научно-исследовательские центры, высшие учебные заведения и др. Вторая совокупность групп интересов отражала позиции социальных и экономических групп, которые были вовлечены в интенсивные экономические связи со странами Запада, ориентируясь на развитие экспортных отраслей, сферы услуг, внешней торговли и финансов. Особую роль в этом плане играл топливно-энергетический комплекс (ТЭК), ведущим представителем которого являлся «Газпром». Сложившиеся

группы интересов придерживались различных внешнеполитических стратегий, расходясь по принципиальным вопросам: сотрудничество или противоборство с Западом; «нормальные» отношения с «ближним зарубежьем» или форсированная интеграция в рамках СНГ [673].

С середины до конца 1990-х гг. значительное влияние на внешнеполитический механизм оказывают крупнейшие представители российского финансового бизнеса, так называемые «олигархи», игравшие большую роль в политической и экономической жизни государства. Несмотря на внутренние разногласия, они неформально объединились в целях поддержки кандидатуры действующего Президента Б. Н. Ельцина на президентских выборах 1996 г. [246; 297]. В средствах массовой информации этого времени их называли словом «семибанкирщина» [139] по аналогии с историческим термином «семибоярщина», относящимся к периоду Смутного времени начала XVII в. К указанной неформальной группе зачастую относят девять человек: Б. А. Березовского («Объединенный банк»), В. А. Гусинского («Мост-банк»), В. О. Потанина («ОНЭКСИМ Банк»), П. О. Авена («Альфа-банк»), М. М. Фридмана («Альфа-банк»), А. П. Смоленского («Столичный банк сбережений», с 1997 г. – «СБС-Агро»), М. Б. Ходорковского («МЕНАТЕП»), В. В. Виноградова («Инкомбанк»), В. Б. Малкина («Российский кредит») [257].

Учитывая сказанное, справедливой представляется сентенция Д. Г. Балугева, что к важнейшим внутренним «движущим силам», влияющим на российскую внешнюю политику в 1990-е гг., относились «государство, ряд неформальных факторов, известных под собирательным названием «организованная преступность», и так называемые финансово-промышленные группы. Первый из обозначенных факторов традиционно является ключевым при выработке и проведении внешней политики. Две другие группы, несмотря на до недавних пор почти полную сконцентрированность на политике внутренней, во все большей степени превращаются во внешнеполитических акторов» [195, с. 351].

С вступлением в силу новой Конституции Российской Федерации в конце 1993 г. начинает формироваться система принятия внешнеполитических решений,

которая, учитывая имевшиеся (порой значительные) изменения, в общих чертах представляется функциональной по сегодняшний день. Её можно изобразить в виде следующей схемы, в основе которой находится треугольник, объединяющий основные центры принятия внешнеполитических решений (см. рис. 4).

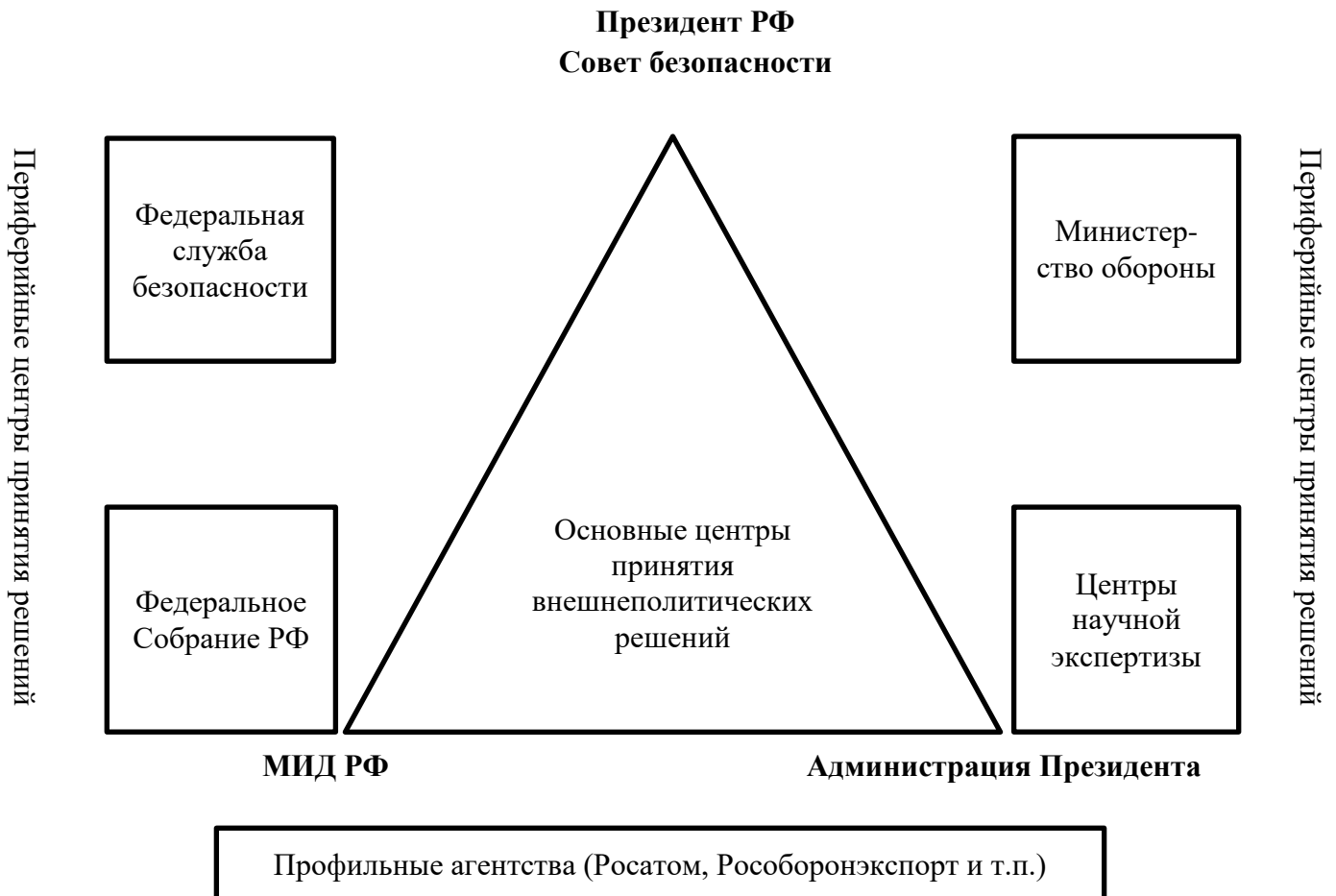

Рисунок 4. Центры принятия внешнеполитических решений в Российской Федерации [587, с. 16–17].

Тенденцией функционирования данной системы исследователи склонны считать то, что основные внешнеполитические решения, главным образом, принимаются внутри треугольника Президент – Администрация Президента – Министерство иностранных дел. Значение этих элементов в рамках треугольника менялось с течением времени. В частности, Министерство иностранных дел было ключевым центром, определявшим внешнюю политику страны в начале и середине 1990-х гг. (при министрах А. В. Козыреве и Е. М. Примакове). Представляется, что внешнеполитический курс государства в указанный период

испытывал значительное влияние личной позиции главы министерства [587, с. 17]. В этот период существенно увеличивается субъектность Федерального Собрания – главным образом Государственной Думы – в отношении возможностей влияния на внешнюю политику.

В контексте стремлений главы государства увеличить своё воздействие на внешнеполитический процесс в 1995 г. при Президенте был создан Совет по внешней политике, заменивший также находившуюся в рамках президентских структур Межведомственную комиссию Совета Безопасности Российской Федерации, занимавшуюся координацией различных российских зарубежных ведомств [673]. В 1996 г. на базе Совета по внешней политике при Президенте и отдела Администрации Президента по взаимодействию с органами СНГ создаётся Управление Президента по внешней политике, предназначенное для обеспечения содержательной части внешнеполитических акций главы государства и их информационного обеспечения. С этого момента исследователи отмечают увеличение влияния Администрации Президента на внешнеполитический процесс, что достигло максимума в период второго президентского срока В. В. Путина [587, с. 17].

В российском механизме принятия и реализации внешнеполитических решений в той или иной степени задействованы три ветви государственной власти. Как уже отмечалось, в определении внешней политики ведущую роль играют Президент и Министерство иностранных дел. В этом отношении Администрация Президента занимается, прежде всего, «технической» координацией внешнеполитических аспектов. Министерство иностранных дел, являясь основным инструментом реализации государственной внешней политики, координирует подготовку внешнеполитических решений. Вопросы международной безопасности России входят в компетенцию Совета Безопасности, Федеральной службы безопасности, Службы внешней разведки, Главного управления Генерального штаба Вооружённых Сил (ГРУ), Федеральной пограничной службы, Федеральной миграционной службы, Министерства обороны и Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны,

чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС России). Значимую роль в контексте обеспечения юридического сопровождения, в том числе в законодательной работе Федерального Собрания, играет Конституционный Суд. Координацию миграционной политики осуществляет Министерство внутренних дел. Ряд других министерств и ведомств координируют международное сотрудничество в экономической, научной и культурной сферах. Субъекты Российской Федерации и Полномочные представители Президента в Федеральных округах участвуют во внешнеполитическом процессе в измерении регионального сотрудничества [573, с. 20].

Что касается конкретизации полномочий и сфер ответственности основных элементов внешнеполитического механизма, то начать следует с главы государства. Согласно Конституции [73], Президент Российской Федерации осуществляет руководство внешней политикой государства, определяя её основные направления. Президент является основным дипломатом и Верховным Главнокомандующим Вооружёнными Силами государства. Ему непосредственно подчинены члены Правительства, ответственные за внешнюю политику, оборону и безопасность, которые, вместе с председателями обеих палат Федерального Собрания и другими высокопоставленными чиновниками, входят в состав Совета Безопасности.

Совет Безопасности, который возглавляется и формируется Президентом, является консультативно-совещательным органом при главе государства, готовя для него решения по вопросам защиты национальных интересов от внутренних и внешних угроз и проведения единой государственной политики в сфере безопасности [155]. Деятельность этого органа обеспечивает Аппарат Совета Безопасности – самостоятельное подразделение в составе Администрации Президента [151].

Как уже отмечалось, Министерство иностранных дел является ведущим ведомством внешнеполитического комплекса, непосредственно реализующим утверждённую Президентом внешнеполитическую стратегию [152]. МИД

координирует и контролирует внешнеполитическую деятельность федеральных органов исполнительной власти [73].

Внешнеполитическими полномочиями наделено Министерство финансов, занимаясь вопросами внешних заимствований, установлением курса национальной валюты и т. д. Министерство обороны курирует военное сотрудничество, координируя российское военное присутствие за рубежом и торговлю отечественным оружием на международном уровне. Государственная корпорация по атомной энергии («Росатом»), являясь правопреемницей существовавших ранее Министерства по атомной энергии и Федерального агентства по атомной энергии, реализует задачи международного сотрудничества в области мирного использования атомной энергии и выполнения обязательств по нераспространению ядерного оружия [388, с. 75]. Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС России) принимает участие в международном сотрудничестве в сфере ликвидации последствий природных и техногенных катастроф. Министерство внутренних дел осуществляет противодействие трансграничной преступности. Федеральная миграционная служба курирует меры отбора переселенцев в целях укрепления человеческого потенциала России [660].

Председатель Правительства Российской Федерации, являющийся по Конституции [73] вторым лицом в государстве, на практике отвечает преимущественно за вопросы экономики, социальной сферы, науки, образования, региональной и национальной политики. При этом вопросы данного перечня характеризуются наличием «внешнего компонента». Премьер-министр ведёт международные переговоры по внешнеэкономической проблематике, возглавляет комиссии по экономическому сотрудничеству с разного рода государствами. Кроме того, глава кабинета министров в случае необходимости должен быть готов исполнять обязанности Президента, в том числе во внешнеполитической сфере [660].

Определённое значение в системе государственного внешнеполитического механизма имеют специальные службы, отвечающие за вопросы безопасности. Так, Федеральная служба безопасности непосредственно участвует в принятии внешнеполитических решений. В распоряжении сотрудников ФСБ имеются прямые, косвенные и неформальные каналы влияния на внешнеполитический процесс [165]. Служба внешней разведки как государственный орган, осуществляющий разведывательную деятельность, обеспечивает Президента, Федеральное Собрание и Правительство информацией, которая необходима для принятия решений, в том числе, связанных с внешней политикой [157]. Главное управление Генерального штаба Вооружённых сил Российской Федерации (ГРУ), занимаясь преимущественно военной разведкой, обеспечивает органы государственной власти информацией, влияющей на принятие решений в экономической, оборонной, научно-технической и экологической областях, что прямо или косвенно соотносится с внешнеполитической сферой [155; 156].

В структуре государственного внешнеполитического механизма значимой представляется роль Федерального Собрания – двухпалатного парламента России – располагающего функциями влияния на процесс формирования и реализации внешней политики [73; 126; 127; 159]. Подробно нормативно-правовые основы участия российского парламента в целом и Государственной Думы в частности во внешней политике будут рассмотрены в специальном пункте диссертации.

Косвенное воздействие на внешнеполитический процесс оказывает судебная ветвь государственной власти. Во-первых, в этом контексте отмечается политизированность судебных процессов (например, связанных с лишением иностранных корпораций доступа на национальный рынок) или экстрадицией иностранных граждан [388, с. 76]. Во-вторых, Конституционный Суд Российской Федерации в праве отменять федеральные законы – в том числе, касающиеся ратификации международных договоров – в случае признания таковых противоречащими Конституции [73; 166].

Воздействие на внешнеполитический механизм (и внешнеполитический процесс в целом) Российской Федерации оказывает встроенный в глобальную

экономику российский бизнес. В частности, крупнейшие государственные корпорации («Газпром», «Роснефть», «Транснефть», «Росатом», «Рособоронэкспорт»), государственные банки (ВТБ, «Сбербанк») и частные компании («Альфа-групп», «ЛУКОЙЛ» и т. д.), которые активно вовлечены в мирохозяйственные связи и действуют на глобальном уровне [660].

Что касается экспертного сообщества, оказывающего влияние на формирование государственной внешней политики, то такое включает, во-первых, академические и ведомственные институты, созданные в советский период: ведущие университеты России, в которых имеются профильные кафедры и специалисты. Во-вторых, многочисленные экспертно-аналитические структуры (так называемые «мозговые центры»), появившиеся в постсоветский период, которые специализируются на определённых направлениях прикладных исследований. При этом профессиональное сообщество объединено в рамках нескольких структур: Совет по внешней и оборонной политике (СВОП) и Российский совет по международным делам (РСМД). Следует отметить, что бывшими дипломатами была основана Международная внешнеполитическая ассоциация. В 1990-е гг. особую активность проявлял СВОП, сумевший объединить внутри себя представителей разных политических сил, идеологических направлений и групп интересов. Эта структура внесла существенный вклад в формирование общенациональной платформы по ряду стратегических проблем внешней и оборонной политики [660].

Кроме того, взаимодействие между экспертным сообществом и государством в контексте формирования и реализации внешней политики поддерживается научными советами, существующими при Министерстве иностранных дел и Совете Безопасности, а также общественными советами при Министерстве обороны и других ведомствах. Определённое значение имеет и неформальное общение экспертов и практиков, деятельность которых связана с внешнеполитической сферой [660].

По оценкам исследователей, система управления внешней политикой действующего Президента сложилась к 2004 г. В этом отношении существующий

процесс формирования и реализации внешнеполитических решений характеризуется опорой на систему личных связей, находясь под влиянием слабо институционализированных личных и корпоративных интересов. Важной особенностью процесса принятия решений, связанных с внешней политикой, представляется необходимость поддержания равновесия между несколькими ведущими центрами, что проявляется в попытках главы государства найти согласованные позиции. При этом значительное влияние оказывает ближайшее окружение Президента. В целом, современный российский внешнеполитический процесс включает следующие уровни:

1) высший дивизион (стратегический уровень), в рамках которого происходит принятие внешнеполитических решений, либо действия, оказывающие на это наибольшее влияние;

2) средний дивизион (оперативный уровень): осуществляется подготовка, согласование и влияние на принятие решений по отдельным направлениям внешней политики;

3) исполнительный дивизион (тактический уровень): реализация внешнеполитических решений;

4) обслуживающий дивизион (вспомогательный уровень): научно-экспертное и пропагандистское сопровождение внешней политики.

Также выделяются следующие институциональные кластеры управления внешней политикой:

1) государственно-бюрократический кластер (политико-дипломатические, военные, специальные и экономические органы государственной власти, а также связанные с ними системы обеспечения);

2) корпоративный кластер (государственные и крупнейшие частные отечественные корпорации);

3) неформальный кластер (двусторонние комиссии, международные и мировые клубы и форумы с участием ведущих лиц, принимающих решения, и экспертов) [174].

Первоначально создание Совета Безопасности Российской Федерации подразумевало, что в рамках специального президентского органа будет осуществляться согласование позиций различных ведомств и координация их деятельности в области принятия внешнеполитических решений. В этом контексте ключевое значение должны были иметь следующие высшие государственные чиновники: Президент России, Министр иностранных дел, секретарь Совета Безопасности, Министр обороны, начальник Генерального Штаба Вооружённых Сил, директор Федеральной службы безопасности, директор Службы внешней разведки [397].

Ситуация на стратегическом уровне государственного внешнеполитического процесса, связанная с принятием решений, эволюционировала со временем, приобретая современные характеристики к 2012 г. Так, основная роль в этом процессе, по утверждению аналитиков, принадлежит Президенту [852]. Одной из ключевых во внешней политике является позиция главы Администрации Президента. В составе Администрации сконцентрированы важнейшие ведомства подготовки стратегических решений и ряд инструментов их реализации. К стратегическому уровню имеет отношение помощник Президента по внешнеполитическим вопросам (с мая 2012 г. – Ю. В. Ушаков) и секретарь Совета Безопасности (с мая 2008 г. – Н. П. Патрушев). Последний, имея наибольшие (после Президента) возможности влияния на процесс формирования и реализации внешнеполитической стратегии, располагает функциями помощника главы государства по координации военных вопросов. Помощник Президента по внешней политике занимает следующую по степени влияния позицию, действуя в области политико-дипломатических и протокольных вопросов Президента. При этом полномочия секретаря Совета Безопасности и помощника Президента по внешней политике в указанных сферах могут пересекаться. Руководствуясь административной логикой, над ними находится руководитель Администрации Президента, который теоретически может согласовывать позиции секретаря Совета Безопасности и помощника главы государства по внешней политике. В то же время, как отмечают исследователи, в реальности это зависит от «аппаратного

веса, политической воли и видения руководителя Администрации Президента» [174].

На стратегическом уровне исследователи располагают и руководителей ведущих государственных компаний и корпораций, имеющих персональные связи с руководством государства: «Газпром», «Ростехнологии» (ныне – «Ростех»), «Роснефть». Также к стратегическому уровню относят и руководителей наиболее влиятельных негосударственных компаний («Gunvor», «Стройтрансгаз», «Альфа-групп») и аффилированную с российским руководством инвестиционную группу «Сумма».

Представляется, что функция координации внешней политики – как и согласование позиций в рамках стратегической элиты – «по умолчанию» находится в руках Президента, устанавливающего в зависимости от ситуации порядок принятия стратегических решений. Однако в особых случаях, когда речь шла о вопросах войны и мира, такие решения, по-видимому, принимались в условиях активных обсуждений с участием стратегической элиты и тестированием общественного мнения [174].

Указанные тенденции в плане возможностей влияния представительных институтов на внешнюю политику происходят в условиях понижательной волны циклов Кондратьева (с начала 2000-х гг. до конца 2010 гг.), периода «стабилизации» (с 2000 г.) и фазы великих потрясений (2005–2017 гг.) в рамках полных циклов эволюции мировой политической и экономической системы.

Таким образом, внешнеполитический механизм Российской Федерации формировался на основе комплекса взаимосвязанных факторов, становящихся императивами и детерминантами особенностей его функционирования.

В разные исторические эпохи традиционным проявлением становилось доминирование верховного правителя в решении вопросов международной политики и обороны государства. При этом значительное влияние на процесс принятия стратегических решений и их реализацию оказывали деятели, входящие – в определённых условиях и в силу различных причин – в его «ближний круг». Влияние представительных институтов на процесс принятия внешнеполитических

решений увеличивалось в периоды обострения внутренних кризисов и ослабления центральной (верховой) власти и уменьшалось в годы централизации государственной системы.

Примечательно, что активизация субъектности представительных институтов во внешнеполитическом механизме государства происходила, когда Россия ещё не являлась частью современной мир-системы либо, занимая в её рамках положение полупериферии, находилась в условиях повышательных волн циклов Кондратьева (с середины 1890-х гг. до 1914–1921 гг. и с начала 1980-х гг. до начала 2000-х гг.), периодов внутреннего реформирования (с 1897 до 1910 г. и с 1985 до 2000 г.) и фаз технологической революции (1897–1921 гг. и 1981–2005 гг.) полных циклов эволюции мировой политической и экономической системы. Уменьшение субъектности представительных институтов в государственном внешнеполитическом механизме наблюдалось в периоды понижательных волн циклов Кондратьева (с 1914–1921 до середины 1940-х гг., с конца 1960-х – начала 1970 гг. до начала 1980-х гг., с начала 2000-х гг. до конца 2010 гг.), этапов контрреформ (с 1917 до начала 1950-х гг., с 1968 до 1984 г., с 2000 г.) и фаз великих потрясений (1921–1945 гг., 2005–2017 гг.) мировой политической и экономической системы.

В довоенный период в СССР руководство внешней политикой осуществлялось Политбюро ЦК ВКП (б) и лично И. В. Сталиным, советником которого являлся нарком иностранных дел. Принятые решения в случае необходимости оформлялись постановлениями Верховного Совета СССР, указами его Президиума, постановлениями СНК и реализовывались аппаратом наркоматов иностранных дел и внешней торговли. С середины 1950-х гг. внешнеполитические решения принимаются в процессе обсуждения, приобретая коллегиальный характер, оформившийся в брежневский период. Координационным механизмом в этом отношении являлась межведомственная комиссия ЦК КПСС, как правило, состоявшая из пяти высших государственных чиновников (представлявших ЦК, Министерство иностранных дел, Министерство обороны, Комитет государственной безопасности, Комиссию Совета Министров

по военно-промышленным вопросам) и условно называвшаяся «пятёркой». При этом высшей инстанцией, принимавшей итоговые решения, было Политбюро ЦК КПСС. Функционирование внешнеполитического механизма в последние годы существования СССР подчинялось следующей схеме: Международный отдел ЦК КПСС (поступление информации и выработка рекомендаций) – Политбюро ЦК КПСС (согласование ведомственных и республиканских интересов) – Министерство иностранных дел, руководитель которого являлся членом Политбюро (реализация принятых решений). С введением в 1990 г. поста Президента СССР намечается тенденция к увеличению роли главы государства во внешнеполитическом механизме при сохранении сложившихся процедур функционирования. На протяжении советского периода влияние Верховного Совета СССР на внешнеполитический процесс характеризовалась низкой субъектностью, уровень которой возрастает во второй половине 1980-х гг., однако существенно не меняет сложившийся государственный внешнеполитический механизм.

В 1991–1993 гг. ключевыми в системе внешнеполитического механизма Российской Федерации являлись позиции главы государства, связанных с ним ведомств (Администрации Президента и Совета Безопасности) и Министерства иностранных дел. Этот период характеризуется неопределённостью переживающего становление процесса формирования и реализации внешней политики государства в условиях значительной автономии политической элиты, борьбы за влияние и ресурсы, появления финансово-промышленных групп и форсированного экономического реформирования, превалировавшего над строительством государственных институтов. Координирующая роль во внешнеполитическом механизме, вероятно, определялась спецификой личных качеств и распределением полномочий на уровне Президент – Министр иностранных дел. Увеличившиеся возможности парламента Российской Федерации влиять на внешнеполитический процесс не были в полной мере реализованы в условиях конфликта с исполнительной властью.

После принятия в декабре 1993 г. Конституции Российской Федерации механизм формирования и реализации внешней политики, отмечаясь наличием значительного числа акторов, характеризуется тенденцией увеличения влияния Президента и связанных с ним структур. В свою очередь, к середине 1990-х гг. государственная внешняя политика во многом зависела от позиций существующих групп интересов, олигархов – придерживающихся определённых, подчас значительно отличающихся внешнеполитических ориентаций – и отношений между ними. Со второй половины 1990-х намечается тенденция усиления координирующей роли МИД во внешнеполитическом процессе. Основные внешнеполитические решения в этот период принимаются в рамках треугольника Президент – Администрация Президента – Министерство иностранных дел. При этом внешнеполитический механизм государства по-прежнему находится под воздействием со стороны олигархов и групп интересов: встроенного в глобальную экономику российского бизнеса (представленного крупнейшими государственными корпорациями, государственными банками и частными компаниями), армии, военно-промышленного комплекса и сопряжённых с ними структур.

В период 2000–2008 гг. в системе государственного внешнеполитического механизма происходят определённые изменения, обуславливаясь спецификой стиля руководства действующего Президента и его команды. Своеобразной опорой складывающейся системы становятся личные связи и корпоративные интересы, а также представления о России как великой державе. Одной из основных характеристик процесса принятия внешнеполитических решений является императив поддержания равновесия между несколькими влиятельными центрами внутри государства, что проявлялось в действиях Президента по нахождению консенсуса.

Данная система эволюционирует, приобретая современные черты к 2012 г. Глава государства утверждается в роли ключевой фигуры в процессе принятия стратегических решений в плоскости государственной внешней политики. Секретарь Совета Безопасности, фактически, реализует функции помощника

Президента относительно координации военных вопросов. Следующим по степени влияния представляется помощник главы государства по внешней политике, занимающийся преимущественно вопросами политико-дипломатического характера. Теоретически согласовывать позиции этих высших чиновников должен руководитель Администрации Президента. Однако на практике подобное во многом определяется его «аппаратным весом» и личностными особенностями.

На стратегическом уровне внешнеполитического процесса находятся руководители ведущих государственных компаний и корпораций, а также наиболее влиятельных негосударственных компаний. Таковые зачастую располагают персональными связями с руководством государства. При этом согласование позиций представителей стратегической элиты осуществляется Президентом, определяющим, ориентируясь по ситуации, порядок консультаций и принятия решений.

Кроме того, в рамках своих полномочий важными элементами внешнеполитического механизма являются: Председатель Правительства, Министерство иностранных дел, Министерство финансов, Министерство обороны, МЧС России, Министерство внутренних дел, Федеральная миграционная служба, Федеральная служба безопасности, Служба внешней разведки, Главное управление Генерального штаба Вооружённых сил, Конституционный Суд.

Особое значение в структуре государственного внешнеполитического механизма имеет Федеральное Собрание Российской Федерации, нижняя палата которого располагает рядом прямых и косвенных способов влияния на внешнюю политику.

3.2. Нормативно-правовые основы внешнеполитической деятельности Государственной Думы

Государственная Дума Федерального Собрания, являясь нижней палатой российского парламента, относится к конституционным (государственным) элементам внешнеполитического механизма. Её полномочия и функции во внешнеполитической сфере определены Конституцией [73; 74], основополагающими документами [7; 8; 9; 45; 52; 53; 76–82; 96; 101; 102; 145–148; 153; 159] и Регламентом [126]. По мнению российской исследовательницы Е. В. Кондрашовой, полномочия отечественного парламента во внешнеполитической сфере подразделяются на три группы: реальные полномочия (заключение международных договоров, способность блокировать внешнеполитические усилия исполнительной власти); косвенные полномочия (утверждение бюджета); неформальные или информационные полномочия (право на получение информации, выражение собственной позиции, совещательные функции) [388, с. 84]. Данная классификация представляется вполне функциональной.

В разных редакциях Концепций внешней политики было отмечено, что основные полномочия Федерального Собрания связаны с деятельностью по обеспечению государственного внешнеполитического курса [76–79]. Так, в действующей Концепции внешней политики России (от 30 ноября 2016 г.) указывается, что «Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации и Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации в пределах своих полномочий ведут работу по законодательному обеспечению внешнеполитического курса страны и выполнения международных обязательств Российской Федерации, а также способствуют повышению эффективности парламентской дипломатии» [80].

При этом внешнеполитические полномочия парламента не ограничиваются обозначенными в Концепции внешней политики. В частности, согласно Конституции, к ведению Совета Федерации относятся решения о

целесообразности применения вооружённых сил России за пределами страны, ограничивая в этом отношении возможности Президента [73]. Функции блокировки Федеральным Собранием ряда внешнеполитических решений исполнительной власти проявляются и в форме требований по ратификации международных договоров [159].

Характеризуя спектр парламентских полномочий, исследователи выделяют ряд прямых и косвенных возможностей влияния его палат на государственную внешнюю политику, среди которых: рассмотрение и принятие Государственной Думой и Советом Федерации законов о ратификации международных договоров России, становящихся правовой базой развития сотрудничества с зарубежными государствами; рассмотрение вопросов об использовании вооруженных сил за пределами российских границ (Совет Федерации уделяет особое внимание миротворческим действиям на постсоветском пространстве); официальные визиты и переговоры руководителей обеих палат с зарубежными партнерами; участие в международных форумах и других мероприятиях иностранных парламентариев (под эгидой Совета Федерации проводятся авторитетные Петербургский и Байкальский экономические форумы и. т. д.); взаимодействие с Министерством иностранных дел (высшие должностные лица МИД принимают участие в пленарных заседаниях, парламентских слушаниях, заседаниях парламентских фракций и профильных комитетов, конференциях и «круглых столах»); встречи руководителей обеих палат Федерального Собрания с Министром иностранных дел и обсуждение важнейших вопросов межпарламентского сотрудничества и законотворческого процесса в сфере внешней политики; участие парламентариев на регулярной основе в работе многочисленных международных парламентских организаций [262; 272; 306; 436; 472; 494; 558; 573].

К числу косвенных функций парламента относятся полномочия по утверждению бюджета РФ [5], который ежегодно принимается Государственной Думой, одобряется Советом Федерации (в форме закона), а затем подписывается Президентом. Бюджет содержит специальный раздел, предусматривающий

выделение средств на осуществление внешней политики и международной деятельности, в том числе на функционирование российских загранучреждений, получение и предоставление кредитов, участие в международных организациях и т. д. Дума устанавливает пределы государственных заимствований, в соответствии с которыми ведутся переговоры и заключаются соглашения с МВФ, МБРР, ЕБРР и другими международными и финансовыми организациями [262, с. 12]. Однако эти функции парламента имеют реальное значение лишь при существенных вложениях в какие-либо внешнеполитические инициативы, поскольку в ином случае исполнительная власть сможет выделить средства, распределив расходы по утвержденным статьям бюджета или воспользовавшись резервными фондами, предусмотренными Бюджетным кодексом [388, с. 86].

Законодательно закреплены совещательные полномочия отечественного парламента во внешнеполитической сфере. Конституция Российской Федерации предоставляет Федеральному Собранию совещательное право в вопросах назначения и отзыва дипломатических представителей России в иностранных государствах и международных организациях [73]. Следуя Закону «О международных договорах РФ», парламента является одним из ключевых субъектов, предоставляющих рекомендации для заключения международных договоров [159]. Реализация совещательной функции Федерального Собрания происходит в форме консультаций с Правительством, члены которого обязаны присутствовать на заседании обеих палат после получения соответствующего приглашения. Каналом согласования позиций парламента и Президента представляется институт полномочных представителей Президента РФ [154].

Государственная Дума имеет полномочия рассматривать вопросы, связанные с внешней политикой, по собственной инициативе. Как уже отмечалось, нижняя палата отечественного парламента может принимать обращения и заявления, отражающие её позицию по конкретным вопросам внешней политики и международных отношений [126].

Определенное влияние на государственный внешнеполитический процесс Государственная Дума оказывает через принятие законов, прямо или косвенно

затрагивающих международную сферу. Одной из главных задач для Президента и Правительства является обеспечение принятия законов, способствующих развитию внешнеэкономических, торговых, культурных, научно-технических связей с другими странами. Имеются и «внутренние» законы (о налоговой системе, тарифах, акцизах и т. д.), которые принимаются Государственной Думой, обуславливая предоставление России зарубежных кредитов [262, с. 13].

Проявление «информационной власти» Федерального Собрания заключается в возможности получения информации и декларирования собственной позиции. В частности, члены обеих палат парламента имеют право требовать получения информации, которая связана с их деятельностью, от государственных органов и общественных организаций [164]. Эта информация может быть использована и с целью воздействия на вопросы международно-политического характера.

Способом влияния на внешнюю политику государства могут являться полномочия обеих палат Федерального Собрания в отношении применения специальных экономических мер воздействия на иностранные государства, иностранные организации и / или иностранных граждан. Президент, принимая такое решение, должен проинформировать обе палаты парламента, которые имеют право внести главе государства предложение о введении подобных мер [163].

К полномочиям Федерального Собрания, способным оказывать влияние на внешнеполитический процесс, можно отнести право на предоставление эфирного времени для освещения по общероссийским теле- и радиоканалам обращений и заявлений. В целях донесения внешнеполитических позиций парламента населению и потенциальным представителям «общественной дипломатии» могут использоваться теле- и радиодebаты, выступления в СМИ [162]. Этими средствами возможно оказывать воздействие на внешнеполитический механизм своего государства и разного рода акторов мировой политики.

К инструментам влияния Государственной Думы, которые могут ограниченно применяться для внешнеполитических инициатив, можно отнести

парламентский запрос, депутатский запрос и парламентское расследование [388, с. 90]. Ограниченность этих полномочий обусловлена невозможностью их применения в отношении Президента, а также тем, что они не воспринимаются в качестве стандартных каналов получения информации, используясь в особых случаях [160; 161].

Применение во внешнеполитической плоскости могут находить контрольные функции Государственной Думы, которые закреплены в следующих правах: нижняя и верхняя палаты парламента образуют Счётную Палату РФ в целях осуществления контроля над исполнением федерального бюджета; выдвижение обвинения против Президента для отрешения его от должности; выражение недоверия Правительству [254, с. 85]. При этом реализация указанных функций на практике сталкивается с рядом препятствий, рассмотрение которых планируется в специальном пункте данной работы.

В составе обеих палат Федерального Собрания имеются подразделения, в полномочия которых входят внешнеполитические вопросы. Их названия и количество в разные годы менялось [1; 11; 14–19; 25–44; 58–65; 68; 69; 70; 83; 85; 92; 98; 99; 103–108; 116; 123; 125; 130; 136; 139; 167–171]. Что касается Государственной Думы, то на современном этапе перечень вопросов, относящихся к процессу формирования и реализации внешней политики России, входит в компетенцию таких ее подразделений, как Комитет по международным делам, Комитет по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками и Управление международного сотрудничества Аппарата Государственной Думы [98; 103; 104; 105; 126]. Следует отметить, что в период работы Государственной Думы I и II созывов функционировал Комитет по вопросам геополитики, специализация которого соответствовала названию [16; 17; 25; 26; 38; 123]. Сферы, компетенции и процедуры деятельности комитетов и прочих подразделений нижней палаты – относительно внешнеполитических вопросов и международного сотрудничества – подробно прописаны в Регламенте Государственной Думы [126].

В этом отношении следует отметить, что среди перечисленных структурных подразделений Государственной Думы особые возможности воздействия на внешнюю политику государства имеет Комитет по международным делам. Каждое из межгосударственных и межправительственных соглашений, подлежащих ратификации, предварительно проходит правовой и лингвистический анализ в аппарате данного Комитета и Правовом управлении Государственной Думы. Подготовленные заключения обсуждаются на заседаниях Комитета с участием представителей разных думских фракций, после чего выносятся на рассмотрение пленарного заседания Государственной Думы. Депутаты, являющиеся членами Комитета, готовят проекты заявлений и обращений Государственной Думы по актуальным вопросам международной политики, формируют собственные оценки от имени Комитета, организуют парламентские слушания и «круглые столы» по вопросам, входящим в его компетенцию. Комитет по международным делам принимает активное участие в работе над очередным бюджетом страны, высказывая свои рекомендации, связанные, прежде всего, с подразделом «Международные отношения и международное сотрудничество». На заседаниях Комитета (с учетом консультаций с Комитетом Государственной Думы по делам Содружества Независимых Государств, евразийской интеграции и связям с соотечественниками совместно с другими комитетами Государственной Думы) рассматриваются предлагаемые Президентом кандидатуры послов РФ и даются рекомендации в отношении их назначения на должности или отзывов [103; 104; 105; 436; 472; 494; 558].

Обосновывая значимость взаимодействия профильных комитетов в контексте роли парламента в функционировании внешнеполитического механизма, российский учёный Д. В. Тренин отмечал: «Публичные и закрытые парламентские слушания в профильных комитетах (по иностранным делам, обороне, безопасности и др.) делают Государственную Думу и Совет Федерации авторитетным центром серьезного обсуждения внешнеполитических проблем и вариантов их решения. Утверждение послов в различные государства позволяет

провести публичный «аудит» отношений с конкретными странами, а заслушивание министра иностранных дел и других членов кабинета способствует мониторингу внешней политики РФ в целом. Парламент – место для выдвижения и продвижения инициатив, предлагающих альтернативные варианты решений. Статус парламента гарантирует, что альтернативные точки зрения и предложения будут как минимум услышаны и приняты во внимание» [660].

Также в деятельности международных парламентских организаций активно участвуют постоянные делегации Государственной Думы, сформированные на принципах равного или пропорционального фракционного представительства. На постоянной основе осуществляют свою деятельность депутатские группы по связям с парламентами зарубежных стран [126].

Кроме того, являясь представителями избирателей, депутаты Государственной Думы выступают в качестве важного канала транслирования сигналов о настроениях и потребностях граждан, в том числе в области государственной внешней политики. В то же время, учитывая полуофициальный характер международной деятельности депутатов, в особых случаях они могут выполнять специальные поручения от имени Правительства и Президента, становясь свидетелями важных событий, когда, по тем или иным причинам, официальное государственное присутствие проблематично или невозможно [660].

С учётом взаимосвязи функционирования обеих палат отечественного парламента, в контексте характеристики нормативно-правовой базы полномочий Государственной Думы во внешнеполитической сфере необходимо рассмотреть имеющиеся в этом отношении функции и возможности Совета Федерации.

Как отмечалось выше, Совет Федерации, согласно Конституции России, утверждает указы Президента о введении военного или чрезвычайного положения, решает вопрос об использовании вооруженных сил за рубежом [73; 74]. Верхняя палата российского парламента одобряет законы, принятые Государственной Думой, которые могут затрагивать сферу внешней политики. Совет Федерации утверждает ратифицированные Государственной Думой международные договоры и соглашения, а также бюджет, содержащий

посвященный международной деятельности раздел, оказывая прямое влияние на внешнеполитическую работу органов исполнительной власти [127].

Верхняя палата может заслушивать отчеты Министерства иностранных дел о проводимой внешней политике, высказывать свои рекомендации, которые, как правило, учитываются Президентом, Правительством и МИД. Основные функции по реализации внешней политики верхней палаты парламента выполняют: Председатель Совета Федерации и его заместители, Комитет Совета Федерации по международным делам, Комитет Совета Федерации по обороне и безопасности, Управление международных связей Аппарата Совета Федерации (осуществляющее организационное обеспечение всей работы палаты по международным связям), некоторые подразделения Аналитического управления (осуществляющие информационно-аналитическое обеспечение этой работы). Существенную роль в осмыслении внешнеполитических проблем играет Экспертный совет Комитета по международным делам. Комитет Совета Федерации по международным делам непосредственно ответственен за реализацию верхней палатой парламента ее внешнеполитических полномочий [573, с. 24–25].

Актуальные вопросы внешней политики государства и международного положения регулярно обсуждаются в рамках проводимых в верхней палате слушаний на заседаниях указанных Комитетов и Временной комиссии Совета Федерации по информационной политике и взаимодействию со средствами массовой информации. Итоги обсуждений принимаются во внимание органами исполнительной власти. Верхняя палата парламента России может принимать заявления и постановления по международной тематике, которые носят рекомендательный характер [262, с. 13].

Значительный объем международной деятельности Совета Федерации (как и Государственной Думы) составляют парламентские связи и участие российских представителей в международных парламентских организациях [436]. Связи верхней палаты российского парламента с парламентами других стран впоследствии могут приводить к предложениям законодательного корпуса по

внесению изменений в Налоговый, Бюджетный кодекс, по законодательному улучшению экономического и инвестиционного климата. Совет Федерации развивает межпарламентский диалог и на базе так называемых «групп по сотрудничеству», или «групп дружбы», которыми ежегодно проводятся «круглые столы», семинары и другие мероприятия. В рамках верхней палаты действуют комиссии межпарламентского сотрудничества и проводятся разного рода форумы. Совместная работа иногда способствует внесению в законодательство поправок, затрагивающих интересы российских компаний в целях развития экономического сотрудничества, подписанию соглашений между аппаратами верхних палат и отдельных комитетов. Также формой активного взаимодействия являются официальные визиты делегаций Совета Федераций, ответные визиты иностранных делегаций в Россию и обмены визитами отдельных парламентариев [573, с. 23–24].

Вместе с тем верхняя палата российского парламента не имеет таких существенных механизмов влияния на внешнеполитический процесс, как право внесения поправок в принятые Государственной Думой законы и доминирование при решении кадровых вопросов во внешнеполитической сфере. Закрепление за Государственной Думой права контроля над деятельностью Правительства, в том числе в области внешней политики, уменьшает относительный вес верхней палаты в механизме принятия внешнеполитических решений [573, 16–17]. В частности, к контрольным полномочиям Государственной Думы относят право решать вопрос о доверии Правительству и регулировать направление его деятельности посредством обсуждения и законодательного утверждения годовых федеральных бюджетов [380, с. 351]. При этом Совет Федерации имеет возможности сдерживания Государственной Думы, реализуемые, согласно Конституции, в праве верхней палаты одобрять или отклонять принятые нижней палатой федеральные законы, а также обязательно рассматривать федеральные законы по наиболее значимым вопросам [254, с. 91].

Что касается поправок к Конституции [74], вступивших в силу 4 июля 2020 г., то теоретически они подразумевают усиление роли нижней палаты парламента

[69; 128; 171]. В соответствии с внесёнными изменениями, подчёркивают исследователи, «Государственная Дума утверждает по представлению Президента РФ кандидатуру Председателя Правительства РФ. Ранее эта норма была сформулирована иначе – Дума давала согласие на назначение Председателя Правительства. Впрочем, в чём именно состоит практическая разница между утверждением и дачей согласия на назначение, пока не вполне очевидно» [210]. Новым полномочием нижней палаты «является утверждение представленных Председателем Правительства РФ кандидатур заместителей Председателя Правительства и федеральных министров, за исключением министров, ведающих вопросами обороны, безопасности государства, внутренних дел, юстиции, иностранных дел, предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий, и общественной безопасности, которые назначаются Президентом РФ после консультаций с Советом Федерации» [210].

В этом отношении председатель Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству П. В. Крашенинников отмечал: «Кандидатуры «не силовых» членов кабинета будут обсуждаться в комитетах, во фракциях – причем публично, на глазах общественности. <...> От этого выиграет все общество. Система сдержек и противовесов станет более прозрачной. Это касается и процедуры формирования и правительства, и Госдумы» [319].

Кроме того, нижняя палата получила право заслушивать ежегодные отчёты главы Центрального Банка. Произошла рокировка в формировании Счётной палаты: её Председателя и одну половину аудиторов теперь будет назначать и освобождать от должности Совет Федерации, а заместителя и вторую половину аудиторов – Государственная Дума. На конституционном уровне закрепляется парламентский контроль, в процессе которого обе палаты парламента могут направлять парламентские запросы руководителям государственных органов и органов местного самоуправления [15].

Вместе с тем, учитывая характер изменений, внесённых в Конституцию, представляется, что значительного влияния на внешнеполитическое измерение

деятельности Государственной Думы они не окажут, поскольку в целом затрагивают аспекты иного характера, не меняя действующей системы внешнеполитического механизма и степени субъектности в нём нижней палаты парламента. Впрочем, реальное значение конституционных изменений в контексте роли Государственной Думы в формировании и реализации внешней политики можно будет оценить только со временем, когда появятся наглядные примеры.

Исходя из анализа документов и исследований, очевидно, что Государственная Дума наделена следующими (реальными, косвенными и неформальными) способами влияния на государственную внешнюю политику.

1. Рассмотрение и принятие законов о ратификации и денонсации международных договоров (затем направляющихся на одобрение в Совет Федерации), которые становятся правовой базой для взаимодействия с зарубежными странами.

2. Рассмотрение вопросов об использовании вооружённых сил за пределами границ Российской Федерации.

3. Принятие заявлений, обращений и постановлений по международным вопросам в целях выражения и донесения позиции Государственной Думы в отношении определённых внешнеполитических ситуаций.

4. Официальные визиты и переговоры председателя нижней палаты с зарубежными коллегами.

5. Участие иностранных парламентариев в международных форумах и разного рода мероприятиях, которые проводятся в рамках и / или под эгидой Государственной Думы.

6. Взаимодействие с Министерством иностранных дел Российской Федерации: встречи председателя палаты с Министром иностранных дел и обсуждение вопросов законотворческого процесса во внешнеполитической сфере и проблем межпарламентского сотрудничества.

7. В соответствии с распоряжением председателя Государственной Думы его заместители курируют международное сотрудничество с группами стран и международных организаций.

8. Регулярное взаимодействие отечественных парламентариев с международными парламентскими организациями. На постоянной основе осуществляют свою деятельность депутатские группы по связям с парламентами зарубежных государств. Сформированные на принципах равного или пропорционального фракционного представительства, постоянные делегации Государственной Думы участвуют в деятельности международных парламентских организаций.

9. Утверждение бюджета Российской Федерации, который ежегодно принимается Государственной Думой, одобряется Советом Федерации (в форме закона), а затем подписывается Президентом. Бюджет содержит раздел, предусматривающий выделение средств на осуществление внешнеполитической и международной деятельности: функционирование российских загранучреждений, предоставление и получение кредитов, участие в международных организациях и т. п. Также нижняя палата парламента устанавливает пределы государственных заимствований, в соответствии с которыми заключаются соглашения с разного рода международными и финансовыми организациями. Следует отметить, что реальное значение эти функции обретают только в случае наличия существенных вложений во внешнеполитические инициативы. В других обстоятельствах исполнительная власть имеет возможность выделения средств, перераспределяя расходы по утверждённым статьям бюджета, либо используя предусмотренные Бюджетным кодексом резервные фонды.

10. Наличие совещательных полномочий Федерального Собрания с органами исполнительной власти во внешнеполитической сфере.

11. Учитывая полуофициальный характер международной деятельности депутатов, в особых случаях они могут выполнять специальные поручения от имени Правительства и Президента, связанные с внешнеполитическим процессом,

когда официальное государственное присутствие в этом отношении проблематично или невозможно.

12. Государственная Дума оказывает влияние на внешнюю политику России и посредством принятия законов, прямо или косвенно затрагивающих данную сферу. В этом плане имеются так называемые «внутренние» законы (касающиеся налоговой сферы, тарифов, акцизов и т. д.), принятие которых обуславливает предоставление зарубежных кредитов.

13. Являясь представителями избирателей, депутаты Государственной Думы выступают в качестве важного канала транслирования сигналов о настроениях и потребностях граждан, в том числе в области государственной внешней политики.

14. «Информационная власть» посредством реализации права получать информацию (от государственных органов и общественных организаций) и декларировать собственную позицию, в том числе по вопросам внешней политики и международных отношений.

15. Возможность оказывать влияние на процесс применения экономических мер воздействия на иностранные государства, иностранные организации и иностранных граждан.

16. Полномочия обеих палат использовать эфирное время, теле- и радиообращения, теле- и радиодebаты в целях реализации «информационной власти» и воздействия на внешнюю политику и международные отношения.

17. К числу ограниченно применяющихся инструментов воздействия Государственной Думы на внешнеполитический процесс следует отнести парламентский запрос, депутатский запрос и парламентское расследование.

18. В составе нижней палаты парламента имеются постоянные и временные подразделения, в полномочия которых входят внешнеполитические вопросы. На современном этапе к постоянным подразделениям относятся: Комитет по международным делам, Комитет по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками и Управление международного сотрудничества Аппарата Государственной Думы.

Представленный перечень отражает основные полномочия Государственной Думы в области внешней политики и международных отношений, что позволяет утверждать о возможностях достигать достаточно высокой степени воздействия данного института в системе государственного внешнеполитического механизма. При этом реализация указанных полномочий осложняется наличием ряда проблем, нормативно-правового и практического характера, рассмотрению которых посвящён специальный подраздел данной работы. Что касается наиболее действенных рычагов влияния Государственной Думы на внешнюю политику, то, как представляется, к таковым следует отнести голосования по вопросам, имеющим прямое или косвенное отношение к международно-политической сфере. Анализ таких голосований позволяет выявить складывающиеся в нижней палате устойчивые группы депутатов и их позиции по внешнеполитическим вопросам, открывая возможности для комплексного исследования роли Государственной Думы в процессе формирования и реализации внешней политики.

3.3. Внешнеполитическое измерение динамики персонального состава Государственной Думы I–VII созывов: ресурсы и соотношение сил

Реализация охарактеризованных нормативно-правовых основ, отражающих формальное проявление участия нижней палаты парламента во внешнеполитическом процессе, обуславливалось особенностями персонального состава Государственной Думы разных созывов, а, следовательно, кадрового потенциала, ресурсов и сложившемся соотношением сил. Это определяло латентную сторону внешнеполитического измерения парламентской деятельности, выступавшую детерминантной практических шагов.

В целях характеристики динамики состава нижней палаты российского парламента в контексте внешнеполитической деятельности, следует отметить, что в период работы Государственных Дум I – III созывов сформировались определённые парламентские социально-политические группы (так называемые

«левые», «правые», «центристы» и «национал-патриоты»), имевшие свои интересы. Если в рамках нижней палаты парламента I созыва указанные группы актуализировались как субъекты политического процесса, то в последующем их наличие стало тенденцией, которая, однако, подвергалась изменениям в плане соотношения степени представительства и возможностей оказывать влияние на внешнеполитический процесс [494, с. 16]. Эти парламентские группы вступали во взаимодействие с имевшимися группами интересов, выражая приоритеты последних посредством направленности голосований, в том числе в отношении международно-политической сферы.

Каждая из четырёх парламентских социально-политических групп, проявляла определённые внешнеполитические установки. «Левые», руководствуясь тезисом о геополитическом и цивилизационном противопоставлении России и Запада, выступали за корректировку российского внешнеполитического курса в сторону прагматизма и защиты национальных интересов. Подвергая резкой критике реалии мира, где господствует «единственная сверхдержава», они поддерживали идеи формирования многополярного мироустройства. «Центристы» позиционировали Россию в качестве «великой евразийской державы», которая имеет собственные внешнеполитические интересы. Главной целью российской внешней политики они считали вхождение в новую систему международных отношений, учитывая необходимость реализации своих интересов. «Правые» традиционно придерживались прозападной ориентации, считая стратегически важным сотрудничество с США и странами Запада. Интересы «национал-патриотов» по многим позициям сходились с интересами «левых», акцентируя негативное отношение к мировой гегемонии США, альтернативой чему должен стать многополярный мировой порядок, в рамках которого Россия будет выступать в роли одного из существующих геополитических полюсов [494, с. 16–17].

Учитывая различие в подходах, тем не менее, в интересах указанных групп присутствовал так называемый «общий блок» равно значимых вопросов, отношение к которым было позитивным, что проявлялось и в голосованиях,

поддерживающих эти инициативы: защита суверенитета и территориальной целостности государства; повышение обороноспособности; создание благоприятных внешних условий для развития экономики и социальной сферы; развитие политико-экономического сотрудничества с другими странами; защита прав и свобод соотечественников за рубежом; комплексная интеграция на постсоветском пространстве [494, с. 17].

По результатам выборов в Государственную Думу I созыва в парламенте было создано девять фракций [474, с. 530]. В их числе значилась и сформированная из депутатов-одномандатников крупная депутатская группа «Новая региональная политика». Распределение мест в нижней палате было следующим (см. таблицу 5).

Таблица 5. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации I созыва (11 января 1994 – 22 декабря 1995 гг.) на момент начала деятельности⁷

№ п/п	Депутатские объединения	Количество депутатов	Руководитель
1.	Фракция «Выбор России» (ВР)	76	Гайдар Е. Т.
2.	Фракция Либерально-демократической партии России (ЛДПР)	63	Жириновский В. В.
3.	Фракция Аграрной партии России (АПР)	55	Лапшин М. И.
4.	Фракция Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ)	45	Зюганов Г. А.
5.	Фракция Партии российского единства и согласия (ПРЕС)	30	Шахрай С. М.
6.	Фракция объединения «Яблоко»	25	Явлинский Г. А.
7.	Фракция политического движения «Женщины России» (ЖР)	23	Лахова Е. Ф.
8.	Фракция Демократической партии России (ДПР)	15	Травкин Н. И.
9.	Депутатская группа «Новая региональная политика» (НРП)	65	Медведев В. С.
10.	Депутаты, не вошедшие в зарегистрированные депутатские объединения	47	

Что касается соотношения парламентских объединений с указанными социально-политическими группами в плане их внешнеполитических ориентаций, то к «левым» можно отнести КПРФ и АПР (в сумме – около 100 депутатов), к

⁷ Составлено на основе материалов Официального сайта Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации [103].

«центристам» – ЖР, ПРЕС, ДПР, НПР, группы «Россия»⁸ и «Стабильность»⁹ (в сумме – около 140 депутатов), к «национал-патриотам» (радикалам) – ЛДПР, незарегистрированные группы «Российский путь»¹⁰ и «Держава»¹¹ (в сумме – около 70 депутатов), к «правым» (либералам) – ВР, «Яблоко» и «Либерально-демократический Союз 12 декабря» (С12Д)¹² (в сумме – около 36 депутатов) [25; 38; 123]. Характерно, что при определённом количественном преимуществе «левых» и «центристов», ни одна социально-политическая группа не обладала явным качественным превосходством, что – учитывая столкновение интересов – обуславливало необходимость достижения консенсуса.

В рамках Государственной Думы I созыва было сформировано три профильных комитета, специализация которых в большей степени была связана с международно-политической проблематикой: Комитет по международным делам, Комитет по делам Содружества Независимых Государств и связям с соотечественниками, Комитет по вопросам геополитики. Количество и специализация комитетов были определены в соответствии с коалиционным соглашением, утвержденным 17 января 1994 г. При этом Комитет по вопросам геополитики был основан в формате указанного коалиционного соглашения

⁸ Депутатская группа «Россия» формировалась с целью поддержки властей, ориентируясь более на т. н. «рыбкинское», чем на «черномырдинское» крыло «партии власти». Председателем группы стал И. А. Шичанин. Окончательная численность группы 36 депутатов [16].

⁹ Депутатская группа, ориентированная на Президента Б. Н. Ельцина. Сопредседателями группы стали Л. А. Жаданова, А. И. Леушкин, В. И. Кравцов, С. А. Маркидонов и Б. В. Хулхачиев. Представителем группы в Совете Государственной Думы на первое время был избран Е. В. Бушмин. Исходная численность группы составила 36 депутатов [16].

¹⁰ С инициативой создания группы выступил В. А. Тихонов. К его инициативе присоединились депутаты от Краснодарского края, создавшие до этого микрогруппу «Юг России» и некоторые депутаты, настроенные более оппозиционно, чем руководство КПРФ и АПР, в том числе С. Н. Бабурин, А. Г. Невзоров и А. И. Лукьянов. Депутаты решили создать обособленную, пусть и незарегистрированную, группу. Сопредседателями были С. Н. Бабурин, В. А. Тихонов, С. А. Глотов. К концу полномочий Думы в группе осталось 11 депутатов, 1 из которых одновременно состоял во фракции АПР [16].

¹¹ Группа создана пятью бывшими членами ЛДПР, которые вступили в группу «Либерально-демократический союз 12 декабря», а затем из нее вышли. 7 июня 1994 г. ими было распространено заявление о создании группы «Держава», в котором осуждался «эксперимент, творимый под вывеской «реформа» над нашей многострадальной нацией» и провозглашались цели: восстановление Великой России в границах СССР через свободное волеизъявление народов, «соборный централизм», благосостояние для всех граждан, поощрение и защита всех форм собственности. Председателем группы был В. В. Кобелев. Итоговый состав группы включал 4 депутатов [16].

¹² Депутатская группа «Либерально-демократический Союз 12 декабря» (до 5 апреля 1994 г. называлась «Союз 12 декабря»). Группа сложилась накануне открытия заседаний Думы на основе отделившейся части группы независимых (будущей НРП). Окончательный список группы включал 11 депутатов [16].

фракций по «категорическому настоянию» В. В. Жириновского и впоследствии контролировался ЛДПР [16; 25].

Председателем Комитета по международным делам был избран представитель фракции «Яблоко» В. П. Лукин. Заместителями председателя были утверждены О. Т. Богомолов (ДПР), А. В. Митрофанов (ЛДПР), А. В. Момджян (НРП). В состав Комитета, вместе с председателем и заместителями, первоначально вошли: В. П. Аверчев («Яблоко»), Е. А. Амбарцумов («Яблоко»), А. П. Аулов (ВР), Н. А. Бикалова (НРП), А. М. Бирюков (АПР), Ю. Е. Бузов (ЛДПР), В. Е. Булавинов (С12Д), А. С. Дзасохов (НРП), Е. П. Ищенко (ЛДПР), А. В. Козырев (ВР), А. Я. Лездиньш (С12Д), Н. Н. Лысенко (независимый депутат), А. М. Макаров (С12Д), А. В. Минжуренко (ВР), А. Н. Мурашев (ВР), В. А. Никонов (ПРЕС), О. Ф. Очин (НРП), Л. Н. Петровский (КПРФ), В. И. Севастьянов (КПРФ), С. Б. Станкевич (ПРЕС), С. В. Сычев (независимый депутат), А. В. Филатов (ЛДПР), Г. П. Чубкова (ЖР). В течение двух лет состав Комитета претерпевал изменения [1; 38; 60; 123; 167; 168]. Из 27 депутатов состава Комитета представителей условных «левых» (КПРФ, АПР) насчитывалось 3, «центристов» (ЖР, ПРЕС, ДПР, НРП) – 8, «национал-патриотов» (радикалов) (ЛДПР) – 4, «правых» (либералов) (ВР, «Яблоко», С12Д) – 10. Двое депутатов позиционировали себя как «независимые».

Комитет по делам Содружества Независимых Государств и связям с соотечественниками возглавил К. Ф. Затулин (ПРЕС, затем ДПР), а заместителями стали Ю. Е. Воевода (НРП), В. В. Игрунов («Яблоко»), Г. И. Чуркин (АПР). Также в состав Комитета первоначально вошли: А. Л. Адамишин («Яблоко»), Н. Г. Биндюков (КПРФ), М. Ю. Вакуленко (ЛДПР), Ю. Х. Калмыков (ПРЕС), Ж. М. Лозинская (ЖР), И. Ш. Муксинов (ПРЕС), К. А. Цику (КПРФ). Позже А. Л. Адамишин сложил депутатские полномочия. При этом в Комитет были включены: С. С. Митрохин («Яблоко»), Л. А. Пономарев (ВР), А. А. Долгополов (АПР+РП), Л. В. Некрасов (С12Д), Л. А. Радзиховский (ВР), Г. Б. Орланов (ВР) [38; 60; 123]. В состав Комитета вошло 17 депутатов, из которых представителей условных «левых» (КПРФ, АПР)

насчитывалось 4, «центристов» (ЖР, ПРЕС, ДПР, НПР) – 5, «национал-патриотов» (радикалов) (ЛДПР) – 1, «правых» (либералов) (ВР, «Яблоко», С12Д) – 7.

Председателем Комитета по вопросам геополитики был избран В. И. Устинов (ЛДПР), заместителями – Ю. С. Гусман (ВР), М. Н. Сидоров (ЛДПР), Н. С. Столяров (НРП). Помимо руководства, в состав Комитета первоначально вошли: В. М. Борзюк (ЛДПР), Е. В. Бученков (АПР), В. Е. Журавлев (ЛДПР), С. А. Коробов (ЛДПР), В. М. Костюткин (ЛДПР), Л. С. Максакова (ЛДПР), К. Н. Панферов (ЛДПР), А. К. Фролов (КПРФ). Позже в Комитет были включены: Вл. П. Иванов (ЛДПР), Е. В. Туинов (ЛДПР), Г. Э. Бурбулис (ВР), И. Е. Выборнова (ЖР), А. М. Кашпировский (ЛДПР) [38; 60; 168]. Из 15 депутатов состава Комитета представителей условных «левых» (КПРФ, АПР, АПР+РП) насчитывалось 2, «центристов» (ЖР, ПРЕС, ДПР, НПР) – 2, «национал-патриотов» (радикалов) (ЛДПР) – 11, «правых» (либералов) (ВР, «Яблоко», С12Д) – 2.

Таким образом, в двух из трёх профильных комитетах количественно преобладали представители условных «правых» и «центристов». В то же время в Комитете по вопросам геополитики наблюдалось явное количественное преимущество условных «национал-патриотов» при минимальном (и пропорционально равном) участии представителей других социально-политических групп.

Отмеченные данные следует воспринимать в контексте того, что в этот период функционирование нижней палаты парламента имело ряд особенностей. «Характерной особенностью Государственной Думы I созыва, - отмечают исследователи, - было отсутствие жёсткой фракционной дисциплины, существенное число переходов депутатов из фракции во фракцию, а также возможность для чиновников из исполнительной власти избираться депутатами при сохранении их полномочий. Однако, в целом ни одна из политических сил не имела подавляющего преимущества, а неопределённость позиций фракций и

депутатов оставляли большие возможности для манёвра любому из участников политического процесса» [180, с. 16].

Примечательной особенностью состава Государственной Думы I созыва было то, что около 20 % депутатов пришли в парламент из президентских структур, федеральных и территориальных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления. 21 % парламентариев в прошлом являлись народными депутатами СССР и Российской Федерации, что свидетельствовало об определённой преемственности. 12 % - представляли профсоюзные и общественные организации, партии и общественно-политические движения. 11 % - были предпринимателями и 6,6 % - проходили службу в правоохранительных органах. 2/3 депутатов имели возраст от 20 до 50 лет. Более 1/3 – были кандидатами и / или докторами наук [380, с. 371–373].

Следует отметить, что 60 % депутатов являлись представителями госсектора. 9,6 % - преподавателями высших учебных заведений и школ, большинство из которых были государственными. Представители рабочего класса, занятые физическим трудом («синие воротнички»), получили 2,4 % депутатских мест, а те, кто работал в добывающих отраслях промышленности и сельского хозяйства – 7 и 8 % соответственно. Доля военных составляла 3,9 % от общего количества. Представительство менеджмента и бизнеса составляло 28,8 %, что стало проявлением тенденции увеличения влияния крупного капитала на политический процесс. 4,3 % депутатского состава представляли юридические специальности. 1,9 % - были судьями, прокурорами, в том числе работниками независимых судебных органов. Представители свободных профессий составляли – 10–11 %, журналисты – 9,6 %. Характерно, что у 31,51 % парламентариев место избрания не совпадало с местом проживания или рождения [274, с. 311–319].

При этом прямая оппозиция Президенту и Правительству составляла около 43 %, что ставило под вопрос дееспособность нижней палаты. В этом отношении ЛДПР и КПРФ за два года превратились из внепарламентских партий в партии парламентского типа – «системную оппозицию». Ключевую роль в обеспечении нормальной работы Государственной Думы I созыва принадлежала её

Председателю И. П. Рыбкину, представлявшему Аграрную партию России. Учитывая его политическую ориентацию, первоначально предполагалось, что Спикер будет действовать в интересах оппозиционного Президенту и Правительству блока, но этого не произошло. Практически сразу после избрания он стал дистанцироваться от оппозиции, демонстрируя независимость и готовность к компромиссам. Постепенно он переместился с левого фланга в центр политического спектра, сумев не только найти общий язык с Президентом, но и перейти из «коммунистической команды» в стан главы государства. В связи с этим показательно, что Председателю нижней палаты парламента удалось добиться того, что вносимые со стороны Президента и Правительства законопроекты рассматривались в первую очередь [380, с. 373–378].

В качестве «партий власти», доля которых составляла порядка 20 %, в этот период выступали «Выбор России» и ПРЕС [274, с. 320]. Специфика подобных партий, характерная в целом для 1990-е гг., проявлялась в том, что по своей сущности и задачам они не выполняли функцию социального представительства, выражая не интересы государства, а интересы той группировки, которая в конкретный момент находилась у власти [276, с. 126].

Как отмечалось ранее, с момента принятия Конституции Российской Федерации 1993 г. было очевидно, что преобладающее влияние в рамках складывающейся политической системы имеет Президент и исполнительная власть. В этом отношении уже в первые годы функционирования нижней палаты отечественного парламента проявилось то, что её влияние существенно уступало легислатурам не только парламентских, но и ряда президентских республик. По мнению О. В. Гаман-Голутвиной, «глубинной причиной такого положения вещей является российская традиция «четырёхзвенного» разделения властей при доминировании «верховой» власти. Однако в эту ситуацию внесли свой вклад и ситуативные факторы, важнейший из которых заключался в том, что в 1990-е гг., когда формировался современный политико-институциональный дизайн, ни российская политическая элита, ни конкуренты России за её пределами не были заинтересованы в формировании эффективной представительной власти в стране.

Отечественной элите реальное представительство массовых слоёв населения могло помешать осуществить «правильную приватизацию», а влиятельным зарубежным конкурентам России – добиться снижения её конкурентоспособности и её влияния в мире» [274, с. 321].

В результате выборов в Государственную Думу II созыва (см. таблицу 6) барьер в 5 % преодолели четыре объединения: КПРФ, ЛДПР, НДР и «Яблоко». Также были созданы три депутатские группы¹³: Аграрная депутатская группа (АДГ), «Народовластие» и «Российские регионы». Вследствие того, что политические силы левого спектра – КПРФ, АДГ и «Народовластие» - в сумме получили более 220 депутатских мест, деятельность нижней палаты парламента данного созыва характеризовалась наибольшей (в сравнении с предыдущим и последующими периодами) оппозиционностью по отношению к Президенту и Правительству [180, с. 18]. После трёх туров голосований Председателем нижней палаты парламента был избран представитель фракции КПРФ Г. Н. Селезнёв. В качестве «партии власти», имеющей целью обеспечить прочность позиций Президента и Правительства, а также политическую стабильность в государстве, выступил блок «Наш дом – Россия» [26; 38; 167].

Таблица 6. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации II созыва (16 января 1996 – 24 декабря 1999 гг.) на момент начала деятельности¹⁴

№ п/п	Депутатские объединения	Количество депутатов	Руководитель
1.	Фракция КПРФ	149	Зюганов Г. А.
2.	Фракция «Наш дом – Россия» (НДР)	65	Беляев С. Г.
3.	Фракция ЛДПР	51	Жириновский В. В.
4.	Фракция «Яблоко»	46	Явлинский Г. А.
5.	Депутатская группа «Российские регионы» (РР)	42	Сопредседатели: Абдулатипов Р. Г., Лысенко В. Н., Медведев В. С.,

¹³ На выборы 1995 г. партия Е. Т. Гайдара «Демократический выбор России» вышла в составе блока «Демократический выбор России – Объединенные демократы», включавшего также «Крестьянскую партию России», «Российскую партию социальной демократии» и «Конгресс национальных объединений России». Федеральный список блока получил 3,86% голосов. В одномандатных округах были избраны в Думу 9 выдвиженцев блока. Руководство партии назначило координатором группы из 9 депутатов С. Н. Юшенкова [17].

¹⁴ Составлено на основе материалов Официального сайта Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации [103].

			Медведев П. А., Морозов О. В., Чилингаров А. Н.
6.	Депутатская группа «Народовластие»	37	Рыжков Н. И.
7.	Аграрная депутатская группа (АДГ)	35	Харитонов Н. М.
8.	Депутаты, не вошедшие в зарегистрированные депутатские объединения	25	

В контексте внешнеполитических устремлений соотношение охарактеризованных социально-политических групп представлялось следующим: «левые» (КПРФ, АДГ, «Народовластие» - в сумме около 184 депутатов), «центристы» (НДР, РР – в сумме около 107 депутатов), «правые» («Яблоко», неформальная группа «Демократический выбор России» - в сумме около 55 депутатов), «национал-патриоты» (ЛДПР – 51 депутат). Следовательно, наблюдалось значительное количественное преимущество условных «левых», далее расположились «центристы», а «правые» и «национал-патриоты» обладали гораздо меньшим и примерно равным числом депутатов.

Комитет по международным делам снова возглавил В. П. Лукин («Яблоко»), а заместителями председателя были избраны А. П. Андреев (НДР), А. И. Козырев (ЛДПР), А. И. Подберезкин (КПРФ), Н. С. Столяров (РР). В состав Комитета, менявшейся в период срока полномочий, помимо руководства, входили: В. П. Аверчев («Яблоко»), А. Д. Венгеровский (ЛДПР), В. Г. Вишняков (ЛДПР), Г. Е. Гамза (КПРФ), Т. Х. Гдлян (РР), С. А. Глотов («Народовластие»), Б. В. Громов (РР), А. С. Дзасохов («Народовластие»), Г. Н. Карелова («Народовластие»), С. А. Ковалев («Демократический выбор России»), И. О. Мальков («Яблоко»), К. Г. Меремьянин (КПРФ), А. Л. Парадиз (НДР), А. М. Пономарев (КПРФ), И. П. Рыбкин (независимый депутат), А. Т. Сайфуллин (АДГ), В. И. Севастьянов (КПРФ), А. К. Хамаев (АДГ), А. А. Шабанов (КПРФ), М. З. Юрьев («Яблоко»), Т. В. Ярыгина (Яблоко), А. И. Николаев (независимый депутат), А. Н. Шохин (независимый депутат), В. В. Семаго (КПРФ) [26; 38]. Из 29 депутатов состава Комитета условных «левых» (КПРФ, АДГ, «Народовластие») насчитывалось 12, «центристов» (НДР, РР) – 5, «национал-

патриотов» (ЛДПР) – 6, «правых» (либералов) («Яблоко»), неформальная группа «Демократический выбор России») – 3.

Председателем Комитет Государственной Думы по делам Содружества Независимых Государств и связям с соотечественниками был избран Г. И. Тихонов («Народовластие»), а заместителями – М. Ю. Вакуленко (ЛДПР), В. В. Игрунов («Яблоко»), А. А. Тягунов (НДР), А. Г. Чехоев (КПРФ). Также в Комитет вошли: Т. Г. Авалиани («Народовластие»), Н. Г. Биндюков (КПРФ), В. М. Ивер (КПРФ), А. И. Лебедь (РР), Ж. М. Лозинская («Народовластие»), В. С. Никитин (КПРФ), Н. И. Рыжков («Народовластие»), Г. М. Садчиков («Яблоко»), Р. И. Султанов («Яблоко»), К. А. Цику (КПРФ), Г. И. Чуркин (АДГ), Р. И. Шугуров (АДГ) [26; 38]. В состав Комитета вошло 17 депутатов, из которых 11 были представителями условных «левых» (КПРФ, АДГ, «Народовластие»), 2 – «центристов» (НДР, РР), 3 – «правых» («Яблоко») и 1 – «национал-патриотов» (ЛДПР).

Комитет по вопросам геополитики возглавил представитель ЛДПР А. В. Митрофанов. Заместителями были избраны Е. В. Бученков (АДГ), А. И. Кувшинов (НДР) и А. И. Никифорова (КПРФ). При этом квота «Яблока» осталась неиспользованной. Кроме них первоначально в Комитет вошли: Г. Э. Бурбулис (независимый депутат), С. М. Жебровский (ЛДПР), В. П. Пешков (КПРФ), А. В. Филатов (ЛДПР). Затем в его состав были включены ещё 5 депутатов от ЛДПР (М. И. Глущенко, В. В. Журко, М. Л. Монастырский, В. В. Пчелкин, С. С. Семенов), что способствовало достижению минимальной численности Комитета. Позже в его состав вошли Е. Ю. Соломатин (ЛДПР) и В. А. Шевченко (ЛДПР) [26; 38]. Из 15 депутатов состава Комитета представителей «левых» (КПРФ, АДГ) насчитывалось 3, «центристов» (НДР) – 1, «национал-патриотов» – 10, «правые» в составе отсутствовали.

Отсюда следует, что в двух из трёх комитетов внешнеполитической направленности преобладали представители «левых», а в рамках Комитета по вопросам геополитики «левые» имели второе по численности представительство, значительно уступая лишь «национал-патриотам» из ЛДПР.

Внешнеполитическое измерение деятельности нижней палаты парламента II созыва характеризовалось увеличением субъектности. «В целом, - отмечал отечественный исследователь В. Н. Колесников, - при сохранении установившегося по Конституции 1993 г. статус-кво в 1996–1999 гг. наблюдалось усиление влияния Думы по ряду позиций. Во-первых, значительно усилилось влияние Думы на законодательный процесс. Сохранив преемственность с первой Думой (150 из 450 депутатов были избраны повторно; свыше 500 законопроектов перешли по наследству от первой Думы ко второй), повысив профессионализм депутатского корпуса, новая Дума стала опережать Президента в законодательном процессе, существенно сокращая и вытесняя «указное право». <...> Таким образом, право главы государства быть законодателем равным, а может быть и превосходящим Государственную Думу, было в этот период разрушено» [380, с. 383–384].

В состав нижней палаты II созыва был избран 31 народный депутат СССР, 55 народных депутатов России и 157 депутатов Госдумы I созыва, что позволило говорить о появлении постоянной профессии – депутат парламента. Укрепилась внутрифракционная дисциплина, проявившаяся в прекращении неконтролируемых и частых переходов из одной фракции в другую. Социально-профессиональный состав нижней палаты сохранил основные характеристики предыдущего созыва. Но в отличие от Госдумы I созыва, где насчитывалось восемь партийных блоков, теперь их стало четыре: КПРФ представляла силы левого спектра, ЛДПР – «державников», «Яблоко» - условных демократов, НДР позиционировалась как «партия власти». При этом специалисты констатировали, что «Вторая Дума всё больше становилась своеобразным клубом спикера, четырёх лидеров фракций и трёх лидеров депутатских групп. Остальные депутаты всё чаще оставались за кадром ...» [380, с. 385].

Специфика состава обусловила следующие тенденции в деятельности нижней палаты парламента, в том числе относительно внешней политики. Во-первых, наблюдается активизация законодательных полномочий. Во-вторых, происходит усиление оппозиционных настроений и нарастание конфронтации с

исполнительной властью, проявившееся как в риторике, так и принятии соответственных решений, среди которых имелись и внешнеполитические инициативы. В-третьих, на фоне экономического и политического кризиса Госдума смогла укрепить свои позиции и выстроить конструктивный диалог с исполнительной властью в лице правительства [254, с. 96–98].

В рамках Государственной Думы III созыва было сформировано 9 депутатских фракций, учитывая значительное снижение, по сравнению с предыдущими созывами, количества депутатов, не состоявших в депутатских объединениях [474, с. 532] (см. таблицу 7). При этом полученные политическими объединениями в результате выборов мандаты не являлись буквальным отражением соотношения сил в Госдуме в связи с тем, что в процессе парламентской деятельности депутаты могли не входить во фракции или примыкать к фракциям других политических объединений. Председателем нижней палаты был переизбран представитель КПРФ Г. Н. Селезнёв, который со временем дистанцировался от этой политической силы, а затем был исключён из партии [380, с. 388–390].

Таблица 7. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации III созыва (18 января 2000 – 11 декабря 2003 гг.) на момент начала деятельности¹⁵

№ п/п	Депутатские объединения	Количество депутатов	Руководитель
1.	Фракция КПРФ	95	Зюганов Г. А.
2.	Фракция «Единство»	81	Грызлов Б. В.
3.	Фракция «Отечество – вся Россия» (ОВР)	43	Примаков Е. М.
4.	Фракция «Союз правых сил» (СПС)	33	Кириенко С. В.
5.	Фракция «Яблоко»	21	Явлинский Г. А.
6.	Фракция ЛДПР	17	Лебедев И. В.
7.	Депутатская группа «Народный депутат» (НД)	58	Райков Г. И.
8.	Депутатская группа «Регионы России (Союз независимых депутатов)»	40	Морозов О. В.
9.	Агропромышленная депутатская группа (АПГ)	35	Харитонов Н. М.
10.	Депутаты, не состоявшие в зарегистрированных депутатских объединениях	17	

¹⁵ Составлено на основе материалов Официального сайта Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации [103].

Учитывая данный расклад сил, соотношение социально-политических групп в ракурсе их внешнеполитических ориентаций представлялось следующим: «левые» (КПРФ, АПГ) – около 130 депутатов, «центристы» («Единство», ОВР, НД, «Регионы России (Союз независимых депутатов)») – около 222 депутатов, «правые» («Союз правых сил», «Яблоко») – около 54 депутатов, «национал-патриоты» (ЛДПР) – около 17 депутатов. Видимое преимущество «центристов» обусловило специфику внешнеполитической деятельности нижней палаты парламента.

В январе 2000 г. на встрече руководителей депутатских объединений под председательством Г. Н. Селезнева было решено сократить число комитетов с 28 до 24. В частности, Комитет по вопросам геополитики был объединён с Комитетом по международным делам, который сохранялся с прежним названием [18; 38].

Комитет по международным делам возглавил Д. О. Рогозин (НД). Заместителями председателя были избраны: А. М. Буратаева («Единство»), Ф. Г. Зиятдинова (РР), В. М. Ивер (АПГ), Л. Э. Слуцкий (ЛДПР), А. А. Шабанов (КПРФ), С. Н. Шишкарев (НД). Помимо них в состав Комитета вошли: Г. Е. Гамза (КПРФ), В. Ф. Кныш (КПРФ), Ф. Ш. Сафиуллин (РР), В. И. Севастьянов (КПРФ), В. О. Семенов («Единство»), В. И. Тихонов (КПРФ), Б. А. Березовский (независимый депутат), А. А. Гузанов (ЛДПР), В. А. Купцов (КПРФ), К. И. Косачев (ОВР) (впоследствии стал заместителем председателя Комитета), О. Г. Наумов (СПС). При этом в июле 2000 г., с формулировкой «по собственному желанию», депутатские полномочия сложил Б. А. Березовский [18; 41]. Из 18 депутатов состава Комитета представителей «левых» (КПРФ, АПГ) насчитывалось 7, «центристов» («Единство», ОВР, НД, «Регионы России (Союз независимых депутатов)») – 7, «правых» (СПС) – 1, «национал-патриотов» (ЛДПР) – 2. Двое депутатов позиционировались как «независимые».

Председателем Комитета по делам Содружества Независимых Государств и связям с соотечественниками – в соответствии с пакетным соглашением – был избран представитель ОВР Б. Н. Пастухов. Его заместителями стали:

С. Н. Апатенко («Единство»), В. В. Игрунов («Яблоко»), В. И. Орлов (НД), Г. И. Тихонов (РР), А. Г. Чехоев (КПРФ), Г. И. Чуркин (АПГ). Кроме того, в Комитет вошли: В. С. Никитин (КПРФ), Н. Г. Биндюков (КПРФ), А. А. Сизов (ОВР) и Ф. И. Гайнуллина (ОВР) (впоследствии стала заместителем председателя Комитета), Е. М. Примаков (ОВР) [18; 41]. В состав Комитета вошло 12 депутатов, из которых 4 относились к «левым» (КПРФ, АПГ) политическим силам, 7 – к «центристам» («Единство», ОВР, НД, «Регионы России (Союз независимых депутатов)»), 1 – к «правым» («Яблоко»). Представители «национал-патриотов» в состав Комитета не входили.

Состав нижней палаты парламента III созыва характеризовался рядом особенностей. В него вошли 163 депутата Госдумы II созыва и 11 депутатов – I созыва. 34 – перед избранием являлись депутатами органов законодательной власти субъектов РФ. 59 – занимали должности в исполнительных органах власти. Примечательно, что депутатские мандаты получили более 30 бывших руководителей исполнительных органов власти высшего уровня: бывшие председатели и заместители союзного и российского правительств, министры и руководители других федеральных ведомств, бывшие главы администраций субъектов РФ. Ряды депутатов в этот период пополнило рекордное число бывших премьер-министров государства: Е. Т. Гайдар, В. С. Черномырдин, С. В. Кириенко, Е. М. Примаков, С. В. Степашин. Также депутатами стали 10 бывших федеральных министров, 3 бывших первых вице-преьера, 2 бывших вице-преьера, 2 бывших губернатора, бывший директор ФСБ и несколько известных олигархов. Более 40 депутатов являлись бывшими военнослужащими, 90 – представителями деловых кругов. По сравнению с прошлым созывом было избрано меньше работников научных учреждений и центров, преподавателей, а также руководителей высших и средних учебных заведений [380, с. 387–389].

На результаты голосований, в том числе по вопросам международно-политической сферы, оказывало влияние то обстоятельство, что с декабря 1999 по весну 2001 гг. в нижней палате парламента проправительственные силы были разобщены, поэтому исполнительная власть была вынуждена придерживаться

тактики «двойного большинства». Поддерживаемая исполнительной властью «центристская» фракция «Единство» и их союзники, депутатская группа «Народный депутат», вступали в тактические союзы с аграриями, коммунистами и либералами, исходя из целесообразности принятия законопроектов конкретной направленности. При этом, по мнению исследователей, «Единство» и ОВР можно было считать «проектами» исполнительной власти, а поддерживавшие их «Народный депутат» и «Регионы России» формировались в основном из депутатов-одномандатников [254, с. 104–105]. В апреле 2001 г. было объявлено о начале объединения «Единства» и ОВР, последующем создании на их основе единой партии и организации в Думе коалиции из четырёх центристских фракций и групп («Единство», ОВР, «Народный депутат», «Регионы России»), что способствовало образованию устойчивого большинства, лояльного к исполнительной власти [180, с. 21].

Важной особенностью функционирования Государственной Думы III созыва стало «стирание» идеологических расхождений между соперничавшими политическими объединениями. В частности, «Единство» и КПРФ как политические организации не являлись ярко выраженными идеологическими антиподами. «На рубеже веков, - отмечают отечественные эксперты, - становилось всё очевиднее, что будущее России формируется не в столкновении разных политических программ, а в открытом и закрытом переговорном процессе высшей государственной власти (Президент, Правительство) со структурами, обладающими реальной властью в национальной экономике и политике (естественные монополии, промышленные и финансовые «олигархи», армия, МВД и ФСБ), а также в региональной экономике и политике (президенты и губернаторы крупнейших республик и областей)» [380, с. 390–391].

По результатам выборов в Государственную Думу IV созыва прошли 3 политические партии («Единая Россия», КПРФ, ЛДПР) и 1 блок («Справедливая Россия – «Родина» (народно-патриотический союз)»), сформировав одноимённые фракции (см. таблицу 8). При этом в 2005 г. в результате раскола фракции «Справедливая Россия – «Родина» (народно-патриотический союз)» на базе

партии «Народная воля» была создана фракция «Родина (Народная воля – СЕПР)» (руководитель С. Н. Бабурин), в которую входило до 11 депутатов [380, с. 395]. Председателем нижней палаты парламента был избран представитель фракции «Единая Россия» Б. В. Грызлов [272, с. 72–73].

Таблица 8. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации IV созыва (29 декабря 2003 – 24 декабря 2007 гг.) на момент начала деятельности¹⁶

№ п/п	Депутатские объединения	Количество депутатов	Руководитель
1.	Фракция «Единая Россия»	300	Грызлов Б. В.
2.	Фракция КПРФ	52	Зюганов Г. А.
3.	Фракция ЛДПР	36	Лебедев И. В.
4.	Фракция «Справедливая Россия – «Родина» (народно-патриотический союз)»	36	Глазьев С. Ю., Рогозин Д. О.
5.	Депутаты, не состоявшие в зарегистрированных депутатских объединениях	23	

При таком раскладе сил фракция «Единая Россия» получала конституционное большинство, что позволяло принимать любые федеральные законы и поправки к Конституции. Впоследствии новое парламентское большинство принимает решение о том, что именно «Единая Россия» должна нести политическую ответственность за результаты деятельности Государственной Думы IV созыва. Поэтому главами всех 29 комитетов нижней палаты парламента были избраны представители этой фракции [254, с. 107]. С этого периода традиционное разделение депутатского корпуса на социально-политические группы («левые», «центристы», «правые», «национал-патриоты») – в том числе относительно внешнеполитических ориентаций – не может считаться функциональным в силу доминирования в нижней палате парламента «партии власти» (поддерживающей политику Президента и Правительства РФ), сначала выступающей с позиций «центризма» и «консерватизма» (предполагая государственнические идеи и прагматизм), а с 2015 г. – «правоцентризма» и «либерального консерватизма» [59; 64; 65]. Тем не менее, стоит отметить, что в дальнейшем к «левым» по-прежнему относилась КПРФ (внешнеполитическая

¹⁶ Составлено на основе материалов Официального сайта Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации [103].

часть программы которой существенно не менялась) [62; 99] и «Справедливая Россия» (занимавшая социал-демократические позиции) [63], а в качестве «национал-патриотов» позиционировалась ЛДПР [58]. Особенности их внешнеполитических предпочтений, проявившиеся в высказываниях и результатах голосований, будут рассмотрены в следующих пунктах диссертации.

Так, председателем Комитета по международным делам был избран К. И. Косачёв («Единая Россия»). Заместителями председателя стали: Ю. А. Квицинский (КПРФ), Л. Э. Слуцкий (ЛДПР), А. А. Карелин («Единая Россия»), А. А. Козловский («Единая Россия»), В. Ф. Кузнецов («Единая Россия»), З. А. Муцоев («Единая Россия»), Н. А. Нарочницкая («Родина»). В состав Комитета также вошли: И. В. Баринов («Единая Россия»), В. А. Богомолов («Единая Россия»), А. А. Ермолин («Единая Россия»), А. Д. Жуков («Родина»), А. В. Островский (ЛДПР), В. И. Севастьянов (КПРФ), Ш. З. Султанов («Родина») [19; 42]. Из 15 депутатов состава Комитета 8 представляли «Единую Россию», 2 – КПРФ, 2 – ЛДПР, 3 – «Родину».

Комитет по делам Содружества Независимых Государств и связям с соотечественниками возглавил А. А. Кокошин («Единая Россия»). Заместителями председателя были избраны: А. Г. Билалов («Единая Россия»), С. В. Антуфьев («Единая Россия»), М. И. Аушев («Единая Россия»), А. Е. Лебедев («Единая Россия»), В. С. Никитин (КПРФ), А. Н. Савельев («Родина»), В. Е. Чуров (ЛДПР). Членами Комитета являлись Г. Г. Голиков («Единая Россия»), К. Ф. Затулин («Единая Россия») [19; 42]. В состав Комитета входило 10 депутатов, 7 из которых являлись членами «Единой России», 1 – КПРФ, 1 – ЛДПР, 1 – «Родины».

В числе особенностей состава Государственной Думы IV созыва отмечается высокая степень преемственности: 224 депутата имели опыт работы в предыдущих созывах [272, с. 73]. 42 депутата ранее являлись депутатами законодательных (представительных) органов субъектов РФ или представительных органов местного самоуправления. 46 – работали в федеральных и региональных органах исполнительной власти. 11 – были военнослужащими или работниками правоохранительных органов.

Традиционным стало значительное представительство в Думе руководителей федеральных и региональных отделений политических партий и общественных организаций. Более 60 депутатов ранее являлись предпринимателями и руководителями различных предприятий, 18 – занимались научной, экспертно-консультативной и преподавательской деятельностью, 5 – были журналистами, 4 – врачами, 14 – помощниками депутатов или в рамках Аппарата нижней палаты парламента [380, с. 394].

При этом среди депутатов представителей госсектора насчитывалось меньше, нежели в составах предыдущих созывов – 50,6 %. Доля преподавательского сектора также уменьшилась, составив 4,9 %. Число «синих воротничков» за десять лет уменьшилось почти в 11 раз: с 2,4 % в 1993 г. до 0,22 % в 2003 г. Уровень представительства добывающих отраслей промышленности и сельского хозяйства также снизился до 5 % в 2003 г. В то же время в Госдуме почти в 3 раза возросла доля военных: с 3,9 % в 1993 г. до 11,6 % в 2003 г. В 1,5 раза за десять лет возросло представительство менеджмента и крупного бизнеса: 44,4 % в 2003 г. В 2,4 раза (1,8 % состава Госдумы в 2003 г.) уменьшилась доля представителей юридических специальностей. Ещё больше – в 4,2 раза за десять лет – снизился удельный вес судей и прокуроров, включая работников независимых судебных органов: 0,4 % в 2003 г. В 2 раза (до 4,1 % в 2003 г.) уменьшилось число журналистов [274, с. 311–315].

Характеризуя специфику функционирования Государственной Думы в этот период, отечественные исследователи отмечали, что «две главные особенности определяют политическое лицо российского парламента образца 2004 г. и отличают его от предыдущих созывов: наличие конституционного большинства, сконцентрированного в одной из фракций, и отсутствие оппозиционных фракций, готовых последовательно отстаивать либеральные ценности. Такая расстановка сил, по сути, предопределяет направление законодательного процесса – все принятые решения должны или исходить от крупнейшей фракции или поддерживаться ею, прочим депутатам и фракциям остаётся только демонстративно выражать свою позицию путём голосования» [180, с. 177].

По оценкам экспертов, с этого момента начинается новый этап в развитии политической системы России, проявляющийся, среди прочего, в том, что конституционное большинство в нижней палате парламента является лояльно настроенным по отношению к исполнительной власти, оказывая максимальную поддержку политическому и социально-экономическому курсу Президента. Характерной чертой данного этапа представляется централизация власти [474, с. 533–534]. «За десять лет своего существования (1994–2004 гг.), - акцентировал отечественный учёный В. Н. Курьянов, - российский парламент из оппозиционного федеральной власти превратился в парламент, поддерживающий политику, проводимую Президентом РФ и исполнительными органами государственной власти» [418, с. 304]. Отмеченные тенденции обусловили и внешнеполитическое измерение деятельности Государственной Думы в этот период.

В Государственную Думу V созыва по итогам выборов прошли 4 партии («Единая Россия», «КПРФ», ЛДПР «Справедливая Россия»), которые сформировали одноимённые фракции (см. таблицу 9). Председателем нижней палаты парламента был переизбран представитель «Единой России» Б. В. Грызлов [39, с. 28].

Таблица 9. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации V созыва (24 декабря 2007 – 21 декабря 2011 гг.) по состоянию на момент начала деятельности¹⁷

№ п/п	Депутатские объединения	Количество депутатов	Руководитель
1.	Фракция «Единая Россия»	315	Грызлов Б. В.
2.	Фракция КПРФ	57	Зюганов Г. А.
3.	Фракция ЛДПР	40	Лебедев И. В.
4.	Фракция «Справедливая Россия»	38	Левичев Н. В.

Комитет по международным делам возглавил К. И. Косачёв («Единая Россия»), первыми заместителями которого были избраны Ю. А. Квицинский (КПРФ) и Л. Э. Слуцкий (ЛДПР), заместителями – А. А. Климов («Единая Россия»), А. А. Козловский («Единая Россия»),

¹⁷ Составлено на основе источника [27, с. 710].

З. А. Муцоев («Единая Россия»). Также в Комитет вошли: В. Н. Богомолов («Единая Россия»), А. А. Карелин («Единая Россия»), А. Н. Клюкин («Единая Россия»), Р. В. Кондратов («Единая Россия»), И. И. Саввиди («Единая Россия»), А. С. Стародубец («Единая Россия»), М. Б. Терентьев («Единая Россия») [39, с. 354–355]. Из 13 депутатов состава Комитета 11 представляли «Единую Россию», 1 – КПРФ и 1 – ЛДПР.

Председателем Комитета Государственной Думы по делам Содружества Независимых Государств и связям с соотечественниками был избран А. В. Островский (ЛДПР), первым заместителем стал К. Ф. Затулин («Единая Россия»), заместителями – А. А. Корендясев («Единая Россия»), Т. Н. Москалькова («Справедливая Россия»), А. С. Фадзаев («Единая Россия»). В Комитет также вошли А. А. Козерадский («Единая Россия»), В. А. Малашенко («Единая Россия»), В. С. Никитин (КПРФ) [39, с. 355–356]. В состав Комитета входило 8 депутатов, из которых 5 являлись членами «Единой России», 1 – КПРФ, 1 – ЛДПР, 1 – «Справедливой России».

Состав Государственной Думы V созыва характеризовался существенным обновлением депутатского корпуса при сохранении преемственности. 212 человек впервые стали депутатами нижней палаты парламента. При этом 233 из вошедших в её состав уже имели опыт работы в Государственных Думах разных созывов, 9 – были народными депутатами СССР и 13 – народными депутатами РСФСР. Традиционно значительное количество депутатов ранее работали в федеральных и региональных органах исполнительной власти и органах местного самоуправления. В Думу вошли военнослужащие, сотрудники спецслужб и органов внутренних дел, в том числе занимавшие ранее командные должности. Представители этой категории преимущественно получали места в составе комитетов по безопасности, по международным делам, по обороне, по делам СНГ и связям с соотечественниками. Как и в рамках Дум предыдущих созывов, одной из наиболее многочисленных категорий стали предприниматели и управленцы, представляющие малый, средний и крупный бизнес. Среди прошедших в состав имелись представители коммерческих банков, предприятий строительного

бизнеса, агробизнеса, телекоммуникационной сферы и рекламной индустрии. В частности, 80 человек являлись предпринимателями, руководителями акционерных обществ и компаний иных форм собственности, консультантов, менеджеров, руководителей некоммерческих партнёрств. Также в состав нижней палаты парламента вошли руководители ряда профсоюзных организаций, политических партий, региональных партийных организаций, общественных объединений. По традиции депутатский корпус пополнили видные представители науки, образования, культуры и спорта [27; 29].

Подобный расклад сил обусловил важную особенность функционирования нижней палаты парламента в указанный период, проявившуюся в том, что фракция «Единая Россия», усилив свои позиции и сформировав конституционное большинство, выступила «в качестве единственного представителя исполнительной власти и действенного инструмента проведения её воли в парламенте России» [254, с. 111].

В результате выборов в Государственную Думу VI созыва прошли 4 – входившие в предыдущий состав нижней палаты парламента – партии («Единая Россия», КПРФ, ЛДПР «Справедливая Россия»), которыми были образованы фракции с аналогичным названием (см. таблицу 10). Председателем был избран представитель «Единой России» С. Е. Нарышкин [60].

Таблица 10. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации VI созыва (21 декабря 2011 – 5 октября 2016 гг.) на момент начала деятельности¹⁸

№ п/п	Депутатские объединения	Количество депутатов	Руководитель
1.	Фракция «Единая Россия»	238	Воробьёв А. Ю. (до 9 ноября 2012 г.) Васильев В. А.
2.	Фракция КПРФ	92	Зюганов Г. А.
3.	Фракция «Справедливая Россия»	64	Миронов С. М.
4.	Фракция ЛДПР	56	Жириновский В. В.

Комитет по международным делам возглавил А. К. Пушкин («Единая Россия»), первыми заместителями председателя стали С. С. Журова («Единая

¹⁸ Составлено на основе источника [43, с. 412].

Россия»), Л. И. Калашников (КПРФ), заместителями – И. И. Квитка («Единая Россия»), А. Л. Романович («Справедливая Россия»), В. В. Терешкова («Единая Россия»). В Комитет также вошли: А. М. Бабаков («Единая Россия»), Б. В. Громов («Единая Россия»), М. М. Заповев (КПРФ), Я. В. Зелинский (ЛДПР), А. А. Карелин («Единая Россия»), Н. В. Левичев («Справедливая Россия»), А. А. Махмутов («Единая Россия»), А. А. Музыкаев («Справедливая Россия»), Ш. Ю. Саралиев («Единая Россия»), Р. И. Худяков (ЛДПР), А. Л. Шхагошев («Единая Россия») [44, с. 372–373]. Из 17 депутатов состава Комитета 10 представляли «Единую Россию», 3 – «Справедливую Россию», 2 – КПРФ, 2 – ЛДПР.

Председателем Комитета по делам Содружества Независимых Государств, евразийской интеграции и связям с соотечественниками был избран К. Э. Слуцкий (ЛДПР), первыми заместителями – О. В. Лебедев («Единая Россия») и К. К. Тайсаев (КПРФ), заместителями – Т. Н. Москалькова («Справедливая Россия») и З. А. Муцоев («Единая Россия»). Кроме того, членами Комитета стали: Д. Н. Гасанов («Справедливая Россия»), И. Ю. Дроздов (ЛДПР), Б. О. Комоцкий (КПРФ), С. П. Кузин («Единая Россия»), В. Н. Лихачёв (КПРФ), О. В. Пахолков («Справедливая Россия»), И. А. Ревин (КПРФ), И. К. Роднина («Единая Россия»), В. А. Симагин (КПРФ), А. В. Скоч («Единая Россия»), В. В. Соколов (ЛДПР), Р. А. Шлегель («Единая Россия») [44, с. 373]. В Комитет входило 17 депутатов, из которых 6 являлись членами «Единой России», 5 – КПРФ, 3 – ЛДПР и 3 – «Справедливой России».

Состав депутатского корпуса нижней палаты парламента в этот период характеризовался проявлением устойчивых тенденций, имевших место в прежних составах Думы. Среди депутатов (особенно членов фракции КПРФ) был распространён опыт работы в политико-административных органах власти в советский период (таковых во всех фракциях насчитывалось 27 % состава), с учётом общей тенденции снижения доли номенклатуры в парламенте. 44 % имели опыт работы в Государственной Думе V созыва, 27 % – в трёх и более созывах, 3 % – во всех шести созывах. 8 % депутатов перед избранием работали в

административных структурах разного уровня (Администрации Президента РФ, Аппарате Правительства РФ, федеральных и региональных органах исполнительной власти, местных администрациях). Каждый седьмой депутат получил образование в подведомственных силовым структурам вузах, и каждый шестой работал (не считая службы по призыву) в силовых структурах: Министерстве обороны, ФСБ (КГБ), МВД, МЧС, ФСИН, СВР, ФСО, ФСКН, ГФС, ГУСП, ФТС, ФСНП. 51 % депутатов имели опыт работы на ключевых должностях (генеральные директора, президенты, председатели правления, председатели совета директоров и их заместители, директора по направлениям) в экономических (коммерческих) структурах либо были индивидуальными предпринимателями. Из них 16 % – занимали подобные должности перед избранием в Думу. Если учитывать депутатов, которые в постсоветское время были крупными совладельцами фирм, то общая доля выходцев из бизнеса достигнет 56%. 4 % депутатов можно отнести к представителям крупного капитала в соответствии со следующими критериями: занимали ключевые должности в компаниях, входивших в список крупнейших (по версии журнала «Эксперт») или в контролируемых ими фирмах, а также в бизнес-структурах, которые были крупными акционерами таких компаний; на момент избрания или во время работы в Думе были крупными совладельцами фирм, входящих в тот же рейтинг; входили в список богатейших бизнесменов (по версии журнала «Forbes») в 2011–2016 гг., то есть перед избранием или в период работы в нижней палате парламента. Почти все они представляли фракцию «Единая Россия» и только один являлся членом «Справедливой России». При этом чаще такие депутаты перед избранием руководили компаниями, в которых контролирующими акционерами являлись крупнейшие фирмы: «Газпром», «Татнефть», «КамАЗ» и др. Также в Думе были представлены юристы (4 %), работники научно-образовательной сферы (4 %), выходцы из рабочего класса (1 %) и те, кто на момент избрания занимал неключевые позиции в экономических структурах (3 %) [648; 649].

Таким образом, «Единая Россия», несмотря на потерю конституционного, сохранила парламентское большинство. При этом КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия» увеличили своё представительство по сравнению с предыдущим созывом нижней палаты парламента [474, с. 536]. Вместе с тем, привычной особенностью Думы стало наличие пропрезидентского большинства. Характеризуя указанную тенденцию, отечественные исследователи отмечали: «... с 1999 года до выборов 2011 года можно наблюдать серьёзное укрепление исполнительной власти и снижение самостоятельности парламента. Снижение политической роли парламента происходит в результате постепенного изменения избирательного законодательства с одновременным продвижением проекта «партия власти». Итогом стало формирование в Государственной Думе пятого созыва пропрезидентского большинства, представленного гегемонией партии «Единая Россия», что сохранилось и в Думе шестого созыва» [254, с. 113].

В соответствии с итогами выборов в Государственную Думу VII созыва прошли партии, которые входили в состав нижней палаты парламента предыдущих двух созывов, образовав одноимённые фракции (см. таблицу 11): «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия». Кроме того, 3 депутата (представители партий «Родина», «Гражданская платформа» и самовыдвиженец), избранные по одномандатным округам, значились не входящими во фракции [116; 169]. Председателем Госдумы был избран представитель «Единой России» В. В. Володин.

Таблица 11. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации VII созыва (5 октября 2016 – 12 октября 2021 гг.) на момент начала деятельности¹⁹

№ п/п	Депутатские объединения	Количество депутатов	Руководитель
1.	Фракция «Единая Россия»	343	Васильев В. А. (до 3 октября 2017 г.) Неверов С. И. (с 9 октября 2017 г.)
2.	Фракция КПРФ	42	Зюганов Г. А.
3.	Фракция ЛДПР	39	Жириновский В. В.
4.	Фракция «Справедливая Россия»	23	Миронов С. М.
5	Депутаты, не входящие во фракции	3	

¹⁹ Составлено на основе источника [35, с. 230].

Главой Комитета по международным делам избирается Л. Э. Слуцкий (ЛДПР). Первыми заместителями председателя стали С. С. Журова («Единая Россия») и Д. Г. Новиков (КПРФ), заместителями – А. Е. Карпов («Единая Россия»), И. К. Роднина («Единая Россия»), А. В. Чепан («Справедливая Россия»). Также в Комитет вошли: Т. О. Алексеева («Единая Россия»), Р. Б. Боташев («Единая Россия»), М. А. Гадыльшин («Единая Россия»), З. Д. Геккиев («Единая Россия»), С. В. Железняк («Единая Россия»), С. В. Маринин (ЛДПР), В. В. Милонов («Единая Россия»), А. Ю. Морозов (ЛДПР), З. А. Муцоев («Единая Россия»), Г. З. Омаров («Справедливая Россия»), Е. В. Панина («Единая Россия»), Е. А. Примаков («Единая Россия»), А. В. Скоч («Единая Россия»), Е. В. Строкова (ЛДПР), А. Н. Чилингаров («Единая Россия»), С. А. Шаргунов (КПРФ), И. А. Юмашева («Единая Россия») [40, с. 362–363]. Из 23 депутатов состава Комитета 15 представляли «Единую Россию», 4 – ЛДПР, 2 – КПРФ и 2 – «Справедливую Россию».

Комитет по делам Содружества Независимых Государств, евразийской интеграции и связям с соотечественниками возглавил Б. И. Калашников (КПРФ). Первым заместителем председателя был избран К. Ф. Затулин («Единая Россия»), заместителями председателя – В. П. Водолацкий («Единая Россия») и У. М. Умаханов («Единая Россия»). Также членами Комитета стали: Ж. И. Алфёров (КПРФ), И. И. Белеков («Единая Россия»), И. Х. Зиннуров («Единая Россия»), Г. А. Зюганов (КПРФ), А. А. Кавинов («Единая Россия»), В. И. Катенёв («Единая Россия»), Ю. Н. Мищеряков («Единая Россия»), К. К. Тайсаев (КПРФ), А. В. Туров («Единая Россия»), П. В. Шперов (ЛДПР) [40, с. 363]. В Комитет входило 14 депутатов, 9 из которых являлись членами «Единой России», 4 – КПРФ и 1 – ЛДПР.

Состав депутатского корпуса Государственной Думы претерпел определённые изменения в сравнении с предыдущим созывом. Так, увеличилось число бывших глав муниципальных образований (с 6 до 34) и спикеров региональных парламентов (с 4 до 11). Если в состав предыдущего созыва нижней

палаты парламента входило 3 бывших губернатора, то в нынешнем таковые отсутствуют. Значительно увеличилось количество бюджетников и профсоюзных деятелей: с 28 до 64 депутатов. Число деятелей культуры практически не изменилось, увеличившись с 5 до 6 человек. Несколько увеличилось количество представителей медиа-бизнеса и журналистов (с 6 до 11). Увеличилось число депутатов, представлявших команды губернаторов и региональную номенклатуру: с 28 до 45. Незначительно уменьшилось представительство крупного федерального бизнеса: с 25 до 22 человек. Количество представителей госкорпораций не изменилось, составив 8 депутатов. Показатели присутствия силового лобби несколько уменьшились (с 25 человек в 2011 г. до 21 – в 2016 г.). Возросло число космонавтов: с 2 до 5 депутатов. Заметно снизились количественные показатели присутствия регионального и межрегионального бизнеса (включая представителей аграрного лобби): со 116 до 97 человек. Практически не изменилось представительство спортсменов и спортивных чиновников, увеличившись с 14 до 19 депутатов. При этом показательным является заметное уменьшение количества профессиональных политиков (общественных деятелей, «профессиональных депутатов», партийной и федеральной номенклатуры): если в Госдуме VI созыва таковых значилось 182 депутата, то в нижней палате парламента VII созыва – 129 [423, с. 69].

По результатам выборов «Единая Россия» увеличила своё присутствие в нижней палате парламента по сравнению с предыдущим созывом на более чем сто мест, получив конституционное большинство и статус самой большой фракции в истории российского парламентаризма. На этом фоне остальные партии получили значительно меньшее число мест, нежели в Думе предыдущего созыва [35; 40; 43], что привело к существенному ослаблению их позиций и возможностей оказывать влияния на процесс принятия решений. В этом отношении деятельность нижней палаты парламента – в том числе во внешнеполитической сфере – характеризовалась, с одной стороны, уменьшением «скандальности» и повышением централизации законотворческого процесса (что сопряжено с увеличением степени зависимости депутатов от позиции их

фракции), с другой стороны, ростом политического влияния руководства Госдумы [423, с. 77].

Резюмируя сказанное, можно сделать следующие выводы.

Внешнеполитическое измерение процесса принятия решений в Государственной Думе I созыва обуславливалось отсутствием в её рядах жёсткой фракционной дисциплины и подавляющего преимущества у какой-либо из политических сил, что способствовало широкому ситуативному взаимодействию по конкретным вопросам. Важной особенностью стало то, что более 40 % депутатского состава позиционировались как прямая оппозиция исполнительной власти. Доля «партий власти» - «Выбор России» и ПРЭС – составляла около 20 %. Значительную роль в координации усилий различных политических сил сыграла деятельность председателя нижней палаты парламента, занявшего центристские позиции. В социально-профессиональном отношении больше половины состава депутатского корпуса являлись представителями госсектора, почти треть – менеджмента и бизнеса, около 4 % - «силовых» структур.

Деятельность Государственной Думы II созыва обуславливалась особенностями её состава, в котором преобладали оппозиционно настроенные политики левой ориентации (представляющие фракцию КПРФ, АДГ и депутатскую группу «Народовластие»), получившие в сумме более 220 мест. В роли «партии власти», поддерживающей курс Президента и Правительства, выступил блок НДР. На фоне укрепления внутрифракционной дисциплины и повышения профессионализма депутатского корпуса усилилось влияние Госдумы на законодательный процесс. При этом условия для принятия решений евроатлантической и либеральной направленности практически отсутствовали. Также сократились возможности для законодательного закрепления центристских внешнеполитических установок.

В Государственной Думе III созыва до весны 2001 г. проправительственные силы – «Единство» и ОВР – были разобщены, вынужденно вступая в тактические союзы с аграриями, коммунистами и либералами. После этого была образована коалиция из четырёх центристских фракций и групп («Единство», ОВР,

«Народный депутат», «Регионы России»), которая поддерживала инициативы исполнительной власти. Состав депутатского корпуса характеризовался увеличением числа бывших представителей органов исполнительной власти, деловых и военных кругов. Значимой особенностью этого периода стало то, что характер голосований зачастую определялся не идеологическими приоритетами депутатских объединений, а их тактическими соображениями и спецификой переговорного процесса высшей государственной власти и структур, обладающих реальной властью в экономике и политике.

В рамках Государственной Думы IV созыва конституционное большинство получила фракция «Единая Россия», обретя особые возможности влияния на процесс формирования и принятия решений, в том числе связанных с международно-политической сферой. В составе Госдумы уменьшается доля представителей госсектора и «синих воротничков» и увеличивается уровень представительства военных, менеджмента и крупного бизнеса. С этого периода начинает проявляться особенность, когда все принятые в нижней палате парламента решения должны так или иначе поддерживаться «партией власти», а прочие депутаты и фракции могут лишь выразить свою позицию, что, в известном смысле, не влияет на конечный результат. При этом конституционное большинство стабильно поддерживает инициативы Президента и исполнительной власти.

В составе Государственной Думы V созыва представляющая интересы исполнительной власти фракция «Единая Россия» укрепила свои позиции, снова получив конституционное большинство. Состав нижней палаты парламента существенно обновился при сохранении преемственности в соотношении сил и особенностях процесса принятия решений, характерных для предыдущего созыва, в том числе относительно внешнеполитических вопросов.

В Государственной Думе VI созыва «Единая Россия» потеряла конституционное большинство, сохранив парламентское. Персональный состав характеризовался увеличением представительства бизнеса и силовых структур, а также в целом проявлением устойчивых тенденций. При этом большая часть

вошедших в состав нижней палаты парламента фракций привычно поддерживали президентский внешнеполитический курс.

В рамках Государственной Думы VII созыва на фоне уменьшения представительства трёх «старых» партий конституционное большинство поучила «Единая Россия». В составе нижней палаты парламента уменьшилось представительство федерального, регионального и межрегионального бизнеса, силовых структур, профессиональных политиков и увеличилось количество бюджетников, профсоюзных деятелей и региональной номенклатуры. Процесс принятия решений, связанных с внешней политикой, был обусловлен усилением позиций «партии власти» и централизацией законотворческой деятельности.

Таким образом, представляется, что эволюцию персонального состава Государственной Думы в контексте его возможностей оказывать влияние на внешнюю политику – руководствуясь спецификой ресурсов и соотношения сил – можно условно разделить на два периода. Первый период характеризуется функционированием нижней палаты парламента I – начального этапа III созывов в условиях относительного плюрализма, конкурентных (а временами – конфликтных) отношений с исполнительной властью и достаточно высокой степени субъектности в плане принятия решений, связанных с внешнеполитическим процессом. Начиная с весны 2001 г., руководствуясь примером деятельности Госдумы III созыва (с рядом оговорок относительно сроков проявления изменений, в большей степени характерных для Госдумы IV созыва), целесообразно выделять второй период, когда происходит постепенное уменьшение субъектности нижней палаты парламента при усилении позиций исполнительной власти (в том числе, в рамках парламентских институтов) относительно воздействия на государственную внешнюю политику.

ГЛАВА 4. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ I–VII СОЗЫВОВ

4.1. Международно-политическое измерение инициатив и решений Государственной Думы I–III созывов

Голосования по вопросам, затрагивающим сферу внешней политики и международных отношений, являются основными формами участия нижней палаты отечественного парламента во внешнеполитическом процессе и возможностями оказать на него влияние. В Регламенте отмечается, что Государственная Дума уполномочена рассматривать внешнеполитические вопросы как по собственной инициативе, так вследствие обращений Президента, докладов и сообщений Правительства и комитетов палаты. При этом подразумеваются не только ратификации и денонсации международных договоров, но и право нижней палаты парламента выступать с инициативой проектов заявлений и обращений, выражающих её позицию по проблемам международно-политической направленности [126]. Значительное влияние на внешнюю политику могут оказывать и голосования по темам, которые имеют косвенное отношение к внешнеполитической сфере [388, с. 84]. В связи с этим в данном подразделе будет рассмотрена общая тематика и динамика обозначенных голосований в целом, а также в зависимости от их разновидности.

Заявления и обращения традиционно используются нижней палатой отечественного парламента в различных ситуациях, но с общей целью: донесение собственной позиции по конкретному вопросу до российской и / или зарубежной общественности разного уровня. Наиболее распространёнными условиями применения заявлений и обращений являются следующие: необходимость быстрой реакции на значимое событие, положительного или отрицательного характера; стремление напомнить о существующем определённое время конфликте, проблемы которого остаются актуальными; выражение позиции в отношении стратегического партнёрства [388, с. 97]. Что касается таких форм

принятия решений как постановления, то таковые носят преимущественно организационный характер, затрагивая вопросы формирования каких-либо депутатских групп с целью участия в международных организациях и кадровых назначений в рамках их состава [388, с. 111]. Поэтому рассмотрение постановлений не является показательным в контексте изучения внешнеполитического измерения деятельности нижней палаты парламента, которое в большей степени характеризуется динамикой и тематикой принятых заявлений, обращений и федеральных законов.

Учитывая целевое предназначение и особенности его реализации, наиболее функциональными формами воздействия Государственной Думы на внешнюю политику представляются принимаемые заявления, обращения и федеральные законы, имеющие отношение к международно-политической плоскости. При этом важным показателем является соответствие их содержания доктринальным основам государственной внешней политики и официальным заявлениям представителей исполнительной власти. Изучение этих параметров помогает выявить степень лояльности нижней палаты парламента официальному курсу государства и специфику её взаимодействия с исполнительной властью в процессе формирования и реализации внешней политики.

Для обоснования соотношения внешнеполитических усилий нижней палаты парламента с официальной позицией государства, следует иметь представление о сущности доктринальных основ внешней политики, которые в теории должны оказывать непосредственное влияние на характер голосований депутатов по данному направлению. Так, к своим обязанностям Государственная Дума I созыва приступила в январе 1994 г. в условиях действия «Основных положений концепции внешней политики Российской Федерации» [76], которые были утверждены Президентом Б. Н. Ельциным 23 апреля 1993 г., став первым концептуальным документом, определявшим основы государственной внешней политики в постсоветский период. Содержание данного документа обуславливалось преобладающим тогда в российском руководстве мнением о том, что России необходимо позиционировать себя в качестве демократического

государства, разделяющего общие ценности с коллективным Западом. «Концептуальные основы внешней политики России, - акцентировали отечественные исследователи, - были приняты в сложный для страны период, когда наряду с бесспорными и логичными для любого государства целями и задачами декларировались далёкие от объективности оценки места и роли страны в постбиполярный период, а также романтические, излишне радужные прогнозы формирования нового, демократического и равноправного, мирового порядка. При этом многие важнейшие проблемы, стоящие перед новой Россией, излагались в общем плане либо вообще не находили своего отражения» [260, с. 26–27].

Помимо обозначенных причин, к таким особенностям содержания доктринальных основ внешней политики приводили неоправданные надежды российских элит на помощь Запада в реформировании отечественной экономики [710, с. 26], находившейся в тяжелейшем положении. В этом контексте крупномасштабные заимствования стали важным условием экономического выживания России [261, с. 66], что определённым образом сказывалось на характере концептуальных документов и специфике их реализации.

Руководствуясь логикой мир-системного анализа, следует отметить, что Российская Федерация в этот период находилась в положении полупериферии в условиях повышательной волны циклов Кондратьева (с начала 1980-х гг. до начала 2000-х гг.), динамичного развития стран Запада, фазы технологической революции (1981–2005 гг.) в рамках полных циклов эволюции мировой политической и экономической системы, а также внутренних либеральных реформ (с 1985 до 2000 г.). Эти обстоятельства предопределили настроения элит и особенности содержания концептуальных документов во внешнеполитической сфере.

Примечательно, что западное экспертное сообщество также констатировало отсутствие реализма в подходах первых доктринальных основ российской внешней политики. В частности, некоторые американские исследователи приходили к выводу, что в этот период российские элиты надеялись на помощь или лояльное отношение Запада к усилиям России по восстановлению своего

влияния на постсоветском пространстве [221, с. 126]. На практике же США стремились «зацементировать результаты дезинтеграции» СССР в целях расширения своего присутствия и усиления влияния в регионе новых независимых государств [884, р. 42–43].

Что касается сущности «Основных положений концепции внешней политики Российской Федерации», то в тексте документа наблюдается смешение принципов районирования, свидетельствующее об отсутствии чётких критериев его создания. Характерно, что, с одной стороны, отмечается значительная роль СНГ, а, с другой стороны, показательно нереалистичными выглядят методы и прогнозы реализации российской политики в регионе. В качестве аксиомы преподносится стремление Запада к сотрудничеству с Россией. Отсутствуют конструктивные подходы к решению явно завышенных задач отечественной внешней политики. В этом отношении проявляется значительное влияние «атлантистских» идей на содержание документа. Вместе с тем, в тексте «Основных положений ...» отмечается и приоритетность отношений со странами СНГ, Азиатско-Тихоокеанского и Ближневосточного регионов, что может быть следствием определённого воздействия «неоевразийского» дискурса [530, с. 62].

Обозначенные внешнеполитические подходы, с учётом уточняющих дополнений, легли в основу «Стратегического курса России с государствами-участниками СНГ», утверждённого указом Президента от 14 сентября 1995 г. [145]. Содержание данного документа носит преимущественно декларативный характер, но его лексика характеризуется влиянием принципов реализма, о чём свидетельствует частое упоминание термина «национальные интересы» [530, с. 62].

В обстоятельствах действия указанных концептуальных документов в рамках Государственной Думы I созыва (с января 1994 по декабрь 1995 г.) имело место 186 голосований (см. приложение 1, таблица 9) по вопросам, прямо или косвенно связанным с областью внешней политики и международных отношений: заявлений и обращений; ратификаций и денонсаций международных договоров; прочих голосований, имеющих отношение к данному направлению.

Авторский анализ стенограмм и отчётов [3; 141] заседаний (см. приложение 1, таблица 10) свидетельствует, что в период работы Государственной Думы I созыва было принято 28 заявлений и обращений. Наиболее распространёнными темами являлись: ситуация в государствах Балтии (нарушение прав соотечественников, ущемление русского и русскоязычного населения); поддержка Сербии в контексте конфликта в Югославии; осуждение разного рода действий США и НАТО, а также ЕС; отмена экономической блокады Кубы со стороны США; ситуация на Украине (осуждение политики Киева в отношении Крыма и Севастополя, поддержка моратория на одностороннее сокращение частей и подразделений Черноморского флота до окончания двусторонних переговоров о разделе); «замороженные» конфликты на постсоветском пространстве (попытки урегулирования проблемных ситуаций, связанных с Абхазией, Южной Осетией и Приднестровьем); поддержка прав соотечественников, проживающих в бывших советских республиках. Среди прочих выделяется принятое постановление о снятии экономической блокады Ирака.

С января 1994 по декабрь 1995 г. в нижней палате парламента было ратифицировано 92 международных договора (см. приложение 1, таблица 20), различавшихся по форме заключения: договоры мирового уровня (соглашения, конвенции и т. п.), договоры регионального и субрегионального уровня, а также договоры с отдельными государствами. В рамках подгрупп в таблице были выделены организационные структуры (международные организации) и группы стран, с которыми заключались двухсторонние или многосторонние договоры.

Договоры мирового уровня (всего – 4) подразумевали различные вопросы взаимодействия со структурами ООН и присоединение к соответствующим международным конвенциям. Отмечается и наличие соглашения с Организацией экономического сотрудничества и развития относительно её привилегий и иммунитетов в Российской Федерации.

Договоры регионального и субрегионального уровня (всего – 4) преимущественно характеризовались взаимодействием в рамках СНГ и связанных

ним постсоветских интеграционных структур (Договор о создании Экономического союза).

Большинство ратифицированных договоров с отдельными государствами (всего – 84) также касались стран-членов СНГ (всего – 44) по следующим направлениям: ратификации консульских конвенций; проблемы двойного гражданства (Туркменистан); сотрудничество в военной сфере (Беларусь, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан); выдача государственного кредита (Армения, Беларусь, Кыргызстан, Таджикистан); регулирование процесса переселения и защита прав переселенцев (Грузия, Таджикистан, Туркменистан); сотрудничество в отношении использования космодрома «Байконур» (Казахстан) и т. д.

Двусторонние договоры со странами Балтии (Латвией, Литвой и Эстонией) (всего – 12) касались в целом типичного круга вопросов, учитывая евроатлантическую ориентацию этих государств, довольно прохладные отношения с Россией и ряд неразрешённых проблем в их взаимодействии с восточным соседом: регулирование процесса переселения и защиты прав переселенцев; ратификации консульских конвенций; сроки и порядок полного вывода с территорий государств вооружённых сил Российской Федерации; проблемы социальной защищённости российских военных пенсионеров и членов их семей, проживающих на территории указанных республик; регулирование процесса переселения и защита прав переселенцев; правовая помощь и правовые отношения по гражданским, семейным и уголовным делам и т. д.

Тематика двухсторонних договоров с государствами-членами ЕС (всего – 8) сводилась к сотрудничеству в области торгово-экономических вопросов, налогообложения и консульских конвенций. С государствами континентальной Европы, не входящими в ЕС, были ратифицированы договоры (всего – 12) по широкому спектру сотрудничества, в том числе в торгово-экономической плоскости. Соглашения с США (всего – 2) касались вопросов разграничения морских пространств и оформления беспошлинного ввоза товаров, перемещаемых

в рамках российско-американского сотрудничества в области исследования и использования космического пространства в мирных целях.

Договоры с государствами Азии (всего – 5) и Латинской Америки (всего – 1) также сводились к сотрудничеству по широкому кругу вопросов с приоритетом на торгово-экономическом взаимодействии. В этом отношении отдельно следует отметить соглашение с КНР о российско-китайской государственной границе на её Западной части.

Что касается прочих голосований, относящихся к внешней политике и международным отношениям, то таковых в рамках Государственной Думы I созыва насчитывалось 66 (см. приложение 1, таблица 9), по виду принадлежащим в основном к федеральным законам. Основная тематика голосований была следующей: проблемы международной безопасности; вопросы правовой оценки и международно-политического значения «беловежских соглашений»; аспекты внешнеэкономической деятельности; проблемы миграции в СНГ; миротворческая деятельность Российской Федерации; вопрос о доверии министру иностранных дел А. В. Козыреву; вопрос о деятельности фонда Дж. Сороса и. т. д.

В этом отношении уместно привести примеры некоторых инициатив международно-политической направленности.

Так, вопросы правовой оценки и значения «беловежских соглашений» в контексте аргументации их осуждения и необходимости денонсации неоднократно выносились на голосование, однако в итоге не были поддержаны необходимым количеством депутатов. Инициаторами рассмотрения данных вопросов являлись депутаты от фракции ЛДПР: К. Н. Панферов, Е. Э. Михайлов, М. П. Бурлаков, Г. Г. Лукава, О. А. Финько. Вопрос о доверии министру иностранных дел А. В. Козыреву, решение по которому также не было принято, рассматривался в апреле 1995 г. по инициативе Е. Ю. Логинова (ЛДПР) [141]. Показательной инициативой, принятой в процессе голосования в январе 1995 г., стало предложение М. П. Бурлакова (ЛДПР) относительно обсуждения деятельности фонда Дж. Сороса, который, по словам инициатора рассмотрения вопроса, «опутал всю страну своей сетью. И там не только программа

«поддержки» науки фундаментальной, а фактически вытягивание интеллектуальных сил из России, также и другие программы, которые явно враждебны нашей стране ...» [3].

В ходе голосования в апреле 1995 г. был одобрен проект федерального закона «О моратории на одностороннее сокращение Черноморского флота», с докладом по которому выступал председатель Комитета Государственной Думы по делам Содружества Независимых Государств и связям с соотечественниками К. Ф. Затулин (ПРЕС, затем ДПР). «Что касается проекта закона о моратории на одностороннее сокращение Черноморского флота, - акцентировал он в выступлении, - то мы достаточно этот вопрос аргументировали. Я призываю вас сейчас проголосовать за этот очень короткий закон, в котором устанавливается мораторий на одностороннее сокращение частей и подразделений Черноморского флота вплоть до окончания переговоров между Россией и Украиной о разделе флота, тех, которые идут уже несколько лет» [3].

В Госдуме I созыва неоднократно поднимались вопросы, связанные с событиями в Крыму (включая Севастополь) 1994–1995 гг. Инициатива по этому поводу – в плане поддержки волеизъявления большинства населения полуострова и осуждения политики украинских властей – исходила от депутатов А. А. Звягина (ЛДПР), К. Ф. Затулина (ПРЕС, затем ДПР), С. Н. Бабурина («Российский путь»), М. П. Бурлакова (ЛДПР), В. В. Жириновского (ЛДПР) и др. В этом контексте было принято несколько заявлений. В частности, в заявлении «О выполнении постановления Верховного Совета Украины «О политико-правовой ситуации в Автономной Республике Крым», которое было представлено Комитетом по делам Содружества Независимых Государств и связям с соотечественниками, а затем (с поправками) принято необходимым большинством голосов, отмечалось: «... Мы призываем депутатов, всех граждан Украины отнестись к надеждам и проблемам Республики Крым с терпимостью и уважением <...> Государственная Дума рекомендует Министерству иностранных дел Российской Федерации в ходе переговоров с украинской стороной, при обсуждении создавшегося положения, выслушать представителей самого Крыма ...» [3].

В рамках оппозиционной и государственно-патриотической тональности была выдержана реакция Государственной Думы I созыва на обострение ситуации в Югославии в августе – сентябре 1995 г. По этому вопросу было рассмотрено и принято несколько законов и постановлений. Примечательно, что в процессе голосований лояльная к Президенту и «прозападная» фракция «Выбор России» осталась в меньшинстве. Так, принятое заявление «Об агрессии Республики Хорватии и её последствиях» было внесено депутатами С. Ю. Глазьевым (ДПР), С. А. Готовым («Российский путь»), К. Ф. Затулиным (ПРЕС, затем ДПР), Н. А. Зацепиной («Российский путь»), Г. И. Чуркиным (АПР), А. Д. Венгеровским (ЛДПР). В заявлении осуждалась хорватская агрессия при содействии НАТО, требовалось остановить геноцид сербского народа и отменить анти-сербские санкции. Государственная Дума провозглашала экономические санкции в отношении Хорватии, акцентировала невозможность решения югославского кризиса военными методами, призывала стороны к переговорам с обязательным участием боснийских сербов, выражая неудовлетворение позицией МИД России [141].

В сентябре 1995 г. Комитетом по международным делам было внесено постановление «О позиции Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в связи с военным вмешательством НАТО в Боснии и Герцеговине и военно-политической напряженностью на Балканах», в котором предлагалось следующее: потребовать скорейшего созыва СБ ООН и встречи Контактной группы на высшем уровне; решить вопрос относительно подписания закона о выходе России из режима санкций против СРЮ; рассмотреть вопрос о приостановке участия РФ в программе «Партнёрство ради мира»; провести консультации с Белоруссией, Украиной, другими странами СНГ и балканскими государствами; освободить А. В. Козырева от занимаемой должности министра иностранных дел; направить делегацию Госдумы во главе со спикером И. П. Рыбкиным в Белград и Пале. Постановление и заявление по указанному вопросу были приняты, однако их «излишне рекомендательный характер» вызвал критику парламентариев от АПР и ЛДПР, отметивших недостаточный

радикализм данных документов. В тот же день на заседании было предоставлено слово И. Н. Смирнову (Президенту Приднестровской Молдавской Республики), что являлось жестом её моральной поддержки вопреки позиции Молдовы [3].

Проявлением реализации либеральных инициатив, связанных с внешней политикой, стало принятие Государственной Думой I созыва в декабре 1995 г. Федерального закона «О соглашениях о разделе продукции», способствующего встраиванию России как хозяйствующего субъекта в систему капиталистической экономики. Автором, разработчиком и инициатором данного законопроекта выступил депутат А. Ю. Мельников («Яблоко»). При этом сложилась ситуация, когда представители «Яблоко», не согласившись с внесёнными поправками, голосовали против своего законопроекта, который был поддержан большинством депутатов от других фракций [3].

Анализируя направленность различных групп голосований по международно-политической проблематике в Государственной Думе I созыва, следует констатировать, что они носили сбалансированный (в плане представления полярных точек зрения) и более реалистичных характер, нежели положения доктринальных основ государственной внешней политики первой половины 1990-х гг. Это было обусловлено примерно равным распределением ресурсов между имеющимися политическими силами (левыми, правыми, центристами и национал-патриотами), а также наличием вопросов «общего блока», по отношению к которым их позиции совпадали или не вызывали явное отторжение. Поскольку характеристика голосований в отношении специфики внешнеполитических ориентаций депутатского состава будет рассмотрена в специальном пункте, в рамках рассматриваемой проблемы необходимо подчеркнуть, что в этот период нижней палатой парламента принимались подчас различные по характеру ангажированности решения: от либерального закона «О соглашении о разделе продукции» до многочисленных заявлений и обращений в поддержку Сербии в конфликте на Балканах, а также резкой критики НАТО в этом контексте [494, с. 17–18].

В свете сказанного важно отметить, что голосования, связанные с международно-политической проблематикой, в рамках Государственной Думы I созыва хронологические совпали с тенденцией к пересмотру курса «демократической солидарности Западу». Под влиянием внутренних и внешних факторов в 1994–1995 гг. в отечественном социуме усиливаются следующие настроения: отрицание искренности намерений США и их союзников быть равноправными партнёрами и учитывать законные интересы России; негативное восприятие планов расширения НАТО как нарушения обещаний американского руководства и проявления стратегии сдерживания России; осуждения односторонних действий США и их союзников на территории бывшей Югославии; критика интервенции НАТО в Боснии; неприятие подключения России к международным санкциям против Ирака и Ливии (которые были введены по инициативе США и их союзников, нанеся многомиллионный ущерб российской экономике); разочарования в ограниченной помощи Запада реформированию экономики России; осознание негативных последствий проводившейся российской политики в отношении государств постсоветского пространства и т. д. [260, с. 32–33].

На этом фоне состоявшиеся в конце декабря 1995 г. выборы в Государственную Думу продемонстрировали поражение радикальных реформаторов и значительный рост популярности антизападных сил [380, с. 380–382], что обусловило корректировку внешнеполитического курса государства. По инициативе назначенного в январе 1996 г. министром иностранных дел Е. М. Примакова начался процесс формулирования новых основ внешней политики Российской Федерации, исходя из императива обеспечения национальных интересов.

Уже на первой пресс-конференции новый глава МИД обозначил четыре приоритета государственной внешней политики. Во-первых, необходимость создания «наилучших условий, благоприятствующих укреплению территориальной целостности нашего государства». Во-вторых, «укрепление центростремительных тенденций на территории бывшего СССР» в форме

интеграционных процессов «в первую очередь в экономической области». В-третьих, «стабилизация международного положения на региональном уровне». При этом пояснялось, что «российская внешняя политика будет делать для этого всё возможное, и в первую очередь на территории СНГ и в югокризисе». В-четвёртых, «развитие плодотворных межгосударственных отношений, препятствующих созданию новых очагов напряжённости и особенно распространению оружия массового уничтожения» [118, с. 199].

Очевидность начала переосмысления основ внешней политики Российской Федерации отмечали в это время и западные исследователи. Ими особо подчёркивалось, что «новая команда» российского внешнеполитического ведомства подвергает критике экс-министра иностранных дел А. В. Козырева за односторонние уступки Западу и непонимание сущности национальных интересов России. В этом отношении акцентировалась проявлявшаяся в прошлом чрезмерная лояльность Москвы к фактам дискриминации русского и русскоязычного населения государств Балтии, терпимость к вмешательству Запада в отношения России и стран постсоветского пространства, а также в целом отсутствие системной и функциональной российской политики касательно новых независимых государств [773, р. 12–13].

Обозначенные факторы обусловили действительное обновление внешнеполитических подходов Российской Федерации. На официальном уровне начали признавать, что расширение НАТО может обернуться негативными последствиями для российских интересов на постсоветском пространстве. Значение СНГ в контексте региональной политики России стало аргументированно обосновываться в новых концептуальных документах [396; 592].

Это в полной мере отразилось в содержании «Концепции национальной безопасности», утверждённой указом Президента от 17 декабря 1997 г. [82]. Так, по мнению экспертов, в доктринальных основах появляются: сентенция о приоритете внутренней стабилизации и дружественных отношений со странами «ближнего зарубежья»; оценки действий Запада (в частности, расширения НАТО)

как возможной угрозы национальной безопасности России; аргументация необходимости российского военного присутствия в стратегически важных регионах мира [808, р. 6–7]. В целом, данный документ характеризуется прагматичным содержанием и реалистичной оценкой происходящего: направления взаимодействия РФ в рамках СНГ представляются более проработанными в плане развития интеграции как фактора региональной безопасности; расширение НАТО на Восток признаётся негативным явлением, угрожающим интересам России и т. д. [530, с. 62].

В условиях отмеченных тенденций проходили заседания Государственной Думы II созыва (с января 1996 по декабрь 1999 г.), в рамках которой было зафиксировано 422 решений [141] по вопросам, имеющим прямое или косвенное отношение к международно-политической сфере (см. приложение 1, таблица 12).

Заявлений и обращений данной направленности было принято 111 (см. приложение 1, таблица 14). Наибольшее число голосований (всего – 26) выражали позицию осуждения и призыва к необходимости принятия соответствующих мер в связи с нарушением основных прав и свобод граждан Российской Федерации и российских соотечественников в государствах Балтии, а также происходившими там политическими судебными процессами и дискриминацией ветеранов Второй мировой войны, воевавших на стороне государств антигитлеровской коалиции. Достаточно частыми (всего – 10) являлись голосования, касающиеся осуждения политики США в отношении Афганистана, Судана, в регионе Персидского залива, государств Балтии, американских санкций, направленных против российских научных центров и учебных заведений и т. п.

Значительное количество заявлений и обращений (всего – 9) осуждали агрессию НАТО в Югославии и декларировали необходимость принятия мер по возобновлению процесса политического урегулирования ситуации вокруг Косово. К этому следует добавить голосования, осуждающие ситуацию вокруг Ирака (всего – 8) (санкции и бомбардировки со стороны США и Великобритании) и разные направления действий НАТО (всего – 7) (в том числе учения вблизи границ Российской Федерации; разработка Национальной программы

противодействия расширению Альянса). Довольно частыми были голосования (всего – 6) по курдской проблеме в контексте политики Турции. Уделялось внимание и вопросам «замороженных конфликтов»: содействие урегулированию ситуации в Абхазии, Южной Осетии и Приднестровье. Аргументировалась позиция в отношении ситуации вокруг Афганистана. Ряд заявлений и обращений касались разных аспектов углубления интеграционного взаимодействия в рамках СНГ. Следует отметить голосования, поддерживающие прекращение раздела Черноморского флота, а также позицию общественности Крыма, выступившей против учений «Си Бриз» на территории полуострова.

В числе прочих заслуживают внимания принятые заявления и обращения о недопустимости уничтожения памятников погибшим советским войнам, неприемлемости политических процессов и внесудебных преследований в ФРГ. Отдельные заявления аргументировали позицию Государственной Думы в связи с высказываниями некоторых политиков Азербайджана о возможности размещения военных баз США на Апшеронском полуострове и несогласие относительно сущности некоторых судебных процессов (дело Р. Газиева) в республике. Несколько заявлений были посвящены ситуации вокруг Кипра и поддержке инициативы Президента Республики Кипр Г. Клиридиса по демилитаризации.

В период работы Государственной Думы II созыва было ратифицировано 204 международных договора различной формы (см. приложение 1, таблица 21). Договоры мирового уровня (всего – 23) традиционно касались взаимодействия со структурами ООН и присоединения к определённым международным конвенциям. Динамика принятия договоров регионального и субрегионального уровня (всего – 45) характеризовалась интенсификацией сотрудничества с европейскими структурами (ЕС, СЕ) (всего – 11) и значительным всплеском активности в отношении интеграционного взаимодействия (всего – 32) на постсоветском пространстве. Имели место договоры с организациями, специализирующимися в сфере разных аспектов сотрудничества в Черноморском регионе.

Анализ динамики и тематики принятых двухсторонних договоров (всего – 136) свидетельствует об активизации внешнеполитической деятельности нижней палаты парламента по многим направлениям. Наибольшее число двухсторонних договоров касались сотрудничества со странами СНГ по широкому кругу вопросов (всего – 63): торгово-экономических, финансовых, военно-политических, социальных, правовых, культурных и т. д. Договоры с государствами-членами ЕС (всего – 18) преимущественно подразумевали сотрудничество в налоговой сфере, торгово-экономической, финансовой и культурной плоскостях. Примерно такими же являлись и сферы взаимодействия в рамках ратифицированных договоров с европейскими государствами, не входившими в ЕС (всего – 24). С азиатскими государствами были ратифицированы договоры относительно сотрудничества в торгово-экономической, налоговой и финансовой областях (всего – 16). Следует отметить, что сотрудничество с КНР, помимо указанных направлений, включало ряд военно-политических и пограничных вопросов.

При этом в рассматриваемый период наблюдалось значительное уменьшение ратифицированных двусторонних договоров с государствами Балтии и практическое отсутствие таковых с США, что можно объяснить как общим «похолоданием» отношений и преимущественно антизападными настроениями большинства депутатов, так и действием ранее заключённых соглашений, которые оставались функциональными.

Прочих голосований (преимущественно федеральных законов), имеющих отношение к международно-политической плоскости, в рамках Государственной Думы II созыва насчитывалось 107 (см. приложение 1, таблица 12). Их довольно обширную тематику можно свести к следующим основным аспектам: урегулирование нормативной базы относительно международных договоров; координация международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации; вопросы государственных внешних заимствований и кредитов; государственное регулирование международного сотрудничества субъектов космической деятельности России; юридическая оценка

функциональности для Российской Федерации результатов референдума СССР от 17 марта 1991 г. по вопросу о сохранении Союза ССР; создание Комиссии Государственной Думы по изучению проблем защиты прав граждан России и лиц без гражданства – бывших граждан СССР, находящихся под следствием и в местах лишения свободы за рубежом; принятие федерального закона «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом»; ограничение деятельности в российской банковской системе иностранных банков, зарегистрированных на территории оффшорных зон иностранных государств; принятие федерального закона «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации»; принятие федерального закона «О финансировании стратегических ядерных сил Российской Федерации на период до 2010 г.»; регулирование правового положения иностранных граждан; принятие федерального закона «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в её составе нового субъекта Российской Федерации».

Характеризуя аргументацию инициатив и решений Госдумы в этот период, исследователи отмечали, что «из современных российских парламентов вторая Дума была (после I Съезда народных депутатов РСФСР) самым оппозиционным парламентом. Контролируя почти половину голосов, левая Дума боролась с «антинародным режимом» Б. Н. Ельцина всеми доступными ей законными средствами: денонсация Беловежских соглашений весной 1996 г., борьба против утверждения С. В. Кириенко весной 1998 г. новым премьером России, недопущение возврата В. С. Черномырдина осенью того же года в кресло премьера, и наконец неудавшаяся процедура импичмента в мае 1999 г. За каждой из этих парламентских «мини-революций» стояла угроза роспуска либо разгона парламента» [380, с. 383].

В этом контексте среди наиболее резонансных решений выделяется денонсация «Беловежских соглашений» в 15 марта 1996 г., что проявилось в принятии двух постановлений. Так, в постановлении «Об углублении интеграции народов ...» признавалось, что постановление Верховного Совета СССР от 12 декабря 1991 г. «О денонсации Договора об образовании СССР» утратило силу,

поэтому предлагалось скорректировать вытекающие из этого законодательные и прочие нормативные акты. Это делалось в целях открытия «большого простора для интеграции братских народов» и приближения к исполнению воли большинства населения бывшего СССР, выраженной на референдуме 17 марта 1991 г. Последнее фактически означало ревизию – по крайней мере, на декларативном уровне – процесса ликвидации СССР и создания СНГ. Второе принятое постановление («О юридической силе референдума ...») подтверждало наличие юридической силы результатов референдума для РФ. В постановлении констатировалось, что участвовавшие в подготовке «Беловежских соглашений» должностные лица проигнорировали результаты референдума, нарушив «Декларацию о суверенитете», что подвергает сомнению юридическую значимость соглашений о создании СНГ. Также в документе был намечен ряд организационных мероприятий по реинтеграции [180, с. 204].

Инициаторами постановления «Об углублении интеграции народов, объединявшихся в Союз ССР, и отмене постановления Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 года» были члены фракции КПРФ, АДГ и депутатской группы «Народовластие». С призывами поддержать данный проект выступили Н. Г. Биндюков (КПРФ), В. В. Жириновский (ЛДПР), Н. М. Харитонов (АДГ), Н. И. Рыжков («Народовластие») и др. Критическая оценка постановления были представлена в выступлениях С. Г. Беляева (НДР), Г. А. Явлинского («Яблоко»), В. С. Медведева (депутатская группа «Российские регионы») и др. Постановление «О юридической силе для Российской Федерации – России результатов референдума СССР 17 марта 1991 года по вопросу о сохранении Союза ССР» было представлено на рассмотрение по инициативе Комитета Государственной Думы по делам Содружества Независимых Государств и связям с соотечественниками и заместителя Председателя Государственной Думы С. Н. Бабурина («Народовластие»). В поддержку обеих постановлений голосовали КПРФ, АПГ, «Народовластие», ЛДПР. «Против» - «Яблоко». Представители НДР и депутатской группы «Российские регионы» либо не голосовали, либо голосовали отрицательно [3].

В этом отношении показательной инициативой стало обсуждение Государственной Думой 9 февраля 1992 г. постановления «Об обращении Президента Приднестровской Молдавской Республики и Верховного Совета Приднестровской Молдавской Республики». Выступая с докладом о проекте постановления, С. Н. Бабурин («Народовластие») акцентировал: «... Во-первых, мы рекомендуем Президенту Российской Федерации, исходя из общепризнанных норм международного права, учитывать мнение народа Приднестровья в ходе переговоров с молдавской стороной. Во-вторых, привлечь к участию в этих переговорах полномочных представителей Приднестровья. Третий момент – очень важный – это поддержка, моральная, политическая поддержка вооруженных сил, остающихся там, на территории Приднестровской Республики, тех, которые сегодня обеспечивают мир в регионе. И рекомендация открытия консульского учреждения Российской Федерации в городе Тирасполе, потому что проживающие там жители, желающие принять гражданство Российской Федерации, объективно, вопреки всем конвенциям не могут этого сделать ...» [3]. Постановление было принято при поддержке КПРФ, АПГ, «Народовластие» и ЛДПР. Большинство депутатов от «Яблоко», НДР и «Российские регионы» предпочли по этому вопросу не голосовать [141].

На фоне довольно типичных для Госдумы II созыва решений антизападной и государственно-патриотической направленности следует отметить заявление «В связи с переговорами между Российской Федерацией и НАТО» от 12 марта 1997 г., подготовленное депутатами группы «Народовластие» с учетом изменений и дополнений, предложенных Комитетом Государственной Думы по международным делам. «В заявлении Государственной Думы, - отмечал, представляя проект данного документа, депутат Н. М. Безбородов («Народовластие»), - выражается решительное несогласие с курсом Запада на расширение НАТО. Государственная Дума поддерживает позицию Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации в том, что любое соглашение между Российской Федерацией и НАТО должно иметь обязывающий характер, содержать действенные гарантии безопасности Российской Федерации

и обеспечивать полноправное участие России в принятии решений по принципиальным вопросам сохранения стабильности в Европе ...» [3]. Заявление было принято, объединив позиции политических сил, традиционно расходившихся в отношении к основным внешнеполитическим вопросам. Помимо привычной поддержки со стороны КПРФ, АДГ, ЛДПР, «Народовластие», положительно проголосовали большинство депутатов фракции «Яблоко» и почти половина от НДР [141].

Сущностные особенности голосований по внешнеполитической проблематике в Государственной Думе II созыва были обусловлены спецификой установок её состава, в котором доминировали депутаты левой и антизападной ориентации. Это определённым образом практически нивелировало возможности принятия решений радикально-либеральной направленности и минимизировало условия законодательного закрепления центристских проектов. Наглядным примером в этом контексте представляется отказ депутатов от ратификации Договора о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-2). Примечательно, что нижняя палата парламента в этот период посредством многочисленных заявлений, обращений и федеральных законов способствовала официальному оформлению отношений России с Западом – как геополитическим и цивилизационным противником – в условиях постбиполярности [494, с. 18].

В конце 1990-х гг. содержание «Основных положений концепции внешней политики Российской Федерации» 1993 г. всё чаще подвергается жесткой критике со стороны авторитетных отечественных экспертов и политических деятелей, отмечавших «американоцентричность» и романтизм этого доктринального документа [138; 408]. Весьма характерно, что подобные взгляды разделяли и некоторые западные аналитики, констатировавшие, что на международной арене российские лидеры редко выражали истинные интересы граждан своей страны [851, р. 813], а в отношении государств бывшего Восточного блока и постсоветского пространства Россия, в период президентства Б. Н. Ельцина, преимущественно, проводила политику «милостивого безразличия», игнорируя данный регион [817, р. 127].

Более того, руководство США отмечало ограниченность возможностей Москвы оказывать противодействие инициативам Вашингтона на международной арене. «К концу 90-х годов, - акцентировали американские эксперты Дж. Голдгейер и М. Макфол, - вашингтонские лидеры верно считали, что Россия располагает минимальными возможностями для оказания влияния на американскую внешнюю политику даже в таких традиционных сферах российского влияния, как Балканы. Это актуализированное представление придало смелости деятелям администрации Клинтона. Они стали проводить внешнюю политику, которая включала расширение НАТО и войну против Сербии, что ещё десять лет назад, безусловно, вызвало бы конфликт между двумя великими державами» [286, с. 26].

Вместе с тем, к концу 1990-х гг. стало заметно, что во внешнеполитическом мышлении российского руководства происходят изменения, проявившиеся в фактическом отказе от ранее популярной идеи «полной интеграции с Западом», на смену которой приходило стремление к восстановлению своего международно-политического авторитета и «возможностей воздействовать на широкий круг вопросов» [812, р. 4]. В это время представляется очевидным, что «российские лидеры устали от проявления американской бесцеремонности в международных делах и с тревогой следили за попытками США повлиять на развитие внутриполитической обстановки в России» [286, с. 27].

Следствием начавшегося процесса пересмотра внешнеполитических подходов стало утверждение Президентом В. В. Путиным 28 июня 2000 г. новой редакции «Концепции внешней политики» [77], которая, характеризуясь реализмом и прагматичностью, встретила поддержку в отечественном экспертном сообществе [51]. Западные исследователи, давая оценку обновлённым российским внешнеполитическим установкам, отмечали как очевидное закрепление основ прагматических отношений по многим направлениям, так и активизацию политики России на постсоветском пространстве. Последнее, по их мнению, стало производной осознания российскими элитами того, что способность оказывать

влияние на события в новых независимых государствах является фактором укрепления международных позиций России [819, р. 64].

Характеризуя содержание доктринальных основ российской внешней политики начала 2000-х гг., стоит подчеркнуть, что и положения «Концепции внешней политики» (2000 г.), и, составленных на этой базе, «Основ политики РФ в области военно-морской деятельности на период до 2010 г.» (2000 г.) [102], «Военной доктрины» (2000 г.) [7], «Доктрины информационной безопасности РФ» (2000 г.) [52] и «Морской доктрины на период до 2020 г.» (2001 г.) [96] отличались прагматичными подходами. В основу региональной политики был положен географический принцип. Более проработанными представляются задачи, приоритеты и направления интеграционной политики на постсоветском пространстве, а также методы и средства её реализации. Критике подвергается расширение НАТО и тенденция к формированию однополярного мира при силовом и экономическом доминировании США. Акцентируется стремление интенсифицировать политику России в отношении Азиатско-Тихоокеанского региона, в частности, в формате «шанхайской пятёрки» и т. д. [530, с. 94].

В период работы Государственной Думы III созыва (с января 2000 по декабрь 2003 г.) было зафиксировано 349 разного рода голосований [141] международно-политической направленности (см. приложение 1, таблица 12).

Заявлений и обращений по вопросам внешней политики и международных отношений в это время было принято 89 (см. приложение 1, таблица 15). Наибольшее их число (всего – 15) было посвящено позиции в отношении событий в Югославии: осуждение агрессивных действий НАТО; оказание содействия в преодолении последствий агрессии НАТО; недопустимость применения экономических санкций против Югославии; стремление к продолжению развития отношений между Россией и Югославией; необходимость судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 г., в связи с использованием НАТО боеприпасов с обедненным ураном во время

конфликта на Балканах; осуждение ситуации, связанной с арестом бывшего Президента Югославии С. Милошевича и т. д.

Значительное количество заявлений и обращений (всего – 8) осуждали факты «грубых нарушений прав человека и национальных меньшинств» в государствах Балтии, политические судебные процессы в отношении ветеранов Второй мировой войны, воевавших на стороне антигитлеровской коалиции, и проводимую там «государственную политику» дискриминации российских соотечественников. Аналогичное число заявлений и обращений выражало позицию Государственной Думы касательно Ирака: необходимость отмены экономических санкций; осуждение бомбардировок территории республики; обеспокоенность в связи с обострением ситуации и «началом военных действий Соединенных Штатов Америки и Великобритании против Республики Ирак».

Группа заявлений и обращений (всего – 7), связанных с США, были посвящены следующему: осуждение задержания в Соединенных Штатах Государственного секретаря Союзного государства П. П. Бородина; недопустимость действий американских властей в отношении депутата Государственной Думы И. Д. Кобзона; поддержка позиции, занятой Президентом В. В. Путиным после террористических актов на территории США; поддержка новых договорённостей между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки по вопросам стратегической стабильности; расширение сотрудничества в области химического разоружения; критика позиции Вашингтона в связи с вынесением обвинительных приговоров гражданам Кубы; по поводу Соглашения о сотрудничестве в сфере обороны между правительствами Грузии и США и т. д.

Заявления и обращения, связанные с палестино-израильским конфликтом (всего – 5), декларировали стремления к мирному урегулированию проблемы. Озабоченность по поводу состояния российско-грузинских отношений – в частности, в связи с военным присутствием США на территории этого государства – выражали заявления по Грузии (всего – 3). Заявления и обращения, относящиеся к Молдове (всего – 3), касались вопросов урегулирования ситуации

в Приднестровье, обеспечения «условий продвижения в вопросе присоединения общего молдавского государства к Союзному государству», а также «недопустимости вмешательства румынских властей во внутренние дела Республики Молдова». Тематика заявлений и обращений в отношении Беларуси (всего – 3) содержала преимущественно интеграционную проблематику.

Аргументированная позиция Государственной Думы касательно Украины (всего – 3), сводилась к следующему: осуждение политики дискриминации русского языка; по поводу «принятия 18 октября 2002 г. Верховным Советом Автономной Республики Крым обращения к Верховному Совету Украины о придании русскому языку статуса второго государственного языка».

Традиционная поддержка и акцентирование исторически дружественных отношений значилась в заявлениях относительно Кубы (всего – 2). Обращения к европейским парламентариям (всего – 2) были связаны с ситуацией в Югославии, а также с расширением ЕС. Заявления, касающиеся ФРГ (всего – 2), выражали несогласие «в связи с действиями властей Федеративной Республики Германии в отношении известных политических деятелей Германской Демократической Республики» и оценивали влияние членства ФРГ в НАТО на российско-германские отношения.

В числе прочих необходимо отметить заявления и обращения Государственной Думы следующей тематики (всего – 26): позиция по вопросам сокращения стратегических вооружений и мер по координации деятельности органов государственной власти РФ в области сокращения стратегических вооружений; стремление к обеспечению поддержания боевой готовности и развития стратегических ядерных сил России; позиция в отношении выплаты РФ государственного внешнего долга Парижскому клубу кредиторов; осуждение процесса расширения НАТО; борьба с международным терроризмом; урегулирование индо-пакистанского конфликта; усилия по созданию и реализации системы неотложных мер по охране окружающей среды Каспийского моря; запрещение химического оружия; стремление к полной отмене санкций, введенных Советом Безопасности ООН в отношении Ливии; необходимость

проведения мероприятий по подписанию Россией Болонской декларации 1999 г. и т. д.

В рамках заседаний Государственной Думы III созыва было ратифицировано 166 международных договоров разного уровня (см. приложение 1, таблица 22). Договоры мирового уровня (всего – 27) характеризовали взаимодействие со структурами ООН и присоединение к многосторонним конвенциям. На региональном и субрегиональном уровне было ратифицировано 39 договоров. Наибольшее их число (всего – 25) касалось сотрудничества в рамках СНГ и прочих постсоветских интеграционных структур. Относительно взаимодействия с европейскими структурами было ратифицировано 7 договоров. Остальные договора данной группы (всего – 7) касались сотрудничества с различными организациями (ЧЭС, ШОС).

В указанный период было ратифицировано 100 двусторонних договоров с отдельными государствами. Наибольшее их число (всего – 40) традиционно имело отношение к сотрудничеству со странами-членами СНГ по ряду направлений: торгово-экономическому; вопросам налогообложения; финансовому; научно-техническому; военно-политическому; социально-правовому; культурному; вопросам взаимодействия в охране внешних границ; вопросам проведения государственных границ; проблемам погашения задолженностей по государственным кредитам, предоставленным Правительством Российской Федерации и т. д. Двусторонние договоры с государствами-членами ЕС (всего – 11) касались следующих сфер взаимодействия: торгово-экономической; налогообложения; научно-технической; социально-правовой; гуманитарной; дипломатической и т. д. В двусторонних договорах с европейскими государствами, не входившими в ЕС (всего – 5), затрагивался аналогичный перечень вопросов. Двусторонние договоры с государствами Балтии (всего – 9) содержали такие вопросы: регулирование процесса переселения и защиты прав переселенцев; пенсионное обеспечение; передача для отбывания наказания лиц, осужденных к лишению свободы;

регулирование пограничных споров; торгово-экономическое взаимодействие и т. д.

Двухсторонние договоры с США были связаны со следующими направлениями: ограничение систем противоракетной обороны; дальнейшее сокращение стратегических наступательных вооружений; сокращение стратегических наступательных потенциалов; сотрудничество в космической сфере; взаимная правовая помощь по уголовным делам.

С азиатскими государствами заключались договоры (всего – 18), затрагивающие вопросы консульских конвенций, социально-правового, торгово-экономического взаимодействия, налогообложения. Отдельно следует отметить ратификацию «Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой», имевшего, помимо всего, стратегическое значение. Договоры с прочими государствами (Африки, Латинской Америки и Океании) (всего – 12) касались похожих тем, затрагивая практически весь спектр двухстороннего сотрудничества с приоритетом вопросов торгово-экономического взаимодействия, налогообложения и культурных связей.

Среди разного рода решений (см. приложение 1, таблица 12), имеющих отношение к международно-политической плоскости (всего – 349), преобладали следующие темы: государственное регулирование внешнеторговой деятельности; государственное регулирование экспорта лома и отходов цветных металлов; поручение Счетной палате России о проведении проверки законности и целесообразности предоставления в 1999 г. Российской Федерацией государственных кредитов иностранным государствам, в том числе странам СНГ, а также проверки хода погашения государственных кредитов, ранее предоставленных СССР и Российской Федерацией; поручение Счетной палате России о проверке эффективности и целесообразности расходования в 2000 г. и в первом квартале 2001 г. средств, привлеченных в качестве кредитов (займов) международных финансовых организаций и кредитов (займов) правительств иностранных государств, банков и фирм в соответствии с Программой государственных внешних заимствований Российской Федерации и

предоставляемых ею государственных кредитов на 2000 г. и Программой государственных внешних заимствований на 2001 г. на реализацию ряда проектов; федеральный закон «О государственном регулировании вывоза российского капитала»; внесение изменений и дополнений в статьи закона РФ «О валютном регулировании и валютном контроле» (о порядке вывоза из Российской Федерации наличной иностранной валюты); недопустимость обмена собственности РФ или иных её активов, находящихся за рубежом, без соответствующего законодательного оформления данных сделок; федеральный закон «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в её составе нового субъекта Российской Федерации»; меры по борьбе с незаконной миграцией и упорядочение миграционных процессов; регулирование правового положения иностранных граждан; государственная поддержка ежегодных международных форумов-конгрессов по высоким промышленным технологиям (CITOGIC) и т. д.

Внешнеполитические инициативы Госдумы III созыва характеризовались наличием баланса между либеральными, левыми и национал-патриотическими устремлениями. В качестве примера принятия документа умеренно либеральной направленности в контексте поддержки внешнеполитических шагов США уместно привести заявление «В связи с военной операцией против международных террористов на территории Афганистана», представленное Комитетом по международным делам. Выступая с докладом относительно доработанного проекта данного заявления 17 октября 2001 г., К. И. Косачев (ОВР) отмечал: «Мы посчитали возможным оставить ту позицию, которая была проголосована за основу, а именно: "Государственная Дума солидарна с позицией Президента Российской Федерации по вопросу борьбы с международным терроризмом..." <... > Во-вторых, я должен признаться, что данный текст не может, наверное, удовлетворить полностью, на сто процентов, никого в зале. Это действительно текст компромиссный, он впитал в себя различные позиции, в том числе иногда взаимоисключающие. Но мы стремились сделать текст таким, чтобы за него могла проголосовать вся Дума или, во всяком случае, убедительное

большинство депутатов Государственной Думы, потому что речь идет все-таки об акции, носящей в том числе и внешнеполитический характер ...» [3].

Вступивший в прения по этому вопросу депутат Е. К. Лигачёв выразил от лица фракции КПРФ принципиальное несогласие с рядом позиций заявления. «Нам думается, - отмечал он, - что руководство страны не определило последствия позиции, занятой Россией в связи с войной США и их союзников против целого государства – Афганистана и его народа. К сожалению (мы говорим об этом с глубоким сожалением), мы опять, как, может быть, и прежде, пренебрегаем известной мудростью: прежде чем войти, надо подумать, как выйти. <...> Даже в самом названии уже это всё устарело: какая-то операция, какая-то акция! <...> В сущности, ведется война самой богатой, самой сильной в военно-политическом отношении страной с самой слабой, где большинство людей живут в режиме бедности, нищеты, миллионы (почти все) не могут ни писать, ни читать. Нам думается, что дело идет фактически к тому, что, может быть, только один бен Ладен останется в живых, а остальной народ погибнет. <...> И наконец, мы считаем, что вход Соединенных Штатов Америки в Узбекистан – это фактически попытка вслед за Балканами вытеснить нашу страну из Средней Азии и Закавказья, где Россия более столетия занимала господствующее место. Вы заметьте, как нарастают антиамериканские настроения в нашей стране. Неужели мы должны это всё игнорировать?! <...> Сейчас, как никогда прежде, надо предпринять новые шаги по развитию и укреплению российско-китайских отношений ...» [3].

Однако проект заявления «В связи с военной операцией против международных террористов на территории Афганистана» был принят 17 октября 2001 г. благодаря поддержке объединений ЛДПР, «Яблоко», «Регионы России», «Народный депутат», «Единство», «ОВР», СПС. Против проголосовали КПРФ и АДГ [141].

Примером решения, учитывающего позиции левых и национал-патриотов, является постановление «О мерах по противодействию расширению Организации Североатлантического договора», принятое 23 мая 2001 г., в поддержку которого

проголосовали КПРФ, АДГ, ЛДПР, «Народный депутат» (больше половины состава), «Регионы России» (больше половины состава). Большинство депутатов, представляющих СПС, «Яблоко», ОВР и «Единство» по этому вопросу не голосовали [141].

Заявление «В связи с началом военных действий Соединенных Штатов Америки и Великобритании против Республики Ирак» представляется примером решения, в котором были учтены позиции центристов и отчасти национал-патриотов. Выступая после внесения правок с аргументацией принятия данного документа, председатель Комитета по международным делам Д. О. Рогозин («Народный депутат») акцентировал: «... Поправка депутата Севастьянова принята практически полностью в редакции Комитета по международным делам. Речь в ней идет о том, чтобы поставить в Совете Безопасности ООН вопрос о вводе в Ирак сил ООН по поддержанию мира для разведения воюющих сторон. <...> Поправка депутата Хакамады принята в редакции комитета, в частности отклонено предложение убрать из текста проекта постановления слова об осуждении агрессии США, Великобритании и их союзников против суверенного государства. Мы решили оставить это в тексте, потому что действительно совершен акт агрессии, я хочу подчеркнуть. Но при этом мы согласны с предложением о необходимости рассмотреть в ходе Генеральной Ассамблеи ООН вопрос о послевоенном политическом и социально-экономическом восстановлении Ирака под эгидой ООН. <...> Поправка депутата Николаева с минимальной правкой комитета также учтена в тексте. Речь в ней идет о том, чтобы вернуться к вопросу об увеличении ассигнований на военные расходы в бюджете 2003 года до уровня 3,5 процента, а начиная с 2004 года этой цифры придерживаться постоянно, и прежде всего направить средства на модернизацию вооружений нашей армии ...» [3].

Данное заявление было принято 21 марта 2003 г. при поддержке следующих объединений: «Единство», «Народный депутат», «Регионы России», ОВР, «Яблоко». СПС, КПРФ, ЛДПР и АДГ по этому вопросу либо не голосовали, либо голосовали отрицательно [141].

Специфика принимаемых Государственной Думой III созыва решений, в том числе относительно международно-политической проблематики, была обусловлена центристской направленностью её депутатского состава. Помимо умеренности и сбалансированности, содержание принятых решений характеризовалась двумя особенностями. Так, с одной стороны, интересы умеренных либералов были «учтены» голосованиями, зафиксировавшими прагматичные отношения с США и Европой: констатация общности подходов Вашингтона и Москвы в борьбе с международным терроризмом и в стремлениях к ликвидации оружия массового уничтожения; военно-политическое партнёрство с Соединёнными Штатами (ратификация Договора СНВ-2 и Договора по ПРО); поддержка мероприятий по подписанию Болонской декларации и т. д. С другой стороны, учитывались позиции левой и национал-патриотической части депутатского состава, что проявилось в принятии решений, отражавших наличие тактических противоречий с коллективным Западом, в частности, акцентировавших неприятие политики Вашингтона, игнорирующего нормы международного права и ООН, в отношении Афганистана и Ирака [494, с. 18], расширение НАТО и т. д.

Анализ международно-политического измерения инициатив и решений Государственной Думы I – III созывов позволяет сделать следующие выводы.

Увеличение субъектности Государственной Думы, в том числе в отношении влияния на внешнюю политику, хронологически совпала с повышательной волной циклов Кондратьева и фазой технологической революции в рамках циклов эволюции мировой политической и экономической системы, что в целом подтверждает специфику российской традиции чередования периодов реформ и контрреформ.

Государственная Дума I созыва – работая в условиях усиливающегося социально-экономического кризиса, значительного ослабления международно-политических позиций государства и его полупериферийности в западнцентричной мир-системе – продемонстрировала достаточно высокую динамику принятия решений по международно-политическим вопросам, тематика

которых охватывала широкий спектр актуальных проблем с некоторым уклоном относительно постсоветского пространства. Принятые решения характеризовались сбалансированностью в плане учёта отличавшихся позиций политических сил (левых, центристов, правых, национал-патриотов), что было обусловлено примерно равным распределением ресурсов между ними и наличием вопросов «общего блока». В то же время характер принятых решений был более реалистичным и нацеленным на обеспечение национальных интересов, чем содержание доктринальных основ государственной внешней политики и официально проводимый внешнеполитический курс. Это также стало следствием того, что указанные голосования совпали по времени с общей тенденцией к пересмотру внешнеполитических подходов России и императивов её отношений с коллективным Западом.

В составе Государственной Думы II созыва доминировали депутаты левой направленности, что предопределило особенности принятых решений, в том числе во внешнеполитической плоскости. Помимо акцентирования приоритета национальных интересов, защиты прав граждан России и соотечественников, а также сохранения традиционных сфер российского влияния в разных частях мира, в этот период значительной критике подвергались действия США и НАТО в контексте формирования восприятия коллективного Запада как геополитического и цивилизационного соперника. Подобные действия нижней палаты парламента несколько опережали инициативы исполнительной власти (а порой и вступали с ней в противоречия) относительно начавшегося процесса пересмотра доктринальных основ внешней политики, подготовив для этого плодотворную почву.

Решения Государственной Думы III созыва в области внешней политики и международных отношений, учитывая центристскую направленность её состава, характеризовались сбалансированностью, которая проявилась в учёте интересов умеренных либералов, левых, центристов и национал-патриотов и некоторой амбивалентности в вопросах взаимодействия с Западом: от закрепления прагматичных отношений до проявления тактических противоречий. Тематика

принятых решений в целом соответствовала обновлённым доктринальным основам внешней политики России, риторике и действиям исполнительной власти.

4.2. Пересмотр внешнеполитических подходов России в деятельности Государственной Думы IV–VII созывов

Государственная Дума IV созыва осуществляла деятельность с января 2004 по декабрь 2007 г. в условиях нарастания международной напряжённости и активного участия США в делах регионального и глобального масштаба. В период 2003–2005 гг. события «цветных революций» в Киргизстане, Грузии и на Украине, в сущности, стали следствием стратегии Вашингтона в целях общего ослабления России и, соответственно, её возможностей стать интеграционным центром на постсоветском пространстве [357] и одним из полюсов формировавшегося геополитического треугольника «Россия – Индия – Китай» [225]. Российский исследователь А. И. Уткин в этом отношении подчёркивал: «Поддерживая «цветные революции», Запад показал Москве, что она не может чувствовать себя спокойно даже в непосредственной близости от своих жизненных центров. <...> выборы на Украине, вступление в НАТО Прибалтики – сделали 2005 г. едва ли не решающим; Россия обратилась к КНР (а позднее и к Индии) с предложением о военных манёврах, приняла руководителей ХАМАС и предложила палестинцам помощь, отвергла миссию «гонителя» Ирана, осудила войну в Ираке. Россия усилила свою активность в странах Содружества <...> Россия вышла из орбиты сближения с самоуверенным и бесчувственным Западом, ища союзников на южных оконечностях своего континента, в среде бывшего Советского Союза. Экономический рост помог России» [672, с. 654–655].

Кроме того, исходя из логики мир-системного анализа, отмечается, что этот период совпал по времени с понижательной волной циклов Кондратьева (с начала 2000-х гг. до конца 2010 гг.), ослаблением Запада, смещением центра мирового развития на Восток и фазой великих потрясений (2005–2017 гг.) в рамках циклов

эволюции мировой политической и экономической системы, что обусловило внутреннюю российскую стабилизацию и укрепление вертикали власти при уменьшении субъектности представительных институтов.

Под влиянием указанных факторов внешнеполитические подходы Российской Федерации претерпевают изменения в направлении акцентирования прагматичных действий и обеспечения национальных интересов. Концептуализация новой внешнеполитической стратегии впервые отчётливо проявилась в тексте выступления Президента В. В. Путина на конференции по вопросам политики безопасности в Мюнхене, 10 февраля 2007 г., когда российской стороной было выражено несогласие с односторонними действиями Вашингтона и НАТО и их вмешательством в дела суверенных государств. Критике подвергся «мир одного хозяина, одного суверена», не имеющий ничего общего с декларируемыми демократическими ценностями и реальным соотношением сил. Констатировалось, что «экономический потенциал новых центров мирового роста будет неизбежно конвертироваться в политическое влияние и будет укреплять многополярность». «Россия – страна с более чем тысячелетней историей, - отмечалось в «Мюнхенской речи», - и практически всегда она пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику. <...> Мы не собираемся изменять этой традиции и сегодня. Вместе с тем мы хорошо видим, как изменился мир, реалистично оцениваем свои собственные возможности и свой собственный потенциал. И, конечно, нам бы также хотелось иметь дело с ответственными и тоже самостоятельными партнёрами, с которыми мы вместе могли бы работать над строительством справедливого и демократического мироустройства, обеспечивая в нём безопасность и процветание не для избранных, а для всех» [120].

В подобных обстоятельствах проходили сессии Государственной Думы IV созыва, в ходе которых было зафиксировано 285 разного рода голосований [141], связанных с внешней политикой и международными отношениями (см. приложение 1, таблица 12).

Общее количество заявлений и обращений данной направленности достигло 53 (см. приложение 1, таблица 16). Большинство из них (всего – 10) касалось Грузии (в том числе «замороженных конфликтов»): нарастание напряженности вокруг Аджарской Автономной Республики; в связи с введением на территорию Южной Осетии внутренних войск Грузии, обострением обстановки в зоне грузино-осетинского конфликта; о мерах по защите прав и законных интересов граждан Российской Федерации и российских соотечественников, проживающих и находящихся на территории Южной Осетии; в связи с политикой грузинских властей в отношении российских военных баз в Грузии; вопросы поставок природного газа; критика антироссийской и антидемократической политики грузинских властей и нарушения прав человека в Грузии.

Значительное количество заявлений и обращений (всего – 9) традиционно имели отношение к государствам Балтии и затрагивали следующие вопросы: осуждение за систематическое нарушение прав человека; необходимость противодействия героизации нацизма и проявлению неонацистских и реваншистских настроений; кощунственное поправление «памяти воинов-освободителей, павших в боях с фашизмом»; неприятие попыток фальсификации истории.

Аналогичное число заявлений и обращений (всего – 9) было посвящено Украине: негативное отношение к законодательному оформлению присутствия вооруженных сил НАТО на территории Украины; обращение в связи с 60-летием освобождения Украины от немецко-фашистских захватчиков; оценка ситуации на Украине в контексте событий ноября 2004 г. (глубокая «обеспокоенность экстремистскими действиями радикальных оппозиционных сил Украины, которые могут привести к трагическим последствиям для братского народа ...»); осуждение попыток вмешательства в развитие ситуации на Украине; вопросы цены на российский природный газ; отрицательное отношение к планам вступления Украины в НАТО и поддержка общественности в Крыму, выступавшей против натовских учений; необходимость развития и углубления

российско-украинских дружбы и сотрудничества; положение в сфере обеспечения безопасности граждан Российской Федерации на территории Украины и т. п.

Группа заявлений и обращений были посвящены ситуации, связанной с Ираком (всего – 6): относительно выборов в республике; соблюдение прав человека в ходе послевоенного восстановления Ирака; осуждение вынесения смертного приговора С. Хусейну и предостережение о том, что его реализация будет способствовать ухудшению обстановки в республике; необходимость принятия шагов для предотвращения эскалации военной напряжённости на ирако-турецкой границе и т. д.

Заявления и обращения, касающиеся бывшей Югославии (всего – 4), затрагивали следующие вопросы: необходимость преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 г.; поддержка освобождения С. Милошевича; позиция Государственной Думы в связи со смертью С. Милошевича и т. д.

Тематика заявлений и обращений, связанных с Молдовой (всего – 3), содержала критику проводимого молдавскими властями курса на обострение обстановки вокруг Приднестровья и вопросы цены на российский природный газ. Применительно к Беларуси заявления и обращения (всего – 3) касались недопустимости вмешательства во внутренние дела республики и поздравления в связи с восьмой годовщиной единения народов России и Белоруссии.

Традиционно ряд заявлений и обращений (всего – 3) декларировали необходимость отмены продолжающейся экономической блокады Кубы. Что касается США, то 3 заявления и обращения затрагивали следующие проблемы. Во-первых, это – призыв нового состава Конгресса США к ратификации основополагающих документов, касающихся стратегической стабильности (Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, Договор об обычных вооружённых силах в Европе), к созданию механизмов контроля за реализацией Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их

уничтожении, к отмене поправки Джексона – Вэника и активизации межпарламентского сотрудничества по линии уже имеющихся структур, включая рабочую группу Дума – Конгресс и т. д. Кроме того, следует отметить такие темы: несогласие в связи с содержанием в заключении граждан Республики Куба; осуждение попыток вмешательства Вашингтона во внутривнутриполитическую ситуацию в Российской Федерации (в связи с докладом Госдепартамента США) и т. п.

В ходе заседаний Государственной Думы IV созыва было ратифицировано 145 международных договоров разного уровня (см. приложение 1, таблица 23). Договоры мирового уровня (всего – 20) подразумевали взаимодействие со структурами ООН и присоединение к многосторонним конвенциям. В рамках данной группы следует выделить договор по проекту ИТЭР, не относящийся к ООН, касающийся строительства термоядерного реактора. Наибольшее количество договоров регионального и субрегионального уровня было заключено в рамках СНГ и других постсоветских интеграционных структур, преимущественно ЕврАзЭС и ОДКБ (всего – 22). Число договоров с европейскими структурами, по сравнению с аналогичной статистикой предыдущего созыва, возросло до 13. Среди прочих (всего – 6) стоит выделить договоры по линии ШОС и других региональных и субрегиональных структур. В этом отношении важно отметить принятие федерального закона «О присоединении Российской Федерации к Договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии».

Двухсторонних договоров с отдельными государствами в рассматриваемый период было заключено 84. Наибольшее их количество снова пришлось на государства-члены СНГ (всего – 33) относительно сотрудничества по следующим вопросам: торгово-экономические; налогообложение; военные; аспекты обеспечения безопасности; миграционные; защита прав переселенцев; социальное обеспечение; взаимодействие в космической сфере; проведение государственных границ и т. д. В этом контексте следует выделить ратификацию «Договора о союзнических отношениях между Российской Федерацией и Республикой

Узбекистан», что свидетельствует о стратегическом характере взаимодействия в условиях нарастания международной напряжённости, в частности, в регионе Центральной Азии.

Тематика двухсторонних договоров с государствами-членами ЕС (всего – 25) сводилась к сотрудничеству в торгово-экономической и гуманитарных сферах, аспектах безопасности, технологическому взаимодействию и т. д. Двухсторонние договоры с европейскими государствами, не входившими в ЕС (всего – 5), касались аналогичных направлений сотрудничества.

Договоры с государствами Азии (всего – 11) затрагивали следующие вопросы сотрудничества: торгово-экономические; финансовые; гуманитарные; взаимодействие в космической сфере; аспекты обеспечения безопасности; проведение государственных границ. В числе прочих были ратифицированы двухсторонние договоры с различными государствами Африки, Океании, Южной, Центральной и Северной Америки (всего – 11) по традиционным сферам взаимодействия.

Прочие решения в рамках Государственной Думы IV созыва (см. приложение 1, таблица 12), относящиеся к международно-политической сфере (всего – 87), включали такие основные темы: вопросы, связанные с критериями и процедурой принятия гражданства РФ; дополнительные меры государственной поддержки ежегодных международных форумов-конгрессов по высоким промышленным технологиям (CITOGIC); об упрощённой системе регистрации и учёта иностранных граждан и лиц без гражданства по месту жительства и по месту пребывания в Российской Федерации; регулирование вопросов въезда в Россию иностранных граждан и лиц без гражданства, а также об уточнении правовых норм о порядке их пребывания и выезда из РФ; поддержка международного взаимодействия в борьбе с терроризмом; совершенствование экспортного контроля в целях противодействия международному терроризму; федеральный конституционный закон «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации»; регулирование военно-технического сотрудничества с иностранными

государствами; поддержка мер по ужесточению государственного фитосанитарного контроля пищевых продуктов, ввоз которых осуществляется на территорию России; федеральный закон «Об экспорте газа» и т. д.

Показательной инициативой представляется заявление «Об антироссийской и антидемократической политике грузинских властей», внесённое в повестку дня 4 октября 2006 г. по предложению председателя Комитета Государственной Думы по делам Содружества Независимых Государств и связям с соотечественниками А. А. Кокошина («Единая Россия»). «... В сложившейся ситуации, - отмечал он в ходе обсуждения документа, - Россия имеет полное право на осуществление комплекса мер по обеспечению своей безопасности, защите жизни и здоровья граждан Российской Федерации, включая введение санкций в отношении Грузии, прежде всего финансово-экономических. В случае продолжения антироссийской политики грузинских властей, угрожающей стабильности и безопасности в Кавказском регионе, Россия, по мнению депутатов, имеет право принять и другие, более жёсткие меры. Я ещё раз повторяю, что комплекс таких мер разрабатывался нами, Государственной Думой, прежде всего в рамках Комитета по делам СНГ и связям с соотечественниками, с участием других комитетов, и многие наши рекомендации приняты, они имеются в том пакете, который реализуется или может быть реализован. И в силу этого мы выражаем свою поддержку усилиям и Президента России, и Правительства Российской Федерации по обеспечению наших национальных интересов и безопасности Российской Федерации, а также стабильности и безопасности в Кавказском регионе» [3].

С критикой заявления выступило несколько депутатов, представляющих фракции КПРФ и «Справедливая Россия – «Родина» (народно-патриотический союз)». Так, депутат М. Ю. Маркелов («Справедливая Россия – «Родина» (народно-патриотический союз)») акцентировал, что, с учётом сложившихся обстоятельств, заявление выглядит «мягким» и «аморфным». Депутат Н. И. Кондратенко (КПРФ) от лица фракции высказал намерение «... предложить Президенту приостановить вывод войск с грузинской территории, по крайней мере, до стабилизации обстановки ...» [3].

Тем не менее, заявление было принято большинством голосов депутатов всех фракций [141].

В контексте характеристики внешнеполитического измерения деятельности Государственной Думы IV созыва показательным видится заявление «О последствиях размещения в Европе компонентов глобальной противоракетной обороны США», рассмотренное 5 октября 2007 г. Выступая с докладом о проекте заявления, заместитель председателя Комитета Государственной Думы по международным делам А. В. Островский (ЛДПР) отмечал: «... несмотря на то, что представители различных политических партий, работающих в Государственной Думе, зачастую имеют прямо противоположные позиции по различным вопросам, в вопросах выработки внешней политики России у нас нет разногласий, что приятно отметить, и позиция всех политических партий, представленных в парламенте, едина. <...> У нас вызывают очень серьёзную обеспокоенность и озабоченность те действия, которые предпринимает руководство США по размещению элементов ПРО в Европе, которые, на наш взгляд, могут очень серьёзно дестабилизировать ситуацию не только на Европейском континенте, но и в целом на планете. Поскольку те угрозы, о которых говорит военно-политическое руководство США (это угрозы гипотетические: о какой-то возможной агрессии со стороны Ирана, о возможной агрессии со стороны Северной Кореи), не являются логичными, то, на наш взгляд, размещение элементов ПРО в Европе в первую очередь угрожает безопасности и интересам нашего государства ... <...> Мы предлагаем нашим коллегам из парламентов США, Чехии и Польши, а также представителям всех политических партий и всех государств, которые так или иначе могут быть заинтересованы в разрешении данного вопроса, провести безотлагательно конференцию в Москве, на которой рассмотреть вопрос совместного использования Габалинской станции и исключить возможность размещения элементов ПРО в Восточной Европе ...» [3].

В прозвучавших затем выступлениях депутатов имелись лишь уточнения непринципиальных формулировок при отсутствии предметных замечаний.

Наиболее жестко высказался А. Е. Локоть (КПРФ), заявив, что «... мы всё-таки на это пойдём, поддержим, потому что должна быть дана, по крайней мере, какая-то оценка. Вот наша позиция. Но вот кому мы покажем и что мы покажем? На кого рассчитано это заявление? Уважаемые коллеги, нравится вам или не нравится, но большинство сторонников России за рубежом – сторонники левого движения, сторонники коммунистов. Именно они разделяют нашу позицию по данному вопросу, по Габалинской станции, позицию против размещения ПРО в Польше и Чехословакии – это португальская компартия, это испанская компартия, это другие компартии и левые движения, подчёркиваю. А мы у нас делаем всё для того, чтобы этих наших сторонников, ну, по крайней мере, принизить, отвратить их от нашей страны, чтобы они не были нашими сторонниками ...» [3].

Заявление «О последствиях размещения в Европе компонентов глобальной противоракетной обороны США» было принято в день рассмотрения, 5 октября 2007 г., большинством голосов депутатов всех фракций. При этом большая часть депутатов от ЛДПР предпочли не голосовать [141].

Помимо рассмотренных выше внешних факторов, характер принятых Государственной Думой IV созыва решений, в том числе относительно международно-политической плоскости, был обусловлен особенностями её депутатского состава и общими механизмами взаимодействия групп интересов между собой, а также с исполнительной властью. Так, новое парламентское большинство было сформировано фракцией «Единая Россия», располагавшей более чем 300 голосов. Затем в рамках сформированного большинства принимается решение о том, что указанная фракция должна нести полную ответственность за результаты деятельности нижней палаты. В итоге председателями всех думских комитетов были избраны представители фракции «Единая Россия» [254, с. 107]. По мнению исследователей, Государственная Дума IV созыва проявила себя гораздо более зависимой от исполнительной власти, нежели её предшественницы. Подтверждает это и факт того, что абсолютное большинство принятых в данный период законопроектов были подготовлены либо в Администрации Президента, либо Правительством. Кроме того, депутаты

не входящих в парламентское большинство фракций оказались фактически вытесненными из текущей законодательной работы [380, с. 395–398].

Период деятельности Государственной Думы V созыва (24 декабря 2007 – 21 декабря 2011 гг.) совпал по времени со значительными международно-политическими событиями глобального и регионального масштаба, оказавшими воздействие на внешнюю политику России. С одной стороны, грузино-российский конфликт в августе 2008 г. и мировой финансово-экономический кризис способствовали переходу РФ к приоритетам двухсторонних связей на постсоветском пространстве и реализации доктрины «зон привилегированных интересов» [379]. С другой стороны, на рубеже 2009–2010 гг., отмечают исследователи, «после выборов на Украине и подписания с Обамой соглашения по СНВ, Россия будто оказалась в другом мире. В этом мире происходят вещи, считавшиеся невозможными – соглашение с Киевом по базе ЧФ в Севастополе; решаются проблемы, которые принято считать вечными, например, демаркация в Северном и Баренцевом море с Норвегией. Одновременно рушится предпоследний «революционный» режим в Киргизстане и матрица оранжевых революций перестает существовать» [507]. Учитывая данные факторы, в стратегических подходах РФ акцентируются императивы сосредоточения на решении внутренних проблем, прагматичных действий в русле приоритета двухсторонних отношений, «симметричных ответов» на внешние вызовы и защиты национальных интересов.

В условиях обновления доктринальных основ 12 июля 2008 г. Президентом Д. А. Медведевым была утверждена новая редакция «Концепции внешней политики Российской Федерации» [78]. На базе этих положений разрабатываются и принимаются: «Стратегия национальной безопасности до 2020 г.» (май 2009 г.) [146], «Военная доктрина» (февраль 2010 г.) [8], «Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества» (декабрь 2010 г.) [101].

В содержании «Концепции» 2008 г., сохраняя преемственность в отношении доктринальных основ 2000-х гг., имелись ряд изменений:

утверждалась готовность России к односторонним действиям в целях защиты своих национальных интересов; акцентировалась значимость интеграционного взаимодействия на постсоветском пространстве в рамках ЕврАзЭС, укрепление ОДКБ и ШОС; увеличивалось значение Черноморского и Каспийского регионов в контексте российских экономических интересов; с учётом декларирования нежелательности вступления в НАТО Украины и Грузии, отмечались возможности применения необходимых методов (финансово-экономических воздействия, НПО) для обеспечения информационного, культурного, политического и экономического влияния Российской Федерации за рубежом. Указанные положения дополнялись расширенным описанием методов и механизмов обеспечения безопасности на постсоветском пространстве в «Стратегии национальной безопасности», а также уточнениями «Военной доктрины» относительно возможностей использования Вооружённых Сил России за пределами её границ в целях защиты российских граждан и национальных интересов в соответствии с общепризнанными нормами и принципами международного права. В «Основных направлениях политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества» были охарактеризованы механизмы «мягкой силы» в отношении стран СНГ [530, с. 94–95].

Оценивая процесс обновления концептуальных документов, западные аналитики ещё в 2007 г. с опасением отмечали то, что подобное становится производной осознания российским руководством факта увеличения международного влияния России и проявляется в прагматизме декларируемых внешнеполитических подходов. Это свидетельствовало о том, что теперь вряд ли стоит надеяться на поддержку Москвой политики Вашингтона по «продвижению демократии» на постсоветском пространстве [884, р. 46]. В этом отношении в 2009 г. американскими экспертами акцентировалась опасность возможного нарушения баланса сил в регионе новых независимых государств, что может быть следствием взаимодействия прозападных и пророссийских институтов. Чтобы этого избежать, по их мнению, США должны были реализовывать свои интересы

в регионе, применяя более взвешенные действия в целях улучшения американо-российских отношений. С учётом укрепления международно-политических позиций России, такая стратегия якобы будет способствовать стабилизации функционирования международной системы [820, р. 93].

В период проведения заседаний в рамках Государственной Думы V созыва (с января 2008 по ноябрь 2011 г.) было зафиксировано 418 принятых решений [141], связанных с внешней политикой и международными отношениями (см. приложение 1, таблица 12).

Количество заявлений и обращений указанной тематики (см. приложение 1, таблица 17) по сравнению с аналогичными показателями предыдущего созыва несколько уменьшилось (всего – 37). Однако их формулировки стали чётче отражать позиции нижней палаты парламента по конкретным вопросам. Примерно одинаковое число (2–3 позиции) решений данной группы касалось приоритетных направлений внешней политики. По 3 случая принятых заявлений и / или обращений (всего – 6) имели отношение к Абхазии и Южной Осетии: особенности политики России в отношении данных государств; поддержка необходимости признания их независимости; аргументация дружественных отношений и сотрудничества по широкому кругу вопросов; осуждение нападения Грузии на Южную Осетию. Заявления и обращения в отношении Грузии затрагивали следующие проблемы: ситуацию, связанную с репатриацией в Грузию тюрк-месхетинцев; осуждение акта уничтожения властями Грузии мемориала воинам Великой Отечественной войны в Кутаиси. 2 голосования данного вида касались Молдовы, в том числе «замороженных конфликтов» и ситуации в Приднестровье, выражая традиционную поддержку устремлениям населения этого региона. Акцентированию необходимости прекращения экономической блокады Кубы было посвящено 3 обращения.

Заявления и обращения, касающиеся государств Балтии (всего – 2), содержали: осуждение действий властей Литвы, требующих возмещения ущерба от так называемой «оккупации» в советский период и прочих шагов, направленных на ухудшение отношений с Россией; утверждение о

недопустимости судебного преследования в Эстонии ветерана Второй мировой войны Героя Советского Союза А. Мери. Также 2 заявления были связаны с выражением несогласия с фактами нарушения прав граждан России за рубежом и со стремлением исправить подобные случаи. Аналогичное число заявлений (всего – 2) затрагивали проблемные вопросы политики памяти и попыток переписать историю со стороны некоторых государств постсоветского пространства.

Отдельно следует выделить 2 заявления в отношении Афганистана. Одно из них было связано с возросшей угрозой международной безопасности в виде распространения наркотиков, другое касалось 30-й годовщины ввода ограниченного контингента советских войск в Афганистан.

Прочие заявления и обращения (всего – 16) имели отношение к различным вопросам международной политики и юбилеям событий мирового значения: террористические акты и борьба с международным терроризмом; пятидесятая годовщина победы Кубинской революции; десятая годовщина начала военной операции НАТО против Союзной Республики Югославии; относительно принятия Палатой представителей Парламента Японии поправок к «Закону о специальных мерах по содействию решению проблемы северных территорий»; отношения Российской Федерации с государствами Латинской Америки и Карибского бассейна; российско-белорусские отношения; позиция по вопросам сокращения и ограничения стратегических наступательных вооружений; поддержание боевой готовности и развитие стратегических ядерных сил Российской Федерации, ядерного оружейного комплекса и работающих в данной сфере организаций оборонно-промышленного комплекса; ситуация в Ливии; состояние российско-украинских отношений и выполнение обязательств по «Договору о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной»; обращение к народам России и Украины в связи с 355-летием Переяславской Рады и т. д.

В процессе работы Государственной Думы V созыва было ратифицировано 276 международных договоров разного уровня (см. приложение 1, таблица 24). Договоры мирового уровня (всего – 39) традиционно касались взаимодействия со

структурами ООН, Международной организацией уголовной полиции – Интерполом и присоединения к многосторонним конвенциям. Среди ратифицированных договоров регионального и субрегионального уровня (всего – 122) наибольшее число (всего – 94), как обычно, приходилось на соглашения в рамках СНГ и прочих постсоветских интеграционных структур (ОДКБ, ЕврАзЭС, СГРБ). Количество договоров с европейскими структурами было аналогичным относительно показателей прежнего созыва (всего – 13). В числе прочих (всего – 15) отмечались многочисленные договоры в отношении ШОС, характеризующие активизацию взаимодействия по линии данной организации.

Наибольшее количество двухсторонних договоров с отдельными государствами (всего – 115) касались сотрудничества со странами СНГ (всего – 34) по следующим направлениям: торгово-экономическое; здравоохранение; налогообложение; миграционное; гуманитарное; социально-правовое; обеспечение безопасности; военное; исследование космического пространства; научно-техническое; урегулирование задолженностей перед РФ по государственным кредитам; газо-транспортная система; экспорт углеводородов и т. д.

Двухсторонние договоры с государствами-членами ЕС (всего – 12) затрагивали следующие вопросы взаимодействия: торгово-экономическое; финансовое; налогообложение; экологическое; культурное и т. д. Тематика двухсторонних договоров с прочими европейскими государствами (всего – 9) касалась разграничения морских пространств, процедур упрощения выдачи виз и порядка взаимных поездок и т. д. В этом отношении следует выделить соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Турецкой Республики о сотрудничестве в сфере строительства и эксплуатации атомной электростанции на турецкой площадке «Аккую», а также об использовании атомной энергии в мирных целях.

Тематика двухсторонних договоров с азиатскими государствами (всего – 28) сводилась к следующим направлениям взаимодействия: военное; обеспечение безопасности; финансовое; налогообложение; упрощение процедуры выдачи виз

для осуществления взаимных поездок граждан; трудовое законодательство; сотрудничество в мирном использовании атомной энергии; взаимодействие в нефтяной сфере.

Двухсторонние договоры с прочими государствами (географически представлявшими Африку, Северную и Южную Америку, Океанию) (всего – 24) содержали аналогичные указанным направления сотрудничества. В этом контексте несколько отличались соглашения с Бразилией о взаимной охране технологий в связи с сотрудничеством в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях, а также с Австралией о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях.

Кроме того, этот период характеризуется интенсификацией взаимодействия с США, что проявилось в ратификации 8 договоров следующей направленности: об избежание двойного налогообложения в отношении налогов на доходы; о взаимной правовой помощи по уголовным делам; относительно безопасных и надежных перевозок, хранения и уничтожения оружия и предотвращения его распространения. На этом фоне в контексте значения для глобальной стратегической стабильности выделяется ратификации «Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений».

Среди прочих решений (в основном – федеральных законов) (см. приложение 1, таблица 12), затрагивающих сферу внешней политики и международных отношений (всего – 105), отмечаются следующие: относительно порядка осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства; регулирование правового положения иностранных граждан в Российской Федерации (об установлении законодательных основ для реализации в РФ института реадмиссии); об установлении упрощенного порядка приобретения российского гражданства для иностранных граждан и лиц без гражданства, являющихся участниками Государственной программы по оказанию

содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом; совершенствование системы миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства; регулирование порядка выезда из России и въезда в неё; об изменении механизма установления квот для привлечения и использования иностранной рабочей силы в субъектах Российской Федерации; об увеличении ответственности иностранных перевозчиков за нарушение порядка перевозок грузов; совершенствование механизмов регулирования внешней трудовой миграции, защиты национального рынка труда от избыточного привлечения иностранной рабочей силы; относительно мер по снижению налогового бремени соотечественников, переселившихся в Россию; регулирование государственного контроля за осуществлением международных автомобильных перевозок; стимулирования ввоза культурных ценностей на территорию Российской Федерации; касательно государственной политики в отношении соотечественников за рубежом (о расширении перечня признаваемых в России документов об образовании (для соотечественников), выданных иностранными государствами, и приведении некоторых норм закона в соответствие с федеральным законом «О гражданстве Российской Федерации»); относительно военно-технического сотрудничества с иностранными государствами; регулирование внешнеторговой деятельности; об организации проведения встречи глав государств и правительств стран – участниц форума «Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество».

В контексте рассмотрения наиболее значимых внешнеполитических решений выделяется заседание, в рамках которого обсуждалось «Соглашение между Российской Федерацией и Украиной по вопросам пребывания Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины». С аргументацией необходимости ратификации соглашения традиционно выступил председатель Комитета Государственной Думы по делам Содружества Независимых Государств и связям с соотечественниками А. В. Островский (ЛДПР). В комплементарном ключе высказались депутаты Г. А. Зюганов (КПРФ) и А. А. Климов («Единая Россия»). Депутат Н. В. Левичев («Справедливая

Россия»), поддержав необходимость принятия документа, отметил, что «Правительству Российской Федерации вопреки всему тому, что говорилось в пользу такого соглашения, всё-таки необходимо будет внести соответствующие коррективы в бюджет Российской Федерации». Более жёстко высказался В. В. Жириновский (ЛДПР): «... Когда говорят, что надо дорого заплатить за то, чтобы мы имели возможность реализовать какие-то свои геополитические интересы, я согласен, только дорого нужно платить по-другому. Украине есть чем с нами рассчитаться: она может передать нам в аренду Крым, передать в собственность предприятия, и для этого не обязательно снижать цену на газ – мы будем им платить арендную плату, как платим за флот и за всё остальное, но это нам было бы выгоднее. А сегодняшнее соглашение нам с вами будет невыгодно. Вот представьте себе: пройдёт десять лет – вот прошло уже двенадцать лет после подписания договора о дружбе, - и я вас уверяю, что к власти придёт уже не второй Янукович, а второй Ющенко, и всё начнут отработывать обратно ...» [3].

В тот же день, 27 апреля 2010 г. соглашение было ратифицировано практически единогласно. Фракция ЛДПР всем составом не голосовала [141].

Заслуживает внимания ситуация, связанная с ратификацией «Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений». В рамках третьего чтения, 21 января 2011 г., с аргументацией необходимости ратификации законопроекта выступил председатель Комитета Государственной Думы по международным делам К. И. Косачёв («Единая Россия»). Критически высказались представители КПРФ и ЛДПР. Депутат Л. И. Калашников (КПРФ) отметил, что разработка «ратификационного закона шла в неприличной спешке <...> Мы даже не хотим дожидаться пакета ратификационных документов от США, хотя точно не знаем, что будет включено в этот пакет, какие ещё юридические уловки в пользу США там будут. Даже те, кто считает, что новое соглашение по СНВ полезно для России, должен признать, что с таким ратификационным законом договор принимать нельзя и нельзя одобрять этот важнейший договор в такой спешке ...» Соглашаясь с этим

мнением, депутат М. С. Рохмистров (ЛДПР) подчёркивал: «... Мы здесь кого-то пытаемся обмануть, принимая, голосуя за этот федеральный закон, который фактически вводит в действие этот договор. Зачем ратифицировать договор, из которого обе стороны фактически уже вышли? Одни говорят, мы будем разворачивать, другие говорят, что если вы будете разворачивать, то мы выйдем из этого договора. Поэтому мы считаем, что необходимо либо сначала договориться и включить, наверное, тот консенсус по противоракетной обороне, которого можно достигнуть, либо не принимать настоящий закон ...» [3].

Проект федерального закона «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений» был ратифицирован в тот же день, 21 января 2011 г., при поддержке фракций «Единая Россия» и «Справедливая Россия». КПРФ и ЛДПР проголосовали против данного законопроекта [141]..

Характер принимаемых решений Государственной Думой V созыва определялся особенностями её состава, в рамках которого, по результатам выборов, свои позиции укрепила партия «Единая Россия», получив 315 депутатских мест и сформировав парламентское большинство [474, с. 534–535]. В этот период фракция данной партии, по мнению исследователей, утвердилась в качестве «единственного представителя исполнительной власти и действенного инструмента проведения её воли в парламенте» [254, с. 110–111]. Это в полной мере проявилось в том, что принимаемые депутатским большинством решения международно-политической направленности преимущественно соответствовали доктринальным основам государственной внешней политики и заявлениям представителей исполнительной власти.

Деятельность Государственной Думы VI созыва приходится на 2011–2016 гг., когда под влиянием знаковых событий – «арабской весны», гражданской войны в Сирии, активизации международных террористическо-экстремистских сил с целью создания на Ближнем Востоке собственного государства (ИГИЛ), «украинского кризиса», усиления внешнего давления со стороны США и

западноевропейских стран, сопровождающегося введением антироссийских санкций и наращиванием присутствия сил НАТО в непосредственной близости от российских границ – возникает необходимость обновления внешнеполитических подходов Российской Федерации.

В этом отношении необходимо отметить последствия ситуации на Украине. Бывший министр иностранных дел России И. С. Иванов в 2015 г. писал: «... украинский кризис 2014 г. закономерно стал если не началом новой эпохи мировой политики (об этом говорить пока рано), то уж во всяком случае – завершением старой эпохи. Кризис наглядно показал, как обветшали созданные в других исторических условиях институты европейской и глобальной безопасности, какими двусмысленными и мутными на поверку оказались некогда чёткие и кристально чистые нормы международного права, сколь неустойчивыми и подверженными влиянию политической конъюнктуры проявили себя доминирующие общественные настроения. Иными словами, кризис предельно чётко высветил главную проблему мировой политики начала XXI века – очевидный и непрерывно растущий дефицит управляемости всей современной системы международных отношений. События на Украине стали пугающей иллюстрацией того, каким может стать весь наш мир, если дефицит управляемости будет расти дальше» [325, с. 12–13].

Примечательно в этом смысле подчеркнуть императив особого значения Украины для России, что признавали и авторитетные западные исследователи. «Запад должен понять, - акцентировал Г. Киссинджер весной 2014 г., - что для России Украина никогда не станет обычным иностранным государством. Российская история началась с Киевской Руси. Оттуда пришло русское православие. Украина входила в состав России на протяжении столетий, но и до этого их история была тесно переплетена. Самые важные сражения за свободу России, начиная с Полтавской битвы 1709 года, происходили на украинской земле. Черноморский флот, посредством которого Россия проецирует силу в Средиземноморье, базируется на основе соглашения о долгосрочной аренде в крымском городе Севастополе. Даже такие прославленные диссиденты, как

Александр Солженицын и Иосиф Бродский, настаивали на том, что Украина – это неотъемлемая часть российской истории, да и самой России тоже» [372, с. 176].

С учётом сказанного стоит отметить, что кризис на Украине катализировал антироссийские настроения коллективного Запада, которые, однако, стали проявляться за несколько лет до этого, когда возникло понимание, что Россия «отказывается действовать в согласии с тем мировым порядком, что был установлен после холодной войны». Американский аналитик Д. Саймс в этом контексте отмечал, что «сопротивление России плану США нанести воздушный удар по режиму Асада в Сирии, сильная оппозиция против расширения НАТО и размещения элементов ПРО в Европе, ограничения против субсидируемых западными фондами неправительственных организаций в России и отсутствие интереса к строительству демократии западного образца послужили, наверное, последними сигналами Вашингтону и Брюсселю, что путинская Россия весьма отличается от других постсоветских стран. Исходя из этой перспективы, Россия упорно отказывалась принять западные нормы поведения решительно во всех аспектах» [599, с. 201].

В этих условиях происходит корректировка доктринальных основ российской внешней политики, что проявилось в рамках «Концепции внешней политики» (2013 г.) [79], а также составленных на её базе «Концепции государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию» (2014 г.) [81], «Военной доктрине» (2015 г.) [9] и «Стратегии национальной безопасности» (2015 г.) [147].

В обновлённой «Концепции» были сохранены базовые принципы «Концепций» 2000 и 2008 гг.: прагматизм, многовекторность, открытость, последовательное и лишённое конфронтации продвижение национальных интересов России. При этом в «Концепции» 2013 г. была комплексно обоснована сущность технологии «мягкой силы», специфика и результаты её применения. В документе фиксировались реалии формирования полицентричной международной системы, а также смещение мирового потенциала сил и развития на Восток, прежде всего в Азиатско-Тихоокеанский регион. Кроме того, отмечалось значение

сетевой и экономической дипломатии, тенденция реидеологизации международных отношений. Подчёркивалась необходимость реализации мер с целью закрепления за Россией статуса ключевого транзитного направления по обеспечению торгово-экономических связей между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом. В этом плане фиксировалась задача по формированию Евразийского экономического союза как эффективного связующего звена между указанными регионами. Конкретизированы направления взаимодействия в рамках СНГ и в отношении государств постсоветского пространства, в частности Украины, Грузии и Белоруссии. Отмечен приоритет содействия становлению Республики Абхазия и Республики Южная Осетия и т. д. [261, с. 74–81].

На заседаниях Государственной Думы VI созыва (с 21 декабря 2011 по 5 октября 2016 г.) было принято 486 разного рода решений [141], связанных с международной политикой (см. приложение 1, таблица 12).

Количество заявлений и обращений (см. приложение 1, таблица 18) по сравнению с аналогичными показателями прошлого созыва практически не изменилось, составив 35 случаев. Вместе с тем, их тематика разделялась на более чёткие блоки, которые выражали позицию по наиболее значимым вопросам, находясь в рамках положений доктринальных основ внешней политики.

Наибольшее число данного вида решений (всего – 8) касались Украины: осуждение несанкционированных митингов, блокирований органов государственной власти, захватов административных зданий, разрушений исторических памятников; критика западных политиков, вмешивающихся в дела Украины; призывы к оппозиционным силам вернуться в конституционное поле и вступить в конструктивный диалог с легитимными институтами власти; осуждение политических репрессий на Украине; необходимость проведения международного расследования преступлений против мирного населения Юго-Востока Украины и т. д.

Значительное внимание (в виде 4 принятых решений) традиционно было уделено позиции о необходимости прекращения экономической, торговой и финансовой блокады Республики Куба. По 2 заявления и / или обращения

затрагивали вопросы, связанные с ситуацией в государствах бывшей Югославии, Сирии, международным терроризмом и ПАСЕ, акцентируя обозначенные в концептуальных документах внешней политики России позиции и призывая к соблюдению норм международного права в целях обеспечения мира и стабильности.

В группе «прочие» (всего – 15) следует отметить такие основные темы заявлений и обращений: осуждение фактов нарушения прав человека в Латвийской Республике; поддержка недопустимости реабилитации нацизма; ситуация в Республике Крым (поддержка решений референдума 16 марта 2014 г. и т. п.); осуждение антироссийских санкций США и ЕС; об усилении работы с соотечественниками за рубежом и о расширении гуманитарного влияния России в преддверии создания Евразийского экономического союза; необходимость принятия мер по обеспечению безопасности российских детей, усыновленных гражданами Соединенных Штатов Америки; поддержка усилий Организации Объединенных Наций по утверждению мира и воплощению идеалов «олимпийского перемирия»; необходимость противодействия нацистским тенденциям в современной Европе; недопустимость разжигания религиозной вражды журналистами России и иностранных государств и т. д.

В период работы Государственной Думы VI созыва было ратифицировано 232 международных договора разного уровня (см. приложение 1, таблица 25). 28 из них – договоры мирового уровня – затрагивали вопросы взаимодействия со структурами ООН, присоединения к многосторонним конвенциям и вступления России в ВТО. Количество договоров с европейскими структурами существенно уменьшилось, составив 2 позиции. Несколько меньшими (всего – 56) по сравнению с аналогичными показателями предыдущего созыва были данные по ратифицированным договорам в рамках СНГ и прочих постсоветских структур, связанных с интеграционными процессами в регионе. Вместе с тем, в этом отношении наблюдалась активизация по направлению оформления Евразийского экономического союза. Среди прочих договоров (всего – 10) следует выделить взаимодействие в рамках ШОС.

Что касается двухсторонних договоров с отдельными государствами (всего – 136), то подавляющее большинство из них (всего – 52) касались взаимодействия со странами СНГ по следующим направлениям: научно-техническое; исследование космического пространства; гуманитарное; торгово-экономическое; налогообложение; поощрение и взаимная защита инвестиций; поставки углеводородов; обеспечение безопасности; военное; миграционная политика; пограничные вопросы; урегулировании задолженности перед Российской Федерацией по ранее предоставленным кредитам и т. д.

Договоры о сотрудничестве с государствами ЕС (всего – 52) затрагивали следующие направления: вопросы налогообложения; железнодорожный транзит; гуманитарное; пограничные вопросы; культурная сфера. Примерно такие же темы преобладали в ратифицированных договорах (всего – 5) с другими европейскими государствами. Взаимодействие с США (2 договора) касалось процедур упрощения визовых формальностей для граждан обеих стран и гуманитарных вопросов.

Тематика двухсторонних договоров с азиатскими государствами (всего – 26) не отличалась от аналогичных примеров прошлых лет: поощрение и взаимная защита капиталовложений; налогообложение; передача для отбывания наказания лиц, осужденных к лишению свободы; взаимодействие в области исследования и использования космического пространства; торгово-экономическое сотрудничество; урегулировании финансовых обязательств перед Российской Федерацией. Отдельно необходимо отметить имеющие стратегическое значение договоры с КНР о расширении сотрудничества в сфере торговли сырой нефтью, сотрудничестве в области поставок природного газа, реализации проекта «Ямал СПГ», об облегчении поездок граждан.

Кроме того, отмечается значительное количество (всего – 32) договоров с государствами Африки, Северной и Южной Америки по широкому кругу вопросов, схожих по тематике с вышеуказанными. В этом отношении отличаются договоры с Венесуэлой (об учреждении и условиях деятельности центров науки и культуры, о предоставлении кредита) и Кубой (об урегулировании задолженности

Республики Куба перед Российской Федерацией по кредитам, предоставленным в период бывшего СССР).

В числе прочих решений (см. приложение 1, таблица 12), относящихся к международно-политической сфере (всего – 219), выделяется ряд федеральных законов следующей направленности: об уточнении упрощенного порядка приема в российское гражданство в отношении участников Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, и членов их семей, а также об установлении дополнительных мер в целях стимулирования указанных лиц для участия в названной программе; создание преференций для получения вида на жительство в РФ иностранными гражданами и лицами без гражданства, которые сами либо их ближайшие родственники были подвергнуты незаконной депортации с территории Крымской АССР; принятие в Российскую Федерацию Республики Крым и образование в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя; прекращение действия соглашений, касающихся пребывания Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины; приостановление Россией действия «Договора о зоне свободной торговли» касательно Украины; об установлении льготного режима допуска к осуществлению трудовой деятельности в Российской Федерации в отношении иностранных учащихся и студентов и о создании благоприятных условий для получения образования иностранными работниками, а также о расширении возможностей для привлечения в Россию в целях обучения в рамках международных договоров иностранных соотечественников; установление возможности получения в упрощенном порядке вида на жительство в Российской Федерации иностранными гражданами и лицами без гражданства, прибывшими на её территорию в экстренном массовом порядке, получившими статус беженца или временное убежище и ставшими участниками Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом; регулирование порядка въезда и

выезда на территорию РФ; регулирование правового положения иностранных граждан (об установлении обязанности подтверждения в установленном порядке владения русским языком и знания истории и основ законодательства России для отдельных категорий иностранных граждан, обратившихся за получением обыкновенной рабочей визы или вида на жительство в Российской Федерации, либо прибывающих в порядке, не требующем получения визы, для осуществления трудовой деятельности на основании разрешения на работу или патента); регулирование деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента; координация международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации; контроль над деятельностью некоммерческих организаций, в том числе структурных подразделений международных организаций и иностранных некоммерческих неправительственных организаций, общественных объединений, политических партий и религиозных организаций; установление запрета для государственных служащих иметь в собственности недвижимое имущество за рубежом, иметь счета в иностранных банках и ценные бумаги иностранных эмитентов; регулирование ввоза и вывоза культурных ценностей и т. д.

Показательным представляется рассмотрение проекта федерального закона «О ратификации Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 г.», состоявшееся 10 июля 2012 г. После выступлений официального представителя Правительства, министра экономического развития А. Р. Белоусова и председателя Комитета по экономической политике, инновационному развитию и предпринимательству И. Н. Руденского состоялось обсуждение, в ходе которого с критикой законопроекта выступили депутаты от фракций КПрФ, ЛДПР и «Справедливая Россия». Депутат Я. Е. Нилов (ЛДПР), размышляя о геополитических последствиях реализации законопроекта, допустил, что в Калининградской области «может начаться простой процесс вытеснения, когда предприятия будут закрывать из-за того, что импортные товары просто вытеснят отечественные, люди будут трудоустраиваться на

зарубежные предприятия, после этого им дадут возможность получить второе гражданство, и о перспективах данной территории можно только догадываться». Депутат С. Н. Решульский (КПРФ) отметил: «По существу, продавать нам нечего, кроме военной техники, ну вот ещё минеральные удобрения, но объёмы мизерные. Если нам нечего продавать, так зачем идти в ВТО на роль потребителя? Но Россию готовят на роль не обычного потребителя – важно не только то, чтобы она покупала как можно больше, важнее всего, чтобы она ничего не производила сама». В продолжение обсуждения депутат М. В. Емельянов («Справедливая Россия») подчеркнул, что «мы пытаемся открывать экономику тогда, когда она не модернизирована. Весь мировой опыт говорит о том, что на начальном этапе модернизации необходимо проводить жёсткую протекционистскую политику, дать возможность промышленности стать на ноги, а потом уже открывать рынки. <...> Мы вступаем в ВТО, когда 80 процентов основных фондов устарело, это признаёт и само правительство. Возникает вопрос: на какие деньги модернизировать экономику?» [3].

Однако после обсуждения, 10 июля 2012 г., законопроект был принят благодаря голосам фракции «Единая Россия» с учётом того, что фракции КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия» практически единогласно проголосовали «против» [141].

В качестве примера консенсуса по ключевым внешнеполитическим вопросам можно привести рассмотрение проектов федерального закона «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов» и федерального конституционного закона «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя», которое состоялось 20 марта 2014 г. С докладом по обсуждаемой теме выступил официальный представитель Президента, министр иностранных дел С. В. Лавров, содокладчиком по первому законопроекту был председатель Комитета Государственной Думы по делам

Содружества Независимых Государств, евразийской интеграции и связям с соотечественниками Л. Э. Слуцкий (ЛДПР), по второму – председатель Комитета Государственной Думы по конституционному законодательству и государственному строительству В. Н. Плигин («Единая Россия»). Выступившие затем руководители фракций – Г. А. Зюганов (КПРФ), В. В. Жириновский (ЛДПР), В. А. Васильев («Единая Россия»), С. М. Миронов («Справедливая Россия») – единогласно (с учётом некоторых отличий в оценках и предложениях) поддержали оба законопроекта [3].

В ходе голосования 20 марта 2014 г. по первому законопроекту большинство депутатов всех фракций проголосовали утвердительно, «против» был 1 представитель «Справедливой России», не голосовало – 5 депутатов (3 – от «Справедливой России», 1 – от «Единой России», 1 – от КПРФ). Поддержка второго законопроекта была ещё более убедительной: отрицательно проголосовал 1 представитель «Справедливой России» и 3 депутата этой же фракции не голосовали при том, что остальные депутаты упоминаемой и других фракций проголосовали положительно [141].

Анализируя влияние особенностей состава Государственной Думы VI созыва на характер принятых ею решений в международно-политической плоскости, следует отметить, что партия «Единая Россия» в результате выборов потеряла своё конституционное большинство, сохранив абсолютное, а представительство трёх оппозиционных партий увеличилось [306, с. 109]. В этот период стало очевидным, что российская политическая система по-прежнему была подвержена конъюнктуре как внутривнутриполитических, так и внешнеполитических факторов. С другой стороны, сформировались политические традиции в электоральной сфере, что проявилось в наличии устойчивого «ядра избирателей», поддерживающих «старые» партии [474, с. 536]. Голосования по вопросам международно-политической направленности характеризовались преимущественно консолидированным подходом [455, с. 123] в принятии тех решений, которые соответствовали доктринальным основам государственной

внешней политики и национальной безопасности, а также позициям исполнительной власти.

Государственная Дума VII созыва (с 5 октября 2016 г.) приступала к своим обязанностям, когда – в обстоятельствах продолжающейся конфронтации с Западом, антироссийских санкций, «украинского кризиса», растущих угроз международного терроризма и общей трансформации миропорядка в направлении полицентричности – происходило укрепление международных позиций России. Характеризуя российскую внешнюю политику, министр иностранных дел С. В. Лавров в 2016 г. отмечал: «Повторю – мы не стремимся к конфронтации ни с США, ни с Евросоюзом, ни с НАТО. Наоборот, Россия открыта для самого широкого взаимодействия с западными партнёрами. По-прежнему считаем, что наилучшим способом обеспечения интересов народов, проживающих на европейском континенте, было бы формирование общего экономического и гуманитарного пространства, простирающегося от Атлантики до Тихого океана, так чтобы недавно сформированный Евразийский экономический союз смог стать интегрирующим звеном между Европой и АТР. Стремимся сделать всё, что от нас зависит, для преодоления препятствий на этом пути, включая урегулирование на основе Минских договорённостей украинского кризиса ...» [86, с. 110–111].

В целях адаптации доктринальных основ к условиям новых вызовов в конце 2016 г. Президентом В. В. Путиным утверждаются новые редакции «Концепции внешней политики» [80] и «Доктрины информационной безопасности» [53].

Содержание «Концепции» 2016 г. в целом соответствовало «духу» указанной сентенции министра иностранных дел, отражая императивы международной законности и верховенства права, уважения центральной и координирующей роли ООН, важности коллективного лидерства ведущих государств мира. Подтверждались принципы защиты национальных интересов, прагматизма и приоритетные направления взаимодействия в форматах «Группы двадцати», БРИКС, ШОС, РИК (Россия, Индия, Китай), а также в рамках других структур и диалоговых площадок. Примечательно, что в документе давалась негативная оценка политики США и их европейских союзников по сдерживанию

России, но отсутствовали положения конфронтационной направленности. В этом контексте высказывалась заинтересованность в выстраивании конструктивного сотрудничества с государствами ЕС на принципах равноправия и взаимоуважения во внешнеэкономической и военно-политической областях. Также отмечалось, что Москва готова к выстраиванию взаимовыгодных отношений с Вашингтоном. В то же время российская сторона не приемлет попыток оказания на неё давления – экономического, политического, военного и т. п. – и оставляет за собой право жёстко реагировать на подобные действия, в том числе посредством укрепления национальной обороноспособности, принятия зеркальных или асимметричных мер [260, с. 59–67].

Большое значение в «Концепции» 2016 г. уделяется отношениям с государствами АТР. При этом подчёркивалось, что «восточный вектор» не заменяет «западный», однако становится одним из наиболее важных в долгосрочной перспективе. В целом, в документе подтверждаются преемственность, предсказуемость и последовательность российской внешней политики. Неизменными остаются и стратегические приоритеты – защита национальных интересов на основе упрочения позиций Российской Федерации как одного из наиболее влиятельных центров современного мира [260, с. 68]. Оценивая особенности «Концепции внешней политики» 2016 г., российский исследователь М. А. Неймарк акцентировал, что она «основательно заполнила те ниши и пробелы, которые образовались на протяжении предшествующих десятилетий в концептуально-аналитическом осмыслении целей, задач и приоритетов внешней политики России в условиях сложнейших трансформаций мирового порядка. Выявлены специфические особенности и противоречивые тенденции в развитии современных геополитических процессов. Точечно определены новые вызовы и угрозы для России, а также возможности и перспективы эффективного противодействия им» [490, с. 170]. Следуя логике мир-системного анализа, пересмотр российских внешнеполитических подходов хронологически совпал с началом фазы революции мирового рынка (2017–2041 гг.), которая в рамках циклов эволюции мировой политической и экономической

системы всегда представляла собой радикальную геополитическую и геоэкономическую перестройку мира [517, с. 135–137].

Государственная Дума VII созыва приступила к своим обязанностям 5 октября 2016 г. и продолжает работу на момент написания данного текста. В период с октября 2016 по декабрь 2019 г.²⁰ включительно нижней палатой парламента было принято 351 решение [141], так или иначе связанное с международно-политической направленностью (см. приложение 1, таблица 12).

Заявлений и обращений в этот период было принято 23 (см. приложение 1, таблица 19), что соответствует традиционной динамике последних созывов. Их тематика делилась на три четких блока и многочисленные случаи выражения позиций по актуальным вопросам международной политики.

Наибольшее число заявлений и обращений (всего – 7) были связаны с Украиной: осуждение погромов банковских учреждений; негативная оценка очередных нарушений фундаментальных прав и свобод человека; о недопустимости нарушения фундаментального права коренных народов и национальных меньшинств Украины обучаться на родных языках; поздравление народа Украины с 73-й годовщиной освобождения от немецко-фашистских захватчиков; по поводу нападения украинских спецслужб на представительство «РИА Новости Украина»; касательно обострения общей ситуации на Украине; относительно обострения международной обстановки в результате непрекращающихся провокационных действий украинских властей.

Традиционно значительное внимание (4 обращения) было уделено необходимости прекращения экономической, торговой и финансовой блокады Кубы со стороны США. 2 заявления касались Молдовы: осуждения действий молдавских властей в контексте конфликта в Приднестровье; о недопустимости дискриминации российских средств массовой информации в Республике Молдова.

²⁰ Учитывая специфику формирования официальной статистической базы данных, в целях достоверности полученных результатов в исследовании были использованы показатели за октябрь 2016–декабрь 2019 гг.

Прочие заявления и обращения (всего – 10) затрагивали следующие вопросы: по поводу трагической гибели Чрезвычайного и Полномочного Посла Российской Федерации в Турецкой Республике А. Г. Карлова; в связи с решением Исполнительного комитета Международного олимпийского комитета от 5 декабря 2017 г.; о недопустимости ликвидации школьного образования на языках национальных меньшинств в Латвии; ситуация вокруг российского участия в Парламентской ассамблее Совета Европы; относительно возможных дополнительных экономических мер в связи с антироссийскими провокациями в Грузии; по поводу ракетного удара США по военному аэродрому на территории Сирийской Арабской Республики 7 апреля 2017 г.; по вопросу обеспечения равных прав граждан Республики Беларусь на трудоустройство на территории России; относительно предоставления гражданам Киргизской Республики права управления транспортными средствами при осуществлении предпринимательской и трудовой деятельности; в связи с оскорблением памяти воинов, погибших при освобождении Европы от нацизма, жертв Холокоста и других преступлений против человечности, совершенных гитлеровцами и их пособниками в годы Второй мировой войны.

В ходе заседаний Государственной Думы VII (с октября 2016 по декабрь 2019 г.) был ратифицирован 171 международный договор (см. приложение 1, таблица 26). Договоры мирового уровня (всего – 31) традиционно касались взаимодействия со структурами ООН и присоединения к различным многосторонним конвенциям. Среди договоров регионального уровня (всего – 38) к заключённым с европейскими структурам относилось 4 и, как обычно, значительно большее количество (всего – 29) касалось сотрудничества в рамках СНГ и прочих постсоветских структур (ЕАЭС, ОДКБ, СГРБ). В числе договоров с другими организациями регионального и субрегионального уровня (всего – 5) выделялось взаимодействие по линии ШОС, Европейской организации ядерных исследований и Лиги арабских государств.

Из двухсторонних договоров с отдельными государствами (всего – 102), как и ранее, большее число (всего – 27) касалось сотрудничества со странами СНГ по

следующим направлениям: поставки углеводов; торгово-экономическое; гуманитарное; трудовая миграция; военное; обеспечение безопасности; исследование и использование космического пространства в мирных целях и т. д.

Договоры с государствами ЕС (всего – 11) были связаны с взаимодействием в таких сферах: финансовая; торгово-экономическая; налогообложение; приграничное сотрудничество; социальное обеспечение. Двухсторонние договоры с европейскими государствами, не входящими в ЕС (всего – 4), зачастую касались аналогичных направлений взаимодействия. В этом контексте следует выделить договор с Турцией по проекту газопровода «Турецкий поток», имевший важное геополитическое значение.

Заметная активизация наблюдалась в отношении взаимодействия с азиатскими государствами, что проявилось в ратификации 29 договоров следующей направленности: военно-техническое сотрудничество; борьба с международным терроризмом; торгово-экономическое взаимодействие; гуманитарное и социально-правовое сотрудничество; поощрение и взаимная защита капиталовложений и т. д. В силу стратегического значения необходимо отметить ряд договоров, заключённых с КНР, которые касались вопросов сотрудничества: в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом; в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях и в создании и эксплуатации средств выведения и наземной космической инфраструктуры; в сфере реализации проекта разработки Ключевского золоторудного месторождения; в области применения глобальных навигационных спутниковых систем ГЛОНАСС и Бэйдоу в мирных целях.

Тематика двухсторонних договоров (всего – 31) с другими государствами (представляющими Африку, Центральную и Южную Америку) во многих аспектах соответствовала направлениям взаимодействия с азиатскими странами.

Среди прочих решений (всего – 157), относящихся к внешней политике и международным отношениям (см. приложение 1, таблица 12), следует выделить ряд федеральных законов такой направленности: регулирование процедур получения российского гражданства для отдельных категорий лиц, находящихся

на территории Российской Федерации с неурегулированным правовым статусом; уточнение административной ответственности за нарушение иностранным гражданином или лицом без гражданства правил въезда в Российскую Федерацию либо режима пребывания (проживания) на её территории; создание преференций для получения вида на жительство в России иностранными гражданами и лицами без гражданства, которые сами либо их ближайшие родственники были подвергнуты незаконной депортации с территории Крымской АССР; регулирование некоторых вопросов правового положения иностранных граждан в России; регулирование миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации; наделение МВД России полномочием по определению порядка депортации иностранных граждан и лиц без гражданства по согласованию с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти; упрощение порядка принятия в гражданство Российской Федерации отдельных категорий иностранных граждан; упрощение порядка предоставления некоторым категориям иностранных граждан и лиц без гражданства разрешения на временное проживание и вида на жительство; относительно признания носителями русского языка без прохождения собеседования граждан Белоруссии и граждан Украины, свободно владеющих русским языком; внесение изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части определения понятия «иностранные финансовые инструменты»; относительно запрета отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами (в части регулирования порядка отчуждения иностранных финансовых инструментов); касательно порядка осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства (в части установления запрета на участие офшорных компаний в приватизации); установление порядка применения законодательства Российской Федерации об иностранных инвестициях на территории Республики Крым и

города федерального значения Севастополя; регулирование основ приграничного сотрудничества; регулирование процедур ввоза и вывоза культурных ценностей; противодействие финансированию распространения оружия массового уничтожения; относительно мер воздействия (противодействия) на недружественные действия США и иных иностранных государств; регулирование деятельности международных компаний; относительно государственного контроля за осуществлением международных автомобильных перевозок и об ответственности за нарушение порядка их выполнения (об особенностях перевозок вооружения, военной техники и военного имущества); приостановление Российской Федерацией действия «Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки об утилизации плутония, заявленного как плутоний, не являющийся более необходимым для целей обороны, обращении с ним» и сотрудничестве в этой области; установление запрета на посещение Государственной Думы представителями средств массовой информации США, признанных иностранными средствами массовой информации, выполняющими функции иностранного агента и т. д.

В качестве примера наиболее показательных голосований уместно привести рассмотрение проекта федерального закона «О ратификации Соглашения между Российской Федерацией и Сирийской Арабской Республикой о размещении авиационной группы Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Сирийской Арабской Республики», проходившее 7 октября 2016 г. С докладом по теме законопроекта выступили официальный представитель Президента, статс-секретарь – заместитель министра обороны Н. А. Панков, содокладчиком был председатель Комитета Государственной Думы по международным делам Л. Э. Слуцкий (ЛДПР). В поддержку данного проекта высказались представители всех думских фракций. «Мы оцениваем ратификацию настоящего соглашения, - отмечал депутат А. В. Чепанов («Справедливая Россия»), - как ещё одно действие на пути восстановления потускневшего в ранний постсоветский период престижа России на международной арене и усиления позиций нашей страны в сфере

международных отношений. <...> Считаем, что необходимо рассмотреть вопрос о нашем присутствии и в других регионах мира. Считаю, что национальным интересам России отвечало бы восстановление наших ранее закрытых военных баз в Латинской Америке, в Юго-Восточной Азии и в Африке». Депутат В. В. Жириновский (ЛДПР) акцентировал: «... открывать что-либо надо в силу необходимости: на Кубе, в Юго-Восточной Азии никогда не будет военного конфликта, базы нужны только там, где возможен военный конфликт, то есть только на Ближнем Востоке. <...> ... мы должны полностью поддержать Сирию, мы должны помочь местному правительству одержать победу. В планах у них было свергнуть Башара Асада и бросить всех этих освободившихся боевиков, сотни тысяч, на Афганистан, а оттуда вторгнуться в Среднюю Азию. Иран их не пропустил бы – они сунниты, - а на самолётах можно было перебросить в Афганистан и потом в Среднюю Азию, и это было бы опасно, поэтому там они должны находиться, в Сирии!» Председатель Комитета Государственной Думы по делам Содружества Независимых Государств, евразийской интеграции и связям с соотечественниками Л. И. Калашников (КПРФ) подчеркнул, что «в Сирии это не просто война, а самозащита, это не просто уничтожение террористов, которые иначе приедут к нам, - это самозащита России! А террористы приедут, уже в наглую американцы нам говорят устами представителей Госдепа, что приедут террористы и что, дескать, через третьи страны они будут и дальше подбрасывать в эту топку дрова, поддерживая огонь!» Депутат С. В. Железняк («Единая Россия») указывал, что «сегодня рассматриваем вопрос о долгосрочном, я даже уточню, о бессрочном размещении нашей авиационной группировки в Сирии, но у нас есть ещё и военно-морская база в Тартусе, и я уверен, что мы и дальше продолжим переговорный процесс, с тем чтобы провести все комплексные решения по обеспечению присутствия наших Вооружённых Сил в Сирийской Арабской Республике» [3].

Законопроект был принят 7 октября 2016 г. большинством голосов состава всех фракций. Не голосовали 4 депутата: по 1 – от фракций «Единая Россия»,

«Справедливая Россия» и КПРФ, а также 1 – депутат, не входящий во фракции [141].

Заслуживает внимания рассмотрение проекта федерального закона «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств», состоявшееся 22 мая 2018 г. С докладом по теме законопроекта выступил председатель Комитета Государственной Думы по экономической политике, промышленности, инновационному развитию и предпринимательству С. А. Жигарев (ЛДПР). Выступившие затем представители фракций поддержали законопроект, однако их предложения и оценки отличались. «„,„ Этот закон, - отмечал депутат Н. В. Арёфьев (КПРФ), - увязывается с изменениями в Уголовный кодекс – и тут он становится довольно грозным орудием расправы с неугодными предпринимателями. Я не об олигархах беспокоюсь – олигархам сейчас принадлежит вся экономика, - меня больше всего беспокоит сама экономика: что будет с экономикой, если мы начнём расправляться с нею вот таким методом? Просто когда вводятся санкции, наши предприниматели оказываются между двух огней: между санкциями собственного правительства и правосудия и санкциями ВТО ...» Депутат О. А. Нилов («Справедливая Россия») в этом отношении акцентировал: «... как действовать в отношении многих международных организаций? Например, ВТО – нас туда затащили, и что мы теперь?.. Мы выполняем обязательства, а нас санкциями кормят! Надо либо защищать наш бизнес через институты ВТО, либо выходить оттуда ...» Депутат А. К. Исаев («Единая Россия») обратил внимание на то, что «закон расширит права президента и правительства по применению санкций в отношении конкретных юридических и физических лиц. В нём оговорено шесть конкретных направлений, по которым могут быть приняты ограничительные меры. При этом очень важно подчеркнуть, что в ходе обсуждения мы с правительством достигли договорённости о том, что никакие меры не будут приниматься кулуарно – только в результате обсуждения с бизнесом, с экспертным сообществом, с Государственной Думой ...» [3].

Несмотря на определённые разногласия, законопроект был поддержан 22 мая 2018 г. большинством голосов состава всех фракций. При этом воздержался 1 депутат от фракции ЛДПР и 28 депутатов – не голосовало: 15 из них представляли фракцию «Единая Россия», 7 – КПРФ, 3 – ЛДПР, 3 – «Справедливая Россия» [141].

Специфика принятия решений по вопросам международной политики традиционно обуславливалась особенностями депутатского состава нижней палаты парламента. По результатам выборов 2016 г. партия «Единая Россия» увеличила своё присутствие в Государственной Думе более чем на сто мест по сравнению с аналогичными показателями предыдущего созыва, получив конституционное большинство: 343 депутатских места из 450 возможных [11]. В целом, в нижнюю палату парламента VII созыва прошли четыре партии, работавшие в период VI созыва, подтвердив тенденцию наличия устойчивого ядра избирателей, поддерживающего «старые» партии.

Анализ первых лет работы Государственной Думы VII созыва позволяет выделить две основные тенденции в её деятельности. «Одна из них, - отмечает российский исследователь А. В. Кынев, - связана с изменением состава депутатского корпуса, обусловленным как добавлением мажоритарного компонента, что повлияло на принципы подбора кандидатов, так и рядом других причин – от ставки на низкую явку до появления в законодательстве новых запретов и ограничений. Другая – с изменением стиля работы нижней палаты Федерального Собрания. Помимо усилий, направленных на уменьшение скандальности и избавление от репутации «взбесившегося принтера», речь идет о попытках руководства Думы в целом и отдельных парламентских фракций максимально упорядочить и централизовать законотворческий процесс. Если первая тенденция предполагает повышение политической независимости депутатов (как следствие усиления значимости на выборах их личных качеств), то вторая – еще большее сокращение их влияния на принимаемые Думой решения» [423, с. 65]. В этом контексте вторая тенденция проявилась в процессе голосований по вопросам внешней политики и международных отношений,

которые характеризовались преимущественным единством в поддержке решений, соответствовавших доктринальным основам государственной внешней политики и национальной безопасности.

Подытоживая, можно сделать следующие выводы.

Деятельность Государственной Думы IV–VII созывов осуществлялась в условиях понижательной волны циклов Кондратьева и фазы великих потрясений в рамках эволюции циклов развития мировой политической и экономической системы: смещения центра мирового развития на Восток, формирования полицентричного мироустройства и увеличения международно-политического давления на Россию в условиях обострения её конфликта с Западом. Это способствовало пересмотру российских внешнеполитических подходов, укреплению вертикали власти и уменьшению субъектности представительных институтов, в том числе во внешнеполитической сфере.

Государственная Дума IV созыва, в рамках которой квалифицированное большинство было сформировано партией «Единая Россия», продемонстрировала наибольшую в сравнении предыдущими составами лояльность к действующей власти. Принятые решения в полной мере соотносились с доктринальными основами государственной внешней политики и заявлениями Президента, акцентируя приоритеты прагматизма, защиты национальных интересов и интеграционного взаимодействия на постсоветском пространстве.

Решения Государственной Думы V созыва, связанные с международно-политической проблематикой, были обусловлены тем, что конституционное большинство снова сформировала партия «Единая Россия», упрочив позиции действующей власти в нижней палате парламента. Динамика принятия решений несколько снизилась, но увеличилась степень их чёткости, как в плане формулировок, так и относительно соответствия концептуальным документам и официальному внешнеполитическому курсу государства.

Результаты голосований международно-политической направленности в рамках Государственной Думы VI созыва – несмотря на то, что партия «Единая Россия» сохранила лишь парламентское большинство при увеличении

представительства трёх «старых» партий – продемонстрировали единство в принятии решений, находящихся в русле доктринальных основ и позиций исполнительной власти. Количество принятых заявлений, обращений и международных договоров по сравнению с предыдущим созывом несколько уменьшилось, учитывая тенденцию на увеличение их чёткости в соответствии с указанными в концептуальных документах установками. При этом возросла численность принятых федеральных законов, прямо или косвенно затрагивающих сферу внешней политики и международных отношений.

Государственная Дума VII созыва характеризуется наличием конституционного большинства под эгидой значительно укрепившей свои позиции партии «Единая Россия», а также традиционно вошедшими в состав «старыми» партиями, представительство которых уменьшилось. Решения, связанные с международно-политической сферой, принимались, как правило, большинством голосов и полностью соответствовали доктринальным основам и официальному курсу государства. Их тематика стала более упорядоченной, проработанной и подробно освещала актуальные вопросы государственной внешней политики и национальной безопасности.

4.3. Основные тенденции развития парламентской дипломатии как формы внешнеполитической деятельности Государственной Думы

Особой формой внешнеполитической деятельности нижней палаты парламента являются международные связи, реализация которых способствует как проведению активной международной политики Государственной Думы, так и осуществлению внешнеполитических инициатив официальной дипломатии [388, с. 113]. При этом отмечается, что «парламентская дипломатия находится меж двух полюсов – рациональной официальной дипломатии и эмоциональной народной дипломатии. <...> Парламентская дипломатия, будучи самостоятельным институтом, интегрирована с официальной, рациональной дипломатией, но не чужда эмоциональной составляющей, присущей народной

дипломатии. Это делает её уникальным инструментом проведения внешней политики государства. Будучи интегрированной в официальную дипломатию и связанной единством целей внешней политики государства, парламентская дипломатия более свободна в выборе средств их реализации» [479, с. 304].

Международная деятельность парламента осуществляется на двух уровнях: институциональном и политическом. Первый связан с законодательно установленным статусом высшего представительного органа власти во внешней политике государства, предусматривая выполнение предписанных функций по ратификации и денонсации международных договоров и соглашений. Второй характеризуется более широкой ролью в реализации государственных внешнеполитических приоритетов. «В последнем случае, - подчёркивают специалисты, - более широкая роль парламента в международном пространстве может варьироваться, по разным экспертным оценкам, в зависимости от трёх параметров: исторических традиций национального парламентаризма, характеристик политической системы страны и общего положения государства на мировой арене» [390].

Специфика реализации международных связей Государственной Думы определяется действующим Регламентом [126]. Ежегодно Совет нижней палаты парламента утверждает планы её международных связей с зарубежными парламентами. Подготовкой проектов данных планов совместно занимаются – допуская изменения в названиях структурных подразделений – Комитет Государственной Думы по международным делам и Комитет Государственной Думы по делам Содружества Независимых Государств и связям с соотечественниками с учётом мнений других комитетов, депутатских объединений и предложений Межпарламентской группы Российской Федерации (входящей в Межпарламентский союз (МПС) и состоящей из представителей обеих палат Федерального Собрания). Затем они согласовываются с Комитетом Государственной Думы по Регламенту и организации работы Государственной Думы.

Государственная Дума может заключать с зарубежными парламентами и международными парламентскими организациями соглашения о сотрудничестве. Делегации Государственной Думы, сформированные на основе равного или пропорционального фракционного представительства, принимают участие в деятельности международных парламентских организаций. Официальную делегацию Государственной Думы, как правило, возглавляет спикер либо один из его заместителей. Депутаты и комитеты Государственной Думы, межпарламентские комиссии по сотрудничеству, депутатские группы по связям с парламентами зарубежных стран осуществляют свою деятельность на постоянной основе. Обеспечение международных связей нижней палаты парламента возложено на Управление международного сотрудничества [126].

В многообразном арсенале форм и методов межпарламентских связей особую нишу занимают непосредственные контакты депутатов парламентав друг с другом. Эффективным путём реализации данной формы межпарламентского сотрудничества является деятельность депутатских групп по связям с парламентами иностранных государств. Совет Государственной Думы определяет кандидатуры из числа депутатов нижней палаты для включения в состав делегаций и российских частей межпарламентских комиссий (парламентских или рабочих групп) Федерального Собрания. Среди важнейших форм отмечается участие делегаций обеих палат парламента в деятельности международных парламентских организаций, международных конференций, семинаров и «круглых столов», визиты «групп дружбы», участие в составе смешанных делегаций с представителями исполнительной власти [388, с. 113–114].

Государственная Дума может принимать руководителей зарубежных парламентав, глав государств, правительств и парламентских делегаций. Их принимает для беседы Председатель нижней палаты или, по его поручению, один из вице-спикеров. По желанию представителей зарубежных делегаций разного уровня, могут быть организованы их встречи с членами комитетов, комиссий и фракций Государственной Думы. Также в случае необходимости им

предоставляется возможность выступить на заседании нижней палаты парламента [472, с. 109–110].

Значимой формой международной деятельности являются встречи Председателя Государственной Думы, которые происходят в рамках его участия в качестве руководителя парламентских делегаций и встреч с руководителями зарубежных парламентов или их палат. При этом данными встречами контакты спикера не ограничиваются, затрагивая, в зависимости от ситуации, официальных лиц зарубежных государств и представителей международных организаций [388, с. 115].

Отмечая, что международные связи Государственной Думы представляются важной формой её внешнеполитической деятельности, однако, следует считать их самостоятельной проблемой исследования, находящейся на пересечении официальной и народной дипломатии. Это объясняется тем, что в планировании и реализации международных связей нижней палаты парламента на разных уровнях представительства может проявляться наличие личных инициатив парламентариев, узкопрофильных контактов по идеологической линии, многочисленных процедурных мероприятий в рамках различных международных парламентских структур. Также значительное количество международных мероприятий парламента осуществляется в смешанных форматах, когда в определённую комиссию или группу включаются помимо представителей Государственной Думы представители Совета Федерации и / или исполнительной власти. Поэтому в процессе рассмотрения заявленной проблемы целесообразно акцентировать внимание на основных тенденциях развития международных связей нижней палаты парламента в соотношении с декларируемыми инициативами и принятыми решениями в ходе обсуждений и голосований.

Государственная Дума I созыва в 1994–1995 гг. осуществляла активную деятельность в плане укрепления и расширения международных связей, что проявлялось, в том числе, в принятых международных договорах (см. приложение, таблица). Так, в январе, мае и июне 1994 г. делегации Федерального Собрания Российской Федерации, в которую входили представители обеих палат,

принимала участие в работе 45-й сессии Парламентской Ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ). В марте 1994 г. в рамках визита в Москву первой группы экспертов Совета Европы (СЕ) состоялись их встречи с высшим руководством Российской Федерации, в том числе с Председателями Государственной Думы и Совета Федерации. В мае 1994 г. в Москве находился Председатель ПАСЕ М. А. Мартинес. Среди прочих на переговорах обсуждались вопросы, связанные с вступлением России в СЕ [132, с. 364], которое состоялось в феврале 1996 г.

Активно велась работа в рамках Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств (МПА СНГ). В мае 1995 г. главами стран СНГ была подписана Конвенция о Межпарламентской Ассамблее государств – участников Содружества Независимых Государств – основной документ, регламентирующий деятельность МПА СНГ, придавая ей статус межгосударственного органа [38].

Резюмируя итоги международной деятельности, спикер Государственной Думы I созыва И. П. Рыбкин отмечал: «... Государственная Дума стремительно вошла в межпарламентские организации мира. Наша делегация <...> работала на 92-й конференции Межпарламентского союза, руководителем делегации была Алевтина Васильевна Федулова. На Парламентской ассамблее Черноморского экономического сотрудничества руководителем был Валентин Алексеевич Ковалёв, на конференции стран Азиатско-Тихоокеанского региона – Александр Дмитриевич Венгеровский, на Североатлантической ассамблее – Михаил Алексеевич Митюков. На Генеральной Ассамблее Организации Объединённых Наций присутствовали наши представители – Владимир Петрович Лукин, Александр Сергеевич Дзасохов. И сейчас <...> работают наши коллеги в Страсбурге, на Парламентской ассамблее Совета Европы.

Государственная Дума налаживает связи с парламентами стран Африканского континента. В этой работе активно участвует Артур Николаевич Чилингаров и другие коллеги. Немало забот нас ожидает и работе Парламентской ассамблеи Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Мы призваны укрепить позиции России в этих международных организациях, добиться, чтобы

Россия стала полноправным членом этих организаций. Это один из наших приоритетов» [132, с. 394–395].

Руководствуясь накопленным опытом, международная деятельность Государственной Думы II созыва в 1996–1999 гг. носила более широкий и системный характер. Примечательно, что руководство и делегации постоянных комитетов нижней палаты совершили более 200 официальных поездок за рубеж, география которых охватывала все континенты [107, с. 143].

Постоянное внимание уделялось вопросам многостороннего межпарламентского сотрудничества в рамках проведения международных мероприятий с участием российских представителей. Так, в указанный период официальные делегации во главе с Председателем Государственной Думы Г. Н. Селезнёвым приняли участие в 18 зарубежных международных мероприятиях, в ходе которых были рассмотрены проблемы МПС, ПАСЕ, Парламентской ассамблеи ОБСЕ (ПА ОБСЕ), Парламентской ассамблеи Черноморского экономического сотрудничества (ПАЧЭС), Большой российско-французской межпарламентской комиссии и т. д. В 1999 г. спикер нижней палаты отечественного парламента выступил перед участниками мероприятий Межпарламентского союза в Австрии, Марокко и ФРГ [125].

Делегации Федерального Собрания Российской Федерации, в состав которых входили депутаты нижней палаты, работали на постоянной основе в Ассамблее Западноевропейского союза (АЗЕС), ПАСЕ, Комитета парламентского сотрудничества Россия – ЕС, ПА ОБСЕ, ПАЧЭС. Межпарламентская группа РФ проводила активную деятельность в МПС [38].

Государственная Дума прилагала значительные усилия для развития межпарламентских связей и многостороннего сотрудничества в рамках МПА СНГ. Оценивая роль в этом спикера Г. Н. Селезнёва, бывший Генеральный секретарь Совета МПА СНГ М. И. Кротов писал: «Он глубоко понимал особое значение для России отношений с Белоруссией и Украиной, стремился на парламентском уровне сдерживать навязываемые извне центробежные тенденции, сохранить, а по возможности и укрепить связи между тремя братскими народами.

Ярким примером такой работы было проведение 10–11 июня 1999 г. в Киеве в здании Верховной Рады Межпарламентской конференции «Беларусь, Россия, Украина – опыт и проблемы интеграции», в которой приняли участие делегации парламентов, правительств, общественных организаций и предпринимателей трех братских стран» [84].

Представители Государственной Думы принимали участие в заседаниях Межпарламентского Комитета (МПК) Таможенного союза. В 1997–1999 гг. было проведено 21 заседание МПА – МПК, которые в основном проходили синхронно. В данный период проводились заседания Парламентского Собрания Союза Беларуси и России (ПА СБР), где были рассмотрены актуальные вопросы двустороннего сотрудничества, в том числе относительно подготовки Договора о Союзном государстве России и Беларуси. Заметно расширились контакты парламентариев России и Армении, чему во многом способствовала Межпарламентская комиссия по сотрудничеству между Федеральным Собранием Российской Федерации и Национальным Собранием Республики Армения. Под влиянием ратификации «большого» Договора с Украиной и соглашений по Черноморскому флоту активизировалось сотрудничество Государственной Думы с Верховной Радой Украины [125].

Что касается динамики межпарламентского обмена со странами СНГ, то в период 1997–1999 гг. в регион было направлено 140 делегаций и групп от Государственной Думы (в том числе официальных во главе с Председателем нижней палаты – 24). Наиболее посещаемыми государствами были Белоруссия, Украина, Армения, Грузия. При этом в России за этот период была принята 21 делегация из стран СНГ (в том числе во главе со спикерами парламентов – 9).

Перед депутатами Государственной Думы II созыва выступали: Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко (дважды), Председатель Верховной Рады Украины А. Н. Ткаченко, Президент Республики Молдова П. К. Лучинский. В свою очередь, в ходе состоявшихся официальных визитов в страны СНГ делегаций Государственной Думы во главе Г. Н. Селезнёвым состоялось 10

выступлений спикера в парламентах: Азербайджана, Армении, Белоруссии, Грузии, Украины, Киргизии, Молдавии, Таджикистана и Туркмении [125].

Наряду со странами СНГ, география официальных визитов делегаций Госдумы во главе с Председателем охватывала страны бывшего социалистического содружества (Монголия, Венгрия, Куба, Румыния, Польша, Вьетнам), скандинавские государства (Дания, Норвегия, Швеция, Финляндия), центрально-европейские страны (Франция, Швейцария), государства Ближнего и Среднего Востока (Израиль, Сирия, Кувейт, Иран, Турция), а также Латинской Америки (Никарагуа, Венесуэла, Колумбия, Перу).

В период работы Государственной Думы II созыва в Москве на официальном уровне (спикером) было принято 130 парламентских делегаций групп и руководителей международных парламентских организаций более чем из 50 стран. На заседаниях нижней палаты перед депутатами выступили 7 Председателей национальных парламентов: Исламского Совета Ирана, Европейского парламента, Палаты общин Великобритании, Государственного собрания Словении, Верховной Рады Украины, Национального Народного Собрания Алжира [38].

Примечательно, что Государственная Дума заняла принципиальную и последовательную позицию в отношении агрессии НАТО против Югославии. В апреле 1999 г. состоялась рабочая поездка в Белград Г. Н. Селезнёва, в рамках которой прошли его встречи с руководством СРЮ. Также здесь побывала делегация под руководством заместителя Председателя Госдумы С. Н. Бабурина. На состоявшемся в Вене заседании Рабочей группы «Дума – Конгресс (США)» по вопросам урегулирования балканского кризиса делегацию Государственной Думы возглавлял В. А. Рыжков. В октябре 1999 г. состоялась поездка в Югославию представителей Комиссии Государственной Думы по изучению и обобщению информации о преступлениях, совершенных НАТО в ходе агрессии против Сербской Республики Югославии, которую возглавлял заместитель председателя Комиссии А. И. Николаев [125].

Международная деятельность Государственной Думы III созыва в 2000–2003 гг. в целом соответствовала концептуальным документам и позициям исполнительной власти, сохранив преемственность относительно реализации основных направлений, свойственных предыдущему созыву нижней палаты парламента. Так, в рассматриваемый период г. МПА СНГ осуществляла постоянный контроль в зонах, которые подвергались атакам террористов на Северном Кавказе России, в Кыргызстане и Таджикистане [479, с. 309]. Еще в 1999 г., по решению Совета МПА СНГ, парламентские делегации, представляющие государств-членов Договора о коллективной безопасности (ДКБ), стали рассматривать в рамках МПА Содружества правовые вопросы реализации данного договора. В 2000 г. на сессии Совета коллективной безопасности ДКБ данный статус МПА СНГ был закреплён. В ноябре 2001 г. на первом заседании Совета МПА СНГ была принята «Программа правового обеспечения Плана основных мероприятий по формированию системы коллективной безопасности государств-участников ДКБ на период 2000–2005 гг.». В этом отношении основными формами работы МПА СНГ в формате ДКБ становятся регулярные заседания членов Совета МПА СНГ стран-членов ДКБ и постоянной комиссии МПА СНГ по вопросам обороны и безопасности. Происходит обмен информацией и сотрудничество в разработке проектов профильных документов между административными органами Совета МПА СНГ и ДКБ. В 2001 г. группами депутатов МПА СНГ – членов ДКБ осуществлялось изучение военно-политической обстановки в Центрально-Азиатском регионе [328, с. 46–47].

В октябре 2000 г. была учреждена Межпарламентская Ассамблея ЕврАзЭС как орган межпарламентского сотрудничества в рамках Сообщества [449]. Её задачами являлись: правовое обеспечение функционирования организации, гармонизация (сближение, унификация) национальных законодательств государств-членов и приведение его в соответствие с договорами в рамках ЕврАзЭС [489, с. 11–12].

Интенсифицируется взаимодействие Федерального Собрания с Европарламентом. В 2000 г. были подписаны «дорожные карты» РФ – ЕС предусматривающие, среди прочего, совместную работу законодательных структур России и Евросоюза в контексте сближения и гармонизации их правовых систем [435, с. 134]. Что касается отношений с ПАСЕ, то в апреле 2000 г. российская делегация впервые была лишена права голоса в связи с «нарушениями прав человека» в период контртеррористической операции в Чечне. После этого представители России в знак протеста покинули зал заседаний. В январе 2001 г. ПАСЕ проголосовала за восстановление прав РФ, что позволило российской делегации возобновить работу [61].

Подводя итоги деятельности Государственной Думы III созыва, спикер Г. Н. Селезнёв отмечал: «В число подписанных Президентом федеральных законов входит 156 принятых нами законов о ратификации международных договоров и соглашений. <...> Плодотворную работу проделала Государственная Дума третьего созыва в сфере ратификации международных договоров и соглашений. Большое значение для многих наших соотечественников, проживающих за рубежом, имеет принятый нами новый федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» [137, с. 4–5].

Государственная Дума IV созыва в 2004–2007 гг. проводила активную международную деятельность, которая соответствовала концептуальным документам и официальному внешнеполитическому курсу исполнительной власти. Этот период отмечен институционализацией взаимодействия в рамках межпарламентских организаций (МПО). В 2007 г. нижняя палата отечественного парламента участвовала в деятельности 23 МПО. Как составляющая Федерального Собрания, Государственная Дума принимала участие в широком круге межпарламентских форумов: субрегиональных (Парламентское Собрание Союза Беларуси и России, Конференция парламентариев Баренцева региона (КПБР) и т. д.), региональных (Азиатско-Тихоокеанский парламентский форум (АТПФ), ПАСЕ и т. д.) до общемировых (МПС). Кроме того, нижняя палата парламента РФ принимала участие в ряде специализированных МПО, в частности

во Всемирной организации законодателей за гармоничную окружающую среду (GLOBE) и др. [388, с. 119].

Анализ участия делегаций Государственной Думы в деятельности международных парламентских организаций демонстрирует, что более половины всех мероприятий проходило под эгидой ПАСЕ. Основной формой участия являлись комиссии по ключевым вопросам. Депутаты активно участвовали в деятельности ПА ОБСЕ, ПА НАТО, ПАЧЭС, МПС и межпарламентских организаций Балтийского моря.

Что касается зарубежных поездок парламентариев, то в рассматриваемый период в их поездках преобладали страны СНГ и ЕС. При этом парламентское взаимодействие на европейском направлении являлось более активным. Динамика институализированных контактов в рамках МПО выше в отношении ЕС. Значительная доля контактов в СНГ приходилась на встречи в формате международных парламентских организаций (МПА СНГ, МПА ЕврАзЭС, ПА ОДКБ, ПС СБР).

В целом, в период работы Государственной Думы IV наблюдается расширение числа международных партнёров отечественного парламента посредством вовлечения более широкого круга стран, а также высокая доля мероприятий, проводимых в России [388, с. 117–121].

Международная деятельность Государственной Думы V созыва в 2008–2011 гг. характеризовалась соответствием духу концептуальных документов и внешнеполитическим установкам исполнительной власти. В рамках межпарламентского сотрудничества было проведено около 1500 мероприятий, в том числе: около 400 в формате многостороннего сотрудничества, около 700 – двустороннего сотрудничества со странами дальнего зарубежья, около 400 – со странами СНГ и Балтии. Функционировали многочисленные депутатские группы по связям с парламентами зарубежных государств, а также депутатская группа Федерального Собрания по связям с ЮНЕСКО и депутатская группа Федерального Собрания «Авиация и космонавтика» [27, с. 632].

Традиционно постоянные делегации Государственной Думы принимали участие в многочисленных мероприятиях международных парламентских организаций. Наибольшее количество таковых приходилось на ПАСЕ (188), ПА ОБСЕ (38), ПАЧЭС (33), ПА НАТО (29), Комитет парламентского сотрудничества «Россия – Европейский союз» (КПС «Россия – ЕС») (18), Азиатскую парламентскую ассамблею (АПА) (16), Постоянный комитет и Конференцию парламентариев Арктического региона (ПКПАР и КПАР) (16), Межпарламентскую Ассамблею Православия (МАП) (15), Европейскую ассамблею по безопасности и обороне (ЕАБО) / Ассамблею Западноевропейского союза (АЗЕС) (13), Постоянный комитет парламентской конференции и Парламентскую конференцию Балтийского моря (ПК ПКБМ и ПКБМ) (11), Европейскую межпарламентскую организацию по космосу (10), Межпарламентский Союз (10), Северный Совет (СС) (10) и др. [27, с. 632–633].

Показательно, что участие российских миротворцев в 2008 г. в защите Абхазии и Южной Осетии и последующее признание независимости республик, а также угроза военного конфликта между РФ и НАТО обусловили острый кризис в отношениях России и ПАСЕ. При этом в 2008–2011 гг. на заседаниях Государственной Думы V созыва выступили представители парламентов только двух государств: Президент Республики Абхазия С. В. Багапш и Президент Республики Южная Осетия Э. Д. Кокойты [27, с. 634].

Анализируя особенности отечественной парламентской дипломатии в рассматриваемый период, российский исследователь В. Н. Лихачёв подчёркивал: «Наши партнеры находятся во многих регионах Земли и представляют более 100 государств. С большинством из них Совет Федерации и Государственная Дума имеют различные по форме (протоколы, заявления, соглашения, меморандумы), но политически обязательные источники взаимодействия. Они ставят общие и конкретные вопросы, предлагают организационные механизмы их решения (совместные комиссии, «круглые столы», проведение международных конференций, внесение общесогласованных инициатив в межпарламентские структуры и др.). С рядом стран Российская Федерация имеет и двусторонние

межгосударственные программы сотрудничества, содержащие специальные пункты о межпарламентском взаимодействии (Бельгия, Люксембург, Нидерланды, Китай, страны СНГ).

В значимые признаки парламентской дипломатии Российской Федерации попадает и широкое, интенсивное участие делегаций Федерального Собрания в современных международных организациях (ПАСЕ, ПА ОБСЕ, Ассоциация европейских сенатов, Конгресс местных и региональных властей Совета Европы, ПА НАТО, ПА ЗЕС, МПС, ПА Черноморского экономического сотрудничества, Азиатско-тихоокеанский парламентский форум, Северный совет, Парламентская конференция стран Балтийского моря), сложившееся взаимодействие с отдельными международными структурами, например Европарламентом» [436].

Государственная Дума VI созыва характеризовалась аналогичными тенденциями в осуществлении международной деятельности в 2012–2016 гг., корреляция которой обуславливалась изменениями международной ситуации с конца 2013 г. Общее количество мероприятий в рамках межпарламентского сотрудничества – около 1100, из них около 350 – многостороннее межпарламентское сотрудничество, около 500 – двустороннее межпарламентское сотрудничество со странами дальнего зарубежья, около 250 – межпарламентское сотрудничество со странами СНГ и Балтии. Несколько увеличилось количество депутатских групп по связям с парламентами зарубежных государств [43, с. 346].

Что касается количества мероприятий, в которых принимали участие постоянные делегации Государственной Думы, то эти показатели на протяжении рассматриваемого периода также претерпевали изменения. Как и ранее, наибольшее число мероприятий проходило в формате ПАСЕ (101) с тенденцией уменьшения, начиная с 2014 г. Так, в 2015 г. их насчитывалось 3, а в 2016 г. таких мероприятий зафиксировано не было, что объяснялось очередным обострением отношений с ПАСЕ, которое произошло после воссоединения Крыма с Россией в марте 2014 г. В итоге российская сторона заявляет об отказе работать в ПАСЕ и с начала 2016 г. не направляет заявку на участие в сессиях организации [61].

Указанные тенденции касались и взаимодействий в рамках КПС «Россия – ЕС» (13), количество которых начало резко уменьшаться в 2014 (1), достигнув нулевых показателей в 2016 г. Аналогичные ситуации имели место в отношении взаимодействия с ПА НАТО (всего – 19, с 2014 г. – мероприятия отсутствуют), парламентской «Группой восьми» (всего – 2, с 2014 г. – мероприятия отсутствуют), Европейской межпарламентской организацией по космосу (всего – 7, в 2015 г. – 1, в 2016 г. – мероприятия отсутствуют). Стабильно высокая динамика межпарламентских мероприятий наблюдалась в форматах следующих организаций: ПАЧЭС (48), ПА ОБСЕ (37), ПК ПКБМ и ПКБМ (30), МАП (20), МПС (16), ПКПАР и КПАР (16), СС (11), АПА (9) и др. [43, с. 347].

В рассматриваемый период на заседаниях Государственной Думы было зафиксировано выступление только одного государственного и общественного деятеля – Председателя Палаты представителей Национального Собрания Республики Беларусь В. П. Андрейченко [43, с. 348].

Характеризуя итоги парламентского измерения международной деятельности, Председатель нижней палаты парламента VI созыва С. Е. Нарышкин в июне 2016 г. отмечал: «На период нашего созыва пришлось появление и расширение Евразийского экономического союза – без регулярных межпартийных дискуссий, межпарламентских дискуссий и, конечно, без фундаментальных ратификаций и принятия необходимых национальных законов Евразийский экономический союз не смог бы состояться. Мы углубили сотрудничество и в формате государств группы БРИКС, провели именно в Москве первый в истории парламентский форум этой организации. <...> Серьёзно усилено и парламентское измерение в таких союзах и национальных объединениях, как Организация Договора о коллективной безопасности и Союзное государство Беларуси и России. <...> депутаты во многом помогли возвращению в состав России Крыма и Севастополя, и не только приняв более ста двадцати законов, но и морально поддержав крымчан в марте 2014 года. Многие из нас побывали там в те исторические дни, когда республика и город Севастополь готовились реализовать своё бесспорное право на самоопределение,

и затем мы активно работали в двух новых субъектах Российской Федерации, помогая решить беспрецедентные задачи переходного периода» [43, с. 7–8]. При этом в своём интервью ТАСС в марте 2016 г. спикер акцентировал ухудшение взаимодействия с зарубежными партнёрами по инициативе последних: «Особенно в последние два года мы наблюдаем и попытки, и стремления просто заблокировать парламентский диалог, хотя в условиях обострения международной ситуации диалог между депутатами разных стран должен быть наиболее активным и продуктивным» [140].

Международная деятельность Государственной Думы VII созыва в 2016–2021 гг. характеризовалась, с одной стороны, более системной реализацией подходов, с другой – их традиционным соответствием концептуальным основам внешней политики и установкам исполнительной власти Российской Федерации. Показательно, что в начале работы нижней палаты парламента данного созыва в ноябре 2016 г. спикер В. В. Володин сообщил о коррекции плана международных мероприятий в связи со сложной внешнеполитической ситуацией и внутренними экономическими проблемами. Приоритетами становятся целевые поездки, прежде всего, в рамках СНГ и приёмы делегаций зарубежных парламентариев. По мнению исследователей, это должно было привести не к сокращению внешнеполитической деятельности, а к её систематизации и в большей степени соответствовать внешнеполитическим интересам России [92].

Направленность и динамика мероприятий в рамках международных парламентских организаций с участием депутатов Государственной Думы VII созыва в период с конца 2016 по конец 2019 г.²¹ стала следствием реализации указанных приоритетов. Наибольшее количество мероприятий прошло в форматах МПА СНГ (36), ПА ОБСЕ (31), ПАЧЭС (29), ПКБМ (21), ПА ОДКБ (20) [34–37].

В отношении взаимодействия с ПАСЕ было зафиксировано 17 мероприятий. Важно отметить, что в апреле 2019 г. депутаты ПАСЕ принимают

²¹ В связи со спецификой формирования статистической базы, отражающей внешнеполитическую деятельность Государственной Думы VII созыва, анализируется информация за период с осенней сессии 2016 по осеннюю сессию 2019 гг.

резолуцию, в которой говорилось о необходимости сохранения членства России в СЕ и призывают Москву направить делегацию на летнюю сессию. В июне 2019 г. участники летней сессии ПАСЕ одобрили резолюцию, подтверждающую полномочия российской делегации, вследствие чего после пятилетнего перерыва Российская Федерация вернулась к полноценной работе в данной организации [61].

Кроме того, значительные количественные показатели, характеризующие участие депутатов нижней палаты отечественного парламента в мероприятиях международных парламентских организаций, были зафиксированы относительно взаимодействия в форматах Азиатской парламентской ассамблеи (АПА) (16), ООН (16), Конференции парламентариев Арктического региона (КПАР) (14), МАП (13), МПС (8), ПС СРБ (7), СС (6), ОЭСР (5), ШОС (5), БРИКС (4) [34–37].

В период с конца 2016 по конец 2019 г. состоялось 8 выступлений в Государственной Думе следующих общественных и политических деятелей иностранных государств: Спикер Народной палаты Парламента Индии С. Махаджан, Председатель Национального Совета Словацкой Республики А. Данко, Президент Республики Корея Ч. И. Мун, Председатель Народной скупщины Республики Сербия М. Гойкович, Президент Республики Молдова И. Н. Додон, Президент Национального совета Австрийской Республики В. Сobotка, Председатель Палаты депутатов Парламента Итальянской Республики Р. Фико, Президент Республики Ангола Д. Сассу-Нгессо, Председатель Парламента Республики Молдова З. П. Гречаный [34–37].

В контексте усилий, направленных на обеспечение национальной безопасности в условиях увеличения международной напряжённости, в сентябре 2019 г. в рамках нижней палаты парламента была создана Комиссия по расследованию фактов вмешательства иностранных государств во внутренние дела России. Комиссия выступала с заявлениями относительно вмешательства иностранных агентов в российские выборы, попыток несистемной оппозиции привлечь к несанкционированным акциям несовершеннолетних, ситуации с оппозиционером А. А. Навальным. В этом плане вносились поправки в

законодательство об иноагентах, в законы, касающиеся массовых акций и выборов [14].

Учитывая значительное внимание депутатов нижней палаты парламента VII созыва к международно-политическим вопросам, российский исследователь А. Е. Коньков справедливо отмечал, что «нынешний созыв Думы – это созыв парламентской дипломатии в самом широком смысле. <...> Активное участие депутатов в таком количестве форматов, пожалуй, наблюдается впервые за весь период развития российского парламентаризма. И это с учётом серьёзных ограничений как раз для работы на внешнем контуре: сложная и зачастую откровенно враждебная по отношению к России международная повестка, раскручивание санкционной спирали, сокращение контактов в силу продолжающейся пандемии. <...> Вместе с тем депутаты активно развивали межпарламентские связи по широкому кругу актуальных вопросов с коллегами из разных стран, уверенно защищали российские национальные интересы на глобальных парламентских площадках, и возвращение делегации в ПАСЕ – показательный пример. <...> Также были запущены и собственные новые многосторонние форматы – ежегодные форум «Развитие парламентаризма» и Сопровождение спикеров парламентов стран Евразии, межпарламентские конференции по ключевым глобальным вопросам – противодействие терроризму, распространению наркотиков, межрегиональное взаимодействие» [745].

Таким образом, международные связи являются важной формой внешнеполитической деятельности Государственной Думы, демонстрируя амбивалентную сущность парламентской дипломатии, находящейся на пересечении официальной и народной дипломатий, являясь более свободной в выборе средств достижения поставленных целей. Реализация международных связей нижней палаты отечественного парламента включает следующие формы взаимодействия: участие делегаций и / или отдельных депутатов Государственной Думы (самостоятельно или в рамках делегаций в смешанных форматах) в разного рода мероприятиях (встречах, рабочих визитах, заседаниях, сессиях, конференциях, «круглых столах», семинарах, форумах, церемониях,

мониторингах и т. д.) межпарламентского сотрудничества, проходящих как в России, так и за рубежом; участие делегаций Государственной Думы в мероприятиях международных парламентских организаций; зарубежные визиты и встречи спикера нижней палаты парламента с посетившими Россию представителями иностранных государств; выступления на заседаниях Государственной Думы государственных и общественных деятелей иностранных государств; обмены специализированной литературой и документами с зарубежными парламентскими библиотеками и т. д. При этом осуществление межпарламентского сотрудничества характеризуется получением Федеральным Собранием статуса члена (постоянного или ассоциированного) или наблюдателя в международных парламентских организациях, а также формированием в рамках Государственной Думы депутатских групп по связям с парламентами зарубежных стран и / или международными организациями.

Государственная Дума I созыва осуществляла международную деятельность в условиях своего становления, совпавшего по времени со сложными внутри- и внешнеполитическими реалиями, стремясь сохранить прежние связи и установить новые. Приоритетными стали взаимодействия со странами СНГ и Балтии, а также на европейском направлении. Более широкий и системный характер носила международная деятельность Государственной Думы II созыва, отмечаясь инициативами, связанными с критикой действий США и НАТО, национал-патриотическими и державническими устремлениями, соответствовавшими результатам голосований, подчас вступая в противоречия с позициями исполнительной власти по внешнеполитическим вопросам. С учётом активизации деятельности по многим направлениям, наибольшее внимание уделялось сотрудничеству с государствами-членами Содружества, взаимодействию в рамках европейских структур и с отдельными странами Европы и Азии. Международная деятельность Государственной Думы III созыва, сохраняя преемственность в приоритетности взаимодействия со странами СНГ, европейскими и азиатскими государствами, в большей степени соответствует позициям исполнительной власти.

В период работы Государственной Думы IV созыва, международная деятельность которой соответствовала концептуальным основам и внешнеполитическим установкам исполнительной власти России, наблюдается расширение и институционализация взаимодействия в рамках межпарламентских организаций в общемировом масштабе. При этом более активным являлось взаимодействие на европейском направлении (ПАСЕ, ЕС, ПА ОБСЕ) и, в меньшей степени, на постсоветском пространстве (МПА СНГ, МПА ЕврАзЭС, ПА ОДКБ, ПС СБР). Международная деятельность Государственной Думы V созыва, соответствуя официальному внешнеполитическому курсу государства, характеризовалась диверсификацией взаимодействия с разными парламентскими структурами и преемственностью в интенсивном сотрудничестве на европейском и постсоветском направлениях. Увеличение количества мероприятий в рамках ПАСЕ и ПА ОБСЕ было обусловлено событиями грузино-российского конфликта августа 2008 г. и последующим признанием РФ независимости Абхазии и Южной Осетии. Аналогичные тенденции в осуществлении международной деятельности были свойственны Государственной Думе VI созыва. В этом отношении после воссоединения Крыма с Россией весной 2014 г. происходит резкое снижение контактов в рамках европейских и евроатлантических структур, блокирующих парламентский диалог, и увеличение мероприятий в форматах евразийских интеграционных организаций и БРИКС. Государственная Дума VII созыва – в условиях нарастающей международной напряжённости и усиливающегося внешнего давления – продемонстрировала системность в подходах и единство с исполнительной властью в реализации международных инициатив. Парламентская дипломатия в этот период характеризовалась снижением числа контактов на фоне конфликтности в отношениях с европейскими и евроатлантическими структурами и, одновременно, интенсификацией сотрудничества в рамках СНГ, постсоветских интеграционных структур, ШОС, БРИКС, на арктическом направлении и в собственных многосторонних форматах парламентского взаимодействия.

ГЛАВА 5. ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ПОЛНОМОЧИЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

5.1. Внешнеполитические аспекты позиционирования устойчивых парламентских групп в Государственной Думе I–III созывов

В контексте воздействия на внешнюю политику России зачастую выделяются несколько групп интересов, проявившихся на уровне парламентского лоббизма.

К первой группе традиционно относят военно-промышленный комплекс (ВПК) и связанные с ним бюрократические, научно-исследовательские и учебные структуры. Они представляли мощную военную промышленность, вокруг которой были сконцентрированы базовые высокотехнологические отрасли и многочисленные вооружённые силы. В этом отношении именно военная мощь рассматривается представителями данной группы в качестве основополагающего фактора безопасности государства и восстановления российского влияния на постсоветском пространстве. Учитывая необходимость поиска рынков сбыта, данная группа ориентировалась на реальных и потенциальных заказчиков российской военной техники: Индию, КНР, Ирак, Иран, Ливию, Сирию и некоторые другие страны, преимущественно занимавшие антиамериканские позиции. В то же время ВПК РФ был заинтересован в доступе к западным высоким технологиям, что обусловило сотрудничество на этом направлении. Кроме того, ядерно-промышленный комплекс ВПК характеризовался наличием собственных интересов, заключавшихся в увеличении экспорта ядерных технологий, что способствовало налаживанию сотрудничества российского Министерства по атомной энергии с Кубой, Ираном и рядом других государств, которые также занимали антизападные позиции [673].

Ещё одна совокупность групп интересов была представлена топливно-энергетическим комплексом (ТЭК) и теми группами, которые были вовлечены в интенсивные экономические связи с Западом и выступали за развитие

взаимодействия в сфере внешней торговли, финансов, экспортных отраслей и услуг с западными государствами, что, по их мнению, способствовало бы преодолению российского экономического кризиса. При этом представители данной группы в качестве потенциальной угрозы России называли Китай и «экстремистские режимы» стран «третьего мира». Установление хороших отношений с государствами постсоветского пространства рассматривалось данной группой в числе важнейших внешнеполитических интересов в контексте возможности обеспечения бесперебойного транзита российских газа и нефти, а также реализации совместных энергетических проектов [673].

Влиятельной группой интересов, в особенности в 1990-е гг., являлись аграрии, отстаивающие позиции российского аграрно-промышленного комплекса (АПК). Им была присуща алармистская аргументация, что позволило заложить в федеральный бюджет многочисленные кредиты и дотации для предприятий сельского хозяйства. Своеобразной «вершиной» их деятельности стал «беспроцентный и безвозвратный кредит» аграрным предприятиям [730, с. 79]. Учитывая левую, а позже – центристскую политическую ориентацию, в области внешней политики и международных отношений представители этой группы в парламенте придерживались во многом схожих с коммунистами, но в целом на практике более умеренных позиций, часто солидаризируясь с инициативами Правительства. Характерно, что АПК был заинтересован не столько в каком-либо внешнеполитическом курсе России, сколько в его экономических преференциях, в частности во введении высоких импортных пошлин на продовольствие в целях защиты интересов отечественных производителей сельхозпродукции. В связи с этим представители данной группы выступали против вступления РФ в ВТО [233, с. 40–41].

В целях систематизации направленности голосований и выявления устойчивых групп депутатов, следует ориентироваться на указанные данные, раскрывающие особенности внешнеполитических ориентаций депутатского состава в зависимости от характера принятых решений.

Стоит отметить, что источники финансирования прошедших в Государственную Думу I созыва партий и движений характеризовались разнообразием. В частности, движение «Выбор России» финансировалось компаниями «Альфа-банк», «Олби-Дипломат», «МЕНАТЕП» и «Мост». ПРЕС получала средства по линии «Газпрома». В свою очередь, упоминаемая группа «Мост» также оказывала финансовую поддержку партии «Яблоко», которая, помимо этого, получала средства от банка «Столичный» и «АвтоВАЗбанка». «МЕНАТЕП» также финансировал партию «Яблоко» и движение «Преображение России». «Олби-Дипломат», поддерживал, помимо «Выбора России», Партию экономической свободы. Финансовую помощь от Союза нефтепромышленников России и «Уникомбанка» получал избирательный блок «Отечество». Российская ассоциация планирования и семьи спонсировала движение «Женщины России» [667, с. 88].

В отношении влияния на процесс принятия решений в сфере внешней политики в Государственной Думе I созыва выделялись следующие группы интересов.

Так, значительную роль в этом плане играл АПК, который по численности профильной фракции занимал только третье место, но являлся лидером по числу проведённых в свою пользу решений, что во многом стало следствием наработанного ещё в советский период опыта [730, с. 79]. В рамках нижней палаты парламента I созыва АПК располагал консолидированной и организованной лоббистской структурой, представленной фракцией «Аграрной партии России». Она лоббировала интересы бывшей советской сельскохозяйственной номенклатуры – руководителей переименованных в акционерные общества колхозов и совхозов, директоров предприятий – в целях усиления государственной поддержки российской промышленности и села. Данную группу интересов исследователи характеризовали как «институциональную ассоциативную отраслевую и многоцелевую группу с неярко выраженной политической позицией» [326, с. 202].

Кроме того, значительное влияние в Государственной Думе I созыва имели представители ТЭК, так называемые «сырьевики» из нефтегазового сектора. В Правительстве эта группа интересов опиралась на Премьер-министра В. С. Черномырдина, а в нижней палате парламента – на ПРЕС, что позволяло блокировать ультралиберальные инициативы партии «Выбор России» [730, с. 79–80]. «Традиционное значительное участие государства в экономике, - отмечала отечественная исследовательница С. Д. Оболенцева, - позволило российским нефтяным компаниям достаточно легко преодолеть этап формирования и развития, а зависимость экономики страны от «нефтяного фактора» обусловила взаимозависимость и тесное переплетение интересов политических и экономических элит, а также возникновение мощного нефтяного лобби в качестве посредника между государством и нефтяными компаниями» [497, с. 19]. Характерной особенностью групп интересов, связанных с ТЭК, представляется то, что они были «институциональными ассоциативными многоцелевыми» и преимущественно сотрудничали с властью. В то же время эти группы являлись конкурентами, отстаивающие интересы разных нефтяных компаний, но способные к консолидации и корреляции векторов интересов при необходимости достижения общей цели [326, с. 203].

Как уже отмечалось, учитывая примерный паритет в распределении ресурсов между прошедшими в нижнюю палату парламента группами интересов, достигнувших консенсуса по вышеуказанным вопросам «общего блока», голосования международно-политической направленности носили в целом реалистичный и сбалансированный характер [494, с. 17–18]. В этом контексте российская исследовательница З. М. Зотова акцентировала, что «в условиях наличия существенных разногласий и противоречий между партиями и блоками оказалось возможным их широкое ситуативное взаимодействие по конкретным вопросам. Отсутствие решающего перевеса у какой-либо из фракций вынуждало их к координации своих усилий» [323, с. 391]. Способствовавший этому Спикер нижней палаты парламента А. П. Рыбкин, характеризуя свою деятельность, писал: «Процесс становления новой России органично включает в себя защиту и

утверждение её национальных интересов на международной арене. Весомое участие в этом Государственной Думы – одно из важнейших направлений её деятельности.

В современных условиях Россия должна действовать на международной арене как никогда сплочённой и единой. Усилия Президента, Правительства, Министерства иностранных дел, Совета Федерации, Государственной Думы по защите национальных интересов нашей Родины во внешней политике могут и должны, дополняя друг друга, обеспечивать России подобающее ей место в мировом сообществе, способствовать возрождению России. Ведь наша история учит: когда стране тяжело, именно единая и сильная внешняя политика служит мощным рычагом внутренней консолидации и выздоровления» [132, с. 344].

В этом отношении примечательной особенностью деятельности Государственной Думы I созыва стало принятие различных в идейно-политическом плане решений касательно международно-политической плоскости: от либеральной до национал-патриотической направленности. Это демонстрирует анализ голосований по вопросам, имеющим прямое или косвенное отношение к международной проблематике [141]. Наиболее показательные из них, учитывая типичность тематики принимаемых решений, отражены в соответствующей таблице (см. приложение 2, таблица 27).

Руководствуясь указанными в пункте 1.3 параметрами, в рамках депутатского состава Государственной Думы I созыва можно выделить следующие устойчивые группы в зависимости от тематической направленности голосований.

1. Как отмечалось ранее, голосований либеральной и евро-атлантической направленности было значительно меньше, чем других, однако зачастую они носили относительно компромиссный характер. В плане их поддержки сложились следующие устойчивые группы: фракция «Выбор России» (большинство), депутатская группа «Новая региональная политика – Дума-96» (большинство), фракция Аграрной партии России (большинство), фракция Партии российского единства и согласия (большинство), фракция «Яблоко»

(большинство), фракция «Женщины России» (большинство), фракция Демократической партии России (большинство), депутаты, не входящие во фракции (немногим больше половины голосовали положительно, остальные, как правило, не голосовали). В редких случаях к ним могла присоединиться меньшая часть фракции КПРФ. Не поддерживали такие решения: фракция ЛДПР (большинство традиционно не голосовали) и (не всегда, но преимущественно) фракция КПРФ (большинство).

2. Голосования антизападной направленности были поддержаны такими устойчивыми группами: депутатская группа «Новая региональная политика – Дума-96» (большинство), фракция ЛДПР (большинство), фракции КПРФ (большинство), фракция Аграрной партии России (большинство), фракция «Женщины России» (большинство), фракция Демократической партии России (большинство, но почти половина традиционно не голосовали), депутаты, не входящие во фракции (больше половины голосовали положительно, остальные, как правило, не голосовали). Не поддерживали подобных решений: фракция «Выбор России» (меньше половины голосовали утвердительно, либо больше половины – не голосовали), фракция Партии российского единства и согласия (большинство либо голосовали отрицательно, либо не голосовали), фракция «Яблоко» (примерно треть голосовали против и / или больше половины – не голосовали).

3. Голосования реалистической и прагматической направленности, связанные с вопросами обеспечения национальной безопасности, глобальной и региональной стабильности, а также активизацией интеграционных процессов на постсоветском пространстве были поддержаны такими группами: фракция «Выбор России» (большинство), депутатская группа «Новая региональная политика – Дума-96» (большинство), фракции КПРФ (большинство), фракция Аграрной партии России (большинство), фракция «Яблоко» (большинство), фракция «Женщины России» (большинство), фракция Демократической партии России (большинство), фракция Партии российского единства и согласия (большинство, реже – не голосовали), депутаты, не входящие во фракции (больше

половины голосовали положительно, остальные, как правило, не голосовали). При этом фракция ЛДПР либо поддерживала решения данной направленности большинством, либо (что случалось чаще) голосовала отрицательно или не голосовала совсем.

4. Голосования национал-патриотической направленности поддерживали следующие устойчивые группы: фракция ЛДПР (большинство), фракция Аграрной партии (большинство), фракция КПРФ (большинство), фракция «Женщины России» (большинство), фракция Демократической партии России (большинство), депутатская группа «Новая региональная политика – Дума-96» (большинство). Отличающиеся позиции демонстрировали такие устойчивые группы: фракция «Выбор России» (традиционно большинством не голосовали), фракция «Яблоко» (больше половины – не голосовали), фракция Партии российского единства и согласия (большинство – не голосовали), депутаты, не входящие во фракции (больше половины – не голосовали).

5. Решения относительно взаимовыгодного сотрудничества с различными государствами по широкому кругу вопросов обычно не вызывали дискуссий, принимаясь большинством голосов практически всего состава фракций и депутатских групп. Иногда возникали исключения, проявившиеся в форме не голосования одной или нескольких фракций (в основном ЛДПР, значительно реже – КПРФ и «Яблоко»), а также примерно равного соотношения положительных и отрицательных голосов в каких-либо из них.

Что касается источников финансирования объединений, прошедших в состав Государственной Думы II созыва, то для ЛДПР это была финансово-промышленная корпорация «БИН». НДР получал спонсорскую поддержку со стороны «Газпрома», банка «Столичный» и «Инкомбанка». Традиционно «Яблоко» финансировалось «Мост-банком». КПРФ получала средства по линии «Тверь-Универсалбанка» и «Росагропромстроя». Примечательно, что «Инкомбанк», помимо НДР, оказывал финансовую поддержку их политическим конкурентам – КПРФ [667, с. 88–89].

На фоне видимой оппозиционности к действующей власти, тем не менее, работа Государственной Думы II созыва также характеризовалась укреплением своих позиций, выстраиванием конструктивного диалога с Правительством Е. М. Примакова и относительным компромиссом во взаимодействии групп интересов, когда «партия власти», при наличии острых конфликтных ситуаций, сосуществовала с левой оппозицией во главе с КПРФ [730, с. 81]. При этом в рамках нижней палаты представители ТЭК преимущественно ориентировались на НДР, «Яблоко» и «Российские регионы», отстаивавшие их интересы [380, с. 380]. Интересы АПК представляла Аграрная депутатская группа и частично КПРФ [326, с. 202].

Кроме того, на исходе 1990-х гг. в контексте внешнеполитического процесса укрепляются позиции ВПК. «К концу 1998 г., - акцентировал Д. Г. Балугев, - в российской экономике произошли перемены. Сырьевые корпорации и ФПП, игравшие до того значительную роль в процессе выработки российской внешней политики, в результате падения цен на энергоносители и августовского кризиса во многом утратили свое влияние. Во многом укрепил свои позиции ВПК. Интересы новых элит существенно отличаются от интересов тех, кто оказывал первостепенное влияние на внешнеполитический процесс в недавнем прошлом. Сырьевиков и финансистов интересовали в основном развитые страны, где находила спрос их продукция, и где находились ведущие финансовые центры. Для ВПК эти страны являются, прежде всего, конкурентами. Основные же рынки сбыта – развивающиеся страны» [195, с. 377].

Вместе с тем, увеличение доли представителей ВПК в нижней палате парламента не следует однозначно связывать с лоббированием ими интересов данной отрасли. В этом отношении О. В. Гаман-Голутвина, размышляя в 2006 г. об эволюции персонального состава Государственной Думы в период 1993–2003 гг., подчёркивала, что было бы ошибкой «видеть в «силовиках» безусловных лоббистов ВПК. Анализ голосований в Госдуме представителей данной категории не обнаруживает жёсткой зависимости их политических симпатий от профессиональной биографии. Более того, бывшие военные нередко оказываются

ставленниками финансовых групп, использующих их символический капитал в лоббистских целях. Всё это показывает, что ведущиеся в последнее время разговоры о господстве милитократии не имеют под собой достаточных оснований. Активное проникновение «силовики» в управленческие структуры не влечёт за собой (во всяком случае – пока) ни утверждения в них соответствующей идеологии, ни переориентации их на защиту специфических армейских интересов. Следует также учитывать, что по степени влияния военные заметно уступают бизнесу» [274, с. 312–313].

Это проявилось в деятельности Государственной Думы II созыва, когда при голосовании по принципиальным вопросам происходило разделение на два неформальных блока. Условно первый был представлен КПРФ, АДГ и депутатской группой «Народовластие». Второй включал НДР, ЛДПР, «Яблоко» и «Российские регионы». В то же время относительно вопросов укрепления российской государственности, «войны и мира» и активизации интеграционных процессов на постсоветском пространстве фракция ЛДПР, как правило, проявляла солидарность с блоком левых сил, а по экономическим вопросам (бюджет и т. д.) вместе с ними зачастую голосовало и большинство фракции «Яблоко» [380, с. 385].

Таким образом, как было показано в выше, специфика политических ориентаций депутатского состава обусловила принятие Государственной Думой II созыва решений преимущественно левой, национал-патриотической и прагматической направленности, касающихся международно-политической сферы, наиболее резонансным примером которых являлась денонсация Беловежских соглашений. Антизападные настроения и левые ориентации большинства депутатского состава в этот период проявились и в многочисленных решениях (заявлениях, обращениях и федеральных законах), акцентирующих восприятие коллективного Запада как геополитического противника, осуждая агрессию НАТО в Югославии, действия США в отношении Ирака, Афганистана, Судана и т. д. [494, с. 18].

Исходя из указанных параметров внешнеполитических ориентаций, в рамках депутатского состава Государственной Думы II созыва выделяются такие устойчивые группы по направленности принятых решений (см. приложение 2, таблица 28).

1. Учитывая рассмотренные причины, решений конкретно либеральной и евро-атлантической направленности, касающихся внешней политики и международных отношений, выявлено не было. С определёнными оговорками к такому можно отнести ряд договоров с европейскими структурами (ЕС, СЕ), государствами-членами ЕС и прочими европейскими государствами, затрагивающих широкий круг вопросов. При этом данные соглашения также характеризовались прагматизмом и стремлением к защите национальных интересов. Решения этой группы поддерживались следующими объединениями: КПРФ (большинство), «Народовластие» (большинство), «Яблоко» (большинство), «Российские регионы» (большинство), АДГ (большинство), НДР (большинство). Промежуточную позицию занимала фракция ЛДПР: поддерживала большинством состава или централизованно не голосовала. Большинство депутатов, не входящих во фракции, зачастую не голосовали.

2. Голосования антизападной направленности были поддержаны следующими устойчивыми группами: КПРФ (большинство), ЛДПР (большинство), АДГ (большинство), «Народовластие» (большинство). НДР, «Российские регионы» и «Яблоко» демонстрировали непостоянство, поддерживая большинством подобные инициативы или не голосуя. Депутаты, не входящие во фракции, как правило, не голосовали.

3. Голосования реалистической и прагматической направленности, связанные с вопросами обеспечения национальной безопасности, глобальной и региональной стабильности, а также активизацией интеграционных процессов на постсоветском пространстве были поддержаны: КПРФ (большинство), ЛДПР (большинство), АДГ (большинство), «Народовластие» (большинство). НДР, «Российские регионы» и «Яблоко» зачастую либо не голосовали, либо голосовали отрицательно, редко выражая поддержку (преимущественно в отношении

активизации интеграционных процессов на постсоветском пространстве) таким вопросам. Традиционно депутаты, не входящие во фракции, чаще всего не голосовали.

4. Голосования национал-патриотической направленности были приняты благодаря поддержке таких устойчивых групп: КПРФ (большинство), ЛДПР (большинство), АДГ (большинство), «Народовластие» (большинство), НДР (большинство, при наличие почти половины не голосовавших, реже – голосовавших отрицательно). «Яблоко», «Российские регионы» и депутаты, не входящие во фракции, зачастую не голосовали.

5. Решения относительно взаимовыгодного сотрудничества с различными государствами по широкому кругу вопросов, как правило, почти не вызывали противоречий: КПРФ (большинство), НДР (большинство), ЛДПР (большинство), «Яблоко» (большинство), АДГ (большинство), «Народовластие» (большинство, реже – не голосовали), «Российские регионы» (большинство). Депутаты, не входящие во фракции, либо частично поддерживали подобные соглашения, либо не голосовали.

Ситуация, связанная со спонсорской поддержкой прошедших в Государственную Думу III созыва движений, представлялась следующей. КПРФ, помимо традиционных спонсоров, получала финансирование от «Альфа-групп» и ЮКОС. ЛДПР финансировалась по линии «Альфа-банка», компании «БИН», Красноярского алюминиевого завода, «Уникомбанка» и «Нафта-Москва». СПС был поддержан представителями «Альфа-групп» в лице компании «Вымпелком», а также компаний «Норильский никель», «Сибирский алюминий» и РАО «ЕЭС России». Партия «Яблоко» финансировалась группой «Мост» и ЮКОС. «Единство» и ОВР получали поддержку от «Газпрома» ЛУКОЙЛа, «Росгосстраха», «РОСНО», фармацевтической группы «Ферейн», АФК «Система» и, проводящих курс на диверсификацию своих партийно-политических проектов, «БИН», «Нафта-Москва» и ЮКОС [667, с. 89–90].

Наибольшим влиянием в нижней палате парламента в этот период пользовались группы интересов, представляющие АПК и ТЭК, которые являлись

лидерами по числу проведённых лоббистских решений [730, с. 79–80]. Интересы аграриев представляла АДГ, а их основные лоббистские силы были сосредоточены в Комитете по аграрным вопросам [326, с. 202].

В рамках группы интересов ТЭК выделялось хорошо организованное и структурированное нефтяное лобби. По мнению исследователей, в этот период «подавляющее большинство депутатов открыто признаются в лоббистской деятельности в пользу нефтяных компаний, расположенных на территории их избирательных округов. В свою очередь, нефтяные компании открыто создают внутри собственных структур управления и департаменты, занимающиеся координацией работы компании с государственными органами власти. И законодатели, и представители нефтяной отрасли рассматривают совместную работу как диалог бизнеса и государства». При этом возросла роль консолидированной позиции нефтяных компаний, в результате чего нефтяное лобби часто представляло интересы не отдельных компаний, как это было ранее, а отрасли в целом [497, с. 23, 27]. Интересы ТЭК в парламенте отстаивали «Единство», ОВР, «Регионы России», СПС и «Яблоко» [326, с. 99–108].

Как отмечалось ранее, в силу преобладания в этот период в нижней палате парламента объединений центристской направленности, голосования по вопросам, связанным с внешней политикой и международными отношениями, характеризовались большим в сравнении с предыдущими созывами прагматизмом и сбалансированностью. Это проявилось в том, что решения относительно взаимодействия с коллективным Западом и конкретно с США содержали как подтверждение общности интересов в области международной безопасности, стратегической стабильности и военно-политического партнёрства, так и наличие тактических расхождений, касающихся расширения НАТО, политики Вашингтона в отношении некоторых государств и нарушение американской стороной норм международного права [494, с. 18].

Ориентируясь на обозначенные параметры внешнеполитических предпочтений депутатского состава, по результатам голосований в рамках

нижней палаты парламента III созыва (см. приложение 2, таблица 29) можно выделить следующие устойчивые группы.

1. Голосований явно либеральной и евро-атлантической направленности не наблюдалось, однако имелись факты принятия решений, характеризующих стремление к сотрудничеству с США и западными структурами по ряду направлений. Их поддерживали такие объединения: «Единство» (большинство), ОВР (большинство), «Народный депутат» (большинство), «Регионы России (Союз независимых депутатов)» (большинство), СПС (большинство), «Яблоко» (большинство). ЛДПР голосовали либо положительно, либо не голосовали. КПРФ и АПГ голосовали преимущественно отрицательно или не голосовали. Депутаты, не входящие во фракции, не демонстрировали постоянства и централизованной позиции: их голоса разделялись примерно в равных пропорциях на поддержавших указанные инициативы и не голосовавших.

2. Решения, которые условно можно отнести к антизападной направленности, содержали умеренную критику действий США, НАТО и некоторых западных государств, и были поддержаны такими парламентскими объединениями: КПРФ (большинство), «Народный депутат» (большинство), АДГ (большинство). «Единство», ОВР, «Регионы России (Союз независимых депутатов)» и ЛДПР чаще поддерживали, реже – не голосовали. СПС и «Яблоко» зачастую не голосовали, реже – частично поддерживали. Голоса депутатов, не входящих во фракции, разделялись на поддерживавших (около половины) данные инициативы и не голосовавших.

3. Голосования прагматической направленности, в ходе которых принимались решения, связанные с обеспечением национальной безопасности и стратегической стабильности, были поддержаны такими группами: КПРФ (большинство), «Единство» (большинство), ОВР (большинство), «Регионы России (Союз независимых депутатов)» (большинство), «Народный депутат» (большинство), АДГ (большинство), «Яблоко» (большинство). Фракция ЛДПР либо поддерживала данные инициативы, либо не голосовала. СПС зачастую не голосовала. Депутаты, не входящие во фракции, как правило, разделялись на

голосовавших положительно (меньшинство) и не голосовавших. Решения, связанные с активизацией интеграционных процессов на постсоветском пространстве, традиционно поддерживались всеми депутатскими объединениями. При этом СПС и ЛДПР иногда не голосовали.

4. Решения национал-патриотической направленности принимались при поддержке: КПРФ (большинство), «Единство» (большинство), ОВР (большинство), «Регионы России» (большинство), «Народный депутат» (большинство), АДГ (большинство). Фракция «Регионы России (Союз независимых депутатов)» демонстрировала разделение на не голосовавших (меньше половины состава) и тех, кто поддерживал данные инициативы (свыше половины состава). Половина состава СПС голосовала положительно, остальные зачастую не голосовали. Большинство фракции «Яблоко» традиционно не голосовали. ЛДПР преимущественно не голосовала, реже – поддерживала такие решения. Большинство депутатов, не входящих во фракции, также голосовали положительно, остальные предпочитали не голосовать. В этом отношении следует отметить, что практически все объединения (кроме фракции «Яблоко», большинство представителей которой в отдельных случаях не голосовали) демонстрировали консолидированную позицию в осуждении дискриминации русского языка в государствах постсоветского пространства.

5. Голосования, в результате которых были приняты решения относительно взаимовыгодного сотрудничества с различными государствами по широкому кругу вопросов, традиционно практически не вызывали противоречий и были поддержаны всеми объединениями. Исключение представляли депутаты, не входящие во фракции, большинство которых не голосовали.

Таким образом, наиболее влиятельными в отношении воздействия на результаты голосований в Государственной Думе I созыва группами интересов являлись АПК (представленный фракцией Аграрной партии России) и ТЭК (представители нефтегазового сектора ориентировались преимущественно на ПРЕС). По результатам голосований относительно вопросов международно-политической тематики выделялись следующие устойчивые группы. Решения

евро-атлантической и либеральной направленности (количество которых было значительно меньшим в сравнении с другими) поддерживались большинством депутатов, представляющих «партии власти» и прочие фракции, кроме ЛДПР и КПРФ, часто игнорировавших подобные голосования. Решения условно антизападной направленности традиционно поддерживались (в разных соотношениях) большинством фракций, исключая «Выбор России», ПРЭС и «Яблоко». Поддержка решений прагматической направленности, связанных с обеспечением национальной безопасности и интеграционными процессами на постсоветском пространстве, осуществлялась со стороны большинства фракций и не входящих в них депутатов, учитывая позицию ЛДПР, которая иногда голосовала против этого либо не голосовала. Национал-патриотические решения также поддерживались большинством фракций, исключая «Выбор России», «Яблоко» и ПРЭС. Взаимовыгодное сотрудничество с различными государствами, как правило, не вызывало существенных противоречий, однако, фракции КПРФ, ЛДПР и «Яблоко» в отдельных случаях игнорировали подобные голосования. В целом, внешнеполитические приоритеты фракций, входящих в устойчивые группы, совпадали с их официальными позициями по рассмотренным вопросам.

Интересы АПК в нижней палате парламента II созыва представляли АДГ и частично КПРФ. Группа интересов ТЭК ориентировалась на НДР, «Российские регионы» и «Яблоко». Наблюдалось увеличение влияния группы интересов, представляющей ВПК. Учитывая политические предпочтения депутатского состава, решений явно евро-атлантической и либеральной направленности в этот период не принималось. Соглашения с европейскими государствами и структурами, которые отмечались прагматизмом, традиционно поддерживались всеми объединениями, кроме иногда не голосовавшей фракции ЛДПР. Антизападные решения постоянно поддерживались КПРФ, ЛДПР, АДГ, «Народовластием» и периодически остальными фракциями. Решения прагматической направленности и стремления к активизации интеграционных процессов на постсоветском пространстве также были поддержаны КПРФ, ЛДПР,

АДГ и «Народовластием» при том, что НДР, «Российские регионы» и «Яблоко» не голосовали или не поддерживали этих инициатив. Решения национал-патриотической направленности поддерживались большинством КПРФ, ЛДПР, АДГ, «Народовластие», НДР, учитывая, что депутаты фракций «Яблоко» и «Российские регионы» чаще всего не голосовали. Вопросы, касающиеся договоров о сотрудничестве с различными государствами, как и ранее, практически не вызывали противоречий. При этом большинство депутатов, не входящих во фракции, традиционно не голосовали по вопросам международно-политической тематики. Направленность голосований депутатов, в общем, соответствовала позициям их фракций.

В Государственной Думе III созыва группы интересов АПК (ориентировались на АДГ и Комитет по аграрным вопросам) и ТЭК (ориентировались на «Единство», ОВР, «Регионы России», СПС и «Яблоко») были наиболее влиятельными. Решения, связанные с сотрудничеством с западными структурами и США, поддерживались большинством таких объединений, как «Единство», ОВР, «Народный депутат», «Регионы России (Союз независимых депутатов)», СПС, «Яблоко», частично ЛДПР, в то время как АПП и КПРФ голосовали отрицательно или не голосовали. Условно относимые к антизападным решения были поддержаны КПРФ, АДГ и, частично, «Единство», ОВР, «Регионы России (Союз независимых депутатов)» и ЛДПР. Решения прагматической направленности, связанные с защитой национальных интересов, поддерживались устойчивой группой депутатов, представляющих КПРФ, «Единство», ОВР, «Регионы России (Союз независимых депутатов)», «Народный депутат», АДГ, «Яблоко». Инициативы по активизации интеграционных процессов на постсоветском пространстве, как правило, поддерживались всеми объединениями, кроме СПС и ЛДПР, часто игнорировавших голосования касательно данных вопросов. Национально-патриотические решения были поддержаны устойчивой группой депутатов от КПРФ, «Единство», ОВР, «Регионы России», АДГ, «Народный депутат». Как обычно, вопросы сотрудничества с зарубежными государствами по разным направлениям

практически не вызывали противоречий, принимаясь большинством голосов со стороны всех объединений. Значимой особенностью этого периода стало то, что характер голосований зачастую определялся не идеологическими приоритетами депутатских объединений, а их тактическими соображениями и спецификой переговорного процесса высшей государственной власти и структур, обладающих реальной властью в экономике и политике.

5.2. Внешнеполитическое измерение оформления устойчивых парламентских групп в Государственной Думе IV–VII созывов

Что касается финансирования объединений, прошедших в Государственную Думу IV созыва, то возможности такового, по мнению исследователей, возросли. Так, «Единая Россия» значительную долю средств получила от «Общественного фонда поддержки партии “Единая Россия”», а также других организаций и фондов поддержки «партии власти». Кроме того, хотя данные неофициальных спонсоров «Единой России» не афишируются, в их числе традиционно называют «Газпром», «ЛУКОЙЛ», «Роснефть», «Транснефть», «Интеррос», «Базовый элемент», «ЕвразХолдинг», «Северсталь». По данным исследователей, избирательный блок «Родина» получал поддержку со стороны финансово-промышленных групп «Нафта-Москва» и «Базовый элемент». ЛДПР в процессе финансирования активно пользовалась «методикой перераспределения источников», когда основные поступления шли от примерно полутора десятков различных ЗАО и ООО. Однако, исходя из количества представителей крупных корпораций, прошедших в нижнюю палату парламента, можно предположить, что в числе спонсоров данной партии были «Альфа-банк», «Нафта-Москва» и, опять-таки, «Базовый элемент». Это подтверждает проявившуюся в рамках предыдущих созывов тенденцию, связанную с тем, что крупные корпорации предпочитают финансировать одновременно в несколько направлений. Также ЛДПР получала средства от строительных компаний «Уральско-Сибирская» и «Урал-Байкал». Помимо поступления от членских взносов и государственного финансирования,

КПРФ, как и ранее, принимала помощь от бизнес-структур, среди которых отмечались «Росагропромстрой» и ЮКОС (до своей ликвидации). К спонсорам этой партии также относили саратовскую компанию «АСТЭК-С». С учётом депутатов, прошедшим в Думу по спискам КПРФ, партию финансировали АК «Алроса» (Якутия), «БДМ-Агро» и «Югнефтепродукт» (Краснодарский край), а также девелоперская компания Roseli Group (Брянск) [667, с. 90–94].

В нижней палате парламента в этот период наибольшим влиянием располагали группы интересов, представлявшие АПК и ТЭК. При этом, отмечают эксперты, «по мере выстраивания «вертикали власти» парламентский лоббизм в известной мере утратил прежнее значение». Подобное обусловлено тем, что решения в Думе стали приниматься фактически одной «партией власти», поэтому «лоббизм стал частью внутрипартийной борьбы в де-факто однопартийной системе ...» [730, с. 83].

В Государственной Думе IV созыва представители аграрного лобби вошли в Комитет по аграрным вопросам и были вынуждены приходить к консолидированным решениям, ориентируясь на фракции КПРФ и «Единая Россия» [326, с. 83]. С учётом того, что в Думу в этот раз не вошли депутаты от «Яблока» и СПС, которые выражали интересы ТЭК, представители данной группы, имея часто слабо коррелирующие или вовсе несовпадающие векторы интересов, начинают налаживать связи с «Единой Россией» (располагающей конституционным большинством), а впоследствии и активно внедрять своих лоббистов в структуры «партии власти». Вследствие наличия парламентского большинства у «Единой России» и того факта, что к 2006 г. оформилась четвёрка компаний-лидеров нефтяной отрасли («Роснефть», ОАО «ЛУКОЙЛ», ОАО «Газпром нефть», ОАО «ТНК-ВР Холдинг»), две из которых фактически являлись государственными корпорациями, исчезла необходимость усиления лоббистского потенциала в парламенте. С этого времени указанные компании в реализации своих интересов предпочитают взаимодействовать с Правительством, прежде всего с Министерством экономического развития, Министерством финансов,

Министерством промышленности и торговли, Министерством природных ресурсов, а также с Президентом и его Администрацией [326, с. 99–100].

Учитывая, что решения, связанные с международно-политической сферой, которые принимались в рамках Государственной Думы IV созыва, в целом соответствовали доктринальным документам внешней политики России (см. приложение 2, таблица 30), характеризуюсь прагматизмом и императивом защиты национальных интересов, можно выделить следующие устойчивые группы по тематике голосований.

1. Голосований, в ходе которых были приняты решения явно либеральной и евро-атлантической направленности, не было выявлено. При этом имелись случаи заключения договоров о сотрудничестве с европейскими структурами (ЕС и СЕ), касающиеся широкого круга вопросов. Выделяются следующие устойчивые группы объединений, поддерживавших данные решения: «Единая Россия» (большинство), ЛДПР (большинство, около половины иногда не голосовали). КПРФ и «Справедливая Россия – «Родина» (народно-патриотический союз)» традиционно голосовали отрицательно. Депутаты, не входящие во фракции, зачастую разделялись на тех, кто поддерживал такие решения (меньше половины) и не голосовавших (большинство).

2. Решения условно антизападной направленности, характеризовались умеренной – но более жёсткой, чем это было в рамках предыдущего созыва – критикой действий США, НАТО и некоторых западных государств. Они традиционно поддерживались: «Единая Россия» (большинство), КПРФ (большинство), «Справедливая Россия – «Родина» (народно-патриотический союз)» (большинство), «Народно-Патриотический Союз «Родина» (Партия Национального Возрождения «Народная Воля» - Социалистическая единая партия России – «Патриоты России») (большинство). ЛДПР и депутаты, не входящие во фракции чаще поддерживали такие инициативы, реже – не голосовали.

3. Решения прагматической направленности, связанные с защитой национальных интересов, обеспечением национальной безопасности и стратегической стабильности, как правило, поддерживались большинством всех

политических сил. В редких случаях по этим вопросам не голосовали большинство фракции КПРФ и / или депутатов, не входящих во фракции. Соглашения, способствующие активизации интеграционных процессов на постсоветском пространстве, также преимущественно поддерживались большинством со стороны всех депутатских объединений. Депутаты, не входящие во фракции, иногда не голосовали по указанным вопросам.

4. Решения национал-патриотической направленности принимались большинством голосов всех парламентских объединений. При этом имели место случаи, когда большая часть ЛДПР и депутатов, не входящих во фракции, не голосовали.

5. Решения относительно взаимовыгодного сотрудничества с различными государствами по широкому кругу вопросов поддерживались всеми объединениями. Депутаты, не входящие во фракции, в редких случаях могли не голосовать большинством.

Источники финансирования «старых» парламентских партий в рамках Государственной Думы V созыва в целом остались прежними. Что касается созданной в 2006 г. партии «Справедливая Россия», то основными источниками её финансирования, по мнению исследователей, выступали разнообразные ООО, через которые перечислялись средства. Главным спонсором партии считался занимавший в этот период должность секретаря президиума «Справедливой России» А. М. Бабаков. Также средства в партию перечислялись по линии Фонда содействия развитию науки, образования и культуры «Родина» и таких компаний, как «Северсталь», ОАО «Апатит», «Орелоблгаз», «ЛУКОЙЛ-Северо-Запад-нефтепродукт» [667, с. 92–93].

В этом отношении наблюдалась общая тенденция, проявившаяся в том, что основными источниками финансирования партий, вошедших в Государственную Думу V созыва, являлись пожертвования крупных бизнес-структур. «Членские взносы и государственное финансирование как источники денежных средств, - отмечали отечественные эксперты, - постепенно отходят на второй план. При этом для самих корпораций и банков данные расходы оказываются не слишком

обременительными. <...> В такой ситуации финансово-промышленные группы обретают большие возможности для лоббирования своих интересов в стенах парламента» [667, с. 94].

По аналогии с предыдущей Думой в рамках нижней палаты парламента V созыва наиболее влиятельными считались группы интересов АПК и ТЭК. Аграрное лобби традиционно сконцентрировалось в Комитете по аграрным вопросам, ориентируясь на «Единую Россию» и КПРФ. Представители ТЭК в реализации своих интересов ориентируются на «Единую Россию», а также на Правительство, профильные министерства и президентские структуры [326, с. 86–101].

Указанные обстоятельства обусловили то, что решения международно-политической направленности, которые, как правило, принимались большинством голосов депутатов нижней палаты парламента, соответствовали доктринальным документам и официальной позиции руководства России (см. приложение 2, таблица 31). Это подтверждает анализ голосований по вопросам данной тематики, позволяющий выявить следующие устойчивые группы.

1. Решений явно либеральной и евро-атлантической направленности не наблюдалось, но имели место голосования, характеризующие стремление к конструктивному взаимодействию с США и европейскими структурами по ряду направлений. Так, инициативы по сотрудничеству с Вашингтоном поддерживали «Единая Россия» (большинство) и «Справедливая Россия» (большинство). Представители ЛДПР предпочитали не поддерживать этих устремлений либо не голосовать. КПРФ зачастую голосовала отрицательно. Взаимодействие с европейскими структурами традиционно поддерживалось большинством депутатов всех фракций. При этом иногда ЛДПР и КПРФ не голосовали.

2. Решения, которые условно можно отнести к антизападной направленности, отмечались прагматизмом и конструктивной критикой в адрес США, НАТО и некоторых западных государств, как правило, поддерживаясь всеми фракциями и не вызывая противоречий.

3. Голосования, в процессе которых принимались решения относительно защиты национальных интересов, обеспечения национальной безопасности и стратегической стабильности зачастую поддерживались «Единой Россией» (большинство) и «Справедливой Россией» (большинство). ЛДПР и КПРФ либо голосовали положительно, либо не голосовали, реже – голосовали отрицательно. В частности, эти фракции не поддержали ратификацию «Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений». Договоры, касающиеся интенсификации интеграционных процессов на постсоветском пространстве, традиционно поддерживались большинством депутатского состава всех фракций.

4. Решения национал-патриотической направленности, как и ранее, находили консолидированную поддержку со стороны всех фракций. В редких случаях большая часть фракции ЛДПР не голосовала.

5. Голосования, в ходе которых были приняты решения о взаимовыгодном сотрудничестве с различными государствами по широкому кругу вопросов, зачастую поддерживались всеми фракциями. Реже случалось так, что представители КПРФ и ЛДПР не поддерживали таких решений или не голосовали, что, учитывая позицию сформированного конституционного большинства под эгидой «Единой России», не влияло на конечные результаты голосований.

Базовые источники финансирования четырёх парламентских партий, вошедших в состав Государственной Думе VI созыва, не претерпели кардинальных изменений. Однако следует отметить, что считавшийся «основным спонсором» «Справедливой России» А. М. Бабаков в 2011 г. переходит в «Единую Россию». Кроме того, в 2014 г. федеральным законом устанавливается запрет на получение политической партией и её региональными отделениями пожертвований от некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента, заключение сделок с иностранными гражданами, иностранными международными организациями и иными субъектами.

Примечательно, что в этот период проявилась общая тенденция, связанная с увеличением зависимости деятельности политических партий от финансовых перечислений из федерального бюджета, что в известном смысле является показателем возрастающей финансовой зависимости партий от института государства [85; 391; 570; 728].

Наиболее влиятельные группы интересов традиционно сложились вокруг АПК и ТЭК. При этом в рамках нижней палаты парламента аграрии по-прежнему ориентировались на «Единую Россию» и КПрФ, концентрируясь в Комитете по аграрным вопросам. Представители ТЭК, среди которых выделялось нефтяное лобби, имели крепкие позиции в Правительстве и в руководстве партии «Единая Россия», следствием чего становится беспроблемное прохождение их инициатив через Госдуму. Значительная часть законопроектов и поправок к действующему законодательству, которые находились в сфере интересов ТЭК, теперь спускались из профильных министерств, согласовывались в профильных комитетах нижней палаты парламента и, учитывая наличие там большинства депутатов от «Единой России», в процессе голосования стабильно принимались [326, с. 87–101].

Сложившиеся обстоятельства обусловили соответствие принятых Государственной Думой VI созыва решений, связанных с международно-политической сферой, доктринальным документам и официальному государственному курсу (см. приложение 2, таблица 32). Руководствуясь обозначенными параметрами, в ходе голосований, относящихся к международной политике, можно выделить следующие устойчивые группы.

1. Решений либеральной и евро-атлантической направленности выявлено не было, но случались голосования, характеризующие стремление к прагматичному сотрудничеству по ряду взаимовыгодных направлений с США, европейскими государствами и структурами. В частности, договоры с Вашингтоном стабильно поддерживались большинством состава «Единой России» и «Справедливой России». ЛДПР либо поддерживала эти инициативы, либо не голосовала. Большинство депутатов фракции КПрФ зачастую не голосовали или голосовали отрицательно. Соглашения с европейскими

структурами, как правило, находили поддержку со стороны большинства депутатского состава всех фракций, кроме КПРФ, часто голосовавшей отрицательно, реже – положительно. Показательной в этой связи выглядит ситуация, связанная с ратификацией «Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации». Несмотря на то, что фракции «КПРФ», ЛДПР и «Справедливая Россия» практически единогласно проголосовали отрицательно, это решение было принято за счёт голосов большинства депутатов от «Единой России».

2. Голосования, в процессе которых принимались решения условно антизападной направленности, отмечались реализмом в оценках ситуации и обоснованной критикой в адрес действий США, НАТО, европейских структур и некоторых западных государств, характеризуясь более жёсткой риторикой, нежели в период работы Думы предыдущего созыва. Такие решения, как правило, поддерживались большинством состава всех четырёх фракций, не вызывая разногласий.

3. Решения в отношении защиты национальных интересов, обеспечения национальной безопасности и стратегической стабильности также традиционно были поддержаны всеми фракциями. Голосования, способствующие активизации интеграционных процессов на постсоветском пространстве, как обычно, принимались большинством голосов со стороны всех объединений.

4. Принятие решений национал-патриотической направленности происходило при поддержке большинства депутатского состава всех фракций и отсутствии разногласий.

5. Решения относительно сотрудничества с различными государствами по широкому кругу вопросов также зачастую поддерживались всеми фракциями. Исключением были вопросы взаимодействия с некоторыми западными государствами, которые часто не поддерживались КПРФ и ЛДПР, однако принимались парламентским большинством за счёт голосов депутатов фракций «Единая Россия» и «Справедливая Россия».

Что касается источников финансирования парламентских партий за 2016 г., когда проходили выборы в Государственную Думу VII созыва, то ситуация представлялась следующей. Больше половины поступлений в бюджет «Единой России» составляли пожертвования от юридических и физических лиц, остальное – средства из федерального бюджета. В числе крупнейших спонсоров «партии власти» значатся: Томская домостроительная компания, «Океанрыбфлот», Московский областной Фонд регионального сотрудничества и развития, «Эдельвейс», «Якусткэнерго», «Сервиснедвижимость», «Темпстройсервис», «Русгидро», «Лукойл-Коми», «Сахаэнерго», Московская инженерностроительная компания и т. д. Финансирование из федерального бюджета составило большую часть дохода КПРФ. Наибольшие пожертвования партия получила от АО «ПКП Кунцево», ООО «Расчетно-кредитный банк», ООО «Юг-Нефтепродукт» и «Топливная компания "Транснафта"», ООО «Парус», ООО «Авангард» и ООО «Алеф» и др. ЛДПР также значительную часть дохода получила из федерального бюджета. При этом партию финансировали компании «Велес», «Квант», «Орлец», «Форсаж», «Фортуна» и филиал ООО «Бриг». Большую часть финансирования «Справедливая Россия» получила в результате пожертвований, меньше половины дохода – из федерального бюджета. Среди основных спонсоров партии выделялись Челябинский кузнечно-прессовый завод и Фонд поддержки политических партий «Социум» [136; 170; 656]. В то же время, по мнению исследователей, указанные официальные спонсоры партий могут в действительности таковыми не являться, но быть связанными с реальными спонсорами [245; 447].

Примечательно, что тенденцией последних лет становится увеличение государственного финансирования парламентских партий [571; 728]. Так, эксперты отмечают, что в 2012–2017 гг. средства бюджета в отношении всех четырёх парламентских партий составляли в среднем 63,6 % общего объёма финансирования, а в 2017 г. – уже 81,5 % [392]. Увеличение объёмов государственного финансирования приводит к сокращению объёмов разного рода пожертвований. Кроме того, подобное обстоятельство способствует

формированию «управляемой многопартийности» или многопартийной системы с одной доминирующей партией. Применение метода государственного финансирования в условиях современной России «приводит к выделению группы «элитных» партий, а практически полная зависимость некоторых партий от средств, выделяемых из бюджета, ограничивает их политическую самостоятельность» [248, с. 92].

Соотношение групп интересов в нижней палате парламента VII созыва в сравнении с предыдущим принципиально не изменилось. Вместе с тем, в большей степени проявилось то, что «реальное разнообразие интересов оказалось сосредоточено внутри формально единой фракции ЕР. Состав фракций других партий (во многом по причине общего уменьшения числа «списочных мест»), по сути, сузился до простой формулы «партийная номенклатура плюс отдельные представители крупного регионального бизнеса». Ввиду гигантизма мегафракции единороссов (343 депутата) её пришлось поделить не на четыре, как в прошлых двух созывах, а на пять депутатских групп. При этом посты в президиуме Госдумы и её комитетах были распределены так, как если бы сохранились фракционные пропорции Думы прежнего созыва, где «Единая Россия» не обладала конституционным большинством» [423, с. 73].

Указанные факторы способствовали тому, что решения, касающиеся внешней политики и международных отношений, зачастую принимались большинством голосов депутатов нижней палаты парламента, характеризуясь более систематизированной тематикой, которая, как и в период предыдущего созыва, в полной мере соответствовала доктринальным документам и официальному внешнеполитическому курсу государства (см. приложение 2, таблица 33). В этом контексте, исходя из обозначенных параметров, можно выделить следующие устойчивые группы фракций, которые проявляли свои внешнеполитические приоритеты посредством голосований определённой направленности.

1. Решений либеральной и евро-атлантической направленности принято не было. При этом имели место договоры относительно сотрудничества с рядом

европейских структур и государств по широкому кругу вопросов, которые традиционно принимались большинством голосов всеми фракциями. В отдельных случаях фракция КПРФ выражала поддержку разделённым большинством или централизованно не голосовала.

2. Решения условно антизападной направленности, характеризовались стремлением защиты национальных интересов России и содержали объективную критику США, НАТО, европейской структуры и некоторых западных государств, своими действиями нарушающих международное право и / или проводящих политику, способствующую международной напряжённости, усилению вызовов и угроз глобальной и региональной безопасности. Документы такой направленности содержали более чёткие по сравнению с предыдущим созывом формулировки и поддерживались большинством состава всех фракций, зачастую не вызывая существенных разногласий.

3. Голосования, в процессе которых были приняты решения относительно защиты национальных интересов, обеспечения национальной безопасности и стратегической стабильности, как обычно, получали централизованную поддержку большинства депутатов независимо от их фракционной принадлежности. Аналогично большинством депутатского корпуса были поддержаны инициативы, направленные на активизацию и углубление интеграционных процессов на постсоветском пространстве.

4. Решения национал-патриотической направленности традиционно принимались большинством голосов всеми фракциями при отсутствии противоречий.

5. Принятие решений о сотрудничестве с разными государствами мира по широкому кругу вопросов, как обычно, принимались большинством голосов депутатов всех объединений.

Резюмируя сказанное, можно сделать следующие выводы.

В рамках Государственной Думы IV созыва традиционно наибольшим влиянием пользовались группы интересов, связанные с АПК и ТЭК. Однако парламентский лоббизм утрачивает прежнее значение, всё более становясь частью

внутрипартийной борьбы в условиях преобладающего положения одной партии. Поэтому представители АПК в Госдуме, помимо КПРФ, ориентировались на «Единую Россию», а ТЭК также – на «партию власти». В процессе реализации своих интересов указанные группы всё чаще взаимодействуют с Президентом, Правительством и профильными министерствами. Решений явно евро-атлантической и либеральной направленности в Государственной Думе IV созыва не принималось. Соглашения о взаимовыгодном сотрудничестве с европейскими государствами и структурами обычно поддерживались «Единой Россией» и ЛДПР и, наоборот, не поддерживались КПРФ и фракцией «Справедливая Россия – «Родина» (народно-патриотический союз)». Решения, связанные с критикой США, НАТО и некоторых западных государств, как правило, поддерживались всеми фракциями, учитывая, что депутаты от ЛДПР иногда не голосовали по этим вопросам. Прагматические решения, касающиеся защиты национальных интересов и интеграционных процессов на постсоветском пространстве, также поддерживались всеми фракциями. Решения национал-патриотической направленности получали поддержку всех парламентских объединений, исключая редкие случаи, когда представители ЛДПР не голосовали. Как обычно, договоры о взаимодействии с различными государствами не вызывали противоречий.

В составе Государственной Думы V созыва группа интересов АПК, как и в период прошлого созыва, ориентировалась на «партию власти» и КПРФ, концентрируя своё влияние в Комитете по аграрным вопросам. ТЭК в парламенте также ориентировался на «Единую Россию», а, кроме того, на президентские структуры и Правительство. Решений, открыто поддерживающих либеральные или евро-атлантические инициативы, в этот период не принималось. Соглашения о сотрудничестве с США и европейскими структурами обычно поддерживались фракциями «Единая Россия» и «Справедливая Россия». Фракции КПРФ и ЛДПР или не поддерживали такие решения, или не голосовали. Решения, связанные с критикой действий США, НАТО и некоторых западных государств традиционного были поддержаны всеми фракциями. Голосования по вопросам национальных интересов и стратегической стабильности также зачастую не

вызывали противоречий, исключая редкие случаи, когда ЛДПР и КПРФ выступали против стратегического взаимодействия с Вашингтоном. Интеграционные процессы на постсоветском пространстве поддерживались большинством состава всех фракций. Национал-патриотические решения находили централизованную поддержку, учитывая, что иногда по этим вопросам не голосовала большая часть ЛДПР. Договоры о сотрудничестве с различными государствами, как правило, поддерживались всеми фракциями при том, что в редких случаях КПРФ и ЛДПР эти вопросы не поддерживали либо по ним не голосовали. Направленность голосований депутатов в целом соотносилась с установками их фракций. Однако даже возникающие разногласия не могли повлиять на результат голосований, если решение было поддержано обладающей конституционным большинством «партией власти».

В Государственной Думе VI созыва соотношение групп интересов принципиально не изменилось. Решения о взаимовыгодном сотрудничестве с США, европейскими государствами и структурами зачастую поддерживались большинством состава всех фракций, исключая редкие случаи, когда КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия» не поддерживали эти вопросы или не голосовали. Критика действий США, НАТО, европейских структур и некоторых западных государств стабильно поддерживалась всеми фракциями. Решения, постулирующие защиту национальных интересов, обеспечение стратегической стабильности и активизацию интеграционных процессов на постсоветском пространстве обычно принимались большинством, не вызывая разногласий. Подобным образом дела обстояли и с принятием решений национал-патриотической направленности. Решения относительно сотрудничества по широкому кругу вопросов с различными государствами, как правило, были поддержаны всеми фракциями. Отдельные случаи, когда КПРФ и ЛДПР игнорировали эти вопросы или голосовали по ним отрицательно, не влияли на конечный результат, поскольку за счёт голосов депутатов от «Единой России» и «Справедливой России» они принимались парламентским большинством.

В рамках продолжающей функционировать на момент написания этих строк Государственной Думы VII созыва прослеживается тенденция значительного увеличения государственного финансирования парламентских партий и сокращения пожертвований со стороны других источников, обуславливая формирование «управляемой многопартийности» во главе с одной «партией власти». Соотношение групп интересов в этот период принципиально не изменилось, однако их взаимодействие сосредоточилось внутри формально единой фракции «Единая Россия». Тематика принимаемых большинством голосов всех фракций решений – в том числе, касающихся международно-политической сферы – становится более систематизированной, соответствуя позициям исполнительной власти.

Соглашения, направленные на сотрудничество с европейскими структурами и государствами, поддерживались всеми фракциями, учитывая редкие случаи, когда КПРФ игнорировала голосования. Решения, содержащие критику США, НАТО, европейских структур и некоторых западных государств, характеризовались более чёткими формулировками, получая централизованную поддержку большинства во всех фракциях. Это же касается и принятия решений, связанных с защитой национальных интересов, обеспечением стратегической стабильности, интенсификацией интеграционных процессов на постсоветском пространстве, национал-патриотическими инициативами и взаимодействием с разными государствами по широкому кругу вопросов.

5.3. Основные проблемы в реализации внешнеполитических полномочий Государственной Думы и возможности их решения

Рассмотренные полномочия и возможности влияния российского парламента на государственную внешнюю политику на практике сталкиваются с рядом проблем и противоречий, обусловленных причинами внутреннего характера и внешними вызовами. В этом отношении важно учитывать то, что Российская Федерация на рубеже XX–XXI веков находилась в уникальных

условиях становления, затрудняющих прямое сопоставление её опыта, как с практикой других внешнеполитических партнёров, так и Советским Союзом – предшественником в географическом, демографическом, институциональном и международно-правовом смыслах. Среди наиболее значимых факторов, оказывавших влияние на процесс формирования и реализации отечественной внешней политики в этот период, исследователи выделяют: внешнеполитические вызовы и зависимости, которые достались в наследство от СССР и возникли в контексте формирования элементов нового мирового и региональных порядков; общие характеристики политического режима, формировавшегося в постсоветской России под влиянием определённых идеологических представлений, но не обязательно в соответствии с ними; импульсы, исходившие от общества и элит, а также то, как общество воздействовало на систему целеполагания и концептуализировало внешнюю политику государства [602, с. 105].

Что касается общих проблем отечественного парламентаризма с 1993 г. до настоящего времени, то в этом контексте заслуживает внимания вывод В. И. Ерёмченко: «Это проблемы границ проявления суверенной власти народа; конституционные проблемы; проблема низкого уровня доверия общества партиям; проблема неполной адекватности избирательной системы существующей политической культуре страны; проблема избыточной детализации норм избирательного законодательства, создающая косвенные преимущества для «партии власти»; проблема процедуры формирования парламента и его деятельности ...» [306, с. 117].

Характеристику проблем функционирования внешнеполитического механизма России исследователи зачастую начинают с констатации того, что долгое время в отечественном законодательстве отсутствовал специальный акт, посвященный внешней политике. Отношения во внешнеполитической сфере регулируются Конституцией и отдельными положениями ряда законов и подзаконных актов, закрепляющих компетенцию и функции государственных органов в данной области [558, с. 67]. В этом плане, подчёркивают эксперты, с

момента дезинтеграции СССР Россия не имела чёткой внешнеполитической стратегии, как на конкретных направлениях, так и в целом, что и подтвердил «украинский кризис». Находясь во власти одной из характеристик собственной внешнеполитической традиции, РФ на международной арене действовала преимущественно реактивно, отвечая на шаги других государств. Так, российский специалист Д. В. Тренин в связи с этим писал: «На важнейших направлениях её (Российской Федерации. – П. П.) внешней политики – европейском, евразийском, китайском, американском – стратегическое планирование отсутствовало. Были в лучшем случае общие идеи и более или менее удачное тактическое маневрирование» [660].

Примечательно, что в Конституции России нет специальной главы о внешней политике. Детально не прописаны механизмы реализации международной деятельности. При этом специалисты акцентируют наличие конституционно оформленной «вторичности» представительных институтов по отношению к исполнительной власти, в том числе касательно внешнеполитических полномочий. «Поскольку институт ответственного правительства не предусмотрен российской Конституцией, - отмечал А. М. Салмин, - парламент, не желая быть распущенным, должен стремиться к «соглашению» с Президентом ещё при назначении главы правительства, что на практике, как свидетельствует опыт 1990-х гг., чаще всего означает заведомое принятие президентской кандидатуры. Никак не может парламент влиять ни на утверждение структуры правительства, ни на определение его состава (включая назначение на пост министра иностранных дел)» [602, с. 158].

В более критической форме оценивает конституционные полномочия отечественного парламента российский исследователь В. Б. Исаков: «И в начале XX в., и в его конце представительная власть в России создавалась в ослабленной, вырожденной, по существу в протопарламентской форме. Первая Государственная Дума задумывалась царём как законосовещательное учреждение и лишь в ходе начавшейся конституционной реформы под давлением

демократических сил ей были приданы определённые (достаточно ограниченные) законодательные полномочия.

То же самое можно сказать о Государственной Думе, избранной по Конституции 1993 г. Когда коллеги из зарубежных парламентов узнают, что Российская Государственная Дума по Конституции лишена контрольных полномочий, они не могут прийти в себя от изумления: «Как же так? Какое же это разделение властей? Зачем нужен парламент, который может принимать законы, но не вправе контролировать их исполнение?» [334, с. 5–6].

Развивая данные утверждения, российский учёный Р. Р. Вильданов акцентировал, что права законодательной инициативы и принятия федеральных законов, которыми наделяет Государственную Думу Конституция, существенно ограничиваются наличием двух veto – Совета Федерации и Президента. Это делает фактически непроходимыми те законодательные инициативы депутатов, с которыми не согласен Президент. В свою очередь, реализация имеющихся у нижней палаты контрольных функций (рассмотренных в специальном пункте данной работы), сталкивается с существенными препятствиями. Речь идёт о том, что после выражения Государственной Думой недоверия Правительству Президент вправе объявить об отставке Правительства или не согласиться с решением нижней палаты парламента. Если в течение трёх месяцев Государственная Дума повторно выразит недоверие Правительству, то Президент либо объявляет об отставке Правительства, либо распускает нижнюю палату. Угроза роспуска Государственной Думы существует и в процессе реализации её права на утверждение кандидатуры на должность Председателя Правительства. В частности, при трёхкратном отклонении представленных кандидатур Премьер-министра Президент имеет право назначить его самостоятельно, распустив нижнюю палату и назначив новые парламентские выборы [254, с. 85–86].

В этом отношении исследователи констатируют, что действующая Конституция существенно ограничивает возможности Государственной Думы в реализации законодательной и контрольной функций. Нижняя палата отечественного парламента, по сути, лишена действенных возможностей влиять

на состав правительства, располагая сокращёнными надзорно-контрольными функциями, замыкающимися на праве создавать совместно с Советом Федерации Счётную палату. Угроза роспуска обуславливает уязвимость и зависимость нижней палаты от исполнительной власти [254, с. 86].

Имеющиеся контрольные функции парламента на практике не являются действенными механизмами влияния на Правительство. Что касается вызовов министров на «правительственный час», то они представляются собеседованиями, в рамках которых стороны определяют, подтверждают и согласовывают свои позиции [380, с. 400].

Характерно, что в действующих законах и подзаконных актах отсутствует четкая регламентация порядка прохождения проекта документа, связанного с внешней политикой, в различных структурных подразделениях ведомства или на различных стадиях его подготовки [573, с. 17]. В последние годы эта ситуация начала меняться в результате принятия нескольких основополагающих документов [45; 153], предназначенных сделать внешнюю политику государства более последовательной и эффективной. Однако четкие процедуры, полномочия и механизмы участия государственных органов, в том числе парламентских институтов, во внешней политике в этих документах по-прежнему не указываются.

Еще одной проблемой отечественного внешнеполитического механизма представляется отсутствие обязывающего регламента в распределении полномочий между органами государственной власти, что приводит к дублированию их функций в процессе осуществления внешней политики [558, с. 68], а также к длительному межведомственному согласованию [573 с. 26]. «Таким образом, - отмечал К. И. Косачёв, - наряду с единой внешнеполитической линией возникает еще и некое среднее арифметическое самых различных инициатив, существующих параллельно (а иногда и перпендикулярно) основному политическому вектору, задаваемому президентом. МИДу же часто приходится выступать в роли интерпретатора, а то и своего рода «чистильщика», чтобы сгладить всевозможные нестыковки и напряженные ситуации во

внешнеполитической сфере. Спонтанность и несогласованность таких шагов очень часто не позволяла развить достигнутый положительный эффект. К тому же несвоевременно предъявленный козырь иногда может испортить всю игру» [398].

Впрочем, некоторые эксперты видят в этом искусственно созданную ситуацию с целью поддержания аппаратного равновесия, позволяющего российскому политическому руководству иметь гарантии получения альтернативной информации. Исходя из этой логики, в понимании руководства дублирующие вертикали чиновников составляют расширенный пул кадровых ресурсов, который можно регулярно использовать в интересах управления [174].

На практике нечетко сформулированная позиция государства относительно распределения полномочий во внешнеполитических вопросах приводит к возникновению явного или скрытого конфликта субъектов власти со схожими функциями. Подобная ситуация в последние десятилетия наблюдалась в сфере выработки стратегии российской внешней политики. Действующее законодательство приписывает данные полномочия Совету Безопасности РФ. В то же время на эти функции претендует Управление Президента по внешней политике, входящее в состав Администрации Президента. Пересечение круга ответственности может произойти между парламентом и Общественной палатой [388, с. 80–81]. Что не удалось, - отмечал российский исследователь С. В. Картунов, - и это парализовало весь механизм разработки, принятия и выполнения важнейших государственных решений, - так это четко разграничить функции и полномочия, в первую очередь между самим Совбезом и различными российскими ведомствами. <...> В результате за 15 лет (с 1992 г.) сменились с десяток секретарей Совбеза. Каждый из них приходил со своей командой, а аппарат СБ находился в процессе перманентной адаптации и реорганизаций, сопровождавшихся каждый раз выводом всех сотрудников за штат. К тому же руководители силовых министерств и ведомств, координировать работу которых по положению был призван Совет безопасности, сделали все, чтобы этого не допустить» [397].

Механизм, позволявший избегать открытых конфликтов между исполнительной и представительной властью с момента принятия Конституции 1993 г., по мнению исследователей, состоял из нескольких элементов. Во-первых, имел место отказ всех участников политического процесса от явно конфронтационных инициатив, которые требовали принятия решений нижней палаты парламента. Во-вторых, применялся достаточно осторожный подход исполнительной власти к ратификации резонансных документов, учитывая уместность подобных инициатив в каждом конкретном случае. В-третьих, тенденцией стало использование такого приёма ухода проправительственных фракций от столкновения по внешнеполитическим вопросам с оппозицией, как отказ от голосования и создание впечатления «второстепенности» рассматриваемой проблемы. В-четвёртых, наблюдалось проявление солидарности фракций, не вписывающихся в системное противостояние власти с оппозицией, с «партией власти» по определённому вопросу, при публично выражаемом неприятии данной позиции. В-пятых, использовался приём вынесения на публичное рассмотрение проблем, связанных с поддержанием статуса сверхдержавы и интеграционного взаимодействия на постсоветском пространстве и, одновременно, кулуарное обсуждение и решение других внешнеполитических вопросов, с учётом активного участия лоббирующих фракций, возникавших помимо межфракционных границ [602, с. 160–161].

Оценивая указанный механизм взаимодействия парламента и исполнительной власти в контексте формирования и реализации государственной внешней политики, отечественный исследователь А. М. Салмин акцентировал: «... этот механизм может показаться достаточно неуклюжим, ненадёжным и в ряде аспектов вызывающим вопросы к участникам политического процесса с точки зрения этики. Как бы то ни было, однако, при довольно ограниченной роли парламента в определении внешнеполитического курса, с одной стороны, и общей напряжённости отношений между «партией власти» и оппозицией, долгое время обладавшей, по сути, относительным большинством в Государственной Думе – с другой, именно он позволял избегать опасных осложнений во внешней политике

без явной «потери лица» теми акторами, для которых это было значимо» [602, с. 161].

На современном этапе в качестве проблем исследователи определяют падение уровня прозрачности процесса принятия внешнеполитических решений [397], разноплановость и непоследовательность внешнеполитических установок различных групп российской элиты, что приводит к противоречиям в позиционировании государства на международной арене [673]. В этом контексте Д. В. Тренин акцентировал, что «административная закрытость является характерной чертой нынешнего российского руководства – притом, что способ мышления, основные установки, модели поведения остаются открытыми и вполне доступными для анализа. Механизм принятия внешнеполитических решений в деталях больше скрыт от стороннего наблюдателя, чем во времена позднего СССР. Последние прямые свидетельства о работе этого механизма относятся к временам президентства Бориса Ельцина» [660].

При этом отсутствие формально закрепленного механизма координации внешней политики, по мнению специалистов, означает, что эта функция «по умолчанию» оказывается в ведомстве главы государства, как и согласование позиций в рамках стратегической элиты. Представляется, что принятие стратегических решений зависит от порядка, устанавливаемого Президентом. Исключением являются вопросы о войне и мире, которые, как показывает опыт, принимаются в условиях активных обсуждений с участием стратегической элиты и при тестировании общественного мнения [174].

Что касается конкретно проблем влияния парламентских институтов на внешнюю политику государства, то их основные полномочия закреплены в Конституции. Однако, как отмечают эксперты, нормативно-правовая база осуществления этих полномочий отличается неполнотой и не обеспечивает возможность активного вмешательства высшего представительного органа в осуществление государственной внешней политики [506, с. 15]. Актуализация данной проблемы в настоящее время связана с необходимостью принятия особо

эффективных мер в сфере обеспечения безопасности России и ее граждан, что требует создания прочной законодательной базы.

Учитывая реалии современности, исследователи полагают, что в существующей системе разделения властных полномочий Федеральное Собрание Российской Федерации ограничено в праве инициативы в осуществлении государственной внешней политики [388, с. 80–84]. В частности, парламент не может непосредственно влиять на утверждение структуры правительства или определение его состава, включая назначение на пост министра иностранных дел [602, с. 158]. Согласно Конституции России, Президент назначает и отзывает российских дипломатических представителей в иностранных государствах и организациях после консультаций с комитетами или комиссиями палат Федерального Собрания. Вместе с тем, вряд ли эту сторону международной деятельности палат можно считать реальными полномочиями, поскольку ни Конституцией, ни Регламентами палат не предусмотрено правовых последствий в случае несогласия комитетов палат с кандидатурой, представленной по поручению Президента [506, с. 31]. Имея полномочия ратифицировать международные договоры, Государственная Дума не может участвовать в их подготовке. Несмотря на видимость активной деятельности, потенциал парламента в системе международных связей используется в недостаточной степени [558, с. 68]. Это касается и межпарламентского сотрудничества, имеющиеся возможности и резервы которого, по мнению экспертов, не в полной мере используются отечественным парламентом [436; 472].

Существует и ряд проблем, связанных с взаимодействием палат Федерального Собрания во внешнеполитической сфере. Так, верхняя палата российского парламента не имеет права внесения поправок в законы, принятые нижней палатой, доминирующей при решении кадровых вопросов, касающихся внешней политики. Периодически наблюдается «блокирование» законодательных инициатив верхней палаты нижней по «техническим» причинам, затягивание Государственной Думой процесса ратификации. Органы исполнительной власти часто несвоевременно осуществляют подачу документов на ратификацию. Там,

где требуется совместное рассмотрение законопроектов на начальном этапе, представители двух палат работают отдельно. Совместную работу по выработке общих решений и принятию заявлений может затруднять несогласованность Регламентов палат. «Пробелы» в законодательстве существуют и в отношении регламентации работы согласительных комиссий и привлечения субъектов Российской Федерации к работе в этих комиссиях. Практически не проводятся совместные заседания или совещания комитетов, а консультации носят, как правило, личный характер. Хотя депутаты нижней палаты и представлены в Экспертном совете верхней палаты, в Государственной Думе в аналогичном совете представителей Совета Федерации не наблюдается. Совместная работа палат ограничивается преимущественно участием в общих делегациях [573, с. 26].

При всех нюансах отмеченных проблем и преобладающем значении Президента и исполнительной власти в формировании и реализации внешней политики государства, тем не менее, представляется, что Государственная Дума располагает достаточными полномочиями для действенного влияния на внешнеполитический процесс. Чтобы законодательно закрепленные за нижней палатой отечественного парламента функции участия во внешней политике эффективнее реализовывались, необходимо осуществить реформирование по ряду направлений.

Специфика выполнения проектов реформирования будет обусловлена избранной траекторией развития парламентаризма. В этом отношении В. Б. Исаков выделял два возможных сценария. Первый связан с тем, что отечественный парламентаризм станет влиятельным фактором общественного развития. Произойдет консолидация политических сил в двух–трех партийную систему, когда одна партия будет находиться у власти, а другие в оппозиции, меняясь местами в результате выборов. При этом будет наблюдаться конституционное ограничение президентских полномочий. Реализация данного сценария будет означать приближение России к модели парламентской республики западноевропейского типа [334, с. 13].

Второй сценарий заключается в увеличении президентских полномочий в рамках модели мягкой или жёсткой диктатуры с учётом сведения представительной власти к формальности. В таких обстоятельствах во власти может укрепиться «несменяемая элита», обеспечивающая свои позиции, как незаконными методами, так и рычагами законодательной, исполнительной и судебной власти, находящихся под её контролем [334, с. 13].

Представляется, что продуктивное реформирование в форме увеличения субъектности отечественного парламента в целом и касательно его роли в процессе формирования и реализации внешней политики возможно только в рамках реализации первого сценария. В то же время необходимо учитывать «российскую специфику» в контексте исторически преобладающей роли «верховой власти» в государственном внешнеполитическом механизме и особенностей её взаимодействия с представительными институтами.

Учитывая сказанное, интересными представляются предложения Е. В. Кондрашовой по усилению воздействия Государственной Думы на внешнеполитический процесс. В частности, предлагается активизировать работу по урегулированию существующих конфликтов и противоречий посредством механизмов межпарламентского сотрудничества или в смешанном формате (парламентарии и представители исполнительной власти). Рекомендуются проявлять инициативы по включению «парламентского глаза» в различные формы деятельности исполнительной власти, а также организовывать контакты парламентариев с зарубежными политиками, не представляющими официальную власть. В этом контексте требуется осуществлять комплексный анализ ситуации в зарубежных государствах, учитывая проработку возможных путей воздействия на гражданское общество с целью решения конкретных проблем [388, с. 147].

Реализация данных предложений порождает целесообразность создания в Государственной Думе Экспертного Совета по вопросам внешней политики, который рекомендуется подчинить Председателю. В целях повышения эффективности функционирования следует обеспечить его взаимодействие с комитетами нижней палаты, специализирующимися по внешнеполитическим

вопросам, а также с постоянными делегациями в международных парламентских организациях и группами по связям с парламентами зарубежных государств. Кроме того, необходимо наладить обмен информацией и кадровый обмен между созданным Экспертным Советом Государственной Думы и аналогичными органами Совета Федерации и структурами МИД [388, с. 147]. В итоге следует выработать процедуру оперативной экспертной оценки в рамках указанного Совета при Госдуме, подразумевающую анализ конкретной внешнеполитической ситуации и несколько вариантов действий с характеристикой возможных последствий.

Аналогичные экспертные советы рекомендуется сформировать при законодательных (представительных) органах субъектов РФ. В этом плане необходимо выработать чёткую и прозрачную процедуру отбора экспертов, входящих в советы по вопросам внешней политики на региональном и федеральном уровнях. Это должны быть профильные дипломированные специалисты, имеющие опыт экспертной и / или практической работы в конкретной сфере, публикации по внешнеполитической проблематике в специализированных изданиях и рекомендации соответствующих организаций, научных и образовательных центров, а также авторитетных политических деятелей и экспертов в области внешней политики и международных отношений. Аргументация процедуры их вхождения в экспертный совет должна исходить из квалификационных характеристик, прописанных в положении о функционировании совета, быть максимально открытой и понятной с учётом обязательного диалога с общественностью.

Помимо этого, представляется необходимым законодательно оформить решение, в соответствии с которым законодательные (представительные) органы субъектов Российской Федерации при подготовке документа, связанного с внешнеполитической сферой, должны будут в обязательном порядке обращаться за консультацией к государственным и / или частным организациям, специализирующимся на изучении данных вопросов. В итоге предполагается

получение списка соответствующих рекомендаций от профильных экспертных центров.

Следует реформировать институт советников в направлении увеличения присутствия внешнеполитической составляющей и повышения квалификации кадров в обозначенной сфере. Так, Председателю, главам фракции и руководителям профильных комитетов Государственной Думы рекомендуется иметь советника (советников) по вопросам внешней политики. Как и в случае с составом экспертных советов, процедура отбора советников должна быть прозрачной, чётко прописанной в соответствующих законодательно закреплённых положениях и основанной на наличии у кандидата на эту должность определённых квалификационных характеристик, опыта работы, рекомендаций профильных организаций и экспертов, а также специализированных научных публикаций.

При этом важно рационализировать процесс участия советников по внешней политике в рамках Государственной Думы в формировании законодательных инициатив. Необходимо нормативно закрепить, что советники Председателя, глав фракций и руководителей профильных комитетов должны в обязательном порядке участвовать в обсуждении решений, связанных с внешнеполитической сферой, на уровне парламентских партий (в ходе формирования внешнеполитических разделов партийных программ), фракций, комитетов, комиссий, постоянных делегаций в международных парламентских организациях, групп по связям с парламентами зарубежных государств, представлять соответствующие рекомендации и выдвигать инициативы.

В контексте дискуссий о повышении эффективности функционирования отечественного внешнеполитического механизма исследователи отмечают целесообразность превращения аппарата Совета Безопасности РФ в центр стратегических оценок и планирования, в том числе выработки политических стратегий и решений. Что касается видимого соперничества между Советом Безопасности и другими ведомствами (в частности Министерством иностранных дел), то такое можно устранить посредством чёткого распределения

ответственности. Так, Совету Безопасности можно поручить выработку общей стратегии и координации, а Министерству иностранных дел – ведущую роль в реализации внешней политики. При этом секретарь Совета Безопасности может быть не только главным менеджером в процессе координации действий различных ведомств относительно внешней политики, но и основным помощником Президента в вопросах внешнеполитической стратегии [660].

В связи с этим уместно упомянуть предложение К. И. Косачёва о необходимости усиления координирующей роли парламента в контексте функционирования государственного внешнеполитического механизма: «... эффективную роль в усилении взаимодействия экспертов, аналитиков и власти у нас мог бы сыграть парламент, как орган, представляющий все политические силы, поддерживающий плодотворные связи с самыми различными общественными институтами. Играя важную роль в государственной системе, органы законодательной власти эффективно взаимодействуют с основными звеньями внешнеполитического механизма России – Администрацией Президента, Советом Безопасности, МИДом, а значит, способны гарантировать учет и реализацию ценных идей и предложений экспертного сообщества в конкретной политической линии страны. <...> Иногда законодатели различных стран по каналам своих рабочих связей готовят почву для принятия благоприятных для страны решений в тех сферах, где буксует официальный переговорный процесс. Поэтому парламент, благодаря своему политическому весу внутри страны, а также обширной и эффективной международной деятельности, становится не только органом, куда отечественные аналитики могут адресовать свои инициативы, но и центром притяжения для пока еще довольно разрозненных экспертных групп и институтов» [398].

Заслуживают внимания предложения по увеличению роли представительных институтов во внешней политике и общему повышению эффективности государственного внешнеполитического механизма, представленные Д. С. Покровским. В этом отношении рекомендуется создать Коллегию – политический орган при Президенте, способствующий

своевременной и качественной разработке политики и внешнеполитической стратегии. Возглавлять этот орган должен Президент. Входить в Коллегию должны Председатель Правительства, секретарь Совета Безопасности, министр иностранных дел, министр обороны, директор ФСБ, директор СВР, Председатель Государственной Думы, Председатель Совета Федерации. В качестве рабочего органа Коллегии предполагается аппарат Совета Безопасности. По замыслу разработчиков проекта, создание Коллегии будет способствовать большей согласованности в работе всех ветвей власти, главным образом – на высшем уровне. Кроме того, функционирование данной структуры в процессе формирования и реализации внешнеполитических решений повысило бы уровень коллегиальности, дав возможность государственной системе чётче и более оперативно корректировать внешнеполитический курс. Это объясняется тем, что в таких условиях принимаемые решения имели бы возможность опираться на широкое коллективное мнение, которое учитывает интересы всех основных субъектов международной деятельности. Особенно значимой представляется попытка повысить законодательную и региональную составляющую в данном процессе [573, с. 27].

Интересной выглядит инициатива законопроекта «О статусе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации», предполагающего более автономный, особенно в экономическом смысле, статус верхней палаты, что, как предполагается, должно повысить уровень независимости законодательной власти и, следовательно, возможности «политического манёвра» Совета Федерации, способствуя увеличению эффективности его работы, в частности, в сфере внешней политики [573, с. 28].

Одним из условий эффективности функционирования государственного внешнеполитического механизма представляется достижение общенационального консенсуса по принципиальным вопросам внешней политики, который возможен через проработку партийных подходов и определение консолидированной платформы между позициями отдельных фракций Государственной Думы. Также в этом отношении необходимо интенсифицировать межфракционный диалог по

данным проблемам на уровне профильных комитетов, специальных комиссий и руководства палат. Согласие по основным внешнеполитическим вопросам между политическими партиями – как входящими, так и не входящими в парламент – значимо и в целях исключения вовлеченности внешних сил во внутреннюю политику страны. В этом контексте недопустимыми являются апелляции к внешнему миру за помощью во внутривнутриполитической сфере [660].

Вместе с тем, повышение субъектности Государственной Думы во внешнеполитическом процессе в рамках имеющихся полномочий подразумевает увеличение самостоятельности парламентских партий в обсуждении и выдвижении внешнеполитических инициатив, а также последовательном их отстаивании в ходе голосований. С этим связана необходимость повышения степени соответствия внешнеполитических установок парламентских партий, отражённых в программах, с их действиями в процессе обсуждения и принятия решений внешнеполитической направленности. В рамках пленарных заседаний, дискуссий в профильных комитетах и в период парламентских слушаний представители думских партий должны освещать актуальные проблемы, относящиеся к внешней политике, не избегая объективной критики государственного внешнеполитического курса. Инициативы парламентских партий, включающие выявление недостатков в указанной сфере и рекомендации по их устранению, необходимы в целях формирования внешнеполитической повестки дня на государственном уровне, что будет способствовать принятию более функциональных внешнеполитических решений.

В плане тематических приоритетов парламентских слушаний представляется необходимым увеличить количество мероприятий, связанных с внешнеполитической сферой. Так, в рамках Государственной Думы VII созыва доля парламентских слушаний, где обсуждались вопросы «геополитических интересов России», внешней политики и международных отношений в 2016 г. составляла 14% [34, с. 105], в 2017 г. – 6% [35, с. 125], в 2018 г. – 5% [36, с. 125], в 2019 г. – 6% [37, с. 119]. Для сравнения показательно отметить, что доля обсуждения вопросов экономической политики на парламентских слушаниях в

2016 г. составляла 43% [34, с. 105], в 2017 г. – 27% [35, с. 125], в 2018 г. – 23% [36, с. 125], в 2019 г. – 20% [37, с. 119]. Учитывая современное увеличение международной напряжённости, вызовов и угроз национальной безопасности Российской Федерации, рекомендуется увеличить долю обсуждения в ходе парламентских слушаний вопросов внешней политики и международных отношений.

В свете утверждённой Президентом в июле 2021 г. новой редакции «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» актуализируется ряд возможностей для увеличения роли Государственной Думы во внешней политике в ракурсе возникающих вызовов и угроз. «Целями внешней политики Российской Федерации, - отмечается в документе, - являются создание благоприятных условий для устойчивого социально-экономического развития страны, укрепление национальной безопасности, упрочение позиций Российской Федерации как одного из влиятельных центров современного мира». В этом отношении одной из приоритетных задач определяется «развитие сотрудничества в рамках международных организаций и институтов, расширение использования инструментов сетевой дипломатии» [148], что напрямую связано с необходимостью развития парламентской дипломатии.

В связи с этим делегации депутатов Государственной Думы (или в смешанных форматах) в межпарламентских организациях или двухстороннем диалоге могли бы усилить работу по продвижению российских инициатив о переходе к полицентричной международной системе, опирающейся на координирующую роль ООН. Это предусматривает акцентирование необходимости повышения ответственности государств – членов ООН за соблюдения Устава Организации и основных принципов международного права. Возможно, для этого потребуются инициировать ряд международных мероприятий, в частности проведение соответствующих международных конференций на базе Межпарламентского союза [479, с. 313].

Кроме того, положения «Стратегии национальной безопасности» 2021 г., связанные с внешней политикой, предусматривают: «углубление сотрудничества

с государствами – участниками СНГ, Республикой Абхазия и Республикой Южная Осетия на двусторонней основе и в рамках интеграционных объединений, в первую очередь Евразийского экономического союза, Организации Договора о коллективной безопасности, Союзного государства»; «обеспечение интеграции экономических систем и развитие многостороннего сотрудничества в рамках Большого Евразийского партнерства»; формирование на постсоветском пространстве «взаимовыгодных для России и иностранных государств подходов к участию в деятельности международных организаций, осуществлению экономической взаимопомощи, решению социальных и гуманитарных вопросов, а также вопросов, связанных с развитием новых технологий»; развитие отношений «всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия» с Китаем и Индией, «в том числе в целях создания в Азиатско-Тихоокеанском регионе надежных механизмов обеспечения региональной стабильности и безопасности на внеблоковой основе»; углубление многопрофильного сотрудничества с иностранными государствами в форматах ШОС, БРИКС; развитие «региональной и субрегиональной интеграции в рамках многосторонних международных институтов, диалоговых площадок, региональных объединений, в том числе в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Латинской Америке и Африке» и т. д. [148]. В этом контексте для Государственной Думы открываются перспективы развития межпарламентского сотрудничества по указанным направлениям.

Для этого, во-первых, необходимо интенсифицировать межпарламентское взаимодействие в целях активизации интеграционных процессов на постсоветском пространстве в рамках СНГ, СГРБ, ОДКБ, ЕАЭС. Следует предпринимать меры в плане повышения авторитета МПА СНГ как межгосударственного органа, развития отношений с парламентами стран Содружества, в том числе по совершенствованию созданных межпарламентских структур и согласованности в деятельности государств региона в международных парламентских организациях [479, с. 314].

Во-вторых, надо усилить работу по сближению стран евразийского пространства на базе движения к созданию общего парламентского органа [479, с.

314]. Как отмечают исследователи, «сама архитектура евразийской интеграции и логика интеграционных процессов в будущем подтолкнут к учреждению органа, объединяющего парламентариев стран-членов ЕАЭС, который пойдёт по пути эволюции к полноценному Евразийскому парламенту» [177]. Двигаясь в этом направлении, «в целях повышения демократического потенциала Евразийского союза в целом и его будущего парламентского органа можно обсудить вопрос о правовом статусе и юридической природе этого органа. В этих целях в будущих учредительных актах Евразийского союза было бы желательно четко закрепить положение об отнесении парламента к числу основных органов Союза. Это ключевое положение позволит более определенно сформулировать и иные правовые характеристики данного органа. Наряду с основной функцией – правотворчеством, необходимо выделить и его задачу выступать представительным органом, выражающим интересы народов государств – членов Евразийского союза» [489, с. 13].

Кроме того, в рамках курса на углубление многопрофильного сотрудничества с иностранными государствами следует интенсифицировать межпарламентское взаимодействие в формате БРИКС и ШОС [479, с. 314].

В целях повышения эффективности внешней политики России со стороны Государственной Думы (и в целом Федерального Собрания) необходимо усовершенствовать её законодательное обеспечение. Речь идёт о своевременном принятии законов по ратификации и денонсации международных договоров, мониторинге их имплементации, информировании российского общества о правовом массиве, связанном с внешней политикой государства, гармонизации современных правовых систем и сближении законодательств в процессе партнёрства с государствами разных регионов [479, с. 313].

Функциональная реализации обозначенных рекомендаций требует повышения уровня взаимодействия Государственной Думы с отечественными СМИ, в том числе с агентствами ТАСС, РИА «Новости», «Интерфакс», «Russia Today» и т. д. [479, с. 314].

Также рекомендуется подробнее освещать внешнеполитическую деятельность Государственной Думы на страницах «Парламентской газеты», для чего можно выделить на постоянной основе раздел, посвящённый данной тематике. В этих целях на базе нижней палаты отечественного парламента целесообразно создать специальное периодическое издание (газету или журнал), предназначенное информировать общественность относительно важнейших аспектов внешнеполитической деятельности Госдумы, размещать обзоры, экспертные комментарии и аналитические материалы международно-политической направленности.

Повышение эффективности внешнеполитической деятельности Государственной Думы напрямую связано с увеличением роли законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации во внешнеполитическом процессе. В частности, за период работы нижней палаты парламента VII созыва со стороны Государственного Совета Республики Крым в неё было внесено 13 законопроектов, работа над которыми была завершена. Тематика этих законопроектов сводилась к следующим положениям: дополнение оснований проведения внеплановой проверки деятельности органа местного самоуправления; уточнение порядка исчисления налога на имущество физических лиц в отношении объектов недвижимого имущества, расположенных на территории Республики Крым и г. Севастополя; исключение из общества с ограниченной ответственностью участника общества, не приведшего свои учредительные документы в соответствие с законодательством РФ; уточнение вопросов местного значения в сфере благоустройства территории муниципальных образований; относительно включения Крымского бассейнового округа в перечень бассейновых округов; касательно особенностей регулирования имущественных, градостроительных, земельных, лесных отношений и отдельных норм гражданского оборота нормативными правовыми актами Республики Крым и г. Севастополя; внесение изменений в статью 333.35 части второй Налогового кодекса РФ; урегулирование вопросов представления в арбитражные суды в качестве письменных доказательств документов, составленных полностью или

частично на украинском языке, без заверенного перевода на русский язык, если они составлены до 18 марта 2014 г.; регулирование порядка использования самовольных построек на территориях Республики Крым и г. Севастополя; урегулирование отношений в сфере охоты и сохранения охотничьих ресурсов на территориях Республики Крым и г. Севастополя; о нормативных актах органов государственной власти Республики Крым и г. Севастополя; о возможности законодательством Республики Крым и г. Севастополя устанавливать в переходный период особенности регулирования правоотношений в сфере недропользования и обращения с отходами; внесение изменений в Федеральный закон «Об участии граждан в охране общественного порядка» [103]. Исходя из представленного перечня, понятно, что вопросы, напрямую связанные с внешнеполитической сферой, отсутствовали среди законодательных инициатив, а проблемы, имеющие отношение к международно-политическому контексту, составляли менее 10% от общего числа.

В этом отношении следует законодательно закрепить, что региональные парламенты должны в обязательном порядке рассматривать вопросы, связанные с внешнеполитической сферой, и вносить соответствующие законопроекты в Госдуму. Учитывая рост значимости международно-политической проблематики в контексте новых вызовов и угроз национальной безопасности России (как и в случае с тематикой парламентских слушаний), рекомендуется, чтобы количество законопроектов внешнеполитической направленности, подающихся со стороны региональных законодательных (представительных) органов в нижнюю палату парламента, было увеличено. При этом в процессе составления законодательной инициативы, связанной с внешней политикой, необходимо в максимальной степени учитывать актуальные проблемы и тенденции общественного мнения региона. В этих целях следует увеличить количественную и качественную составляющие социологических исследований на базе местных и / или федеральных экспертных центров, проведение которых должно осуществляться систематически, оперативно реагируя на изменения общественных настроений в региональном срезе.

Что касается вопросов, связанных с внешней политикой, Крымом и Севастополем, которые должны быть законодательно урегулированы, то к таковым относятся следующие: комплекс мер, направленных на нивелирование действия официальных санкций, введённых против России, официальных санкций введённых непосредственно против Республики Крым и г. Севастополя, официально не подтверждённых, но реально действующих ограничений со стороны иностранных и российских экономических субъектов; запрет деятельности на территории Российской Федерации компаний, представляющих государства, не признающие современный статус Крыма и Севастополя; усиление мер в отношении лиц, не признающих современный статус Крыма и Севастополя; повышение уровня противодействия угрозам враждебных действий (вплоть до терактов и разного рода диверсий) со стороны внешних сил. Представленный перечень вопросов должен быть проработан и оформлен в качестве инициатив Государственного Совета Республики Крым для внесения в нижнюю палату парламента. Помимо этого, учитывая сложности современных международно-политических реалий, Государственной Думе следует принять находящийся на доработке законопроект об ответственности за исполнение антироссийских санкций на территории РФ²².

Подводя итоги, необходимо отметить следующее.

Проблемы в реализации возможностей участия Государственной Думы во внешнеполитическом процессе обусловлены как особенностями отечественного парламентаризма и внешнеполитической традиции, так и исключительными обстоятельствами, в которых оказалась Российская Федерация на рубеже веков, затруднявшими экстраполяцию политических практик прошлого на современные

²² Речь идёт о законопроекте № 464757-7 «О внесении изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации (в целях обеспечения реализации Федерального закона "О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и (или) иных иностранных государств"»), внесённом в Государственную Думу её Председателем В. В. Володиным, Председателем Совета Федерации В. И. Матвиенко, а также руководителями думских фракций и депутатами Г. А. Зюгановым (КПРФ), В. В. Жириновским (ЛДПР), С. И. Неверовым («Единая Россия»), С. М. Мироновым («Справедливая Россия»), И. И. Мельниковым (КПРФ), А. Д. Жуковым («Единая Россия»), А. К. Исаевым («Единая Россия»), П. О. Толстым («Единая Россия»). Законопроект был рассмотрен и принят в первом чтении 15 мая 2018 г. В рамках подготовки ко второму чтению 17 мая 2018 г. было принято решение перенести рассмотрение законопроекта на другое пленарное заседание вследствие возникших разногласий и необходимости провести консультации с представителями бизнеса [103].

реалии. К общим проблемам отечественного парламентаризма, детерминирующим частные недостатки, относятся: специфика существующей политической культуры, низкий уровень доверия общества политическим партиям, конституционные ограничения, коллизии избирательной системы и законодательства, процедурные вопросы относительно формирования и деятельности парламента и т. д. Среди общих проблем внешнеполитической традиции России, проявившихся в функционировании государственного внешнеполитического механизма в постсоветский период, исследователями акцентируются недостатки стратегического планирования на важнейших направлениях внешней политики, а также преимущественно реактивное поведение государства на международной арене.

Учитывая сказанное, возможности адекватной реакции российских парламентских институтов, в частности Государственной Думы, на вызовы современности в процессе реализации своих полномочий во внешнеполитическом механизме государства осложняются наличием нескольких уровней проблем и противоречий.

На первом уровне находятся проблемы, связанные с несовершенством отечественного законодательства, в котором долгое время отсутствовал специальный законодательный акт, посвященный внешней политике. С принятием соответствующих законодательных актов ситуация во многом осталась прежней. В частности, в Конституции РФ, действующих законах и подзаконных актах, должным образом не прописаны механизмы реализации международной деятельности. Четкая регламентация порядка прохождения по различным инстанциям на разных стадиях подготовки проекта какого-либо документа, относящегося к внешнеполитической сфере, также отсутствует. Это характерно и для принятых в последние годы доктринальных документов в области государственной внешней политики.

Второй уровень проблем и противоречий определяется спецификой функционирования внешнеполитического механизма России, в рамках которого происходит дублирование функций, приводящее к ситуациям латентного или

открытого противостояния субъектов власти, что оказывает влияние на оперативность и качество принятия и реализации внешнеполитических решений. К этому следует добавить отмеченное экспертами падение уровня прозрачности процесса принятия внешнеполитических решений и различия во внешнеполитических установках групп российской элиты, приводящие к непоследовательности и противоречиям в позиционировании государства на международной арене.

Проблемы реализации полномочий и функций Федерального Собрания Российской Федерации в процессе формирования и осуществления государственной внешней политики характеризуют третий уровень, который обусловлен комплексом имеющихся на других уровнях противоречий. Так, нормативно-правовая база реализации парламентскими институтами функций влияния на внешнюю политику государства отличается неполнотой и нечеткостью. В структуре действующего внешнеполитического механизма Федеральное Собрание не имеет возможностей в полной мере воплотить на практике обозначенный в нормативно-правовой базе потенциал воздействия на внешнеполитический процесс. Учитывая эти обстоятельства, недостаточно используется и опция межпарламентского сотрудничества и парламентской дипломатии. Имеются проблемы и во взаимодействии палат Федерального Собрания по внешнеполитическим вопросам, приводящие к периодически возникающим между Государственной Думой и Советом Федерации конфликтным ситуациям, несогласованным и нескоординированным действиям, сужая круг возможностей и уменьшая эффективность влияния парламентских институтов на государственную внешнюю политику.

Решение указанных проблем, связано с реформированием разных уровней и составляющих существующей политической системы, что во многом будет обусловлено избранной траекторией её развития. В этом отношении выделяется два сценария. Согласно первому, парламентаризм становится влиятельным фактором общественного и государственного развития в условиях консолидации политических сил в формате системы из двух–трех партий, попеременно – в

результате выборов – сменяющих друг друга во власти и оппозиции, учитывая некоторое ограничение президентских полномочий. Реализация второго сценария подразумевает, с одной стороны, увеличение роли исполнительной власти и президентских полномочий а, с другой – смещение в плоскость формальности реальных возможностей парламента оказывать влияние на политический процесс в государстве. Реформирование в сторону повышения значимости парламента, в том числе в плане возможностей влиять на государственную внешнюю политику, находится в сфере действия первого сценария. При этом важно учитывать специфику российских внешнеполитической традиции, политического опыта и культуры в контексте проявления особых практик взаимодействия «верховой власти» и представительных институтов.

Представляется, что устранению отмеченных недостатков будет способствовать реализация следующих рекомендаций.

1. К общим предложениям, направленным на усовершенствование функционирования государственного внешнеполитического механизма, относится идея превращения аппарата Совета Безопасности в центр стратегических оценок и планирования в области внешней политики. В целях устранения имеющихся между государственными ведомствами противоречий следует разграничить полномочия таким образом, чтобы Совет Безопасности занимался выработкой общей стратегии и координации, а МИД обеспечивал реализацию внешней политики.

2. В этом контексте для оперативной и качественной разработки внешнеполитической стратегии исследователи рекомендуют сформировать при Президенте Российской Федерации и под его руководством специальное политическое учреждение – Коллегию, куда должны входить Председатель Правительства, секретарь Совета Безопасности, министр иностранных дел, министр обороны, директор ФСБ, директор СВР, Председатель Государственной Думы и Председатель Совета Федерации. Рабочим органом Коллегии может быть аппарат Совета Безопасности. Предполагается, что в результате

функционирования этого учреждения будет повышен уровень коллегиальности в процессе формирования и реализации внешнеполитических решений.

3. Среди общих предложений выделяется довольно распространённая в экспертных кругах идея, связанная с тем, что парламент может играть значимую роль во взаимодействии аналитиков и исполнительной власти. Учитывая наличие тесных связей с основными элементами внешнеполитического механизма государства, парламентские институты могут способствовать усовершенствованию уровня восприятия, анализа и реализации предложений экспертного сообщества в контексте выработки и осуществления государственных внешнеполитических подходов.

4. В числе функциональных рекомендаций по устранению отмеченных недостатков выделяются предложения, относящиеся к активизации урегулирования через механизмы межпарламентского сотрудничества или в смешанном формате. Речь идёт об инициативах по включению «парламентского глаза» в сферы деятельности исполнительной власти, организации контактов парламентариев с зарубежными политиками, представляющими официальную власть и оппозицию, что требует осуществления комплексного анализа ситуации в конкретных странах.

5. Эти инициативы обуславливают необходимость формирования в рамках нижней палаты парламента Экспертного Совета по вопросам внешней политики под руководством её Председателя. Данный орган, помимо постоянного сотрудничества с профильными подструктурами Государственной Думы, должен иметь возможности плодотворного взаимодействия с её Советом и аналогичными структурами Совета Федерации и МИД.

6. В рамках такого Совета необходимо выработать процедуру оперативной экспертной оценки внешнеполитических ситуаций, аргументирующей несколько вариантов действий и возможные последствия.

7. Рекомендуется сформировать при законодательных (представительных) органах субъектов РФ аналогичные экспертные советы по вопросам внешней политики.

8. Следует выработать чёткую и прозрачную процедуру отбора экспертов, которые входят в указанные советы на региональном и федеральном уровнях, базирующуюся на квалификационных характеристиках, опыте работы и рекомендациях профильных организаций и / или специалистов.

9. Целесообразным видится нормативное оформление обязательного обращения законодательных (представительных) органов субъектов РФ при подготовке документа, связанного с внешней политикой, к государственным и / или частным организациям, которые специализируются в этой области, для получения экспертных рекомендаций.

10. Предлагается реформировать институт советников в направлении увеличения внешнеполитической составляющей. Председателю, главам фракций и руководителям профильных комитетов рекомендуется иметь советников по вопросам внешней политики, процедура отбора которых должна также быть прозрачной и основываться на квалификационных характеристиках.

11. Следует рационализировать функционал советников по внешней политике в рамках Государственной Думы, нормативно закрепив необходимость их участия в обсуждении решений, относящихся к данной сфере.

12. Рекомендуется интенсифицировать межфракционный диалог на уровне профильных комитетов, специальных комиссий и руководства нижней палаты парламента в целях достижения консенсуса по важнейшим внешнеполитическим вопросам, противодействуя вовлеченности внешних сил во внутреннюю политику России.

13. В рамках имеющихся полномочий Государственной Думы представляется целесообразным увеличение самостоятельности и активности парламентских партий в обсуждении, выдвижении и отстаивании в ходе голосований – с учётом наличия конструктивной критики государственного внешнеполитического курса – инициатив в области внешней политики, подразумевая соответствие их программных внешнеполитических установок практическим шагам.

14. Необходимо увеличить количество парламентских слушаний, посвящённых вопросам внешней политики, примерно до 20% от общего числа.

15. В современных условиях возникновения новых вызовов и угроз национальной безопасности появляются возможности увеличения роли Государственной Думы в формировании и реализации внешней политики России. Поэтому необходимость развития парламентской дипломатии актуализирует стремления к усилению работы делегаций Госдумы в межпарламентских организациях или двухстороннем диалоге в целях продвижения российских инициатив касательно перехода к полицентричной системе международных отношений при координирующей роли ООН.

16. Активизация интеграционных процессов на постсоветском пространстве требует интенсификации межпарламентского взаимодействия в форматах СНГ, СГРБ, ОДКБ, ЕАЭС. При этом особое внимание необходимо уделить повышению авторитета МПА СНГ, как межгосударственного органа, и развитию сотрудничества с парламентами стран Содружества.

17. В контексте усилий по сближению государств евразийского пространства следует сформировать орган, объединяющий парламентариев стран-членов ЕАЭС, что будет способствовать формированию полноценного Евразийского парламента.

18. Интенсификация межпарламентского диалога в форматах БРИКС, РИК и ШОС окажет содействие в углублении многопрофильного сотрудничества с динамично развивающимися государствами.

19. Императив повышения эффективности российской внешней политики ставит перед Государственной Думой задачи по усовершенствованию её законодательного обеспечения.

20. Выход на качественно новый уровень взаимодействия с отечественными СМИ и крупнейшими новостными агентствами будет способствовать улучшению информирования общественности относительно внешнеполитической деятельности нижней палаты парламента и увеличению доверия к её инициативам.

21. В этом отношении следует более подробно освещать аспекты внешнеполитической деятельности Государственной Думы в рамках «Парламентской газеты». Также целесообразно создание специального периодического издания (газеты или журнала), на страницах которого, помимо обзора внешнеполитических инициатив нижней палаты парламента, будут размещаться аналитические материалы.

22. В целях увеличения роли законодательных (представительных) органов субъектов РФ во внешнеполитическом процессе рекомендуется нормативное закрепление необходимости региональных парламентов рассматривать вопросы внешнеполитической направленности и вносить соответствующие законодательные инициативы в Государственную Думу.

23. Активизация внешнеполитической субъектности региональных представительных институтов подразумевает увеличение количественной и качественной составляющей осуществляющихся по их инициативе социологических исследований, которые должны проводиться систематически для улучшения понимания настроений общественности в регионах и оперативного реагирования на колебания таковых в соотношении с общегосударственной ситуацией.

24. В связи с этим рекомендуется на уровне Государственного Совета Республики Крым и Государственной Думы законодательно урегулировать решение ряда вопросов, связанных с мерами противодействия антироссийским санкциям, лицам, организациям и действиям в отношении Крыма и Севастополя, способствуя повышению эффективности внешней политики и обеспечению национальной безопасности России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы, которые соотносятся с поставленной целью и указанными задачами.

1. Внешнеполитическое измерение деятельности представительных институтов обуславливается их положением в системе внешнеполитического механизма конкретного государства с учётом его специфики. Под внешнеполитическим механизмом государства понимается политическая система, функционирование которой обеспечивает определение целей, задач, приоритетов и направлений внешней политики, а также выделения ресурсов для её реализации. Эта система состоит из конституционных и внеконституционных элементов. К первым принято относить государственные органы, ко вторым – общественное мнение, политические партии, НПО, экономические структуры и т. д. Процесс принятия внешнеполитических решений обуславливается влиянием следующих наиболее значимых взаимодействующих внешних и внутренних факторов: особенности системы международных отношений, внешнеполитическая традиция, структура внешнеполитического механизма, национальные интересы, политическая культура, психологические детерминанты.

2. Высшие представительные и законодательные органы (парламенты) государств располагают прямыми (официальными / формальными) и косвенными (латентными / неформальными) способами влияния на внешнюю политику. Это обусловлено их представительной природой как органов, в которых отражены интересы различных социальных групп. Вместе с тем, парламенты зачастую не имеют возможностей прямого воздействия на процесс принятия внешнеполитических решений, что компенсируется применением косвенных методов, которые могут оказываться не менее эффективными. Нормативно закреплённый статус высших представительных и законодательных органов государств определяет официальные возможности участия парламентских институтов во внешнеполитической деятельности. В этом отношении их принято

относить к конституционным (государственным) элементам внешнеполитического механизма. Латентное измерение полномочий и прав парламентов во внешнеполитической сфере проявляется в деятельности групп интересов, связанных с ними групп давления и производных примерах лоббизма. Отмеченные факторы могут оказывать решающее воздействие на процесс и результат голосований по вопросам, касающимся внешней политики.

Парламентская дипломатия представляется особым механизмом участия представительных институтов во внешнеполитическом процессе. Помимо прочего, специфика парламентской дипломатии проявляется в том, что она может не соответствовать официальной внешнеполитической линии государства, являясь личной или групповой инициативой. Кроме того, выявление степени эффективности и результатов этой деятельности, вследствие неопределённости предмета анализа, представляется проблематичным. В то же время голосования в палатах парламента по вопросам, связанным с внешней политикой, характеризуются более значительными возможностями влияния на внешнеполитический процесс. Это объясняется их обусловленностью позициями имеющихся групп интересов, стремящихся оказать воздействие на государственную внешнюю политику, определяя значение высших представительных органов в системе внешнеполитического механизма государства.

3. Осуществление ретроспективного анализа позволило определить особенности внешнеполитической традиции России, проявившиеся в воспроизводстве: характеристик периферии в рамках современной мир-системы, сухопутной и трансконтинентальной державы, а также империи с наличием интеграционных императивов, обуславливавших стремление к расширению посредством «освоения» евразийского пространства, учитывая чередование периодов интеграции и дезинтеграции, их взаимодействие (в различных соотношениях) с процессом модернизации государства и общества; соперничества «западников» с приверженцами консервативно-патриотических взглядов в отечественном внешнеполитическом дискурсе; преимущественно

реактивного (ситуативного) характера внешней политики. Следуя историческому опыту, присоединение Крыма к России приводило к усилению её геополитического присутствия в Черноморском регионе, интенсификации интеграционной активности и увеличению имперской территории. Потери полуострова были связаны с периодами дезинтеграции и ослабления государства, а его возвращение в состав России открывало новый этап её интеграционной активности и государственного могущества.

В контексте внешнеполитической традиции проявились внешние и внутренние факторы влияния на российский внешнеполитический механизм, сохранявшие значение в разные эпохи. К внешним факторам относились: позиционирование России в современной мир-системе, положение в системах международных отношений и степень внешнего давления геополитических соперников. Состояние внутривластной стабильности, силы (независимости) центральной (государственной) власти и наличие / отсутствие цикла модернизации – следует относить к внутренним факторам влияния на механизм формирования и реализации внешней политики, элементом которого были представительные органы.

4. Наиболее высокую степень субъектности во внешнеполитическом процессе отечественные представительные институты демонстрировали, когда системы международных отношений (международные порядки) в их традиционном понимании ещё не были сформированы (деятельность вече в X–XIV вв., Боярской думы и Земских соборов в XIV – начале XVII вв.) или переживали кризис (деятельность Государственной Думы в начале XX в. и Верховного Совета на рубеже 1980-х–1990-х гг.). Уменьшение влияния представительных органов на государственную внешнюю политику хронологически совпадало с периодами стабилизации международных систем (деятельность Сената, Уложенных комиссий, Государственного совета в XVIII–XIX вв. и советских представительных институтов в XX в.).

При этом увеличение внешнеполитической субъектности отечественных представительных институтов приходится на периоды, когда России ещё не

входила в современную мир-систему (X–XVII вв.) или позиционировалась в ней как полупериферия в условиях повышательных волн циклов Кондратьева (с середины 1890-х до 1914–1921 гг. и с начала 1980-х до начала 2000-х гг.), периодов внутреннего реформирования (с 1897 до 1910 г. и с 1985 до 2000 г.) и фаз технологической революции (1897–1921 гг. и 1981–2005 гг.) в рамках полных циклов эволюции мировой политической и экономической системы. Возможности представительных органов воздействовать на внешнеполитический процесс уменьшались в периоды, когда Россия, являясь полупериферией в мир-системе, находилась в обстоятельствах понижательных волн циклов Кондратьева (с 1914–1921 до середины 1940-х гг., с конца 1960-х – начала 1970-х до начала 1980-х гг., с начала 2000-х до конца 2010-х гг.), внутренних контрреформ (с 1917 до начала 1950-х гг., с 1968 до 1984 г., с 2000 г.) и фаз великих потрясений (1921–1945 гг., 2005–2017 гг.) мировой политической и экономической системы.

Характерно, что усиление влияния представительных органов на внешнюю политику проявлялось в периоды циклов модернизации, демонстрирующих либеральную модель, а ослабление их внешнеполитической субъектности происходило в обстоятельствах консервативной модели модернизации.

Учитывая отмеченные тенденции, выделяется два сценария развития ситуации. Первый обусловлен логикой циклов Кондратьева и предполагает, что увеличение субъектности отечественных представительных институтов может произойти в период новой повышательной волны, начало которой теоретически приходится на первую половину 2020-х гг. Однако более обоснованным представляется второй сценарий, базирующийся на теории полных циклов эволюции мировой политической и экономической системы. В этом контексте активизация представительных органов в России традиционно приходилась на фазы технологической революции указанных циклов, крайняя из которых датируется 1981–2005 гг. Наступившая фаза революции мирового рынка (2017–2041 гг.) по аналогии с прошедшими («великие реформы» Александра II, «оттепель» и реформы Н. С. Хрущёва) может характеризоваться реформированием, которое вряд ли существенным образом повлияет на степень

субъектности представительных институтов. Исходя из этого, предполагается, что в России установится коллективное руководство с авторитарными элементами, проводящее – на фоне кризиса либеральных ценностей, ослабления Запада и угрозы социальных потрясений – более социально-ориентированный курс реформ в русле национальной мобилизации и стремлений к автаркии. Необходимость легитимации власти и формирования социальной базы обусловит обращение к Государственной Думе, полномочия которой, в том числе во внешнеполитической сфере, могут быть расширены. При этом возможна ситуация, когда увеличение субъектности нижней палаты станет имитацией в рамках реализации модели «управляемого парламента».

5. Ретроспективный анализ позволил выделить семь основных моделей внешнеполитического измерения деятельности отечественных представительных институтов. Первая модель – опыт участия вече во внешней политике русских княжеств X–XIV вв. – характеризуется высокой субъектностью, которая увеличивалась в условиях активизации внешних угроз и внутривосточной нестабильности. Вторая модель – пример влияния Боярской думы и Земского собора на государственную внешнюю политику XIV–XVII вв. – демонстрирует аналогичное увеличение субъектности в периоды усиления внешних угроз и внутренних кризисов. Внешнеполитическая деятельность Сената, Уложенных комиссий, Государственного совета в 1711–1906 гг. представляется третьей моделью, когда наблюдается низкая субъектность представительных органов во внешнеполитическом процессе в условиях перманентных внешних угроз, но относительной внутривосточной стабильности при усилении центральной власти. Четвёртая модель, проявившаяся в работе Государственной Думы в 1906–1917 гг., продемонстрировала пример более высокого уровня субъектности, в том числе во внешнеполитической сфере, что произошло в обстоятельствах кризиса международной системы, усиления внешних угроз и обострения экономических и политических проблем внутри империи. Пятая модель – внешнеполитическое измерение деятельности советских представительных институтов – эволюционировала от ограниченной субъектности в период централизации

власти, стабильности и автаркии до расширения функций во внешней политике в обстоятельствах кризиса и дезинтеграции советской системы. Опыт внешнеполитической деятельности двухпалатного парламента РФ в 1991–1993 гг. представляет шестую «переходную модель»: наличие значительных полномочий во внешнеполитической плоскости при невозможности их реализации в условиях конфликта с Президентом. При этом ситуация осложнялась глубоким экономическим кризисом, внутривполитической нестабильностью и предельным ослаблением международно-политического влияния государства. Действующая в настоящее время седьмая модель демонстрирует пример внешнеполитической деятельности представительных органов, имеющих ограниченные возможности влияния на внешнюю политику, поскольку в сложившейся системе внешнеполитического механизма наибольшей субъектностью обладает Президент и структуры исполнительной власти. Формирование этой модели происходило в обстоятельствах нарастания международной напряжённости и внешнего давления со стороны геополитических соперников, что сопровождалось постепенной стабилизацией внутривполитической ситуации на фоне централизации власти.

6. Проявлением традиции – характеризуясь периодическим воспроизведением в аналогичном виде с учётом специфики конкретной эпохи – функционирования российского внешнеполитического механизма являлось перманентное доминирование верховного правителя в решении вопросов государственной внешней политики и обороны. Также традиционно значительное влияние в процессе принятия внешнеполитических решений имели деятели, входившие в «ближний круг» верховного руководителя. Субъектность представительных институтов в системе внешнеполитического механизма государства возрастала, когда Россия ещё не входила в современную мир-систему или занимала в её рамках положение полупериферии в условиях повышательных волн циклов Кондратьева, периодов внутреннего реформирования и фаз технологической революции полных циклов эволюции мировой политической и экономической системы, а уменьшалась – в периоды понижательных волн циклов Кондратьева, этапов контрреформ и фаз великих потрясений соответственно.

В эволюции функционирования современной модели внешнеполитического механизма РФ выделяется несколько этапов. В первой половине 1990-х гг. она характеризуется значительной субъектностью Президента, связанных с ним структур и МИД в условиях неопределённости внешнеполитического процесса, существенной автономии элит, появления ФПГ и обострения внутренней борьбы за влияние и ресурсы. Возможности реализации субъектности парламента в этот период были ограничены наличием конфликта с исполнительной властью. К середине 1990-х гг. – при значительной субъектности Президента, президентских структур и МИД – увеличивается воздействие групп интересов и олигархов на функционирование внешнеполитического механизма. Во второй половине 1990-х гг. усиливается координирующая роль МИД во внешнеполитическом процессе, учитывая некоторое уменьшение влияния олигархов и укрепление позиций ВПК. На протяжении 1990-х и отчасти начала 2000-х гг. Государственная Дума I–III созывов демонстрирует активность в реализации имеющихся полномочий во внешнеполитической сфере, проявляя в этом контексте инициативы, часто не совпадающие с устремлениями исполнительной власти. В первое десятилетие XXI века оформляется современная модель внешнеполитического механизма, особенностью которой становится усиление роли Президента и президентских структур в формировании и реализации внешней политики, а также в согласовании позиций стратегической элиты (при сохранении в рамках стратегического уровня руководителей ведущих государственных и негосударственных компаний), функциональном значении государственных министерств и ведомств, уменьшении субъектности парламентских институтов.

7. Динамика персонального состава Государственной Думы в контексте внешнеполитического измерения представляется следующей. К первому периоду можно отнести ситуацию, связанную с деятельностью нижней палаты парламента I – начального этапа III созывов, которая характеризовалась относительным плюрализмом, конструктивными, конкурентными или конфликтными отношениями с исполнительной властью и достаточно высокой степенью субъектности относительно принятия решений международно-политической

направленности. Особенности состава и соотношения сил в Государственной Думе I созыва – отсутствие жёсткой фракционной дисциплины и явного преимущества какой-либо политической силы, а также занявший центристские позиции спикер – обуславливали ситуативное взаимодействие по конкретным, в том числе внешнеполитическим, вопросам. Преобладание в составе Государственной Думы II созыва депутатов левой ориентации, на фоне укрепления внутрифракционной дисциплины и повышения профессионализма депутатского корпуса, предопределило усиление влияния нижней палаты парламента на законотворческий процесс и соответствующие внешнеполитические инициативы, характеризовавшиеся оппозиционными настроениями (в диапазоне от конфронтации до конструктивного диалога) в отношениях с исполнительной властью. Переходным этапом представляется деятельность Государственной Думы III созыва, в составе которой увеличилось число бывших представителей органов исполнительной власти, деловых и военных кругов. Учитывая разобщённость проправительственных сил, до весны 2001 г. они были вынуждены вступать в тактические союзы с аграриями, коммунистами и либералами. С оформлением коалиции из четырёх центристских фракций в рамках Госдумы III созыва наступает период поддержки большинством депутатов инициатив исполнительной власти (в том числе во внешнеполитической сфере), характерный также для Государственной Думы IV–VII созывов.

В легислатуру нижней палаты парламента IV созыва – при конституционном большинстве «Единой России», уменьшении в составе депутатского корпуса доли представителей госсектора и «синих воротничков», увеличении представительства военных, менеджмента и крупного бизнеса – проявилась в дальнейшем укоренившаяся особенность, связанная с тем, что все принятые решения должны быть так или иначе поддержаны «партией власти», а волеизъявления других фракций не способны существенным образом повлиять на результат голосований. С учётом значительного обновления состава Государственной Думы V созыва, тем не менее, сохранилась (во многом

вследствие повторного получения конституционного большинства «Единой Россией») преемственность в соотношении сил и особенностях принятия решений, связанных с внешней политикой. Получение «партией власти» парламентского большинства, при увеличении представительства в составе Государственной Думы VI созыва бизнеса и силовых структур, не изменили устойчивых тенденций, проявившихся в поддержке большинством депутатов президентского курса во внешней политике. В Государственной Думе VII созыва – с учётом уменьшения доли представителей регионального, федерального и межрегионального бизнеса, профсоюзных деятелей и региональной номенклатуры – усилились позиции «Единой России», получившей конституционное большинство, и уменьшилось представительство трёх других партий, что способствовало централизации законотворческой деятельности и традиционной поддержке внешнеполитических устремлений исполнительной власти.

8. Наиболее действенными способами влияния Государственной Думы на внешнюю политику представляются принимаемые заявления, обращения и федеральные законы, касающиеся международно-политической сферы. Подобное объясняется как их целевым предназначением и необходимостью реализации, так и тем, что в результатах голосований по указанным вопросам проявляются причинно-следственные связи между позициями групп интересов и соотносимых с ними парламентских объединений, давая возможность определить императивы и детерминанты приоритетов и действий последних. В этом контексте следует отметить значимость такого параметра как соответствие содержания принятых нижней палатой парламента решений доктринальным документам государственной внешней политики и официальным заявлениям представителей исполнительной власти. Анализ отмеченных аспектов способствует выявлению степени лояльности Госдумы официальному курсу государства, характеризуя особенности её взаимодействия с исполнительной властью во внешнеполитическом процессе.

Внешнеполитическое измерение деятельности Государственной Думы I–III созывов было обусловлено значительным ослаблением международно-политических позиций государства и его полупериферийным положением в мир-системе в условиях повышательной волны циклов Кондратьева и фазы великих потрясений в рамках циклов эволюции мировой политической и экономической системы, а также острым социально-экономическим кризисом и внутривнутриполитической нестабильностью. Примерно равное распределение ресурсов в Государственной Думе I созыва между входящими в её состав политическими силами – левыми, центристами, правыми и национал-патриотами – и наличие вопросов «общего блока» обусловили относительную сбалансированность в принятии решений, учитывавших их интересы. Содержание принятых решений отмечалось реализмом и стремлением к обеспечению национальных интересов в большей степени, чем это проявлялось в доктринальных основах государственной внешней политики и проводимом внешнеполитическом курсе, что хронологически совпало с осознанием на официальном уровне необходимости пересмотра внешнеполитических подходов РФ на западном направлении. С учётом доминирования в составе Государственной Думы II созыва депутатов левой направленности, принятые решения преимущественно акцентировали приоритеты национальных интересов, защиты прав граждан России и зарубежных соотечественников, сохранение традиционных сфер влияния в разных регионах мира, а также критически оценивали действия США и НАТО в ракурсе установки на формирование восприятия коллективного Запада как геополитического и цивилизационного соперника. Указанные инициативы несколько опережали шаги исполнительной власти – или противоречили им – в контексте начавшегося процесса пересмотра основ государственной внешней политики. Преобладание депутатов центристской направленности в составе Государственной Думы III созыва обусловило принятие сбалансированных решений, которые учитывали позиции левых, центристов, национал-патриотов и умеренных либералов. При этом в вопросах взаимодействия с коллективным Западом, с одной стороны, закреплялись прагматичные отношения, с другой – акцентировались тактические

противоречия. Содержание принятых решений в этот период в основном соответствовало положениям доктринальных документов, позициям исполнительной власти и внешнеполитическому курсу государства.

Внешнеполитическая деятельность Государственной Думы IV–VII созывов осуществлялась в условиях понижательной волны циклов Кондратьева и фазы великих потрясений в рамках эволюции циклов развития мировой политической и экономической системы, что способствовало укреплению вертикали власти, пересмотру внешнеполитических подходов России и уменьшению субъектности представительных институтов. Наличие квалифицированного большинства, сформированного коалицией центристских сил, обусловило более значительную, чем это было ранее, лояльность состава Государственной Думы IV созыва к исполнительной власти. В полной мере соотносясь с доктринальными основами внешней политики, принятые нижней палатой парламента решения закрепляли приоритеты защиты национальных интересов, прагматизма в международном масштабе и интеграционного взаимодействия на постсоветском пространстве. Упрочив свои позиции в рамках Государственной Думы V созыва, партия «Единая Россия» сформировала конституционное большинство, что предопределило усиление влияния исполнительной власти в нижней палате парламента. Снижение динамики принятия решений, связанных с международно-политической плоскостью, сочеталось с увеличением степени чёткости их формулировок и соответствия концептуальным и доктринальным основам государственного внешнеполитического курса. Несмотря на то, что в Государственной Думе VI созыва «Единая Россия» сохранила лишь парламентское большинство, депутатский состав в целом демонстрировал консенсус в принятии решений в духе позиций исполнительной власти. При уменьшении числа принятых международных договоров, заявлений и обращений, увеличилась чёткость и системность их содержания, а также количество федеральных законов, касающихся внешнеполитической сферы. В Государственной Думе VII созыва конституционным большинством располагала существенно упрочившая свои позиции партия «Единая Россия», учитывая

уменьшение представительства «старых» партий. Продолжилась тенденция, когда принятие решений, касающихся международно-политических вопросов, происходило большинством голосов и в соответствии с доктринальными документами и официальным государственным курсом, учитывая, что их содержание стало более систематизированным и функциональным в контексте ответов на вызовы современности.

Специфика международных связей и парламентской дипломатии Государственной Думы соответствовали охарактеризованным особенностям внешнеполитической деятельности конкретного созыва и принятым в процессе голосований решениям. В этом отношении выделялись следующие тенденции: становление, стремление сохранить прежние и установить новые связи с акцентом на взаимодействии с государствами постсоветского пространства и Европы (Государственная Дума I созыва); расширение и систематизация международной деятельности, критика США и евроатлантических структур, интенсификация сотрудничества со странами СНГ, европейскими структурами и отдельными государствами Европы и Азии (Государственная Дума II созыва); преемственность в реализации международных связей, прагматизм и большее соответствие позициям исполнительной власти (Государственная Дума III созыва); институционализация взаимодействия в рамках межпарламентских организаций в общемировом масштабе с приоритетом европейского и постсоветского направлений (Государственная Дума IV созыва); диверсификация взаимодействия с разными парламентскими структурами и преемственность в сотрудничестве на европейском и постсоветском направлениях (Государственная Дума V созыва); снижение частоты контактов в рамках европейских и евроатлантических структур и интенсификация взаимодействия в форматах евразийских интеграционных организаций и БРИКС (Государственная Дума VI созыва); единство с исполнительной властью в реализации международных инициатив в контексте снижения числа контактов в рамках европейских и евроатлантических структур и активизации сотрудничества в форматах

постсоветских интеграционных структур, ШОС, БРИКС, на арктическом направлении и т. д. (Государственная Дума VII созыва).

9. Результаты голосований в нижней палате парламента разных созывов по вопросам международно-политической направленности были детерминированы воздействием определённых групп интересов, имевших специфические приоритеты в сфере внешней политики. К наиболее влиятельным группам интересов в Российской Федерации традиционно относились представители ВПК, ТЭК и АПК, которые осуществляли воздействие на депутатский корпус Госдумы посредством лоббистских технологий и финансирования деятельности политических партий. На отмеченные группы интересов ориентировались депутаты, которые – исходя из направленности голосований, в том числе по внешнеполитическим вопросам (особенно в рамках Государственных Дум I–III созывов) – условно подразделялись на левых, центристов, правых и национал-патриотов. При этом в результатах голосований касательно международно-политической проблематики присутствовал «общий блок» вопросов (связанных, в основном, с обеспечением национальной безопасности, взаимовыгодным сотрудничеством с различными зарубежными государствами и отчасти интеграционными процессами на постсоветском пространстве в экономической плоскости), позиции по которым у представителей данных групп совпадали или не вызывали острых противоречий.

В отношении влияния на результаты голосований в рядах Государственной Думы I созыва выделялись такие группы интересов, как АПК (фракция Аграрной партии России) и ТЭК (фракция ПРЭС). По итогам голосований проявлялись следующие устойчивые группы. Решения евро-атлантической и либеральной направленности (количество которых было значительно меньшим в сравнении с другими) были поддержаны большинством депутатов «партий власти» и прочих фракций, кроме ЛДПР и КПРФ, зачастую игнорировавших такие голосования. Условно антизападные решения поддерживались (в разных соотношениях) большинством фракций, исключая «Выбор России», ПРЭС и «Яблоко». Решения прагматической направленности, касающиеся вопросов обеспечения

национальной безопасности и интеграционных процессов на постсоветском пространстве, были поддержаны большинством фракций и не входящих в них депутатов. В то же время ЛДПР иногда голосовала отрицательно или не голосовала. Национал-патриотические решения также поддерживались большинством фракций, исключая «Выбор России», «Яблоко» и ПРЕС. Не вызывала противоречий и поддержка взаимовыгодного сотрудничества с различными государствами. Однако в отдельных случаях фракции КПРФ, ЛДПР и «Яблоко» игнорировали подобные голосования.

В рамках Государственной Думы II созыва интересы АПК представляли АДГ и частично КПРФ. ТЭК ориентировался на НДР, «Российские регионы» и «Яблоко». Отмечалось увеличение влияния группы интересов ВПК. С учётом внешнеполитических предпочтений большинства депутатов, решений явно евроатлантической направленности в этот период не принималось. Характеризовавшиеся прагматизмом соглашения с европейскими государствами и структурами, как правило, поддерживались всеми объединениями, исключая порой не голосовавшую фракцию ЛДПР. Решения условно антизападной направленности постоянно поддерживались КПРФ, ЛДПР, АДГ, «Народовластием» и, периодически, остальными фракциями. Активизация интеграционных процессов на постсоветском пространстве и решения прагматической направленности были поддержаны КПРФ, ЛДПР, АДГ и «Народовластием». При этом НДР, «Российские регионы» и «Яблоко» не голосовали или не поддерживали этих инициатив. Национал-патриотические решения поддерживались большинством КПРФ, ЛДПР, АДГ, «Народовластие», НДР, а фракции «Яблоко» и «Российские регионы» по этому поводу чаще всего не голосовали. Как и ранее, практически не вызывали противоречий договоры о сотрудничестве с различными государствами.

В Государственной Думе III созыва наиболее влиятельными являлись следующие группы интересов: АПК (АДГ и Комитет по аграрным вопросам), ТЭК («Единство», ОВР, «Регионы России», СПС и «Яблоко»). Решения о сотрудничестве с США и западными структурами поддерживались большинством

таких парламентских объединений, как «Единство», ОВР, «Народный депутат», «Регионы России (Союз независимых депутатов)», СПС, «Яблоко», частично ЛДПР. При этом АДГ и КПРФ голосовали отрицательно или не голосовали. Условно антизападные решения находили поддержку в рядах КПРФ, АДГ и, частично, «Единство», ОВР, «Регионы России (Союз независимых депутатов)» и ЛДПР. Вопросы защиты национальных интересов были поддержаны устойчивой группой депутатов, представляющих КПРФ, «Единство», ОВР, «Регионы России (Союз независимых депутатов)», «Народный депутат», АДГ, «Яблоко». Мероприятия, связанные с активизацией интеграционных процессов на постсоветском пространстве, поддерживались всеми объединениями, кроме СПС и ЛДПР, часто игнорировавших голосования касательно данных вопросов. Устойчивая группа депутатов от КПРФ, «Единство», ОВР, «Регионы России», АДГ, «Народный депутат» традиционно поддерживали решения национал-патриотической направленности. Практически не вызвали противоречий вопросы сотрудничества с зарубежными государствами по разным направлениям, которые принимались большинством голосов со стороны всех объединений.

В рамках Государственной Думы IV созыва группы интересов, связанные с АПК и ТЭК, продолжали пользоваться значительным влиянием в условиях, когда парламентский лоббизм утрачивал былое значение, переходя в плоскость внутрипартийной борьбы в контексте преобладающего положения одной партии. В связи с этим представители АПК, помимо КПРФ, ориентировались на «Единую Россию». ТЭК, как и ранее, ориентировался на «партию власти». Группы интересов при решении своих задач начинают чаще взаимодействовать с Президентом, Правительством и профильными министерствами. В этот период не принимаются решения явно евро-атлантической и либеральной направленности. Инициативы относительно взаимовыгодного сотрудничества с европейскими государствами поддерживались «Единой Россией» и ЛДПР, не поддерживались – КПРФ и фракцией «Справедливая Россия – «Родина» (народно-патриотический союз)». Все фракции – при том, что ЛДПР иногда по этим вопросам не голосовала – выражали поддержку решениям, связанным с критикой США, некоторых

западных государств и НАТО. Решения прагматического содержания, постулирующие защиту национальных интересов и интенсификацию интеграционных процессов на постсоветском пространстве, поддерживались всеми фракциями. Национал-патриотические инициативы также не приводили к разногласиям, исключая ситуации, когда представители ЛДПР в этом отношении не голосовали. Традиционно не вызывали противоречий соглашения о взаимодействии с различными государствами.

В Государственной Думе V созыва группы интересов сохранили прежние механизмы ориентаций. АПК ориентировался на «партию власти» и КПРФ, сконцентрировав влияние в Комитете по аграрным вопросам. ТЭК ориентировался на «Единую Россию», а также на Правительство и президентские структуры. Явно поддерживающих евро-атлантические или либеральные инициативы решений в этот период не принималось. Направленные на сотрудничество с США и европейскими структурами соглашения зачастую были поддержаны фракциями «Единая Россия» и «Справедливая Россия». При этом КПРФ и ЛДПР такие решения либо не поддерживали, либо по ним не голосовали. Критика действий США, некоторых западных государств и НАТО, как правило, поддерживалась всеми фракциями. Не вызывали противоречий и голосования по вопросам национальных интересов и стратегической стабильности, учитывая редкие случаи выступлений ЛДПР и КПРФ против стратегического взаимодействия с Вашингтоном. Большинство состава всех фракций традиционно поддерживали развитие интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Централизованно поддерживались – исключая иногда возникающие ситуации неголосования большей части ЛДПР – решения национал-патриотической направленности. Как и ранее, сотрудничество с различными государствами поддерживалось всеми фракциями, но в редких случаях КПРФ и ЛДПР такие решения не поддерживали или по этому поводу не голосовали.

В рамках Государственной Думы VI созыва позиции влиятельных групп интересов и их ориентации не изменились. Большинство депутатов всех фракций – исключая редкие случаи, когда КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия»

выступали «против» или не голосовали – поддерживали решения о взаимовыгодном сотрудничестве с США, европейскими государствами и структурами. При этом их критика, как правило, также поддерживалась всеми фракциями. Защита национальных интересов, обеспечение стратегической стабильности и активизация интеграционных процессов на постсоветском пространстве привычно практически не вызывали разногласий, как и решения национал-патриотической направленности и относительно сотрудничества с различными государствами по широкому кругу вопросов. Ситуации, когда последняя группа вопросов была не поддержана или игнорировалась со стороны КПРФ и ЛДПР, учитывая наличие парламентского большинства за счёт голосов фракций «Единая Россия» и «Справедливая Россия», не влияли на результат.

В Государственной Думе VII созыва взаимодействие сохранивших свои позиции групп интересов смещается в сферу формально единой фракции «Единая Россия». Содержание принимаемых решений, относящихся к международной политике, становится более систематизированным. Сотрудничество с европейскими государствами и структурами поддерживалось всеми фракциями, кроме редких случаев игнорирования голосований фракцией КПРФ. Критика США, НАТО, некоторых западных государств и европейских структур отмечалась более чёткими формулировками решений и поддерживалась большинством голосов всех фракций. Подобный централизованный подход наблюдался и в отношении поддержки решений, касающихся защиты национальных интересов, обеспечения стратегической стабильности, развития постсоветской интеграции, национал-патриотических устремлений и сотрудничества с различными зарубежными государствами.

10. Проблемы, связанные с внешнеполитическим измерением деятельности Государственной Думы, были обусловлены особенностями международно-политического и внутривнутриполитического характера, учитывая обстоятельства, в которых оказалась Российская Федерация на рубеже веков. В числе общих проблем, относившихся к проявлениям российской внешнеполитической традиции и воздействовавших на внешнеполитический

механизм государства в постсоветский период, выделяются недостатки стратегического планирования на важнейших направлениях внешней политики и преимущественно реактивное поведение на международной арене. К общим проблемам отечественного парламентаризма, оказывавшим влияние на частные проявления, относятся: специфика существующей политической культуры; низкий уровень доверия общества политическим партиям; конституционные ограничения; коллизии избирательной системы и законодательства; процедурные вопросы относительно формирования и деятельности парламента и т. д.

При этом возможности нижней палаты парламента адекватно реагировать на современные вызовы в процессе реализации своих полномочий в международно-политической плоскости осложнялись наличием нескольких уровней проблем и противоречий. Первый уровень характеризуется проблемами, связанными с отечественным законодательством, где долгое время отсутствовал специальный законодательный акт, посвящённый внешней политике. На условном втором уровне находятся проблемы, обусловленные спецификой функционирования отечественного внешнеполитического механизма, в рамках которого происходит дублирование функций, приводящее к латентному или открытому противостоянию субъектов власти, оказывая негативное влияние на оперативность и качество принятия и реализации решений. Третий уровень включает проблемы осуществления полномочий и функций Федерального Собрания Российской Федерации во внешнеполитическом процессе.

В качестве рекомендаций по совершенствованию возможностей влияния Государственной Думы на внешнюю политику следует выделить общие и конкретные предложения.

Среди общих предложений, предназначенных повысить эффективность функционирования внешнеполитического механизма государства, отмечается: проект преобразования Совета Безопасности в центр планирования и стратегических оценок во внешней политике; формирование при Президенте (под его руководством) специального политического учреждения – Коллегии – по разработке внешнеполитической стратегии, рабочим органом которой

планируется сделать аппарат Совета Безопасности; усиление роли парламента во взаимодействии аналитиков и исполнительной власти; увеличение значения обеих палат парламента во внешней политике посредством активизации механизмов межпарламентского сотрудничества или взаимодействия в смешанном формате.

Рекомендации, касающиеся реформирования внешнеполитической деятельности Государственной Думы, можно разделить на несколько групп.

1) Усовершенствование экспертной составляющей: создание при Госдуме Экспертного Совета по вопросам внешней политики, в рамках которого следует выработать процедуру оперативной экспертной оценки; формирование аналогичных советов при законодательных (представительных) органах субъектов РФ; обеспечение прозрачности отбора экспертов в данные советы на основе квалификационных характеристик; нормативное оформление необходимости региональных представительных институтов при обсуждении решения, связанного с внешней политикой, обращаться в профильные организации для получения экспертных рекомендаций; обязательное наличие при руководстве нижней палаты парламента, глав фракций и профильных комитетов советников по вопросам внешней политики, отбирающихся на основе профессиональных характеристик и имеющих право участвовать в обсуждении инициатив и решений внешнеполитической направленности.

2) Повышение субъектности парламентских партий в контексте внешнеполитической деятельности: активизация их участия в обсуждении вопросов и выдвижении инициатив, связанных с внешнеполитической сферой; увеличение количества парламентских слушаний, посвящённых внешнеполитическим вопросам; наличие конструктивной критики государственного внешнеполитического курса; соответствие программных внешнеполитических установок партий их инициативам и результатам голосований; достижение консенсуса в позициях фракций по важнейшим внешнеполитическим вопросам; интенсификация межфракционного диалога относительно внешней политики на уровне профильных комитетов, комиссий и при участии руководства нижней палаты парламента.

3) Увеличение функциональности парламентской дипломатии и законотворческой деятельности, связанной с внешней политикой: усиление работы делегаций Госдумы в межпарламентских организациях или двухстороннем диалоге по продвижению российских инициатив; интенсификация межпарламентского взаимодействия в рамках СНГ, СГРБ, ОДКБ и ЕАЭС; повышение авторитета МПА СНГ как межгосударственного органа; формирование органа, объединяющего парламентариев стран-членов ЕАЭС, в целях создания условий для возникновения Евразийского парламента; активизация межпарламентского диалога в форматах БРИКС, РИК и ШОС; усовершенствование механизмов законодательного обеспечения внешней политики России.

4) Повышение качества информационного сопровождения внешнеполитической деятельности Государственной Думы: активизация взаимодействия с отечественными СМИ и крупнейшими новостными агентствами; расширение профильного информационного контента на страницах «Парламентской газеты»; создание специального периодического издания.

5) Увеличение роли региональных парламентов во внешнеполитическом процессе: нормативное закрепление необходимости рассматривать вопросы внешнеполитической направленности и вносить соответствующие законодательные инициативы в Госдуму; повышение количества и качества социологических исследований внешнеполитических ориентаций населения региона, которые должны инициироваться региональными представительными институтами и учитываться при выдвижении инициатив; законодательное урегулирование на уровне Государственного Совета Республики Крым и Государственной Думы решения вопросов, касающихся противодействия антироссийским санкциям, лицам, организациям и действиям.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. 100 лет Российскому парламентаризму: история, факты, лица / [Гл. ред. В. Злобина]. – М.: Глосса-пресс, 2006. – 305 с.
2. Актуальные вопросы Содружества Независимых Государств и связей с соотечественниками за рубежом: Материалы парламентских слушаний. – М.: Издание Государственной Думы, 2017. – 240 с.
3. База данных «Стенограммы заседаний Государственной Думы» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. – URL: <http://transcript.duma.gov.ru/> (дата обращения: 05.01.2020).
4. Борис Грызлов: Сегодня «Единая Россия» - это технологичная политическая структура, обладающая поддержкой широких слоев общества [Электронный ресурс] // Единая Россия. Официальный сайт партии. – URL: <https://er.ru/activity/news/boris-gryzlov-segodnya-edinaya-rossiya-eto-tehnologichnaya-politicheskaya-struktura-obladayushaya-podderzhkoj-shirokih-sloev-obshchestva> (дата обращения: 05.07.2021).
5. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 N 145-ФЗ (ред. от 27.12.2019) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702// (дата обращения: 05.01.2020).
6. Валуйев, П. А. Записка / П. А. Валуйев // Конституционализм: исторический путь России к либеральной демократии: Сб. документов / Авторы-сост.: А. В. Гоголевский, Б. Н. Ковалев. – М.: Юридическая литература, 2000. – С. 420–423;
7. Военная доктрина Российской Федерации. 21 апреля 2000 г. // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991-2002: Хрестоматия

в 4-х т. – Т. 4.: Документы / Сост. Т. А. Шаклеина. – М.: МГИМО; РАМИ; АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образования)», 2002. – С. 90–109.

8. Военная доктрина Российской Федерации. 5 февраля 2010 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://kremlin.ru/supplement/461> (дата обращения: 05.01.2020).

9. Военная доктрина Российской Федерации. 25 декабря 2015 г. (в редакции от 2015 г.) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/976907 (дата обращения: 05.01.2020).

10. Володин: парламентская дипломатия должна снижать конфронтацию между странами и народами [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.pnp.ru/politics/volodin-parlamentskaya-diplomatiya-dolzha-snizhat-konfrontaciyu-mezhdu-stranami-i-narodami.html> (дата обращения: 15.07.2021).

11. Выборы в Госдуму – 2016 [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20160918/1476912507.html#/summary> (дата обращения: 05.01.2020).

12. Выступление Председателя Государственной Думы Вячеслава Володина на закрытии весенней сессии ГД VII созыва [Электронный ресурс]. – URL: <http://duma.gov.ru/news/51840/> (дата обращения: 15.07.2021).

13. Горбачёв, М. С. Неоконченная история. Три цвета времени. Беседы М. С. Горбачёва с политологом Б. Ф. Славиним / М. С. Горбачёв, Б.Ф.Славин. – 2-е изд., доп. – М.: Международные отношения, 2005. – 232 с.

14. Госдума 7-го созыва: изменение Конституции и регулирование Интернета. Обзор [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/772647> (дата обращения: 19.06.2021).

15. Госдума одобрила поправки в Конституцию [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20200311/1568424859.html> (дата обращения: 11.09.2020).

16. Государственная Дума I созыва (V Государственная Дума) (1994–1995) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.politika.su/fs/gd1.html> (дата обращения: 11.09.2020).

17. Государственная Дума II созыва (VI Государственная Дума) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.politika.su/fs/gd2.html> (дата обращения: 11.09.2020).

18. Государственная Дума III созыва (VII Государственная Дума) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.politika.su/fs/gd3.html> (дата обращения: 11.09.2020).

19. Государственная Дума IV созыва (VIII Государственная Дума) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.politika.su/fs/gd4.html> (дата обращения: 11.09.2020).

20. Государственная Дума России, 1906–2006: Энциклопедия: В 2 т. / [Науч. ред.: Б. Ю. Иванов, А. А. Комзолова, И. С. Ряховская]. – Т. 1: Государственная Дума Российской империи, 1906–1917 / Ред. кол.: В. В. Шелохаев (отв. ред.) [и др.]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. – 767 с.

21. Государственная Дума России, 1906–2006: Энциклопедия: В 2 т. / [Науч. ред.: Б. Ю. Иванов, А. А. Комзолова, И. С. Ряховская]. – Т. 2: Государственная Дума Российской Федерации, 1993–2006 / Редкол.: А. Н. Аринин, А. С. Косопкин (отв. редакторы) [и др.]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. – 1015 с.

22. Государственная Дума России: Энциклопедия: В 2-х т. / Ред. совет: С. Е. Нарышкин (пред.) и др. – Т. 1: Государственная Дума Российской империи, 1906–1917 / Редкол.: В. В. Шелохаев (отв. ред.) [и др.]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Челябинск: Авто Граф, 2013. – 851 с.

23. Государственная Дума России: Энциклопедия: В 2-х т. / Ред. совет: С. Е. Нарышкин (пред.) и др. – Т. 2; Кн. 1 (А–М): Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации, 1993–2013 / Редкол.: А. Н. Аринин (отв. ред.) [и др.]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Челябинск: Авто Граф, 2013. – 625 с.

24. Государственная Дума России: Энциклопедия: В 2-х т. / Ред. совет: С. Е. Нарышкин (пред.) и др. – Т. 2; Кн. 2 (Н–Я): Государственная Дума

Федерального Собрания Российской Федерации, 1993–2013 / Редкол.: А. Н. Аринин (отв. ред.) [и др.]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Челябинск: Авто Граф, 2013. – 563 с.

25. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: https://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/GOSUDARSTVENNAYA_DUMA_FEDERALNOGO_SOBRANIYA_ROSSISKO_FEDERATSII.html (дата обращения: 11.09.2020).

26. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации второго созыва / Подгот.: П. А. Аверин, А. Н. Аверьянов, Н. А. Васецкий и др.; Под общ. ред. Г. Н. Селезнева. – М., 1996. – 364 с.

27. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. Основные итоги деятельности. 2008–2011 годы. Справочник / Под общ. ред. А. Д. Жукова. – М.: Издание Государственной Думы (электронное), 2012. – 900 с.

28. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. Основные итоги деятельности. Справочник. Ежегодник 2010 / Под общ. ред. О. В. Морозова. – М.: Издание Государственной Думы, 2011. – 280 с.

29. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. Основные итоги деятельности. Справочник. Ежегодник. 2011 / Под общ. ред. А. Д. Жукова. – М.: Издание Государственной Думы (электронное), 2012. – 520 с.

30. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. Основные итоги деятельности. Справочник. Ежегодник. 2012 / Под общ. ред. А. Д. Жукова. – М.: Издание Государственной Думы, 2013. – 272 с.

31. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. Основные итоги деятельности. Справочник. Ежегодник. 2013 / Под общ. ред. А. Д. Жукова. – М.: Издание Государственной Думы, 2014. – 280 с.

32. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. Основные итоги деятельности. Справочник. Ежегодник. 2014 / Под общ. ред. А. Д. Жукова. – М.: Издание Государственной Думы, 2015. – 280 с.

33. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. Основные итоги деятельности. Справочник. Ежегодник. 2015 / Под общ. ред. А. Д. Жукова. – М.: Издание Государственной Думы, 2016. – 280 с.

34. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. Основные итоги деятельности. Справочник. Ежегодник. 2016 / Под общ. ред. А. Д. Жукова. – М.: Издание Государственной Думы, 2017. – 280 с.

35. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. Основные итоги деятельности. Справочник. Ежегодник. 2017 / Под общ. редакцией А. Д. Жукова. – М.: Издание Государственной Думы, 2018. – 280 с.

36. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. Основные итоги деятельности. Справочник. Ежегодник. 2018 / Под общ. редакцией А. Д. Жукова. – М.: Издание Государственной Думы, 2019. – 280 с.

37. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. Основные итоги деятельности. Справочник. Ежегодник. 2019 / Под общ. редакцией А. Д. Жукова. – М.: Издание Государственной Думы, 2020. – 280 с.

38. Государственная дума Федерального собрания Российской Федерации первого – третьего созывов: основные итоги деятельности 1994–2003 годы: справочник / [И. А. Андреева [и др.]; Под общ. ред. Б. В. Грызлова]. – М.: Издание Государственной думы, 2005. – 859 с.

39. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации пятого созыва / Под общ. ред. Б. В. Грызлова. – М.: Издание Государственной Думы, 2008. – 408 с.

40. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва / Под общ. ред. П. О. Толстого. – М.: Издание Государственной Думы, 2018. – 400 с.
41. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации третьего созыва, 2000–2003 / Под общ. ред. Г. Н. Селезнева. – М.: ВЭЛТИ, 2000. – 377 с.
42. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации четвертого созыва / [Под общ. ред. Б. В. Грызлова; коллектив авт.: И. А. Андреева [и др.]]. – М.: Издание Государственной Думы, 2004. – 379 с.
43. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации шестого созыва. Основные итоги деятельности. 2012–2016 годы. Справочник / Под общ. ред. А. Д. Жукова. – М.: Издание Государственной Думы, 2017. – 520 с.
44. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации шестого созыва / Под общ. ред. С. Е. Нарышкина. – М.: Издание Государственной Думы, 2015. – 408 с.
45. Государственная программа Российской Федерации «Внешиполитическая деятельность» (Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 325–10) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/62782 (дата обращения: 05.01.2020).
46. Государственность России (конец XV в. – февраль 1917 г.): Словарь-справочник. – Кн. 1 (А – Г). – М.: Наука, 1996. – 336 с.
47. Громыко, А. А. Памятное. Испытание временем / А. А. Громыко. – Кн. 2. – М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2016. – 560 с.
48. Громыко, А. А. Памятное. Новые горизонты / А. А. Громыко. – Кн. 1. – М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2016. – 560 с.
49. Грызлов, Б. В. Восемь российских парламентов / Б. В. Грызлов. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. – 109 с.

50. Дергачёв, В. А. Геополитический словарь-справочник / В. А. Дергачёв. – К.: КНТ, 2009. – 592 с.
51. До встречи в третьем тысячелетии / Дискуссия в редакции журнала «Международная жизнь» // Международная жизнь. – 2000. – № 12. – С. 2–25.
52. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. 9 сентября 2000 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://base.garant.ru/182535/> (дата обращения: 05.01.2020).
53. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. 5 декабря 2016 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mid.ru/documents/10180/2563110/Ukaz_Prezidenta_Rossiiskoi_Federatsii_ot_05122016.pdf/b579d736-cb99-46ac-b4f7-a0b6bc102ed1 (дата обращения: 05.01.2020).
54. Ельцин, Б. Н. Президентский марафон. Размышления, воспоминания, впечатления / Б. Н. Ельцин. – М.: АСТ, 2000. – 351 с.
55. Закон Российской Федерации «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» от 21 апреля 1992 г. N 2708-I [Электронный ресурс] // Сайт Конституции Российской Федерации. – URL: <https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1978/zakony/183094/> (дата обращения: 05.01.2020).
56. Закон Российской Федерации «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Российской Федерации – России» (принят седьмым Съездом народных депутатов РФ) от 9 декабря 1992 г. N 4061-I [Электронный ресурс] // Сайт Конституции Российской Федерации. – URL: <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1978/zakony/183130/> (дата обращения: 05.01.2020).
57. Избранные выступления депутатов Государственной Думы с 1906 года до наших дней / Под общ. ред. С. Е. Нарышкина. – М.: Издание Государственной Думы, 2013. – 304 с.

58. История [Электронный ресурс] // Либерально-демократическая партия России. Официальный сайт. – URL: <https://ldpr.ru/party> (дата обращения: 05.07.2021).
59. История Всероссийской политической партии «Единая Россия» [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20111201/501376946.html> (дата обращения: 05.07.2021).
60. История Государственной Думы [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. – URL: <http://duma.gov.ru/duma/about/history/information/> (дата обращения: 05.01.2020).
61. История отношений России и ПАСЕ [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/info/7616969> (дата обращения: 05.01.2020).
62. История партии [Электронный ресурс] // Коммунистическая партия Российской Федерации. Официальный сайт. – URL: <https://kprf.ru/history/party> (дата обращения: 05.07.2021).
63. История партии [Электронный ресурс] // Социалистическая политическая партия «Справедливая Россия — Патриоты — За правду». Официальный сайт. – URL: <https://spravedlivo.ru/4774510> (дата обращения: 05.07.2021).
64. История Партии. Становление современной партии парламентского большинства [Электронный ресурс] // Единая Россия. Официальный сайт партии. – URL: <https://web.archive.org/web/20170508144146/https://er.ru/history/> (дата обращения: 05.07.2021).
65. История создания партии «Единая Россия» [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/info/7180379> (дата обращения: 05.07.2021).
66. Исторический энциклопедический словарь / [И. Аггеева и др.]. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 922 с.
67. История Отечества: Энциклопедический словарь / Сост.: Б. Ю. Иванов, В. М. Карев, Е. И. Куксина и др. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 1999. – 656 с.

68. Какие законопроекты отклонял президент РФ Владимир Путин [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/347465> (дата обращения: 15.07.2021).

69. Как поправки в Конституцию изменят систему управления страной [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2020/01/23/821286-kak-popravki> (дата обращения: 23.09.2020).

70. Как президент России отклонял принятые парламентом законы [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/info/11686519> (дата обращения: 15.07.2021).

71. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик: Утверждена Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР 5 декабря 1936 г. // Конституция общенародного государства. – М.: Политиздат, 1978. – С. 226–244.

72. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик: Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г. // Конституция общенародного государства. – М.: Политиздат, 1978. – С. 111–144.

73. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://constitution.kremlin.ru/> (дата обращения: 05.01.2020).

74. Конституция Российской Федерации (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2020/07/04/konstituciya-site-dok.html> (дата обращения: 10.07.2020).

75. Конституция РСФСР 1978 г. [Электронный ресурс] // Сайт Конституции Российской Федерации. – URL: <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1978/> (дата обращения: 05.01.2020).

76. Концепция внешней политики Российской Федерации. 23 апреля 1993 г. // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991-2002:

Хрестоматия в 4-х т. – Т. 4.: Документы / Сост. Т. А. Шаклеина. – М.: МГИМО; РАМИ; АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образования)», 2002. – С. 19– 50.

77. Концепция внешней политики Российской Федерации. 28 июня 2000 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/901764263> (дата обращения: 05.01.2020).

78. Концепция внешней политики Российской Федерации. 12 июля 2008 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 05.01.2020).

79. Концепция внешней политики Российской Федерации. 12 февраля 2013 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/> (дата обращения: 05.01.2020).

80. Концепция внешней политики Российской Федерации. 30 ноября 2016 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 05.01.2020).

81. Концепция государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию. 20 апреля 2014 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/64542 (дата обращения: 05.01.2020).

82. Концепция национальной безопасности Российской Федерации. 17 декабря 1997 г. // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991-2002: Хрестоматия в 4-х т. – Т. 4.: Документы / Сост. Т. А. Шаклеина. – М.: МГИМО; РАМИ; АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образования)», 2002. – С. 51–74.

83. Красная эпоха: 70-летняя история СССР / Автор-сост. П. Г. Дейченко. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 208 с.

84. Кротов, М. И. Г. Н. Селезнёв во главе парламентской дипломатии. Взгляд из Таврического [Электронный ресурс] / М. И. Кротов. – URL: <https://p-v-ros.ru/seleznev/article/mi-krotov-o-gn-selezneve-gn-seleznev-vo-glave-parl-16615> (дата обращения: 05.01.2020).

85. Кто осуществляет финансирование партий в России? [Электронный ресурс]. – URL: <https://inance.ru/2015/09/finansi-partij/> (дата обращения: 05.01.2020).

86. Лавров, С. В. Мы – вежливые люди! Размышления о внешней политике / С. В. Лавров. – М.: Книжный мир, 2017. – 544 с.

87. Левичев, Н. В. PRO политику: статьи, выступления, интервью (2009–2011) / Н. В. Левичев. – М.: Ключ-С, 2011. – 205 с.

88. Лигачев, Е. К. Кто предал СССР? / Е. К. Лигачев. – М.: Эксмо: Алгоритм, 2009. – 288 с.

89. Лорис-Меликов, М. Т. Всеподданнейший доклад 28 января 1881 г. / М. Т. Лорис-Меликов // Конституционализм: исторический путь России к либеральной демократии: Сб. документов / Авторы-сост.: А. В. Гоголевский, Б. Н. Ковалев. – М.: Юридическая литература, 2000. – С. 466–467.

90. Манифест об усовершенствовании государственного порядка от 17 октября 1905 г. // Выборы в I–IV Государственные думы Российской империи. (Воспоминания современников. Материалы и документы) / Авт.-сост.: И. Б. Борисов, Ю. А. Веденеев, И. В. Зайцев, В. И. Лысенко / Под ред. А. В. Иванченко. – М.: Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, 2008. – С. 759–760.

91. Манифест об учреждении Государственной думы от 6 августа 1905 г. // Выборы в I–IV Государственные думы Российской империи. (Воспоминания современников. Материалы и документы) / Авт.-сост.: И. Б. Борисов, Ю. А. Веденеев, И. В. Зайцев, В. И. Лысенко / Под ред. А. В. Иванченко. – М.: Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, 2008. – С. 736–737.

92. Международная деятельность ГД: Сокращение или систематизация? [Электронный ресурс]. – URL: <https://regnum.ru.turbopages.org/regnum.ru/s/news/2200390.html> (дата обращения: 05.01.2020).

93. Медведев, Д. А. Россия, вперед! [Электронный ресурс] / Д. А. Медведев. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/5413> (дата обращения: 05.01.2020).

94. Миронов, С. М. В борьбе за справедливость. Политический дневник 2018: избранные статьи, выступления, интервью Председателя Политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ (2018) / С. М. Миронов; [Отв. ред. В. Н. Шевченко; Ин-т «Справедливый мир»]. – М.: Ключ-С, 2019. – 352 с.

95. Митюков, М. А. В Государственной Думе (12 декабря 1993 г. – 16 января 1996 г.): выступления, статьи, интервью, документы, дневниковые записи / М. А. Митюков. – М.: Проспект, 2014. – 720 с.

96. Морская доктрина Российской Федерации на период до 2020 г. 27 июля 2001 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/902010411> (дата обращения: 05.01.2020).

97. Новые измерения парламентского диалога в современный период. Материалы третьего Международного парламентского форума. – М.: Издание Государственной Думы, 2014. – 240 с.

98. Общая информация о международной деятельности Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://duma.gov.ru/international/about/> (дата обращения: 05.01.2020).

99. О партии. Краткая справка [Электронный ресурс] // Коммунистическая партия Российской Федерации. Официальный сайт. – URL: <https://kprf.ru/party/> (дата обращения: 05.07.2021).

100. Основной Закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик: Принят второй сессией ЦИК СССР первого созыва 6 июля 1923 г. и в окончательной редакции II Съезда Советов СССР 31 января 1924 г. // Конституция общенародного государства. – М.: Политиздат, 1978. – С. 212–225.

101. Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества. 18 декабря 2010 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=130289&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.3338626743522386#04576294240857872> (дата обращения: 05.01.2020).

102. Основы политики Российской Федерации в области военно-морской деятельности на период до 2010 г. 4 марта 2000 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/902306068> (дата обращения: 05.01.2020).

103. Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://duma.gov.ru> (дата обращения: 05.01.2020).

104. Официальный сайт Комитета Государственной Думы по международным делам [Электронный ресурс]. – URL: <https://interkomitet.ru/> (дата обращения: 05.01.2020).

105. Официальный сайт Комитета Государственной Думы по делам Содружества Независимых Государств, евразийской интеграции и связям с соотечественниками [Электронный ресурс]. – URL: <http://komitet.info/> (дата обращения: 05.01.2020).

106. Парламентаризм в России. Федеральное собрание 1993–1995 гг. V Государственная Дума, Совет Федерации первого созыва / С. А. Мндоянц, А. М. Салмин; Вступ. сл.: И. П. Рыбкин, В. Ф. Шумейко. – М.: Фонд развития парламентаризма в России, 1996. – 240 с.

107. Парламентаризм в России: Федеральное Собрание в 1996–1999 гг.: [Доклад] / [С.А. Мндоянц, А.А. Захаров (отв. ред.), А.Е. Капишин и др.]. – М.: Фонд развития парламентаризма в России, 2000. – 376 с.

108. Парламентские выборы в России: избирательные объединения и блоки, их лидеры и программные документы, результаты выборов / Авт.-сост. М. Н. Грачев. – М.: НОУМЭЛИ, 2000. – 292 с.

109. Парламентское измерение сотрудничества в Черноморском регионе: основные итоги, тенденции, перспективы: Материалы парламентских слушаний. 20 февраля 2018 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2018. – 64 с.

110. Перечень международных договоров Российской Федерации, ратифицированных или денонсированных Российской Федерацией с 1 января 1990 г. по 31 август 1996 г./ Редкол.: Г. Н. Селезнев (пред.), В. Б. Исаков, Э. Л. Кузьмин и др. – М.: Известия, 1997. – 112 с.

111. Политологический словарь-справочник / Авторы-составители: Погорелый Д. Е., Филиппов К. В., Фесенко В. Ю.. – Ростов н/Д: ООО «Наука-Спектр», 2008. – 320 с.

112. Политология: Словарь-справочник / М. А. Василик, М. С. Вершинин и др. – М.: Гардарики, 2001. – 328 с. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Dict/15.php (дата обращения: 21.02.2020).

113. Политология: Энциклопедический словарь / Общ. ред. и сост. Ю.И. Аверьянов. – М.: Изд-во Московского коммерческого университета, 1993. – 431 с.

114. Положение о выборах в Государственную думу от 6 августа 1905 г. // Выборы в I–IV Государственные думы Российской империи. (Воспоминания современников. Материалы и документы) / Авт.-сост.: И. Б. Борисов, Ю. А. Веденеев, И. В. Зайцев, В. И. Лысенко / Под ред. А. В. Иванченко. – М.: Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, 2008. – С. 738–752.

115. Положение о выборах в Государственную думу от 3 июня 1907 г. // Выборы в I–IV Государственные думы Российской империи. (Воспоминания современников. Материалы и документы) / Авт.-сост.: И. Б. Борисов, Ю. А. Веденеев, И. В. Зайцев, В. И. Лысенко / Под ред. А. В. Иванченко. – М.: Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, 2008. – С. 772–822.

116. Постановление ЦИК о результатах выборов депутатов Госдумы [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2016/09/24/postanovlenie-dok.html> (дата обращения: 05.01.2020).

117. Правила о применении и введении в действие Учреждения Государственной думы и Положения о выборах в Государственную думу от 18 сентября 1905 г. // Выборы в I–IV Государственные думы Российской империи. (Воспоминания современников. Материалы и документы) / Авт.-сост.: И. Б. Борисов, Ю. А. Веденеев, И. В. Зайцев, В. И. Лысенко / Под ред. А. В. Иванченко. – М.: Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, 2008. – С. 753–759.

118. Примаков, Е. М. Встречи на перекрёстках / Е. М. Примаков. – М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2016. – 607 с.

119. Путин, В. В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим [Электронный ресурс] / В. В. Путин. – URL: <https://rg.ru/2020/06/19/75-let-velikoj-pobedy-obshchaia-otvetstvennost-pered-istoriej-i-budushchim.html> (дата обращения: 05.01.2020).

120. Путин, В. В. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 г. [Электронный ресурс] / В. В. Путин. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034/> (дата обращения: 05.01.2020).

121. Путин, В. В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня [Электронный ресурс] / В. В. Путин. – URL: <http://komitet.info/eurasian-integration/eurasia-project-history/338/> (дата обращения: 05.01.2020).

122. Пути преодоления кризиса доверия в Европе. Материалы Международного «круглого стола». – М.: Издание Государственной Думы (электронное), 2015. – 96 с.

123. Пятая Российская Государственная Дума / Под общ. ред. и с предисл. И. П. Рыбкина. – М.: Известия, 1994. – 248 с.

124. Распоряжение Президента Российской Федерации «Об обеспечении единой внешнеполитической линии российской Федерации в международных отношениях» // Российские вести. – 1992. – 19 ноября.

125. Ратификация международных договоров Российской Федерации и международная деятельность Государственной Думы [Электронный ресурс]. – URL: <http://duma2.garant.ru/analit/index.htm> (дата обращения: 05.01.2020).

126. Регламент Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://duma.gov.ru/duma/about/regulations/> (дата обращения: 05.01.2020).

127. Регламент Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL:

<http://www.council.gov.ru/structure/council/regulations/> (дата обращения: 05.01.2020).

128. Рейтинг поправок к Конституции [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rejting-popravok-k-konstituczii> (дата обращения: 26.03.2020).

129. Роль парламентов в обеспечении международной безопасности в современных условиях. Материалы четвёртого Международного парламентского форума. – М.: Издание Государственной Думы, 2015. – 144 с.

130. Российская Государственная Дума: исторический опыт и перспективы развития парламентаризма. – М.: Издание Государственной Думы, 2012. – 240 с.

131. Россия в БРИКС. Парламентское измерение. – М.: Издание Государственной Думы, 2015. – 192 с.

132. Рыбкин, И. П. Мы обречены на согласие: Выступления, статьи, интервью / И. П. Рыбкин. – М.: Международные отношения, 1997. – 406 с.

133. Рыжков, Н. И. Трагедия великой страны / Н. И. Рыжков. – М.: Вече, 2007. – 656 с.

134. Сборник образцов документов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации / Под общ. ред. М. Ю. Копейкина. – Изд. 8-е, перераб. и доп. – М.: Издание Государственной Думы, 2016. – 384 с.

135. Свод основных государственных законов Российской Империи (от 23 апреля 1906 г.) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/svod_zak.php (дата обращения: 19.03.2017).

136. Сводные финансовые отчеты политических партий за 2016 год [Электронный ресурс] // Официальный сайт Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. – URL: http://www.cikrf.ru/politparty/finance/svodn_otchet_16.html (дата обращения: 05.01.2020).

137. Селезнёв, Г. Н. Об итогах работы Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации третьего созыва в 2000–2003

годах / Г. Н. Селезнёв // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. – 2004. – № 1. – С. 4–6.

138. Селезнёв, Г. Н. Подавляющее большинство Парламента поддержит освобождающийся от флёра романтических отношений с Западом курс достоинства и национальных интересов России / Г. Н. Селезнёв // Международная жизнь. – 1997. - № 4. – С. 3–13.

139. «Семибанкирщина». Справка [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20111108/483944714.html> (дата обращения: 05.01.2020).

140. Сергей Нарышкин: Роль российского парламента с каждым годом возрастает [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/interviews/2747851> (дата обращения: 05.01.2020).

141. Система анализа результатов голосований на заседаниях Государственной Думы [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. – URL: <http://vote.duma.gov.ru/> (дата обращения: 05.01.2020).

142. Словарь исторических и общественно-политических терминов / Автор-сост. В. И. Васильев. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2005. – 604 с.

143. Словарь терминов, используемых в международных договорах Российской Федерации / [Коллектив сост.: А. А. Арнаутова, О. А. Борзунова, Н. М. Бумажкина и др.]. – М.: Издание Государственной Думы, 2017. – 240 с.

144. Союз можно было сохранить. Белая книга: Документы и факты о политике М. С. Горбачёва по реформированию и сохранению многонационального государства / Сост. А. С. Черняев, А. Б. Вебер и др.; Общ. ред. В. Т. Логинов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2007. – 526 с.

145. Стратегический курс России с государствами – участниками Содружества Независимых Государств. 14 сентября 1995 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.mid.ru/ns-osndoc.nsf/0e9272befa34209743256c630042d1aa/4e3d23b880479224c325707a00310fad?OpenDocument> (дата обращения: 05.01.2020).

146. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. 12 мая 2009 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://kremlin.ru/supplement/424> (дата обращения: 05.01.2020).

147. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. 31 декабря 2015 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/294430 (дата обращения: 05.01.2020).

148. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. 2 июля 2021 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/1> (дата обращения: 05.07.2021).

149. Указ о временных правилах об ограждении свободы и правильности предстоящих выборов в Государственный совет и Государственную думу, а также беспрепятственной деятельности сих установлений от 8 марта 1906 г. // Выборы в I–IV Государственные думы Российской империи. (Воспоминания современников. Материалы и документы) / Авт.-сост.: И. Б. Борисов, Ю. А. Веденеев, И. В. Зайцев, В. И. Лысенко / Под ред. А. В. Иванченко. – М.: Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, 2008. – С. 768–770.

150. Указ об изменении Положения о выборах в Государственную думу и изданных в дополнение к нему узаконений от 11 декабря 1905 г. // Выборы в I–IV Государственные думы Российской империи. (Воспоминания современников. Материалы и документы) / Авт.-сост.: И. Б. Борисов, Ю. А. Веденеев, И. В. Зайцев, В. И. Лысенко / Под ред. А. В. Иванченко. – М.: Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, 2008. – С. 761–768.

151. Указ Президента Российской Федерации «Об Администрации Президента Российской Федерации» от 25 марта 2004 г. № 400 (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/20694> (дата обращения: 05.01.2020).

152. Указ Президента Российской Федерации «О координирующей роли Министерства иностранных дел Российской Федерации в проведении единой внешнеполитической линии Российской Федерации» от 12 марта 1996 г. № 375

[Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9032> (дата обращения: 05.01.2020).

153. Указ Президента Российской Федерации «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» от 7 мая 2012 г. № 605 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/157626 (дата обращения: 05.01.2020).

154. Указ Президента Российской Федерации «О полномочных представителях Президента РФ в Совете Федерации ФС РФ и Государственной Думе ФС РФ» (с изменениями на 12 февраля 2015 года) от 22 июня 2004 г. N 792 [Электронный ресурс]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/901900754> (дата обращения: 05.01.2020).

155. Федеральный закон «О безопасности» от 28.12.2010 N 390-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/32417> (дата обращения: 05.01.2020).

156. Федеральный закон «Об обороне» от 31.05.1996 N 61-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9446> (дата обращения: 05.01.2020).

157. Федеральный закон «О внешней разведке» от 10 января 1996 года № 5-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – URL: http://svr.gov.ru/svr_today/doc02.htm (дата обращения: 05.01.2020).

158. Федеральный закон «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» от 22.02.2014 г. № 20-ФЗ (ред. от 29.05.2019 № 104-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 8. – Ст. 740.

159. Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» от 15.07.1995 N 101-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – URL: <https://interkomitet.ru/blog/2019/10/30/federalnyj-zakon-o-mezhdunarodnyh-dogovorah-rossijskoj-federatsii-ot-15-07-1995-n-101-fz-poslednyaya-redaktsiya/> (дата обращения: 05.01.2020).

160. Федеральный закон «О парламентском контроле» от 7 мая 2013 г. N 77-ФЗ (ред. от 03.08.2018) [Электронный ресурс]. – URL: <https://base.garant.ru/70372950/> (дата обращения: 05.01.2020).

161. Федеральный закон «О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации» от 27 декабря 2005 г. N 196-ФЗ (ред. от 07.05.2013) [Электронный ресурс]. – URL: <https://base.garant.ru/189019/> (дата обращения: 05.01.2020).

162. Федеральный закон «О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации» от 13 января 1995 г. N 7-ФЗ (ред. от 12.03.2014) [Электронный ресурс]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/9010130> (дата обращения: 05.01.2020).

163. Федеральный закон «О специальных экономических мерах» от 30 декабря 2006 г. N 281-ФЗ (ред. от 01.05.2019) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/24826> (дата обращения: 05.01.2020).

164. Федеральный закон «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» от 08.05.1994 N 3-ФЗ (ред. от 16.12.2019) [Электронный ресурс]. – URL: <https://fzrf.su/zakon/o-statuse-chlena-soveta-federacii-i-deputata-gosdumy-3-fz/> (дата обращения: 05.01.2020).

165. Федеральный закон «О Федеральной службе безопасности» от 03.04.1995 N 40-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/7696/page/1> (дата обращения: 05.01.2020).

166. Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21.07.1994 N 1-ФКЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/6650/page/1> (дата обращения: 05.01.2020).

167. Федеральное Собрание – Парламент Российской Федерации. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1998. – 56 с.

168. Федеральное Собрание: Совет Федерации, Государственная Дума. Справочник. – М.: Фонд развития парламентаризма в России, 1996. – 318 с.

169. ЦИК обнародовал результаты выборов в Госдуму [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2016/09/23/cik-obnarodoval-rezultaty-vyborov-v-gosdumu.html> (дата обращения: 05.01.2020).

170. ЦИК опубликовал финансовую отчетность партий за прошлый год [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3317567> (дата обращения: 05.01.2020).

171. Что изменилось в Основном законе страны [Электронный ресурс]. – URL: <http://duma.gov.ru/news/50244/> (дата обращения: 15.01.2021).

Литература

172. Авакьян, С. А. Федеральное Собрание – парламент России / С. А. Авакьян. – М.: Российский Юридический Издательский Дом, 1999. – 432 с.

173. Аватков, В. А., Каширина, Т. В. Тенденции развития современных международных отношений / В. А. Аватков, Т. В. Каширина // Научно-аналитический «Обозреватель-Observer». – 2017. – № 11 (334). – С. 5–15.

174. Аверков, В. Принятие внешнеполитических решений в России [Электронный ресурс] / В. Аверков // Международные процессы. – Май–август 2012. – Т. 10. – № 2 (29). – URL: <http://www.intertrends.ru/old/twenty-ninth/11.htm> (дата обращения: 05.01.2020).

175. Автономов, А. С. Азбука лоббирования / А. С. Автономов. – М.: Права человека, 2004. – 109 с.

176. Агумава, Ф. Люди стали больше доверять Государственной Думе [Электронный ресурс] / Ф. Агумава // Парламентская газета. – 28.09.2018. – URL: <https://www.pnp.ru/social/lyudi-stali-bolshe-doveryat-gosudarstvennoy-dume.html> (дата обращения: 05.01.2020).

177. Айрапетян, А. Парламентское измерение евразийской интеграции [Электронный ресурс] / А. Айрапетян. – URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/armen-ayrapetyan/2114/> (дата обращения: 05.01.2020).

178. Алексеева, Т. А., Казанцев, А. А. Внешнеполитический процесс. Сравнительный анализ: Учеб. пособие / Т. А. Алексеева, А. А. Казанцев. – М.: Аспект Пресс, 2012. – 222 с.
179. Алексеева, Т. А., Лебедева, М. М. Что происходит с теорией международных отношений / Т. А. Алексеева, М. М. Лебедева // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 1. – С. 29–43.
180. Алескеров, Ф. Т. Влияние и структурная устойчивость в российском парламенте (1905–1917 и 1993–2005 гг.) / Ф. Т. Алескеров, Н. Ю. Благовещенский, Г. А. Сатаров, А. В. Соколова, В. И. Якуба. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2009. – 312 с.
181. Алипулатова, И. И. Парламентаризм в Российской Федерации как основа демократического общества: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Алипулатова Илиада Ильмановна. – Махачкала, 2004 – 152 с.
182. Амелин, А. Владимир Лукин: дискуссии в первой Думе не дали развиваться революции [Электронный ресурс] / А. Амелин. – URL: http://rapsinews.ru/legislation_publication/20170707/279236708.html (дата обращения: 05.01.2020).
183. Амиантов, А. А. Актуальные проблемы становления и развития парламентаризма в Содружестве Независимых Государств: сравнительный анализ на примере Российской Федерации и Украины: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Амиантов Алексей Андреевич. – М., 2008 – 152 с.
184. Антонов, А. В. Системный анализ: Учеб. для вузов / А. В. Антонов. – М.: Высшая школа, 2004. – 454 с.
185. Арбатов, А. Россия: особый имперский путь? [Электронный ресурс] / А. Арбатов // Россия в глобальной политике. – 2005. - № 6. – URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_5977 (дата обращения: 05.01.2020).
186. Арбатов, А. Г. Расширение НАТО и национальные интересы России / А. Г. Арбатов // Полития. – 2006. - №2. – С. 94–103.
187. Арбатов, Г. А. Дело: «Ястребы и голуби холодной войны» / Г. А. Арбатов. – М.: Алгоритм: Эксмо, 2009. – 224 с.

188. Арриги, Дж. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени / Арриги Дж.; Пер. с англ. – М.: Территория будущего, 2006. – 472 с.
189. Ачкасов, В. А., Ланцов, С. А. Мировая политика и международные отношения: Учебник / В. А. Ачкасов, С. А. Ланцов. – М.: Аспект Пресс, 2011. – 480 с.
190. Бабурин, С. Н., Небренчин, С. М. Кризис: Россия спасёт мир? / С. Н. Бабурин, С. М. Небренчин. – М.: АСТ: Астрель, 2009. – 317 с.
191. Бабурин, С. Н. Цивилизационная миссия России «Москва – Третий Рим» как политико-правовая и геополитическая задача современной Российской Федерации / С. Н. Бабурин // Вестник Московского государственного областного университета. – Серия: История и политические науки. – 2019. - № 3. – С. 10–16.
192. Баев, А. В. Российский парламентаризм в современном политическом процессе: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Баев Александр Владимирович. – М., 2009. – 168 с.
193. Баев, В. С. Институт парламентаризма в современном российском политическом процессе: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Баев Владимир Семенович. – М., 2005. – 142 с.
194. Балакирева, В. И. Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств как инструмент консолидации межпарламентского сотрудничества в СНГ: автореферат дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / В. И. Балакирева. – СПб., 1999. – 25 с.
195. Балугев, Д. Г. Внутренние факторы, влияющие на российскую внешнюю политику / Д. Г. Балугев // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991– 2002. Хрестоматия в 4-х томах / Ред.-сост. Т. А. Шаклеина. Т. I. Исследования. М.: Московский государственный институт международных отношений (У) МИД России, Российская ассоциация международных исследований, АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование.)», 2002. – С. 351–382.
196. Баранов, А. В. Воссоединение Крыма с Россией в 2014 г.: роль русских общественных объединений / А. В. Баранов // Место и роль Советского

Союза в разгроме фашистской Германии и её Союзников в годы Великой Отечественной Войны 1941-1945 гг. Новый взгляд и осмысление: Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. – Ставрополь: Ставропольский государственный аграрный университет, 2020. – С. 66–70.

197. Баранов, А. В. Геополитическая роль Крыма и Севастополя в Черноморского-Средиземноморском регионе / А. В. Баранов // Парадигмы истории и общественного развития. – 2018. - № 25. – С. 7–15.

198. Баранов, А. В. Межгосударственный конфликт по вопросу базирования Черноморского флота России в Крыму (2005 – ноябрь 2013 г.) / А. В. Баранов // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии (1918 г. – начало XXI в.): Материалы II Международной научно-практической конференции (23-24 апреля 2015 г., Витебск) / Отв. ред. А. П. Косов. – Витебск: Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2015. – С. 241–245.

199. Баранов, А. В., Плащинский, А. А. Межгосударственное взаимодействие Беларуси и России в контексте проектов интеграции евразийского пространства (геополитический аспект) / А. В. Баранов, А. А. Плащинский // Причерноморье в контексте российской цивилизации: история, политика, культура: Материалы Международной науч.-практ. конф. / Отв. ред. А. В. Баранов, В. В. Касьянов. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2019. – С. 349–358.

200. Баранов, А. В. Политические последствия глобализации для России как фактор цивилизационного самоопределения / А. В. Баранов // Актуальные проблемы глобальных исследований: Россия в глобализирующемся мире: Сборник научных трудов участников VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / Под ред. И. В. Ильина. – М.: Межрегиональная общественная организация содействия изучению, пропаганде научного наследия Н. Д. Кондратьева, 2019. – С. 46–48.

201. Баранова, Е. А. Земская реформа и становление парламентаризма в России / Е. А. Баранова // 150-летие принятия земской и судебной реформ

Александра II: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Уфа: УЮИ МВД России, 2014. – С. 144–148.

202. Баранова, Е. А. Парламентаризм в Башкортостане (историко-правовое исследование): дис... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Баранова Евгения Александровна. – Уфа, 2007. – 183 с.

203. Баранова, Н. П., Романов, Р. М. Парламентаризм в России: история и современность / Н. П. Баранова, Р. М. Романов. – М.: Современная экономика и право, 2009. – 392 с.

204. Баранова, Н. Р. Эволюция российского парламентаризма: социологический аспект: дис. ... доктора социол. наук: 22.00.04 / Баранова Наталия Романовна. – М., 2004. – 283 с.

205. Баранов, Н. А. Внешние факторы влияния на трансформацию политической системы современной России / Н. А. Баранов // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник / Отв. ред. В. И. Герасимов. – М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2017. – С. 121–125.

206. Баранов, Н. А. «Мягкая» и «умная» сила в современной политике: поиск приоритетов / Н. А. Баранов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2015. - № 1 (42). – С. 102–110.

207. Баранов, Н. А. Россия в контексте современного миропорядка: тенденции и перспективы / Н. А. Баранов // Геополитика и безопасность. – 2016. – № 2 (34). – С. 48–52.

208. Баранов, Н. А. Турбулентная мировая политика как угроза национальной безопасности России / Н. А. Баранов // Проблемы национальной безопасности России: уроки истории и вызовы современности. К 75-летию битвы за Кавказ в годы Великой Отечественной войны: Сборник статей Международной научно-просветительской конференции, 25–29 мая 2018 г. / Отв. ред. А. А. Зайцев. – Краснодар: Традиция, 2018. – С. 44–51.

209. Барановский, В. Г. Трансформация системы международных отношений на рубеже XX и XXI веков / В. Г. Барановский // Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития: Научное издание / Под

ред. О. В. Гаман-Голутвиной. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2016. – С. 201–243.

210. Барсегян, А. Обзор изменений Конституции РФ (подготовлено экспертами компании «Гарант», июнь 2020 г.) [Электронный ресурс] / А. Барсегян. – URL: <https://base.garant.ru/77399046/> (дата обращения: 16.02.2021).

211. Баталов, Э. Я. Антропология международных отношений / Э. Я. Баталов. – М.: Аспект Пресс, 2018. – 352 с.

212. Батюк, В. И. Мировая политика: Учебник / В. И. Батюк. – М.: Издательство Юрайт, 2017. – 256 с.

213. Батюк, В. И. Российско-американские отношения: между идеализмом и реализмом / В. И. Батюк // Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России / Под ред. А. В. Лукина. – М.: Международные отношения, 2018. – С. 276–290.

214. Бахлов, И. В., Бахлова, О. В. Имперские модели национального и государственного строительства / И. В. Бахлов, О. В. Бахлова // Вестник Московского государственного областного университета. – Серия: История и политические науки. – 2018. - № 3. – С. 183–194.

215. Бахлов, И. В., Бахлова, О. В. Стратегические приоритеты России в контексте пространственного развития в программных документах парламентских партий-участников избирательной кампании 2016 г. / И. В. Бахлов, О. В. Бахлова // Электоральный цикл в современной России: итоги и перспективы: Сборник научных статей по материалам V Международной научно-практической конференции, Саратов, 25 мая 2018 г. / Отв. ред. А. А. Вилков. – Саратов: ИЦ «Наука», 2018. – С. 21–26.

216. Бахлова, О. В. Интеграционная политика России в регионе Содружества Независимых Государств: возможности, оценки, перспективы / О. В. Бахлова // Регионология. – 2017. – Т. 25. - № 4 (101). – С. 482–511.

217. Бахлова, О. В. Парламентские механизмы обеспечения интеграционной политики в рамках Союзного государства / О. В. Бахлова // Совершенствование механизма государственного управления в условиях

правовой интеграции государств: Материалы международного круглого стола, Минск, 28 сентября 2018 г. / Под ред. Т. А. Червяковой. – Минск: 2018. – С. 35–38.

218. Бебешко, Е. В., Крыжко, Е. В., Пашковский, П. И., Щевелев, С. С. Проблема генезиса «Большой игры» в Туркестане в начале XIX века / Е. В. Бебешко, Е. В. Крыжко, П. И. Пашковский, С. С. Щевелев // Былые годы. Российский исторический журнал. – 2017. – Т. 3. - № 45. – С. 853–860.

219. Белозёров, В. К. Противостояние глобальных проектов как основное содержание современных международных отношений / В. К. Белозёров // Современная Россия в мировом политическом процессе: глобальное и региональное измерение: Материалы Международной научно-практической конференции, 16–18 апреля 2019 г. / Под общ. ред. А. Я. Касюка, И. К. Харичкина. – М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2019. – С. 165–171.

220. Беляев, А. М. Становление парламентаризма в России и его восприятие в общественном сознании россиян / А. М. Беляев // Парламентаризм в России и Германии: История и современность / Отв. ред. Я. А. Пляйс и О. В. Гаман-Голутвина. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – С. 130–140.

221. Бжезинский, З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы / З. Бжезинский; Пер. с англ. – М.: Международные отношения, 2005. – 256 с.

222. Бжезинский, З. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис / З. Бжезинский; Пер. с англ. – М.: АСТ, 2013. – 287 с.

223. Бинецкий, А. Э. Лоббизм в современном мире / А. Э. Бинецкий. – М.: ТЕИС, 2004. – 247 с.

224. Блэквилл, Р., Харрис, Дж. М. Война иными средствами / Р. Блэквилл, Дж. М. Харрис; Пер. с англ. – М.: АСТ, 2017. – 480 с.

225. Богатуров, А. Время Центральной Евразии / А. Богатуров // Международная жизнь. – 2005. - № 3-4. – С. 118-129.

226. Богатуров, А. Д. Международно-политический анализ: Научное издание / А. Д. Богатуров. – М.: Аспект Пресс, 2019. – 208 с.

227. Богатуров, А. Д. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений / А. Д. Богатуров, Н. А. Косолапов, М. А. Хрусталеv. – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2002. – 384 с.
228. Богатырёв, Е. Д. Конституционные основы парламентаризма в России / Е. Д. Богатырёв // Парламентаризм в России и Германии: История и современность / Отв. ред. Я. А. Пляйс и О. В. Гаман-Голутвина. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – С. 203–219.
229. Бойко, А. В. Становление парламентаризма в России и Германии в конце XIX – начале XX вв.: сравнительно-правовой анализ: дис... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Бойко Артем Викторович. – Ростов-на-Дону, 2009. – 174 с.
230. Болдырев, В. Е. Многофакторный анализ внешнеполитического процесса: теоретический аспект проблемы / В. Е. Болдырев // Россия и АТР. – 2016. – № 1 (91). – С. 57–68.
231. Бордачёв, Т. Без идеологии и порядка. Прагматичная Россия и вызовы новейшего времени [Электронный ресурс] / Т. Бордачёв // Россия в глобальной политике. – 2009. - № 5. – URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_14027 (дата обращения: 05.01.2020).
232. Боришполец, К. П. Методы политических исследований: Учеб. пособие для студентов вузов / К. П. Боришполец. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2010. – 230 с.
233. Борков, А. В. Процесс формирования внешней политики в РФ и российское общество / А. В. Борков // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – Серия: Международные отношения. Политология. Регионоведение. – 2004. – № 1. – С. 40–44.
234. Бриггс, Э., Клэвин, П. Европа нового и новейшего времени. С 1789 года и до наших дней / Э. Бриггс, П. Клэвин; Пер. с англ. – М.: Весь мир, 2006. – 600 с.
235. Бродель, Ф. Грамматика цивилизаций; Пер, с фр. – М.: Весь мир, 2008. – 552 с.

236. Буянов, А. В. Съезд народных депутатов СССР в системе государственной власти Советского Союза: 1989–1991 гг.: автореферат дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / А. В. Буянов. – М., 2009. – 25 с.
237. Быков, О. Н. Национальные интересы и внешняя политика / О. Н. Быков. – М.: ИМЭМО РАН, 2010. – 284 с.
238. Бьюкенен, П. Смерть Запада / П. Бьюкенен; Пер. с англ. – М.: АСТ, 2004. – 444 с.
239. Валлерстайн, И. Миров-системный анализ [Электронный ресурс] / И. Валлерстайн. – URL: <https://nsu.ru/filf/rpha/papers/geoecon/waller.htm> (дата обращения: 21.02.2020).
240. Валлерстайн, И. Миросистемный анализ: Введение / И. Валлерстайн; Пер. с англ. – М.: Территория будущего, 2006. – 248 с.
241. Валлерстайн, И. Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500 – 2010 / И. Валлерстайн // Свободная мысль. – 1996. – № 5. – С. 30–42.
242. Вандышева, Е. А., Сунгуров, А. Ю. Контрольная функция парламента: парламентские комиссии по расследованию и счётные палаты / Е. А. Вандышева, А. Ю. Сунгуров // Вестник Томского государственного университета. – Философия. Социология. Политология. – 2015. – № 3 (31). – С. 64–74.
243. Варлен, М. В. О возрастающей роли парламентской дипломатии в многополярном мире / М. В. Варлен // Lex russica (Русский закон). – 2019. № 7 (152). – С. 54–65.
244. Васецкий, Н. А., Краснов, Ю. К. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации второго созыва. Состав и структура, правовой статус, основные результаты деятельности / Н. А. Васецкий, Ю. К. Краснов. – М.: Издание Государственной Думы, 1999. – 143 с.
245. Васильчук, Т., Байдакова, А. Инвестиции в мандаты [Электронный ресурс] / Т. Васильчук, А. Байдакова // Новая газета. – № 59. – 05.06.2017. – URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2017/06/03/72684-investitsii-v-mandaty> (дата обращения: 21.02.2020).

246. Вахитов, Р. Р. Российский олигархат [Электронный ресурс] / Р. Р. Вахитов. – URL: <https://rusrand.ru/analytics/rossiyskiy-oligarhat> (дата обращения: 21.02.2020).

247. Веденеев, Ю. А., Зайцев, И. В. Российское общество и выборы в воспоминаниях современников: опыт переосмысления исторической памяти / Ю. А. Веденеев, И. В. Зайцев // Выборы в I–IV Государственные думы Российской империи. (Воспоминания современников. Материалы и документы) / Авт.-сост.: И. Б. Борисов, Ю. А. Веденеев, И. В. Зайцев, В. И. Лысенко / Под ред. А. В. Иванченко. – М.: Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, 2008. – С. 5–32.

248. Вершинин, А. И. Государственное финансирование политических партий как гарантия многопартийности: перспективы реформирования / А. И. Вершинин // Вестник Воронежского государственного университета. – Серия: Право. – 2019. – № 3 (38). – С. 81–92.

249. Веснин, Р. М. Особенности взаимодействия Государственной Думы и Правительства Российской Федерации в законодательном процессе: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Р. М. Веснин. – М., 2006. – 22 с.

250. Викторов, В. В. Особенности реформирования российского парламентаризма / В. В. Викторов // Парламентаризм в России и Германии: История и современность / Отв. ред. Я. А. Пляйс и О. В. Гаман-Голутвина. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – С. 264–280.

251. Вилков, А. А. Особенности имиджа России в условиях обострения международных отношений / А. А. Вилков // Международный и национальный механизмы обеспечения суверенитета. Материалы VIII Международного Конституционного Форума, посвященного 80-летию Саратовской области. – Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2017. – С. 53–56.

252. Вилков, А. А. Парламентаризм в политической системе Российской Федерации: особенности институционального дизайна и функционирования / А. А. Вилков // Парламентаризм в современном мире: теория и практика: Материалы VII Международного Конституционного форума, посвященного 10-

летию юридического факультета Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. – Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2016. – С. 33–37.

253. Вилков, А. А. Парламентаризм и его восприятие в массовом сознании россиян (на примере российского крестьянства) / А. А. Вилков // Парламентаризм в России и Германии: История и современность / Отв. ред. Я. А. Пляйс и О. В. Гаман-Голутвина. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – С. 356–376.

254. Вильданов, Р. Р. Парламент в дореволюционной и постсоветской России: сравнительно-политологический анализ / Р. Р. Вильданов. – Уфа: [б. и.], 2011. – 140 с.

255. Виноградова, А. А. Парламентская ассамблея ОБСЕ как тип межпарламентского института: генезис, функции и перспективы: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / А. А. Виноградова. – М., 2011. – 31 с.

256. Виноградов, В. Н. Греческий проект Екатерины II и Григория Потемкина [Электронный ресурс] / В. Н. Виноградов // Русская цивилизация. – URL:

<https://web.archive.org/web/20091216140052/http://www.rustrana.ru/article.php?nid=22824> (дата обращения: 23.04.2018).

257. Витковская, С., Горский, К. Эра «новых русских»: портреты первого десятилетия российского бизнеса [Электронный ресурс] / С. Витковская, К. Горский. – URL: <https://www.forbes.ru/milliardery-photogallery/238010-era-novyh-russkih-portrety-pervogo-desyatiletija-rossiyskogo-biznesa> (дата обращения: 05.03.2021).

258. Владимирский-Буданов, М. Ф. Обзор истории русского права / М. Ф. Владимирский-Буданов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. – 640 с.

259. Внешнеполитический процесс в странах Востока: Научное издание / Под ред. Д. В. Стрельцова. – М.: Аспект Пресс, 2011. – 336 с.

260. Внешняя политика России. 1991–2016: [коллективная монография / Т. А. Шаклеина, А. Н. Панов, А. С. Булатов и др.; отв. ред. Е. М. Кожокин

А. Л. Чечевишников]; Под общ. ред. и с предисл. акад. А. В. Торкунова. – М.: МГИМО-Университет, 2017. – 538 с.

261. Внешняя политика России: теория и практика: Учебное пособие / Под общ. ред. С. В. Смутьского, О. Д. Абрамовой; Отв. ред. В. С. Буянов. – М.: Книга и бизнес, 2013. – 543 с.

262. Внешняя политика Российской Федерации / Ред. коллегия: А. В. Торкунов (отв. ред.), А. Ю. Мельвиль, М. М. Наринский. – М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет); «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. – 328 с.

263. Всемирная история: Мир в период создания СССР / А. Н. Бадак, И. Е. Войнич, Н. М. Волчек и др. – М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2002. – 426 с.

264. Воробьев, И. В. Становление института парламентаризма в современной России: взаимодействие депутатского корпуса и Аппарата Государственной Думы: дис. ... канд. социол. наук: 23.00.02 / Воробьев Игорь Владимирович. – М., 2004. – 198 с.

265. Высшие представительные органы власти в СССР / И. А. Азовкин, Д. А. Гайдуков, В. А. Киринов и др. – М.: Наука, 1969. – 399 с.

266. Габриелян, О. А. Политическая наука: введение в специальность: Учебное пособие / О. А. Габриелян. – Симферополь: Издательство «ЧП Феникс», 2010. – 150 с.

267. Габриелян, О. А. Россия как цивилизация: мифопоэтическое осмысление / О. А. Габриелян // Миф в истории, политике, культуре: Сборник материалов II Международной научной междисциплинарной конференции / Под редакцией О.А. Габриеляна, А.В. Ставицкого, В.В. Хапаева, С.В. Юрченко. – Севастополь: Филиал Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова в г. Севастополе, 2019. – С. 288–289.

268. Гавров, С. Н. Модернизация России: постимперский транзит / С. Н. Гавров: Монография / Предисловие Л. С. Перепёлкина. – М.: МГУДТ, 2010. – 269 с.

269. Гаджиев, К. С. «Большая игра» на Кавказе. Вчера, сегодня, завтра / К. С. Гаджиев. – М.: Международные отношения, 2012. – 344 с.
270. Гаджиев, К. Слово в защиту верховенства Вестфальских принципов / К. Гаджиев // Международная жизнь. – 2018. – № 11. – С. 156–172.
271. Гайдар, Е. Т. Гибель империи. Уроки для современной России / Е. Т. Гайдар. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. – 440 с.
272. Гайсин, У. Б., Филимонов, М. А., Конюков, Т. С. Основные этапы становления и развития парламентаризма в России / У. Б. Гайсин, М. А. Филимонов, Т. С. Конюков // Парламентаризм в России: история и современность: Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием: Сб. ст. – Уфа: У ГАТУ, 2015. – С. 51–81.
273. Галкин, А. А. Национальное самосознание как источник ценностных и политических мотиваций: концептуальные характеристики и российские реалии / А. А. Галкин // Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития: Научное издание / Под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2016. – С. 579–605.
274. Гаман-Голутвина, О. В. Государственная Дума 1993–2003 гг.: эволюция персонального состава / О. В. Гаман-Голутвина // Парламентаризм в России и Германии: История и современность / Отв. ред. Я. А. Пляйс и О. В. Гаман-Голутвина. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – С. 307–321.
275. Гаман-Голутвина, О. В. Парламентский корпус современной России / О. В. Гаман-Голутвина // Политический класс в современном обществе / Под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. – М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – С. 113–142.
276. Гаман-Голутвина, О. В. Политико-финансовые кланы и политические партии как селекторат в процессах парламентского представительства современной России / О. В. Гаман-Голутвина // Власть и элиты современной России: Сб. научных статей / Под ред. А. В. Дуки. – СПб.: Социологическое общество им. М. М. Ковалевского, 2003. – С. 118–131.

277. Гаман-Голутвина, О. В. Российский парламентаризм в исторической ретроспективе и сравнительной перспективе / О. В. Гаман-Голутвина // Парламентаризм в России и Германии: История и современность / Отв. ред. Я. А. Пляйс и О. В. Гаман-Голутвина. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – С. 56–73.

278. Гаман-Голутвина, О. В. Российский парламентаризм: история и современность / О. В. Гаман-Голутвина // Вестник РУДН. – Серия «Политология». – 2007. - № 1. – С. 5–21.

279. Геополитические ориентации населения и безопасность Украины. По данным социологов / А. А. Беленок, А. И. Вишняк, А. А. Зоткин [и др.] / Сост. Н. А. Шульга. – К.: Бізнесполіграф, 2009. – 88 с.

280. Глазьев, С. Итоги и перспективы интеграционных процессов на постсоветском пространстве [Электронный ресурс] / С. Глазьев. – URL: http://www.glazev.ru/econom_polit/295/ (дата обращения: 21.02.2020).

281. Глазьев, С. О стратегических направлениях развития ЕАЭС / С. Глазьев // Международная жизнь. – 2020. – № 8. – С. 42–73.

282. Глазьев, С. Ю. Экономика будущего. Есть ли у России шанс? / С. Ю. Глазьев. – М.: Книжный мир, 2016. – 640 с.

283. Глейзнер, Дж. Российская Государственная Дума: структура, деятельность и эволюция в период 1993–1997 годов / Дж. Глейзнер, П. Чейсти; Пер. с англ. – М.: Московский общественный научный фонд, 1999. – 68 с.

284. Глущенко, Е. А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования / Е. А. Глущенко. – М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2010. – 575 с.

285. Годин, Ю. Квазинтеграция в СНГ и национальная безопасность России / Ю. Годин // Мировая экономика и международные отношения. – 2004. - № 12. – С. 46–51.

286. Голдгейер, Дж., Макфол, М. Цель и средства. Политика США в отношении России после «холодной войны»; [Пер. с англ.] / Дж. Голдгейер, М. Макфол. – М.: Международные отношения, 2009. – 520 с.

287. Горшков, М. К., Петухов, В. В. Внешнеполитические ориентации россиян в контексте вызовов современной глобальной политики // М. К. Горшков, В. В. Петухов // Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития: Научное издание / Под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2016. – С. 606–633.

288. Горылев, А. И. Становление парламентаризма в России (Историко-теоретический аспект): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Горылев Александр Иванович. – Н. Новгород, 2000. – 199 с.

289. Гостева, С. Р. История становления и развития современного парламентаризма в России: на материалах Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: дис... канд. истор. наук: 07.00.02 / Гостева Снежана Руслановна. – Воронеж, 2001. – 221 с.

290. Гранкин, И. В. Парламент России / И. В. Гранкин. – 2-е изд., доп. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2001. – 368 с.

291. Грэм, Т. Диалектика силы и слабости / Т. Грэм // Россия в глобальной политике. – 2007. – Т.5. – № 3. – С. 48–56.

292. Гудков, Л. Д. Проблема «элиты» в сегодняшней России: Размышления над результатами социологического исследования / Л. Д. Гудков, Б. В. Дубин, Ю. А. Левада. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. – 372 с.

293. Гуторов, В. А., Ширинянц, А. А., Шутов, А. Ю. О проблеме межцивилизационных отношений России и зарубежной Европы в начале XXI века / В. А. Гуторов, А. А. Ширинянц, А. Ю. Шутов // Балтийский регион. – 2018. – Т. 10. – № 4. – С. 132–141.

294. Давыдов, А. С. Пекин, Вашингтон, Москва: взаимоотношения в контексте трансформации глобальной архитектоники / А. С. Давыдов. – М.: ИДВ РАН, 2015. – 400 с.

295. Делягин, М. Г. Реванш России / М. Г. Делягин. – М.: Яуза, Эксмо, 2008. – 488 с.

296. Денисов, В. И. Особенности внешнеполитического процесса в Корейской Народно-Демократической Республике / В. И. Денисов // Вестник МГИМО Университета. – 2010. – № 1 (10). – С. 237–244.

297. Дмитриев, И. «Ельцин продул бы с разгромным счетом». Глеб Павловский – о выборах 1996 года, поиске преемника Ельцина и испорченных отношениях с Украиной [Электронный ресурс] / И. Дмитриев. – URL: https://lenta.ru/articles/2021/03/05/pavlovsky/?utm_source=uxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 05.03.2021).

298. Дрезнер, Д. Новый «новый мировой порядок» / Д. Дрезнер // Россия в глобальной политике. – 2007. – Т.5. – № 2. – С. 21–35.

299. Дроздов, Ю. И., Илларионов, С. И. Политическая элита России / Ю. И. Дроздов, С. И. Илларионов. – М.: РИЦ «ПрофЭко», 2007. – 575 с.

300. Дугин, А. Доктрина Медведева – пять принципов российской внешней политики [Электронный ресурс] / А. Дугин. – URL: <http://konservatizm.org/speech/dugin/011009193240.xhtml> (дата обращения: 21.02.2020).

301. Дугин, А. Эволюция национальной идеи Руси (России) на разных исторических этапах [Электронный ресурс] / А. Дугин. – URL: <http://www.evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=818> (дата обращения: 21.02.2020).

302. Дэвис, Н. История Европы / Н. Дэвис; [Пер. с англ.]. – М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. – 943 с.

303. Евстафьев, Д. Г. Вызовы развитию России: от гибридности рисков к комплексности ответа / Д. Г. Евстафьев // Среднерусский вестник общественных наук. – 2019. – Т. 14. – № 4. – С. 160–176.

304. Ежов, Д. А. Президентство и парламентаризм в современной России: концепции и сценарии развития: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Ежов Дмитрий Александрович. – М., 2004. – 144 с.

305. Елевич, А. С. Государственная Дума в системе власти Российской Федерации: конец XX – начало XXI вв.: автореферат дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / А. С. Елевич. – М., 2006. – 16 с.
306. Ерёменко, В. И. Российский парламентаризм: политологические, правовые и социально-культурные аспекты / В. И. Ерёменко. – СПб.: Издательства политехнического университета, 2013. – 166 с.
307. Ефременко, Д., Пономарева, А. Трамп: начало [Электронный ресурс] / Д. Ефременко, А. Пономарева. – URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Trump-nachalo-18575> (дата обращения: 10.02.2019).
308. Жамалдаев, Ш. В. Российский парламентаризм в условиях посткоммунистической трансформации политической системы: дис... канд. полит. наук: 23.00.02 / Жамалдаев Шаид Вахаевич. – Саратов, 2006. – 194 с.
309. Жириновский, В. В. Этногеополитика: Учебное пособие / В. В. Жириновский / Под ред. д. истор. н., проф. Н. А. Васецкого. – М.: Издание Либерально-демократической партии России, 2015. – 464 с.
310. Жук, Д. Ю. Парламентская дипломатия в деятельности международных организаций / Д. Ю. Жук // Диалог: политика, право, экономика. – 2017. – № 3 (6). – С. 21–30.
311. Журбей, Е. В. Аналитические центры и внешнеполитический процесс Таиланда: современное состояние и перспективы / Е. В. Журбей // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2017. – № 4 (43). – С. 178–189.
312. Журбей, Е. В. Внешняя политика и внешнеполитический процесс администрации Дж. Буша-старшего / Е. В. Журбей // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2011. – № 1 (16). – С. 107–120.
313. Журбей, Е. В. «Мозговые центры» и внешнеполитический процесс Сингапура: история вопроса / Е. В. Журбей // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2013. – № 4 (27). – С. 84–92.
314. Завалько, Г. Мировой капитализм глазами И. Валлерстайна [Электронный ресурс] / Г. Завалько. – URL: http://www.situation.ru/app/j_art_825.htm (дата обращения: 05.01.2020).

315. Завьялов, В. Т. Типология парламентаризма в современной России / В. Т. Завьялов // Парламентаризм в России и Германии: История и современность / Отв. ред. Я. А. Пляйс и О. В. Гаман-Голутвина. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – С. 377–388.
316. Зайцева, А. А. Парламентская дипломатия БРИКС / А. А. Зайцева // Международная жизнь. – 2015. – №. 13. – С. 91–96.
317. Закария, Ф. Постамериканский мир / Ф. Закария; Пер. с англ. – М.: Европа, 2009. – 280 с.
318. Закирова, Л. А. Внешнеполитический процесс / Л. А. Закирова // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 4. – С. 175–180.
319. Замахина, Т. Госдума приняла закон о внесении изменений в Конституцию РФ [Электронный ресурс] / Т. Замахина. – URL: <https://rg.ru/2020/03/11/gosduma-priniala-zakon-o-vnesenii-izmenenij-v-konstituciiu-rf.html> (дата обращения: 11.09.2020).
320. Затулин, К. Чтобы никто не мешал России строить свое будущее (о политике РФ в новом зарубежье). Лекция, прочитанная 21 мая 2016 г. студентам юридического факультета Сочинского государственного университета / К. Затулин. – М.: Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ), 2016. – 44 с.
321. Звягельская, И. Д. Россия в Центральной Азии: ведущий игрок или один из многих? / И. Д. Звягельская // Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России / Под ред. А. В. Лукина. – М.: Международные отношения, 2018. – С. 393–408.
322. Зибарев, Г. В. Эволюция парламентаризма в России: теоретико-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Зибарев Григорий Викторович. – Омск, 2006. – 185 с.
323. Зотова, З. М. Российские политические партии в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации / З. М. Зотова // Парламентаризм в России и Германии: История и современность / Отв. ред.

Я. А. Пляйс и О. В. Гаман-Голутвина. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – С. 389–398.

324. Зюганов, Г. А. Россия под прицелом глобализма / Г. А. Зюганов. – М.: Эксмо, 2018. – 384 с.

325. Иванов, И. С. Украинский кризис через призму международных отношений / И. С. Иванов. – М.: НП РСМД, 2015. – 208 с.

326. Иванов, П. А. Особенности функционирования групп интересов в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Иванов Петр Алексеевич. – М., 2015. – 225 с.

327. Ивашов, Л. Г. Россия или Московия? Геополитическое измерение национальной безопасности России / Л. Г. Ивашов. – М.: Эксмо, 2002. – 416 с.

328. Игнатов, В. С. Парламентская Ассамблея ОДКБ: процесс становления и перспективы развития / В. С. Игнатов // Управленческое консультирование. – 2009. – № 4. – С. 46–51.

329. Ильин, М. В. Трансформация геополитических размежеваний от завершения Второй мировой войны до наших дней / М. В. Ильин // Ялта 1945: уроки истории: Сб. материалов науч. конф. (14–15 февраля 2019 г.) / ГАУК РК «Ливадийский дворец-музей». – Симферополь: Изд-во ООО «Антиква», 2019. – С. 62–70.

330. Ирхин, А. А. Американский план «Большой Ближний Восток» и турецкая концепция «Стратегической глубины»: вызовы и возможности для российской внешней политики в Черноморско-Средиземноморском регионе / А. А. Ирхин // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 432. – С. 98–104.

331. Ирхин, А. А. Геополитические циклы Евразии и национальные интересы Украины / А. А. Ирхин. – Севастополь: Рибэст, 2011. – 294 с.

332. Ирхин, А. А., Пашковский, П. И. «Сердитые дети» – политтехнология нового мирового порядка / А. А. Ирхин, П. И. Пашковский // Человек и его просвещение: идеи, проекты, практика: Монография / А.Н. Володин, А.М.

Габриелян, О.Н. Жупник [и др.]; Под науч. ред. И. И. Кального. – М.: ИНФРА-М, 2021. – С. 150–161.

333. Ирхин, А. А. США и Турция: стратегический союз и тактические разногласия. Ретроспектива и прогноз / А. А. Ирхин. – Севастополь: РИБЕСТ, 2016. – 208 с.

334. Исаков, В. Б. Парламент, власть, общество / В. Б. Исаков // Парламентаризм: проблемы теории, истории, практики: Сб. научных статей к 60-летию заслуженного юриста РФ, доктора юридических наук, профессора Исакова Владимира Борисовича. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2010. – С. 5–13.

335. Истомин, И. А. Логика поведения государств в международной политике / И. А. Истомин. – М.: Аспект Пресс, 2018. – 296 с.

336. История дипломатии России: В 2 т.: Учебник. – Т. I: IX – начало XX века / А. И. Кузнецов, Ю. А. Райков, В. В. Самойленко / Под ред. А. В. Торкунова, А. Н. Панова. – М.: Аспект Пресс, 2017. – 352 с.

337. История дипломатии России: В 2 т.: Учебник. – Т. II: 1917 – 2017 / В. О. Печатнов, И. В. Попов, Ю. А. Райков / Под ред. А. В. Торкунова, А. Н. Панова. – М.: Аспект Пресс, 2018. – 368 с.

338. История России: В 2 т. – Т. 1: С древнейших времен до конца XVIII века / А. Н. Сахаров, Л. Е. Морозова, М. А. Рахматуллин и др. / Под ред. А. Н. Сахарова. – М.: АСТ, 2009. – 943 с.

339. История России: В 2 т. – Т. 2: С начала XIX века до начала XXI века / А. Н. Сахаров, Л. Е. Морозова, М. А. Рахматуллин и др. / Под ред. А. Н. Сахарова. М.: АСТ: Ермак: Астрель, 2003. – 862 с.

340. Ишин, А. В. О геополитической ситуации в Черноморском регионе: крымский взгляд / А. В. Ишин // Проблемы постсоветского пространства. – 2016. – № 1. – С. 38–46.

341. Ишин, А. В. О геополитической стратегии НАТО в Черноморском бассейне / А. В. Ишин // Проблемы постсоветского пространства. – 2020. – Т. 7. - № 2. – С. 219–226.

342. Кагарлицкий, Б. Ю. Периферийная империя: циклы русской истории / Б. Ю. Кагарлицкий. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2009. – 576 с.
343. Казаков, М. А., Лысцев, М. С. Региональные элиты и национальные интересы современной России / М. А. Казаков, М. С. Лысцев. – Н. Новгород: Издательство «Дятловы горы», 2012. – 148 с.
344. Казанцев, А. А., Меркушев, В. Н. Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы» / А. А. Казанцев, В. Н. Меркушев // Полис. – 2008. – № 2 (104). – С. 122–135.
345. Казанцев, Ю. И. Международные отношения и внешняя политика России (XX век) / Ю. И. Казанцев. – Ростов-на-Дону: Феникс; Новосибирск: Сибирское соглашение, 2002. – 352 с.
346. Кайзер, К. Взаимоотношения крупных держав в XXI веке / К. Кайзер // Россия в глобальной политике. – 2007. – Т.5. – № 5. – С. 8–21.
347. Калимуллина, И. Р. Особенности становления парламентаризма в современном российском обществе: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Калимуллина Ильнара Рафкатовна. – Уфа, 2009. – 191 с.
348. Кальной, И. И. Поиск достойного ответа историческому вызову России / И. И. Кальной // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Философия и конфликтология. – 2018. – Т. 34. – № 2. – С. 277–287.
349. Камінський, Є. Концептуальні виміри практичної ефективності політологічних досліджень / Є. Камінський // Політична думка. – 2002. - № 2/3. – С. 108–122.
350. Камучева, В. Парламентская дипломатия и основы межпарламентского взаимодействия Федерального Собрания / В. Камучева // Научный альманах. – 2016. – № 4 (18). – С. 62–65.
351. Каневский, П. С. Политическая стратификация в современной России: классы, элиты, группы интересов / П. С. Каневский. – М.: Академический проспект, 2014. – 151 с.

352. Каплан, Р. Месть географии. Что могут рассказать географические карты о грядущих конфликтах и битве против неизбежного / Р. Каплан; Пер. с англ. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2016. – 384 с.
353. Капхен, Ч. Закат Америки: Уже скоро / Ч. Капхен; Пер. с англ. – М.: АСТ: ЛЮКС, 2004. – 636 с.
354. Караганов, С. А. Международные тенденции и российская внешняя политика / С. А. Караганов // Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России / Под ред. А. В. Лукина. – М.: Международные отношения, 2018. – С. 12–29.
355. Караганов, С. А. Новые идеи для себя и мира / С. А. Караганов // Россия в глобальной политике. – 2020. – Т. 18. - № 2 (102). – С. 21–32.
356. Кара-Мурза, С. Г. Куда идём? Беларусь, Россия, Украина / С. Г. Кара-Мурза, С. Г. Мусиенко. – М.: Эксмо; Алгоритм, 2009. – 432 с.
357. Кара-Мурза, С. Г. Революции на экспорт / С. Г. Кара-Мурза, А. А. Александров, М. А. Мурашкин, С. А. Телегин. – М.: Алгоритм; Эксмо, 2006. – 528 с.
358. Карабешкин, Л. Внешнеполитические стратегии постсоветских стран и России / Л. Карабешкин // Евразийская экономическая интеграция. – 2012. – № 2 (15). – С. 51–61.
359. Карпович, О. Г. Манойло, А. В. Политика многополярности: новые вызовы и угрозы / О. Г. Карпович, А. В. Манойло. – М.: Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2020. – 492 с.
360. Каспэ, С. И. Имперская политическая культура в условиях модернизации / С. И. Каспэ // Российская полития на рубеже веков (избранные статьи). К десятилетию фонда «Российский общественно-политический центр» / Глав. ред., председ. Совета А. М. Салмин. – М.: Летний сад, 2001. – С. 82–101.
361. Касьянов, Г. В. Украина между Россией и Европой: превратности выбора / Г. В. Касьянов // Новая и новейшая история. – 2005. – №3. – С. 76–81.

362. Кемень, Л. «Интегратор» не может быть «императором» (Россия на постсоветском пространстве) / Л. Кемень // Современная Европа. – Июль – сентябрь 2008. – № 3 (35). – С. 130–136.

363. Керимов, А. А. Институт парламентаризма в легитимации политической власти в современной России: акторы, стратегии, ресурсы: дис. ... доктора полит. наук: 23.00.02 / Керимов Александр Алиевич. – Екатеринбург, 2019. – 343 с.

364. Керимов, А. А. Парламентаризм в современной России: особенности становления и развития: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Керимов Александр Алиевич. – Екатеринбург, 2006. – 164 с.

365. Кирьянов, И. К., Лукьянов, М. Н. Парламент самодержавной России: Государственная Дума и её депутаты, 1906–1917 / И. К. Кирьянов, М. Н. Лукьянов. – Пермь: Изд-во Пермского университета, 1995. – 168 с.

366. Киселёв, С., Киселёва, Н. Размышления о Крыме и геополитике / С. Киселёв, Н. Киселёва. – Симферополь: Крымский архив, 1994. – 64 с.

367. Киселёв, С. «Малая игра» и проблемы безопасности в Причерноморье / С. Киселёв // Международный круглый стол «Проблемы безопасности Причерноморья и нейтральный статус Украины»: Сб. материалов / Под. ред. А. Мальгина. – Симферополь, 2008. – С. 68–78.

368. Киселёв, С. Циклы геополитической истории Причерноморья и «Малая игра» [Электронный ресурс] / С. Киселёв // Информационно-аналитическая газета «Крымское эхо»: сайт. – URL: <http://www.kr-echo.info/index.php?name=News&op=article&sid=9606> (дата обращения: 23.04.2018).

369. Киссинджер, Г. Дипломатия / Г. Киссинджер; Пер. с англ. – М.: Ладомир, 1997. – 848 с.

370. Киссинджер, Г. Мировой порядок / Г. Киссинджер; Пер. с англ. – М.: АСТ, 2016. – 512 с.

371. Киссинджер, Г. Нужна ли Америке внешняя политика? / Г. Киссинджер; Пер. с англ. – М.: АСТ, 2016. – 416 с.

372. Киссинджер, Г. Чем закончится украинский кризис / Г. Киссинджер // Бжезинский З., Киссинджер Г. Россия в американской геополитике: до и после 2014 года; Пер. с англ. – М.: Родина, 2018. – С. 176–178.

373. Кобринский, А. Л. Политические партии и депутатские группы в Государственной Думе Федерального собрания Российской Федерации в 1990-е гг.: автореф. дис. ... доктора истор. наук: 07.00.02 / А. Л. Кобринский. – М., 2004. – 32 с.

374. Ковальчук, А. Постсоветское пространство в российских внешнеполитических концепциях: Научное издание / А. Ковальчук. – М.: Аспект Пресс, 2015. – 176 с.

375. Когут, В. Г. Актуальные аспекты развития евразийской интеграции сквозь призму парламентского измерения Содружества / В. Г. Когут // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2017. – № 2 (18). – С. 8–13.

376. Когут, В. Г., Нурышев, Г. Н. Евразийское сотрудничество: современные геополитические вызовы и угрозы / В. Г. Когут, Г. Н. Нурышев // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2018. - № 2-2 (22). – С. 16–21.

377. Кокошин, А. А. О системном и ментальном подходах к мирополитическим исследованиям: Краткий очерк / А. А. Кокошин. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: ЛЕНАНД, 2008. – 88 с.

378. Кокошин, А. Реальный суверенитет / А. Кокошин. – М.: Европа, 2006. – 88 с.

379. Колеров, М. Никакая внешнеполитическая риторика не защищает национальные интересы и не гарантирует нас от враждебной деятельности [Электронный ресурс] / М. Колеров. – URL: <http://www.regnum.ru/news/1101692.html> (дата обращения: 05.01.2020).

380. Колесников, В. Н. Народное представительство и парламентаризм в России: проблемы становления и развития / В. Н. Колесников. – СПб.: Северо-Западный центр развития парламентаризма, 2007. – 432 с.

381. Колесников, В. Н. Парламентаризм и политическая стабильность в современной России: политологический анализ устойчивого развития переходных обществ: дис... доктора полит. наук: 23.00.02 / Колесников Владимир Николаевич. – СПб., 2010. – 466 с.

382. Колобов, О. А., Хохлышева, О. О. Система международной безопасности ООН и её политико-правовое обеспечение / О. А., Колобов, О. О. Хохлышева // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2016. – № 6. – С. 125–129.

383. Колосов, В. А., Мироненко, Н. С. Геополитика и политическая география: Учебник для вузов / В. А. Колосов, Н. С. Мироненко. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 479 с.

384. Комаровский, В. С. Проблемы эффективности и легитимности парламента в современную эпоху / В. С. Комаровский // Парламентаризм в России и Германии: История и современность / Отв. ред. Я. А. Пляйс и О. В. Гаман-Голутвина. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – С. 236–240.

385. Кондратов, А. И. Внешнеполитическая деятельность государства в международно-политическом процессе / А. И. Кондратов // Вестник МГИМО Университета. – 2011. – № 2 (27). – С. 151–156.

386. Кондратов, А. И. Процесс, поведение, коммуникация и внешнеполитическая деятельность государства: соотношение понятий / А. И. Кондратов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. – 2011. – № 2 (20). – С. 144–150.

387. Кондратьев, Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения / Н. Д. Кондратьев. – М.: Экономика, 2002. – 765 с.

388. Кондрашова, Е. В. Эволюция парламентаризма в контексте внешнеполитической деятельности России: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / Кондрашова Елена Викторовна. – М., 2008. – 169 с.

389. Кононов, И. Ф. Трансформационный опыт Украины, России и Беларуси: поиск интерпретативных моделей / И. Ф. Кононов // Вісник

Луганського національного університету імені Т. Шевченка. Серія: Соціологічні науки. – 2010. – Т. 2. – Ч. I. – № 12 (199). – С. 84–108.

390. Коньков, А. Госдума и мир: интенсификация отечественной парламентской дипломатии [Электронный ресурс] / А. Коньков. – URL: <https://rg.ru/2017/07/21/gosduma-i-mir-intensifikaciia-otechestvennoj-parlamentskoj-diplomatii.html> (дата обращения: 05.01.2020).

391. Коргунюк, Ю. Г. Финансирование партий в постсоветской России: между бизнесом и властью / Ю. Г. Коргунюк // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2010. – № 3–4 (58–59). – С. 87–120.

392. Корня, А., Чуракова, О. Российские политические партии все больше зависят от бюджетного финансирования [Электронный ресурс] / А. Корня, О. Чуракова. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/07/27/776685-partii-zavisyat-ot-byudzhetnogo-finansirovaniya> (дата обращения: 05.01.2020).

393. Коровицына Н. С Россией и без неё: Восточноевропейский путь развития / Н. Коровицына. – М.: Эксмо, 2003. – 288 с.

394. Королев, Ю. А. Верховный Совет СССР / Ю. А. Королев. – М.: Знание, 1986. – 61 с.

395. Кортунов, С. В. Принятие внешнеполитических решений в России и США / С. В. Кортунов // Международные процессы. – 2004. – № 2. – С. 59–70.

396. Кортунов, С. В. Россия ищет союзников / С. В. Кортунов // Международная жизнь. – 1996. - № 5. – С. 17–30.

397. Кортунов, С. В. Существует ли в России механизм координации внешнеполитических решений? [Электронный ресурс] / С. В. Кортунов. – URL: <http://www.wpres.ru/text/200707271137.htm> (дата обращения: 05.01.2020).

398. Косачев, К. И. Внешнеполитическая вертикаль [Электронный ресурс] / К. И. Косачев. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/vneshnepoliticheskaya-vertikal/> (дата обращения: 05.01.2020).

399. Косачев, К. И. Парламентская дипломатия в многополярном мире / К. И. Косачев // Диалог: политика, право, экономика. – 2017. – № 1 (4). – С. 26–31.

400. Косикова, Л. С. Интеграционные проекты России на постсоветском пространстве: идеи и практика: Научный доклад к заседанию Учёного Совета ИМЭПИ ИЭ РАН (сокращённый вариант) / Л. С. Косикова. – М.: РАН, Институт экономики, Отделение международных экономических и политических исследований, 2008. – 39 с.

401. Косолапов, Н. Становление субъекта российской внешней политики / Н. Косолапов // Pro et Contra. – Зима–весна 2001. – Т. 6. – № 1–2. – С. 7–30.

402. Косов, Ю. В., Торопыгин, А. В. Содружество Независимых Государств: Интеграция, парламентская дипломатия и конфликты / Ю. В. Косов, А. В. Торопыгин. – М.: Аспект Пресс, 2012. – 295 с.

403. Косоруков, А. А. Особенности принятия внешнеполитических решений в современном государстве / А. А. Косоруков // Международные отношения. – 2012. – № 1. – С. 6–24.

404. Коэн, С. «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза? / С. Коэн; Пер. с англ. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 216 с.

405. Крамской, В. В. Институт парламентаризма в системе взаимоотношений государства и общества: общетеоретическое исследование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Крамской Вадим Владимирович. – Тамбов, 2014. – 196 с.

406. Крашенинникова, В. Россия – Америка: холодная война культур. Как американские ценности преломляют видение России / В. Крашенинникова. – М.: Европа, 2007. – 392 с.

407. Кретов, Б. И. Парламентаризм в России: история и современность: Учеб. пособие / Б. И. Кретов. – М.: МИИТ, 2001. – 96 с.

408. Крутских, А. В. Прагматические истоки национальных интересов / А. В. Крутских // Международная жизнь. – 1997. - № 3. – С. 85–95.

409. Крыжко, Е. В., Пашковский, П. И. К вопросу об энергетическом измерении международной конкуренции в Центральной Азии / Е. В. Крыжко, П. И. Пашковский // Международные отношения. – 2017. – № 2. – С.118–127.

410. Крыжко, Е. В., Пашковский, П. И., Наталевич, С. И. «Большая игра» в Туркестане в первой половине XIX века: геополитические интересы сторон / Е. В. Крыжко, П. И. Пашковский, С. И. Наталевич // Былые годы. Российский исторический журнал. – 2018. – Т. 3. – № 49. – С. 1084–1091.

411. Крыжко, Е. В., Пашковский, П. И. Особенности внешнеполитического курса США в отношении государств Центральной Азии / Е. В. Крыжко, П. И. Пашковский // Проблемы постсоветского пространства. – 2021. – Т. 8. – № 1. – С. 65–81.

412. Крыжко, Е. В., Пашковский, П. И., Чемодуров, Н. Н., Чарусов, Т. А. Британская русофобия в первой половине XIX века: военный аспект / Е. В. Крыжко, П. И. Пашковский, Н. Н. Чемодуров, Т. А. Чарусов // Былые годы. Российский исторический журнал. – 2019. – Т. 2. – № 52. – С. 568–575.

413. Крыжко, Л. А., Пашковский, П. И., Давыдова, Е. И., Шипилин, П. И. Британская русофобия в первой половине XIX века: политический аспект / Е. В. Крыжко, П. И. Пашковский, Е. И. Давыдова, П. И. Шипилин // Былые годы. Российский исторический журнал. – 2019. – Т. 3. – № 53. – С. 1078–1085.

414. Крыштановская, О. В. Анатомия российской элиты / О. В. Крыштановская. – М.: Захаров, 2005. – 384 с.

415. Кузьмин, П. В., Юрченко, С. В. Кризис украинской политики как фактор конфликтности украинского общества / П. В. Кузьмин, С. В. Юрченко // Стратегическая стабильность. – 2016. – № 1 (74). – С. 53–59.

416. Куликов, В. В. Российский и западный парламентаризм в сравнительной перспективе: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Куликов Владимир Васильевич. – СПб., 2006. – 171 с.

417. Кунов, А. В., Шакин, Д. А., Казаков, А. В. Противостояние интересов в Государственной Думе третьего созыва / А. В. Кунов, Д. А. Шакин, А. В. Казаков. – М.: ГУ ВШЭ, 2004. – 38 с.

418. Курьянов, В. Н. Изменения форм и методов реализации законодательной и представительной функций парламента Российской Федерации, обусловленных сложившимся представительством политических сил

в его палатах / В. Н. Курьянов // Парламентаризм в России и Германии: История и современность / Отв. ред. Я. А. Пляйс и О. В. Гаман-Голутвина. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – С. 301–306.

419. Кустов, В. А. Внешнеполитическая деятельность кадетской фракции в III Государственной Думе / В. А. Кустов // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2015. – № 4 (58). – С. 80–84.

420. Кустов, В. А. Государственная Дума I и II созывов: внешнеполитические аспекты парламентской деятельности (апрель 1906 – июнь 1907 гг.) / В. А. Кустов // Власть. – 2013. – № 6. – С. 165–169.

421. Кустов, В. А. Представительная власть в системе формирования внешней политики Российской империи (апрель 1906 – июнь 1907 года) / В. А. Кустов // Известия Саратовского университета. – Новая серия. – Серия: История. Международные отношения. – 2014. – № 1. – С. 31–39.

422. Кустов, В. А. Прогрессивный блок и внешняя политика России в августе 1915 – феврале 1917 года / В. А. Кустов // Известия Саратовского университета. – Новая серия. – Серия: История. Международные отношения. – 2011. – Т. 11. № 2-1. – С. 83–91.

423. Кынев, А. В. Государственная Дума РФ VII созыва: между «спящим потенциалом» и партийной дисциплиной / А. В. Кынев // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2017. - № 4 (87). – С. 65–81.

424. Ланко, Д. А. Практика принятия внешнеполитических решений: Учебник / Д. А. Ланко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2019. – 160 с.

425. Лапкин, В. В., Пантин, В. И. Ритмы международного развития как фактор политической модернизации России / В. В. Лапкин, В. И. Пантин // Полис. – 2005. - № 3. – С. 44–58.

426. Ларин, В. Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX – начало XXI в.) / В. Л. Ларин. – М.: Восток – Запад, 2005. – 390 с.

427. Лебедева, М. М. Мировая политика: Учебник для вузов / М. М. Лебедева. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 365 с.
428. Лебедева, М. М. Современные глобальные вызовы: содержание и структура / М. М. Лебедева // Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития: Научное издание / Под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2016. – С. 299–312.
429. Леклерк, А. Русское влияние в Евразии: Геополитическая история от становления государства до времён Путина / А. Леклерк; Пер. с фр. – М.: Альпина Паблишер, 2014. – 367 с.
430. Лемуткина, М. А. Внешняя политика в деятельности представительных и исполнительных органов власти (сравнительный анализ опыта США, Великобритании, Франции и России): дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / Лемуткина Марина Алексеевна. – М., 1996. – 193 с.
431. Либман, А. Модели экономической интеграции: мировой и постсоветский опыт [Электронный ресурс] / А. Либман // MPRA Paper. – № 19434, posted 18. – December 2009. – 412 с. – URL: http://mpra.ub.uni-muenchen.de/19434/1/MPRA_paper_19434.pdf (дата обращения: 15.02.2020).
432. Ливен, А. Российские либералы в лимузинах [Электронный ресурс] / А. Ливен. – URL: <http://www.inosmi.ru/inrussia/20090611/249811.html> (дата обращения: 15.02.2020).
433. Ливен, Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней / Д. Ливен; Пер. с англ. – М.: Европа, 2007. – 688 с.
434. Ливен, Д. Россия как империя и периферия / Д. Ливен // Россия в глобальной политике. – 2008. – Т. 6. - № 6. – С. 36–46.
435. Лихачев, В. Н. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации в международном договорном измерении / В. Н. Лихачев // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. – 2014. – № 2 (21). – С. 126–135.

436. Лихачев, В. Парламентская дипломатия [Электронный ресурс] / В. Лихачев. – URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/122> (дата обращения: 15.02.2020).
437. Лузянин, С. Г. Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на «Большой Восток» (2004–2008 гг.) / С. Г. Лузянин. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 447 с.
438. Лукас, Э. Новая Холодная война. Как Кремль угрожает России и Западу / Э. Лукас; Пер. с англ. – СПб.: Питер, 2009. – 320 с.
439. Лукин, А. В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII – XXI веках / А. В. Лукин. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 598 с.
440. Лукин, А. В. Постбиполярный мир: рождение нового миропорядка или погружение в хаос? / А. В. Лукин // Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России / Под ред. А. В. Лукина. – М.: Международные отношения, 2018. – С. 30–51.
441. Лукьянов, Ф. А. Блеск и нищета альянса. Как атлантизм выиграл холодную войну и сделал ее вечной / Ф. А. Лукьянов // Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России / Под ред. А. В. Лукина. – М.: Международные отношения, 2018. – С. 69–91.
442. Лунев, С. И. Внешняя политика Индии и воздействие на нее внутренних факторов / С. И. Лунев // Вестник МГИМО-Университета. – 2010. – № 1 (10). – С. 189–201.
443. Луппов, И. Ф. Специфика парламентаризма в условиях федеративного государства: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Луппов Игорь Федорович. – СПб., 2005. – 191 с.
444. Любимов, А. П. История лоббизма в России / А. П. Любимов. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2005. – 208 с.
445. Любимов, А. П. Парламентское право России: Учебное пособие / А. П. Любимов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Маркетинг, 2002. – 368 с.
446. Мазаев, В. Д. Российский парламентаризм: от Советов к парламенту (1990–1993 гг.) / В. Д. Мазаев // Парламентаризм: проблемы теории, истории,

практики: Сб. научных статей к 60-летию заслуженного юриста РФ, доктора юридических наук, профессора Исакова Владимира Борисовича. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2010. – С. 23–32.

447. Макутина, М. Холмогорова, В., Кузнецова, Е., Махукова, А. ЦИК обнаружил имена спонсоров «Единой России», КПРФ и «Яблока» [Электронный ресурс] / М. Макутина, В. Холмогорова, Е. Кузнецова, А. Махукова. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/03/06/2017/593204389a7947d1b511edb3?from=main> (дата обращения: 05.01.2020).

448. Малахова, О. В. Институционализация групп интересов в процессе взаимодействия гражданского общества и государства в современной России: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Малахова Оксана Владимировна. – Орел, 2005. – 201 с.

449. Малый, А. Ф., Мингазов, Л. Х. Народное представительство в его национальном и межгосударственном измерении [Электронный ресурс] / А. Ф. Малый, Л. Х. Мингазов // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – 2018. – Т. 6, № 4 (24). – URL: <http://esj.pnzgu.ru> (дата обращения: 05.01.2020).

450. Малышева, О. Г. Государственная Дума в системе власти Российской империи: автореф. дис. ... доктора истор. наук: 07.00.02 / О. Г. Малышева. – М., 2001. – 59 с.

451. Малышева, О. Г. Особенности становления парламентаризма в Российской империи / О. Г. Малышева // Парламентаризм в России и Германии: История и современность / Отв. ред. Я. А. Пляйс и О. В. Гаман-Голутвина. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – С. 94–110.

452. Мальгин, А. В. «Приобретение сие важно...» Присоединения Крыма в 1783 и 2014 годах: исторические параллели / А. В. Мальгин // Свободная мысль. – 2014. – № 3 (1645). – С. 33–40.

453. Мальгин, А. Крымский узел. Что привело к «русской весне»-2014? / А. Мальгин // Россия в глобальной политике. Новые правила игры без правил / Под ред. Ф. Лукьянова. – М.: Эксмо, 2015. – С. 330–344.

454. Мамутова, Х. Э., Костромицкая, А. В., Крыжко, Е. В., Пашковский, П. И. Этнокультурные аспекты российско-британского соперничества в Туркестане в XIX веке / Х. Э. Мамутова, А. В. Костромицкая, Е. В. Крыжко, П. И. Пашковский // Былые годы. Российский исторический журнал. – 2018. – Т. 4. - № 50. – С. 1499–1506.

455. Манжуков, А. И. Вопросы внешней политики в парламентской деятельности современных российских партий (по материалам стенографических отчётов заседаний Государственной Думы) / А. И. Манжуков // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2017. – № 3. – С. 115–128.

456. Манько, С. А. Разработка и реализация внешнеполитического курса России в Закавказье: 1991–2003 гг.: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / Манько Сергей Анатольевич. – М., 2004. – 210 с.

457. Маркедонов, С. Турбулентная Евразия: межэтнические, гражданские конфликты, ксенофобия в новых независимых государствах постсоветского пространства / С. Маркедонов. – М.: Московское бюро по правам человека, Academia, 2010. – 260 с.

458. Марков, С. А. «Гибридная война» против России / С. А. Марков. – М.: Алгоритм, 2015. – 208 с.

459. Марусина, О. В. Полномочия Президента Российской Федерации в осуществлении внешних функций государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / О. В. Марусина. – М., 2005. – 21 с.

460. Матвеев, Р. Ф. Думать, говорить или действовать? / Р. Ф. Матвеев // Парламентаризм в России и Германии: История и современность / Отв. ред. Я. А. Пляйс и О. В. Гаман-Голутвина. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – С. 322–337.

461. Махачев, Г. Н. Историко-правовые проблемы развития российского парламентаризма: дис. ... доктора юрид. наук: 12.00.01 / Махачев Гаджи Нухиевич. – Владимир, 2007. – 314 с.
462. Медведева, Л. Е. Группы интересов в формировании политики национальной безопасности Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / Л. Е. Медведева. – СПб., 2006. – 20 с.
463. Медведев, Р. Политические портреты / Р. Медведев. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. – 508 с.
464. Межуев, В. М. Российская цивилизация – утопия или реальность? / В. М. Межуев // Постиндустриальный мир и Россия: [Сб. ст.] / Отв. ред. В. Г. Хорос, В. А. Красильников. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 587–601.
465. Мельников, В. И. Парламентский контроль в сфере национальной безопасности в США и России: сравнительный политико-правовой анализ / В. И. Мельников // Вестник Московского университета. – 2011. – Серия 25: Международные отношения и мировая политика. - № 4. – С. 19–41.
466. Мендкович, Н. А. На пути к евразийскому экономическому чуду. Россия и интеграция на постсоветском пространстве / Н. А. Мендкович. – М.: Алгоритм, 2015. – 240 с.
467. Мигранян, А. М. Век империй прошёл? [Электронный ресурс] / А. М. Мигранян. – URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID=496472&soch=1> (дата обращения: 05.01.2020).
468. Мид, У. Р. Власть, террор, мир и война: большая стратегия Америки в обществе риска / У. Р. Мид; [Пер. с англ.]. – М.: Прогресс-Традиция, 2006. – 208 с.
469. Мизулин, М. Ю. Становление российского парламентаризма и новая парадигма права / М. Ю. Мизулин // Парламентаризм в России и Германии: История и современность / Отв. ред. Я. А. Пляйс и О. В. Гаман-Голутвина. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – С. 220–235.
470. Мировая политика и международные отношения: Учеб. пособие / Под ред. С. А. Ланцова, В. А. Ачкасова. – СПб: Питер, 2007. – 448 с.

471. Мировая политика. Передовые рубежи и красные линии: Монография / А. В. Булавин, О. Г. Карпович, А. В. Манойло, В. Б. Мантусов. – М.: РИО Российской таможенной академии, 2018. – 456 с.

472. Мирошниченко, В. М. Международная деятельность Государственной Думы Российской Федерации / В. М. Мирошниченко // Актуальные проблемы и перспективы развития парламентаризма: российский и зарубежный опыт: Сб. науч. ст. / Ред. коллегия: В. В. Коровин (отв. ред.) [и др.]. – Курск: ЮЗГУ, 2015. – С. 107–111.

473. Митрохина, Т. Н. Функциональность представительного органа власти / Т. Н. Митрохина // Парламентаризм в России и Германии: История и современность / Отв. ред. Я. А. Пляйс и О. В. Гаман-Голутвина. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – С. 141–153.

474. Мовсесян, М. Выборы в Государственную Думу РФ как фактор становления и развития политической системы в современной России / М. Мовсесян // Международные отношения. – 2014. – № 4. – С. 530–538.

475. Модсли, Э., Уайт, С. Советская элита от Ленина до Горбачева. Центральный Комитет и его члены, 1917–1991 гг. / Э. Модсли, С. Уайт; [Пер. с англ.]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. – 431 с.

476. Моисеенко, И. В. Эволюция парламентаризма в России: политическое содержание и тенденции: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Моисеенко Ирина Викторовна. – Орёл, 2014. – 145 с.

477. Моисеенко, С. А. Внешнеполитические аспекты деятельности союзного парламента СССР в 1985–1991 годах: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.03 / С. А. Моисеенко. – М., 1992. – 15 с.

478. Моргентау, Г. Политические отношения между нациями: Борьба за власть и мир / Г. Моргентау // Теория международных отношений: Хрестоматия / Под ред. П. А. Цыганкова. – М.: Гардарики, 2002. – С. 54–77.

479. Морозов, О. В. Парламентская дипломатия новой России / О. В. Морозов // Тетради по консерватизму. – 2018. – № 4. – С. 299–315.

480. Морозов, С. С. Дипломатия В. В. Путина / С. С. Морозов. – СПб.: Издательский дом «Измайловский», 2004. – 256 с.
481. Мостяев, Ю. Н. Выборы в Госдуму VII созыва: итоги и оценки / Ю. Н. Мостяев // Выборы: теория и практика. – 2016. - № 3 (39). – С. 16–21.
482. Мостяев, Ю. Н. Методы «цветных революций» как фактор «мягкой силы»: история и современность / Ю. Н. Мостяев // Гуманитарные чтения «Свободная стихия»: Материалы научно-практической конференции, Севастополь, 13–15 сентября 2018 г. / ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»; Под ред. Е. А. Барминой, О. А. Москаленко. – Севастополь: ФГАОУ ВО «СевГУ», 2018. – С. 372–378.
483. Мошес, А., Коктыш, К. Между Востоком и Западом: Украина и Белоруссия на европейском пространстве / А. Мошес, К. Коктыш. – М.: Гендальф, 2003. – 53 с.
484. Мурзакулова, А. Д. Развитие институтов межпарламентского сотрудничества СНГ в условиях постсоветской трансформации: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / А. Д. Мурзакулова. – Бишкек, 2010. – 20 с.
485. Мушкаев, И. В. Теория и практика российского парламентаризма: конец XIX – начало XX в.: историческое исследование: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / Мушкаев Игорь Владимирович. – М., 2008. – 217 с.
486. Мюнклер, Г. Империи. Логика господства над миром: от Древнего Рима до США / Г. Мюнклер; Пер. с нем. – М.: Кучково поле, 2015. – 400 с.
487. Наумкин, В. Многомерный кризис / В. Наумкин // Россия в глобальной политике. Новые правила игры без правил / Под ред. Ф. Лукьянова. – М.: Эксмо, 2015. – С. 326–330.
488. Нарочницкая, Н. А. Россия и русские в современном мире / Н. А. Нарочницкая. – М.: Алгоритм, 2009. – 416 с.
489. Нарышкин, С. Е., Хабриева, Т. Я. К новому парламентскому измерению евразийской интеграции / С. Е. Нарышкин, Т. Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2012. – № 8. – С. 5–15.

490. Неймарк, М. А. Эволюция внешнеполитической стратегии России: Монография / М. А. Неймарк. – М.: Проспект, 2020. – 320 с.
491. Никифоров, А. Р. Украина: штрихи к геополитическому портрету в культурно-историческом интерьере [Электронный ресурс] / А. Р. Никифоров. – URL: <http://www.rusmircrimea.ru/nikiforov> (дата обращения: 26.06.2018).
492. Никонов, В. А. Российская матрица / В. А. Никонов. – М.: ООО «Русское слово-учебник», 2014. – 992 с.
493. Никонов, В. Русский мир и русский язык / В. Никонов // Русский язык за рубежом. – 2007. - № 5. – С. 112–114.
494. Новиков, Д. В. Реализация Государственной Думой представительной функции в сфере внешней политики: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Д. В. Новиков. – Владивосток, 2009. – 21 с.
495. Нурышев, Г. Н. Современное Причерноморье в геополитическом противоборстве / Г. Н. Нурышев // Геополитика и безопасность. – 2016. – № 2 (34). – С. 53–59.
496. Об историческом пути и опыте российского парламентаризма (вместо предисловия) // Парламентаризм в России и Германии: История и современность / Отв. ред. Я. А. Пляйс и О. В. Гаман-Голутвина. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – С. 7–14.
497. Оболенцева, С. Д. Группы интересов в политике (на примере нефтяного лоббизма в Государственной Думе Российской Федерации): автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / С. Д. Оболенцева. – М., 2002. – 28 с.
498. Обухов, С. П. Российский парламентаризм между признанием и отторжением. Проблема массового восприятия (1989–2005 гг.) / С. П. Обухов; Рос. акад. наук, Ин-т сравнит. политологии. – М.: ИПЦ «Маска», 2005. – 582 с.
499. Обухов, С. П. Современный российский парламентаризм: политические проблемы развития и их отражение в общественном мнении страны (1989–2005 гг.): дис. ... доктора полит. наук: 23.00.02 / Обухов Сергей Павлович. – М., 2006. – 484 с.

500. Овсепян, А. Г. Парламентский контроль исполнительной власти в Российской Федерации: непосредственные формы реализации / А. Г. Овсепян. – Ростов-на-Дону: Эверест, 2012. – 255 с.

501. О механизме координации принятия и реализации решений в сфере внешней политики и международных отношений Российской Федерации (аналитический доклад) / Авт. колл.: В. М. Соловьёв, А. А. Коробейников, С. В. Картунов, М. А. Краснов / Аналитическое управление Аппарата Совета Федерации, Экспертный совет Комитета Совета Федерации по международным делам. – М., 2002. – 60 с.

502. Онишко, Н. В. Идеи и институты парламентаризма в политико-правовой мысли дореволюционной России: дис. ... доктора юрид. наук: 12.00.02 / Онишко Наталия Вадимовна. – СПб., 2003. – 322 с.

503. Организация законодательного процесса в зарубежных странах / Р. Г. Газилов, Н. М. Касаткина, Н. Б. Крысенкова, Ф. А. Лещенков, А. Н. Пилипенко, Н. Ю. Трещетенкова, Т. И. Чурсина. – М.: Издание Государственной Думы, 2014. – 112 с.

504. Основы общей теории международных отношений / Под ред. А. С. Манькина. – М.: Изд-во МГУ, 2009. – 592 с.

505. От царства к империи. Россия в системах международных отношений. Вторая половина XVI – начала XX века / [М. Ю. Анисимов, А. В. Виноградов, Г. А. Гребенщикова, А. В. Игнатъев, Е. И. Кобзарева, Е. П. Кудрявцева, И. С. Рыбачёнок, Г. А. Санин, В. М. Хевролина]. – М.; СПб.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 440 с.

506. Павлов, Е. Я. Конституционно-правовой механизм осуществления внешней политики Российской Федерации: автореф. дис. ... доктора юрид. наук: 12.00.02 / Е. Я. Павлов. – М., 2004. – 38 с.

507. Павловский, Г. Рах Medvedica: Россия Медведева выходит из глухой обороны [Электронный ресурс] / Г. Павловский. – URL: <http://www.kreml.org/media/243474743> (дата обращения: 15.02.2020).

508. Павроз, А. В. Группы интересов и лоббизм в политике: Учебное пособие / А. В. Павроз. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. – 186 с.
509. Павроз, А. В. Группы интересов и трансформация политического режима в России / А. В. Павроз. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. – 360 с.
510. Павроз, А. В. Лоббизм: институциональные основания и практики политического влияния в демократических обществах / А. В. Павроз. – СПб.: Издательство РХГА, 2016. – 172 с.
511. Паин, Э. Россия между империей и нацией / Э. Паин // Pro et contra. – Май-июнь 2007. – С. 42–59.
512. Пайпс, Р. Два пути России / Р. Пайпс; Пер. с англ. – М.: Алгоритм, 2015. – 224 с.
513. Пайпс, Р. Россия при старом режиме / Р. Пайпс; Пер. с англ. – М.: Захаров, 2004. – 496 с.
514. Панарин, А. С. Народ без элиты: между отчаянием и надеждой [Электронный ресурс] / А. С. Панарин. – URL: http://www.patriotica.ru/actual/panarin_elit.html (дата обращения: 15.02.2020).
515. Панарин, А. С. Россия в циклах мировой истории / А. С. Панарин. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – 288 с.
516. Пантин, В. И., Лапкин, В. В. Переходная эпоха 2020-х – 2040-х гг.: циклы, сингулярность и альтернативы нежданного будущего / В. И. Пантин, В. В. Лапкин // История и современность. – Март 2020. – № 1. – С. 66–93.
517. Пантин, В. И. Мировые циклы и перспективы России в первой половине XXI века: основные вызовы и возможные ответы / В. И. Пантин. – Дубна: Феникс+, 2009. – 432 с.
518. Пантин, В. И. Период 2017–2025 гг.: перелом в мировом развитии / В. И. Пантин // История и современность. – Март 2017. – № 1. – С. 3–37.
519. Парламентские процедуры: проблемы России и зарубежный опыт / Под ред. С. А. Авакьяна. – М.: Издательство Московского университета, 2003. – 475 с.

520. Парламентское измерение внешнеполитической стратегии России: Второй «круглый стол»: Материалы обмена мнениями в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации, 23 мая 2002 г. / [Под общ. ред. Т. В. Ярыгиной]. – М.: Известия, 2003. – 77 с.

521. Паронян, К. М. Сравнительно-правовой анализ советского типа представительства с парламентаризмом в России / К. М. Паронян // Юристы-Правоведь. – 2008. – № 2. – С. 88–92.

522. Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс: Пер. с англ. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 270 с.

523. Паршев, А. Почему Россия не Америка. Книга для тех, кто остаётся здесь / А. Паршев. – М.: АСТ: Астрель, 2007. – 350 с.

524. Пастухова, Л. С. Молодежный парламентаризм как фактор развития гражданского общества: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Пастухова Лариса Сергеевна. – М., 2007. – 216 с.

525. Пашковский, П. И. Внешнеполитический механизм: проблемные теоретические аспекты исследования / П. И. Пашковский // Известия Саратовского университета. – Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2016. – Т. 16. – Вып. 4. – С. 452–456.

526. Пашковский, П. И. Внешнеполитическая традиция России: основные характеристики / П. И. Пашковский // Научные ведомости Белгородского государственного университета. История. Политология. – 2016. – № 15 (236). – Вып. 39. – С. 188–192.

527. Пашковский, П. И. Генезис и специфика общественных противоречий в контексте проблемы внешнеполитического позиционирования Украины / П. И. Пашковский // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. – Серия: Философия. Политология. Культурология. – 2018. – Т. 4 (70). – № 3. – С. 137–146.

528. Пашковский, П. И. Геополитический статус России / П. И. Пашковский // Вызов времени и ответы России: 1917–2017: Коллективная

монография / Под науч. ред. проф. И. И. Кального. – М.: ИНФРА-М, 2019. – С. 25–42.

529. Пашковский, П. И. Интеграционная активность России: проблемы периодизации / П. И. Пашковский // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 10 (60), Ч. III. – С. 149–152.

530. Пашковский, П. И. Интеграционная политика России на постсоветском пространстве (1991 – 2011 гг.) / П. И. Пашковский. – Киев: Интерсервис, 2012. – 189 с.

531. Пашковский, П. И. К вопросу о влиянии ранних форм отечественного парламентаризма на формирование и реализацию государственной внешней политики / П. И. Пашковский // Религия и политика в постсекулярном обществе: Материалы XXXI Харакского форума и XIII международного семинара / Под ред. Т. А. Сенюшкиной, А.В. Баранова. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. – С. 143–150.

532. Пашковский, П. И. К вопросу о позиционировании России в Ялтинской системе международных отношений / П. И. Пашковский // Вестник развития науки и образования. – 2015. – № 2. – С. 77–82.

533. Пашковский, П. И. К вопросу о факторах принятия внешнеполитических решений / П. И. Пашковский // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. Материалы XI Международной научно-практической конференции (29 сентября 2015 г.). – СПб.: Стратегия будущего, 2015. – № 11-3. – С. 88–90.

534. Пашковский, П. И. К вопросу о функциях и полномочиях Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации во внешнеполитической сфере / П. И. Пашковский // Сборник материалов XVII Международной научной конференции «Лазаревские чтения». Причерноморье: история, политика, география, культура (2–4 октября 2019 года, г. Севастополь) / Под ред. О.А. Шпырко, В.В. Хапаева, А.В. Мартынкина, С.В. Ушакова, С.И. Рубцовой. – Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2019. – С.163–165.

535. Пашковский, П. И. «Конфликт поколений» в контексте внешнеполитического выбора Украины как проявление личностной депривации / П. И. Пашковский // Личностная депривация: юридический, психологический, междисциплинарный аспекты: Коллективная монография / Отв. ред. В. М. Мелихов, О. Н. Макаренко, Г. Г. Егоров, перевод. Е. А. Федорова. – Волгоград: ООО «Царицынская полиграфическая компания», 2014. – Т. 2. – С. 364–372.

536. Пашковский, П. И. К проблеме соотношения фактов присоединения Крыма к России и периодов российской интеграционной активности / П. И. Пашковский // Известия Саратовского университета. – Новая серия. – Серия: Социология. Политология. – 2018. – Т. 18. – Вып. 3. – С. 318–322.

537. Пашковский, П. И., Крыжко, Е. В. «Детские» экозабастовки как технология формирования нового мирового порядка и интересы России / П. И. Пашковский, Е. В. Крыжко // Проблемы постсоветского пространства. – 2020. – Т. 7. – № 3. – С. 288–299.

538. Пашковский, П. И., Крыжко, Е. В. Особенности внешнеполитического механизма Индии / П. И. Пашковский, Е. В. Крыжко // Теории и проблемы политических исследований. – 2017. – Т. 6. – № 2А. – С. 248–262.

539. Пашковский, П. И., Крыжко, Е. В., Щевелев, С. С. Востоковедческие исследования М. Ф. Слинкина (к 95-летию учёного) / П. И. Пашковский, Е. В. Крыжко, С. С. Щевелев // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2020. – Выпуск XXV. – С. 704–719.

540. Пашковский, П. И. О некоторых направлениях культурно-психологической методологии международно-политических исследований / П. И. Пашковский // Мировая политика. – 2017. – № 2. – С. 53–59.

541. Пашковский, П. И. Особенности интеграционной политики Российской Федерации в отношении государств Балтии (1992-2009 годы) / П. И. Пашковский // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2019. – Т. 9. – № 4 (40). – С. 88–92.

542. Пашковский, П. И. Особенности участия парламентов во внешней политике: проблемные теоретические аспекты исследования / П. И. Пашковский // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. – Философия. Политология. Культурология. – 2020. – Т. 6 (72). – № 2. – С. 103–115.

543. Пашковский, П. И. Параметры интеграционной политики России в отношении государств Центральной Азии (1992–2009 гг.) / П. И. Пашковский // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2017. – Т. 7. - № 2 (26). – С. 88–93.

544. Пашковский, П. И. Парламентские институты во внешнеполитическом механизме Российской Федерации: проблемы и противоречия в реализации полномочий / П. И. Пашковский // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. – Философия. Политология. Культурология. – 2018. – Т. 4 (70). – № 2. – С. 94–106.

545. Пашковский, П. И. Первый опыт российского парламентаризма и внешняя политика государства / П. И. Пашковский // Право и политика. – 2017. – № 4. – С. 146–157.

546. Пашковский, П. И. Понятие интеграции в международно-политическом дискурсе: проблемы определения и интерпретации / П. И. Пашковский // Вестник развития науки и образования. – 2017. - № 7. – С. 4–13.

547. Пашковский, П. И. Предпосылки российского парламентаризма и внешняя политика государства / П. И. Пашковский // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. – Серия: Философия. Политология. Культурология. – 2016. – Т. 2 (68). - № 1. – С. 59–70.

548. Пашковский, П. И. Проблема интерпретации понятия «постсоветское пространство» / П. И. Пашковский // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. – Серия: Философия. Политология. Культурология. – 2015. – Т. 1 (67). - № 4. – С. 41–48.

549. Пашковский, П. И. Проблема участия советской представительной и законодательной власти во внешнеполитической жизни государства / П. И. Пашковский // Международные отношения. – 2017. – № 1. – С. 123–129.

550. Пашковский, П. И. Проблемы внешнеполитической стратегии и национальной безопасности России на постсоветском пространстве в современных отечественных международно-политических концепциях / П. И. Пашковский // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2015. - № 3 (11). – С. 4–10.

551. Пашковский, П. И. Проблема Черноморского флота в российско-украинских отношениях (1991–2014 гг.): ретроспективный анализ / П. И. Пашковский // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – 2019. – Т. 46. - № 2. – С. 384–392.

552. Пашковский, П. И. Россия в международных системах: исторический опыт позиционирования / П. И. Пашковский // Теории и проблемы политических исследований. – 2016. – № 1. – С. 41–53.

553. Пашковский, П. И. Россия на международной арене: взгляд в будущее / П. И. Пашковский // 1917–2017: Россия в поисках будущего: Монография / Науч. ред. И. И. Кальной. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. – С. 73–92.

554. Пашковский, П. И. Теория Новороссии в крымском социально-гуманитарном дискурсе / П. И. Пашковский // Известия Саратовского университета. – Новая серия. – Серия: Социология. Политология. – 2019. – Т. 19. – Вып. 3. – С. 335–340.

555. Пашковский, П. И. Учёный-международник А. И. Уткин: штрихи к портрету / П. И. Пашковский // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. – Серия: Философия. Политология. Культурология. – 2017. – Т. 3 (69). - № 2. – С. 86–95.

556. Пашковский, П. И. Федеральное Собрание Российской Федерации в государственном внешнеполитическом механизме: проблема адекватной реакции на новые вызовы / П. И. Пашковский // Политическое пространство и социальное время: Синергия смыслов и ценностей: Сборник научных трудов XXXIV

Международного Харакского форума, 17–20 мая 2018 г., г. Ялта / Под ред. Т. А. Сенюшкиной. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. – С. 138–142.

557. Пашковский, П. И. Циклы модернизации и проблемы национальной безопасности России / П. И. Пашковский // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2016. - № 1 (13). – С. 14–20.

558. Перевезенцева, Т. В. Участие Государственной Думы в осуществлении внешней политики страны / Т. В. Перевезенцева // Российский парламентаризм: история и современность: Материалы заседания «круглого стола» (Астрахань, 8 июня 2007 г.) / Отв. ред. Е. Е. Рябцева. – Астрахань: Астраханский университет, 2007. – С. 65–69.

559. Перегудов, С. П. Группы интересов и власть в постельцинской России / С. П. Перегудов // Итоги двадцатилетия реформ. – М.: ИМЭМО РАН, 2006. – С. 52–57.

560. Перегудов, С. П., Лапина, Н. Ю., Семенов, И. С. Группы интересов и российское государство / С. П. Перегудов, Н. Ю. Лапина, И. С. Семенов. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 350 с.

561. Перегудов, С. П. Политические партии России в системе власти / С. П. Перегудов // Власть в России: элиты и институты: Материалы седьмого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / Под. ред. А. В. Дуки. – СПб.: Интерсоцис, 2009. – С. 57–74.

562. Переслегин, С. Самоучитель игры на мировой шахматной доске / С. Переслегин. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2007. – 619 с.

563. Песков, В. Ю. Межпарламентское сотрудничество как форма представления национальных интересов: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / В. Ю. Песков. – Пятигорск, 2013. – 21 с.

564. Петровский, В. Ф. Американская внешнеполитическая мысль: Критический обзор организации, методов и содержания буржуазных исследований в США по вопросам международных отношений и внешней политики / В. Ф. Петровский. – М.: Международные отношения, 1976. – 336 с.

565. Пивовар, Е. И. Постсоветское пространство. Альтернативы интеграции. Исторический очерк / Е. И. Пивовар. – СПб.: Алетейя, 2010. – 400 с.
566. Пивоваров, Ю. С. Ещё раз об элитах в русской истории / Ю. С. Пивоваров // Россия и современный мир. – 2010. - № 4 (69). – С. 18–47.
567. Пивоваров, Ю. С. «Между казачеством и кнутом» / Ю. С. Пивоваров // Парламентаризм в России и Германии: История и современность / Отв. ред. Я. А. Пляйс и О. В. Гаман-Голутвина. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – С. 17–37.
568. Пихоя, Р. Г. Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985 – 2005 / Р. Г. Пихоя. – М.: Русь-Олимп: Астрель: АСТ, 2007. – 554 с.
569. Пихоя, Р. Г. Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны, 1945 – 1985 / Р. Пихоя. – М.: Русь-Олимп: Астрель: АСТ, 2007. – 715 с.
570. Платонова, Н. И. Источники финансирования политических партий в Российской Федерации / Н. И. Платонова // Право и управление. XXI век. – 2011. – № 1 (18). – С. 70–78.
571. Платонова, Н. И. К вопросу об увеличении государственного финансирования политических партий в условиях экономического кризиса в России / Н. И. Платонова // Власть. – 2017. – Т. 25. – № 11. – С. 88–92.
572. Пляйс, Я. А. Представительная власть в России в контексте общемировой практики парламентаризма / Я. А. Пляйс // Парламентаризм в России и Германии: История и современность / Отв. ред. Я. А. Пляйс и О. В. Гаман-Голутвина. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – С. 38–55.
573. Покровский, Д. С. Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации во внешнеполитическом процессе: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Д. С. Покровский. – М., 2009. – 28 с.
574. Политическая история России / Отв. ред.: проф. В. В. Журавлёв. – М.: Юристъ, 1998. – 696 с.

575. Политическая наука: Методы исследований: Учебник / [О. А. Габриелян и др.]; Под ред. О. А. Габриеляна. – К.: ИЦ «Академия», 2012. – 344 с.

576. Поляков, Ю. А. О социальной природе коррумпированности и перерождения элиты / Ю. А. Поляков // Новая и новейшая история. – 2009. – № 2. – С. 80–91.

577. Понеделков, А. В., Старостин, А. М., Кабаргин, О. Б. Проблемы развития парламентаризма в современной России: политическая когерентность, эффективность, выстроенность по вертикали / А. В. Понеделков, А. М. Старостин, О. Б. Кабаргин // Парламентаризм в России и Германии: История и современность / Отв. ред. Я. А. Пляйс и О. В. Гаман-Голутвина. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – С. 414–431.

578. Попова, А. Д. Механизмы контроля над властью в глазах россиян в эпоху становления парламентаризма / А. Д. Попова // Вопросы истории. – 2019. – № 10. – С. 3–13.

579. Попов, В. И. Современная дипломатия: теория и практика. Дипломатия – наука и искусство: Курс лекций / В. И. Попов. – 2-е изд., доп. – М.: Международные отношения, 2017. – 576 с.

580. Попов, В. М. История общения депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации с избирателями, организациями и другими странами (письма, депутатские запросы, ответы) / В. М. Попов. – М.: [б. и.], 2000. – 183 с.

581. Прусаускас, А. От Российской империи к Союзу ССР / А. Прусаускас // Вестник Евразии. – 1996. – № 1 (2). – С. 111–130.

582. Примаков, Е. М. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость / Е. М. Примаков. – М.: ИИК «Российская газета», 2009. – 239 с.

583. Примаков, Е. Россия в современном мире / Е. Примаков // Россия и Европа. Энергия сотрудничества. – Т. III. / Сост. П. В. Святенков. – М.: Вече, 2014. – С. 22–28.

584. Примаков, Е. М. Россия. Надежды и тревоги / Е. М. Примаков. – М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2015. – 224 с.
585. Проблемы народного представительства в Российской Федерации / Под. ред. С. А. Авакьяна. – М.: Издательство МГУ, 1998. – 180 с.
586. Прохоров, Д. А. Крым в конце XVIII – первой половине XIX вв. [Электронный ресурс] / Д. А. Прохоров // Электронный научно-образовательный журнал «История». – URL: <http://history.jes.su/s207987840001730-2-2> (дата обращения: 23.04.2018).
587. Процесс формирования внешней политики. Конспекты лекций. – Нижний Новгород: [б. и.], 2009. – 96 с.
588. Психология политического восприятия в современной России / [Н. Б. Бокова и др.]; Пол ред. Е. Б. Шестопал. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 423 с.
589. Псковский край в истории России. – Псков: ПОИПКРО, 1994.– 400 с.
590. Пушкарев, С. Г. Обзор русской истории / С. Г. Пушкарев. – Ставрополь: Кавказский край, 1993 . – 416 с.
591. Рар, А. Путин и Запад. От любви до ненависти.../ А. Рар. – М.: Алгоритм, 2014 . – 224 с.
592. Рахманинов, Ю. Н. О причинах и возможных последствиях расширения НАТО / Ю. Н. Рахманинов // Международная жизнь. – 1996. - № 7. – С. 19-28.
593. Репринцев, А. С. Становление парламентаризма в современной России: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Репринцев Александр Сергеевич. – М., 2001. – 142 с.
594. Романов, Р. М. Российский парламентаризм: история и современность / Р. М. Романов. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2000. – 330 с.
595. Романов, Р. М. Российский парламентаризм: истоки, современные проблемы, перспективы: дис. ... доктора полит. наук: 22.00.05 / Романов Роман Михайлович. – М., 2000. – 322 с.

596. Россия и мир: анатомия современных процессов: Сборник статей / Под. ред. Н. А. Нарочницкой. – М.: Международные отношения, 2014. – 680 с.

597. Роуз, Г. Четвёртое основание. Соединенные Штаты и либеральный порядок [Электронный ресурс] / Г. Роуз. – URL: <https://globalaffairs.ru/global-processes/Chetvertoe-osnovanie-19934> (дата обращения: 10.02.2019).

598. Рыбкин, И. П. Государственная Дума: пятая попытка. Очерк новейшей истории представительной власти в России / И. П. Рыбкин. – М.: Международный гуманитарный фонд «Знание», 1994. – 184 с.

599. Саймс, Д. Путин и Запад. Не учите Россию жить! / Д. Саймс. – М.: Алгоритм, 2015. – 240 с.

600. Саква, Р. Путин. Выбор России / Р. Саква; Пер. с. англ. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2006. – 479 с.

601. Салмин, А. М. Внешнеполитический механизм Российской Федерации / А. М. Салмин // Современные международные отношения и мировая политика: Учебник для вузов / Отв. ред. А. В. Торкунов. – М.: Просвещение, 2004. – С. 743–774.

602. Салмин, А. М. Изнанка внешней политики // Российская полития на рубеже веков (избранные статьи). К десятилетию фонда «Российский общественно-политический центр» / А. М. Салмин / Глав. ред., председ. Совета А. М. Салмин. – М.: Летний сад, 2001. – С. 102–210.

603. Северинко, В. В. Возрождение российского парламентаризма в условиях политических реформ 1990-х гг.: опыт и уроки истории: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / Северинко Вячеслав Валерьевич. – М., 2010. – 229 с.

604. Селезнева, А. В. Психологические особенности российской элиты с точки зрения внешнеполитической деятельности / А. В. Селзнёва // Международные отношения. – 2015. - № 4. – С. 448–453.

605. Селезнев, Г. Н. Вся власть – закону! Законодательство и традиции указного права в России / Г. Н. Селезнев. – М.: Сегодня, 1997. – 142 с.

606. Селезнев, Г. Н., Гневко, В. А. Закон, власть, политика. Государственный и местный уровни / Г. Н. Селезнев, В. А. Гневко. – СПб.: АНБИУЭ, 1998. – 252 с.

607. Семенова, Е. С. Профессионализация парламентских элит России и Германии: сравнительный эмпирический анализ / Е. С. Семенова // Элиты и общество в сравнительном измерении: Сб. ст. / Под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – С. 187–199.

608. Семёнов, Ю. Мир-системный подход [Электронный ресурс] / Ю. Семёнов. – URL: http://scepsis.ru/library/id_1086.html (дата обращения: 05.01.2020).

609. Семькина, Т. В. Принцип гуманизма в деятельности современного российского парламента / Т. В. Семькина // Парламентаризм в России и Германии: История и современность / Отв. ред. Я. А. Пляйс и О. В. Гаман-Голутвина. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – С. 338–355.

610. Сенюшкина, Т. А. Евразийская идентичность как фактор политического диалога / Т. А. Сенюшкина // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2018. - № 2-2 (22). – С. 91–95.

611. Сенюшкина, Т. А. Политический диалог России и Польши: культурно-символическое измерение / Т. А. Сенюшкина // Религия и политика в постсекулярном обществе: Материалы XXXI Харакского форума и XIII международного семинара / Под ред. Т. А. Сенюшкиной, А. В. Баранова. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. – С. 207–217

612. Сенюшкіна, Т. О. Попередження та врегулювання етнічних конфліктів: державно-управлінський вимір (проблеми теорії, методології, практики) / Т. О. Сенюшкіна. – О.: ОРІДУ НАДУ, 2005. – 368 с.

613. Сергунин, А. А. Российская внешнеполитическая мысль: национальная и международная безопасность [Электронный ресурс] / А. А. Сергунин. – URL: <http://www.nationalsecurity.ru/library/00001/> (дата обращения: 05.01.2020).

614. Сидоренко, Л. А. Идеи парламентаризма в российской политической мысли XIX века: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01 / Сидоренко Людмила Александровна. – Саратов, 2002. – 127 с.

615. Симония, Н. А., Торкунов, А. В. Новый мировой порядок: от биполярности к многополюсности / Н. А. Симония, А. В. Торкунов // Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития: Научное издание / Под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2016. – С. 243–254.

616. Скребец, Е. В. Концепция панславизма В. Ламанского и потенциал идеи славянского единства в современных условиях / Е. В. Скребец // Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России: история и современность: Материалы VI международной научно-практической конференции (Брянск, 17–18 мая 2019 г.) / Под редакцией Т. И. Рябовой. – Брянск: БГИТУ, 2019. – С. 289–293.

617. Скребец, Е. В. Российская имперская идея и имперская политическая форма в современной западной политической мысли / Е. В. Скребец // Гуманитарное знание XXI века: новое осмысление в новой эпохе: Монография. – Петрозаводск: МЦНП «Новая Наука», 2019. С. 4–35.

618. Скрынников, Р. Борис Годунов / Р. Скрынников. – М.: АСТ, 2003. – 416 с.

619. Слобожникова, В. С. Идея парламентаризма в истории российской политической мысли: за и против / В. С. Слобожникова // Парламентаризм в России и Германии: История и современность / Отв. ред. Я. А. Пляйс и О. В. Гаман-Голутвина. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – С. 74–93.

620. Слуцкий, К. Э., Худоренко, Е. А. ЕАЭС: уроки пандемии / К. Э. Слуцкий, Е. А. Худоренко // Сравнительная политика. – 2020. – Т. 11. - № 4. – С. 123–134.

621. Слуцкий, К. Э. Чем больше американские притязания на мировое господство, тем больше шельмуется Россия / К. Э. Слуцкий // Международная жизнь. – 2018. - № 9. – С. 37–46.

622. Смирнов, А. Ф. Государственная Дума Российской Империи, 1906–1917. Историко-правовой очерк / А. Ф. Смирнов. – М.: Книга и бизнес, 1998. – 624 с.

623. Сморгун, Л. В. Новые электоральные институты и региональные парламенты России: плюрализация versus монополизация / Л. В. Сморгун // Парламентаризм в России и Германии: История и современность / Отв. ред. Я. А. Пляйс и О. В. Гаман-Голутвина. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – С. 432–456.

624. Современная политическая наука: Методология: Научное издание / Отв. ред. О. В. Гаман-Голутвина, А. И. Никитин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. – 776 с.

625. Современная российская политика: Учеб. пособие / Под общ. ред. В. И. Коваленко. – М.: Издательство Московского университета, 2013. – 472 с.

626. Современная элита России: политико-психологический анализ / [С. Ф. Ахматнурова и др.]; Под ред. Е. Б. Шестопа, А. В. Селезневой. – М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2015. – 448 с.

627. Современные теории международных отношений: Учебник / Под ред. В. Н. Коньшева, А. А. Сергунина. – М.: Проспект, 2013. – 368 с.

628. Соколова, Е. П. Пресса и парламентаризм в политическом процессе России: дис. ... канд. полит. наук: 10.01.10 / Соколова Елена Павловна. – Екатеринбург, 2005. – 156 с.

629. Соловьев, А. И. Российский парламент: динамика в новейшей политической истории и перспективы развития / А. И. Соловьев // Парламентаризм в России и Германии: История и современность / Отв. ред. Я. А. Пляйс и О. В. Гаман-Голутвина. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – С. 281–293.

630. Соловьев, А. И. Политическая повестка правительства, или зачем государству общество / А. И. Соловьев // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 4. – С. 8–25.

631. Соловьев, Э. Г. Национальные интересы и основные политические силы современной России / Э. Г. Соловьев. – М.: Наука, 2004. – 198 с.

632. Соловьев, Э. Трампизм и международные отношения: мир на пороге деидеологизации? / Э. Соловьев // Международная жизнь. – 2017. – № 10. – С. 70–86.

633. Сорос, Дж. Мыльный пузырь американского превосходства. На что следует направлять американскую мощь / Дж. Сорос; Пер с англ.– М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. – 192 с.

634. Старостин, А., Понделков, А. Современные российские элиты. Особенности генезиса взаимодействия и позиционирования во власти [Электронный ресурс] / А. Старостин, А. Понделков. – URL: http://www.polit.ru/article/2004/03/24/polit_studies/ (дата обращения: 05.01.2020).

635. Столетов, О. В. Стратегия «разумной силы» в политике глобального лидерства / О. В. Столетов. – М.: Издательство Московского университета, 2018. – 288 с.

636. Стрельцов, Д. В. Внешнеполитический процесс в современной Японии / Д. В. Стрельцов // Вестник МГИМО-Университета. – 2010. – № 1 (10). – С. 245–256.

637. Стрельцов, Д. В., Колдунова, Е. В. Внешнеполитический процесс на Востоке: некоторые подходы к методологии исследования / Д. В. Стрельцов, Е. В. Колдунова // Вестник МГИМО-Университета. – 2010. – № 1 (10). – С. 145–152.

638. Стукальский, А. С. Российский парламентаризм в контексте модернизации политической системы: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / А. С. Стукальский. – Саратов, 2011. – 23 с.

639. Суздальцев, А. И. Постсоветское пространство: единство и многообразие / А. И. Суздальцев // Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет, которые

могут всё изменить / Отв. ред. и рук. кол. С. А. Караганов. – М.: АСТ: Русь-Олимп, 2008. – С. 384–410.

640. Суздальцев, А. И. Россия, Украина и Белоруссия / А. И. Суздальцев // Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России / Под ред. А. В. Лукина. – М.: Международные отношения, 2018. – С. 340–392.

641. Сулакшин, С. С. Партийная и политическая система России и государственное управление. Актуальный анализ: Научная монография / С. С. Сулакшин, В. Э. Багдасарян, И. Ю. Колесник, О. В. Куропаткина, Л. А. Макурина, М. С. Нетёсова / Под общ. ред. С. С. Сулакшина. – М.: Научный эксперт, 2012. – 320 с.

642. Сулима, Е., Шепелев, М. Геоистория как парадигма осмысления международных отношений / Е. Сулима, М. Шепелев // Международные процессы. – 2018. – Т. 16. – № 2 (53) – С. 49–59.

643. Сунгуров, А. Ю. Депутатские комиссии по расследованию как пример реализации контрольной функции парламента / А. Ю. Сунгуров // Российский парламентаризм: региональное измерение: Материалы III Всероссийской конференции с международным участием / Под ред. А. И. Щербинина, Н. Г. Щербининой. – Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2014. – С. 11–15.

644. США: внешнеполитический механизм. Организация, функции, управление / Отв. ред. Ю. А. Шведков. – М.: Наука, 1972. – 368 с.

645. Съедин, Н. А. Особенности становления и развития парламентаризма в России и Украине (сравнительный политологический анализ): дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Съедин Николай Александрович. – М., 2002. – 207 с.

646. Таваходи, А. Д. Парламентаризм: особенности и специфика формирования и развития в современном мире: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Таваходи Алиасгар Джанали. – Душанбе, 2015. – 167 с.

647. Танцура, М. С. Парламентаризм в современной России: становление и динамика (на примере Приморского края): дис... канд. полит. наук: 23.00.02 / Танцура Марина Сергеевна. – Владивосток, 2005. – 226 с.

648. Тев, Д. Б. Государственная Дума РФ шестого созыва: социально-профессиональные характеристики бассейна рекрутирования депутатов / Д. Б. Тев // Власть и элиты. – 2017. – Т. 4. – С. 67–128.

649. Тев, Д. Б. Депутаты Государственной Думы РФ VI созыва: социально-профессиональные источники рекрутирования / Д. Б. Тев // Экономическая социология. – 2017. – Т. 18. – № 5. – С. 52–86.

650. Титаренко, М. Л. Россия и её азиатские партнёры в глобализирующемся мире. Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы / М. Л. Титаренко. – М.: ИД «ФОРУМ», 2012. – 544 с.

651. Тихомиров, Д. В. Становление и развитие российского парламентаризма: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / Тихомиров Денис Владимирович. – М., 1997. – 178 с.

652. Тишков, В. Русский мир: смысл стратегии [Электронный ресурс] / В. Тишков // Стратегия России. – 2007. – № 7. – URL: http://www.fondedin.ru/sr/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1185274651&archive=1185275035&start_from=&ucat=14 (дата обращения: 05.01.2020).

653. Тойнби, А. Дж. Постижение истории / А. Дж. Тойнби; Сб.: Пер. с англ. – М.: Айрис-пресс, 2006. – 640 с.

654. Толипов, Ф. Стратегическая дилемма Центральной Азии / Ф. Толипов // Россия в глобальной политике. – 2006. – № 4. – С. 182–189.

655. Толстых, П. А. GR. Практикум по лоббизму в России / П. А. Толстых. – М.: Альпина Бизнес Букс: НИККОЛО М, 2007. – 378 с.

656. Томилов, И. С. Финансы на выборах депутатов Государственной Думы Российской Федерации VII созыва [Электронный ресурс] / И. С. Томилов // Studia Humanitatis. – 2020. – № 1. – URL: www.st-hum.ru (дата обращения: 05.01.2020).

657. Торкунов, А. Великая евразийская держава в потоке перемен. Миссия России в XX веке / А. Торкунов // Международные процессы. – 2018. – Т. 16. - № 1. – С. 6–13.

658. Травин, Д., Маргания, О. Европейская модернизация: В 2 кн. / Д. Травин, О. Маргания. – Кн. 1. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2004. – 665 с.
659. Тренин, Д. Одиночное плавание / Д. Тренин; Моск. Центр Карнеги. – М.: Изд-во Р. Элинина, 2009. – 182 с.
660. Тренин, Д. Россия и мир в XXI веке / Д. Тренин. – М.: Издательство: Эксмо, 2015. – 384 с. [Электронный ресурс]. – URL: <https://goldenlib.ru/avtor-trenin-dmitrii-vitalevich-kniga-rossiya-i-mir-v-xxi-veke> (дата обращения: 05.11.2020).
661. Тризман, Д. От Горбачева до Путина и Медведева: беспристрастный взгляд на современную Россию / Д. Тризман; Пер. с англ. – М.: Эксмо, 2012. – 412 с.
662. Трофименко, Г. Какая военная доктрина нам нужна? / Г. Трофименко // Международная жизнь. – 1991. – № 2. – С. 78–87.
663. Ульченко, Н. Ю., Шлыков, П. В. Динамика российско-турецких отношений в условиях нарастания глобальной нестабильности / Н. Ю. Ульченко, П. В. Шлыков / Под ред. В. В. Наумкина. – М.: Институт востоковедения РАН, 2014. – 96 с.
664. Уорт, Р. Антанта и русская революция. 1917– 1918 / Р. Уорт; Пер. с англ. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. – 271 с.
665. Усанов, В. Е. Парламентаризм в России: конституционно-правовые основы становления и деятельности: дис. ... доктора юрид. наук: 12.00.02 / Усанов Владимир Евгеньевич. – М., 2007. – 391 с.
666. Усов, С. А. Проблема Черноморского флота и Севастополя в условиях распада Российской империи и СССР (Историко-политический анализ) / С. А. Усов. – Севастополь: ЭКОСИ-Гидрофизика, 2003. – 382 с.
667. Устинкин, С. В., Царевский, С. Н. Политические партии в процессе принятия решений в Государственной Думе Российской Федерации: теоретико-методологические и прикладные аспекты / С. В. Устинкин, С. Н. Царевский. – Н. Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, 2010. – 210 с.

668. Уткин, А. И. Большая восьмёрка: цена вхождения / А. И. Уткин. – М.: Алгоритм, 2006. – 480 с.
669. Уткин, А. И. Единственная сверхдержава / А. И. Уткин. – М.: Алгоритм, 2003. – 170 с.
670. Уткин, А. И. Мир после сентября 2001 года / А. И. Уткин. – М.: Издатель А. В. Соловьёв, 2002. – 254 с.
671. Уткин, А. И. Новый мировой порядок / А. И. Уткин. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – 640 с.
672. Уткин, А. И. Подъём и падение Запада / А. И. Уткин. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. – 761 с.
673. Федоров, Ю. Е. Движущие силы внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс] / Ю. Е. Федоров// Современные международные отношения. Учебник / Под. ред. А. В. Торкунова. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. – 584 с. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/tork/17.php (дата обращения: 15.02.2018).
674. Федосов, П. А. Бикамерализм в России и Германии: размышления о будущем в историческом контексте / П. А. Федосов // Парламентаризм в России и Германии: История и современность / Отв. ред. Я. А. Пляйс и О. В. Гаман-Голутвина. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – С. 185–201.
675. Фергюсон, Н. Империя: срок годности ограничен [Электронный ресурс] / Н. Фергюсон. – URL: <http://www.inosmi.ru/world/20060919/230004.html> (дата обращения: 15.02.2018).
676. Филатов, А. С. Геополитика в цивилизационном измерении / А. С. Филатов. – Симферополь: Антиква, 2014. – 224 с.
677. Филистович, Е. С. Психологические аспекты российского парламентаризма: анализ личностных особенностей депутатов партийных фракций Государственной Думы РФ V созыва: дис. ... канд. полит. наук: 19.00.12 / Филистович Екатерина Сергеевна. – Москва, 2010. – 161 с.:

678. Фисун, А. А. Мир-системный анализ как теория геоисторических изменений [Электронный ресурс] / А. А. Фисун. – URL: <http://abuss.narod.ru/Biblio/fisun.htm> (дата обращения: 05.01.2020).

679. Фоменко, С. С. Институт парламентаризма в современной России: факторы и тенденции развития: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Фоменко Сергей Сергеевич. – Елец, 2006. – 211 с.

680. Фридман, Дж. Геополитика России: Перманентная борьба [Электронный ресурс] / Дж. Фридман. – URL: <http://www.topos.ru/article/6711> (дата обращения: 05.01.2020).

681. Фридман, Дж. «Горячие» точки. Геополитика, кризис и будущее мира / Дж. Фридман; Пер. с англ. – СПб.: Питер, 2016. – 400 с.

682. Фридман, Т. Плоский мир: Краткая история XXI века / Т. Фридман; Пер. с англ. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – 601 с.

683. Фукуяма, Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке / Ф. Фукуяма; Пер. с англ. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 220 с.

684. Фурман, Е. Идея интеграции в ЕС и СНГ: социальная база и альтернативы / Е. Фурман // Современная Европа. – 2007. – № 2 (30). – С. 61–77.

685. Хаас, Р. Мировой беспорядок / Р. Хаас; Пер. с англ. – М.: АСТ, 2019. – 320 с.

686. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; Пер. с англ. – М.: АСТ, 2005. – 603 с.

687. Ходыкин М., Лежнева Л. Конституционный поворот: как поправки изменили жизнь страны. И почему «оптимизация» правительства может быть продолжена в 2021 году [Электронный ресурс] / М. Ходыкин, Л. Лежнева. – URL: <https://iz.ru/1103720/maksim-khodykin-liubov-lezhneva/konstitutcionnyi-povorot-kak-porpravki-izmenili-zhizn-strany> (дата обращения: 15.01.2021).

688. Холсти, О. Р. Кризисы, эскалация, война / О. Р. Холсти // Теория международных отношений: Хрестоматия / Под ред. П.А. Цыганкова. – М.: Гардарики, 2002. – С. 300-315.

689. Хорос, В. Полупериферия в контексте глобализации [Электронный ресурс] / В. Хорос. – URL: <http://www.lebed.com/2003/art3388.htm> (дата обращения: 05.01.2020).
690. Хоскинг, Дж. История Советского Союза. 1917–1991 / Дж. Хоскинг; Пер. с англ. – Смоленск: Русич, 2001. – 496 с.
691. Хоскинг, Дж. Россия: народ и империя (1552–1917) / Дж. Хоскинг; Пер. с англ. – Смоленск: Русич, 2001. – 512 с.
692. Хохлышева, О. О. Соотношение международно-правового обеспечения и регулирования системы международной коллективной и государственной (национальной) безопасности / О. О. Хохлышева // Российский ежегодник международной права. – 2019. – Т. 2019. – С. 51–67.
693. Хриенко, Т. В. Мировоззренческие ценности молодежи Крыма (1991–2017 гг.): Монография / Т. В. Хриенко. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. – 356 с.
694. Хрусталеv, М. А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: Учеб. пособие для вузов / М. А. Хрусталеv. – 2.-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2019. – 224 с.
695. Цветкова, О. В. Эволюция взглядов В. М. Гессена и С. А. Котляревского на становление парламентаризма в России: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01 / Цветкова Ольга Викторовна. – Ульяновск, 2010. – 149 с.
696. Цыганков, П. А. Теория международных отношений. Учеб. пособие / П. А. Цыганков. – М.: Гардарики, 2003. – 590 с.
697. Цымбурский, В. Конъюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования / В. Цымбурский. – М.: Европа, 2011. – 372 с.
698. Цымбурский, В. Остров Россия [Электронный ресурс] / В. Цымбурский. – URL: http://archipelag.ru/ru_mir/ostrov-rus/cymbur/island_russia/ (дата обращения: 05.01.2020).

699. Цырдя, Б. Русско-украинская (американская) газовая война [Электронный ресурс] / Б. Цырдя. – URL: <http://www.inosmi.ru/russia/20090116/246734.html> (дата обращения: 05.01.2020).

700. Чемшит, А. А. Распад Советского Союза: декоммунизация и деэтатизация / А. А. Чемшит // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. – Философия. Политология. Культурология. – Т. 2 (68). – 2016. – № 1. – С. 34–45.

701. Чемшит, А. А., Стаценко, О. С. Украинский политический проект: от государственной недостаточности к деградации социума / А. А. Чемшит, О. С. Стаценко // Вопросы политологии. – 2019. – Т. 9. – № 2 (42). – С. 238–250.

702. Чернозатонская, Е. Павел Палажченко. Понимание на высшем уровне [Электронный ресурс] / Е. Чернозатонская. – URL: <http://hbr-russia.ru/karera/kommunikatsii/a17241/> (дата обращения: 05.01.2020).

703. Чернышов, А. Г. Реальная и декоративная роль российского парламента (о некоторых уроках российского парламентаризма) / А. Г. Чернышов // Парламентаризм в России и Германии: История и современность / Отв. ред. Я. А. Пляйс и О. В. Гаман-Голутвина. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – С. 294–300.

704. Чигрин, В. А., Городецкая, Е. Г. Воссоединение Крыма с Россией: пять лет вместе (по материалам мониторинга) / В. А. Чигрин, Е. Г. Городецкая // Причерноморье в контексте российской цивилизации: история, политика, культура: Материалы международной науч.-практ. конф. / Отв. ред. А. В. Баранов, В. В. Касьянов. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2019. – С. 27–33.

705. Чихарев, И. А. Восточное Средиземноморье: новые подходы к конструированию региона и место в нём России / И. А. Чихарев // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы конференции. Том 1. / Отв. ред. А.Д. Васильев; Сост. Н. В. Гинькут, В. В. Лебединский, В. В. Прудников. – М.: Пробел-2000, 2019. – С. 286–290.

706. Чихарев, И. А., Полулях, Д. С., Бровко, В. Ю. Гибридная война: реконструкция против деконструкции / И. А. Чихарев, Д. С. Полулях, В. Ю. Бровко // Вестник Академии военных наук. – 2018. – № 4 (65). – С. 58–65.

707. Чурбанов, В. Народное представительство в России: тысяча лет и 72 дня. К 100-летию Первой Государственной думы / В. Чурбанов // Российская Федерация сегодня. – 2005. – № 22. – С.47–53.

708. Чуркин, М. К. Сценарии и опыт модернизации империи в условиях освоения окраин / М. К. Чуркин // Вестник Омского университета. – Серия «Исторические науки». – 2015. – № 1 (5). – С. 4–11.

709. Шадурский, В. Г. Внешняя политика Франции (1945–2002) / В. Г. Шадурский. – Минск: БГУ, 2004. – 175 с.

710. Шевцова, Л. Одинокая держава: Почему Россия не стала Западом и почему России трудно с Западом / Л. Шевцова; Моск. Центр Карнеги. – М.: РОССПЭН, 2010. – 272 с.

711. Шевченко, М. Постсоветский человек: становление новой ментальности / М. Шевченко. – URL: <http://www.archipelag.ru/authors/shevchenko/?library=2187> (дата обращения: 05.01.2020).

712. Шейнис, В. Национальные интересы и внешняя политика России / В. Шейнис // Мировая экономика и международные отношения. – 2003. - № 4. – С. 33–46.

713. Шепелев, М. А. Кризис ультрамодерна и перспективы новой геополитической революции / М. А. Шепелев // Образование и право. – 2017. - № 12. – С. 216–224.

714. Шепелев, М. А. Четвёртая геополитическая революция: контроль космоса как ключ к мировому господству / М. А. Шепелев // Современная наука и инновации. – 2017. - № 4 (20). – С. 259–264.

715. Шепелев, М. А. Теорія міжнародних відносин: Підручник / М. А. Шепелев. – К.: Вища школа, 2004. – 622 с.

716. Шереги, Ф. Э. Социология политики: прикладные исследования / Ф. Э. Шереги. – М.: Центр социального прогнозирования, 2003. – 688 с.

717. Шестов, Н. И. Мифология «культуры совета» и современный парламентаризм / Н. И. Шестов // Парламентаризм в России и Германии: История и современность / Отв. ред. Я. А. Пляйс и О. В. Гаман-Голутвина. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – С. 161–184.

718. Шестопал, Е. Б., Вагина, В. В., Пас, П. С. Новые тенденции в восприятии власти российскими гражданами / Е. Б. Шестопал, В. В. Вагина, П. С. Пас // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2019. – № 4 (95). – С. 67–86.

719. Шестопал, Е. Б. Проект длиною в четверть века. Исследование образов власти и лидеров в постсоветской России (1993–2018) / Е. Б. Шестопал // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 1. – С. 9–20.

720. Шестопал, Е. Б. Российские парламентарии и их политические роли / Е. Б. Шестопал // Парламентаризм в России и Германии: История и современность / Отв. ред. Я. А. Пляйс и О. В. Гаман-Голутвина. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – С. 241–263.

721. Шеховцов, В. А. Развитие российского парламентаризма / В. А. Шеховцов. – Владивосток: Дальнаука, 2002. – 320 с.

722. Шикун, Д. В. Депутатские объединения в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Д. В. Шикун. – М., 1999. – 34 с.

723. Широкова, М. П. Парламентаризм в России: теория и политический опыт конца XIX – начала XX вв.: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / Широкова Марина Петровна. – Томск, 1997. – 261 с.

724. Шишков, Ю. В. Интеграционные процессы на пороге XXI века. Почему не интегрируются страны СНГ / Ю. В. Шишков. – М.: Третье тысячелетие, 2001. – 480 с.

725. Шлезингер-младший, А. М. Циклы американской истории / А. М. Шлезингер-младший; Пер с англ. – М.: Прогресс; Прогресс-Академия, 1992. – 688 с.
726. Шляпкинова, Е. А. «Границы теперешние обещают покой России...» Присоединение Крыма к России в 1783 году / Е. А. Шляпкинова // Военно-исторический журнал. – 2015. – № 3. – С. 43–46.
727. Шмидт, С. О. Российское государство в середине XVI столетия. Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного / С. О. Шмидт. – М.: Наука, 1984. – 277 с.
728. Шогенов, И. Р. О некоторых вопросах финансирования деятельности политических партий / И. Р. Шогенов // Общество и право. – 2017. – № 3 (61). – С. 193–196.
729. Шохин, А. Н. Шестая Государственная Дума: законотворчество и политика / А. Н. Шохин. – М., 1999. – 83 с.
730. Шпигель, Л. Т. Технологии лоббирования / Л. Т. Шпигель. – М.: Московская типография № 2, 2009. – 109 с.
731. Шутов, А. Д. Постсоветское пространство / А. Д. Шутов. – М.: Научная книга, 1999. – 250 с.
732. Шутов, А. Ю. Из новейшей истории формирования многопартийности в современной России / А. Ю. Шутов // Вестник Московского университета. – Серия 12: Политические науки. – 2013. – № 5. – С. 84–100.
733. Шутов, А. Ю. Партийно-политическая система России накануне нового электорального цикла / А. Ю. Шутов // Аналитический вестник. – 2015. – № 11 (564). – С. 82–84.
734. Шутов, А. Ю. Политические партии и трансформация правящих элит в новейшей истории России / А. Ю. Шутов // Элитология России: современное состояние и перспективы развития: Материалы Первого Всероссийского элитологического конгресса с международным участием, 7-8 октября 2013 г., Ростов-на-Дону / Ред.-изд. гр.: В.В. Рудой (руков.) и др. Т. 1. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИФ РАНХиГС, 2013. – С. 25–39.

735. Щевелев, С. С., Пашковский, П. И., Крыжко, Е. В. Востоковед М. Ф. Слинкин: жизнь и труды / С. С. Щевелев, П. И. Пашковский, Е. В. Крыжко // Диалог со временем. – 2018. – Вып. 62. – С. 312–328.

736. Щедровицкий, П. Русский мир. Возможные цели самоопределения [Электронный ресурс] / П. Щедровицкий. – URL: http://www.archipelag.ru/authors/shedrovicky_petr/?library=2015 (дата обращения: 05.01.2020).

737. Юрченко, С. В. Внешнеполитический механизм США в период становления глобальной державы (1940–1960-е годы) / С. В. Юрченко. – Севастополь: Мир, 2001. – 87 с.

738. Юрченко, С. В. Исторический контекст, значение и уроки Ялтинской конференции 1945 г. / С. В. Юрченко // Вестник архивиста. – 2016. – № 1. – С. 203–237.

739. Юрченко, С. В. Мировые тенденции и современные внешнеполитические вызовы и угрозы России / С. В. Юрченко // Сборник материалов XVII Международной научной конференции «Лазаревские чтения». Причерноморье: история, политика, география, культура (2–4 октября 2019 года, г. Севастополь) / Под ред. О. А. Шпырко, В. В. Хапаева, А. В. Мартынкина, С. В. Ушакова, С. И. Рубцовой. – Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2019. – С. 27–29.

740. Юрченко, С. В. Основные тенденции развития системы международных отношений и проблема актуализации общественного воздействия на внешнюю политику государств [Электронный ресурс] / С. В. Юрченко // Чорноморська безпека. – 2008. – № 4 (10). – URL: <http://nomos.com.ua/content/view/213/77/> (дата обращения: 05.01.2020).

741. Юрченко, С. В. Современная система международных отношений: новые тенденции развития / С. В. Юрченко // Причерноморье. История, политика, культура. Выпуск X (III). Серия В. Международные отношения. Избранные материалы IX Международной научной конференции «Лазаревские чтения» / Под

общ. ред. В.И. Кузицина. – Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2012. – С. 13–18.

742. Юрченко, С. В. Социально-политический кризис в Украине в контексте формирования новой системы международных отношений / С. В. Юрченко // Личностная депривация: юридический, психологический, междисциплинарный аспекты: Коллективная монография / Отв. ред. В. М. Мелихов, О. Н. Макаренко, Г. Г. Егоров, перевод. Е. А. Федорова. – Волгоград: Царицынская полиграфическая компания, 2014. – Т. 2. – С. 397–411.

743. Юрченко, С. В. США и международные кризисы в биполярном мире (1940–1960-е годы) / С. В. Юрченко. – Севастополь: Флот України, 2000. – 104 с.

744. Яковенко, И. Г. Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы / И. Г. Яковенко. – М.: Новый хронограф, 2008. – 320 с.

745. Яланская, А. Политолог: VII созыв Госдумы – это созыв парламентской дипломатии [Электронный ресурс] / А. Яланская. – URL: <https://www.pnp.ru/politics/politolog-vii-sozyv-gosdumy-eto-sozyv-parlamentskoy-diplomatii.html> (дата обращения: 05.07.2021).

746. Янчуков, А. И. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации: проблемы формирования и функционирования в условиях многопартийности: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / А. И. Янчуков. – М., 2004. – 24 с.

747. Allison, G. T. Conceptual Models and «The Cuban Missile Crisis» / G. T. Allison // The American Political Science Review. – 1969. – Vol. 63. - № 3. – P. 689–718.

748. Allison, R. Russia and the Post-2014 International Legal Order: Revisionism and Realpolitik / R. Allison // International Affairs. – 2017. – № 93 (3). – P. 519–544.

749. Ashford, E. Not-So-Smart Sanctions: The Failure of Western Restrictions Against Russia / E. Ashford // Foreign Affairs. – January / February 2016. – Vol. 95. - № 1. – P. 114–123.

750. Aslund, A. Russia's Collapse / A. Aslund // Foreign Affairs. – September / October 1999. – Vol. 78. – № 5. – P. 64–77.

751. Asmus, R. D. Next Steps in Forging a Euroatlantic Strategy for the Wider Black Sea / R. D. Asmus // Next Steps in Forging a Euroatlantic Strategy for the Wider Black Sea / Editor R. D. Asmus. – Washington, D. C.: The German Marshall Fund of the United States, 2006. – P. 15–33.

752. Asmus, R. D. The Imperialists from Moscow [Electronic resource] / R. D. Asmus. – URL: http://www.gmfus.org/news_analysis/news_article_view?newsarticle.id=209 (дата обращения: 05.01.2020).

753. Belin, L., Orttung, R.W. The Russian Parliamentary Elections of 1995: The Battle for the Duma / L. Belin, R. W. Orttung. – Armonk (N.J.), London: M.E. Sharpe, 1997. – 203 p.

754. Blank, S. Russian Policy on NATO Expansion in the Baltics [Electronic resource] / S. Blank. – URL: http://www.wilsoncenter.org/index.cfm?topic_id=1422&fuseaction=topics.publications&doc_id=18911&group_id=7427 (дата обращения: 05.01.2020).

755. Blank, S. J. Threats to Russia Security. The View from Moscow / S. J. Blank. – Carlisle Barracks: SSI, US Army War College, 2000. – 52 p.

756. Blank, S. J. Towards a New Russia Policy / S. J. Blank. – Carlisle Barracks: SSI US Army War College, 2008. – 146 p.

757. Bolleyer, N. Elite Investments in Party Institutionalization in New Democracies: a Two-Dimensional Approach / N. Bolleyer, Saskia P. Ruth // The Journal of Politics. – 2017. – № 80 (1). – P. 287–302.

758. Brancati, D. Democratic Authoritarianism: Origins and Effects / D. Brancati // Annual Review of Political Science. – 2014. – № 17 (1). – P. 313–326.

759. Bremmer, I., Bailes, A. Sub-regionalism in the Newly Independent States / I. Bremmer, A. Bailes // International Affairs. – January 1998. – Vol. 74. - № 1. – P. 131–147.

760. Brown, S. *The Illusion of Control. Force and Foreign Policy in the 21st Century* / S. Brown. – Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2003. – 187 p.

761. Bugajski, J. *Expanding Eurasia: Russia's European Ambitions* / J. Bugajski. – Washington, D.C.: The CSIS Press, 2008. – 216 p.

762. Bult, J. *Everyday Tensions Surrounded by Ghosts from the Past: Baltic-Russia Relation since 1991* / J. Bult // *Global and Regional Security Challenges: A Baltic Outlook* / Edited by H. Tiirmaa-Klaar, T. Marques. – Tallinn: Tallinn University Press, 2006. – P. 127–165.

763. Cameron, F., Domański, J. M. *Russian Foreign Policy with Special Reference to its Western Neighbors* / F. Cameron, J. M. Domański // *EPC Issue Paper*. - № 3713. – July 2005. – P. 1–22.

764. Cameron, F. *The Future of Europe. Integration and Enlargement* / F. Cameron. – London: Rutledge, 2005. – 170 p.

765. Caporaso, J. A. *Theory and Method in Study of International Integration* / J. A. Caporaso // *International organization*. – Vol. 25 – Issue 02, Spring 1971 – P. 228–253.

766. Carlson, C. *Central Asia: Shanghai Cooperation Organization Makes Military Debut* [Electronic resource] / C. Carlson. – URL: <http://www.rferl.org/content/article/1103974.html> (дата обращения: 05.01.2020).

767. Carr, E. *The Twenty Years' Crisis, 1919–1939: An Introduction to the Study of International Relations* / E. Carr. – N. Y.: Harper & Row, 1964. – 243 p.

768. Ceron, A. *Intra-Party Politics and Interest Groups: Missing Links in Explaining Government Effectiveness* / A. Ceron, L. Curini, F. Negri // *Public Choice*. – 2019. – № 180. – P. 407–427.

769. Chaisty, P. *The Influence of Sectoral and Regional Economic Interests on Russian Legislative Behavior: The Case of State Duma Voting on Production Sharing Agreements Legislation* / P. Chaisty // *Post-Soviet Affairs*. – 2007. – Vol. 23. – Issue 4. – P. 302–328.

770. Cohen, A. *Domestic Factors Driving Russia's Foreign Policy* [Electronic resource] / A. Cohen. – URL:

<http://www.heritage.org/Research/Reports/2007/11/Domestic-Factors-Driving-Russias-Foreign-Policy> (дата обращения: 05.01.2020).

771. Cohen, S. B. *Geopolitics: the Geography of International Relations* / S. B. Cohen. – 3rd ed. – Lanham; Boulder; N.Y.; London: Rowman & Littlefield, 2015. – 470 p.

772. Cohen, S. F. *Soviet Fates and Lost Alternatives: from Stalinism to the New Cold War* / S. F. Cohen. – N. Y.: Columbia University Press, 2009. – 308 p.

773. Craig Nation, R., McFaul, M. *The United States and Russia into the 21st Century* / R. Craig Nation, M. McFaul. – Pennsylvania: Strategic Studies Institute, 1997. – 79 p.

774. Cremona, M. *The Enlargement of the European Union* / M. Cremona. – N.Y.: Oxford University Press, 2005. – 256 p.

775. Dias, V. A. *The EU and Russia: Competing Discourses, Practices and Interests in the Shared Neighborhood* / V. A. Dias // *Perspectives on European Politics and Society*. – 2013. – № 14 (2). – P. 256–271.

776. Di Puppò, L. *An Elixir of Youth for Regional Cooperation in the Black Sea Basin* / L. Di Puppò. – URL: http://www.caucaz.com/home_eng/breve_contenu.php?id=201 (дата обращения: 21.02.2019).

777. Donaldson, R. H. *The Foreign Policy of Russia: Changing Systems, Enduring Interests* / R. H. Donaldson, J. L. Noguee. – N. Y.: M. E. Sharpe, 2005. – 419 p.

778. Duncan, P. J. S. «Oligarchs», Business and Russian Foreign Policy: From El'tsin to Putin / P. J. S. Duncan // *Economics Working Paper*. – October 2007. – № 83. P. 1–24.

779. Easton, D. *An Approach to the Analysis of Political System* / D. Easton // *World Politics*. – 1957. – Vol. 9. - № 3. – P. 383–400.

780. Easton, D. *The Analysis of Political Structure* / D. Easton. – N. Y.: Routledge, 1990. – 336 p.

781. Ebel, R. E. *The Geopolitics of Russia Energy. Looking Back, Looking Forward* / R. E. Ebel. – Washington, D. C.: CSIS, 2009. – 66 p.
782. Eberstadt, N. *The Dying Bear: Russia's Demographic Disaster* / N. Eberstadt // *Foreign Affairs*. – November / December 2011. – Vol. 90. - № 6. – P. 95–108.
783. Emerson, M. *The Shaping of a Policy Framework for the Wider Europe* / M. Emerson // *CEPS. Policy Brief*. – September 2003. – № 39. – P. 1–14.
784. Friedman, E. *Political Transitions in Dominant Party Systems: Learning to Lose* / E. Friedman, J. Wong (eds.). – L.: Routledge, 2008. – 306 p.
785. Garthoff, R. *The Great Transition: American-Soviet Relations and the End of the Cold war* / R. Garthoff. – Washington: Brookings institution, Cop. 1994. – 814 p.
786. Gill, G., Markwick, R. D. *Russia's Stillborn Democracy?: From Gorbachev to Yeltsin* / G. Gill, R. D. Markwick. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – 280 p.
787. Goldman, M. F. *Global studies: Russia, the Eurasian Republics, and Central/Eastern Europe* / M. F. Goldman – 6th ed. – Guilford: Dushkin/McGraw-Hill, 1996. – 308 p.
788. Goldman, M. I. *Putin and the Oligarchs* / M. I. Goldman // *Foreign Affairs*. – November / December 2004. – Vol. 83. - № 6. – P. 33–44.
789. Gordon, P. *Their Own Army* / P. Gordon // *Foreign Affairs*. – 2000. – Vol. 79. – № 4. – P. 12–18.
790. Graham, T. *Resurgent Russia and U.S. Purposes* / A Century Foundation Report / T. Graham. – N.Y.; Washington, D.C.: The Century Foundation, Inc., 2009. – 35 p.
791. Haas, P. M. *Introduction: Epistemic Communities and International Policy Coordination* / P. M. Haas // *International Organization*. – Winter 1992. – Vol. 46. – № 1. – P. 1–35.
792. Haass, R. *How a World Order Ends and What Comes in Its Wake* [Electronic resource] / R. Haass // *Foreign Affairs*. – January/February 2019. – Vol. 98. – № 1. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2018-12-11/how-world-order-ends/> (дата обращения: 10.02.2019).

793. Hermann, M. G., Hermann, C. F. Who Makes Foreign Policy Decisions and How: An Empirical Inquiry / M. G. Hermann, C. F. Hermann // *International Studies Quarterly*. – December 1989. – Vol. 33. – № 4. – P. 361–387.

794. Huntington, S. P. *Political Order in Changing Societies* / S. P. Huntington. – New Haven and L.: Yale University Press, 1968. – 362 p.

795. Huntington, S. P. *The Soldier and the State: The Theory and Politics of Civil Military Relations* / Huntington S. P. – Cambridge; London: Belknap Press of Harvard University Press, 1957. – 534 p.

796. Ikenberry, J. G. *Americas Imperial Ambition* / J. G. Ikenberry // *Foreign Affairs*. – September / October 2002. – Vol. 81. - № 5. – P. 44–60.

797. Jack, A. *Inside Putin's Russia* / A. Jack. – London: Granta Books, 2004. – 350 p.

798. Kanet, R. E. *Russian Foreign Policy in the 21st Century* / R. E. Kanet. – N. Y.: Palgrave Macmillan, 2011. – 296 p.

799. Kaplan, R. D. *Eurasia's Coming Anarchy. The Risks of Chinese and Russian Weakness* / R. D. Kaplan // *Foreign Affairs*. – March / April 2016. – Vol. 95. – № 2. – P. 33–41.

800. Kaplan, R. D. *The Coming Anarchy: Shattering the Dreams of the Post-Cold War* / R. D. Kaplan. – N.Y.: Random House, 2000. – 224 p.

801. Karatnycky, A., Motyl, A. I. *The Key to Kiev. Ukraine Security Means Europe's Stability* / A. Karatnycky, A. I. Motyl // *Foreign Affairs*. – May / June 2009. – Vol. 88. – № 3. – P. 106–120.

802. Kennedy, P. *The Rise and Fall of the Great Powers* / P. Kennedy. – N. Y.: Random House, 1987. – 677 p.

803. Keohane, R. O., Nay, Jr. J. S. *Globalization: What's New? What's Not? (And so What?)* / R. O. Keohane, J. S. Nay Jr. // *Foreign Policy*. – Spring 2000. – № 118. – P. 104–119.

804. Key, O. V. *Politics, Parties and Pressure Groups* / O. V. Key – N. Y.: Thomas Y. Crowell, 1964. – 738 p.

805. King, C. Moldova with a Russian Face / C. King // Foreign Policy. – Winter 1999 – 2000. - № 117. – P. 58–73.

806. King, C. The Decline of International Studies: Why Flying Blind Is Dangerous / C. King // Foreign Affairs. – July/August 2015. – Vol. 95. - № 4. – P. 88–98.

807. Kissinger, H. A. Unconventional Wisdom about Russia [Electronic resource] / H. A. Kissinger // The New York Times. – 2008. – Tuesday, July 1. – URL: http://www.nytimes.com/2008/07/01/opinion/01iht-edkissinger.4.14135943.html?_r=1&sq=%20Unconventional%20wisdom%20about%20Russia%20International%20Herald%20Tribune”%20%2001.%2007.%202008&st=cse&scp=1&pagewanted=all (дата обращения: 10.02.2019).

808. Konovalov, A. Russian Armed Forces: Perspectives of Military Reform and Evolution of the Military Doctrine / A. Konovalov, S. Oznobishev. – Moscow: Institute for Strategic Assessments, 1999. – 38 p.

809. Kortunov, A. NATO Enlargement and Russia: In Search of an Adequate Response / A. Kortunov // Will NATO Go East? The Debate Over Enlarging the Atlantic Alliance / Edited by D. G. Haglung. – Kingstone, Ont.: Queen’s University, 1996. – P. 74–75.

810. Kotkin, S. Russia’s Perpetual Geopolitics: Putin Returns to the Historical Pattern / S. Kotkin // Foreign Affairs. – May/June 2016. – Vol. 95. - № 3. – P. 2–9.

811. Kotkin, S. Trashcanistan: A Tour through the Wreckage of the Soviet Empire / S. Kotkin // The New Republic. – 15 April 2002. – P. 26–38.

812. Kuchins, A. Alternative Futures for Russia to 2017. – Washington, D.C.: The CSIS Press, 2007. – 71 p.

813. Kuzio, T. Neither East Nor West: Ukraine’s Security Policy Under Kuchma / T. Kuzio // Problems of Post-Communism. 2005. – September / October. – Vol. 52. – № 5. – P. 59–68.

814. Kuzio, T. Political Cultural and Democracy. Ukraine as an Immobile State / T. Kuzio // East European Politics and Societies. – February 2011. – Vol. 25. – № 1. – P. 88–113.

815. Kuzio, T. Populism in Ukraine in a Comparative European Context / T. Kuzio // *Problems of Post-Communism*. – November / December 2010. – Vol. 57. – № 6. – P. 3–18.
816. Larrabee, F. Stephen. A Western Strategy toward Russia in the Black Sea Region / F. Stephen Larrabee // *Next Steps in Forging a Euroatlantic Strategy for the Wider Black Sea* / Editor R. D. Asmus. – Washington, D. C.: The German Marshall Fund of the United States, 2006. – P. 113–120.
817. Larrabee, F. Stephen. Danger and Opportunity in Eastern Europe / F. Stephen Larrabee // *Foreign Affairs*. – November/December 2006. – Vol. 85. – № 6. – P. 117–131.
818. Lawson, K. Parties and Party Systems: A Framework for Analysis / K. Lawson. – Cambridge: ECPR Press, 2005. – 368 p.
819. Legvold, R. Russia's Unformed Foreign Policy / R. Legvold // *Foreign Affairs*. – September/October 2001. – Vol. 80. – № 5. – P. 62–75.
820. Legvold, R. The Russia File. How to Move toward a Strategic Partnership / R. Legvold // *Foreign Affairs*. – July / August 2009. – Vol. 88. – № 4. – P. 78–93.
821. Lipman, M. How Putin Silences Dissent: Inside the Kremlin's Crackdown / M. Lipman // *Foreign Affairs*. – May / June 2016. – Vol. 95. – № 3. – P. 38–46.
822. Litra, L. The EU – Russia Relation and Question of Democracy / L. Litra. – Nice: Centre International De Information Europeene, IEHEI, 2008. – 81 p.
823. Lloyd, J. Democracy in Russia / J. Lloyd // *The Political Quarterly*. – 1993. – № 64 (2). – P. 147–155.
824. Makarenko, B. The Post-Soviet Party of Power: United Russia in Comparative Context / B. Makarenko // *Russian Social Science Review*. – 2012. – № 53 (4). – P. 27–56.
825. Malhorta, V. K. Theories and Approaches to International Relations / V. H. Malhorta, A. A. Sergounin. – New Delhi: Anmol Publications, 1998. – 532 p.
826. Mansbach, R. W. The Global Puzzle: Issues and Actors in World Politics / R. W. Mansbach. – Second Edition. – Boston / N. Y.: Houghton Mifflin Company, 1997. – 364 p.

827. March, L. The Russian Duma «Opposition»: No Drama Out of Crisis? / L. March // *East European Politics*. – 2012. – № 28 (3). – P. 241–255.
828. Matlock, J. F. Autopsy on an Empire: the American Ambassador's Account of the Collapse of the Soviet Union / J. F. Matlock. – N.Y.: Random House, 1995. – 836 p.
829. Mathur, K. D., Kamath, P. M. Conduct of India's Foreign Policy / K. D. Mathur, P. M. Kamath. – New Dehli: South Asian Publ., 1996. – 186 p.
830. McFaul, M. Understanding Russia's 1993 Parliamentary Elections: Implications for U.S. Foreign Policy / M. McFaul. – Stanford (Calif.): Hoover Institute of War, Revolution and Peace, 1994. – 55 p.
831. McAuley, M. Russia's Politics of Uncertainty / M. McAuley. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 351 p.
832. Mead, W. R. The Return of Geopolitics: The Revenge of the Revisionist Powers / W. R. Mead // *Foreign Affairs*. – May/June 2014. – Vol. 93. – № 3. – P. 69–79.
833. Mearsheimer, J. Back to the Future: Instability in Europe After the Cold War / J. Mearsheimer // *International Security*. – 1990. – Vol.15. – № 1. – P. 5–56.
834. Meleshevich, A. Party Systems in Post-Soviet Countries: A Comparative Study of Political Institutionalization in the Baltic States, Russia, and Ukraine / A. Meleshevich. – L.: Palgrave Macmillan, 2007. – 262 p.
835. Menon, R., Fuller, G. E. Russia's Ruinous Chechen War / R. Menon, G. E. Fuller // *Foreign Affairs*. – March / April 2000. – Vol. 79. – № 2. – P. 32–44.
836. Milov, V. Russia and the West. The Energy Factor / V. Milov. – Washington, D. C.: CSIS, 2008. – 20 p.
837. Molis, A. Rethinking EU-Russia energy relations: What do the Baltic States want? / A. Molis // *SPES Policy Papers*. – February 2011. – P. 1–44.
838. Moravcsik, A. Taking Preferences Seriously: A Liberal Theory of International Politics / A. Moravchik // *International Organization*. – Vol. 51. – Issue 04, Autumn 1997. – P. 513–553.

839. Morgenthau, H. J. *Politics among Nations: the Struggle for Power and Peace* / H. J. Morgenthau. – Boston: McGraw-Hill Higher Education, 2006. – 703 p.
840. Morse, E. L. *The Battle for Energy Dominance* / E. L. Morse // *Foreign Affairs*. – March / April 2002. – Vol. 81. – № 2. – P. 16–31.
841. Moshes, A. *Russia Policy in the Baltic Region* / A. Moshes // *Stability and Security in the Baltic Sea Region: Russian, Nordic and European Aspects* / edited by O. F. Knudsen. – London: Frank Cass & Co. Ltd, 1999. – P. 99–112.
842. Moser, R. G. *The Impact of Electoral System on Post-Communist Party Development: The Case of 1993 Russian Parliamentary Election* / R. G. Moser // *Electoral Studies*. – 1995. – № 14 (4). – P. 377–398.
843. Moss, W. G. *A History of Russia. – Vol. 2. Since 1855* / W. G. Moss. – N. Y.: McGraw-Hill, 1997. – 569 p.
844. Nichols, T. M. *The Russian Presidency. Society and Politics in the Second Russian Republic* / T. M. Nichols. – London: Macmillan, 2000. – 240 p.
845. Nitoiu, C. *European and Eurasian Integration: Competition and Cooperation in the Post-Soviet Space* / C. Nitoiu // *Journal of European Integration*. – 2017. – № 39 (4). – P. 469–475.
846. Noguee, J. L., Mitchell, R. J. *Russian Politics. The Struggle for a New Order* / J. L. Noguee, R. J. Mitchell. – Boston, London: Allyn and Bacon, 1996. – 200 p.
847. Nunn, S., Stulberg, A. N. *The Many Faces of Modern Russia* / S. Nunn, A. N. Stulberg // *Foreign Affairs*. – March/April 2000. – Vol. 79. – № 2. – P. 45–62.
848. Nye, J. «Soft Power» / J. Nye // *Foreign Policy*. – 1990. – № 8. – P. 153–171.
849. Nye, J. S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics* / J. S. Nye. – N.Y.: Public Affairs, 2004. – 197 p.
850. Nye, J. *The Future of Power* / J. Nye. – N.Y.: Public Affairs, 2011. – 300 p.
851. Odom, W. E. *Russia's Several Seats at the Table* / W. E. Odom // *International Affairs*. – October 1998. – Vol. 74. - № 4. – P. 809–822.

852. Osipovich, A. Putin, not Medvedev, Remains Master of Russian Foreign Policy [Electronic resource] / A. Osipovich. – URL: <https://eurasianet.org/putin-not-medvedev-remains-master-of-russian-foreign-policy> (дата обращения: 05.01.2020).

853. Papava, V. Post-Soviet Economic Relations between Georgia and Russia: Reality and Development Potential / V. Papava // *Russia and Georgia. The Ways Out of the Crisis* / Edited by G. Khutsishvili, T. Gogueliani. – Tbilisi, 2010. – P. 28–44.

854. *Parliaments in Transition: the New Legislative Politics in the Former USSR and Eastern Europe* / Ed. by T. F. Remington. – Boulder: Westview press, 1994. – 246 p.

855. Parsons, T. *Politics and Social Structure* / T. Parsons. – N. Y.: Free Press, 1969. – 557 p.

856. Pashkovsky, P. I. About Positioning of Russia in the Yalta International System / P. I. Pashkovsky // *Political Space & Social Time: Identity & Every Day Life in the Structure of Living Space* / Ed. Tatiana Senyushkina, Rajeev Kumar, Preeti D. Das. – New Delhi: VL Media Solutions, 2018. – P. 100–104.

857. Petro, N. *The Rebirth of Russia Democracy: An Interpretation of Political Culture* / N. Petro. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1997. – 226 p.

858. Point 3 of Report, Emphasis added. Document A/1685 (6 June 2000) [Electronic resource] // *Report on Parliamentary Diplomacy: the Role of International Assemblies*. – URL: www.assembleeueo.org/en/documents/sessions_ordinaires (дата обращения: 05.01.2020).

859. *Politics and the Ruling Group in Putin's Russia* / Ed. by S. White. – Basingstoke; N. Y.: Palgrave Macmillan, 2008. – 173 p.

860. Poselsky, V. The Frontiers of Europe in the Light of the Wider Europe's Strategy / V. Poselsky // *European Political Economy Review*. – Summer 2004. – Vol. 2. - № 1. – P. 51–74.

861. Putnam, R. D. Diplomacy and Domestic Politics: The Logic of Two-Level Games / R. D. Putnam // *International Organization*. – Summer 1988. – № 42. – P. 427–460.

862. Raja Mohan, C. The Making of Indian Foreign Policy: the Role of Scholarship and Public Opinion / C. Raja Mohan // ISAS Working Paper. – 2009. – № 73. – 13 July. – P. 1–16.
863. Remington, T. F. Politics in Russia / T. F. Remington. – N. Y.: Longman, 1999. – 253 p.
864. Reuter, O. J., Remington, T. F. Dominant-Party Regimes and the Commitment Problem: The Case of United Russia / O. J. Reuter, T. F. Remington // Comparative Political Studies. – 2009. – № 42 (4). – P. 501–526.
865. Richardson, P. B. Geopolitical Visions, Globalization, and the Remaking of Russia's Eurasian Borders / P. B. Richardson // Journal of Borderlands Studies. – 2017. – № 32 (1). – P. 7–21.
866. Risse-Kappen, T. Public Opinion, Domestic Structure and Foreign Policy in Liberal Democracies / T. Risse-Kappen // World Politics. – 1991. – Vol. 43. – № 4. – P. 479–512.
867. Roberts, K. Understanding Putin: The Politics of Identity and Geopolitics in Russian Foreign Policy / K. Roberts // International Journal: Canada's Journal of Global Policy Analysis. – 2017. – № 72 (1). – P. 28–55.
868. Robertson, G. Political Orientation, Information and Perceptions of Election Fraud: Evidence from Russia / G. Robertson // British Journal of Political Science. – 2017. – № 47 (3). – P. 589–608.
869. Rose, G. Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy / G. Rose // World Politics. – 1998. – № 51. – P. 144–172.
870. Rosenau, J. N. Order and Disorder in the Study of World Politics / J. N. Rosenau // Globalism versus Realism: International Relations' third debate / Ed. by Maghroori R., Ramberg B. – Boulder, Co.: Westview Press, 1982. – P. 1–7.
871. Rosenau, J. The Scientific Study of Foreign Policy / J. Rosenau. – N. Y.: Free Press, 1971. – 472 p.
872. Rosenau, J. N. Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity / J. N. Rosenau. – Princeton, N.Y.: Princeton University Press, 1990. – 480 p.

873. Ross, C. Political Parties and Regional Democracy in Russia / C. Ross // Political Studies Association-UK 50th Annual Conference, London, 10-13 April. – L., 2000. – P. 1–31.
874. Rusk, D. Parliamentary Diplomacy – Debate vs. Negotiation / D. Rusk // World Affairs Interpreter. – 1955. – Vol. 26. – № 2. – P. 121–138.
875. Russia after the Cold War / Ed. by M. Bowker, C. Ross. – Harlow.: Longman, 2000. – 368 p.
876. Russian Military Politics and Russia's 2010 Defense Doctrine / Ed. by S. J. Blank. – Carlisle Barracks: SSI US Army War College, 2011. – 185 p.
877. Russo, F. The «Russia Threat» in the Eyes of National Parliamentarians: an Opportunity for Foreign Policy Integration? / F. Russo // Journal of European integration. – 2016. – № 38 (2). – P. 195–209.
878. Sakwa, R. Party and Power: Between Representation and Mobilization in Contemporary Russia / R. Sakwa // East European Politics. – 2012. – № 28 (3). – P. 310–327.
879. Sanders, D. Ukraine After the Orange Revolution: Can It Complete Military Transformation / D. Sanders. – Carlisle Barracks: SSI, US Army War College, 2006. – 42 p.
880. Schimmelfennig, F. International Socialization in the New Europe: Rational Action in an Institutional Environment / F. Schimmelfennig // European Journal of International Relations. – March 2000. – Vol. 6. - № 1. – P. 109–131.
881. Sherr, J. Russia and the West: A Reassessment / J. Sherr // The Shrivenham Papers. – January 2008. – № 6. – P. 1–44.
882. Schweller, R. L. The Progressiveness of Neoclassical Realism / R. L. Schweller // Progress in International Relations Theory: Appraising the Field / Ed. C. Elman and M. F. Elman. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 2003. – P. 311–347.
883. Shlapentokh, D.V. Eurasianism: Past and Present / D. V. Shlapentokh // Communist and Post-Communist Studies. – 1997. – Vol. 30. – № 2. – P. 129–151.

884. Simes, D. K. Losing Russia. The Costs of Renewed Confrontation / D. K. Simes // Foreign Affairs. – November/December 2007. – Vol. 86. – № 6. – P. 36–52.

885. Smith, H. Statecraft and Post-Imperial Attractiveness: Eurasian Integration and Russia as a Great Power / H. Smith // Problems of Post-communism. – 2016. – № 63 (3). – P. 171–182.

886. Smith, K. C. Russia-Europe Energy Relation. Implications for U.S. Policy / K. C. Smith. – Washington, D. C.: CSIS, 2010. – 18 p.

887. Sokov, N. Russian Policy Towards the Baltics: What the West Can Expect and What It Could Do / N. Sokov; With Additional Commentary by E. Wayne Merry. – Washington D. C.: The Atlantic Council of the United States, 1999. – 43 p.

888. Socor, V. Russian Black Sea Fleet Strengthens Presence in Ukraine / V. Socor. – URL: http://www.jamestown.org/single/?no_cache=1&tx_ttnews%5Btt_news%5D=37390 (дата обращения: 21.02.2019).

889. Starr, F. S. A Partnership for Central Asia / F. S. Starr // Foreign Affairs. – July / August 2005. – Vol. 84. – № 4. – P. 164–178.

890. Stavridis, S. Dialogue among Neighbours: the Parliamentary Dimension or How to Strengthen Cooperation between Parliaments, Civil Society and Academic Institutions with the Setting up of a Network on 'Parliamentary Diplomacy [Electronic resource] / S. Stavridis // Paper to be Presented to the Forum Universitari de la Mediterrania (Tarragona, 2-3 June 2005). – URL: <http://www.unimedforum.net/Tarragonaforum.pdf> (дата обращения: 05.01.2020).

891. Stavridis, S. Conclusions: Parliamentary Diplomacy as a Global Phenomenon / S. Stavridis // Parliamentary Diplomacy in European and Global Governance. – 2017. – Vol. 13. – P. 368–387.

892. Steinmo, S. et al (eds). Structuring Politics: Historical Institutionalism in Comparative Analysis / S. Steinmo et al (eds). – Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – 272 p.

893. Stent, A. Putin's Power Play in Syria: How to Respond to Russia's Intervention / A. Stent // *Foreign Affairs*. – January / February 2016. – Vol. 95. – № 1. – P. 106–113.

894. Stoll, H. *Changing Societies, Changing Party Systems* / H. Stoll. – L.: Cambridge University Press, 2013. – 351 p.

895. Suleymanov, E. *Azerbaijan: The Wider Black Sea's Kaspian Keystone* / E. Suleymanov // *Next Steps in Forging a Euroatlantic Strategy for the Wider Black Sea* / Editor R. D. Asmus. – Washington, D. C.: The German Marshall Fund of the United States, 2006. – P. 175–183.

896. Suny, R. G. *Provisional Stabilities: The Politics of Identities in Post-Soviet Eurasia* / R. G. Suny // *International Security*. – Winter 1999/2000. – Vol. 24. – № 3. – P. 139–178.

897. Tadevosyan, A. *Armenia – Between the Wider Black Sea Region and the Greater Middle East* / A. Tadevosyan // *Next Steps in Forging a Euroatlantic Strategy for the Wider Black Sea* / Editor R. D. Asmus. – Washington, D. C.: The German Marshall Fund of the United States, 2006. – P. 157–173.

898. Talbott, S. *Self-Determination in an Interdependent World* / S. Talbott // *Foreign Policy*. – Spring 2000. - № 118. – P. 152–163.

899. Tavits, M. *Post-Communist Democracies and Party Organization* / M. Tavits. – L.: Cambridge University Press, 2013. – 200 p.

900. Tomson, K. W. *The New Diplomacy and the Quest for Peace* / K. W. Tomson // *International Organization*. – Summer 1965. – Vol. 19. – № 3. – P. 394–409.

901. Treisman, D. *Russia Renewed?* / D. Treisman // *Foreign Affairs*. – November / December 2002. – Vol. 81. - № 6. – P. 58–72.

902. Treisman, D. *Why Putin Took Crimea. The Gambler in the Kremlin* / D. Treisman // *Foreign Affairs*. – May / June 2016. – Vol. 95. - № 3. – P. 47–54.

903. Trenin, D. *Russia Reborn. Reimagining Moscow's Foreign Policy* / D. Trenin // *Foreign Affairs*. – November / December 2009. – Vol. 88. – № 6. – P. 64–78.

904. Turovsky, R. Party Systems in Post-Soviet States: The Shaping of Political Competition / R. Turovsky // Perspectives on European Politics and Society. – 2011. – № 12 (2). – P. 197–213.
905. Wallerstein, I. The Decline of American Power. The U.S. in a Chaotic World / I. Wallerstein. – N.Y.: The New Press, 2003. – 336 p.
906. Waltz, K. Theory of International Politics / K. Waltz. – Reading, Mass.: Addison-Wesley Pub. Co., 1979. – 251 p.
907. Weitz, R. China-Russia Security Relations: Strategic Parallelism without Partnership or Passion? / R. Weitz. – Carlisle Barracks: SSI, US Army War College, 2008. – 163 p.
908. White, D. Re-Conceptualising Russian Party Politics / D. White // East European Politics. – 2012. – № 28 (3). – P. 210–224.
909. White, S. After Gorbachev / S. White. – 4th Edition. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – 357 p.
910. Wilson, K. How Increased Competition Can Strengthen Electoral Authoritarianism: Party-System Pluralization in Russia / K. Wilson // Problems of Post-Communism. – 2016. – № 63 (4). – P. 199–209.
911. Wishnick, E. Russia, China, and the United States in Central Asia: Prospects for Great Power Competition and Cooperation in the Shadow of the Georgian Crisis / E. Wishnick. – Carlisle Barracks: SSI, US Army War College, 2009. – 72 p.
912. Wohlforth, W. C. The Elusive Balance: Power and Perceptions during the Cold War / W. C. Wohlforth. – Ithaca: Cornell University Press, 1993. – 317 p.
913. Wolfers, A. Discord and Collaboration: Essays on International Politics / A. Wolfers. – Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1962. – 283 p.
914. Ying, F. How China Sees Russia: Beijing and Moscow Are Close, but Not Allies / F. Ying // Foreign Affairs. – January / February 2016. – Vol. 95. - № 1. – P. 96–105.
915. Ziegler, C. E. Russia on the Rebound: Using and Misusing the Responsibility to Protect / C. E. Ziegler // International Relations. – 2016. – № 30 (3). – P. 346–361.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

Количество и тематика голосований в Государственной Думе I–VII созывов по вопросам внешней политики и международных отношений²³

Таблица 12. Количество голосований в Государственной Думе по вопросам внешней политики и международных отношений (1994–2019 гг.)

Созыв	Группы голосований			Итого
	Заявления и обращения, непосредственно связанные с вопросами внешней политики и международных отношений	Международные договоры	Прочие (федеральные законы, имеющие отношение к вопросам внешней политики и международных отношений)	
I (1994 – 1995 гг.)	28	92	66	186
II (1996 – 1999 гг.)	111	204	107	422
III (2000 – 2003 гг.)	89	166	94	349
IV (2004 – 2007 гг.)	53	145	87	285
V (2008 – 2011 гг.)	37	276	105	418
VI (2012 – 2016 гг.)	35	232	219	486
VII (с осени 2016 г. ²⁴)	23	171	157	351

²³ Составлено автором на основе использованных источников [1; 3; 11; 14–19; 25–44; 58–65; 68; 69; 70; 83; 85; 92; 98; 99; 103–108; 116; 123; 125; 130; 136; 139; 141; 167–171].

²⁴ Указаны данные на конец декабря 2019 г.

Таблица 13. Тематика и количество принятых Государственной Думой I созыва (1994–1995 гг.) заявлений и обращений по вопросам внешней политики и международных отношений

Тематика	Количество
Югославия	2
Государства Балтии (Латвия, Литва, Эстония)	5
США	2
Куба	2
Украина (в том числе Крым и Севастополь)	5
НАТО	2
Турция	1
Приднестровье	1
СНГ	1
Беларусь	1
Казахстан	2
Грузия (в том числе Абхазия)	1
Франция	1
Прочие	2
Итого	28

Таблица 14. Тематика и количество принятых Государственной Думой II созыва (1996–1999 гг.) заявлений и обращений по вопросам внешней политики и международных отношений

Тематика	Количество
Югославия	9
США	10
СНГ	3
Ирак	8
Государства Балтии (Латвия, Литва, Эстония)	26
Афганистан	4
Кипр	2
Турция	2
НАТО	7
Курдская проблема	6
Грузия (в том числе замороженные конфликты)	5
Азербайджан	2
Украина (в том числе проблема Черноморский флота)	2
ФРГ	2
ОБСЕ	2
Прочие	21
Итого	111

Таблица 15. Тематика и количество принятых Государственной Думой III созыва (2000 – 2003 гг.) заявлений и обращений по вопросам внешней политики и международных отношений

Тематика	Количество
Государства Балтии (Латвия, Литва, Эстония)	8
Югославия	15
ФРГ	2
Ирак	8
Франция	2
Украина (в том числе проблемы Автономной Республики Крым)	3
Беларусь	3
Палестино-израильский конфликт	5
США	7
Грузия	3
Молдова	3
ЕС	2
Куба	2
Прочие	26
Итого	89

Таблица 16. Тематика и количество принятых Государственной Думой IV созыва (2004–2007 гг.) заявлений и обращений по вопросам внешней политики и международных отношений

Тематика	Количество
Государства Балтии (Латвия, Литва, Эстония)	9
Государства бывшей Югославии	4
Украина	9
Ирак	6
Грузия (в том числе «замороженные конфликты»)	10
Молдова (в том числе «замороженные конфликты»)	3
США	3
Куба	3
Белоруссия	3
Прочие	3
Итого	53

Таблица 17. Тематика и количество принятых Государственной Думой V созыва (2008–2011 гг.) заявлений и обращений по вопросам внешней политики и международных отношений

Тематика	Количество
Государства Балтии (Латвия, Литва, Эстония)	2
Афганистан	2
Нарушение прав граждан РФ за рубежом	2
Проблемы политики памяти (в том числе искажение истории)	2
Грузия	2
Молдова (в том числе замороженные конфликты)	2
Абхазия	3
Южная Осетия	3
Куба	3
Прочие	16
Итого	37

Таблица 18. Тематика и количество принятых Государственной Думой VI созыва (2012–2016 гг.) заявлений и обращений по вопросам внешней политики и международных отношений

Тематика	Количество
Украина	8
Государства бывшей Югославии	2
Международный терроризм	2
Куба	4
ПАСЕ	2
Сирия	2
Прочие	15
Итого	35

Таблица 19. Тематика и количество принятых Государственной Думой VII созыва (с осени 2016 г.²⁵) заявлений и обращений по вопросам внешней политики и международных отношений

Тематика	Количество
Украина	7
Молдова (в том числе Приднестровье)	2
Куба	4
Прочие	10
Итого	23

²⁵ Указаны данные на конец декабря 2019 г.

**Таблица 20. Ратифицированные Государственной Думой I созыва
международные договоры по форме заключения**

Договоры	1994	1995	Итого (в целом)
Договоры мирового уровня (соглашения, конвенции, протоколы и т. п.)	2	2	4
Договоры регионального и субрегионального уровня, в том числе:	3	1	4
- европейские структуры (ЕС, СЕ);	-	-	-
- СНГ и прочие постсоветские интеграционные структуры;	1	1	2
- прочие	2	-	2
Двусторонние договоры с отдельными государствами, в том числе:	28	56	84
- государства-члены СНГ;	14	30	44
- государства Балтии;	7	5	12
- государства-члены ЕС;	2	6	8
- прочие европейские государства;	4	8	12
- США;	-	2	2
- азиатские государства;	1	4	5
- прочие государства	-	1	1
Итого	33	59	92

**Таблица 21. Ратифицированные Государственной Думой II созыва
международные договоры по форме заключения**

Договоры	1996	1997	1998	1999	Итого (в целом)
Договоры мирового уровня (соглашения, конвенции, протоколы и т. п.)	1	1	14	7	23
Договоры регионального и субрегионального уровня, в том числе:	16	7	8	14	45
- европейские структуры (ЕС, СЕ);	3	2	1	5	11
- СНГ и прочие постсоветские интеграционные структуры;	12	4	7	9	32
- прочие	1	1	-	-	2
Двусторонние договоры с отдельными государствами, в том числе:	38	37	38	23	136
- государства-члены СНГ;	15	17	20	11	63
- государства Балтии;	1	-	-	-	1
- государства-члены ЕС;	4	6	5	3	18
- прочие европейские государства;	11	7	2	4	24
- США;	-	-	-	-	-
- азиатские государства;	6	4	5	1	16
- прочие государства	1	3	6	4	10
Итого	56	45	60	44	204

**Таблица 22. Ратифицированные Государственной Думой III созыва
международные договоры по форме заключения**

Договоры	2000	2001	2002	2003	Итого (в целом)
Договоры мирового уровня (соглашения, конвенции, протоколы и т. п.)	10	12	3	2	27
Договоры регионального и субрегионального уровня, в том числе:	8	16	6	9	39
- европейские структуры (ЕС, СЕ);	2	3	1	1	7
- СНГ и прочие постсоветские интеграционные структуры;	4	10	4	7	25
- прочие	2	3	1	1	7
Двусторонние договоры с отдельными государствами, в том числе:	30	26	31	13	100
- государства-члены СНГ;	10	12	16	2	40
- государства Балтии;	-	3	2	4	9
- государства-члены ЕС;	4	1	4	2	11
- прочие европейские государства;	1	3	1	-	5
- США;	2	-	1	2	5
- азиатские государства;	8	5	4	1	18
- прочие государства	5	2	3	2	12
Итого	48	54	40	24	166

**Таблица 23. Ратифицированные Государственной Думой IV созыва
международные договоры по форме заключения**

Договоры	2004	2005	2006	2007	Итого (в целом)
Договоры мирового уровня (соглашения, конвенции, протоколы и т. п.)	4	3	6	7	20
Договоры регионального и субрегионального уровня, в том числе:	2	8	17	14	41
- европейские структуры (ЕС, СЕ);	1	2	6	4	13
- СНГ и прочие постсоветские интеграционные структуры;	1	4	11	6	22
- прочие	-	2	-	4	6
Двусторонние договоры с отдельными государствами, в том числе:	10	31	16	27	84
- государства-члены СНГ;	3	9	6	15	33
- государства-члены ЕС;	4	13	4	4	25
- прочие европейские государства;	-	3	1	1	5
- США;	-	-	-	-	-
- азиатские государства;	1	4	3	3	11
- прочие государства	2	2	2	4	11
Итого	16	42	39	48	145

**Таблица 24. Ратифицированные Государственной Думой V созыва
международные договоры по форме заключения**

Договоры	2008	2009	2010	2011	Итого (в целом)
Договоры мирового уровня (соглашения, конвенции, протоколы и т. п.)	14	5	9	11	39
Договоры регионального и субрегионального уровня, в том числе:	22	22	40	38	122
- европейские структуры (ЕС, СЕ);	4	2	5	2	13
- СНГ и прочие постсоветские интеграционные структуры;	14	16	31	33	94
- прочие	4	4	4	3	15
Двусторонние договоры с отдельными государствами, в том числе:	30	28	24	33	115
- государства-члены СНГ;	10	8	7	9	34
- государства-члены ЕС;	2	7	2	1	12
- прочие европейские государства;	2	1	2	4	9
- США;	2	-	1	5	8
- азиатские государства;	7	9	7	5	28
- прочие государства	7	3	5	9	24
Итого	64	59	74	79	276

**Таблица 25. Ратифицированные Государственной Думой VI созыва
международные договоры по форме заключения**

Договоры	2012	2013	2014	2015	2016	Итого (в целом)
Договоры мирового уровня (соглашения, конвенции, протоколы и т. п.)	9	5	9	3	2	28
Договоры регионального и субрегионального уровня, в том числе:	22	11	13	16	6	68
- европейские структуры (ЕС, СЕ);	1	-	-	-	1	2
- СНГ и прочие постсоветские интеграционные структуры;	21	9	11	10	5	56
- прочие	-	2	2	6	-	10
Двусторонние договоры с отдельными государствами, в том числе:	33	27	25	27	24	136
- государства-члены СНГ;	9	14	12	10	7	52
- государства-члены ЕС;	10	2	2	5	-	19
- прочие европейские государства;	1	2	2	-	-	5
- США;	2	-	-	-	-	2
- азиатские государства;	4	5	4	3	10	26
- прочие государства	7	4	5	9	7	32
Итого	64	43	47	46	32	232

**Таблица 26. Ратифицированные Государственной Думой VII созыва²⁶
международные договоры по форме заключения**

Договоры	2016	2017	2018	2019	Итого (в целом)
Договоры мирового уровня (соглашения, конвенции, протоколы и т. п.)	3	11	15	2	31
Договоры регионального и субрегионального уровня, в том числе:	4	11	13	10	38
- европейские структуры (ЕС, СЕ);	1	1	1	1	4
- СНГ и прочие постсоветские интеграционные структуры;	2	8	12	7	29
- прочие	1	2	-	2	5
Двусторонние договоры с отдельными государствами, в том числе:	18	26	38	20	102
- государства-члены СНГ;	3	9	8	7	27
- государства-члены ЕС;	-	-	9	2	11
- прочие европейские государства;	1	2	1	-	4
- США;	-	-	-	-	-
- азиатские государства;	10	8	8	3	29
- прочие государства	4	7	12	8	31
Итого	25	48	66	32	171

²⁶ Указаны данные на конец декабря 2019 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

Результаты наиболее показательных голосований в Государственной Думе I–VII созывов по вопросам внешней политики и международных отношений²⁷

Таблица 27. Результаты наиболее показательных голосований в Государственной Думе I созыва (1994–1995 гг.) по вопросам внешней политики и международных отношений

№	Название	Дата	Созыв	Общий результат	Результат голосования по фракциям
1	Предложение «О включении в повестку дня вопроса об отмене постановления Верховного Совета Российской Федерации о ратификации «беловежских соглашений» 1991 г.	18.03.1994	I	Результаты голосования (10 час. 21 мин.) Проголосовало за 179 чел. 40,3% Проголосовало против 88 чел. 19,8% Воздержалось 26 чел. 5,9% Голосовало 293 чел. Не голосовало 151 чел. Решение: не принято	Фракция «Выбор России»: за – 0; против – 47; воздержалось – 1. Фракция Политической партии «Либерально-демократическая партия России»: за – 45; против – 0; воздержалось – 2. Фракция Политической партии «Коммунистическая партия Российской Федерации»: за – 42; против – 0; воздержалось – 1. Фракция Партии российского единства и согласия: за – 2; против – 2; воздержалось – 0. Фракция «Женщины России»: за – 1; против – 9; воздержалось – 5. Депутатская группа «Новая региональная политика - Дума-96»: за – 24; против – 16; воздержалось – 6. Фракция Аграрной партии России: за – 44; против – 0; воздержалось – 1. Депутаты, не входящие во фракции: за – 16; против – 10; воздержалось – 3. Фракция «ЯБЛОКО»: за – 0; против – 4; воздержалось – 5. Фракция Демократической партии России: за – 5; против – 0; воздержалось – 2.
2	Федеральный закон «О приостановлении участия Российской Федерации в осуществлении международных санкций, введенных против	13.05.1994	I	Результаты голосования (14 час. 10 мин.) Проголосовало за 226 чел. 50,4%	Фракция "Выбор России"; за – 1; против – 20; воздержалось – 2; не голосовало – 49.

²⁷ Составлено автором на основе данных стенограмм и хроник заседаний, размещённых в рамках базы данных «Стенограммы заседаний Государственной Думы» [3] и «Системы анализа результатов голосований на заседаниях Государственной Думы» [141]. Под наиболее показательными голосованиями подразумеваются не самые знаковые в плане отражения специфики внешнеполитического курса и влияния на государственную внешнюю политику, а те, которые в большей степени характеризуют особенности внешнеполитической деятельности нижней палаты парламента конкретного созыва, являясь типичным набором аналогичных решений и примеров поддержавших их устойчивых парламентских групп.

	<p>Союзной Республики Югославии».</p>			<p>Проголосовало против 31 чел. 6,9% Воздержалось 15 чел. 3,3% Голосовало 272 чел. Не голосовало 178 чел. Решение: принято</p>	<p>Депутатская группа "Новая региональная политика - Дума-96": за – 37; против – 1; воздержалось – 5; не голосовало – 20. Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально-демократической партии России: за – 47; против – 0; воздержалось – 0; не голосовало – 13. Фракция Аграрной партии России: за – 48; против – 0; воздержалось – 0; не голосовало – 5. Депутаты, не входящие во фракции: за – 17; против – 1; воздержалось – 0; не голосовало – 10. Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ": за – 39; против – 0; воздержалось – 1; не голосовало – 6. Фракция Партии российского единства и согласия: за – 7; против – 1; воздержалось – 2; не голосовало – 23. Фракция "ЯБЛОКО" (голосовали 2 из 28): за – 0; Против – 8; Воздержалось – 1; Не голосовало – 19. Фракция "Женщины России": за – 18; против – 0; воздержалось – 0. Не голосовало – 6. Фракция Демократической партии России: за – 7; против – 0; воздержалось – 2; не голосовало – 6. Депутатская группа "Либерально-демократический союз 12 декабря": за – 5;</p>
--	---------------------------------------	--	--	--	--

					против – 0; воздержалось – 2; не голосовало – 18.
3	Федеральный закон «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Литовской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам».	21.07.1994	I	Результаты голосования (13 час. 29 мин.) Проголосовало за 227 чел. 50,0% Проголосовало против 10 чел. 2,2% Воздержалось 29 чел. 6,4% Голосовало 264 чел. Не голосовало 186 чел. Решение: принято	Фракция "Выбор России"; за – 54; против – 0; воздержалось – 0; не голосовало – 17. Депутатская группа "Новая региональная политика - Дума-96": за – 47; против – 1; воздержалось – 1; не голосовало – 15. Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально-демократической партии России: за – 0; против – 0; воздержалось – 0; не голосовало – 60. Фракция Аграрной партии России: за – 14; против – 2; воздержалось – 5; не голосовало – 33. Депутаты, не входящие во фракции: за – 14; против – 6; воздержалось – 2; не голосовало – 7. Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ": за – 12; против – 0; воздержалось – 19; не голосовало – 15. Фракция Партии российского единства и согласия: за – 22; против – 0; воздержалось – 0; не голосовало – 11. Фракция "ЯБЛОКО" (голосовали 2 из 28): за – 23; Против – 0; Воздержалось – 1; Не голосовало – 3. Фракция "Женщины России": за – 12; против – 0; воздержалось – 1; не голосовало – 10. Фракция Демократической партии России:

					<p>за – 9; против – 0; воздержалось – 0; не голосовало – 6. Депутатская группа "Либерально-демократический союз 12 декабря": за – 17; против – 1; воздержалось – 0; не голосовало – 7.</p>
4	Федеральный закон «О ратификации Договора о создании Экономического союза».	07.10.1994	I	<p>Результаты голосования (13 час. 12 мин. 05 сек.) Проголосовало за 285 чел. 63,3% Проголосовало против 2 чел. 0,4% Воздержалось 2 чел. 0,4% Голосовало 289 чел. Не голосовало 161 чел. Результат: принято</p>	<p>Фракция "Выбор России"; за – 50; против – 0; воздержалось – 0; не голосовало – 22. Депутатская группа "Новая региональная политика - Дума-96": за – 54; против – 0; воздержалось – 0; не голосовало – 10. Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально-демократической партии России: за – 0; против – 0; воздержалось – 0; не голосовало – 60. Фракция Аграрной партии России: за – 46; против – 1; воздержалось – 2; не голосовало – 5. Депутаты, не входящие во фракции: за – 16; против – 0; воздержалось – 0; не голосовало – 13. Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ": за – 38; против – 0; воздержалось – 0; не голосовало – 8. Фракция Партии российского единства и согласия: за – 20; против – 0; воздержалось – 0; не голосовало – 13. Фракция "ЯБЛОКО": за – 20; против – 0; Воздержалось – 0; Не голосовало – 7.</p>

					<p>Фракция "Женщины России": за – 16; против – 0; воздержалось – 0; не голосовало – 6.</p> <p>Фракция Демократической партии России: за – 12; против – 0; воздержалось – 0; не голосовало – 3.</p> <p>Депутатская группа "Либерально-демократический союз 12 декабря": за – 13; против – 1; воздержалось – 0; не голосовало – 11.</p>
5	<p>Постановление «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Федеративной Республикой Германией о сотрудничестве и взаимопомощи таможенных служб».</p>	28.10.1994	I	<p>Результаты голосования (11 час. 17 мин. 02 сек.)</p> <p>Проголосовало за 253 чел. 56,2%</p> <p>Проголосовало против 32 чел. 7,1%</p> <p>Воздержалось 5 чел. 1,1%</p> <p>Голосовало 290 чел.</p> <p>Не голосовало 160 чел.</p> <p>Результат: принято</p>	<p>Фракция "Выбор России"; за – 53; против – 0; воздержалось – 0; не голосовало – 19.</p> <p>Депутатская группа "Новая региональная политика - Дума-96": за – 44; против – 0; воздержалось – 0; не голосовало – 20.</p> <p>Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально-демократической партии России: за – 0; против – 31; воздержалось – 2; не голосовало – 27.</p> <p>Фракция Аграрной партии России: за – 36; против – 0; воздержалось – 0; не голосовало – 18.</p> <p>Депутаты, не входящие во фракции: за – 17; против – 0; воздержалось – 0; не голосовало – 16.</p> <p>Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ": за – 35; против – 1; воздержалось – 3; не голосовало – 7.</p> <p>Фракция Партии российского единства и согласия: за – 15; против – 0;</p>

					<p>воздержалось – 0; не голосовало – 18. Фракция "ЯБЛОКО": за – 16; против – 0; Воздержалось – 0; Не голосовало – 11. Фракция "Женщины России": за – 20; против – 0; воздержалось – 0; не голосовало – 2. Фракция Демократической партии России: за – 8; против – 0; воздержалось – 0; не голосовало – 7. Депутатская группа "Либерально-демократический союз 12 декабря": за – 9; против – 0; воздержалось – 0; не голосовало – 12.</p>
6	<p>Постановление «Об односторонних действиях США, подрывающих режим эмбарго на поставку оружия в Боснию».</p>	11.11.1994	I	<p>Результаты голосования (16 час. 28 мин. 57 сек.) Проголосовало за 269 чел. 60,3% Проголосовало против 3 чел. 0,7% Воздержалось 3 чел. 0,7% Голосовало 275 чел. Не голосовало 171 чел. Результат: принято 269 плюс 2 - 271.</p>	<p>Фракция "Выбор России" (голосовали 33 из 72) 40.3%, 29 гол. 4.2%, 3 гол. 1.4%, 1 гол. 54.1%, 39 гол. Депутатская группа "Новая региональная политика - Дума-96" (голосовали 39 из 63) 60.3%, 38 гол. 0%, 0 гол. 1.6%, 1 гол. 38.1%, 24 гол. Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально-демократической партии России (голосовали 42 из 60) 70%, 42 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 30%, 18 гол. Фракция Аграрной партии России (голосовали 37 из 54) 66.7%, 36 гол. 0%, 0 гол. 1.8%, 1 гол. 31.5%, 17 гол. Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 43 из 45) 95.6%, 43 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол.</p>

					<p>4.4%, 2 гол. Депутаты, не входящие во фракции (голосовали 18 из 33) 54.5%, 18 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 45.5%, 15 гол. Фракция Партии российского единства и согласия (голосовали 16 из 33) 48.5%, 16 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 51.5%, 17 гол. Фракция "ЯБЛОКО" (голосовали 14 из 27) 51.9%, 14 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 48.1%, 13 гол. Фракция "Женщины России" (голосовали 18 из 22) 81.8%, 18 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 18.2%, 4 гол. Депутатская группа "Либерально-демократический союз 12 декабря" (голосовали 9 из 21) 42.9%, 9 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 57.1%, 12 гол. Фракция Демократической партии России (голосовали 6 из 15) 40%, 6 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 60%, 9 гол.</p>
7	Заявление «В связи с постановлением Верховного Совета Украины «О выполнении постановления Верховного Совета Украины «О политико-правовой ситуации в Автономной Республике Крым».	23.11.1994	I	<p>Результаты голосования (11 час. 20 мин. 49 сек.) Проголосовало за 285 чел. 63,9% Проголосовало против 6 чел. 1,3% Воздержалось 1 чел. 0,2% Голосовало 292 чел. Не голосовало 154 чел. Результат: принято 285 плюс 3, 288.</p>	<p>Фракция "Выбор России" (голосовали 22 из 71) 21.1%, 15 гол. 8.5%, 6 гол. 1.4%, 1 гол. 69%, 49 гол. Депутатская группа "Новая региональная политика - Дума-96" (голосовали 47 из 62) 75.8%, 47 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 24.2%, 15 гол. Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально-демократической партии России (голосовали 51 из 60) 85%, 51 гол. 0%, 0 гол.</p>

					<p>0%, 0 гол. 15%, 9 гол. Фракция Аграрной партии России (голосовали 40 из 54) 74.1%, 40 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 25.9%, 14 гол. Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 38 из 46) 82.6%, 38 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 17.4%, 8 гол. Депутаты, не входящие во фракции (голосовали 22 из 36) 61.1%, 22 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 38.9%, 14 гол. Фракция Партии российского единства и согласия (голосовали 19 из 31) 61.3%, 19 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 38.7%, 12 гол. Фракция "ЯБЛОКО" (голосовали 16 из 27) 59.3%, 16 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 40.7%, 11 гол. Депутатская группа "Либерально-демократический союз 12 декабря" (голосовали 9 из 22) 40.9%, 9 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 59.1%, 13 гол. Фракция "Женщины России" (голосовали 19 из 22) 86.4%, 19 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 13.6%, 3 гол. Фракция Демократической партии России (голосовали 9 из 15) 60%, 9 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 40%, 6 гол.</p>
8	Заявление «О расширении НАТО».	08.12.1994	I	За: 272 голосов, 60.4% Против: 1	Фракция "Выбор России" (голосовали 28 из 71) 38%, 27 гол.

				<p>голосов, 0.2% Воздержалось: 3 голосов, 0.7% Не голосовало: 174 голосов, 38.7% Кворум: 224 депутатов Решение: принято</p>	<p>1.4%, 1 гол. 0%, 0 гол. 60.6%, 43 гол. Депутатская группа "Новая региональная политика - Дума- 96" (голосовали 36 из 61) 57.4%, 35 гол. 0%, 0 гол. 1.6%, 1 гол. 41%, 25 гол. Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально- демократической партии России (голосовали 44 из 60) 73.3%, 44 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 26.7%, 16 гол. Фракция Аграрной партии России (голосовали 42 из 54) 75.9%, 41 гол. 0%, 0 гол. 1.9%, 1 гол. 22.2%, 12 гол. Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 44 из 46) 95.7%, 44 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 4.3%, 2 гол. Депутаты, не входящие во фракции (голосовали 17 из 37) 45.9%, 17 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 54.1%, 20 гол. Фракция Партии российского единства и согласия (голосовали 17 из 32) 53.1%, 17 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 46.9%, 15 гол. Фракция "ЯБЛОКО" (голосовали 19 из 27) 70.4%, 19 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 29.6%, 8 гол. Фракция "Женщины России" (голосовали 16 из 22) 72.7%, 16 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 27.3%, 6 гол. Депутатская группа</p>
--	--	--	--	---	--

					<p>"Либерально-демократический союз 12 декабря" (голосовали 7 из 21) 28.6%, 6 гол. 0%, 0 гол. 4.7%, 1 гол. 66.7%, 14 гол. Фракция Демократической партии России (голосовали 6 из 15) 40%, 6 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 60%, 9 гол.</p>
9	Предложение депутата «О включении в повестку дня вопроса «О деятельности фонда Дж. Сороса в России».	20.01.1995	I	<p>Результаты голосования (10 час. 48 мин. 22 сек.) Проголосовало за 225 чел. 50,2% Проголосовало против 19 чел. 4,2% Воздержалось 3 чел. 0,7% Голосовало 247 чел. Не голосовало 201 чел. Результат: принято</p>	<p>Депутаты, не входящие во фракции (голосовали 17 из 67) 25.4%, 17 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 74.6%, 50 гол. Фракция "Выбор России" (голосовали 14 из 67) 1.5%, 1 гол. 19.4%, 13 гол. 0%, 0 гол. 79.1%, 53 гол. Депутатская группа "Новая региональная политика - Дума-96" (голосовали 32 из 60) 45%, 27 гол. 3.3%, 2 гол. 5%, 3 гол. 46.7%, 28 гол. Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально-демократической партии России (голосовали 52 из 60) 86.7%, 52 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 13.3%, 8 гол. Фракция Аграрной партии России (голосовали 49 из 54) 90.7%, 49 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 9.3%, 5 гол. Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 42 из 45) 93.3%, 42 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 6.7%, 3 гол. Фракция Партии российского единства и согласия (голосовали 7 из 30)</p>

					<p>23.3%, 7 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 76.7%, 23 гол. Фракция "ЯБЛОКО" (голосовали 6 из 28) 7.1%, 2 гол. 14.3%, 4 гол. 0%, 0 гол. 78.6%, 22 гол. Фракция "Женщины России" (голосовали 18 из 22) 81.8%, 18 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 18.2%, 4 гол. Фракция Демократической партии России (голосовали 10 из 15) 66.7%, 10 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 33.3%, 5 гол.</p>
10	Постановление «О ратификации Соглашения о создании межгосударственного Евразийского объединения угля и металла».	20.01.1995	I	<p>Результаты голосования (12 час. 49 мин. 12 сек.) Проголосовало за 266 чел. 59,1% Проголосовало против 19 чел. 4,2% Воздержалось 2 чел. 0,4% Голосовало 287 чел. Не голосовало 163 чел. Результат: принято</p>	<p>Депутаты, не входящие во фракции (голосовали 37 из 67) 55.2%, 37 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 44.8%, 30 гол. Фракция "Выбор России" (голосовали 43 из 67) 64.2%, 43 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 35.8%, 24 гол. Депутатская группа "Новая региональная политика - Дума-96" (голосовали 45 из 60) 75%, 45 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 25%, 15 гол. Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально-демократической партии России (голосовали 18 из 60) 0%, 0 гол. 30%, 18 гол. 0%, 0 гол. 70%, 42 гол. Фракция Аграрной партии России (голосовали 32 из 54) 53.7%, 29 гол. 1.9%, 1 гол. 3.7%, 2 гол. 40.7%, 22 гол. Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ</p>

					<p>ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 32 из 45) 71.1%, 32 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 28.9%, 13 гол. Фракция Партии российского единства и согласия (голосовали 20 из 30) 66.7%, 20 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 33.3%, 10 гол. Фракция "ЯБЛОКО" (голосовали 26 из 28) 92.9%, 26 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 7.1%, 2 гол. Фракция "Женщины России" (голосовали 22 из 22) 100%, 22 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол. Фракция Демократической партии России (голосовали 12 из 15) 80%, 12 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 20%, 3 гол.</p>
--	--	--	--	--	--

Таблица 28. Результаты наиболее показательных голосований в Государственной Думе II созыва (1996–1999 гг.) по вопросам внешней политики и международных отношений

№	Название	Дата	Созыв	Общий результат	Результат голосования по фракциям
1	Федеральный закон «О приостановлении одностороннего сокращения и об обеспечении содержания Черноморского флота».	14.02.1996	2	<p>Результаты голосования (16 час. 45 мин. 31 сек.) Проголосовало за 314 чел. 69,8% Проголосовало против 1 чел. 0,2% Воздержалось 1 чел. 0,2% Голосовало 316 чел. Не голосовало 134 чел. Результат: принято</p>	<p>Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 139 из 147) 93.9%, 138 гол. 0%, 0 гол. 0.7%, 1 гол. 5.4%, 8 гол. Фракция "Наш дом - Россия" (голосовали 30 из 66) 45.5%, 30 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 54.5%, 36 гол. Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально-демократической партии</p>

					<p>России (голосовали 41 из 51) 80.4%, 41 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 19.6%, 10 гол. Фракция "ЯБЛОКО" (голосовали 16 из 46) 32.6%, 15 гол. 2.2%, 1 гол. 0%, 0 гол. 65.2%, 30 гол. Депутатская группа "Российские регионы" (голосовали 21 из 42) 50%, 21 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 50%, 21 гол. Депутатская группа "Народовластие" (голосовали 29 из 38) 76.3%, 29 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 23.7%, 9 гол. Аграрная депутатская группа (голосовали 34 из 37) 91.9%, 34 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 8.1%, 3 гол. Депутаты, не входящие во фракции (голосовали 6 из 23) 26.1%, 6 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 73.9%, 17 гол.</p>
2	Постановление «Об углублении интеграции народов, объединявшихся в Союз ССР, и отмене постановления Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 г.»	15.03.1996	2	<p>Результаты голосования (13 час. 54 мин. 25 сек.) Проголосовало за 250 чел. 55,6% Проголосовало против 98 чел. 21,8% Воздержалось 0 чел. 0,0% Голосовало 348 чел. Не голосовало 102 чел. Результат: принято</p>	<p>Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 144 из 147) 98%, 144 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 2%, 3 гол. Фракция "Наш дом - Россия" (голосовали 36 из 66) 0%, 0 гол. 54.5%, 36 гол. 0%, 0 гол. 45.5%, 30 гол. Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально-демократической партии России (голосовали 43 из 51) 84.3%, 43 гол. 0%, 0 гол.</p>

					<p>0%, 0 гол. 15.7%, 8 гол. Фракция "ЯБЛОКО" (голосовали 37 из 46) 0%, 0 гол. 80.4%, 37 гол. 0%, 0 гол. 19.6%, 9 гол. Депутатская группа "Российские регионы" (голосовали 15 из 42) 2.4%, 1 гол. 33.3%, 14 гол. 0%, 0 гол. 64.3%, 27 гол. Аграрная депутатская группа (голосовали 35 из 37) 91.9%, 34 гол. 2.7%, 1 гол. 0%, 0 гол. 5.4%, 2 гол. Депутатская группа "Народовластие" (голосовали 27 из 37) 67.6%, 25 гол. 5.4%, 2 гол. 0%, 0 гол. 27%, 10 гол. Депутаты, не входящие во фракции (голосовали 11 из 24) 12.5%, 3 гол. 33.3%, 8 гол. 0%, 0 гол.</p>
3	Федеральный закон «О ратификации Договора между Российской Федерацией, Республикой Белоруссия, Республикой Казахстан и Киргизской Республикой об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях».	19.04.1996	2	<p>Результаты голосования (12 час. 54 мин. 11 сек.) Проголосовало за 364 чел. 80,9% Проголосовало против 0 чел. 0,0% Воздержалось 0 чел. 0,0% Голосовало 364 чел. Не голосовало 86 чел. Результат: принято</p>	<p>Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 140 из 147) 95.2%, 140 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 4.8%, 7 гол. Фракция "Наш дом - Россия" (голосовали 53 из 66) 80.3%, 53 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 19.7%, 13 гол. Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально-демократической партии России (голосовали 38 из 51) 74.5%, 38 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 25.5%, 13 гол. Фракция "ЯБЛОКО" (голосовали 30 из 46) 65.2%, 30 гол.</p>

					<p>0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 34.8%, 16 гол. Депутатская группа "Российские регионы" (голосовали 28 из 42) 66.7%, 28 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 33.3%, 14 гол. Аграрная депутатская группа (голосовали 37 из 37) 100%, 37 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол. Депутатская группа "Народовластие" (голосовали 29 из 37) 78.4%, 29 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 21.6%, 8 гол. Депутаты, не входящие во фракции (голосовали 9 из 24) 37.5%, 9 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 62.5%, 15 гол.</p>
4	Федеральный закон «О ратификации Договора о Союзе Беларуси и России и Устава Союза Беларуси и России».	06.06.1997	2	<p>Результаты голосования (11 час. 00 мин. 23 сек.) Проголосовало за 363 чел. 80,7% Проголосовало против 2 чел. 0,4% Воздержалось 19 чел. 4,2% Голосовало 384 чел. Не голосовало 66 чел. Результат: принято</p>	<p>Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 137 из 138) 99.3%, 137 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0.7%, 1 гол. Фракция "Наш дом - Россия" (голосовали 54 из 65) 81.5%, 53 гол. 0%, 0 гол. 1.6%, 1 гол. 16.9%, 11 гол. Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально-демократической партии России (голосовали 49 из 51) 96.1%, 49 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 3.9%, 2 гол. Фракция "ЯБЛОКО" (голосовали 28 из 46) 23.9%, 11 гол. 0%, 0 гол. 37%, 17 гол. 39.1%, 18 гол. Депутатская группа</p>

					<p>"Российские регионы" (голосовали 37 из 43) 83.7%, 36 гол. 2.3%, 1 гол. 0%, 0 гол. 14%, 6 гол. Депутатская группа "Народовластие" (голосовали 34 из 38) 89.5%, 34 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 10.5%, 4 гол. Аграрная депутатская группа (голосовали 35 из 35) 100%, 35 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол. Депутаты, не входящие во фракции (голосовали 10 из 27) 29.6%, 8 гол. 3.7%, 1 гол. 3.7%, 1 гол. 63%, 17 гол.</p>
5	Постановление «О разработке Национальной программы противодействия НАТО».	«О разработке программы расширению»	23.01.1998	2	<p>Результаты голосования (17 час. 23 мин. 04 сек.) Проголосовало за 247 чел. 54,9% Проголосовало против 0 чел. 0,0% Воздержалось 0 чел. 0,0% Голосовало 247 чел. Не голосовало 203 чел. Результат: принято</p> <p>Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 124 из 139) 89.2%, 124 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 10.8%, 15 гол. Фракция "Наш дом - Россия" (голосовали 7 из 65) 10.8%, 7 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 89.2%, 58 гол. Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально-демократической партии России (голосовали 50 из 50) 100%, 50 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол. Фракция "ЯБЛОКО" (голосовали 1 из 44) 2.3%, 1 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 97.7%, 43 гол. Депутатская группа "Российские регионы" (голосовали 13 из 43) 30.2%, 13 гол. 0%, 0 гол.</p>

					<p>0%, 0 гол. 69.8%, 30 гол. Депутатская группа "Народовластие" (голосовали 31 из 41) 75.6%, 31 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 24.4%, 10 гол. Аграрная депутатская группа (голосовали 18 из 35) 51.4%, 18 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 48.6%, 17 гол. Депутаты, не входящие во фракции (голосовали 3 из 25) 12%, 3 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 88%, 22 гол.</p>
6	Постановление «О новом обострении ситуации вокруг Республики Ирак».	04.02.1998	2	<p>Результаты голосования (12 час. 43 мин. 45 сек.) Проголосовало за 323 чел. 71,8% Проголосовало против 19 чел. 4,2% Воздержалось 1 чел. 0,2% Голосовало 343 чел. Не голосовало 107 чел. Результат: принято</p>	<p>Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 132 из 139) 95%, 132 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 5%, 7 гол. Фракция "Наш дом - Россия" (голосовали 47 из 65) 70.8%, 46 гол. 0%, 0 гол. 1.5%, 1 гол. 27.7%, 18 гол. Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально-демократической партии России (голосовали 46 из 50) 92%, 46 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 8%, 4 гол. Фракция "ЯБЛОКО" (голосовали 20 из 44) 4.5%, 2 гол. 40.9%, 18 гол. 0%, 0 гол. 54.6%, 24 гол. Депутатская группа "Российские регионы" (голосовали 25 из 43) 58.1%, 25 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 41.9%, 18 гол. Депутатская группа "Народовластие"</p>

					<p>(голосовали 32 из 41) 78%, 32 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 22%, 9 гол. Аграрная депутатская группа (голосовали 33 из 35) 94.3%, 33 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 5.7%, 2 гол. Депутаты, не входящие во фракции (голосовали 8 из 25) 28%, 7 гол. 4%, 1 гол. 0%, 0 гол. 68%, 17 гол.</p>
7	Федеральный закон «О ратификации Договора о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной»	25.12.1998	2	<p>Результаты голосования (13 час. 10 мин. 56 сек.) Проголосовало за 243 чел. 54,0% Проголосовало против 30 чел. 6,7% Воздержалось 4 чел. 0,9% Голосовало 277 чел. Не голосовало 173 чел. Результат: принято</p>	<p>Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 112 из 130) 83.1%, 108 гол. 3.1%, 4 гол. 0%, 0 гол. 13.8%, 18 гол. Фракция "Наш дом - Россия" (голосовали 37 из 67) 50.7%, 34 гол. 3%, 2 гол. 1.5%, 1 гол. 44.8%, 30 гол. Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально-демократической партии России (не голосовали) 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 100%, 50 гол. Депутатская группа "Народовластие" (голосовали 29 из 46) 26.1%, 12 гол. 36.9%, 17 гол. 0%, 0 гол. 37%, 17 гол. Депутатская группа "Российские регионы" (голосовали 24 из 45) 44.4%, 20 гол. 8.9%, 4 гол. 0%, 0 гол. 46.7%, 21 гол. Фракция "ЯБЛОКО" (голосовали 41 из 45) 91.1%, 41 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол.</p>

					<p>8.9%, 4 гол. Аграрная депутатская группа (голосовали 24 из 36) 58.3%, 21 гол. 0%, 0 гол. 8.4%, 3 гол. 33.3%, 12 гол. Депутаты, не входящие во фракции (голосовали 10 из 24) 29.2%, 7 гол. 12.5%, 3 гол. 0%, 0 гол. 58.3%, 14 гол.</p>
8	Постановление «О срочных мерах по прекращению ракетно-бомбовых ударов НАТО по Югославии и возобновлению процесса политического урегулирования ситуации вокруг Косово».	07.04.1999	2	<p>Результаты голосования (17 час. 34 мин. 01 сек.) Проголосовало за 279 чел. 62,0% Проголосовало против 34 чел. 7,6% Воздержалось 4 чел. 0,9% Голосовало 317 чел. Не голосовало 133 чел. Результат: принято</p>	<p>Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 128 из 130) 98.5%, 128 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 1.5%, 2 гол. Фракция "Наш дом - Россия" (голосовали 3 из 61) 4.9%, 3 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 95.1%, 58 гол. Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально-демократической партии России (голосовали 48 из 49) 98%, 48 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 2%, 1 гол. Депутатская группа "Народовластие" (голосовали 44 из 46) 95.7%, 44 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 4.3%, 2 гол. Фракция "ЯБЛОКО" (голосовали 35 из 46) 0%, 0 гол. 69.6%, 32 гол. 6.5%, 3 гол. 23.9%, 11 гол. Депутатская группа "Российские регионы" (голосовали 22 из 43) 51.2%, 22 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 48.8%, 21 гол. Аграрная депутатская группа (голосовали 28 из 36) 75%, 27 гол.</p>

					<p>0%, 0 гол. 2.8%, 1 гол. 22.2%, 8 гол. Депутаты, не входящие во фракции (голосовали 9 из 31) 22.6%, 7 гол. 6.4%, 2 гол. 0%, 0 гол. 71%, 22 гол.</p>
9	В ранее принятой редакции принят Федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом», отклоненный Президентом Российской Федерации.	16.04.1999	2	<p>Результаты голосования (11 час. 41 мин. 14 сек.) Проголосовало за 311 чел. 69,1% Проголосовало против 0 чел. 0,0% Воздержалось 0 чел. 0,0% Голосовало 311 чел. Не голосовало 139 чел. Результат: принято</p>	<p>Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 128 из 130) 98.5%, 128 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 1.5%, 2 гол. Фракция "Наш дом - Россия" (голосовали 27 из 61) 44.3%, 27 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 55.7%, 34 гол. Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально-демократической партии России (голосовали 48 из 49) 98%, 48 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 2%, 1 гол. Депутатская группа "Народовластие" (голосовали 44 из 46) 95.7%, 44 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 4.3%, 2 гол. Фракция "ЯБЛОКО" (голосовали 3 из 46) 6.5%, 3 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 93.5%, 43 гол. Депутатская группа "Российские регионы" (голосовали 23 из 43) 53.5%, 23 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 46.5%, 20 гол. Аграрная депутатская группа (голосовали 29 из 35) 82.9%, 29 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 17.1%, 6 гол. Депутаты, не входящие во</p>

					<p>фракции (голосовали 9 из 31) 29%, 9 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 71%, 22 гол.</p>
10	<p>Федеральный закон «О ратификации Соглашения между Российской Федерацией и Украиной о статусе и условиях пребывания Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины».</p>	18.06.1999	2	<p>Результаты голосования (17 час. 47 мин. 49 сек.) Проголосовало за 260 чел. 57,8% Проголосовало против 19 чел. 4,2% Воздержалось 1 чел. 0,2% Голосовало 280 чел. Не голосовало 170 чел. Результат: принято</p>	<p>Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 89 из 130) 65.4%, 85 гол. 3.1%, 4 гол. 0%, 0 гол. 31.5%, 41 гол. Фракция "Наш дом - Россия" (голосовали 56 из 62) 88.7%, 55 гол. 1.6%, 1 гол. 0%, 0 гол. 9.7%, 6 гол. Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально-демократической партии России (голосовали 10 из 49) 12.2%, 6 гол. 8.2%, 4 гол. 0%, 0 гол. 79.6%, 39 гол. Депутатская группа "Народовластие" (голосовали 21 из 46) 28.3%, 13 гол. 17.4%, 8 гол. 0%, 0 гол. 54.3%, 25 гол. Фракция "ЯБЛОКО" (голосовали 43 из 46) 91.3%, 42 гол. 2.2%, 1 гол. 0%, 0 гол. 6.5%, 3 гол. Депутатская группа "Российские регионы" (голосовали 25 из 44) 56.8%, 25 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 43.2%, 19 гол. Аграрная депутатская группа (голосовали 26 из 35) 71.4%, 25 гол. 0%, 0 гол. 2.9%, 1 гол. 25.7%, 9 гол. Депутаты, не входящие во фракции (голосовали 10 из 28) 32.1%, 9 гол. 3.6%, 1 гол.</p>

					0%, 0 гол. 64.3%, 18 гол.
--	--	--	--	--	------------------------------

**Таблица 29. Результаты наиболее показательных голосований в
Государственной Думе III созыва (2000–2003 гг.) по вопросам внешней
политики и международных отношений**

№	Название	Дата	Созыв	Общий результат	Результат голосования по фракциям
1	Постановление «О заявлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «В связи с государственной политикой дискриминации российских соотечественников в Латвийской Республике».	05.04.2000	3	Результаты голосования (18 час. 00 мин. 13 сек.) Проголосовало за 316 чел. 70,2% Проголосовало против 0 чел. 0,0% Воздержалось 1 чел. 0,2% Голосовало 317 чел. Не голосовало 133 чел. Результат: принято	Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 83 из 88) 94.3%, 83 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 5.7%, 5 гол. Фракция "Единство - Единая Россия" (голосовали 74 из 83) 89.2%, 74 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 10.8%, 9 гол. Депутатская группа "Народный депутат" (голосовали 50 из 58) 86.2%, 50 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 13.8%, 8 гол. Фракция "Отечество - Единая Россия" (голосовали 37 из 47) 76.6%, 36 гол. 0%, 0 гол. 2.1%, 1 гол. 21.3%, 10 гол. Агропромышленная депутатская группа (голосовали 30 из 42) 71.4%, 30 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 28.6%, 12 гол. Депутатская группа "Регионы России (Союз независимых депутатов)" (голосовали 19 из 42) 45.2%, 19 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 54.8%, 23 гол. Фракция "Союз Правых Сил" (голосовали 16 из 32) 50%, 16 гол.

					<p>0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 50%, 16 гол. Фракция "ЯБЛОКО" (голосовали 3 из 21) 14.3%, 3 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 85.7%, 18 гол. Депутаты, не входящие во фракции (голосовали 1 из 18) 5.6%, 1 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 94.4%, 17 гол. Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально-демократической партии России (голосовали 4 из 16) 25%, 4 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 75%, 12 гол.</p>
2	Федеральный закон «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений».	14.04.2000	3	<p>Результаты голосования (15 час. 08 мин. 55 сек.) Проголосовало за 288 чел. 64,0% Проголосовало против 131 чел. 29,1% Воздержалось 4 чел. 0,9% Голосовало 423 чел. Не голосовало 27 чел. Результат: принят</p>	<p>Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 84 из 88) 2.3%, 2 гол. 93.2%, 82 гол. 0%, 0 гол. 4.5%, 4 гол. Фракция "Единство - Единая Россия" (голосовали 83 из 83) 100%, 83 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол. Депутатская группа "Народный депутат" (голосовали 57 из 58) 98.3%, 57 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 1.7%, 1 гол. Фракция "Отечество - Единая Россия" (голосовали 44 из 47) 91.5%, 43 гол. 0%, 0 гол. 2.1%, 1 гол. 6.4%, 3 гол. Агропромышленная депутатская группа (голосовали 41 из 42) 2.4%, 1 гол. 92.8%, 39 гол. 2.4%, 1 гол.</p>

					<p>2.4%, 1 гол. Депутатская группа "Регионы России (Союз независимых депутатов)" (голосовали 39 из 41) 78%, 32 гол. 17.1%, 7 гол. 0%, 0 гол. 4.9%, 2 гол. Фракция "Союз Правых Сил" (голосовали 28 из 32) 87.5%, 28 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 12.5%, 4 гол. Фракция "ЯБЛОКО" (голосовали 20 из 21) 95.2%, 20 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 4.8%, 1 гол. Депутаты, не входящие во фракции (голосовали 12 из 19) 36.9%, 7 гол. 15.8%, 3 гол. 10.5%, 2 гол. 36.8%, 7 гол. Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально-демократической партии России (голосовали 15 из 16) 93.7%, 15 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 6.3%, 1 гол.</p>
3	Постановление «Об обращении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации к европейским парламентариям о политике государств Европы в отношении Союзной Республики Югославии».	13.10.2000	3	<p>Результаты голосования (17 час. 48 мин. 48 сек.) Проголосовало за 307 чел. 68,2% Проголосовало против 10 чел. 2,2% Воздержалось 0 чел. 0,0% Голосовало 317 чел. Не голосовало 133 чел. Результат: принято</p>	<p>Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 45 из 86) 47.7%, 41 гол. 4.6%, 4 гол. 0%, 0 гол. 47.7%, 41 гол. Фракция "Единство - Единая Россия" (голосовали 83 из 84) 98.8%, 83 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 1.2%, 1 гол. Депутатская группа "Народный депутат" (голосовали 39 из 62) 62.9%, 39 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 37.1%, 23 гол. Фракция "Отечество - Единая</p>

					<p>Россия" (голосовали 43 из 45) 95.6%, 43 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 4.4%, 2 гол. Депутатская группа "Регионы России (Союз независимых депутатов)" (голосовали 31 из 44) 70.5%, 31 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 29.5%, 13 гол. Агропромышленная депутатская группа (голосовали 26 из 42) 50%, 21 гол. 11.9%, 5 гол. 0%, 0 гол. 38.1%, 16 гол. Фракция "Союз Правых Сил" (голосовали 28 из 32) 87.5%, 28 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 12.5%, 4 гол. Фракция "ЯБЛОКО" (голосовали 18 из 19) 89.5%, 17 гол. 5.2%, 1 гол. 0%, 0 гол. 5.3%, 1 гол. Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально- демократической партии России (голосовали 1 из 16) 6.3%, 1 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 93.7%, 15 гол. Депутаты, не входящие во фракции (голосовали 3 из 15) 20%, 3 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 80%, 12 гол.</p>
4	Федеральный закон «О ратификации Договора об учреждении Евразийского экономического сообщества».	16.05.2001	3	<p>Результаты голосования (11 час. 27 мин. 23 сек.) Проголосовало за 355 чел. 78,9% Проголосовало против 1 чел. 0,2% Воздержалось 0 чел. 0,0% Голосовало 356 чел. Не голосовало 94 чел. Результат: принято</p>	<p>Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 78 из 85) 91.8%, 78 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 8.2%, 7 гол. Фракция "Единство - Единая Россия" (голосовали 79 из 82)</p>

					<p>96.3%, 79 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 3.7%, 3 гол. Депутатская группа "Народный депутат" (голосовали 44 из 59) 72.9%, 43 гол. 1.7%, 1 гол. 0%, 0 гол. 25.4%, 15 гол. Депутатская группа "Регионы России (Союз независимых депутатов)" (голосовали 41 из 45) 91.1%, 41 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 8.9%, 4 гол. Фракция "Отечество - Единая Россия" (голосовали 44 из 44) 100%, 44 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол. Агропромышленная депутатская группа (голосовали 33 из 42) 78.6%, 33 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 21.4%, 9 гол. Фракция "Союз Правых Сил" (голосовали 12 из 37) 32.4%, 12 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 67.6%, 25 гол. Фракция "ЯБЛОКО" (голосовали 18 из 19) 94.7%, 18 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 5.3%, 1 гол. Депутаты, не входящие во фракции (голосовали 7 из 17) 41.2%, 7 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 58.8%, 10 гол. Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально- демократической партии России (не голосовали) 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 100%, 12 гол.</p>
5	Постановления «О мерах по	23.05.2001	3	Результаты	Фракция Политической

	<p>противодействию расширению Организации Североатлантического договора»</p>			<p>голосования (17 час. 56 мин. 04 сек.) Проголосовало за 230 чел. 51,1% Проголосовало против 2 чел. 0,4% Воздержалось 4 чел. 0,9% Голосовало 236 чел. Не голосовало 214 чел. Результат: принято</p>	<p>партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 76 из 85) 89,4%, 76 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 10,6%, 9 гол. Фракция "Единство - Единая Россия" (голосовали 16 из 81) 14,8%, 12 гол. 0%, 0 гол. 4,9%, 4 гол. 80,3%, 65 гол. Депутатская группа "Народный депутат" (голосовали 37 из 59) 62,7%, 37 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 37,3%, 22 гол. Депутатская группа "Регионы России (Союз независимых депутатов)" (голосовали 23 из 45) 51,1%, 23 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 48,9%, 22 гол. Фракция "Отечество - Единая Россия" (голосовали 13 из 44) 29,5%, 13 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 70,5%, 31 гол. Агропромышленная депутатская группа (голосовали 41 из 42) 97,6%, 41 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 2,4%, 1 гол. Фракция "Союз Правых Сил" (голосовали 3 из 37) 2,7%, 1 гол. 5,4%, 2 гол. 0%, 0 гол. 91,9%, 34 гол. Депутаты, не входящие во фракции (голосовали 8 из 19) 42,1%, 8 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 57,9%, 11 гол. Фракция "ЯБЛОКО" (голосовали 7 из 19) 36,8%, 7 гол. 0%, 0 гол.</p>
--	--	--	--	--	--

					<p>0%, 0 гол. 63.2%, 12 гол. Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально-демократической партии России (голосовали 12 из 12) 100%, 12 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол.</p>
6	Федеральный конституционный закон «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации».	28.06.2001	3	<p>Результаты голосования (16 час. 17 мин. 10 сек.) Проголосовало за 375 чел. 83,3% Проголосовало против 0 чел. 0,0% Воздержалось 1 чел. 0,2% Голосовало 376 чел. Не голосовало 74 чел. Результат: принято</p>	<p>Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 82 из 86) 95.3%, 82 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 4.7%, 4 гол. Фракция "Единство - Единая Россия" (голосовали 81 из 82) 98.8%, 81 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 1.2%, 1 гол. Депутатская группа "Народный депутат" (голосовали 55 из 59) 93.2%, 55 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 6.8%, 4 гол. Депутатская группа "Регионы России (Союз независимых депутатов)" (голосовали 39 из 45) 86.7%, 39 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 13.3%, 6 гол. Фракция "Отечество - Единая Россия" (голосовали 42 из 44) 93.2%, 41 гол. 0%, 0 гол. 2.3%, 1 гол. 4.5%, 2 гол. Агропромышленная депутатская группа (голосовали 40 из 43) 93%, 40 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 7%, 3 гол. Фракция "Союз Правых Сил" (голосовали 10 из 38) 26.3%, 10 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол.</p>

					<p>73.7%, 28 гол. Фракция "ЯБЛОКО" (голосовали 18 из 18) 100%, 18 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол. Депутаты, не входящие во фракции (голосовали 9 из 16) 56.3%, 9 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 43.7%, 7 гол. Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально-демократической партии России (не голосовали) 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 100%, 12 гол.</p>
7	<p>Постановление «О заявлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «О расширении Европейского союза».</p>	24.01.2003	3	<p>Результаты голосования (16 час. 39 мин. 29 сек.) Проголосовало за 350 чел. 77,8% Проголосовало против 1 чел. 0,2% Воздержалось 1 чел. 0,2% Голосовало 352 чел. Не голосовало 98 чел. 21,8% Результат: принято</p>	<p>Фракция "Единство - Единая Россия" (голосовали 77 из 82) 93.9%, 77 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 6.1%, 5 гол. Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 65 из 82) 79.3%, 65 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 20.7%, 17 гол. Депутатская группа "Народный депутат" (голосовали 53 из 54) 96.3%, 52 гол. 0%, 0 гол. 1.9%, 1 гол. 1.8%, 1 гол. Фракция "Отечество - Единая Россия" (голосовали 47 из 52) 90.4%, 47 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 9.6%, 5 гол. Депутатская группа "Регионы России (Союз независимых депутатов)" (голосовали 34 из 47) 70.2%, 33 гол. 2.1%, 1 гол. 0%, 0 гол. 27.7%, 13 гол.</p>

					<p>Агропромышленная депутатская группа (голосовали 30 из 43) 69.8%, 30 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 30.2%, 13 гол. Фракция "Союз Правых Сил" (голосовали 28 из 32) 87.5%, 28 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 12.5%, 4 гол. Депутаты, не входящие во фракции (голосовали 8 из 21) 38.1%, 8 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 61.9%, 13 гол. Фракция "ЯБЛОКО" (голосовали 10 из 17) 58.8%, 10 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 41.2%, 7 гол. Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально-демократической партии России (не голосовали) 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 100%, 13 гол.</p>
8	Федеральный закон «О ратификации Устава Организации Договора о коллективной безопасности».	25.04.2003	3	<p>Результаты голосования (13 час. 33 мин. 03 сек.) Проголосовало за 388 чел. 86,2% Проголосовало против 1 чел. 0,2% Воздержалось 0 чел. 0,0% Голосовало 389 чел. Не голосовало 61 чел. 13,6% Результат: принято</p>	<p>Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 59 из 83) 69.9%, 58 гол. 1.2%, 1 гол. 0%, 0 гол. 28.9%, 24 гол. Фракция "Единство - Единая Россия" (голосовали 80 из 81) 98.8%, 80 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 1.2%, 1 гол. Депутатская группа "Народный депутат" (голосовали 52 из 53) 98.1%, 52 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 1.9%, 1 гол. Фракция "Отечество - Единая Россия" (голосовали 52 из 53)</p>

					<p>98.1%, 52 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 1.9%, 1 гол. Депутатская группа "Регионы России (Союз независимых депутатов)" (голосовали 46 из 47) 97.9%, 46 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 2.1%, 1 гол. Агропромышленная депутатская группа (голосовали 29 из 43) 67.4%, 29 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 32.6%, 14 гол. Фракция "Союз Правых Сил" (голосовали 32 из 32) 100%, 32 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол. Депутаты, не входящие во фракции (голосовали 9 из 18) 50%, 9 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 50%, 9 гол. Фракция "ЯБЛОКО" (голосовали 17 из 17) 100%, 17 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол. Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально-демократической партии России (голосовали 13 из 13) 100%, 13 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол.</p>
9	Федеральный закон «О ратификации Хартии Шанхайской организации сотрудничества».	14.05.2003	3	<p>13:13:55 принят (412 голосов, 91.6%) Общее распределение голосов: За: 412 голосов, 91.6% Против: 1 голосов, 0.2% Воздержалось: 1 голосов, 0.2% Не голосовало: 36 голосов, 8% Кворум: 226 депутатов Результат: принято</p>	<p>Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 77 из 83) 92.8%, 77 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 7.2%, 6 гол. Фракция "Единство - Единая Россия" (голосовали 82 из 82) 100%, 82 гол. 0%, 0 гол.</p>

					<p>0%, 0 гол. 0%, гол. Депутатская группа "Народный депутат" (голосовали 53 из 53) 100%, 53 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол. Фракция "Отечество - Единая Россия" (голосовали 48 из 53) 90.6%, 48 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 9.4%, 5 гол. Депутатская группа "Регионы России (Союз независимых депутатов)" (голосовали 46 из 47) 95.8%, 45 гол. 2.1%, 1 гол. 0%, 0 гол. 2.1%, 1 гол. Агропромышленная депутатская группа (голосовали 41 из 43) 95.3%, 41 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 4.7%, 2 гол. Фракция "Союз Правых Сил" (голосовали 27 из 31) 87.1%, 27 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 12.9%, 4 гол. Депутаты, не входящие во фракции (голосовали 10 из 18) 55.6%, 10 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 44.4%, 8 гол. Фракция "ЯБЛОКО" (голосовали 17 из 17) 94.1%, 16 гол. 0%, 0 гол. 5.9%, 1 гол. 0%, гол. Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально-демократической партии России (голосовали 13 из 13) 100%, 13 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол.</p>
10	Федеральный закон «О ратификации Договора между Российской Федерацией и	14.05.2003	3	15:08:00 Результат голосования: принят	Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ

	Соединенными Штатами Америки о сокращении стратегических наступательных потенциалов».			(294 голосов, 65.3%) Общее распределение голосов: За: 294 голосов, 65.3% Против: 134 голосов, 29.8% Воздержалось: 0 голосов, 0% Не голосовало: 22 голосов, 4.9% Кворум: 226 депутатов Результат: принято	ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 83 из 83) 0%, 0 гол. 100%, 83 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол. Фракция "Единство - Единая Россия" (голосовали 81 из 82) 98.8%, 81 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 1.2%, 1 гол. Депутатская группа "Народный депутат" (голосовали 53 из 53) 100%, 53 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол. Фракция "Отечество - Единая Россия" (голосовали 51 из 53) 96.2%, 51 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 3.8%, 2 гол. Депутатская группа "Регионы России (Союз независимых депутатов)" (голосовали 45 из 47) 83%, 39 гол. 12.8%, 6 гол. 0%, 0 гол. 4.2%, 2 гол. Агропромышленная депутатская группа (голосовали 43 из 43) 2.3%, 1 гол. 97.7%, 42 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол. Фракция "Союз Правых Сил" (голосовали 31 из 31) 100%, 31 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол. Депутаты, не входящие во фракции (голосовали 12 из 18) 50%, 9 гол. 16.7%, 3 гол. 0%, 0 гол. 33.3%, 6 гол. Фракция "ЯБЛОКО" (голосовали 17 из 17) 100%, 17 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол.
--	---	--	--	--	---

					Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально-демократической партии России (голосовали 12 из 13) 92.3%, 12 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 7.7%, 1 гол.
--	--	--	--	--	--

Таблица 30. Результаты наиболее показательных голосований в Государственной Думе IV созыва (2004–2007 гг.) по вопросам внешней политики и международных отношений

№	Название	Дата	Созыв	Общий результат	Результат голосования по фракциям
1	Постановление «О заявлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «В связи с расширением НАТО».	31.03.2004	4	Результаты голосования (14 час. 10 мин. 37 сек.) Проголосовало за 305 чел. 67,8% Проголосовало против 41 чел. 9,1% Воздержалось 2 чел. 0,4% Голосовало 348 чел. Не голосовало 102 чел. 22,7% Результат: принято	Фракция Всероссийской политической партии "ЕДИНАЯ РОССИЯ" (голосовали 303 из 305) 99%, 302 гол. 0%, 0 гол. 0.3%, 1 гол. 0.7%, 2 гол. Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (не голосовали) 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 100%, 52 гол. Фракция "Справедливая Россия - "Родина" (народно-патриотический союз)" (голосовали 7 из 38) 0%, 0 гол. 15.8%, 6 гол. 2.6%, 1 гол. 81.6%, 31 гол. Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально-демократической партии России (голосовали 35 из 36) 0%, 0 гол. 97.2%, 35 гол. 0%, 0 гол. 2.8%, 1 гол. Депутаты, не входящие во фракции (голосовали 3 из 15) 20%, 3 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 80%, 12 гол.

2	Федеральный закон «О ратификации Соглашения о формировании Единого экономического пространства».	20.04.2004	4	<p>РЕЗУЛЬТАТЫ ГОЛОСОВАНИЯ (16 час. 58 мин. 50 сек.)</p> <p>Проголосовало за 408 чел.90,7%</p> <p>Проголосовало против 7 чел.1,6%</p> <p>Воздержалось 1 чел.0,2%</p> <p>Голосовало 416 чел.</p> <p>Не голосовало 34 чел.7,6%</p> <p>Результат: принято</p>	<p>Фракция Всероссийской политической партии "ЕДИНАЯ РОССИЯ" (голосовали 305 из 305) 100%, 305 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол.</p> <p>Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 34 из 52) 57.7%, 30 гол. 7.7%, 4 гол. 0%, 0 гол. 34.6%, 18 гол.</p> <p>Фракция "Справедливая Россия - "Родина" (народно-патриотический союз)" (голосовали 30 из 37) 70.3%, 26 гол. 8.1%, 3 гол. 2.7%, 1 гол. 18.9%, 7 гол.</p> <p>Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально-демократической партии России (голосовали 36 из 36) 100%, 36 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол.</p> <p>Депутаты, не входящие во фракции (голосовали 11 из 16) 68.8%, 11 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 31.2%, 5 гол.</p>
3	Федеральный закон «О ратификации Договора об обычных вооруженных силах в Европе».	25.06.2004	4	<p>РЕЗУЛЬТАТЫ ГОЛОСОВАНИЯ (17 час. 02 мин. 26 сек.)</p> <p>Проголосовало за 355 чел.78,9%</p> <p>Проголосовало против 28 чел.6,2%</p> <p>Воздержалось 2 чел.0,4%</p> <p>Голосовало 385 чел.</p> <p>Не голосовало 65 чел.14,4%</p> <p>Результат: принято</p>	<p>Фракция Всероссийской политической партии "ЕДИНАЯ РОССИЯ" (голосовали 294 из 306) 96.1%, 294 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 3.9%, 12 гол.</p> <p>Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 29 из 51) 3.9%, 2 гол. 51%, 26 гол. 2%, 1 гол. 43.1%, 22 гол.</p> <p>Фракция "Справедливая Россия - "Родина" (народно-патриотический союз)" (голосовали 23 из 39)</p>

					<p>53.8%, 21 гол. 2.6%, 1 гол. 2.6%, 1 гол. 41%, 16 гол. Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально- демократической партии России (голосовали 34 из 36) 91.7%, 33 гол. 2.8%, 1 гол. 0%, 0 гол. 5.5%, 2 гол. Депутаты, не входящие во фракции (голосовали 5 из 15) 33.3%, 5 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 66.7%, 10 гол.</p>
4	<p>Постановление «О заявлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «О попытках деструктивного вмешательства извне в развитие ситуации в Украине».</p>	03.12.2004	4	<p>Результаты голосования (10 час. 54 мин. 15 сек.) Проголосовало за 415 чел. 92,2% Проголосовало против 0 чел. 0,0% Воздержалось 8 чел. 1,8% Голосовало 423 чел. Не голосовало 27 чел. 6,0% Результат: принято</p>	<p>Фракция Всероссийской политической партии "ЕДИНАЯ РОССИЯ" (голосовали 304 из 306) 99.3%, 304 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0.7%, 2 гол. Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 44 из 48) 91.7%, 44 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 8.3%, 4 гол. Фракция "Справедливая Россия - "Родина" (народно- патриотический союз)" (голосовали 31 из 39) 74.4%, 29 гол. 0%, 0 гол. 5.1%, 2 гол. 20.5%, 8 гол. Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально- демократической партии России (голосовали 34 из 34) 100%, 34 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол. Депутаты, не входящие во фракции (голосовали 10 из 20) 20%, 4 гол. 0%, 0 гол. 30%, 6 гол. 50%, 10 гол.</p>
5	Федеральный конституционный	21.10.2005	4	РЕЗУЛЬТАТЫ	Фракция Всероссийской

	закон «О внесении изменений в статьи 10 и 11 Федерального конституционного закона «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации».			<p>ГОЛОСОВАНИЯ (11 час. 07 мин. 14 сек.) Проголосовало за 407 чел.90,4% Проголосовало против 0 чел.0,0% Воздержалось 0 чел.0,0% Голосовало 407 чел. Не голосовало 43 чел.9,6% Результат: принято</p>	<p>политической партии "ЕДИНАЯ РОССИЯ" (голосовали 300 из 301) 99.7%, 300 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0.3%, 1 гол. Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 35 из 47) 74.5%, 35 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 25.5%, 12 гол. Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально-демократической партии России (голосовали 34 из 34) 100%, 34 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол. Фракция "Справедливая Россия - "Родина" (народно-патриотический союз)" (голосовали 14 из 33) 42.4%, 14 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 57.6%, 19 гол. Депутаты, не входящие во фракции (голосовали 14 из 19) 73.7%, 14 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 26.3%, 5 гол. Фракция Народно-Патриотический Союз "Родина" (Партия Национального Возрождения "Народная Воля" - Социалистическая единая партия России - "Патриоты России") (голосовали 10 из 10) 100%, 10 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол.</p>
6	Федеральный закон «О ратификации Договора о сотрудничестве в охране внешних границ государств - членов Евразийского экономического сообщества».	23.11.2005	4	<p>РЕЗУЛЬТАТЫ ГОЛОСОВАНИЯ (11 час. 15 мин. 07 сек.) Проголосовало за 409 чел.90,9% Проголосовало против 2 чел.0,4%</p>	<p>Фракция Всероссийской политической партии "ЕДИНАЯ РОССИЯ" (голосовали 292 из 302) 96.4%, 291 гол. 0%, 0 гол. 0.3%, 1 гол. 3.3%, 10 гол. Фракция Политической партии</p>

				<p>Воздержалось 1 чел.0,2% Голосовало 412 чел. Не голосовало 38 чел.8,4% Результат: принято</p>	<p>"КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 43 из 47) 91.5%, 43 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 8.5%, 4 гол. Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально- демократической партии России (голосовали 33 из 34) 97.1%, 33 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 2.9%, 1 гол. Фракция "Справедливая Россия - "Родина" (народно- патриотический союз)" (голосовали 28 из 32) 87.5%, 28 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 12.5%, 4 гол. Депутаты, не входящие во фракции (голосовали 5 из 18) 27.8%, 5 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 72.2%, 13 гол. Фракция Народно- Патриотический Союз "Родина" (Партия Национального Возрождения "Народная Воля" - Социалистическая единая партия России - "Патриоты России") (голосовали 11 из 11) 81.8%, 9 гол. 18.2%, 2 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол.</p>
7	Федеральный закон «О ратификации Соглашения об учреждении Евразийского банка развития».	19.05.2006	4	<p>РЕЗУЛЬТАТЫ ГОЛОСОВАНИЯ (11 час. 08 мин. 35 сек.) Проголосовало за 433 чел.96,2% Проголосовало против 0 чел.0,0% Воздержалось 0 чел.0,0% Голосовало 433 чел. Не голосовало 17 чел.3,8% Результат: принято</p>	<p>Фракция Всероссийской политической партии "ЕДИНАЯ РОССИЯ" (голосовали 309 из 310) 99.7%, 309 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0.3%, 1 гол. Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 46 из 46) 100%, 46 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол.</p>

					<p>Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально-демократической партии России (голосовали 34 из 35) 97.1%, 34 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 2.9%, 1 гол.</p> <p>Фракция "Справедливая Россия - "Родина" (народно-патриотический союз)" (голосовали 20 из 29) 69%, 20 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 31%, 9 гол.</p> <p>Депутаты, не входящие во фракции (голосовали 12 из 16) 75%, 12 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 25%, 4 гол.</p> <p>Фракция Народно-Патриотический Союз "Родина" (Партия Национального Возрождения "Народная Воля" - Социалистическая единая партия России - "Патриоты России") (голосовали 12 из 12) 100%, 12 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол.</p>
8	Постановление «О заявлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об антироссийской и антидемократической политике грузинских властей».	04.10.2006	4	<p>Результаты голосования (17 час. 11 мин. 14 сек.) Проголосовало за 418 чел. 92,9% Проголосовало против 1 чел. 0,2% Воздержалось 1 чел. 0,2% Голосовало 420 чел. Не голосовало 30 чел. 6,7% Результат: принято</p>	<p>Фракция Всероссийской политической партии "ЕДИНАЯ РОССИЯ" (голосовали 305 из 309) 98.7%, 305 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 1.3%, 4 гол.</p> <p>Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 37 из 46) 80.4%, 37 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 19.6%, 9 гол.</p> <p>Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально-демократической партии России (голосовали 34 из 35) 94.3%, 33 гол. 0%, 0 гол. 2.9%, 1 гол.</p>

					<p>2.8%, 1 гол. Фракция "Справедливая Россия - "Родина" (народно-патриотический союз)" (голосовали 29 из 29) 96.6%, 28 гол. 3.4%, 1 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол. Депутаты, не входящие во фракции (голосовали 3 из 17) 17.6%, 3 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 82.4%, 14 гол. Фракция Народно-Патриотический Союз "Родина" (Партия Национального Возрождения "Народная Воля" - Социалистическая единая партия России - "Патриоты России") (голосовали 12 из 12) 100%, 12 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол.</p>
9	Постановление «О заявлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «О последствиях размещения в Европе компонентов глобальной противоракетной обороны США».	05.10.2007	4	<p>Результаты голосования (13 час. 42 мин. 10 сек.) Проголосовало за 376 чел. 83,6% Проголосовало против 0 чел. 0,0% Воздержалось 1 чел. 0,2% Голосовало 377 чел. Не голосовало 73 чел. 16,2% Результат: принято</p>	<p>Фракция Всероссийской политической партии "ЕДИНАЯ РОССИЯ" (голосовали 283 из 301) 94%, 283 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 6%, 18 гол. Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 45 из 47) 95.7%, 45 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 4.3%, 2 гол. Фракция "Справедливая Россия - "Родина" (народно-патриотический союз)" (голосовали 20 из 32) 62.5%, 20 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 37.5%, 12 гол. Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально-демократической партии России (голосовали 6 из 29) 20.7%, 6 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол.</p>

					<p>79.3%, 23 гол. Депутаты, не входящие во фракции (голосовали 13 из 22) 54.6%, 12 гол. 0%, 0 гол. 4.5%, 1 гол. 40.9%, 9 гол. Фракция Народно-Патриотический Союз "Родина" (Партия Национального Возрождения "Народная Воля" - Социалистическая единая партия России - "Патриоты России") (голосовали 10 из 11) 90.9%, 10 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 9.1%, 1 гол.</p>
10	<p>Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» (о продлении до 1 января 2009 года предельного срока, в течение которого в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке на условиях, установленных частью 4 статьи 14 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации», могут быть приняты иностранные граждане и лица без гражданства, имевшие гражданство СССР, прибывшие в Российскую Федерацию из государств, входивших в состав СССР, зарегистрированные по месту жительства в Российской Федерации по состоянию на 1 июля 2002 года либо получившие разрешение на временное проживание или вид на жительство в Российской Федерации).</p>	14.11.2007	4	<p>РЕЗУЛЬТАТЫ ГОЛОСОВАНИЯ (13 час. 49 мин. 59 сек.) Проголосовало за 377 чел.83,8% Проголосовало против 0 чел.0,0% Воздержалось 1 чел.0,2% Голосовало 378 чел. Не голосовало 72 чел.16,0% Результат: принято</p>	<p>Фракция Всероссийской политической партии "ЕДИНАЯ РОССИЯ" (голосовали 297 из 300) 99%, 297 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 1%, 3 гол. Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 47 из 47) 97.9%, 46 гол. 0%, 0 гол. 2.1%, 1 гол. 0%, гол. Фракция "Справедливая Россия - "Родина" (народно-патриотический союз)" (голосовали 13 из 33) 39.4%, 13 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 60.6%, 20 гол. Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально-демократической партии России (не голосовали) 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 100%, 29 гол. Депутаты, не входящие во фракции (голосовали 10 из 21) 47.6%, 10 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 52.4%, 11 гол.</p>

					Фракция Народно-Патриотический Союз "Родина" (Партия Национального Возрождения "Народная Воля" - Социалистическая единая партия России - "Патриоты России") (голосовали 11 из 11) 100%, 11 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол
--	--	--	--	--	--

Таблица 31. Результаты наиболее показательных голосований в Государственной Думе V созыва (2008–2011 гг.) по вопросам внешней политики и международных отношений

№	Название	Дата	Созыв	Общий результат	Результат голосования по фракциям
1	Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства».	02.04.2008	5	РЕЗУЛЬТАТЫ ГОЛОСОВАНИЯ (11 час. 01 мин. 21 сек.) Проголосовало за 379 чел.84,2% Проголосовало против 57 чел.12,7% Воздержалось 1 чел.0,2% Голосовало 437 чел. Не голосовало 13 чел.2,9% Результат: принято	Фракция Всероссийской политической партии "ЕДИНАЯ РОССИЯ" (голосовали 313 из 315) 99.1%, 312 гол. 0%, 0 гол. 0.3%, 1 гол. 0.6%, 2 гол. Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 56 из 57) 0%, 0 гол. 98.2%, 56 гол. 0%, 0 гол. 1.8%, 1 гол. Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально-демократической партии России (голосовали 37 из 40) 92.5%, 37 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 7.5%, 3 гол. Фракция Политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ (голосовали 31 из 38) 79%, 30 гол. 2.6%, 1 гол. 0%, 0 гол. 18.4%, 7 гол.
2	Постановление «Об Обращении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации к	25.08.2008	5	Результаты голосования (14 час. 15 мин. 56 сек.)	Фракция Всероссийской политической партии "ЕДИНАЯ РОССИЯ" (голосовали 312 из 315)

	Президенту Российской Федерации Д. А. Медведеву о необходимости признания независимости Южной Осетии и Абхазии».			<p>Проголосовало за 447 чел. 99,3%</p> <p>Проголосовало против 0 чел. 0,0%</p> <p>Воздержалось 0 чел. 0,0%</p> <p>Голосовало 447 чел.</p> <p>Не голосовало 3 чел. 0,7%</p> <p>Результат: принято</p>	<p>99%, 312 гол.</p> <p>0%, 0 гол.</p> <p>0%, 0 гол.</p> <p>1%, 3 гол.</p> <p>Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 57 из 57) 100%, 57 гол.</p> <p>0%, 0 гол.</p> <p>0%, 0 гол.</p> <p>0%, гол.</p> <p>Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально-демократической партии России (голосовали 40 из 40) 100%, 40 гол.</p> <p>0%, 0 гол.</p> <p>0%, 0 гол.</p> <p>0%, гол.</p> <p>Фракция Политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ (голосовали 38 из 38) 100%, 38 гол.</p> <p>0%, 0 гол.</p> <p>0%, 0 гол.</p> <p>0%, гол.</p>
3	Федеральный закон «О ратификации Договора о создании единой таможенной территории и формировании Таможенного союза».	08.10.2008	5	<p>РЕЗУЛЬТАТЫ ГОЛОСОВАНИЯ (10 час. 55 мин. 28 сек.)</p> <p>Проголосовало за 439 чел.97,6%</p> <p>Проголосовало против 0 чел.0,0%</p> <p>Воздержалось 0 чел.0,0%</p> <p>Голосовало 439 чел.</p> <p>Не голосовало 11 чел.2,4%</p> <p>Результат: принято</p>	<p>Фракция Всероссийской политической партии "ЕДИНАЯ РОССИЯ" (голосовали 311 из 314) 99%, 311 гол.</p> <p>0%, 0 гол.</p> <p>0%, 0 гол.</p> <p>1%, 3 гол.</p> <p>Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 54 из 57) 94.7%, 54 гол.</p> <p>0%, 0 гол.</p> <p>0%, 0 гол.</p> <p>5.3%, 3 гол.</p> <p>Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально-демократической партии России (голосовали 39 из 40) 97.5%, 39 гол.</p> <p>0%, 0 гол.</p> <p>0%, 0 гол.</p> <p>2.5%, 1 гол.</p> <p>Фракция Политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ (голосовали 35 из 38)</p>

					92.1%, 35 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 7.9%, 3 гол.
4	Постановление «О заявлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «О принятии Палатой представителей Парламента Японии поправок к «Закону о специальных мерах по содействию решению проблемы северных территорий».	24.06.2009	5	РЕЗУЛЬТАТЫ ГОЛОСОВАНИЯ (19 час. 04 мин. 16 сек.) Проголосовало за 437 чел.97,1% Проголосовало против 0 чел.0,0% Воздержалось 1 чел.0,2% Голосовало 438 чел. Не голосовало 12 чел.2,7% Результат: принято	Фракция Всероссийской политической партии "ЕДИНАЯ РОССИЯ" (голосовали 314 из 315) 99.7%, 314 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0.3%, 1 гол. Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 56 из 57) 98.2%, 56 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 1.8%, 1 гол. Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально-демократической партии России (голосовали 39 из 40) 97.5%, 39 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 2.5%, 1 гол. Фракция Политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ (голосовали 29 из 38) 73.7%, 28 гол. 0%, 0 гол. 2.6%, 1 гол. 23.7%, 9 гол.
5	Постановление «О заявлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об отношениях Российской Федерации с государствами Латинской Америки и Карибского бассейна».	26.03.2010	5	РЕЗУЛЬТАТЫ ГОЛОСОВАНИЯ (13 час. 28 мин. 45 сек.) Проголосовало за 441 чел.98,0% Проголосовало против 0 чел.0,0% Воздержалось 0 чел.0,0% Голосовало 441 чел. Не голосовало 9 чел.2,0% Результат: принято	Фракция Всероссийской политической партии "ЕДИНАЯ РОССИЯ" (голосовали 311 из 313) 99.4%, 311 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0.6%, 2 гол. Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 56 из 56) 100%, 56 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол. Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально-демократической партии России (голосовали 38 из 40)

					<p>95%, 38 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 5%, 2 гол. Фракция Политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ (голосовали 36 из 38) 94.7%, 36 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 5.3%, 2 гол.</p>
6	Федеральный закон «О ратификации Соглашения между Российской Федерацией и Украиной по вопросам пребывания Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины».	27.04.2010	5	<p>РЕЗУЛЬТАТЫ ГОЛОСОВАНИЯ (12 час. 05 мин. 15 сек.) Проголосовало за 410 чел.91,1% Проголосовало против 0 чел.0,0% Воздержалось 0 чел.0,0% Голосовало 410 чел. Не голосовало 40 чел.8,9% Результат: принято</p>	<p>Фракция Всероссийской политической партии "ЕДИНАЯ РОССИЯ" (голосовали 315 из 315) 100%, 315 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол. Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 57 из 57) 100%, 57 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол. Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально-демократической партии России (не голосовали) 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 100%, 40 гол. Фракция Политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ (голосовали 38 из 38) 100%, 38 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол</p>
7	Федеральный закон «О ратификации Соглашения о Коллективных силах оперативного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности».	08.12.2010	5	<p>РЕЗУЛЬТАТЫ ГОЛОСОВАНИЯ (17 час. 07 мин. 47 сек.) Проголосовало за 448 чел.99,6 % Проголосовало против 0 чел.0,0 % Воздержалось 0 чел.0,0 % Голосовало 448 чел. Не голосовало 2 чел.0,4 %</p>	<p>Фракция Всероссийской политической партии "ЕДИНАЯ РОССИЯ" (голосовали 313 из 315) 99.4%, 313 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0.6%, 2 гол. Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 57 из 57) 100%, 57 гол.</p>

				Результат: принято	0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол. Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально-демократической партии России (голосовали 40 из 40) 100%, 40 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол. Фракция Политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ (голосовали 38 из 38) 100%, 38 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол.
8	Федеральный закон «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений».	25.01.2011	5	РЕЗУЛЬТАТЫ ГОЛОСОВАНИЯ (17 час. 09 мин. 42 сек.) Проголосовало за 350 чел.77,8 % Проголосовало против 96 чел.21,3 % Воздержалось 1 чел.0,2 % Голосовало 447 чел. Не голосовало 3 чел.0,7 % Результат: принято	Фракция Всероссийской политической партии "ЕДИНАЯ РОССИЯ" (голосовали 313 из 315) 99.1%, 312 гол. 0.3%, 1 гол. 0%, 0 гол. 0.6%, 2 гол. Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 56 из 57) 1.8%, 1 гол. 96.5%, 55 гол. 0%, 0 гол. 1.7%, 1 гол. Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально-демократической партии России (голосовали 40 из 40) 0%, 0 гол. 100%, 40 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол. Фракция Политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ (голосовали 38 из 38) 97.4%, 37 гол. 0%, 0 гол. 2.6%, 1 гол. 0%, гол.
9	Постановление «О заявлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «О ситуации в Ливии».	23.03.2011	5	РЕЗУЛЬТАТЫ ГОЛОСОВАНИЯ (16 час. 58 мин. 11 сек.) Проголосовало за 350 чел.77,8 % Проголосовало	Фракция Всероссийской политической партии "ЕДИНАЯ РОССИЯ" (голосовали 312 из 312) 100%, 312 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол.

				<p>против 32 чел. 7,1 % Воздержалось 0 чел. 0,0 % Голосовало 382 чел. Не голосовало 68 чел. 15,1 % Результат: принято</p>	<p>0%, гол. Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 2 из 57) 3.5%, 2 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 96.5%, 55 гол. Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально-демократической партии России (голосовали 32 из 40) 0%, 0 гол. 80%, 32 гол. 0%, 0 гол. 20%, 8 гол. Фракция Политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ (голосовали 36 из 38) 94.7%, 36 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 5.3%, 2 гол.</p>
10	Федеральный закон «О ратификации Договора о функционировании Таможенного союза в рамках многосторонней торговой системы».	04.10.2011	5	<p>Результаты голосования (17 час. 03 мин. 52 сек.) Проголосовало за 400 чел. 88,9 % Проголосовало против 0 чел. 0,0 % Воздержалось 0 чел. 0,0 % Голосовало 400 чел. Не голосовало 50 чел. 11,1 % Результат: принято</p>	<p>Фракция Всероссийской политической партии "ЕДИНАЯ РОССИЯ" (голосовали 310 из 312) 99.4%, 310 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0.6%, 2 гол. Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 56 из 57) 98.2%, 56 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 1.8%, 1 гол. Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально-демократической партии России (не голосовали) 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 100%, 40 гол. Фракция Политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ (голосовали 34 из 38) 89.5%, 34 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол.</p>

					10.5%, 4 гол.
--	--	--	--	--	---------------

Таблица 32. Результаты наиболее показательных голосований в Государственной Думе VI созыва (2012–2016 гг.) по вопросам внешней политики и международных отношений

№	Название	Дата	Созыв	Общий результат	Результат голосования по фракциям
1	Постановление «Об обращении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «К Президенту Российской Федерации В.В.Путину об усилении работы с соотечественниками за рубежом и о расширении гуманитарного влияния России в преддверии создания Евразийского экономического союза».	19.06.2012	6	РЕЗУЛЬТАТЫ ГОЛОСОВАНИЯ (16 час. 59 мин. 14 сек.) Проголосовало за 439 чел.97,6 % Проголосовало против 0 чел.0,0 % Воздержалось 0 чел.0,0 % Голосовало 439 чел. Не голосовало 11 чел.2,4 % Результат: принято	Фракция Всероссийской политической партии "ЕДИНАЯ РОССИЯ" (голосовали 234 из 236) 99.2%, 234 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0.8%, 2 гол. Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 91 из 92) 98.9%, 91 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 1.1%, 1 гол. Фракция Политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ (голосовали 58 из 64) 90.6%, 58 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 9.4%, 6 гол. Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально-демократической партии России (голосовали 56 из 56) 100%, 56 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол.
2	Федеральный закон «О ратификации Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 г.» (по решению Совета Государственной Думы).	10.07.2012	6	Результаты голосования (17 час. 03 мин. 41 сек.) Проголосовало за 238 чел. 52,9 % Проголосовало против 208 чел. 46,2 % Воздержалось 1 чел. 0,2 % Голосовало 447 чел. Не голосовало 3 чел. 0,7 % Результат: принято	Фракция Всероссийской политической партии "ЕДИНАЯ РОССИЯ" (голосовали 236 из 237) 99.2%, 235 гол. 0%, 0 гол. 0.4%, 1 гол. 0.4%, 1 гол. Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 91 из 92) 0%, 0 гол. 98.9%, 91 гол.

					<p>0%, 0 гол. 1.1%, 1 гол. Фракция Политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ (голосовали 64 из 64) 4.7%, 3 гол. 95.3%, 61 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол. Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально-демократической партии России (голосовали 56 из 56) 0%, 0 гол. 100%, 56 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол.</p>
3	Постановление «О заявлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об обострении ситуации вокруг Сирии».	11.09.2013	6	<p>Результаты голосования (17 час. 04 мин. 47 сек.) Проголосовало за 449 чел. 99,8 % Проголосовало против 0 чел. 0,0 % Воздержалось 0 чел. 0,0 % Голосовало 449 чел. Не голосовало 1 чел. 0,2 % Результат: принято</p>	<p>Фракция Всероссийской политической партии "ЕДИНАЯ РОССИЯ" (голосовали 238 из 238) 100%, 238 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол. Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 92 из 92) 100%, 92 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол. Фракция Политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ (голосовали 63 из 64) 98.4%, 63 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 1.6%, 1 гол. Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально-демократической партии России (голосовали 56 из 56) 100%, 56 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол.</p>
4	Постановление «О заявлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «О ситуации на Украине».	10.12.2013	6	<p>РЕЗУЛЬТАТЫ ГОЛОСОВАНИЯ (17 час. 04 мин. 56 сек.) Проголосовало за 444 чел. 98,7 % Проголосовало против 0</p>	<p>Фракция Всероссийской политической партии "ЕДИНАЯ РОССИЯ" (голосовали 238 из 238) 100%, 238 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол.</p>

				<p>чел.0,0 % Воздержалось 0 чел.0,0 % Голосовало 444 чел. Не голосовало 6 чел.1,3 % Результат: принято</p>	<p>Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 91 из 92) 98.9%, 91 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 1.1%, 1 гол. Фракция Политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ (голосовали 60 из 64) 93.7%, 60 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 6.3%, 4 гол. Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально-демократической партии России (голосовали 55 из 56) 98.2%, 55 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 1.8%, 1 гол.</p>
5	<p>Постановление «О заявлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «О ситуации в Республике Крым».</p>	18.03.2014	6	<p>РЕЗУЛЬТАТЫ ГОЛОСОВАНИЯ (10 час. 50 мин. 05 сек.) Проголосовало за 441 чел.98,0 % Проголосовало против 0 чел.0,0 % Воздержалось 1 чел.0,2 % Голосовало 442 чел. Не голосовало 8 чел.1,8 % Результат: принято</p>	<p>Фракция Всероссийской политической партии "ЕДИНАЯ РОССИЯ" (голосовали 237 из 238) 99.6%, 237 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0.4%, 1 гол. Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 90 из 91) 97.8%, 89 гол. 0%, 0 гол. 1.1%, 1 гол. 1.1%, 1 гол. Фракция Политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ (голосовали 59 из 64) 92.2%, 59 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 7.8%, 5 гол. Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально-демократической партии России (голосовали 56 из 56) 100%, 56 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол.</p>

6	Федеральный конституционный закон «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов - Республики Крым и города федерального значения Севастополя».	20.03.2014	6	<p>РЕЗУЛЬТАТЫ ГОЛОСОВАНИЯ (17 час. 23 мин. 35 сек.)</p> <p>Проголосовало за 445 чел.98,9 %</p> <p>Проголосовало против 1 чел.0,2 %</p> <p>Воздержалось 0 чел.0,0 %</p> <p>Голосовало 446 чел.</p> <p>Не голосовало 4 чел.0,9 %</p> <p>Результат: принято</p>	<p>Фракция Всероссийской политической партии "ЕДИНАЯ РОССИЯ" (голосовали 238 из 238) 100%, 238 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол.</p> <p>Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 91 из 91) 100%, 91 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол.</p> <p>Фракция Политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ (голосовали 61 из 64) 93.7%, 60 гол. 1.6%, 1 гол. 0%, 0 гол. 4.7%, 3 гол.</p> <p>Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально-демократической партии России (голосовали 56 из 56) 100%, 56 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол.</p>
7	Федеральный закон «О ратификации Договора о Евразийском экономическом союзе».	26.09.2014	6	<p>РЕЗУЛЬТАТЫ ГОЛОСОВАНИЯ (11 час. 52 мин. 39 сек.)</p> <p>Проголосовало за 441 чел.98,0 %</p> <p>Проголосовало против 0 чел.0,0 %</p> <p>Воздержалось 1 чел.0,2 %</p> <p>Голосовало 442 чел.</p> <p>Не голосовало 8 чел.1,8 %</p> <p>Результат: принято</p>	<p>Фракция Всероссийской политической партии "ЕДИНАЯ РОССИЯ" (голосовали 235 из 235) 99.6%, 234 гол. 0%, 0 гол. 0.4%, 1 гол. 0%, гол.</p> <p>Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 91 из 92) 98.9%, 91 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 1.1%, 1 гол.</p> <p>Фракция Политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ (голосовали 61 из 64) 95.3%, 61 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 4.7%, 3 гол.</p> <p>Фракция Политической</p>

					партии ЛДПР - Либерально-демократической партии России (голосовали 55 из 56) 98.2%, 55 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 1.8%, 1 гол.
8	Федеральный закон «О ратификации Договора о создании Пула условных валютных резервов стран БРИКС».	24.04.2015	6	РЕЗУЛЬТАТЫ ГОЛОСОВАНИЯ (17 час. 42 мин. 09 сек.) Проголосовало за 422 чел.93,8 % Проголосовало против 0 чел.0,0 % Воздержалось 0 чел.0,0 % Голосовало 422 чел. Не голосовало 28 чел.6,2 % Результат: принято	Фракция Всероссийской политической партии "ЕДИНАЯ РОССИЯ" (голосовали 238 из 238) 100%, 238 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол. Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 79 из 91) 86.8%, 79 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 13.2%, 12 гол. Фракция Политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ (голосовали 49 из 64) 76.6%, 49 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 23.4%, 15 гол. Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально-демократической партии России (голосовали 56 из 56) 100%, 56 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол.
9	Федеральный закон «О ратификации Соглашения о сотрудничестве в области организации интегрированного валютного рынка государств - участников Содружества Независимых Государств».	04.12.2015	6	РЕЗУЛЬТАТЫ ГОЛОСОВАНИЯ (17 час. 23 мин. 41 сек.) Проголосовало за 442 чел.98,2 % Проголосовало против 0 чел.0,0 % Воздержалось 0 чел.0,0 % Голосовало 442 чел. Не голосовало 8 чел.1,8 % Результат: принято	Фракция Всероссийской политической партии "ЕДИНАЯ РОССИЯ" (голосовали 236 из 238) 99.2%, 236 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0.8%, 2 гол. Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 90 из 92) 97.8%, 90 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 2.2%, 2 гол. Фракция Политической

					партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ (голосовали 60 из 64) 93.7%, 60 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 6.3%, 4 гол. Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально-демократической партии России (голосовали 56 из 56) 100%, 56 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол.
10	Федеральный закон «О внесении изменений в статью 8 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (в целях установления возможности получения в упрощенном порядке вида на жительство в Российской Федерации иностранными гражданами и лицами без гражданства, прибывшими на территорию Российской Федерации в экстренном массовом порядке, получившими статус беженца или временное убежище и ставшими участниками Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом).	22.04.2016	6	РЕЗУЛЬТАТЫ ГОЛОСОВАНИЯ (17 час. 09 мин. 39 сек.) Проголосовало за 439 чел.97,6 % Проголосовало против 0 чел.0,0 % Воздержалось 0 чел.0,0 % Голосовало 439 чел. Не голосовало 11 чел.2,4 % Результат: принято	Фракция Всероссийской политической партии "ЕДИНАЯ РОССИЯ" (голосовали 237 из 237) 100%, 237 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол. Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 89 из 92) 96.7%, 89 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 3.3%, 3 гол. Фракция Политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ (голосовали 57 из 64) 89.1%, 57 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 10.9%, 7 гол. Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально-демократической партии России (голосовали 56 из 56) 100%, 56 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол.

Таблица 33. Результаты наиболее показательных голосований в Государственной Думе VII созыва (с осени 2016 г.²⁸) по вопросам внешней политики и международных отношений

№	Название	Дата	Созыв	Общий результат	Результат голосования по фракциям
1	Федеральный закон «О ратификации Соглашения между Российской Федерацией и Сирийской Арабской Республикой о размещении авиационной группы Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Сирийской Арабской Республики».	07.10.2016	7	РЕЗУЛЬТАТЫ ГОЛОСОВАНИЯ (16 час. 59 мин. 12 сек.) Проголосовало за 446 чел.99,1 % Проголосовало против 0 чел.0,0 % Воздержалось 0 чел.0,0 % Голосовало 446 чел. Не голосовало 4 чел.0,9 % Результат: принято	Фракция Всероссийской политической партии "ЕДИНАЯ РОССИЯ" (голосовали 341 из 342) 99.7%, 341 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0.3%, 1 гол. Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 41 из 42) 97.6%, 41 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 2.4%, 1 гол. Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально-демократической партии России (голосовали 39 из 39) 100%, 39 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол. Фракция Политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ (голосовали 22 из 23) 95.7%, 22 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 4.3%, 1 гол. Депутаты, не входящие во фракции (голосовали 3 из 4) 75%, 3 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 25%, 1 гол.
2	Федеральный закон «О ратификации Соглашения между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом».	11.11.2016	7	РЕЗУЛЬТАТЫ ГОЛОСОВАНИЯ (11 час. 50 мин. 54 сек.) Проголосовало за 421 чел.93,6 % Проголосовало против 0 чел.0,0 % Воздержалось	Фракция Всероссийской политической партии "ЕДИНАЯ РОССИЯ" (голосовали 325 из 343) 94.8%, 325 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 5.2%, 18 гол. Фракция Политической партии

²⁸ Указаны данные на конец декабря 2019 г.

				<p>0 чел.0,0 % Голосовало 421 чел. Не голосовало 29 чел.6,4 % Результат: принято</p>	<p>"КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 36 из 42) 85.7%, 36 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 14.3%, 6 гол. Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально- демократической партии России (голосовали 39 из 39) 100%, 39 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол. Фракция Политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ (голосовали 19 из 23) 82.6%, 19 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 17.4%, 4 гол. Депутаты, не входящие во фракции (голосовали 2 из 2) 100%, 2 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол.</p>
3	<p>Постановление «Об обращении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «К Парламентской ассамблее Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе в связи с очередными нарушениями фундаментальных прав и свобод человека на Украине».</p>	24.05.2017	7	<p>Результаты голосования (18 час. 17 мин. 24 сек.) Проголосовало за 413 чел. 91,8 % Проголосовало против 0 чел. 0,0 % Воздержалось 2 чел. 0,4 % Голосовало 415 чел. Не голосовало 35 чел. 7,8 % Результат: принято</p>	<p>Фракция Всероссийской политической партии "ЕДИНАЯ РОССИЯ" (голосовали 323 из 343) 93.9%, 322 гол. 0%, 0 гол. 0.3%, 1 гол. 5.8%, 20 гол. Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 38 из 42) 90.5%, 38 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 9.5%, 4 гол. Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально- демократической партии России (голосовали 31 из 38) 79%, 30 гол. 0%, 0 гол. 2.6%, 1 гол. 18.4%, 7 гол. Фракция Политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ</p>

					(голосовали 21 из 23) 91.3%, 21 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 8.7%, 2 гол. Депутаты, не входящие во фракции (голосовали 2 из 2) 100%, 2 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол.
4	Федеральный закон «О ратификации Протокола к Соглашению между Российской Федерацией и Сирийской Арабской Республикой о размещении авиационной группы Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Сирийской Арабской Республики от 26 августа 2015 г.»	14.07.2017	7	РЕЗУЛЬТАТЫ ГОЛОСОВАНИЯ (11 час. 11 мин. 45 сек.) Проголосовало за 397 чел.88,2 % Проголосовало против 0 чел.0,0 % Воздержалось 0 чел.0,0 % Голосовало 397 чел. Не голосовало 53 чел.11,8 % Результат: принято	Фракция Всероссийской политической партии "ЕДИНАЯ РОССИЯ" (голосовали 307 из 341) 90%, 307 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 10%, 34 гол. Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 34 из 42) 81%, 34 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 19%, 8 гол. Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально-демократической партии России (голосовали 34 из 39) 87.2%, 34 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 12.8%, 5 гол. Фракция Политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ (голосовали 20 из 23) 87%, 20 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 13%, 3 гол. Депутаты, не входящие во фракции (голосовали 2 из 2) 100%, 2 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол.
5	Федеральный закон «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств».	22.05.2018	7	РЕЗУЛЬТАТЫ ГОЛОСОВАНИЯ (11 час. 09 мин. 05 сек.) Проголосовало за 416 чел.92,4 % Проголосовало против 0	Фракция Всероссийской политической партии "ЕДИНАЯ РОССИЯ" (голосовали 323 из 338) 95.6%, 323 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 4.4%, 15 гол.

				<p>чел.0,0 % Воздержалось 1 чел.0,2 % Голосовало 417 чел. Не голосовало 33 чел.7,3 % Результат: принято</p>	<p>Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 35 из 42) 83.3%, 35 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 16.7%, 7 гол. Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально-демократической партии России (голосовали 37 из 40) 90%, 36 гол. 0%, 0 гол. 2.5%, 1 гол. 7.5%, 3 гол. Фракция Политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ (голосовали 20 из 23) 87%, 20 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 13%, 3 гол. Депутаты, не входящие во фракции (голосовали 2 из 2) 100%, 2 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол.</p>
6	<p>Федеральный закон «О ратификации Временного соглашения, ведущего к образованию зоны свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Исламской Республикой Иран, с другой стороны».</p>	15.11.2018	7	<p>РЕЗУЛЬТАТЫ ГОЛОСОВАНИЯ (11 час. 23 мин. 27 сек.) Проголосовало за 379 чел.84,2 % Проголосовало против 0 чел.0,0 % Воздержалось 0 чел.0,0 % Голосовало 379 чел. Не голосовало 71 чел.15,8 % Результат: принято</p>	<p>Фракция Всероссийской политической партии "ЕДИНАЯ РОССИЯ" (голосовали 302 из 340) 88.8%, 302 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 11.2%, 38 гол. Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 33 из 43) 76.7%, 33 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 23.3%, 10 гол. Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально-демократической партии России (голосовали 28 из 39) 71.8%, 28 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 28.2%, 11 гол. Фракция Политической</p>

					партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ (голосовали 15 из 23) 65.2%, 15 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 34.8%, 8 гол. Депутаты, не входящие во фракции (голосовали 1 из 2) 50%, 1 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 50%, 1 гол.
7	Постановление «О заявлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «О ситуации вокруг российского участия в Парламентской ассамблее Совета Европы».	17.01.2019	7	РЕЗУЛЬТАТЫ ГОЛОСОВАНИЯ (11 час. 25 мин. 07 сек.) Проголосовало за 413 чел.91,8 % Проголосовало против 0 чел.0,0 % Воздержалось 0 чел.0,0 % Голосовало 413 чел. Не голосовало 37 чел.8,2 % Результат: принято	Фракция Всероссийской политической партии "ЕДИНАЯ РОССИЯ" (голосовали 316 из 340) 92.9%, 316 гол. 0%, 0 гол. 7.1%, 24 гол. Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 43 из 43) 100%, 43 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол. Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально-демократической партии России (голосовали 36 из 39) 92.3%, 36 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 7.7%, 3 гол. Фракция Политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ (голосовали 16 из 23) 69.6%, 16 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 30.4%, 7 гол. Депутаты, не входящие во фракции (голосовали 2 из 2) 100%, 2 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол.
8	Федеральный закон «О внесении изменения в статью 3 Федерального закона «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные	18.04.2019	7	РЕЗУЛЬТАТЫ ГОЛОСОВАНИЯ (11 час. 27 мин. 29 сек.) Проголосовало за 386 чел.85,8 %	Фракция Всероссийской политической партии "ЕДИНАЯ РОССИЯ" (голосовали 304 из 339) 89.4%, 303 гол. 0%, 0 гол.

	денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами» (в части регулирования порядка отчуждения иностранных финансовых инструментов).			Проголосовало против 0 чел.0,0 % Воздержалось 1 чел.0,2 % Голосовало 387 чел. Не голосовало 63 чел.14,0 % Результат: принято	0.3%, 1 гол. 10.3%, 35 гол. Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 34 из 43) 79.1%, 34 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 20.9%, 9 гол. Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально-демократической партии России (голосовали 28 из 39) 71.8%, 28 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 28.2%, 11 гол. Фракция Политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ (голосовали 20 из 23) 87%, 20 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 13%, 3 гол. Депутаты, не входящие во фракции (голосовали 1 из 2) 50%, 1 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 50%, 1 гол.
9	Федеральный закон «О приостановлении Российской Федерацией действия Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности».	18.06.2019	7	РЕЗУЛЬТАТЫ ГОЛОСОВАНИЯ (12 час. 49 мин. 34 сек.) Проголосовало за 417 чел.92,7 % Проголосовало против 0 чел.0,0 % Воздержалось 1 чел.0,2 % Голосовало 418 чел. Не голосовало 32 чел.7,1 % Результат: принято	Фракция Всероссийской политической партии "ЕДИНАЯ РОССИЯ" (голосовали 319 из 339) 93.8%, 318 гол. 0%, 0 гол. 0.3%, 1 гол. 5.9%, 20 гол. Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 39 из 43) 90.7%, 39 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 9.3%, 4 гол. Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально-демократической партии России (голосовали 38 из 39) 97.4%, 38 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол.

					<p>2.6%, 1 гол. Фракция Политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ (голосовали 20 из 23) 87%, 20 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 13%, 3 гол. Депутаты, не входящие во фракции (голосовали 2 из 2) 100%, 2 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 0%, гол.</p>
10	<p>Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» в части упрощения порядка предоставления некоторым категориям иностранных граждан и лиц без гражданства разрешения на временное проживание и вида на жительство».</p>	23.07.2019	7	<p>РЕЗУЛЬТАТЫ ГОЛОСОВАНИЯ (12 час. 43 мин. 51 сек.) Проголосовало за 391 чел.86,9 % Проголосовало против 18 чел.4,0 % Воздержалось 1 чел.0,2 % Голосовало 410 чел. Не голосовало 40 чел.8,9 % Результат: принято</p>	<p>Фракция Всероссийской политической партии "ЕДИНАЯ РОССИЯ" (голосовали 324 из 338) 95.9%, 324 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 4.1%, 14 гол. Фракция Политической партии "КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (голосовали 33 из 43) 74.4%, 32 гол. 0%, 0 гол. 2.3%, 1 гол. 23.3%, 10 гол. Фракция Политической партии ЛДПР - Либерально-демократической партии России (голосовали 34 из 39) 87.2%, 34 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 12.8%, 5 гол. Фракция Политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ (голосовали 18 из 23) 0%, 0 гол. 78.3%, 18 гол. 0%, 0 гол. 21.7%, 5 гол. Депутаты, не входящие во фракции (голосовали 1 из 2) 50%, 1 гол. 0%, 0 гол. 0%, 0 гол. 50%, 1 гол.</p>